М.М.
ПРИШВИН

8

Михаил Пришвин

М. М. ПРИШВИН

Собрание сочинений

М. М. ПРИШВИН

Собрание сочинений

В ВОСЬМИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

М. М. ПРИШВИН

Собрание сочинений

ТОМ ВОСЬМОЙ

ДНЕВНИКИ

1905—1954

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

Р2
П77

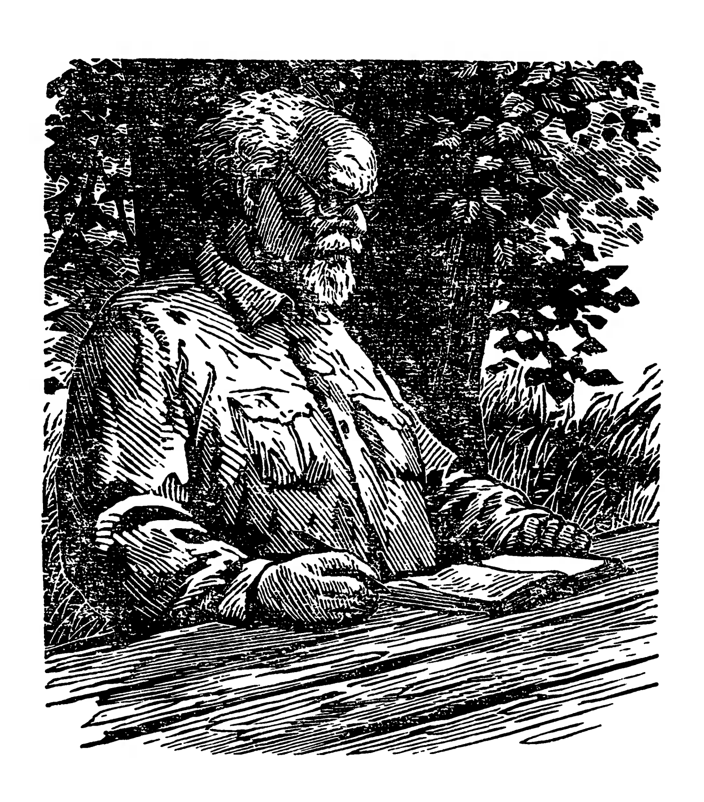
Составление, подготовка текста и комментарии
Т. Н. Бедняковой, Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой

Оформление художника
А. В. Лепятского

Иллюстрации художника
Ф. В. Домогацкого

П $\frac{4702010200-158}{028(01)-86}$ подписное

ДНЕВНИКИ

1905—1917

1906 [1]. [*Петербург.*]

28 мая. Сегодня на пристани у Летнего сада все, ожидая парохода, обратили внимание на странного матроса. Он ходил взад и вперед так, как ходят моряки по палубе во время качки, а когда подходил к краю, то останавливался и напряженно всматривался вдоль Невы. Иногда он нервно вздрагивал и словно искал, ждал чего-то вдали. Его о чем-то спросили. Он быстро остановился, видимо, понял вопрос, но сделал руками такие жесты, как делают немые. Тогда все уже смотрели с удивлением на странного немого матроса. Ему дали кусок бумаги и карандаш. И вот что он быстро написал: «С крейсера «Баян», паралич, Иван Новиков — обо мне в газетах писали». Он по-прежнему начал по-морскому ходить, нервно вздрагивать и всматриваться в даль вдоль Невы. Кто-то сказал:

— А, верно, я помню, о нем писали.

Высокий пожилой рабочий с сухим темным лицом и тусклыми малоподвижными глазами подошел к нам и громко сказал, указывая на матроса:

— Немного, немного осталось ждать, отплатим мы им!..

— Ну, брат, они уже теперь по заграницам разъехались, не достать,— сказали мы.

И вдруг рабочий нагнулся и прошептал таинственно и убежденно:

— Вы не знаете... И там тоже пролетариат... теперь все соединились... теперь конец, теперь никуда не укрыться, голубчики...

— Это так,— сказал я,— будущее за рабочим классом, но ведь нельзя же думать, что мы сразу теперь достигнем всего...

— А отчего же нет, ведь это там они шли сначала через буржуа и все там такое, а у нас нет, а прямо, и к нам все пристанут.

Он говорил это пророческим тоном, глубоко убежденный. Мы сели на пароход. Он достал газету с какими-то стихами и просил меня прочесть вслух. Стихи были обыкновенные, газетные, с множеством слов о страданиях рабочих. Я стал читать. Меня сразу обступила толпа рабочих, и каждое слово ловилось на лету, все жили моментом, ловили слова, теснились ближе.

Заговорили о земле.

— Вот если бы хоть клочок земли, стал бы разве я вести ужасную жизнь. Эх, хорош у меня мальчонка! — И рабочий вытащил из кармана фотографии мальчика.— Это студент у меня будет, он впереди меня идет, газеты нам и все читает, а ведь только 12 лет. Вот бы землицы клочок, сейчас бы бросил все, ушел. Ну, скажите, кто им позволил землей завладеть. Земля божья!

Я сказал, что если говорить о боге, то и Горемыкин [2] скажет, что частная собственность освящена богом. И сразу десятки голосов заговорили: собственность на земле освящена богом! Да где же это сказано, когда бог это говорил. Нет, бог никогда этого не говорил и нигде об этом не писано.

Они говорили так убежденно, что не оставалось никаких сомнений в их глубокой вере в бога. Это были люди убежденные, чистые, без тени сомнения.

А я им сказал:

— Но, может быть, бога-то и нет совсем и нет на земле правды и никогда ее не будет...

Но мои слова приняли как не имеющие значения и, помолчав немного, продолжали:

— Никогда не говорил об этом так бог, бог никогда не говорил.

13 сентября. Припоминаю такую встречу, вскоре после описанного случая 28 мая. На пароходе в воскресенье... Пьяный смешной добродушный мужичок из самых серых стоит и издает пьяные восклицания. Иногда ему удается

сказать что-то смешное. Все от нечего делать смотрят на него и смеются. Больше всего смешило то, что пароход качался — было сильное волнение на Неве — и мужичок постоянно терял равновесие. Раз он так махнул рукой, теряя равновесие, и задел пожилого, очень прилично одетого господина с седеющей бородкой, похожего лицом на крупного образованного фабриканта. Едва только мужичок коснулся его, вдруг он вскочил и стал перед ним, словно хотел вступить с ним в бой. Всем это показалось смешно. Господин, подбоченившись, смотрел на мужика. Мужик недоумевал и тоже молча глядел на барина. Все хохотали. И они все стояли и стояли друг перед другом...

Вдруг господин вытянул вперед челюсть, все лицо его покраснело, жилы на шее надулись, глаза налились кровью...

И он дико захохотал...

А толпа, безумно хохотавшая перед этим, сразу смолкла, и так, что сразу стали слышны всплески волн и ход винта в машине...

А мужик, как только захохотал господин, вышел из своего оцепенелого состояния и тоже захохотал: он подумал, что барин так же пьян, как и он.

Барин закричал пронзительно:

— По волнам, ха, ха, по волнам, ха, ха, ха...

И мужик смело подошел к нему:

— Забавник ты.

— По волнам, ха, ха...

Безумный схватил пьяного и стал с ним разгуливаться... Пьяный был очень доволен. И, повернувшись к толпе, безумный закричал:

— Это ведь он, голубчик... Сергей Юльич...[3] вот он меня с чем оставил.— И показал медный пятак.

А пьяный вынул из кармана серебряный рубль и, смеясь, стал показывать рубль.

— А... у меня рупь... рупь... а у тебя пятак.— Пьяный и безумный стояли перед тихой испуганной толпой и, подняв руки вверх, показывали рубль и пятак.— Выпьем... пойдем со мной... угощу,— говорил пьяный.

Безумный начал бормотать громко, бурливо что-то никому не понятное. А пьяный один только понимал и тоже бормотал ему свое... Никто их не понимал... А они стояли и словно старые знакомые весело и остроумно болтали. Вдруг барин остановился, вгляделся в один из дворцов, притих, съежился, пригнулся к земле и в невыразимом ужасе закричал:

— Кр-р-р-о-в-ь!

А пьяный странно посмотрел на товарища и, кажется, понял:

— Ну уж, брат, это не того... ну тебя [4].

1905.

Что было бы, если бы я сошелся с той женщиной [5]. Непременное несчастье: разрыв, ряд глупостей. Но если бы (то было бы чудо) мы устроились... да нет, мы бы не устроились.

Я люблю тень той женщины и не знаю, мог бы узнать на улице или нет. Я по привычке всегда ищу ее глазами в петербургской толпе, но никогда не нахожу. В последнее время я раза два встречал на Невском женщину в черном, очень похожую на нее, необыкновенно похожую, но, кажется, чуть-чуть выше. Впрочем, я мог бы ее найти и очень просто. Но я этого не делаю. Для чего? Это значит не признавать настоящего, а мне подчас кажется, что я свой minimum спокойствия, похожего на частицу счастья, сковал с громадной энергией и мужеством; так я думаю иногда, но иногда считаю эти мысли самообманом, иллюзией, без которой не могу жить.

Теперь мне 32 года, но я решительно ничего не имею. Время от времени меня влекут мечты, но они проходят, а пустое место заполняется снова. Но она мне сама говорила, что не стоит меня, она была искренна со мной так, как ни с кем. Я читал ее дневники, заветные, никому не открытые думы. Я ее знаю больше, чем они...

Через год после нашей встречи в Париже я сошелся с крестьянкой, она убежала от мужа с годовым ребенком Яшей [6]. Мы сошлись сначала просто. Потом мне начала нравиться простота ее души, ее привязанность. Мне казалось, что ребенок облагораживал наш союз, что союз можно превратить в семью, и подчас пронизывало счастливое режущее чувство чего-то святого в личном совершенствовании с такой женой. Я научил ее читать, немного писать, устроил в профессиональной школе, так как не ручался за себя. Она выучилась, но продолжала жить со мной, у нас был ребенок и умер. Теперь скоро будет другой. Яша вырос, стал хорошим мальчуганом, я его люблю. Я привык к этой женщине. Она стала моей женой. Но, кажется, я никогда не отделаюсь от двойственного чувства к ней: мне кажется, что все это не то, и одной частью своей души не признаю ее тем, что мне нужно, но другой стороной люблю.

Четыре года тому назад в начале апреля 1902 года в Париже у А. И. Каль[7] меня познакомили с молодой девушкой В. П. И. Она очень ласково со мной заговорила о чем-то, но нас сейчас же позвали обедать вниз. Мы побежали быстро с ней по лестнице и веселые, смеясь, сели рядом. За столом было много пансионеров, и мы могли, не стесняясь, тихо болтать по-русски. Среди французов, сухих и, кажется, очень буржуазных, так было интимно приятно чувствовать себя русским. На столе, кажется, стояли какие-то красные цветы. Я потихоньку оторвал большой красный лепесток и положил ей его на колени. Ей, кажется, это понравилось, она мило улыбалась. Несколько дней спустя я был в театре с нею в одной ложе. В антракте мы с ней о чем-то говорили. Между прочим, она сказала, что не могла бы жить в России в деревне. Я удивился: а наша литература, а наши мужики, неужели это не может примирить с деревней. Кажется, я сказал тепло, хорошо, она ласково на меня посмотрела и молчанием сказала, что согласна. Я ее провожал на Rue d'Assise. Она меня просила показать ей Jardin des Plantes завтра. Мы условились встретиться в Люксембургском саду у статуи. В парке все зеленело, апрельское солнце грело, дама кормила птиц крошками хлеба. Я внимательно смотрел на даму и птиц. В. П. подошла ко мне розовая, с розовым бантом, маленькая. Мы пошли. В саду я философствовал, что-то говорил о Канте и объяснял естественноисторические коллекции. Было приятно вместе. Мы встречались еще несколько раз. Однажды, я помню, мы ехали в конке. Пришел громадный рабочий в синих широких штанах. Он был усталый, потный. Дамы вынули платки и, зажав носы, вышли на площадку. В. П. тоже вышла. Когда ушел рабочий, В. П. вернулась. Я сказал ей, что она поступила нехорошо, что я так не сделал бы, но я демократ и не пример, но если бы я был аристократом, то еще более не смог бы себе позволить так оскорблять рабочего. Она на меня внимательно посмотрела. Потом сильно покраснела и, смущенная, удивленная, сказала: я не думала, что вы такой глубокий. В этот момент она мной увлеклась, а я ее безумно полюбил. Я ее так полюбил, навсегда, что потом, не видя ее, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно, и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что я за себя не ручаюсь.

Через несколько встреч после случая в конке у нас вышло какое-то недоразумение. Кажется, она нашла что-то

обидное в моей записке к ней. В результате оказалось необходимым для нее и для меня объясниться. Мы встретились в день отъезда А. И. К[аль] * в Лейпциге. Кто-то принес А. И. громадный букет роз на прощанье, и я увидел ее с этими розами с удивительно милым ласковым лицом. Мы молчали, дожидаясь отъезда А. И. Но без слов так много говорилось, ожидалось. Я чувствовал, что скажу все, что я должен сказать, что здесь в Париже на свободе и нужно быть свободным. И настоятельность и значение признания росли с каждой минутой. Поезд тронулся, мы остались одни. На площадке омнибуса мы молча стояли и не решались говорить. Между нами был большой букет роз, но они не пахли. «Не пахнут розы»... «Ну говорите же»,— сказала она... И я ей все сказал, бессвязный бред о любви, просил ее руки. Она была в нерешительности. Мы сошли с конки, был сильный дождь. Я все время без перерыву ей говорил, клялся, что люблю. Она молчала. Когда пришли к воротам, она меня расцеловала неожиданно, быстро. «До завтра,— сказала она.— У статуи. При всякой погоде».

Утром она пришла ко мне на квартиру и дала письмо; там было написано: я вас не люблю... Но ее лицо говорило другое, она чуть не плакала. Мы пошли в ботанический сад ⟨...⟩ Простились в Люксембургском саду, я плакал, она меня целовала. Я в тот же день уехал в Лейпциг и поселился на старой квартире. Через день А. И. приносит письмо из Парижа, которое оканчивалось: судите меня... Я с экспрессом в Париж. Мы снова у статуи, молчим или говорим пустяки, ходим в Люксембургском музее под руку в толпе, среди прекрасных мраморных фигур. Пароход на Сене. Большой зеленый луг, парк, кажется, Булонский лес. Мы высаживаемся на луг, идем под руку, она говорит: и так вот будем всю жизнь идти вместе... Дальше пока еще тяжело писать. Я пропускаю... Мы расстались почему-то на кладбище: сидя в густой зелени, на могильной плите, мы без конца целовались. Я помню, нас немного смутили две старые набожные женщины в черном.

Мы писали, но потом перестали. Через три года я получил от нее письмо, она назначила мне свидание. Я по ошибке пришел на другой день после назначенного, опоздал, и она уехала в Париж. Мне сказали, что она была невестой берлинского профессора, любила его, но перед

---

* Здесь и далее в квадратных скобках даются развернуто: некоторые сокращения, а также необходимые редакционные вставки.

свадьбой отказала. Вот в это время я и получил от нее письмо. Ее близкие знакомые хотят уверить меня, что она меня не стоит, что она не может любить, ее не хвалят, называют сухой, кокеткой.

1907—1908—1909. Хрущево.

Что для чего существует: сознание для жизни или жизнь для сознания?.. Все христиане говорят о вечной жизни сознания, но не о «жизни»... И, быть может, то, что мы называем «жизнь»,— нет... Что-то должно умереть, что-то должно родиться... [8]

24—25 марта. Лебедянь. День размылся. Все плывет, расползается. Посты в Лебедяни: интеллигенция ест мясо, но пить бросает — из гигиенических целей. Звон. Раскачивают колокола. Мужик в тифу поехал из больницы, боясь разлива реки. Боязнь разлива. Значение разлива. Любовь русского человека смотреть на ледоход. Весна без исхода: так все расползается.

27 апреля. День свежий, но светлый и звонкий. Ветки берез не колышутся. Крапчатые зеленые бабочки сидят на тонких ветвях.

Огородники с бабами свеклу сажают. Мороз был. Большой мороз, сырая земля от мороза. Зарею был. Мороз теперь всегда по зорям бывает. На земле лежит, а наверх на ветки не смеет подняться. Потому: хорошо, если прикрыли розы. А почкам ничего. Так бывает мороз до Ивана Богослова. А впрочем, и в петровки случается, случается и огурцы побьет.

Я забыл помянуть: какая бывает весной ночь перед морозом. Вышел вчера на балкон, и вот звезды... Глянул и заблудился там, на небе... Холодно... А я не могу оторваться... Что-то они значат... Что-то такое в них есть... Это великая семья не просто так... И только тут, в деревне, бывают вечера, когда одни звезды хозяева... В городе каменные углы на домах... А тут это ночное поле одно... Все остальное чуть виднеется... [9]

28 апреля. Суета и говор с 5 ч. утра. Над. Алекс.[10] ночевала и уезжает. Я люблю полежать, говорит она, и это в крови, моя матушка любила полежать. Все в крови... Встает... но говорит... Стакан с чаем остывает, она все уезжает... Рассказывает, как она пригласила к себе революционерку, голодную, из жалости: я буду кормить вас... а вы немного почитайте с моей дочерью... нельзя же, по вашим убеждениям, так есть хлеб, так почитайте... А она все время

слушала и молчала и так смотрела на меня... Она, вероятно, глупая... Ведь хлеб-то все-таки мой... Мой же хлеб... Я говорю ей: вы у меня кушайте, живите, но только, конечно, не поджигайте, крестьян тоже не собирайте... Все сидит в углу и молчит, дуется...

Ведем серьезный разговор, и вдруг маркиза [11] перебивает: — Вы, Н. А., посеяли... — Посеяли... — И картошки посадили? — Нет, да у нас чуть, чуть... — Помолчали... — А вы слышали, обсерватория предсказывает, что все померзнет...

Смотрю на маркизу по возвращении из города. Какая она большая и как наполняет собою сад... и все... Сколько она значит... Сад без маркизы ничего не значит... [12]

Вечер... Иду по валу к лесу... к тому месту... Становлюсь там... Солнце садится... Между холмами внизу тишина... Каждое дерево хранит тишину... березки растут группами... Всегда на закате тишина. Жнивье красное... Все ожидает: что это значит... Мир становится тайной... птицы молчат...

Если мир есть тайна... Если принять эту тайну, то нужно о ней молчать... Нужно решиться никому никогда не сказать о ней. Принять в себя и жить по ней, но молчать...

Солнце скрывается за холмом... Лес темнеет... Я поднимаюсь выше... Опять солнце садится... Я еще выше поднимаюсь, оно садится... все садится... Широкая тополевая аллея, она, пожалуй, по замыслу должна бы быть лучше нашей... Но нет... И весь Ростовцев [13] сад нет... И совещались со святыми, и поливали водопроводом, и вырос сад, но все-таки жить в нем не хочется...

Я поднимаюсь все выше и выше и, наконец, вступаю в аллею... прохожу по террасе, оглядываюсь назад... Солнце село... Я пропускаю немного и возвращаюсь... И вот начинается таинственный вечер... Сеть черных стволов на красном. Соловьи запели. Решено: мир принят как тайна... И я ступаю еле слышно... я боюсь нарушить тайну... И все сильнее и сильнее поют соловьи... Таинственный мир принят... Сажусь на лавочку, и такие мягкие волны идут от меня... Вечерняя птица Сарыч порхает от черного дерева к черному дереву... И припадает к земле... Опять вспорхнет... И пропадет на суку... И так долго, долго гаснет заря... И потом в комнате... видно, как все темнеет и темнеет сад снизу... Как снизу поднимаются тени... И еще долго горит огонь зари... и все у́же и у́же. И совсем темно...

В этот вечер размеряли для новой аллеи... клубнику прочищали, отрезали старые усы, лук сажали...

Огонек горит в бане... Иду. Рассказываю про Лебедянь. Тяпкина гора. Был разбойник Тяпка. Поймал монах. А монах — поп. Монастырь устроил и спасся. Разные мелкие города: Лебедянь, Ливны, Козлов, Задонск, Липецк... Раньше обозы какие... не объехать... Жуть! Через железную дорогу все перевелось и через господ.

29 апреля. Заря была теплая... Серо... Будет дождь или нет. Глеб ведет подкованную кобылу. Как? Бог ее знает... Оно как будто замолаживается, а может, разгуляется, тепло... Горлинка воркует... Нет, вероятно, дождя не будет... Серое теплое утро, медленно проясняется... Теней нет от деревьев... Марева нет... На горизонте ясно. Шматом висит край далеко пролившегося облака. На той стороне и здесь — везде пашут под картофель, везде исчезают квадратики жнивья. Сизоворонка, синяя птица, метнулась на зеленом. Я спустился в долину. Зеленые склоны обнимают. Эхо кукушки... Я внизу, а она там... Верба в желтых пупышках, будто маленькие цыплята желтые вывелись. Встречаются два прохожих... мужчина и женщина. Хороши они между зелеными склонами. Поднимаются на Стаховичев [14] бок... Возле акации упрятался мужик и пашет и боронит склон... Один... Жалуется: земля дорога, сдают 16 руб. + навоз и проч. все обходится 23 руб. Мы с ней сумежные... вот и захватили... дорого... нечем жить. Что ц[арь] думает?.. Чужедум... Баба Яриловна... Хорош закон? Хорош... Недоразумение: не закон 9 ноября [15], а «ораторы»... очень мне нравятся их резолюции... Ноги плохи... голова есть... чернь плоха... А крестьяне... другие теперь... Теперь на сходе примутся ругать ц[аря], и ничего... Ужатие не такое, совсем другое ужатие.

Сторожка ему кое-какая осталась... Барыня побольше земли дает, вот они и держатся... Говорят с печки: ах вы озорники, не царя, а бога трогаете... До ц[аря] добрались, теперь за бога? Нет, зачем же господа трогать... Но теперь народ понимает, «проглянул»: это все было старое для ужатия... Теперь опять зажали? Так что: долго ли, коротко ли — лопнет! Хутора неподходящие: корову, лошадь можно, а скотину некуда. Фокус резолюции... Зачем у Стаховичей 30 имений, когда семья небольшая... Чтобы земля общая... Вера в оратора... [16]

30 апреля. Такой чудесный вечер... ходил и на конец аллеи, и на вал... Соловьи поют... На березах зеленые птички. Но тут такая глубокая тина... Хорошо только слушать треск лягушек. Вечером на балконе какие извечные трели все выше и выше... и на самой высоте... на секунду смолкает

и снова: рю-рю-рю... Черный памятник где-то снизу в темной долине, и вечно горит негасимая лампада, и вечно: рю-рю-рю... Соловей сказал было... но на полуслове смолк. Вот эти повыше. А те пониже. Это в Ростовцевом... Нет, это только так кажется, они в нашем... Любители ценят трели лягушек выше соловьиных... А мне кажется *(2 нрзб.)* таких лягушек только в нашем пруду. И тянет неудержимо слушать... И страшно отдаться: покой мировой...

Экзамен был вчера в школе... За столом Ив. Мих., о. Афанасий...[17] Способный мальчик (эти не выдадут!)... будущий революционер... чем другим он может быть? Он загорается мозгом от вопросов, и бесконечна глубина и сила его ответов... он ввязывается, как на борьбе... любопытно глядит и загорается, любопытно-весело глядит и вспыхивает. И потом девочка, глаза черные... кто они будут здесь... революционер мужик и горничная-проститутка?.. Но есть их какие-то знаки на небе... И вспоминается звездная ночь... Этой ночью должны вспомниться эти загорающиеся глазки... Этой ночью можно поверить, что на земле живут небесные знаки...

Пустился по зеленым холмам. Жаркий день... Сколько фиалок! Все принялось зеленеть... Бежал и думал о том, что нужно ценить себя... нужно знать свою огромную *(1 нрзб.)* ценность... этого они не знают. И еще думал о Гоголе, о его богоискательстве... о том: нельзя ли все, что я видел и пережил, унести дальше нашей родины... ведь где-то есть общая родина, и наша родина есть только часть той... И еще: нужно, быть может, действенно устремляться в другой плоскости, чем та, в которой лежит тайна.

На высокой липе поселился грач... Весь день видно, его *(1 нрзб.)* черный хвост... Иногда прилетает сам хозяин, кормит ее... И он опять улетает куда-то... И так это там высоко наверху... хорошо... прилетает и улетает. И так это просто, красиво, там над землей.

Березка пылит. Мошкара рассаду ест. Перестанет, когда по третьему листу будет. Ходим с М. Егор.[18] по саду, вырезаем «волчки». Жалуется на «Айяксов»...[19] Работники только бы нажраться да лодырничать.— Все такие работники? — Все...— Не может же каждый человек хозяином быть?..— Кто может, это от себя... Я с двумя двугривенными начал, штаны рваные, рубашка. Пришел в Лебедянь за 60 верст, взял в долг свечей и стал мужикам продавать... Я через покойницу стал хозяином... Покойница

говорила: ну, ничего *(2 нрзб.)*, продадим... И эта хорошая жена... Бабочками я очень доволен [20].

Мужик теперь весь пропитан, азиатом глядит... Вот, вот лопнет все. Бог остарел, на печке лежит... Мужик теперь весь напитался.

Горлинка на ясени. Сходил по валу к лесу. Опять солнце садится... И чудится мне душа усложненная, далекая, которая живет на высоких ярусах и подходит сюда... И как тогда все это покажется?.. Земля обетованная... И вот этот мужик, который там пашет, и все это... В кустах: две горлинки гулькнули возле вишняка и вспорхнули... и такой нежностью благородной... сели на ясень... две... ближе подлетели... облако большое свободное, налитое белое подошло к ним... они стали под крыльями чесать... загнет голову под крыло и ущипнет... и еще... и так часами и все облако... и черемуха зеленая... и так они уснут на ясени...

Прогулка в лес: когда-то я написал в своей книжке от души «на границе природы и человека нужно искать бога». И вот теперь даже об этой, кажется, искренней фразе не могу сказать: подлинная ли она. Вообще, если говорить о самом боге, то никогда нельзя знать, о нем ли говоришь... Чтобы сказать о боге, нужно... очень многое... бога нужно прятать как можно глубже...[21]

Мих. Егор. режет волчки и говорит о мужике: жрет он картошку, носит он лапти — зверь зверем.

— Нужно школы устроить, университеты и способных учить, а неспособных гнать вон, а то еще его прадед был генералом и отец генералом и сын идет, а он ружья в руках не держал...

У мамы нет «мужик» вообще, но мужик индивидуален (к маркизе) [22].

Земная жизнь сама по себе есть любовь и убийство, а стремление человеческого сознания — устранить убийство и оставить одну любовь.

2 мая. Встал до восхода солнца... и встретил солнце вместе с птицами. Удод. Верхушки лип. Опять навязывается мне сравнение с обедней, с великим торжеством. В момент появления солнца вдруг стало холодно и, главное, трава влажная глянула по-своему...

3 мая. Утро 3 часа. Черный сад... Чуть светлеет, но еще кружатся над террасой летучие мыши, еще ухает сова... Соловьи запевают. Перепел кричит. Кукушка проснулась и смолкла. Горлинка проснулась и смолкла...

Я — частица мирового космоса... Я ее чувствую, я ее наблюдаю, как с метеорологической станции...

Эту частицу, которая сшита со всеми другими *(1 нрзб.)* существами, я изучаю. Швы болят еще... Это еще мешает наблюдать... Но настанет время, когда все будет чистое сознание...

Не скоро это...

Какое широкое море! Что, если оно взволнуется или стихнет совсем. Что, если парус повиснет... Если взволнуется — жизнь моя три дня...

Весна — болезнь... Я чувствую только боль, я не чувствую ни малейшей радости...

Но меня охватывают радостные волны предтечи сознания. Предчувствие того дня, когда я наконец пойму то, что было, когда мое сознание сольется со всем миром...

Ведь майская заря для всех... Ведь эти соловьи звучат на весь мир. Недаром же этот хор в саду напоминает мне церковь.

8 утра. Сад черный, но кое-где уже сели на яблони зеленые птички, протянулись от липы к липе зеленые ожерелья, старый ильм одевается, под березами сень... На валу ивы цветут и пахнет теми дудочками, которые мы делали в детстве из коры ив. Всюду светлые изумруды...

В груди неопределенное сладко-больное волнение... Высочайшие надежды поминутно сменяются черными ожогами.

Правда, есть что-то похожее во мне с наблюдателем на метеорологической станции...

Кулачные бои... Существуют до сих пор в родных местах. Идут стена на стену, деревнями. Начинают маленькие мальчики... Бывает, мальчик крепкий, как каган,— целую стену переваляет. Под конец старики бьются... Задорно... Терпеть нельзя. Это не от злобы. Это спорт. Потом везут человек 15 в Красный Крест.

— Я думаю,— говорит мама,— это давно прошло, это в детстве было...

Ты думала, мир все к лучшему меняется, а он все такой же...

Утром во время обедни на ярмарке... Прошу снисхождения у читателя за форму моего рассказа. В нем нет выдумки, нет умышленных положений и западней для того, чтобы поймать читателя. Я раскрываю душу поэта, как могу, как удалось мне самому проникнуть в нее. У меня нет вымысла, я изображаю подлинную жизнь, русскую повседневную... но я уношу ее в вечно далекие пространства [истинной жизни] ⟨...⟩

Итак, назад: утро во время обедни на ярмарке.

2 мая. Несколько палаток из Ельца... В одной знакомые лица: Захар. Еще одно знакомое лицо... Мужики левшинские... Ясные сапоги... Пиджак... Зеленые платья и кофты. Две шляпки... Восковая красавица. Картузы пожилых, из-под них горбатый нос, насмешливо-угрюмые глаза с выражением: глянет — и борозда, глянет, будто пашет черное поле... глянет — и борозда.

Как все переменилось!

Как все переделались... Все на господ переделались. Приехал бы кто, так и не узнал бы: скажет, другой народ!

— Здравствуй, Стефан!

— Я не Стефан. Стефан помер, я молодой...

Приезжает зять Самойлин на четверке с серебряной сбруей... Мужик этот появляется раз в год, у него много лошадей (извоз), направо и налево кланяется... Появляется дедок [23] в дипломате.

— Перепела кричат везде, и у нас за гумном есть хорошенькие... На хуторе две уточки живут...

Покупаю ему подсолнухов, пряников для детей, рассказываю про щенка, веду к щенку...

Подходит сын его Никишка — богомольный и хозяйственный. Евсей хромой — «на все ветры», маленький староста, маленький картуз с дырявым козырьком, глазки маленькие, караульщик хуторской и много других. Спорят, нужна ли земля помещичья... Парадокс Евтюхи: от господ ничего не достанется... если на всех разделить... Опровергают...

— Мало ли земли болтущей...

Девки расфуфыренные стоят кучками и прогуливаются. Разговор о кулачных боях.

— У нас есть один боец, бойца издали видно...

4 мая. День за днем проходят великолепные майские дни. И чем ближе к празднику, тем равнодушнее становишься. Нечем отметить день, хотя все в нем полно. Или это

уже притупилась впечатлительность?.. Земля теперь мне рисуется в мареве... Все марево... все колеблется, все не доканчивается, все в намеках...

Как узнать истинные переживания от литературных, где настоящий бог и литературный?..

Если все мои поэтические переживания происходят из двух родников: детства и любви, если это алтарь, то как быть: писать о самом алтаре или прислушиваться лишь издали к звукам, исходящим оттуда?..

Если ловить звуки, то кажется, говоришь о самом главном... и не знаешь... нужно ли о нем говорить... Если говорить о самой тайне, то, приглядываясь к тайне, можно ее осквернить.

Я сейчас иду целиной. Мне страшно то, что я пролезу через лес и там больше ничего не будет.

Я могу писать всю жизнь о других людях, скрывая себя. Могу написать одну только книгу о самом себе. Могу, наконец, создать вокруг своей тайны искусство... могу вечно петь в новых и новых песнях о тайне, не подступая к ней... Что избрать? Пусть время решит.

Какое оно страшное это марево, если подумать. Все колеблется, мерцает, двоится... Поднимаются на воздух деревья, люди, дома. Камни, дубы, даже самая земля, покрытая зеленью,— все превращается в прозрачный, как стекло, пар. И через минуту опять каменеет, и через другую опять летит.

И чувствуешь сам, что тут же под ногами от этой теплой земли поднимается невидимый тот же самый пар, что он проникает все существо, что если кто-нибудь теперь на меня посмотрит со стороны, то и я, может быть, сплющиваясь, как эти дубы, двоюсь, поднимаюсь на воздух, и опять иду на земле, и опять поднимаюсь...

Ни за себя, ни за что вокруг не ручаешься.

— Вы фантазер! — сказала она с таким выражением: можно ли на вас положиться... ведь это несерьезное, это ненастоящее.

Как это больно кольнуло меня... Но я сейчас же справился и говорю ей:

— Нет же, нет, я не фантазер, но пусть фантазер, но я знаю, что из моей фантазии рождается самая подлинная жизнь. Своей фантазией я переделаю, я сделаю новую жизнь...

Боже мой, как верил я в то, что говорил, как это ясно было для меня и как хотелось мне убедить ее... заставить

и ее поверить. Фантазер потому, что нет союза, нет ответа у ней...

— Но что же мы будем с вами делать? — спросила она.

— Как что,— отвечаю я...— Мы уедем с вами в родные места, поселимся вместе и будем так жить прекрасно, что свет будет от нас исходить. Мы будем радоваться жизни, и все вокруг нас будут радоваться...

Она молчала, а я все говорил и говорил... Я боялся, что она что-нибудь скажет и перебьет меня...

Но она молчала, склонивши голову... Нет, я чувствовал, что она побеждена... Я говорил лишь потому, чтобы закрепить ее в этом ее состоянии. Я говорил из страха, что, если я кончу, она опять подумает и скажет: а все-таки вы фантазер... Я говорил ей до самой калитки. Она уже хотела было протянуть руку к звонку, но вдруг, откинув голову назад, поцеловала меня...

И исчезла...

Всю ночь сквозь сон я слышал звон колоколов. По всей земле звонили в колокола и какие-то тонкие золотые сплетения покрывали небо и землю. И я верил в себя как никогда, мир я открыл, я доказал какую-то великую истину. Но на другой день все опять заколебалось. Она мне сказала:

— Нет, я не могу решить окончательно, кажется, вы слишком большой фантазер, чтобы на вас положиться... Вы живете той повышенной жизнью, которой живут художники, артисты...

— Ну так что ж,— говорю я,— ведь это хорошо...

— Конечно,— сказала она,— но... как вам сказать... В сущности же, я вас вовсе не знаю...

— Да как же не знаете, я весь перед вами... Я вам могу все сказать о себе... вы должны видеть меня...

— Вы фантазер,— сказала она,— будемте пока только друзьями.

Она ушла и назначила мне свидание на завтра.

Я пошел от нее в парк, в поле, в лес, между прудами... Была весна.

Хорошо прислонить ухо к стволу липы и слушать, как пчелы гудут. Тут столько голосов... Но ведь это опять что-то значит, какое-то решение, какая-то тайна лежит в этих золотых голосах. И я ее знаю, отлично знаю, но мне не хватает чего-то такого тоненького, на волосок бы — и тайна открылась. А так все закрыто, и так больно отходить от ствола этой певучей липы. Ивовая аллея цветет и пахнет

и уводит далеко, далеко. Хорошо я иду по ней, пусть мимо проходят эти зеленые кусты. Пусть мои ноги неслышно ступают по песчаной дорожке вперед и вперед... Быстрее и быстрее... Пусть эти птицы и зеленые ветви сливаются в зеленый звонкий хор, я буду идти все быстрее, быстрее и где-то найду, может быть в конце этой аллеи... И вот передо мной большой, большой пруд, как озеро. Фонтан бьет... Деревья склоняются над водой. Большие зеленые шапки склоненных ив я обнимаю. Я такой большой, что могу обнять каждое это доброе зеленое дерево.

Вода поднимается, горкой уходит к небу, а небо странное большое... и светлое. И где-то там, в самой, самой середине, растет желтый золотой цветок... Поток множества маленьких искорок-цветков везде, куда ни взглянешь. Эта золотистая пыль от того цветка рассеяна в небе...

Да, да, небо... Конечно, небо... Конечно, тут и лежит эта тайна... Она открыта. Вот она, бери смело, бери ее.

Да, конечно же, так это ясно: небо бесконечно большое, этот цветок посредине — красота. Значит, нужно начинать оттуда...

Красота управляет миром. Из нее рождается добро, и из добра счастье, сначала мое, а потом всеобщее...

Значит; если я буду любить этот золотой цветок, то, значит, это и есть мое дело, это и мы будем вместе с ней делать...

Ведь так? Так ясно... Конечно, так...

Потом вот еще что... Там, в центре всего неба, этот цветок неподвижен... Все остальное вертится и исчезает. Все остальное вращается вокруг этого цветка... Значит, вот какое новое, вот какое огромное открытие: мир вовсе не движется вперед куда-то к какому-то добру и счастью, как думал... Мир вовсе не по [рельсам] идет, а вращается...

Все мельчайшие золотые пылинки совершают правильные круги... Каждая из них приходит неизменно на то же самое место, и все в связи с тем главным, в центре всего...

Значит, и я и она где-то вращаемся... И, значит, наше назначение не определять вперед от себя, а присмотреться ко всему и согласовать себя со всем. Нужно ничего не определять, а вот как эти мелкие искорки стать в ряды и вертеться со всем миром...

Значит, нужно совершенно спокойно ответить ей: мы не можем знать, что нам назначено делать. Мы будем так поступать, как для этого все назначено... Даже и вопроса никакого быть не может... Бог с вами...

И такая вдруг радость охватила меня: теперь так все ясно... Теперь я могу твердой поступью идти по той же аллее...

Вот опять гирляндой уселись зеленые птички на черемухе, светятся... И таким миром, таким счастьем наполняет меня созерцание их.

Я знаю, что в них...

Вот опять я припадаю к тому же черному стволу старой липы. Золотой хор гудит. И ни малейшей тревоги. Я все понимаю... Вот женщина продает в будке газеты, открытки, сельтерскую воду...

Какая прекрасная женщина!.. Как все переменилось во мне... Что-то сейчас же непременно нужно сделать... Что?.. Ах, да... Я покупаю одну открытку с видом Вандейской колонны и пишу на ней: решение найдено. Все обстоит благополучно. Приходите в Люксембургский дворец к статуям... Я вам все расскажу... Ничего неясного нет. Бог с вами.

Она пришла к решетке серьезная, с деловым видом...

Как все это пережилось! Еще прошлую весну я совершил последнюю глупость, написал последнее письмо, а теперь... нет...

Довольно пока!

5 мая. Ясный, но ветреный день. Сколько в лесу у прудов соловьев!

Вчера вечером бродил... Лес наш полураскрытый. Каждый кустик убирается ⟨...⟩ Постепенно все смыкается. На молодых березках листья уже большие и пахнут Троицей. Внизу иду между склонами. Солнце светит через деревья сверху. Тени ложатся... Первые тени от деревьев на лугу; как зеленая вуаль на красавице. Маленькие насекомые гудят в воздухе...

Как хорошо в этих зеленых склонах. Так хочется признать единое великое значение всего. Что бы там ни было, но ведь это все прекрасно. Все это вне человека. Непременно каждый год приближается земля к солнцу, и вот что от этого бывает.

Земля прекрасна! Я носил любовь к бытию с детства, но ни разу не сказал искренно от всего сердца, что это бог так сотворил, что это он. Я готов бы теперь произнести это слово, но чувствую вперед фальшь. Земле, однако, просто земле, убранной и зеленеющей, я готов бы молиться. «Земля божья»,— говорят крестьяне. Откуда это у них? Из Библии? Бог сотворил землю...

Правда, мне хочется собрать все пережитое и лучшее из него отнести к земле, передать его ей и творить из этого что-то прекрасное о земле...

Гроза... Сижу на балконе и думаю: как, в самом деле, неловко сидеть тут на пьедестале и откровенно в виду пашущих мужиков, в виду вот этого Стефана, пробирающегося через двор в калошах на босу ногу, ничего не делать. Маркиза — помню — тоже не любит этого и только в исключительных случах, когда на террасе солнце — располагается пить чай там. Прежде для бар не было этого вопроса, потому что ограда каменная отделяла красный двор от конного.

Вода в пруду перед грозой как ртуть. Она здесь зеркало: все отражает — и дом и ивы...

Земля как развернутая зеленая книга. Земля — для меня это родина, это черноземная равнина. А потом и всякая земля. Но без родины — нет земли.

6 мая. Утро туманное, насыщенное парами. Думалось, туман только, а за ним оказались тучи, и скоро пошел теплый майский дождь, и шел-шумел в саду до обеда. Все время ласточки вились над прудом, все время пел соловей и куковала кукушка под аккомпанемент дождя...

Этот дождь был предсказан Стефаном по особым приметам: рождение месяца. У Кузьмы еще вчера табак отсырел, у Никифора ломило душевную кость, разбитую на кулачном бою.

Акулина спокойно идет под дождем. Этого дождя не боятся, не глиняные. То опогаживается, то опять дождь. Мама радуется: самая лучшая погода! Ах, как все развертывается. Завтра аллея вся зеленая будет.

К обеду опять прояснело. И удивительное явление: везде, где только видна черная земля, валит пар, как из печи дым, земля горит.

— Воспарение земли! Нагорела земля и испаряется. Золото, золото, а не дождь. Много миллионов стоит такой дождь. Майский дождь дорогой. Для всего хорошо. Хорошо пролил. Теперь дня три поливать не надо. Очень хорошо! Как капуста растет, так думаю, пройтить — ни у кого не найдешь. Для всего хорошо, хорошо вообще, преимущественно хорошо. И для огорода, и для яровых, и для садов. За этот дождь бога благодарить нужно.

В лесу деревья все убираются и убираются... Последнюю фиалку сорвал на бугре. Первые бутоны ландышей на припаре... Даже осиновые листья хороши молодые, они

как вырезанные... На елках кровавые шишечки. На липах розовые крылышки. Даже дуб хоть и нехотя, а развертывается. Ничего не сравнится с кленовыми листьями, будто это щеки слепых щенят...

Что еще хочется мне написать? А вот желание описать детство и любовь... Да вот, но будто жалко расстаться...

Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел. Никакая наука не может открыть той тайны, которая вскрывается от воспоминания детства и любви.

Нужно только испытать сильное горе, нужно прийти *(2 нрзб.)* и почти умереть. И вот совершается рождение. Неведомые силы посылают утешение и великую радость.

Круг. Как вернуть свои переживания в природу? Как раскрыть их во всю стихийную ширь? Как сочетать то, что было, и то, что есть теперь, как одно претворить в другое, как слить это? В природе совершается великий круговорот. Это простой, но таинственный круг. Простой для всего мира, но таинственный для каждого в миру.

Кругом примеры... Но никто не знает про себя, не проследит: где он начался и где он кончится. Каждый вступает в таинственный круг и снова проходит то, что миллионы прошли...

Мои переживания, вероятно, обыкновенны... Но именно этой-то обыкновенностью я и дорожу. Я хочу выделить из себя то, что весь мир переживает. Я хочу сказать, что когда я любил, то одновременно со мной тысячи таких же, как я, и людей, и растений, и животных совершали этот круг... Я хочу сказать, что все их дыхания, тревожные, все их мысли и чувства я сливал в себе... Я был велик, как мир. Это я хочу сказать...

И еще хочу сказать: как я мал был, когда оторвался от всего... Как я «маленький» цеплялся за росяной куст, за солнечный луч... Как я сходил с ума. И как из-под низу то, что плотное и прочное, исчезло и я остался на воздухе и стал учиться летать... Великий круг завершен.

14 мая. Скверный сон о будущем, о нужде... Выхожу на террасу... Сияет, звенит майское утро... И думаю: это же малодушие. Ничего нет страшного, но это в малодушии... Нужно это победить... Но как? Так думая, иду по аллее... Такие зеленые дворцы вокруг строятся... везде зеленые гости. В дуплах звенят оркестры галчат... у галок рычащие предостерегающие голоса... у птиц деловитость... все будто возмужало, перешло в солидный возраст отцов и матерей.

На березах, на липах листья блестят на солнце. Такая свежесть проникающая... Черемуха цветет вовсю, и маленькие вишни, как конфирмованные барышни, и груши в подвенечных нарядах.

Я не думал было идти и хотел сначала вернуться, чтобы подсчитать свои возможности на осуществление планов. Но вдруг этим утром мне мелькнуло: теперь именно по этой росе где-нибудь же да должен раскрыться первый ландыш. Пойду по валу за ним... И так дошел я до леса. На валу ландыши еще не цвели, я пошел за ними вниз по мокрой росе, не жалея новых башмаков... Заглядывал в кусты орешников, под полураскрытыми липами, под одевающимися дубками... Забрел в молодой осинник с листьями, будто вырезанными из бумаги русалочьими руками... Нигде не было раскрытого ландыша... Я весь промок и оставил свое намерение, но все-таки я твердо верю, что где-то в это утро непременно должен раскрыться ландыш... Для него это утро свежее...

Вот еще надо заметить что: есть слова, которые записываются... И есть слова, которые нехорошо записывать. Как узнать то, что нужно писать, и то, что не нужно. Может быть, слишком мало писал, а может, слишком много? Чувствую, что путешествие, которое я совершил по жизни, еще не описано. Но мне хотелось бы описать его так, чтобы это было не воспоминание, а материал для будущей жизни.

Вечер из окна. Золотые горы налево от пруда. Голубые горы направо. В высоте затерялась птица... Пруд задумывается. Ласточка вьется над прудом низко-низко. Другая ласточка, ее отражение — мчится вместе с нею... И вдруг пропадает — кружок. Ласточка мчится за своим отражением, но как только коснется его — там кружок на воде...

Мама говорит: «Я всегда думаю, что мужчины тряпки». Сила женщины — господство над буднями. Мужчина взлелеянный цветок... Что же такое свобода? Что же такое рабство? Быть может, рабство вечно необходимо, как тень ласточки, летящей над спокойным прудом? Можно ли гордиться свободой, когда ее питают рабы?..

Когда весной покрывается зеленью земля... как все серьезно. Птицы поют... Листья развертываются, все прекрасно, но все серьезно. Какая гармония с свободно порхающей птицей и землей черной, укрытой зелеными коврами. Тут нет рабства, но нет и «свободы», все покорно судьбе. Но вот в такие дни иногда вдруг с шумом срываются

птицы с большого старого дерева и мчатся в ужасе... И слышится в глубине сада сдавленный крик, все слабеющий и слабеющий.

16 мая[24]. Ездил на именины к Федору Петровичу Корсакову[25]. Был очень интересный обед. Старик, похожий на Фета, недвижимый, в коляске, сидел на краю стола с высоко поднятой головой. Он почти ничего не мог говорить, но видно было, что он все понимал как-то по-своему, как-то связан был со всем этим обществом за столом. И правда, нарочно приглашенных не было никого, все съехались исключительно по внутреннему влечению сердца к этому, нужно бы думать, уже никому не интересному старику.

Тут были представлены все поколения, начиная от крошечных грудных детей. Были тут с маленькими детьми молодые барыни, одна из Петербурга, другая из провинции. Был отставной штабс-капитан, мечтающий через знакомого земского начальника получить какое-нибудь место, а также напечатать свое «стихотворение»; была очень большая барыня с лицом Петра Великого (на дурных портретах); была мадам Хвощинская с хорошенькими барышнями-дочерьми; и мадам Жаворонкова, тоже с подрастающей невестой; и два гусара в красных брюках; два батюшки, много девочек и мальчиков и с ними множество каких-то неизвестных дам.

Кто-то из родственников подарил старику музыкальную кружку. Жена именинника предлагала вновь приходящим взять эту кружку и заглянуть в нее. Как только гость брал эту кружку в руки, она неожиданно для него играла вальс, и гость вздрагивал. Тогда все смеялись, и даже хозяин улыбался издалека-издалека...

Эту кружку подарил кто-то, очень тонко его понимающий.

Я знал его с детства. Сколько с тех пор забыто людей! Но его я всегда помнил и носил в своем сердце, и он представляется мне теперь в глубине прошлого большой волшебной кружкой.

Стоило, бывало, любому мальчугану подойти к этому старику, когда он копался в своей садовой «школе», как начиналась мелодия. Откуда она бралась — бог знает — из каких-то пустяков. Подойдет к нему восьмилетний мальчуган, и вот этот огромный великан, старый и почтенный, оставляет работу, усаживается куда-нибудь под куст, важно пригласит сесть рядом с собой и потихоньку шепнет:

— Давай покурим!

— Давай,— согласится мальчуган.

И вот появляется знаменитый портсигар из карельской березы, книжечка курительной бумаги и длиннейший мундштук. Скручиваются папиросы. Закуривают. Сидят под кустом, он, огромный Фет, и крошечный мальчик. Разговор короткий:

— Затянулся?

— Затянулся. Силюсь...

— А в нос умеешь?

— Нет.

— Вот смотри. А кольцами?

И вот запрокидывается большая серьезная голова назад, из прекрасных рыжеватых прокуренных усов вылетает синее кольцо, другое, третье...

Я много бы мог рассказать про старика такого чудесного волшебного. Далекая волшебная поющая кружка!

Ему теперь больше восьмидесяти лет. Он сидит неподвижный. Ничего не говорит. Но непременно улыбается, когда заиграет поющая кружка. Гости сидят за столом как придется, рассказывают что хотят, никто не чувствует себя стесненным за именинным столом. Никто!

Это открытый засеянный склон: наверху он, старик с кружкой, внизу младенец, едва улыбающийся, очень похожий на мать. В окно — другой склон: прямо от террасы вниз сходит аллея из пирамидальных тополей. Удивительно, как золотые и как серебряные, горят на них молодые смолистые листья. Кто-то из гостей залюбовался, задумался и спрашивает:

— Это еще Федор Петрович посадил?

— Федор Петрович. Эти тополя мы привезли черенками вот такими маленькими из сада вашей матушки.

— А яблони тоже Федор Петрович?

— Все Федор Петрович. Вот только те дубки до него посажены.

Удивительно блестят тополя. Как они блестят! В ожидании второго блюда все смотрят на тополя. Последние холода задержали, а то в это время должны бы цвести уже яблони. К именинам Федора Петровича всегда цветет сад, и тут вот...

Подали второе блюдо. Ребенок закричал из другой комнаты. Молодая мать, приехавшая вчера из Петербурга с детьми, уходит на минуту и возвращается. Другая молодая женщина против нее участливо спрашивает:

— Что?

— Ничего, успокоился,— отвечает первая.— Дорогой расквасился, а то он у меня молодец.

Обе молодые матери провели в этом саду детство, потом время от времени встречались матерями... Что-то прошло между ними не совсем понятное им теперь. Они теперь будто знакомятся и спрашивают разные мелочи об уходе за детьми: как то, как другое? Когда гуляют, когда едят?

— В Петербурге ужасно мало света, одна надежда на лето,— говорит первая женщина.

— А как ты поступаешь, когда дети не слушаются? — спрашивает другая.

— Это сложный вопрос,— отвечает первая, и какая-то капризная, но упрямая воля глядит из ее умных, холодных глаз и легкое презрение к провинциалке в уголках губ.— Сложный вопрос, у меня своя система...

— А я без всякой системы,— возражает другая,— возьму и отшлепаю. И так славно получается, лучше всякой системы...

— Ну, конечно,— соглашается дама с лицом Петра Великого,— конечно... Это бог знает что, разве можно потакать детям. Мать имеет полное право наказывать своих детей. Как же иначе, какая тут может быть система. Возьмите в пример англичан.

— Англичане,— подхватывает госпожа X., опытная мать взрослых дочерей,— те даже гувернантке разрешают бить детей. А уж не с англичан ли брать нам пример воспитания!

Мадам Ж. тоже поддерживает наказание шлепками. Рассказывают про Германию. Все, решительно все возмущаются новой, привезенной из Петербурга системой воспитания без шлепков. Все, решительно все принимают участие в споре, только за «детским» столиком в углу неудержимо хохочут с барышнями два гусара, не слушая умного спора, да маленькие дети шушукаются и шалят, пользуясь случаем. Да старик с поющей кружкой...

— Скажите, пожалуйста,— горячится Петр Великий,— что вы имеете в виду, балуя детей, какую окончательную цель имеете вы?

— Детство! — отвечает упрямая молодая мать.

— Детство? Я думаю, не детство мы должны иметь в виду, а старость, нужно, чтобы ваши дети дожили до глубокой старости, оставаясь мудрыми...

— Этого никогда не бывает,— перебивает м-м X.,— старики всегда ворчуны, всегда...— Она остановилась и смутилась, заметив, что старик с поющей кружкой внимательно ее слушает.— Я думаю,— поправилась она,— не

детство и не старость должны мы иметь окончательной целью воспитания, а средний возраст...

Спорят... Дети шумят сильней и сильней. Гусары потчуют барышень наливкой. Блестят тополя. Как блестят тополя! Те дубки, еще не развернувшиеся, с желтыми осенними листьями, имеют для меня какое-то особое милое значение. Что бы это значило? Откуда этот теплый ток от сердца при одном взгляде на черные уродливые стволы, на желтые прошлогодние безобразные листья, на кривые сучья?

И вот вспоминаю. Ранней весной прилетает в наши места множество дроздов, садятся на эти дубки и поют. Мне очень хотелось убить дрозда. Страшно хотелось. Прихожу к Федору Петровичу и говорю:

— Вот бы убить!

— Так что же, убей! — говорит он. Снимает со стены ружье.— Держи! Тяжело? Прислони к двери, а тогда к дереву прислонишь. И наводи. Видишь мушку?

— Вижу.

— И наведи ее на дрозда, а как наведешь — бухни.

Снимаю и весь дрожу: я, восьмилетний мальчик, неужели могу бухнуть из настоящего ружья?

А Федор Петрович засыпает в дуло пороху, дроби, надевает пистон:

— Ступай, бухни!

Страшно и сладко щемит сердце. Иду по тополевой аллее к пруду, прикладываю ружье к стволу дуба и — бух! Господи! И поднялась же кутерьма! Выбежали из дому:

— Как смел взять ружье, как ты его достал, кто тебя научил...

Молчу.

— Кто тебе снял?

Молчу.

— Кто научил? Говори, сейчас же говори, а то...

— Молчи, пожалуйста, молчи,— шепчет мне на ухо громадный Федор Петрович.

И я промолчал...

Вот что говорят эти черные дубки на пруду. И такой теплой струйкой что-то переливается из сердца к голове!

А дамы спорят о системе воспитания английской и этой новой, в которой все наоборот.

После сладкого все благодарят именинника. Поднимают кружку, она играет. Старик улыбается. Потом седая в черном становится за спиной старика. Что-то шепнула ему. Он закрывает глаза... Головой к спинке.

— Тс! Федор Петрович уснул! Не шумите, ступайте гулять, погода чудесная.

Все осторожно выходят. Тихо прибирают со стола тарелки. Тихо закрывают двери. Старик спит. Против него высокая кружка. Если ее тронуть — она заиграет [26].

18 мая. Как прошла Троица?..

Прохладное ясное утро, мама дожидается обедни.

— Еще не благовестили?

— Должно быть, не благовестили. Глеб не слыхал.

— Акулина говорит, что не благовестили.

— Врет она.— Садится в кресло и читает газету.— Ничего не знает, никто не слыхал, нынче страшная обедня. Глеб! Да что это, звонят к обедне?

— К обедне.

— Не к достойной ли?

— Зачем... К обедне.

Садится и продолжает читать газету.

— Какой же это звон! К обедне... а там часы, обедня, молебен страшный, с коленопреклонением...

В саду рвут с груш цветы. Хотелось бы ей раскричаться, но крик будет слышен в церкви, поэтому она говорит «обыкновенным» голосом:

— Зачем вы рвете цветы?

Лежат три молодых парня на траве и два пожилых мужика. Она подходит — они не кланяются. Маркиза говорит «обыкновенным» голосом:

— Почему это вы забрались в чужой сад?

— У нас своего сада нет,— отвечают мужики и молча уходят. Парни продолжают лежать и болтать ногами.

Этот случай обсуждался потом. Нелепость положения этих парней, забравшихся в чужой сад хозяевами, откуда их могут выгнать самым оскорбительным образом, очевидна. Нелепость эта происходит из нелепости русской жизни. Если и допустить положение, что земля божья, то из него никак не вытекает как следствие: забраться в чужой сад. Русская жизнь вообще такая: признание какого-либо теоретического положения ведет за собой немедленное практическое действие.

А разве мы, студенты, не так поступали? И разве мы тоже не чувствовали себя в высшей степени благородными людьми? Эти парни, болтающие ногами, чем отличаются от нас...

Вообще это чувство собственности гораздо тоньше, чем кажется. Сад с этой прямой липовой аллеей от террасы

один из немногих памятников дворянской жизни — если бы его стали рубить мужики? Что я бы сказал?

Вечер тихий, ясный, но прохладный. Поют соловьи. Цветет все... Терновник залез чуть не на середину поля и, незаметный раньше, теперь цветет... Но цветы не пахнут... будто замерзшие. Это не зима. Кругом цветы, и не очень холодно, но цветы не живут... Даже белые куколки черемухи не пахнут, сидят на сучках, как недовольные невесты...

При выезде в Петербург. Не забыть последний день в Хрущеве: пришел в лес и вдруг заметил, что все цветы цветут. Запах ландыша... Не отгадать... Чуть-чуть и отгадаешь... Все цветы о чем-то... А вот розы...

[*Петербург.*]

Она мне сказала тогда: я люблю не ее. А между тем я не оставляю ее до сих пор. Не помню ее земного лица, но что-то люблю. Да кто же она?

Замечательно то, что все образованные развитые женщины мне почему-то неприятны... Чем выше духовный мир женщины, тем сильнее это отталкивание во мне. Лучше Фроси я никого не знаю.

Той, которую я когда-то любил, я предъявил какие-то требования, которых она не могла выполнить. Мне не хотелось, я не мог унизить ее животным чувством. Я хотел найти в ней то высшее, себя, в чем бы я мог возвратиться к себе первоначальному. В этом и было мое безумие. Ей хотелось обыкновенного мужа. Она мне представилась двойною. Она сама мне говорила об этом: поймите, что в действительности я одна, а та другая есть случайность. Это то лучшее, что останется с вами всегда, что вы от меня отняли.

И вот это лучшее действительно со мной. Это то, что помогает мне писать, что вдохновляет меня. Это — если бы у меня оказался талант — было бы моей «музой». Но она и бич мой. Отдаваясь ему все более и более, я теряю вкус к тому, что казалось тайной во Фросе... Одно я питаю за счет другого... Вот так и произошло разделение. И чем это все кончится?

Как страшно то, что мир остается нераскрытой тайной. Что все кончится так, в каком-то тесном кругу...

Фрося говорит, что она всех понимает, но во мне не понимает что-то последнее... И я сам этого не понимаю... Это последнее похоже на северный полюс, куда нельзя

добраться... Там, может быть, ничего нет, пустая точка... И мне хочется стать ногой на эту точку.

Дневник, который я вел в то время, сожжен.

В описании своей жизни, которую я изобразил в разных повестях и рассказах, я пропускал все, что было в дневнике, обегал этого... Теперь я хочу восстановить его... Но увы! Прошло время, когда я писал для одного себя... Для того только, чтобы хоть как-нибудь закрепить то, раздиравшее мою душу на части, как-нибудь справиться с собой... Теперь я пишу уже не так... Я лучше пишу и хуже...

Тогда я спрашивал себя: что же это будет? Я бросался из стороны в сторону, я был как зверь в одиночестве, спрашивая себя, как жить, когда не знаешь и не можешь ответить, что будет... Я унижался перед ничтожнейшими, но укрепленными людьми, допрашивая их: вы живете, вы прочны, но так скажите же мне, как быть?..

Теперь не то... Они все притворяются, что знают, они как плохие учителя учат, а сами не знают...

Теперь я спрашиваю иначе: что это было тогда. Какой это смысл имеет... Перед всяким проносится и вечно все поновому говорят о старом... Без тревоги за будущее спрашиваю я прошлое...

Это был острый удар в грудь... Я сказал себе: да, это мое...

Она мне ответила на один миг и, когда одумалась, отказала...

Я уехал от нее... Я уехал... Сердце мое было раскаленный, чугунный шар. Но на первых порах думал так просто: я займусь хозяйством, я люблю дело в деревне... Я думал, мое дело станет на место того, что сейчас сидит во мне. И когда это будет, то я совершу очень большое: мое личное перейдет в общее. А ведь в этом и смысл всякой жизни, чтобы личное перешло в общее...

Так я приехал в деревню... Люди все те же, все те же хижины, но как странно переменился весь свет... Я вижу теперь все, что есть в них внутри... Мало того, я вижу даже вещи... Каждый камень говорил мне свою душу... Мне стоит только спросить себя о предмете, и он сейчас же отвечает...

1908.

7 октября. Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым...[27] Как только я сказал, что на Светлом озере их помнят [28], Мережковский, вскочил:

— Подождите, я позову...— И привел Философова, высокого господина с аристократическим видом. Потом пришла Гиппиус... Я заметил ее пломбы, широкий рот, бледное с пятнами лицо... Я рассказывал...

— Так что же нам делать... практически...— торопился Мережковский,— пошлем им книги... или...

Перешли к религиозно-философским собраниям... Мне рассказали о них... просто.

Гиппиус оживилась. Долго мне говорили о том, что нужно вместо иконы и Библии ставить что-то реальное... Общественность... Я сказал что-то о «рационалистическом мосте» от декадентства к соборности. Но его не оказалось... Соборность, общественность есть лишь результат более утонченной личности. Зинаида Николаевна оживилась, заискрилась, я заметил ее прекрасные золотистые волосы, глаза.

— От них к нам! — сказала она мне...

Я уже член совета р.-ф. общества... Мне открывается что-то новое... большое, я понимаю значительность этого знакомства. Но многое мне неясно... Оттого что я не чувствую одинаково...

Мне кажется, у них много надуманности... Я не чувствую путей к этим идеям... Для того чтобы сказать так значительно: от них к нам,—нужно остро чувствовать: они и мы... А я этого не чувствую, и мне все кажется, я боюсь, не то донкихотство, не то просто комедия не из-за чего... Пойдем в следующий понедельник к Мережковским. Вот когда я поближе узнаю цикл идей.

21 октября. «Приведите,— пишут,— Проханова».

Пришел Проханов — идем к Мережковскому. Насилу уговорил. Это высокий господин с маленькой головой, низким лбом, черный, что-то кавказское. Сектант... доктор и теолог. Разрушать веру в «букву» — вот его задача, христианство искалечило русский народ, нужно его вернуть к временам дохристианским, языческим... Издает для этого журнал «Духовный христианин»... Он пессимист... Верил в творчество русского народа, теперь не верит: все это было на Западе [29].

Как будто и большие мысли и большое дело... Но что-то в нем есть такое, что не очень хочется слушать: вянет у него и скучает что-то в голове. И сам он большой, и мысли большие, и голова большая, но кажется маленький, тоненький...

Кабинет Мережковского... Что-то серое под ногами, вроде театра Комиссаржевской... Письменный стол,

шкаф с книгами. В углу неизменная молчаливая аристократическая фигура Философова — скучающий человек... Скучал около Дягилева [30], скучает и здесь, около них... Но скрывает это от себя. «Книжник», черный лохматый — хлыст... Карташев [31], еще два-три «своих»...

Свои... Секта?.. Собрание?.. Журфикс?..

— Мы все нездоровы, Зинаида Николаевна больна... Заседание неудачное...— говорит Мережковский.

Значит — заседание...

Проханов говорит, что хочет «логику» ввести сектантам.

— Почему же вы тогда христианство распространяете, а не философию?

Проханов опешил... Я объяснял, что такое «логика» Проханова — это систематизация сектантского хаоса...

— Но мы как раз и дорожим этим хаосом,— ответил Мережковский. Меня только сектанты и понимают, а здесь нет...

Мое сомнение: понимают ли?.. Не есть ли это то чувство, когда усталый человек уходит в деревню, и вот даже растения ему ближе, и в мужиках, этом первоначальном мире, он видит уже нечто неразложимое... Примитивный человек, размышляющий о боге... Как это красиво! Ведь самый чистый, самый хороший бог является у порога от природы к человеку... Но как его уловить? И вот приходит к ним иностранец, эстет... Какой путь от одного к другому?.. Где этот нерв?..

Д. С. Мережковский настоящий иностранец в России... Он не прислушивается, не озирается... от быта он не берет, а дает... Чувствуешь, его так легко провести... Он Дон Кихот, гуманист... Декадент, парит высоко, высоко... И вот он у костромских мужиков... обыкновенных русских мужиков, хитрых, прикованных к мещанскому факту бытия, всех этих «соломки», «дровец»... Что общего?.. Он является туда не в лаптях и рубашке, а барином и даже с урядником на козлах...

В результате: Мережковский говорит, что поняли его только мужики, а мужики говорят, они знают о каком-то совершенно чуждом им мире, что из этого мира оседают в их среду господа... Господа бывают разные... И вот не было еще ни одного такого человека, как Мережковский, Короленко с ними близко не сходился... Он природу описывает [32]. «Мережковский наш, он с нами притчами говорил...»

Есть путь к душе простого человека такой: соломка, по этой соломинке можно прямо добрести к земной душе человека...

«Как живете?..» — «Плохо... Правительство обижает...»

Правительство обижает и интеллигента — и вот союз... священный союз, против которого неприлично говорить порядочному человеку. Впрочем, этот союз может украситься разными экономико-социальными теориями... Но этот союз непрочен... У меня есть один знакомый чиновник, человек либеральный, который всю жизнь мечтал съездить в Крым... Ему мешала семья, малый заработок. Когда же была брошена первая бомба... почувствовав дыхание свободы, он собрался и уехал... не в Москву, не на баррикады... а в Крым.

Я говорю о модернизме, о писательстве, об искусстве — это «Крым». Мережковский явился в костромские леса из сияющего юга... Но у него нет ни покаяния, ничего...— он декадент.

И вот устанавливается так... Мережковский говорит с мужиками про Апокалипсис, об антихристе. Мужики его понимают... Но тот ли это антихрист... Это тот же самый... Но как они с двух концов добрались к нему?..[33]

В этой точке на Светлом озере сходятся великие крайности русского духа... В широких слоях общества думают, что мужицкий антихрист что-то вроде черта... Ничего подобного... Это настоящий христианский антихрист. Но понять трудно, не будучи всем этим вооруженным...

Когда я был там и напал на след Мережковского, то меня приняли за него. И говорили, как с ним: вот как есть такой же!..

Но скоро раскусили: «Нет, брат, далеко тебе до него. Не силен ты...»

Я стал «Завет» [34] с ними читать... И понимание мне открылось, что тут какая-то своя наука... Что этой наукой никому из нас в голову не приходило заниматься... За этими огромными книгами с медными застежками, за славянскими буквами скрывается особый недоступный мне трепет души... И в этих апокалиптических словах скрывается что-то, соединяющее Мережковского и мужика... Но как они непохожи друг на друга!..

Вера мужика мне недоступна. Вера Мережковского тоже: ведь его «плоть Христова» требует или огромного гносеологического аппарата... или же огромного утончения души... особых дарований... По-мужицки верить нельзя...

По Мережковскому тоже нельзя... По-своему?.. Но я не религиозный человек. Мне хочется самому жить, творить не бога, а свою собственную нескладную жизнь... Это моя первая святая обязанность.

Когда собрались, перешли в столовую пить чай... Давила пустая комната... Картин я не заметил... Философов по-прежнему в углу курит... Все курят. З. Н. Гиппиус тоже с папироской... Похожа на актрису. Мережковский принимает капли Боткина и говорит о вечности плоти... об искуплении... о воплощении... рассказывает о каком-то теологе, который признает две плоти во Христе, одну бросили в общую яму, другая воскресла...

Часты искристые шуточки... Я веселю их рассказами: хохочут... Что-то внутри поджигающее и веселье и религию... Шампанское не очень удивило бы меня. З. Н. очень умна... Как она резко поправила Мережковского... Движения у ней изящно-вульгарные... что-то парижское... Говорят, как джентльмены: всякое пустое детское замечание кого-нибудь подхватывается и серьезно разъясняется...

Мы вышли на улицу: воплощение, искупление, папироски, женщины, похожие на актрис, эти священные поцелуи в лоб... Секта... И как это далеко от народа...

Я помню 17 октября, когда уличная толпа с красными флагами, с пеньем «Марсельезы» привлекла меня к площади возле университета, то на Дворцовом мосту встретились мне мужики,— увидев всю эту толпу, они перекрестились... Быть может, они приняли тогда красные знамена за хоругви, а «Марсельезу» за «Боже, царя храни»... Не знаю. Но вот почему-то до сих пор я помню эти кресты, как самое важное на улице... И, кажется, я так понимал, что они хотели выразить радость революции... И меня-то именно и поразило: что мужики крестятся на красное знамя... Мне так хотелось... и я так понял...

И помню молчаливую толпу крестьян перед горящей усадьбой. Никто не двинулся для помощи,— а когда увидели в огне корову, то бросились заливать... потому что корова божья, безвинная...

Почему же люди, которые говорят о боге, невнимательны к собеседникам, не видят их... У Мережковского будто и внимательны, но как-то джентльменски, с внешней стороны, а не с внутренней [35].

2 ноября. Отдал рассказ «У стен града невидимого» З. Н. Гиппиус и сегодня ночью все представлял себе: как

она мне ответит. И не мог представить, и решил про себя все замечать, когда пойду за ответом. Кроме меня там была г-жа Ветрова [36] и разговора о моем рассказе даже не было... Потом З. Н. начала цитировать из него места... Думал, хорошо. А потом нет. Много лирики, мало эпоса...

— У вас есть способности, вы будете хорошим писателем.

— Одним словом,— сказал Философов,— многоточие и восклицательные знаки вы должны заменить точками...

— Хорошо это место,— сказала З. Н.,— где соловей поет в голом саду...[37]

— Мы напечатаем,— сказал Мережковский,— сделаем сокращения...

— У вас много вкуса,— сказала З. Н.,— но много модности...

И еще по поводу рассказа З. Н. мне много указывала мест неудачных...

— Мыслей вам хватит на всю жизнь,— сказал Философов.

В общем, что же я заметил, понравился рассказ или нет?.. По-моему, они разочарованы немного моим модернизмом, им это кажется уже старо... хотелось бы больше содержания («эпоса»)...

— Как же надо учиться? — спросил я.

— Нужно писать,— ответила З. Н.,— и слушать, что говорят...

Умная женщина ⟨...⟩ Говорили много против хлыстов, против потому, что они обожествляют человека... значит, делают то же, что другие, обожествляя царя или папу.

Не представляю себе ясно — что же они хотят от интеллигенции... «уклонить ее на путь богоборчества или богоотступничества» — что это значит?..[38]

Потом мы с З. Н. разбирали мою рукопись ⟨...⟩

— Я не согласна... Вы признаете только бога-отца... но ведь Христос есть смысл. Вы смысла не признаете?..

Я говорил, что люблю жизнь, с женой скитался, как зверь, и любил ее как женщину.

— Вы любите жизнь...— сказала З. Н.,— но как же без смысла? [39]

И тут вошел Дмитрий Сергеевич и сказал:

— Об этом можно без конца говорить... Дайте мне программу реферата.

...Гремели тарелки к обеду. И я удалился.

— Вкусная ваша вера,— сказал я, уходя.

И из всего этого вечера мне больше всего понравились слова: «Поймите красоту «Капитанской дочки», эллинской статуи и вы поймете, что Евангелие не брошюра... Вы оттого не принимаете Христа, что боитесь смысла» [40].

На религиозно-философском собрании: Блок и Рябов [41], Философов и сектанты, Гиппиус и Рябов.

Подхожу сегодня к Блоку, спрашиваю его, и так он ответил мне проникновенно. Я его понял без слов. Хотел ему что-то сказать. Тут подошел М. Н. ⟨...⟩, и все закрылось. Теперь я встречу его — кто знает — что-нибудь помешает — закрылась душа, и нет его.

Кто подходит — мешает все во мне.

14 ноября. Вечер у Павла Михайловича [42]. Чтение Сологуба [43] у хлыстов.

Я вижу Блока, слышу и опять боюсь: вот закроется окно...

17 ноября. Вечер у Мережковских (*3 нрзб.*) с А. Белым, у поэта красная роза в петлице, плешив, тих, говорит вкрадчиво.

— Знакомьтесь, хорошо знакомьтесь.

В столовой Дмитрий Сергеевич со Столпнером [44] и с Базаровым [45]. Говорят, будто крадутся... Д. С. подбористо-вежливо и ratio, те скрывают иронию.

Впечатление от этого разговора: Мережковский нащупывает среду. Смущен неудачей р.-ф. собрания... Как ловко Зинаида Николаевна вставляет словечки, скажет — и столичным холодным резким голосом схватит и повернет.

В заключение величественным резким жестом лотерейной богини она дает мне мою рукопись для поправок.

В заключение я, по обыкновению, взволнован чем-то так, что на другой день охоты нет работать. Что-то не так... и это мучит... будто лгу... будто суюсь, куда мне не надо... будто прошелся нагишом и стыдно... Отчего это? От искренности, которая ведет к раскаянию, от неудачи моего положения, от холодного и резкого жеста пишущей дамы? Что это значит, что лишает меня спокойствия и самообладания? Неравенство среды, моя неподготовленность? Моя хаотичность?

Мне кажется, что это скрытое несерьезное основание моей связи с людьми. Иногда я упрекаю себя в рабстве перед моими авторитетами. Пример — Мережковский, вот путь сближения: рел.-фил. сознание... это какая-то туманная основа модности, декадентства... мне хочется не отстать — как я боюсь этого — и хожу на р.-ф. собрания.

1909.

7 января. В религиозно-философском собрании собрался было говорить, но выступление не удалось: Струве [46] занял время своей реформацией.

Вошел Блок. Вот тоже полярная противоположность Ремизову. Тоже Европа и Россия, тоже личность и быт, тоже открытое высказывание своих взглядов и присматривание к другим... и много всего.

Блок-юноша. Как охотно говорит он о своих переживаниях. Я попросил его прочесть мою книгу, обратить внимание на стиль и сказать мне о книге так, чтоб мне что-нибудь осталось для себя. И тут мы разговорились вообще о том, остается ли что-нибудь для себя от критики. У него, признался он, остается только несколько слов, остальное мимо. Но кто критикует? И так мы подошли опять к вопросу об интеллигенции и народе, о расколе интеллигенции, о том, куда легче предаться — Леониду Галичу [47] или мужику.

Он мне рассказал любопытное: есть в нем такое чувство к Венере Милосской, что хотелось бы разбить ее, чтобы остались только геометрические формы [48]. То же чувствует и Бенуа... Наш разговор остался неоконченным, но он и не может кончиться...

9 января. Были у меня опять хлысты. Подготовлял их к выступлению на р.-ф. собрании. Если бы пробить их схоластическую мудрость, то внутри оказалось бы поразительное явление: в XX веке — начало христианства, «начало века» 〈...〉

Как они хорошо угадали Мережковского... Вслед за ними и я думаю: он иностранец, ему не понять русского народа, он только словесник... нет... он словесник, который искренно хочет отказаться от словесности, то есть от самого себя...

Блок и Мейер [49], по мнению хлыстов, обладают «пророческим» даром. Просто, по-моему, они искренние люди. Но ведь Мережковский тоже искренний, почему же он все же кажется неискренним...

Нет, это не религия... Но что же это такое?.. Если рассуждать, то это настоящая религия, если чувствовать — нет. Что это такое.

— Хорошо,— сказали хлысты,— отвергнете церковь, но что вы поставите на место ее?

— Что вы поставите? — спросил я.

— Жизнь,— ответил он просто.

Интересно это их перемещение бога с неба на землю. Хорошо это когда-нибудь изобразить на фоне петербургской жизни.

И говорят, что христианство умерло... Или это его смерть...

Иногда я вспоминаю Руссо и его ипохондрические жалобы, а между тем для меня понятно, как такая прекрасная натура могла свихнуться. Если бы я не чувствовал такого участия к предметам природы, если бы я не видел, что в кажущемся беспорядке сотни наблюдений согласуются и складываются в определенный порядок, подобно тому как землемер одною протянутой линией отмеряет много отдельных измерений, то я часто сам считал бы себя за сумасшедшего ⟨...⟩ Когда-нибудь я сделаю работу о пантеистическом начале творчества...

18 января. Каждый день, переживаемый теперь мной, год в моем развитии...

Лекция Мережковского о Лермонтове: он истекает словами, как кровью...[50]

23 января. День моего рождения: 36 лет. Планы... Написать книгу бытия. Май, июнь, быть может, июль проведу на Кавказе. Первая половина Кавказа: в степи, изучение хлыстов (христианство на земле). Вторая: изучение осетин у ледников (язычники). Чтение теперь: Реклю «Земля» [51] в связи с библейским бытием. Прочесть Гёте всего; Гомера...

28 января. Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты: все царства Легкобытова, Мережковского ⟨...⟩ И процесс одинаковый — Я — бог, и потом образование царства: ты больше я.

2 февраля.

— У вас,— сказал Мережковский,— биографически: вы не проходили декадентства.

— А что это значит?

— Я — бог. Нужно пережить безумие. А вы здоровый...

Если так, то и (*1 нрзб.*) хорошо...

Есть такая черта... Приговор: я ее не переступил, но как ее переступить, когда, я знаю, то, чего я хочу, невысказанное, неиспытанное, дано мне тоже богом и противоречит другому богу... Любовь? Она не далась мне... ушла... Я не захватил ее. Призвание... Я не использовал его... Я страдаю

до безумия, но и в самые тяжелые минуты, когда мозг затиснут в кулак... я знаю, боль пройдет, будет на том же самом месте радость. А они уже этого не испытывают. Какое право я имею быть пессимистом, когда жизнь не удалась мне...

3 февраля. Есть в жизни какая-то кроткая логика, вечная прекрасная форма — надо научиться выделять ее из природы.

7 февраля. Решил написать «Ивана Дурака». Я это, вероятно, сделаю, потому что мысль моя так захвачена, что весь мир я страстно полюбил, мне захотелось сказать Зинаиде Николаевне, какие у нее прекрасные волосы, и какой она благородный человек, и как она красива. И Дмитрию Сергеевичу: какой он рыцарь...

Родившая меня глубина природы, что-то страшно чистое...

8 февраля. Был в Салоне [52]. Долго смотрел на картину Сомова «Осмеянный поцелуй»... радуга... сияющая природа... и все, все насмешка над природой и людьми, и просто страшно за страну обетованную... и стыдно за дикий лес... и кажешься провинциалом...

20 февраля. Близится к марту. Голубые вечера. Небо приподнимается, темное небо уходит, и забывают на Невском погасить электрические фонари, искорки...

День был теплый. Солнце хотя и у горизонта, но играет. Светились окна, обращенные к солнцу. Светились люди, углы домов... Все светится... У конки много народу, люди ленивые... Дамы все с птицами на шляпках.

1 марта. Первая и самая большая роскошь, которую я себе дозволяю, это доверие к людям. Быть как все. Страдать оттого, что я не как все. Иван Дурак постоянно проваливается, а когда как все — счастье...

3 марта. Если у писателя есть свое оригинальное содержание, то он никогда не будет неоригинальным по форме. Бояться подражаний не нужно, если помнить, что единственный путь — это от содержания к форме.

Хрущево.

23 марта. От Петербурга до Хрущева. 19 марта вхожу в спальное купе третьего класса. Инженер маленький с красным носом мучается около огромного тюка...

Входит дама, старая дева: мужчины! мне дали билет с мужчинами, какое безобразие! Ушла. Входит плотный господин с широким лицом, с прекрасными русыми волосами, в кожаных перчатках... Что в нем неприятное?..

Не слишком ли крупные черты лица? Или, быть может, мужественные черты лица при мягких глазах... Веселость какая-то... Но сразу виден художник... Где-то я его встречал 〈...〉

Заводим речь с поэтом о Петербурге. Он бранит религиозно-философские собрания и Мережковского... Как все бранят. Говорит: бог должен являться в молчании и т. д.

Пейзаж в окне: черные косяки леса у снега, ручьи и канавы, логи. Какая-то широкая черная полоска с синей полосой на горизонте. Петербургское болото? Много куч навоза. Мелкие деревья. Черные домики. Березки так и летят. Сколько ни бродил на севере, а все-таки он так и остается для меня холодной чужой стороной.

Вечереет... Появляются солидные рощицы. На полустанке старик зажигает лампу и освещает ей клюквенный квас. Какой-то старик подходит, пьет кружку кваса и уходит куда-то по грязной дороге... Еще тут начальник в красной фуражке и два оборвыша у забора...

Мы разговариваем с поэтом.

— Почему нам не назвать свои фамилии,— говорит он.— Я Волошин [53].

— Я Пришвин,— говорю я.

— Я о вас, наверно, слышал,— говорит он,— наверно, слышал.

Из любезности?.. Я называю свои рассказы.

— Да, да, да,— говорит он, я их видел в «Русской мысли» и у Венгеровой [54].

Говорим о хлыстах. Инженер ввязывается. Не помню как, я перевожу разговор с религии на землю. Инженер начинает ругать революцию: стало хуже, ничего не сделали и т. д. 〈...〉

— А закон 9-го ноября,— говорю я.

— Закон прекрасный — отвечает он, и принимается мне рассказывать, как необходима частная собственность, сколько зла сделала община: овраги, чересполосица и проч. От его слов получается впечатление, будто русского человека необходимо посадить в какие-то тиски маленького клочка земли, выучить и вышколить на нем... Что-то безнадежно тусклое и страшное в этом насильном закрепощении человека, в этой школе...

Выхожу из купе. Волошин просит меня на площадку поговорить.

— Какой,— начинает он,— это был у вас чуждый меня разговор о земле. Я так отстал от русской жизни... Я десять

лет жил в Париже [55]. Я хотел бы только вам сказать о воде... Какой типичный пример. Славяне не умеют пользоваться водой, ценить ее... Это молодая земля... Тут не умеют ценить... Только вот весной еще и знаешь шум воды...

Мы глядим в окно. Какая ночь! Луна... Темные леса на буграх, в белом черное... И чувствуешь, как тает ночью снег...

— А как там умеют ценить воду, на старой земле... Я бродил в Средней Азии с караванами в пустыне [56]. Там маленький фонтан, из него бьет тоненькая струйка воды, но сколько любви тут около фонтана... Каждая капля звучит особенно...

— А вот,— рассказываю я,— на севере, там, где я бродил, столько водопадов, рек.— Я рассказываю о полуночном солнце... о таинствах северной пустыни...

— Есть две пустыни,— говорит он...— Та пустыня ждет слова, молодая пустыня... А другая... на ней уже все изжито... людей нет... вся она, эта земля, каждая частица пропитана человеком... а звезды там близкие... пустыня как на ладони поднимает... тут я первый раз понял, что есть нечто большее Европы...

В этом лунном пейзаже было что-то таинственное, что-то отвечающее нашему разговору.

— Вот,— говорю я,— где-то Бальмонт [57] говорит о этом пейзаже русском.

Он сейчас же прочитал стихотворение...

Россия... Ей нужно... просветление... аполлоническое просветление. Недаром же над гробницею Диониса стоит Аполлон...[58] Счастье должно быть дано человеку, он должен все делать с ощущением счастья...

Мы что-то еще долго говорили о таком. Я больше слушал. Не то зависть, не то горечь поднималась у меня со дна души... Та земля... изжитая... культурная... будь то Эллада или пустыня, дразнили меня своей вечной законностью... и эта моя пустыня, другая пустыня, простой случайностью... мимолетностью... то, чего этот поэт коснется, может быть, лишь случайным стихом... у него в руках вечная игрушка, о которой я мечтал с детства, у меня игрушка, которая вот-вот сломается... И так завидно, что он имеет, что он ею играет... И в то же время как-то смешно: наша земля с землеустройством, с мужиками и это аполлоническое просветление ⟨...⟩ шоколад и угощает меня...

И шоколад, и аполлоническое просветление, и сам он какой-то солидный, полный, с широким лицом, с бородой, похожий на помещика и с речами ребенка или женщины...

сам он несет какое-то удивительное противоречие двух пустынь...

И интересно и тяжело... Разговорились о Бальмонте. Вот как он его характеризует: умный, вечно с книжками, ботаника и проч., оттого в его стихах часто естественная история; ребенок... пишет и опьяняется, и это опьянение усиливается, когда он кончает... не использованные силы влекут его на улицу... он бродит, часто благодетельствует от переполненного любовью сердца... В домашней жизни он однообразен до точности часов... все это опьянение повторяется (*2 нрзб.*) начинается тем, что он хочет свету больше... увеличивает пламя ламп, и они начинают коптить...

Утром мы пили вместе кофе. Он прочел мне три своих стихотворения о пустыне (культурной), о звездах, о распятом...[59]

Хорошо... Но я далек... Я так и говорю: я далек... это хорошо, но я далек...

— Прочтите что-нибудь свое,— просит он.

Я... вот дикость! — прочел ему о том, как перешептывается северная ночь с южной...[60] Конечно, он похвалил! Он еще раньше меня похвалил, когда прочел «Согласие Д. И.»[61].

— Я,— говорит,— читал Короленко. Как далеко теперь ушли...

Так прошел день 1-й путешествия к земле и начался второй день.

21 марта. Родные поля... Вглядываюсь в пейзаж... Изучаю... Хочу смотреть на все это, как свалившийся с неба, sub specie aeternitatis... *

Не будь мужика в России, да еще купца, да захолустного попа, да этих огромных просторов полей, степей, лесов — то какой бы интерес был жить в России?

Березовая рощица... Спрятанная жизнь в ней...

В общем, картина: сбоку степь без жителей... Сверху логи, и в них прячется в серых мелких березках... как между холстами белыми... лог... ручей... ветлы... пейзаж — это миг в подробностях... в разглядывании... скромно выглядывает из березовой рощицы церковь... Синеют проталины вдали... Усадьба, обсаженная ветлами. Они как неизменные кроткие сторожа. Вспоминается усадьба покинутая, окна забиты, перед заросшей бурьяном клумбой сидит заяц...[62]

---

* С точки зрения вечности (*лат.*).

Зловещий маленький ручеек на дне оврага... края черные... разольется... затопит... дубняк на склонах...

Земля! Живут на ней... Изжили ее?.. Нет... Чувствуется, что нет... а смотреть, будто изжили. Опять вспоминается «аполлоническое просветление» и петербургские собрания. Смерть! Было последнее слово, которое я слышал. Смерть! На разные лады повторяли все...

А мне это так не... мое... никто не станет называть смерть раньше времени... И сколько тут головного... Целая теория смерти.

Весна родится в марте, как ребенок с чистыми глазами, целует, не думая, нечаянно.

Я шел по рубежу и все проваливался. Некогда было глядеть на небо. Разогрелся...

Перелез через опушку на южный склон. Тут между кустами орешника мне попалась первая проталина теплая... Я остановился: и вот пахнуло на меня от земли (*1 нрзб.*) знакомым теплым запахом, как может пахнуть только родная земля.

Это начало весны... Я это почувствовал. Посмотрел вперед, а там еще проталинка, и еще, и еще. Весь южный склон леса в таких темных душистых проталинах. А снег белый, белый... Тут я глянул на небо... А там! Облака много нежнее этого белого снега... на синем небе были такие легкие, прозрачные... И вдруг я понял, откуда они. Откуда они... из леса... из снега... улетели на небо, а тут остались темные пахучие проталины. Сколько проталин — столько облаков.

16 апреля. Солнце садится. Ивы стали золотыми. Бабы в золотых оторочках. Петровская роща стыдливо зарумянилась... и все поле до горизонта кровавое.

Идем домой. Работники собрались у сарая. В саду закат румяный, сад черный, птиц еще нет, еще сторожевые галки... Месяц и звезды, как и прежде...

Откуда это недоверие.... Кажется, я уже больше не встречу человека, которому бы поверил совсем. Все какие-то ненастоящие...

И страшно это утихание, и радостно. Прошлый год я еще безумствовал... Теперь уже нет... Теперь я все созерцаю. Работаю беспрерывно... Совсем другая весна...

Сколько отмерено человеку в ширину — столько и счастья, сколько в глубину — столько несчастья. Итак, счастье или несчастье — это зависть наша одного человека

перед другим. А так нет ничего: счастье и несчастье — это только две меры судьбы: счастье — в ширину, несчастье — в глубину.

В неизвестном лесу на кусту можжевельника прилег усталый человек, уснул и отдался тяге земной. Это ему так не пройдет: земля опять потянет его на то же самое место, и захочется ему тут спеть свою песенку, быть может, придет на звук его души и возлюбленная, они тут вместе уснут. Спать, петь и любить назначено человеку силой земли в одной точке, это его место, его собственный меридиан, тут он — сам.

Пишется легко и свободно то, что пережил. Значит, нужно писать как можно точнее и меньше сочинять. Но если так, то как возвыситься от формы дневника и записок до художественной формы.

Отдать себя жизни, пусть ранит она сердце, чем больше ран, тем глубже свет. И каждый человек будет открытая книга, и по одному звуку голоса другого человека будешь сразу узнавать, кто он такой, что с ним было, чем он мучится, как он ранен... А то можно забить себе в голову гвоздь и так с гвоздем всю жизнь прожить и ничего не узнать...

Подхожу к дому Михаила Евстигнеича [63]. Издали вижу его с лопатой в руках, седого, возле одного дуба — он дуб перелопачивает. Весь сияет, снимает шапку. А когда я уже близко, вдруг делается странно серьезным, торжественным, когда произносит свое:

— Здравствуйте, с прошедшим праздником вас.

Наше рукопожатие и приветствие — серьезное выполнение обряда.

— А как вы? — спрашивает. Я ему говорю о своем:

— Отчего плохо русскому народу?

— От недоверия. Все прежнее пало с проведением железной дороги и банков. Теперь покупателя за рукав тянут к себе, а раньше: «У меня почин есть, сходи к соседу, он без почина».

— Торговля,— говорю,— ложь.

— Нет, не ложь, а тайна... Ложь не терплю. Правда одна. Это можно так проверить: если через десять лет один и тот же человек об одном и том другое скажет, значит, он лживый человек.

Каждый закон, по-моему, лучше бы вышел из дела и поступка, чем из мысли.

Вся беда в России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек — это существо, прежде всего удовлетворенное всей жизнью, и там, где концы ее с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться богу, начальству или закону. Но представьте себе страну, где каждый постиг, как мировую тайну, принцип всеобщего беззакония личного и в то же время высшее право личности, где каждый имеет психологию гения без гениального творчества, где и действительный гений не может быть законодателем, потому что тайну-то гения (личное беззаконие) все подглядели, тайна (личное беззаконие) стала всеобщим состоянием и всякого законодателя винят в двойной бухгалтерии.

Вернулся в Хрущево. Тени в саду... Свет... Изумруд зелени под черными липами и вишнями.

Дуничка [64] приехала...

Пошли на парники... Редиска, салат... мыши... В лес! Мне хотелось в лес... в лесу вечером нехорошо, вечером в саду хорошо, а в лесу утром... Цветы бледные в сухой листве. Возвращаемся в сад... Чудеса! За эти три дня соловьи прилетели, поют... Черный сад и месяц... и таинственный зов... Лягушки поют... ворожат... под их трель у террасы... летучая мышь... Дуничка седая уже... маленькая, вздохнула... Все это сад! Какой прекрасный сад, а так остался без поэзии... Лидя [65] отвечает ей: нет, она была, только внутри осталась, она скрыта... Как? отвечает Дуничка, внутри, скорее вне: лес и сад, все это есть... а внутренняя жизнь его остается пустой... Тут и я вступился за сад... Я стал говорить о тургеневских садах, что в Лутовинове [66] тоже мало было поэзии, но все липовые сады после Тургенева стали прекрасными... В них самих должна быть поэзия... Дуничка ничего не ответила... А соловей пел, заливался в черном саду...

Весна течет правильно... Есть время весны, когда соловьи непременно поют в голом саду...

Дуничка: пустой сад... Сад остался таким и засох... навсегда.

От трехдневного пребывания в Ельце остался такой осадок... смысл, идея изгнаны из русской жизни.

24 апреля. Ночью я проснулся от раскатов грома... Открыл глаза. Огненная птица влетела в мою темную комнату. Опрокинулась вниз золотистою длинною шеей и исчезла... Я понял: гроза. В полусне взглянул в окно. Там в бледном свете сияла ограда, и пруд, и ветлы... Я уснул как мертвый, говорят, была страшная гроза.

После грозы утром хмурое холодное утро $+ 1,5^{0}$. Около 12-ти повалил снег громадными хлопьями в кулак... Казалось, будто с крыши гигантского дома дворники счищали снег... И он падал большими шмотками...

Снег и голод выбили грача из гнезда. Встрепанный, он уселся сначала на верху липы, на голом суку, ничего не понимая. Снег бил его сильнее и сильнее. От холода и ужаса он закричал.

Огород побелел. Липы поседели. Изумрудное ложе под ними поблекло. Между зелеными рожками сирени везде улеглись холодные кристаллы снега...

...Все белело и белело... Не осталось признаков весны.

— Вот и весна! — вздохнула Дуничка.

— Это бог знает что такое! — подхватила маркиза.

— Как же теперь цветы...— рассеянно сказал я,— померзнут?

— Какие глупости! — ответила маркиза.— Полевые цветы померзнут! Сотроду того не бывало. Померзнут. Что ты болтаешь...

— Но все-таки головки поникнут,— сказала Дуничка...

И так все стало в саду седым и белым. Еще раз отчаянно крикнул грач и спустился ниже в густые сучья, съежился и замер.

Конечно, весна победит... Все это будет цвести. Но какая могучая сила в этом холодном объятии. Я люблю эту угрозу зимы... Не знаю почему, люблю. Силюсь объяснить себе это, вглядываюсь долго-долго в падающие хлопья, в белые лавочки... И не могу объяснить себе...

Дуничка уехала... Маленькая, седая и слабая, и сильная... Светлая, как снежинка... То, что в ней холодное, то большое, большое, а то, что теплое,— маленькое, то погасающее, то опять загорающееся. Огонь ее никогда не горел пламенем.

Проходят эти люди родные и бесконечно чуждые. Внешние факты говорят о них... Факты навязываются, образуется цепь... И так висит эта цепь чужих, бесконечно чужих людей и родных. И если кто-нибудь умрет из них, то цепь сомкнется...

[Петербург.]

15 июня. Гулял с Александром Михайловичем[67] в Павловском парке... Он говорил мне: я своими писаниями искажаю природу. Настоящая природа страшна. Он даже помыслить не может, как страшна она... Мы так далеко ушли от нее, что и не можем представить себе, какая она настоящая...

— Природа,— говорил я,— не есть что-либо вне меня лежащее, я изменяюсь, изменяется и природа, всякая вещь, которая откликается на мой дух, есть природа...

— Да,— говорил он,— но вы же хотите быть пантеистом, быть как природа. Это невозможно. Вы городской человек со всеми тонкостями городской культуры. Вот эта тропинка культурная, она вьется по пятам за нами, и нет возможности отделаться от нее...

Я один. Я слышу, как бьется мой пульс. Я вижу, как я тихо качаюсь от его ударов. Я слышу дыхание лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со скалой. И через любовь мою к цветку я связан со всем великим миром.

Звезды зажглись... Тайна легла над землей. Господи! Оставь так. Оставь меня таким, как я есть, как я сейчас. Господи! Дай мне сил не оторваться и встретить вместе со всеми Солнце...

29 июня. Неужели же так это все напрасно тысячелетия просвистел соловей в саду... Я думал и думаю: есть же какая-то подлинная жизнь.

8 июля. Говорили о быте. Я сказал: в России быт только у диких птиц: неизменно летят весной гуси, неизменно и радостно встречают их мужики. Это быт, остальное этнография... и надо спешить, а то ничего не останется... Россия разломится... Скреп нет...

Так легко вращается прекрасный зеленый мир, а я не верчусь вместе с ним, а иду трудной тяжелой дорогой... прямой, прямой...

И тупо глядит на меня этот путь. И все чужое вокруг... Я подхожу к ним и спрашиваю то свое... Никто не знает моего... Я должен его скрывать.

Путешествие из Павлодара в Каркаралинск.

13 августа. Переправа через Иртыш. Пароход остановил паром... На другой стороне степь: юрты, похожие на керо-

синовые цистерны, дым, скот... С той стороны едут киргизы... Какая она, степь? Мы около степи... Вся степь... Степь — лицо.

Верст на десять луг... мелкий кустарник, высокие травы, копны, виднеются зимовки, могилы...

После луга другой пейзаж: голая степь, желтая, солончаковая... Соленое озеро возле второго пикета Джамантуз... Заря малиновая... Озеро блестит светлой полосой...

Мы располагаемся на ночевку...

Вчера вечером к нам подъехал из степи всадник, спросил... Про что он спросил? Верблюд пропал... Сегодня опять два всадника. Про что они спрашивают? А про того же верблюда. По всей степи идет вопрос про верблюда. Кошемная почта. Линия горизонта волнуется, приближается, постепенно переходит даль в горы...

Белое в степи... Что это? Голова верблюда... Есть целые скелеты... Кости... Соль выступает на дорогу. Как снег. Я пробую землю... соленая... Солнце между горами и нами, потому горы синие...

Что это на желтом? Как лось... два рога... Верховой?.. Нет, это верблюд шагает, и сзади него арба... Юрты будто белые кули... Вот такая же жизнь на луне... Везде мираж и марево, там и тут обманчивые соленые озера... Как в географическом атласе.

Я прошу киргиза петь... Он поет одно и то же... хорошо... что-то испанское слышится в мотивах аккомпанемента инструмента... Лунная ночь... юрты, как цистерны... Чья-то степь... Кто-то пользуется ей... Поют... Горы выше и выше... Ручеек между холмами... и радостная встреча с деревьями. Только один ручеек, и уже все оживает.

Что я думаю? О каком-то чудесном озере... И так хорошо: проснешься завтра, и откроются эти темные горы и какое-то озеро... И я буду здесь жить и войду внутрь этой пастушеской жизни, где люди даже хлеб не едят...

Как жутко... Эта степь страшная, и эти люди все практичные, и я один так зря, безумие это путешествие, у меня никакого дела... все спрашивают зачем, я сам не знаю зачем... Все эти переживания с обыкновенной стороны — чепуха, глупость, безумие...

Каркаралинский уезд самый лучший для скотоводства, называется «арка», что значит хребет земли — пуп земли. И дал же бог!

Легенда о Баян[68]. В местечке Тарак она потеряла гребень (тарак — гребень). В Нар-Чёккён (чёк! — кричит верблюд) потеряла верблюда. Каркара — головной убор, здесь в горах она потеряла головной убор.

По виду и не узнаешь царя степей: ходит старичок в длинном халате, приглядывается и пощупывает баранов, а у самого табун двенадцать тысяч голов.

Для них я что-то особенное, киргиз не подаст вида, что заметил, но через десять даже лет скажет, вот там-то встретил, в такой-то одежде, особенно, если на лошади, то какая лошадь и проч...

Гостеприимство: ведь степь такая... прямо удивительно: сел на лошадь, взял с собой только плетку и ничего больше и пропал хоть на месяц, на два...

— Хоть на год...

— И буду сыт и все...

...озеро... закат... красные горы, задумчивые каменные фигуры... две сестры щеками друг к другу... далекие от мира... прекрасные, потому что не действенны... осталось одно прекрасное... хороши эти дикие памятники...

Киргизка как маленькая юрта... На голове перо совы (от порчи).

Самое лучшее время — вечер, стада стекаются... Ребятишки грязные сбежались, все смотрят на собак... Ягнят привязывают к петлям на длинной веревке голова к голове... за овцами коровы... женщины доят... Сопки... Долина между холмами...

Не хочу оторваться... степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше — пустыня.

Мы едем в долину р. Джарла, плодороднейшую, где теперь множество аулов, к Джанасу... у него два сына Абдельда и Абобакар. Заедем к султану (тюре) Магмуду.

Боязно к незнакомым...

— Ничего,— говорит Исак,— раз мы их лошадь не задеваем, раз мы их не трогаем, то какое им дело.

Показалась высокая гора Мирза — форменная гора, налево все виден Кабаний Шиш. Аул из одной юрты...

Думали, близко Мирза, а она все впереди. Доехали до Мирзы, открылась долина Джарла. Впереди возле Мирзы человек едет на верблюде и кланяется, как на молитве... утомительно смотреть даже, как наказанный богом вечно качаться.

Начинается мирная беседа. Старик спрашивает: знаю ли я законы... Киргизов обижают... Как подать царю жалобу? Или в сенат? Я объясняю Думу. В Думе мало киргизов.

...Есть ли в Петербурге бараны, какие? Я говорю, сухие, потому что ягнятся два раза в лето, и без курдюков и с козлиными хвостиками. Весь аул хохочет...

— А сколько в Петербурге домов? А сколько людей...

Приносят кумыс и особенно торжественно: каково мое состояние?

Вполне сближаемся...

В юрте много отверстий: как звезды... Вся юрта похожа на воздушный шар. Закрыли вверху: мы летим где-то по небу...

Опять просыпаюсь — мы на земле, открыта дверь юрты, лунный свет, стада... старика нет... Старик бродит между стадами, дальше и дальше...

Звезды при лунном свете особенно зеленые, и какие-то зеленые волны и впадины, и звезды во впадине...

Старик вернулся и запел песню... хорошо... как-то особенно... Откуда песня... Что она значит, в ней и аккомпанемент и все... просвет от старика куда-то, он ухватил часть степной, истинной жизни и вот, когда все спят, поет...

Чаепитие... Аустан и другие мальчики берут книги, сидят против двери и поют, чистые мальчики... Так славно... Старик так любовно поглаживает. Киргизы вообще любят детей... Старик похож на большого козла... Вчера, когда он пошел в стадо, я ему сказал:

— Вы — царь, лучше царя, тот сидит в пыльных стенах, а в степи хорошо...

Старик просто спросил: почему же я живу не в степи? И мне вдруг (*1 нрзб.*): как ему объяснить?

На охоте в ущелье гор: березки и сосны... Ясная осень· невредимые мрачные утесы и сосны... и только по березке можно узнать про осень. И те мгновения охотничьи, когда схватываешь всю природу: чистый воздух... и скалы, и все...

Родится ребенок: для крепости поливают соленой водой, смазывают маслами, прогревают на огне и завертывают в баранью шерсть...

Киргизы в поле останавливаются и вместо воды отирают ноги землей.

Думал о юморе киргиз... Как близко это русским... Сколько в нас татарского...

Кто видел звезды из аула, того они будут всегда сопровождать. Когда-нибудь и по Невскому проспекту я увижу те же звезды и скажу: «Вот Семь Воров, вот Гибель Ослов, Чолпан...»

Я путешествую, изучаю, записываю, но как жалки эти собранные факты в сравнении с теми случайными впечатлениями...

Я собираюсь куда-то идти, случайно бросил взгляд в окно: какая-то полуразрушенная избушка, и спокойный поворот головы верблюда, и желтая сопка позади его... Гонят стадо баранов, один киргиз на лошади, другой на верблюде, третий на быке...

На корточках сидят возле баранов киргизы и щупают баранов... Широкая и спокойная фигура в белом, такие длинные рукава, так просторно висит одежда... встречается, спрашивает: «Откуда ты?»

А эти врезанные в небо черные утесы и желтые тлеющие березы в угрюмой синеве сосен в ясный день!

И тоска по родным полям и саду... Ничего нет лучше и глубже весны в родном краю...

Знаю, что над всем этим висят такие большие звезды...

Иногда страшно подумать в пути: за это время, быть может, умерла мать, дети... Ведь так оторваться, как я, значит уметь разорвать со всеми, значит объявить весь мир без родственников, значит, с другой стороны, в каждом встречном человеке видеть частицу мира, опираться на нее, делать постоянные открытия...

Я совсем один, и я со всеми... Путешествие — это особый пост «ураза» на все привычное... Нужно, чтобы каждый так постился... Нужно сделать, чтобы путешествие было без определенного дела и без каких-нибудь грубых непосредственных потребностей... Оборвал привычки, знакомства, привычную природу... Лопнул канат... И вот все живое в себе ищет восстановить это нарушенное равновесие, хватается за людей, всяких, за новые деревья, камни... пройдет время и... связи восстановлены, привычки найдены... верблюд не останавливает внимания... горы, лес... все обыкновенно... Но смысл пережитого остался... остался какой-то налет, колорит жизни, и вот, право, не знаю, что это значит: какое имеет значение — география или роман...

Какая скука выдумывать повести в кабинете, когда стоит только предпринять пост на родственников и привычки и каждый человек рассказывает повесть, каждый лист и камень... И как они все хватаются, тянутся ко мне, боже мой, ищут меня...

Снилась мне А. Х.[69] Нужно было сделать усилие, без этого усилия нет смысла, нет женщины... И В. П.[70]... там даже было все... стоило сделать шаг, и моя навек, но нет... Не было сил?.. Не было желания... я хотел другого...

И так мне теперь все это ясно кажется, как просто счастье, как легко это сделать, но нет... Любить звезду, потому что она далеко... Любить и искать то, чего вовсе нет, одно здесь, оно самое возле, и любить не это, а отражение его на небе... Это бессмыслица полная, это безумие... И такая тоска за свою такую нелепицу... Чего-то ищу, ищу еще мгновение, другое, и вот что-то хорошее. Я уже думаю о своем путешествии, комбинирую и нахожу что-то фактическое, ощутимое, но это пришло из того...

Степь... То же самое: люди живут тут, вот она жизнь под звездами в приволье степей и все отравляет, а звезды прекрасны, значит, нужно жить... И почему непременно так думать: прекрасно, значит, для испытания его нужно пожить, почему непременно жизнь — мерило прекрасного, его корректив, какое утилитарное и грубое отношение к красоте...

Как бы ни строилась юрта, как бы ни загибались ее деревянные крючки и ни поднимался свод — все-таки это жалкое подобие... И так ясно: не удалось устроиться самому, войти внутрь жизни, и вот, куда ни пойдешь, везде

кажется не так, непохоже то и далеко от него... Нужно пахнуть теми же запахами, чтобы их не замечать...

И это бесполезно и бессмысленно искать в жизни, в быту соответствия тому, что уже в самом своем источнике разделилось, как небо и земля...

Показывается во тьме аул, издали освещенная юрта похожа на низкую звезду... вблизи фонарь светится...

Джамантас! Едешь и смотришь на камни и вдруг вспомнишь — с сентября теперь у нас у террасы астры холодные...

Вчера на ночь говорили пословицы:

— Когда есть у тебя конь иноходец, езди, узнавай страны, земли, когда есть чем угостить, угощай народ.

— Кто много ездил, тот знает, что далеко и близко, кто много пережил, тот знает, что сладко и что горько.

. . . .

— Горы и камни портит ветер, племя Адама портят слова (плохие).

. . . .

— Если товарищ твой кривой, то старайся поджимать глаз, чтобы быть с ним под пару.

В этих диких скалах так хочется остаться одному, но если придешь один, то пустыня задавит дух. И только так кажется, что один что-то важное сделаешь: все дробит на мелкие части.

Опять я вспоминаю: для охотника нет погоды... есть природа, тоже и для путешественника...

Мы едем по следам на песку... Сколько следов!

...По долине идут архары, много... идут спокойные в горы спать... Какая чистота... Как не хочется стрелять...

Живут эти звери такой чистою жизнью, никому не обязаны...

Какое двойственное отношение: невероятно жалко, и стреляю...

Какой теплый вечер после такого дня охоты... Ночь окружает юрту... Черная рама гор со всех сторон... На черной горе показалась звезда и другая, луна... впадины гор блестят... топор заблестел и оглобли, в темноте лошадь оседланная...

«Карауль всю ночь — завтра поедем».

Сидим все кружком перед юртой... тени яснее и длиннее... Кони жуют и жуют...

Светится уже нам аул в долине Бий-джан.

...Красные степные лица, красные кровяные тела архаров... кровь и огонь... и ребра юрты, и звезды вверху...

Как хорош огонь!

Съедание архара руками... Вычищение костей ножом... Едят, фыркают... Кусочки лука... Соленый бульон... Дорвались до мяса...

Первобытная жизнь.

Да, наш аул соединен не родственным, а охотничьим чувством, настоящая семья...

Утро: белая снежная степь, белые горы... В дверях лежит голова верблюда на земле, горб в снегу... И думает думу... отдельную... такую далекую от всего этого аула...

...Какие грациозные головы... Какая чистая долина и такие чудесные глаза... И хочется мне сказать: ничего, я вдуну бессмертную душу... Я чувствую, что я что-то создам из всего этого... Это жертва для моей работы... И сомнение: что ценнее — жизнь этих прекрасных животных или мое описание... Пусть и оно будет прекрасное, но разве смоет оно кровь в долине Бий-джан?

Когда ночью при луне ехал и думал: неужели это все только декорация? Неужели не связана жизнь этих звезд с жизнью этих людей как-нибудь так, что значение их не потухает...

Какие громадные желтые звезды догоняли луну, распахнулись в золотой одежде низко-пренизко, и если бы мальчик ловил звезды сачком, как бабочек, то непременно бы поймал эту распахнувшуюся звезду.

Вечерние думы... У Лазаря и у всех и в природе все есть, но все это так проходит, но в соприкосновении со мной все светится, вспыхивает какой-то особенной жизнью, и эта жизнь есть жизнь сознания. Но мой личный труд в области сознания «я» — такой же, как и они — «я», мой труд скучный для других... а результат особенный.

Чтобы любить степь, нужно быть кочевником, нужно ездить верхом, сидеть зиму в зимовке, любить скот... Как нравится теперь мне трава, потому что я в ней понимаю, а раньше все желтая щетка...

Любовь к природе, как и родине человека, везде одинакова: и в голодную степь будет тянуть, если в ней родиться... А другая любовь, но другие основания: любовь проходящих мимолетных людей... Две любви.

Вспоминается жизнерадостный лесничий и неизбежное превращение его в чиновника, то есть гибель физическая и духовная... И думается: как-то непременно надо погибнуть, чтобы жить вечно, так ясно видны два человека в себе и так понятна эта духовная личность, объявившая смерть плотской личности.

Не забыть: вкус баранины в степи, вместе с нею глотаешь и воздух свежий, как в море.

Я думал о том небе, которому поклоняются, и пустыне со звездами, где нет людей и только дикие кони перебегают по оазисам.

И вдруг я понимаю все... То знакомое и близкое я теперь понимаю... Не школьные знания о том, что когда-то кочевники окружили славян, что Русь была под игом монголов четыреста лет, что все эти слова заимствованы от них... Нет... Все эти *(1 нрзб.)* сведения я теряю в пути. Я смотрю на все вновь. Не то... А так я понимаю... Я узнаю знакомые черты своих товарищей в тех лицах... Я узнаю всю ту загадочную половину русской души, которая не подвластна нашему анализу...

Да, и тут моя родина... Боже мой, как необъятно все ее пространство... Есть ли в этом пространстве одна душа...

Сколько препятствий на пути к звездам...

Что же такое это стремление к природе?

Вот пройдет несколько недель, и воспоминания, как птицы, крыльями зашумят вокруг меня... Эти будничные разъединения... переживания у земли, каждое из них будет тянуться к смыслу, искать своего места в целом...

Было когда-то время, о котором мы теперь с такою болью вспоминаем и называем его золотым веком... Люди жили в раю... Но ведь это никогда не было... Это только воспоминания.

Когда-то в этой пустыне была такая кипучая жизнь... Потом все это умерло... И один свидетель этой жизни остался и разбросал по небу эти свои воспоминания...

И все народы, все люди думают, что такое звезды. Все хотят приблизиться к ним, понять их... Но это невозможно... И безумно... Будем лишь обращаться за советом к этим покойникам...

Нужно трудиться... В поте лица нужно копать землю... И когда устанешь, когда сломается лопата и руки повиснут... то мелкие, мелкие звезды, как булибульки со дна стакана, медленно поплывут к небу... Мелкие, мелкие... А потом будут проходить века, они будут все крупнеть и крупнеть...

Новые люди по-новому будут копать землю. И горе тому, кто живой и сильный перестанет копать эту землю... и поднимет глаза с вопросом о жизни туда, к этим свидетелям неба...

Вот они эти застывшие фигуры, эти женщины с молитвенником, этот повернутый Мефистофель... эти склоненные сестры.

Да, я понимаю, отчего в пустыне звезды большие, низкие, будто привешенные на нитях лампады...

К звездам, к звездам поднимается эта старая земля... А может быть, звезды спускаются к ней... Это здесь уже... а там дальше, в совсем голодной пустыне... Там, где только дикие кони спешат перебежать от оазиса к оазису... Туда поднимается земля... Туда опускается небо... И, может быть, где-нибудь в самой дали, где и коней нету и только песок желтый-желтый, и воздух чистый-чистый и тишина... И там в особые минуты, в полночь звезды спускаются к самой земле... И там, может быть, совсем маленькие чистые дети бегают с сачком в руках и ловят эти звезды и опять пускают... Ловят и пускают... И так до утра...

Нужно копать и копать.

Мне временами было так ясно, все понятно, эти пути... Нужно как-то страшно сжаться, вот как эта окаменевшая лисица в ожидании беркута, и будет страшная боль... Тогда нужно еще сильнее стеснить себя, и вот уже боли не будет и откроется прямой путь к звездам. Нужно умереть от себя...

Да, я чувствую, как над этим рядом моих бесцельных переживаний, воспоминаний строится каким-то млечным шатром, купол воздвигается... И вот она построена, моя собственная юрта... И большие старые звезды глядят на меня в отверстие вверху...

Свое собственное небо... Но звезды в нем мелки... Я оставляю, иду под настоящее небо большое-большое... И так странно оглядываюсь на эту темную юрту... Кто-нибудь зайдет в нее...

Отдохнет... обогреется и тоже увидит... большие блестящие звезды и уйдет... И тоже оглянется...

Маленькая темная юрта под звездами... Нужно запомнить это местечко... Сказать кому... Эта юрта в долине Бий-джана, возле кустарника, у ручья.

И еще вот что: от земли к звездам хорошо, но от звезды к земле — нет путей. И потому самые большие и низкие звезды живут по пустыням...

И потому нужно дорожить жизнью: звезда придет.

Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Тут только, на фиолетовых берегах соленого озера, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...

Я люблю, когда после грозы в майский день капли, капая с листьев, собираются в большие и снова падают до тех пор, пока самые-самые большие задумчиво не повиснут на ветках на целый день... Тогда конец грозе... И большие спокойные капли вспоминают на ветках, как непонятно сдвигались тучи на небе, и огонь, и вода, и земля непонятно и грозно объяснялись...

О чем? Что они хотели сказать? — спрашивают спокойные задумчивые капли после грозы.

И еще светлее и глубже, чем капли на ветках,— звезды на небе в пустыне.

Глаза верблюда... Как уродлив, как нелеп его вид, похожий на птицу... Но почему-то, встречаясь с верблюдом в пустыне, долго не можешь оторвать от него глаз... В этих отрешенных от жизни глазах чудится какой-то сознательно и, главное, давно-давно взятый крест на себя... Что-то бесконечно более глубокое и сильное, но дикое. Нелепость природы и глубочайшее сознание этой нелепости... И вечный укор красивому и упрек...

Мне хочется плакать, когда смотрю на верблюда... Мне хочется думать: нет того.

...И вот оно есть, оно неизбежно, когда я гляжу в эти старые глаза... Они открывают желтые сопки... холмы степные, тысячи лет лежавшие и ожившие...

У меня есть приятель, похожий на верблюда...

Странные эти светлые открытые дни в степи... День, два, три — все одинаковые... И открытые ночи... Север никогда не глянет вовсю... А здесь днем весь день с утра полным глазом глядит солнце... Ночью — полным глазом луна...

Если бы когда-нибудь звезды спустились с неба на землю, как скучно бы нам стало, как тяжело...

Основное зло нашей жизни состоит в том, что мы стали невнимательны к каждому отдельному человеку.

Ученые больше других страдают этим грехом [71].

[*Петербург.*]

28 ноября. Новая страничка моего журнала жизни. Поэты, декаденты, хлысты, философ-талмудист, святодуховец, и еще, и еще... человек 15—20.

Ремизов [72] представил меня Вячеславу Иванову, и первые слова того были: «Какая у вас платформа — христианская или языческая?»

На последнем рел.-фил. собрании Розанов [73] по поводу моей книги [74] высказал убеждение в существовании такой страны. Это был замечательный разговор уже потому, что я торжествовал над ним свою победу. И разве это не победа? Мальчик, выгнанный из гимназии, носивший всю жизнь по этому случаю уязвленное самолюбие, находит своего врага в религиозно-философском собрании, вручает ему свою книгу с ядовитейшей надписью: «Незабываемому учителю и почитаемому писателю» — и выслушивает от него комплимент. Вот победа! А он-то и не подозревал, с кем имеет дело.

Разговор, насколько я помню, был такой. Василий Васильевич, встретив меня, взял за руку, отвел в сторону и серьезно, очень серьезно — я это заметил — стал восхищаться книгой:

— Лопка! Какое чудесное слово, и об охотнике хорошо, и о грехе хорошо, и о детях птицы хорошо... вы интересный человек, а когда я там смотрел в собрании, вы казались мне каким-то статуеобразным...

— Вы меня считали за тупого человека? — спросил я.

— Нет... плотный вы... а в книге охотник... живой.

Еще мне он говорил там, как все эти лопки и птицы изменились в культуре, сколько мы потеряли.

Страна обетованная, которая есть тоска моей души, и спасающая и уничтожающая меня,— я чувствую, живет целиком в Розанове, и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знал. Недаром он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в «Америку».

— Как я завидую вам,— говорил он мне.

К одному и тому же мы припадаем с ним, разные люди разными путями. Отчего это? Что это значит? Когда-нибудь я буду много думать об этом, но теперь *(1 нрзб.)* Розанов и Мережковский прельщают меня своей противоположностью: бытовики и личники.

Особенно интересна Гиппиус: она представляется холодной снежной Дамой: смерть от весеннего луча — вот все ее страхи[75] ⟨...⟩ Надо запомнить, она мне сказала последний раз:

— Вам 16 лет, вы наивный человек.

2 декабря. Прихожу на Херсонскую к Бонч-Бруевичу[76]. Там Легкобытов. Опять религиозные разговоры.

— Суть не в изменении моего характера, а в отношении друг к другу,— говорит Легкобытов,— восстановление векового первоначального отношения людей, заботы друг о друге, не один, а семья, одно живое целое, это реальное, а самое главное в семье: равенство.

Нужно привести человека в совершенную простоту и дать ему простое назначение.

На улице: я спрашиваю Легкобытова: кто Мережковский?

— Он... я чувствую в нем дух, равный себе, его лицо, его поведение, но он шалун. Фантазия... И гордость... Нужно умалиться до нас... Нужна простота и искренность... А он шалун... И потом отсутствие сознания, что мы будем судимы, то есть ведут себя, как боги,— они боги. Между тем, если бы они бросились в народ, то поняли бы, что тут в нем все: и археология, и история, все, что от зачатия века было, есть в народе.

— Что же такое народ? Есть ли, из-за чего туда бросаться?

— Народ — это земля... Зачем Мережковский на церковь? — пусть они отходят со славой...

Черная каменная голова, гранитная, лысая, выдвигается передо мною. Безгранично сильное и равное себе: две сложенные вместе половинки целого. Жутко до бесконечности. Все, чем мы живем: сказочки и проч. искусство — все сказочки, пустяки, мы — шалуны. Особенно мне чуден кажется Ремизов, отвергающий народ и потихоньку роющийся у Даля в погоне за народными словами...

3 декабря. Есть секта служителей красоты в Петербурге: декаденты. Изучить их историю.

Народ, земля, отец, мать — требуют возвращения в свое лоно: отдать отчет. Чающие зовут на суд обещающих. Красота есть тоже бог.

6 декабря. С большими людьми лучше не сходиться лично, потому что их идеи часто есть последнее, что они могут дать, больше ничего у них нет.

19 декабря. Природа некрасива. От человека узнали, что она красива... У меня есть наблюдение: две любви природы: 1) как любят родину (природа-родина) и 2) как предмет искусства. Киргизская степь — родина. Швейцария — картина ⟨...⟩

Красота рождается из страдания. Она есть просветление страдающего (гордого?) человека.

20 декабря. У Мережковского. Был Блок. Блок сказал, что Мережковский как крестоносец застрял в Риме [77].

— Мы не донесем,— сказал Мережковский,— я знаю, мы не донесем, но другие понесут. Наш трагизм вот в чем: это не мы, но мы должны говорить — это мы.

Однажды в кругу нашей духовной аристократии, слушая споры в области чистой теории (Гиппиус как из пушки стреляла: «Прагматизм! идеализм! реализм!»), дошла очередь до меня, Гиппиус спросила:

— Что же вы молчите?

Я спросил их: видели ли они тот свет и пламень, который мы видели, когда в юности крестились у Бебеля? [78] Стали обсуждать, оказалось, что видели все по-своему, но мне как-то не верилось, все как-то выходило книжно, я прямо сказал, что это не то.

— Боже мой,— сказал кто-то,— да ведь вы были рядовым марксистом! Вы об этом говорите.

Все этому засмеялись. По-моему, это был настоящий смех книжников и фарисеев, вообще филистеров, людей, никогда не бывших «рядовыми» и, значит, некрещеных. Потому что в тот самый момент, когда человек принимает крещение, он непременно становится в ряды.

Мы принимали крещение от Августа Бебеля за благоговейным чтением его книги «Frau und Sozialismus». Перед наступлением момента света мной овладели две идеи этой книги, первая, что близко время мировой катастрофы, и вторая, что женщина после этого, «женщина будущего» явится такой, как я желал в сокровенной глубине детства своего.

В самый же момент крещения самое счастливое, самое высокое было, что я стал со своими друзьями одно существо, идти в тюрьму, на какую угодно пытку и жертву стало вдруг нестрашно, потому что было это уже не я, а мы, друзья мои близкие и от них как лучи «пролетарии всех стран».

И мы пошли за мир и женщину будущего в тюрьму. Допросы, жандармы, окно с решеткой, и свет в нем... Жен-

шина будущего, кто она, мать, сестра, невеста, в сердце рядового, в его смятенной, смущенной душе рождается образ Прекрасной Дамы,— нужно быть рядовым!

21 декабря. Мережковский сказал Зинаиде Николаевне Г[иппиус]:

— Что ты, Михаил Михайлович весь в жизни, его, напротив, надо отвлекать от этого. Мистический путь без философии ведет к хлыстовству.

Вчера мне сказали, будто я стою против духа. Трава зеленая против духа.

24 [*декабря*]. Рел.-фил. собрание. Беседа с Блоком.

Испуг — вот что может служить руководством для определения того момента, когда невозможно слиться со средой... Гармонического писателя нет: все с провалами. Пушкин под конец жизни сгустился и умер естественно, если бы не умер, то пал бы [79].

Я ему говорил:

— Истинное должно быть свободно, как все растущее из земли.

Он не понял и принялся доказывать:

— Нужно сказать да, рано или поздно, нужно.

26 декабря. Неожиданные приступы боли... Отчаяние... Тоска... И радость и мечта о будущем...

То же было и тогда, еще за границей до той страшной схватки [80].

Не перед новой ли схваткой это? Схваткой за смысл жизни, за ясность сознания. А то как-то обидно: будто песчинка на волнах...

Можно делать всякие опыты, но нужно оставаться свободным... Я хочу писать о жизни... Хочу писать о вечных законах жизни. Хочу изобразить жизнь в ее тайнах.

Природа! В ее вечных кругах...

Религиозное чувство, как и поэтическое, есть поправка жизни. Кто живет всей полнотой жизни, тот не нуждается ни в поэзии, ни в религии. Я не могу отказаться от предоставления возможности жизни вполне счастливой и прекрасной без искусства и религии. Я не вижу такой жизни теперь, но верю, что она была и что она возможна, если человечество почему-нибудь одумается и обратит свой взор не на старость, а на детство ⟨...⟩ Я знаю, есть другое мнение: жизнь есть навоз для философов...

Мое основное настроение теперь: я колеблюсь между признанием того или другого. Страшно вот что: все это рассуждение старо... Все, что я думаю,— было думано

и передумано. И я могу лишь дать другие оттенки тому же самому. Сущность неподвижна. Формы ее изменчивы. Мы все работаем над изменением ее форм. Когда человек любит, он проникает в суть мира...

Вижу край зеленой одежды мира. Хочу о ней писать, хочу ловить все, что летит, и вьется, и реет вокруг... Дальше и дальше от центра... Все ловить... все хватать. И всегда беречь в глубине души тайную тягу к тому, что скрыто под зеленым покровом. Никогда не называть это. Вечно чувствовать. Называть только то, что вокруг, что вьется... Тогда будет поэзия.

Я никогда не могу описать свой роман, самую его суть... Я не могу взять море, но я могу подобрать самоцветный камушек и берегу его. Я не могу погрузиться в бездну вулкана. Но я могу собирать пемзу и остывшую лаву.

...ради художества не были мужчинами [81]. Я думаю об этом так: они не могли быть мужчинами, а потому и стали поэтами ⟨...⟩ Не хватает силы увлечь «ее» в свои грезы о жизни ⟨...⟩ Но если бы грезы были разделены, явилась бы семейная жизнь и, быть может, не было бы поэзии. Что же лучше? ⟨...⟩ Я ставлю прямо вопрос: если обладание «ею» совершенно доступно, откажется ли кто-нибудь от этого для поэзии? Кто станет искать поэзию на небе, если она в руках? Если нет «ее» в руках, вот тогда ищут на небе... Но может быть иллюзия: «я сам отказался от нее»... Не я отказался, а слабость, мечты стали между мною и ею, я не мог быть мужчиной, потому что я слаб, я поэт...

Люди настоящие, смиренные не знают света, исходящего от них. Вообще лучшее человеческое дается даром (поэтому простым народом не ценится красота) — это такой же дар, как свет, вода. Добро, красота есть дар природы. Этой естественной силой завладевают пророки и поэты, но если они оторваны жизнью от почвы, то неизбежно теряются в личном, становятся в лучшем случае колдунами, их слово висит в воздухе, возникает культ слова и за этим словом разломанная душа (декаденты).

1911—?

Ночью я думал о этапах с почти десятилетним промежутком: уверование в Маркса, уверование в женщину и спасение ею, приобщение к жизни. Было ли хоть раз тут

«второе рождение»? Так я и не решил ничего. Но все-таки остановился на следующем: в моем опыте бездна материала для мысли. Если я когда-нибудь задамся вопросом, что все это значит, то глубокая откроется тайна. Но мне хочется нового опыта, жить дальше. Я был рожден для жизни (после того) и с тех пор медленно, но живу...

Путь к свободе есть путь болеющей личности, мир же вовсе не болен. Законы свободы, найденные для личности, совсем не применимы к «миру», и даже так, что в этих законах есть закон понимания этого и любовного умолчания о них,— закон улыбающейся тайны.

Пересматривая материалы 3-го тома [82], пришел к заключению, что все мои лучшие писания основаны на описании своих непосредственных впечатлений. Из замыслов ничего не выходит. Из воспоминаний тоже.

Вот что говорят о моем писательстве: человека нет [83].

Не человек, а бунтующий атом человечества, и не человечества, а священной протоплазмы его и всего мира восстал, и с ним поднимается тьма и пламень мира. И тут бывает рождение злобы во имя чувства попранной правды, рычащей злобы, звериной и страшной.

Есть он, этот атом, в революционерах в серединной их чистой, искренней части.

Этот священный атом не видел Достоевский («Бесы»). Тут голос извечной правды безликой. И так будто родился и сразу наткнулся на неправду и сразу восстал во имя правды, бывшей до моего рождения. И тут уж рок: чем больше живешь, тем больше накопляешь это чувство неправды, и, наконец, получается невозможно всякое обыкновенное бытие. Тут выход — бунт во имя настоящего бытия.

Некий лысый колдун вышел на кафедру и рассказывает о литературе. Мир для него населен не живыми людьми, созданными священной природой, а людьми, созданными творческой фантазией человека: живут не эти люди возле меня, а те: король Лир, Гамлет, Дон Кихот. «Иногда,— говорит он,— подходит человек, бормочет что-то и ничего не понимаешь, и вдруг озарит: это Гамлет пришел...»

И так еще очень часто бывает: приходишь к ученому человеку с открытым сердцем, чтобы он помог открыть самого себя, а он не тебя видит, а Гамлета или короля Лира.

И уходишь от него возмущенный, обиженный. Так бывало, помню, не один раз в юности. И помню великую тоску по человеку видящему...

Меньше всего видят, как это ни странно, оккультисты, теософы и тому подобные: у них стена между ними и жизнью, и люди совершенно и навсегда зашиты схемами. Это, кажется, у них называется «ментальным планом».

Особенно это заметно по детям: когда вдруг почувствуешь какую-то стену между собой и детьми.

Истинного человека я представляю себе насквозь видящим и понимающим приходящее мгновение мира сего. Тем нам и дороги мужики, старцы, купцы и дети, что они все видят мгновение насквозь. Обыкновенно они с этим мгновением и сами пропадают, это их ежедневная трагедия, то есть не их, а вообще трагедия будней, но в этой же будничной трагедии рождается существо неумирающее, понимающее, ценящее мгновение.

Этим я объясняю себе и законность моей литературы «безликой», нужно смириться до животного, чтобы поймать мгновение жизни — изобразить — это уже дело кабинетное. Тайна в том, чтобы поймать.

Путь мой правильный, но беда моя в чем-то другом: нужно узнать, отчего я с таким трудом достигаю так мало, что вижу в достигнутом только ничтожную часть себя.

1912.

Я узнал его по английской марке [84] и такое испытывал волнение, что долго не мог распечатать и носил в боковом кармане. Целых десять лет прошло с тех пор, как я получил от нее такое же письмо, а волнение по-прежнему было сильное. Наконец я распечатал письмо и решился на чтение, как решаются в жаркий день сразу броситься в холодную воду.

«Я получила Ваше письмо и книги, но не ответила Вам сразу, потому что надпись на одной из книг возмутила меня. По какому праву берете Вы на себя монополию на то, что есть во мне «лучшего»? Поверьте, Михаил Михайлович, мое «лучшее» осталось при мне и было, и будет со мною всю жизнь, потому что не может один человек отнять у другого то неотделимое и невесомое, которое называется «лучшим». И разве может женщина с седеющими волосами быть ответственной за слова и поступки 20-летней полудевочки? Годы, пропасть, Мих[аил] Мих[айлович], и если

бы мы с Вами встретились теперь, то мы друг друга не узнали бы. Но не для того, чтобы сказать Вам это, пишу сегодня, а для того, чтобы рассеять смешное недоразумение. Хоть Ваш знакомый и служит в банке, но, по-видимому, сведения были получены из недостоверного источника, потому что я вовсе не «директор» банка, а весьма скромная рядовая работница. Видите ли, я имела несчастье родиться женщиной и потому навеки осуждена на ничтожество и работу под начальством людей, которые не стоят моего мизинца. Напрасно Вы думаете, что быть директором трудно — я, наверно, была бы им, будь я мужчиною.

Про Вашу книгу ничего сказать не могу. Мы с Вами говорим разными языками, и мне при моей крайней утилитарности жизни трудно даже настроить свою душу так, чтобы читать с пониманием о психологии людей, столь далеких от меня во всех отношениях. Я ничего, кроме английских газет и книг, теперь не читаю.

Почему Вы не пишете о чем-нибудь более ежедневном и близком».

После нескольких неудачных попыток написать что-нибудь в ответ на это письмо я все-таки состряпал и отправил послание:

«Ваше письмо получил. Оно было для меня страшное. Беру большой лист, чтобы хоть сколько-нибудь сделать себя понятным. Вы спрашиваете, отчего я не пишу о чем-нибудь ежедневном и близком. Как художник, я должен сливать это ежедневно близкое с далеким близким. А мое близкое так далеко, что для воплощения его я должен искать людей и природу необычную. Меня смешит иногда, когда я читаю статьи моих противников, спорящих о моей «позиции». Вы были всегда моей единственной «позицией». А вы далеко, вот почему я не пишу о том, чего Вы хотите. Для Вас, впрочем, я могу написать немного и об этом. Ежедневно в квартиру женщины врача, в семье которой я живу, приходит девочка Варя, лет семи, в сопровождении англичанки: девочка лечится. Моя комната выходит в тот коридор, где перед зеркалом раздеваются пациенты, а я иногда подсматриваю, чуть приоткрыв дверь. Мне в голову не приходило, что в зеркало видно меня. И вот однажды я слышу, девочка Варя говорит англичанке: «Мишка (медведь) опять смотрит!» Англичанка пожаловалась врачу, и мне строго запретили подглядывать пациентов. Я послушался, но вот, проходя коридором, вижу на столе конфетку и записочку: «Съешь мою конфетку, Ми-

шки любят сладкое. Варя». На другой день взял я эту конфетку в зубы, стал на стул и смотрел на Варю, не в щелку, а сверху (верх двери стеклянный) и состроил такую уморительную рожу, что англичанка расхохоталась, я вышел из берлоги, познакомился и стал с этой чудесной умненькой девочкой дружить. Ну вот, из моего ежедневного. Теперь, подумайте только, какой мне приснился сон вчера: будто бы не дверь, а стена огромная каменная разделяет меня с девочкой Варей, а я настоящий медведь с конфеткой в зубах лезу на эту стену. Бог, покровитель медведей, помог мне взобраться на стену. «Варя! — говорю я,— Мишка опять смотрит, и конфетка цела». А она отвечает сердито: «Годы, пропасть, Мих[аил] Мих[айлович], я теперь не девочка, а женщина с седеющими волосами». Так сердито, так искренно сказала, что я — хоп! и съел конфетку и говорю: «Мисс! лучшее со мною, привет Вам от Вашего лучшего!»

Ну, довольно шуток и слов! Мне было очень больно, В[арвара] П[етровна], что Вы не поняли мою надпись на книге. Я думал о том «лучшем», детском, которое весь мир бросает как ненужное нам, мечтателям, поэтам и художникам, и мы возвращаем его миру обратно. Я же у Вас ничего не отнимал, а просто подобрал ненужное Вам, что Вы и теперь не цените, и назвал его своим и Вашим «лучшим». Помоему, лучшее и не во мне и не в Вас, а в боге. И это лучшее по существу своему должно быть отдано, как Вы давали мне розы, а я отдаю их миру. А Вы пишете, что лучшее всегда с Вами одной и никому Вы его не отдадите и будете вечной копилкой. Значит, это не то лучшее, о котором я говорю. Не Вы одна, но и все мы, сами не зная того, отдавали свое лучшее, и другие творили из него свою веру. Мы где-то основными концами все в пучок связаны, а другие концы так болтаются. В этом наше небесное благословение и земное проклятие. Я потому называю страшным Ваше письмо, что оно пустое, голое, как скелет, и в то же время искреннее (скелеты — самые искренние).

Теперь Вы, надеюсь, поняли смысл «возмутительной» надписи. Но я признаю, что мысль моя выражена в надписи неясно и как-то задорно очень, и потому, прошу Вас, вырезать эту страницу. Скелетных писем мне больше не нужно от Вас. Но я напишу Вам теперь еще лет через десять и пришлю Вам новую книгу, эта книга будет о Вас самой, и Вы тогда совершенно седая, как императрица Мария Федоровна, поймете наконец, что значит: «привет от Вашего лучшего». Рыцарь Максим.

P. S. Эту книгу напишет «Рыцарь Максим», и книга эта будет знаменитой. Это совершенно серьезно (потому что в ней же все мое счастье и горе будет)».

Я — маленький, это и есть начало сознания. Женский вопрос я понимаю как свой собственный мужской вопрос.

У нее в письмах это затронуто: неужели она феминистка? Женский вопрос это вопрос о пробуждении нашего сознания. *Я рождаюсь в женщине*. Женщина меня родила, но это не значит, что она моя или я ее, напротив... я есть только я.

Женщина (Маруха) [85] такой же знак, как и бесконечность, с помощью этой мнимой величины мы решаем уравнения жизни со многими неизвестными.

Когда я увижу ее — будет победа моей мечты, меня! Для победы теперь уже не нужно, чтобы она была женой моей, а тогда это было необходимо, и вот, вероятно, оттого и победа, что теперь что-то чувственное отмерло... Значит, чем меньше чувственности, тем ближе цель, и смерть, может быть, настоящая победа? Но почему же мир так становится близок и понятен от любви к мечте? Задержанное неосуществленное объятие раздвигает мир... на пути к любви мира смирение: рушится «я — маленькое» и переделывается в «я — большое», стихийное; отсюда и страстная любовь к земле, к цветам ⟨...⟩

И вот когда все гибнет, в последнем отчаянии хватаешься за обломок и плывешь по океану... нет берегов, нет земли, всюду подвижные волны... и тут конец: смирение до конца: не я правлю, а кто-то правит мною, и я отдаюсь, предаюсь Ему. И новый мир складывается в этом опасном путешествии, и новый берег, украшенный никогда не виданными раньше цветами, и опять она, то свидание. Вот почему встреча с ней так дорога мне: тогда оправдается жизнь и будет понятно, для чего и что это было. Тогда, быть может, я отчетливо увижу закон в своей иначе бессмысленной жизни (завет: любить искусство, как ее).

Что меня спасает от смерти? Чем оправдываю я явление и значение этого образа? Тем, что в этот период бессознательно подготовляется другой, который начинается взрывом теплой любви к природе, детям, жене, к исканию красок для нового творчества, я уезжаю в глушь к семье, получаю оттуда силы, создаю что-нибудь для того, чтобы это жизненное повернуть и разбить в прах перед каменной статуей.

Значит, никакой победы, новый круг!

1913.

Только по всему опыту (11 лет!) вижу, что она неистребима, на место ее ничего не становится, все остальное только навык, привычка, жизнь обыкновенная. А оно произошло из уединения и отчаяния весной, когда вокруг было так много искусства, природы, людей. Костер вспыхнул большим пламенем, дождь пошел. Не сразу большой костер заливает, и зола надолго остается горячая, так вот и теперь зола горячая... Как забыть мне пламя, создавшее меня?

Идея вечности рождается из любви к жизни, когда вся любовь сосредоточивается на мгновении настоящего, то это мгновение,— подлинность после становится, как вечность. Вечность есть сила жизни, и тут бесконечная радость.

Свобода существует исключительно для личности, для всех нет свободы, потому что «все» — не все личности, во всяком случае не согласные личности и сходятся между собой в узлах материальных. Потому-то и разделяется мораль на личную и общественную.

Закон духовного развития (личного) основан на риске, беспощадном отношении к себе, а закон (жизни) других, их материальной жизни — на сохранении: и потому к себе я должен быть беспощаден, к другим милостив, других я должен устраивать, кормить.

Я хочу создать ее (женщину будущего) из ничего, потому что я верю в нее. И вот является настоящая женщина, и борьба сделать из нее будущее (обидная ей борьба) не удается, воля разбита, как в зеркале видна узость идей, анализ подтачивает подстройки идеала, идеи как жалкие подстройки... Упали подстройки, и настоящее требует своего признания. Я виноват перед настоящим: я устраиваю себе быт, все тетушки оправданы, я женюсь, быт не удается: и вот тут каким-то образом волшебная сказка прошлого — вся ширина и глубина мира открыты... Звезда сотворенная, сотворенный мир *(2 нрзб.)* и тоска по собственному творчеству... Чтобы стать поэтом, я должен отбросить фанатизм, частичные идеи, пассивно приобщиться к миру, я сам должен стать как женщина...

Я ездил по океану, по лесам, по степям Средней Азии, притворяясь, будто я этнограф — изучаю жизнь полудиких людей. Обман удавался: меня стали читать, воображая, будто в самом деле где-то в необъятной нашей родине есть

страна непуганых птиц. Я становился все смелей и смелей, хитрости мои стали все утонченнее. И вот наступило время, когда, мне кажется, я уже не хитрю: я победил, не в них правда, а во мне и моей Версальской Деве. И, быть может, наступит час, когда я прямо скажу без всякой посредствующей цепи технического литературного приема — вот где правда: я и Она!

Раз в своей жизни видел я бога. Это было, когда мы встретились весной. Сколько было света! Какая чистая, тихая вода была в озерах. Какие волшебные зеленые светящиеся деревья были вокруг озер! Мне казалось, что оскорбил Вас предложением быть моей женой... Что все неясное от этого. Тогда я ушел за город в ясный солнечный день. Кажется, это было в Версале. Там было это волшебное озеро, и купол небесный был над ним такой большой, большой. И тут, идя по берегу озера, я вдруг понял, до того ясно понял всю, всю правду. Хотелось *(2 нрзб.)*, хотелось сказать Вам сейчас же. И вот я подхожу к киоску, покупаю лист бумаги и карандашом пишу Вам: что понял все, что нам увидеться нужно немедленно. Одно то тяготило меня в эту минуту, что не могу я тут же сказать Вам все, что Вы, не зная этого света, промучитесь еще во тьме.

Далекий друг мой! Судьба разлучила нас в лучшие годы, время изменило наши черты, мы не узнаем друг друга, если встретимся на улице... Больше, услышав голос, я, может быть, не узнаю, что он Ваш, и Вы, что мой. Что же может нас соединить? Между тем я могу Вам писать, я постигаю Ваш духовный облик, я верю, что Вы существуете и Вам, если только пишу Вам в лучшую минуту и вижу *(1 нрзб.)*, ни одного не будет слова неверного. Вы и моя совесть, и правда, истина и красота... И как я могу не верить в Вас, если все лучшее от Вас?

Аскетизм как цель есть величайшая нелепость. Он есть покров ханжи и лицемерия ⟨...⟩ Настоящий аскетизм является сам собой, как морщины на лбу, как следствие глубочайших переживаний.

1914?

Как хочется мне написать кому-то: солнце мое! Как мне больно в твоем свете смотреть на самого себя! Как страшно мне твое вечное молчание. Чуть я поднимаю голос, твое строгое молчание убивает и осуждает его. «Ты — маленький!» — узнаю твой тайный голос, отвечающий моим сло-

вам. И одно мое спасение — отвернуться, не смотреть на солнце, а туда, куда оно светит, и слить со всей земной тварью свой голос, и это большой-большой голос, но только не мой, а всех.

Но чуть окреп мой голос в хоре, я уже его опять обращаю назад один в сферу вечного света и вечного молчания, и снова я слышу в молчании: «Ты маленький!» И опять покаяние, смирение и слияние маленького с большим, и опять минуты восторга, покрывающие тайное страдание.

А ведь говорят же другие: «я хочу! это я!» Но как меньше и меньше верится в эти голоса, голоса тоже становятся маленькими, и нет в их бытии прежнего очарования. Какой же конец? Солнце пустыни и белые черепа, и где-нибудь мой череп спаленный, и «я» большое, победившее и пребывающее в вечном свете неподвижности и молчания.

Вот прошла большая полоса моей жизни, двенадцать лет под гипнозом. Так петух, когда проведут от его клюва по полу мелом черту, неподвижный остается и смотрит на нее, смешной со стороны и такой страшно значительный изнутри: еще бы, целый мир в этой белой черте для него! А стерли черту, и нет ничего, и петух зашевелился и стал просто петух.

Конечно, победила она и тем именно, что я перестал верить в нее, потому что теперь я уже знаю наверно, что это я творил ее.

Та фантастическая женщина, которой посвящены мной эти двенадцать лет, похожа на страшное зеркало, в котором самый хороший человек все равно будет с кривой рожей. Есть такая особенная точка в сердце, возле которой все нажитое изо дня в день с великим трудом меркнет и всякая жертва не принимается и отвергается. Но ведь может быть все-таки зеркало это не криво?

Главное, я стал писать о себе, после неудачи о себе, все о себе и потому, что неудача попала в самое сердце ⟨...⟩ и отсюда-то и пошло все: как сухой клоп, я высыхал [от] этого самоанализа и от *(1 нрзб.)* ощущения — я — маленький. Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда, о которой ей нельзя было сказать: для нее это было падение: для нее абсолютной или живой? Всяческое падение... Но его не было... И вот тут-то ее неправда какая-то. И почему ее лицо живое осталось для меня закрытым?

Падение несомненное и в то же время спасение, как это может быть? Спасение в унижении, смирении и страдании:

счастье в несчастье, высший трепет и боль, веришь не веришь, нет минуты спокойствия, обжиги случайных радостей: роса на елке, цветы, много цветов, добрые животные, а люди все чудаки — отверженцы, страх перед людьми «порядочными», «умными» ⟨...⟩

И вообще моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать: чтобы утверждать без отрицания, нужно удалиться от людей установившихся, жизнь которых есть постоянное и отрицание и утверждение: вот почему я с природой и с первобытными людьми.

1914. [*д. Песочки под Новгородом.*]

1 января. Вчера был наш русский Новый год, он старыми снами для меня начался: я видел во сне судьбу свою, Вас, лицо постаревшее Ваше — не Ваше, но сила прежняя. Но как ни больно мне было, как ни горько видеть таким лицо моей возлюбленной, все равно я руку свою отдал Вам и сказал: хорошо! Едем вместе. Пробудившись в Новый год, я сильно страдал весь день, неизбывная грызла тоска, и только на другой день я понял значение сна и тоски новогодней. Прошлый год я [написал против]. Нельзя против судьбы...

Близко-близко я подступал к счастью, и вот, кажется, только бы рукой взять его, да тут-то как раз вместо счастья — нож в то самое место, где счастье живет. Прошло сколько-то времени, и привык я к этому своему больному месту: не то чтоб помирился, а так иначе стал все понимать на свете: не в ширину, как раньше, а в глубину, и весь свет для меня переменился, и люди стали приступать ко мне совсем другие.

Общинный дух русского крестьянского люда, столь милый сердцу старого нашего интеллигента, происходит от креста, соединявшего некогда крепостных рабов. Крест является человеку в неволе как свет и высший дар свободы. Этот свет излучал некогда лик русского крестьянина, и этим светом жило прежнее народолюбие, и он сохранился в прошлом нашей истории.

6 января. Зимний рассвет: строгий, красный начался и не кончился: солнце выбивалось, выбивалось, да так и не взошло, какая-то мгла затянула все.

Снег в эту зиму необыкновенный, выходу нет, неуберимая сила, давно того не было, бывали снега, слов нет, бывали, да не такие. Хотели мы с хозяином один дубок

посмотреть за баней, через дорогу — всего пройти десяток саженей, и не могли, вернулись. А все метели каждый день еще прибавляют, и кажется, что вот придет день и не выйдешь из дому, проснешься — темно, окна засыпаны. Вокруг деревни пустыня недоступная.

Нет ничего более жалкого, расслабленного, бессильного, как русский крестьянин зимой в сильные морозы. Русская печь, такая огромная — самая слабая печь для защиты от мороза и самая угарная: как мороз, так уж непременно все в доме угорают. Я думаю, это оттого, что в мороз тепло из печи сильнее устремляется в холодную избу и угарные газы проникают через кирпичную кладку. Раньше угары были сильнее, бывало, как закроют печь в мороз, так в гости к соседу, если у того труба еще не закрыта. А если все-таки угорят, то самое лучшее средство выйти на улицу и считать звезды, часа два считать, полнеба пересчитать, и все пройдет. И вот все тогда молятся, все охают, бледные как смерть от угара, молятся, чтобы прошел мороз. Молитвы эти бывают разные, самая лучшая, слышал я, в месячную ночь выйти, стать по колено в снег и просить месяц и двенадцать лысых: «Месяц ясный, двенадцать лысых, мороз сломайте!» [86]

Теперь в нашем краю совершилась неизвестная миру техническая революция: завели чугунки, и угар прекратился. И такая вера поселилась в эту чугунку: затопишь чугунку, и нет угара. Я думаю, это оттого, что угар уходит в трубу чугунки, а отчасти и потому, что в нагретую чугункой избу не так устремляются вредные газы из печи, как в холодную.

Снятую мной избушку каждый день топили, но когда я приехал, все стали говорить о чугунке: необходима чугунка, а то угоришь. Не мог я нигде достать чугунки и, делать нечего, решил жить так. Истопила печь Авдотья, прислала дочку свою Лизу, девочку лет двенадцати, закрыть трубу. Посмотрели мы с Лизой, нет синих огоньков, и закрыли трубу. Прибежала сама Авдотья, посмотрела:

— Ничего, ничего,— говорит,— только вот, Лиза, поставь горшки в печь, а то дух в избе скоромный, а как съедобным запахнет, так лучше.— И ушла.

Я пошел и стал раскладывать свои вещи и немного спустя странно как-то себя начинаю чувствовать, как будто, кажется мне, возле каждой вещи свой особенный заколдованный духовный невидимый венчик, хочешь взять вещь, а руки проходят *(1 нрзб.)* через вещный венчик и не

сразу попадаешь на вещь. А Лиза что-то уж очень долго копается с горшками. Оглянулся я туда: Лиза не стоит, а сидит на полу.

— Ты что, Лиза?

Она поднимается, ничего не говорит и так странно смотрит на меня и вдруг так с открытыми глазами какими-то не протестующими, валится. И вокруг нее, больше, чем везде, почему-то, кажется мне, этот особенный заколдованный духовный круг. Я иду к ней, но меня качает в сторону, и я все-таки иду, но никак не могу отчего-то приблизиться к девочке. Но дверь такая широкая, бегу к двери, отворяется, Лиза у меня на руках, болтается голова, ноги висят, не Лиза, а мешок с чем-то, я несу, весь мир обведен заколдованным кругом, спотыкаюсь и куда-то лечу: куда-то в хорошее.

Обвязанный мокрым полотенцем, поднимаю голову и говорю старику:

— Ну, вот, дед, побывал я на том свете, ничего...

В избе смеются: собралось много народу смотреть на меня.

— Что вы смеетесь,— говорю я,— правду говорю: умирать вовсе не страшно.

— Не страшно, не страшно! — подхватили сочувственно все.— От угара смерть самая легкая!

— Смерть,— говорит старый Крюков,— всякая смерть легкая. Жить трудно, а умирать легко: умер, стало быть, отмучился.

Крюков такой человек, что как завидит только образованного человека, так и сам начинает рассуждать и философствовать и все по-своему, а цель — найти общую точку.

— Смерть легка, а отчего же страх?

— Страх от людей. В горячке, в беспамятстве бормочет человек, а ближним представляется страх. Это хорошо: страх ведет к смирению. Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет.

Мы что в одиночку: как дикие звери, сами по себе, в норах забивались. А как страх загулял, так на другого смотришь, а третий зовет к послушанию, хочет привести всех к одной точке. Только это трудно, чтобы к одной точке — вы как думаете?

В чугунку подложили дров, запахло чугуном — ужасный запах! — застучало в голове, и мысли опять стали дробиться. А как хорошо отвечал старику пчеловод из Сибири и потом курсистка, дети моего хозяина. Не помню их ответа, не помню длинного спора. Прекрасные были

ответы, прекрасные рассуждения, мысли, чувства. Или ничего особенного не было, а так, что вот чужие люди в глухой деревне, а как будто в своей семье — весь мир одна семья, стоит только заговорить по-человечески.

— Точку-то как найти, что есть точка? — перебивает старик,— как вы понимаете?

— У каждого своя точка, личная.

— А как же общая?

— Нельзя и своей упустить.

— И не упускай, а только как же без страха, чтобы к общей точке прийти?

Опять подложили дровец в чугунку, запахло чугуном, и все спуталось с воем метели. Но бьется такая радость, что я в семье своей. Под лесною елью с огромными снежными лапами, где-то в избах под сугробами нахожу я себя, и так радостно быть тут и мечтать, и так верить, что все где-то возле самой точки все мы собрались такие далекие и такие близкие.

Много раз топили чугунку, и опять изба остывала — то жар, то холод, ничего среднего, ровного — вся наша Россия снежная.

Был Кант, явственно слышал слово Кант: что-то старику говорили о Канте. И он отвечал им ⟨...⟩

А этой же самой ночью мчался между разорванными облаками ясный месяц и по колено в снегу стояла старуха и молилась:

— Месяц ясный, двенадцать лысых, мороз сломите!

Молилась месяцу, а потом с фонарем в руке обходила темные углы и ставила белые крестики.

12 января. Метод писания, выработанный мной, можно выразить так: я ищу в жизни видимой отражения или соответствия непонятной и невыразимой жизни моей собственной души. Встречаясь с достойным писания сюжетом, вдруг получаешь как бы веру и, не находя, страдаешь неверием.

Поэтому я и не могу ничего написать из прошлого о себе самом: прошлое мое есть то, что перешло в невыразимое, что есть уже сама душа без материала для выражения, там все стало «я», то есть хаос бесчисленных материально умерших существ или даже, может быть, не рождавшихся. Нужно жить, переживать что-нибудь, и они оживают, и я пишу об этих новорожденных.

В своем прошлом я «засмыслился» и потому не могу о нем писать, нет концов клубка. Нужно верить в настоящее, знать, кто я, чтобы писать о прошлом.

13 января. Наблюдения в Песочках. Почтальон Николай был пастухом, а теперь почтальон — целая карьера. Пастух в деревне — дурачок. Кто же возьмется быть почтальоном? Конечно, только дурачок. Теперь эта должность перешла к Николаю, и тут в этом дурачке оказалось шестое чувство (шестое чувство — интеллигентность, это есть особое состояние души, первичное состояние, которое потом эксплуатируется в высших слоях настоящими «интеллигентами» или «аристократами», и так создается внешняя защита этого состояния души) [87].

Прасковья Сергеевна *стоснула* [88] по мужу (Александра Сергеевна, сестра ее, такая же): особое бабье состояние души, особые типы баб ⟨...⟩, которые могут стоснуть (знание на расстоянии и проч.). На такой женился Карпов: боялся жениться, видел худую жизнь отца с матерью. Сватался: разговаривает хорошо: о хозяйстве. Страх преодолел. Как привыкали друг к другу: ни с того ни с другого расплачется. Как взаимно уступали при вспышках (бабе нельзя поперек) и (плач, когда съездит домой). И вывод: на неизвестной жениться лучше.

В этом есть смысл: когда «любят», то до свадьбы развивается своеволие, например, хотя бы поссориться, поругаться, совсем другое, когда женаты или когда на воле: ссориться на воле и думать, что вот захочу и уйду, не отвечаю за свои слова, так привыкают не отвечать за слова; а в браке за лишнее слово ответ немедленный.

Так или иначе, но в этом «браке на неизвестной» характерная черта народа русского. И возможно, что ею, этою чертою, бывает окрашена и любовь некоего интеллигента к неизвестному безликому образу, и в вихре этого чувства бывают схвачены только редкие черты, как оболочка, из которых не составляется желанного образа.

Ни пост, ни молитва, ни покаяние, ни всякие опыты — это все способы, а основа всего — первое тайное движение сердца: крик первого петуха в ночи.

Чистая красота (бесполая, как Венера Милосская) достигается художником.

Весь женский вопрос уже давно изображен великими художниками. Создавая образ Венеры Милосской, мастер перепробовал все дозы мужского и женского, пока не удалось найти ему чудное гармоническое сочетание: женщина вся осталась, но она действует, а не только отдается. Просветляет, а не затемняет дневное сознание.

1 апреля. В сущности говоря, женский вопрос — это мужской вопрос, это вопрос нашего мужского сознания, потому что для великого множества людей сознание пробуждается в момент необходимого требования «жизни», то есть женщины, и тут для одних «счастливых» открывается путь сознания жизни в ширину, а для несчастных в глубину: счастье и несчастье — это только два различных измерения жизни. Я был несчастлив «глубоко», и я жил в себя, а не в ширину, в себя жил с первого проблеска сознания, и со мною жила голубая невеста, которой никогда не суждено было воплотиться. Я только испытывал предчувствие счастья широкого и был однажды на рубеже двух дорог, двух миров...

А то мне иногда представляется, будто где-то висит громадное зеркало, похожее на спокойное озеро с прозрачной водой, и в этом зеркале-озере все видно, и там все настоящее и прекрасное, а когда очень плохо, и мелко, и непонятно здесь, то стоит мне только заглянуть в то озеро-зеркало и все понимается. Так вот я оттуда, из этого озера, а не из Хрущева с глинистым прудом, где плавают головастики.

И лучше всего был у нас сад. Я часто видел в сновидениях его; по склону горы как-то иду я, деревья не частые, но каждое дерево издали светится, и птицы, все как в раю, в Месопотамии где-то. Если так и до сих пор снится, то как же любил я в детстве эти обыкновенные яблоновые деревья сада.

Я и мать свою помню, как богородицу, вся была в черном, подошла к моей кроватке и рассказала, что в эту ночь светлый мальчик родится и звон по небу пойдет. А была она, мать моя, в жизни просто купеческая дочь...

Но зачем все о себе и себе. Неопытному человеку может показаться, будто я действительно о себе это пишу,— о себе, как есть — нет! нет! это «я» мое — часть великого мирового Я, оно может свободно превратиться в того или другого человека, облекаться тою или иною плотью.

Это Я — вершинная линия, проведенная над бесчисленными «я» всяких ямок, долин, горýшек, пригорков. Это Я уже было, когда я маленький родился в помещичьем деревенском доме черноземной полосы.

Только величайшее уединение дает соприкосновение со звездами, когда где-нибудь в лесной пустыне идешь пропащий, так и думаешь про себя, что пропащий человек, никогда уж больше не воскреснуть и ничего не было в прошлом, кроме фиглярства, и вот оглянулся, нечаянно увидел

за елью над холодной строгой зарей большая звезда сверкает...

15 апреля. Среди белого дня вспугнули сову, и она белым днем, неуклюже размахивая крыльями, полетела невидящая куда-то вперед — там грянул выстрел, она повернула назад от выстрела — назади рубили лес, испугалась, и, не видящая выхода, она, нелепо размахивая крыльями, стала подниматься вверх по отвесной линии, все вверх, все вверх. Мы долго следили за ней, пока она не стала еле видимой точкой: слепая к свету летела... и казалось нам, что так не бывает, что это единственная сова и так случилось единственный раз.

2 июня. Неудачник — вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачник (Иов)[89], а неудачник — *(2 нрзб.)* это особая мера, философия, тип, мироощущение; моя неудача — это не есть неудача, потому что я *(2 нрзб.)* ощущаю большое, к которому должен пробиться в опыте долгой жизни. Это мое испытание.

10 июня. У человека, почти у каждого, есть своя сказка, и нужно не дела разбирать, а постигнуть эту самую сказку.

14 июля. В июле бывает такой задумчивый денек прозрачный с холодком. Над рекой: в полях полусжатых, вчера могучих, стоял какой-то вопрос.

[*Петербург.*]

[*Август.*] Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет.

Должно родиться что-то новое: последняя война.

Вот уже неделю в Петербурге и начинаю привыкать: город — военный лагерь, живется при военном положении много свободней, куда-то исчезли хулиганы, нищие, исчезло разнообразие, цветы жизни, все неожиданности, у всех одно лицо, все стали друг на друга похожи, и Петербург — прямая улица, как большая дорога проезжая на войну. Большая широкая дорога Невский, едут, едут по ней, сверкают штыки, так сосредоточены в себе и так скупы на все окружающее солдаты. Кажется, все с ними идет в одну сторону, к открытым воротам города, и там будет солнце и даже бесконечная цепь штыков навстречу солнцу.

В пустой квартире через форточку чудится где-то сражение, мы ничего не знаем о нем, на бабьем положении живем и все читаем, все стали идейные.

Пишу, а в окно одновременно врываются звуки граммофона, плач женщин и отдаленное солдатское пенье.

Так вот, почему же никто из социалистов не поднял голос против войны и пошел под расстрел?

Лапин[90] чуть глаза мне не выдрал, когда я попытался сказать против войны.

[*Галиция.*][91]

25 сентября. Исчезновение мечтательного чувства к природе, расспрашивать, как представляется на войне природа: лес во время бомбардировки.

Деревня — лес на пути от Зборова до Злачева. Деревня со старой церковью и мостом. Тарнополь: утка из камышей, грачи, гуси летят, дуб, розы, гиацинты. Зборов ⟨...⟩ Рост признаков войны: как по следам консервных коробок и махорочных оберток — от Подволочиска до Тарнополя вид наших полей, чернозем, слегка взволнованное море, картинное шествие казачьей сотни.

Волочиск — наша пограничная станция с Австрией, здесь мы добивались пропуска, и я начинаю с Волочиска описание своего необыкновенного путешествия по завоеванной стране. Местечко обыкновенное, грязное местечко юго-запада, где ютится всякая еврейская беднота. Тут был маленький бой. и за лесом в болоте есть первый крестик братской могилы. Таможня, водокачка и несколько других казенных зданий взорваны нами при первом известии о наступлении австрийцев, от взрыва погибло много сельскохозяйственных орудий ⟨...⟩ Среди этого хаоса нужно было устраиваться и притом принимать громадное и все возрастающее число первых раненых. Вначале эти раненые *(1 нрзб.)* сюда прямо после битвы. Волочиский питательный и перевязочный пункт был первым этапом на русской земле.

— Не нужно перевязывать, подождите,— говорили раненые,— дайте чайку.

И тут быстро, буквально из ничего возник исторический питательно-перевязочный пункт. Явились на помощь и бескорыстные бесплатные помощники — девушки из местного населения, кто-то из помещиков прислал два больших самовара, кто-то изобрел термостат, сохраняющий теплую воду в течение восьми часов, кто-то собирал деньги ⟨...⟩ словом, все быстро наладилось ⟨...⟩ У нас все нравственные силы, все запасы неиспользованных общественных чувств устремлены на помощь страдающим.

2 октября. Второй день во Львове.

6 октября. В нескольких десятках верст от Львова находятся места грандиозных сражений, за этими местами

и теперь идет непрерывный бой. Для вас, живущих далеко от места сражения, что значит, если телеграмма известит о нашем небольшом отступлении или о нашем движении вперед? — ничего особенного. Здесь совсем другое. Вот прибегает ко мне мой экспансивный товарищ и говорит взволнованно:

— Сдачи не дали в лавке, говорят: «Попросите мелких денег у вашего правительства».

Небольшое пояснение: в Львове сейчас большой недостаток в мелких деньгах. При хорошем высоком русском барометре нам очень вежливо с улыбкой дадут сдачи русскими или австрийскими деньгами, или пошлют в соседний магазин, или даже просто попросят занести деньги после. При плохом барометре такой прямо невероятно дерзкий ответ: попросите денег у вашего правительства.

Много я слышал с самого начала войны о зверствах, но, признаюсь теперь, я мало чувствовал: до меня долетали какие-то чужие чувства, и, самое большое, я только принимал это к сведению. Теперь, когда я попал в Галицию, совсем другое, я почувствовал и увидел в пластических образах времена инквизиции. Это не корреспонденции, это не рассказы людей, потерпевших от германского плена, это люди, потерявшие все... из-за чего?

В Галиции есть мечта о великой чистой прекрасной России.

Гимназист, семнадцатилетний мальчик, гулял со мной по Львову и разговаривал на чистом русском языке. Он мне рассказывал о преследовании русского языка, не позволяли даже иметь карту России, перед войной он принужден был сжечь Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского 〈...〉

— Как же вы научились русскому языку?

— Меня потихоньку учил дедушка — дедушку взяли в плен. А я учил других, и так пошло. Мы действовали, как революционеры, мы были всегда революционерами.

18 октября. На войне у меня чувство такое же, как в сибирской тайге: оно меня давит, я беспомощен. Но в тайге я нахожу какого-то постоянного жителя, здесь нет обитателей, здесь все подавлены так же, как я.

[*Петербург.*]

3 ноября. В восьмом часу вечера получена телеграмма, что мама скончалась 1-го ноября — 4-го похороны. Я не успею.

Сегодня она последнюю ночь в хрущевском своем доме. Последний раз я видел ее в августе. Яблоки... Сад осыпался... Оскал... Худая...

[*Хрущево.*]

9 ноября. Поминки недаром выдумали, на девятый день опомнишься и начинает сниться ⟨...⟩

Мать моя первый раз приснилась в ночь под 9-е: под липами за столом чай пьет, тут же еще кто-то. Мы разговаривали о Достоевском и его Катерине Ивановне [92].

Письмо матери с пожеланием пережить войну я писал и послал в день смерти заказным.

15 декабря. Светлое утро. Большая звезда. Огни в печах. Когда побелели дымы. В это первое утро, первое чувство мира за время войны. А в газетах вчера было, что наши захватили множество немецких повозок с рождественскими подарками. Во сне я подходил к смертельно раненным и потом лег на спину и захотел кричать что-то на весь мир, но язык, как у парализованного, не повиновался, и только по-театральному выговаривал начало мирового вопля: «Милосердный боже!» — и обрывался.

23—24 декабря. Отрезаны нити общения с миром в деревне зимой, метель воет, все мутно, и вот мало-помалу начинаешь понимать мать, как она сидит в деревне и следит за нашей судьбой [93].

Мало-помалу интерес перемещается на других, и вот это весь хрущевский быт...

Мать говорила:

— Как хорошо теперь в это время иметь кусочек земли.

Я удивился:

— Как, теперь, когда идет мировая война, думать о кусочке земли!

А мать спокойно ответила:

— Так война-то идет из-за земли же.

Потом она умерла, осталась от нее земля, кусочек земли прекрасный с парком и лесом, и часто я во время событий возвращался к чувству какой-то радости и мира — у меня есть кусочек земли; делили имение во время войны.

1915.

[*д. Песочки.*]

1 января. На второй день Нового года брали ратников, стон, рев, вой были на улице, женщины качались и падали в снег, пьяные от слез. И вот, как он отстранил их и сел

в сани, в этом движении и сказался будущий воин: отстранился и стал тем особенным существом, в какое превращается мужик на позициях.

Как я любил эту печку в избе напротив нас, бывало, утром рано, часов в пять, проснешься, часы стоят, и не решаешься, стучать ли в стену, самовар чтобы поставили, или рано и еще спят хозяева; вот тут и посмотришь в окно, пылает печка напротив, смело стучи. А вот уже дня три с тех пор, как взяли ратников, печка не горит, а только чуть светит лампада.

5 января. Не знаю, как для всего света, много ли даст существенного война, только для России она положит грань совсем новой жизни.

[*Петроград.*]

12 января. Молоденькая парочка идет: казалось, что это давно-давно прошло, а вот она идет, и до того ясно, что это вечное: вечная безумная попытка своим личным счастьем осчастливить весь мир.

22 января. Очень, очень мучусь всем своим домашним, очень мучусь. Возможное появление Марухи — появится, и всему этому конец. Но она не являлась, так что вся эта жизнь как бы украдкой, временная, случайная. И вот это случайное, это игрушечное предъявляет свои права, как самое высшее и единственное. Кажется это вторжением в чужие права и через это унижением самого себя. Мелькает мысль все чаще и чаще о бездомье и одиноком страничестве: «с палочкой».

От 12 по 31 января был в Петербурге — определялся на войну.

Салон Сологуба: само-говорящая, резонирующая, всегда логичная мертвая маска... поиски популярности... Блок всегда благороден.

Поездка в Карпаты от «Русских ведомостей» корреспондентом [94].

Эта поездка будет отличаться от всех моих прежних поездок тем, что писать я буду на месте для газеты, а не беречь материалы для последующей литературной обработки.

Вообще я отныне расстаюсь с путешествием как литературной формой.

Велебицы. 7 февраля. Поездка на войну.

9 февраля. Проходил обоз, бывало, идут молодец к молодцу, а теперь больше бабы, да старики, да какой-нибудь бракованный.

Старик просит узнать, почему же они все на месте топчутся и когда будет конец — вот самое главное. Другой пришел узнать: честно ли ведется война?

Все эти разговоры убеждают меня до очевидности, что задача наша поддержать неизбежно утомляющийся тяжелым настоящим и неизвестным будущим народный дух.

15 февраля. Есть предчувствие близкого конца войны, но уверены, что мы победим. Как будто все постарели. Но я не думаю, что духом пали. Один большой художник [95] уверял меня, что никогда ему так хорошо не работалось: живет верой в будущую лучшую жизнь и это дает новые силы в работе.

По пути в Вильну.

Офицеры окружили артиллерийского солдата с тремя «Георгиями» и той известной медалью Японской кампании: «Да вознесет вас Господь в свое время». «Георгий» был получен разведчиком в эту кампанию «в свое время», офицеры, еще не бывшие в бою, с почтением слушали солдата. Говорили о последней восточно-прусской операции, обсуждали ее, толковали так и эдак. Разведчик только улыбался.

— Это,— говорил он,— все наша неосведомленность, у нас не знают самого главного: немец не может против нас, ну, просто не может и не может.

Я хотел проверить прочитанное где-то: правда ли, что немец потому не может, что как личность задавлен государственностью, массовой муштровкой, в рассыпном строю он не может проявить своей личной инициативы, как русский солдат.

— Неправда, вот уж неправда! — ответил разведчик и горячо стал доказывать превосходные качества германского солдата.

— Почему же все-таки не может?

— Почему? а потому, что не может. Нужно это видеть, как вам объяснить: ну, вот лежат наши солдатики, один другого, кажется, хуже, робко лежат, и вот как на них крикнут: «В штыки!», и как они тут подымутся, ну, так этого он не может.

— Чего этого?

— А я не знаю чего...

И опять мы снова начинаем расспрашивать разведчика, и опять он приходит к чему-то неизвестному, и такая у него вера в эту неизвестную величину, что и мы все заражаемся,

и прежняя вся критика кажется малодушием тыла, и я знаю по опыту, это настроение мало-помалу по мере приближения к позициям будет все нарастать и в конце концов получится та пропасть между *(1 нрзб.)* братской линией и все анализирующим тылом.

16 (?) февраля. Гродно. Весь город как-то задавлен войной, вы берете извозчика в гостиницу и не верите, что он доберется. По одной стороне улицы остановился обоз с сеном, по другой стороне повозки беженцев со всякой рухлядью, те стоят, и эти стоят, и некуда разъехаться. Лошади беженцев воруют обозное сено, одни только среди криков, ругани стоят довольные. Вокруг везде серые фигуры военных, все эти дни бывших в жарком сражении, с виду они, кто не знает, суровые и недоступные, но стоит вот подойти к любому из них и спросить о решительном моменте встречи его с неприятелем, как на лице его появляется какая-то детская улыбка и начинается рассказ и вы чувствуете, будто и вас призывают, вас спрашивают ответа в этом, что это значит.

23 февраля. Сегодня, 23 февраля, было совсем весеннее солнце над Гродно.

Я очень чувствителен к этому февральскому свету еще младенческому *(3нрзб.)*, первый год в жизни своей я равнодушен к нему, теперь мне все равно, все это задавлено войной, и еще я знаю, как будет весной... страшно подумать об этом отравленном трупами запахе, какая героическая борьба предстоит общая со всеми эпидемиями... какая тут весна, какое тут солнце может обрадовать.

28 февраля. Нашему отряду удалось из-под огня спасти около четырехсот людей, обреченных на смерть [96]. Три дня я видел, как врачи без сил и пищи перевязывали раненых, изумлялся, откуда взялись у них такие силы. Потом Августовскими лесами [97] мы спасались от неприятеля под страхом попасться в плен или вовсе погибнуть от разъезда врага, шли *(1 нрзб.)* при страшном морозе и, когда прибывали в безопасные места, опять принимались за работу — откуда, я спрашивал себя, бралась такая сила? Это была мука, но этой мукой искупались муки других. С каждым часом работы, мне казалось, люди взбирались все выше и выше на неприступную гору: муки давали силу; муку брали мукой.

Пройдут столетия — какая легенда будет у людей о этой борьбе народов в Августовских лесах, эти огромные стволы деревьев, окропленных кровью человека, умрут, вырастут

другие деревья, неужели новые стволы *(2 нрзб.)* будут по-старому шуметь о старом человеке? Нет!

Один мой знакомый сравнил войну с родами: так же совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости. По-моему, это прекрасное сравнение, я уже видел войну, я именно такое и получил там представление, как о деле жизни и смерти, поглощающем целиком человека. (Потом, вернувшись в тыл, я долго не мог помириться с настроением тыловых людей, в большинстве случаев рассуждающих о какой-нибудь частности. Перед ними была завеса, а я заглянул туда.)

7 марта. Стараюсь, как после обыкновенного путешествия, припомнить все мелочи, в то же время преодолеть все их, как препятствия, и представить всю картину пережитого, но сил не хватает: это необыкновенное путешествие. Самое странное, что все случилось в три дня, а кажется, прошли целые года опыта. Так ясно, что жизнь постигается в очень короткое время и даже в момент, а все остальное долгое напрасное карабканье вверх.

Так ясно и почему мы так мучимся над разрешением мировой загадки и не можем ее разрешить: просто мы не живем полною жизнью, не причащаемся к ее постижению собственным подвигом.

И, конечно, война — постижение, но не отдельным человеком, а всеми.

[*д. Песочки.*]

25 марта. Прилет грачей. К вечеру — что сделал день! — до проруби уже дойти трудно — по всей реке намойная вода, все бледно-зеленовато на реке, бор стал тушеваться от выступающих берез. Миром веет воздух, не тем человеческим, а предчувствием вечного мира. Голосят мальчики за рекой. За баркой прячутся девочки: в прятки играют. Первая проталина еще мерзлой земли. И вдоль берега низко летят первые грачи и спускаются к реке попить воду.

Движение и открытия, движение и радость. Никогда не установишь, когда как начинается весна.

Первая весна — первое прикосновение, всегда первое к жизни. Любить можно только в первом и единственном прикосновении, нельзя любить два раза одно и то же, можно к тому же испытывать новое прикосновение и новую любовь. Весна — это вечно новое прикосновение к новому миру, нашему миру.

Любить, значит, в то же время и единственная способность узнавать мир, любить, значит, начинать узнавать, а потом приходит *(2 нрзб.)* и тем и страдать. Но в конечном страдании есть опять новое начало первого узнавания, первой любви, и так вечно сменяется старое знание и страдание новым узнаванием, новой любовью — зима сменяется весной.

31 марта. Где-то затор, лед сгрудился, вода залила все луга и подступила к самому кряжу на нашей стороне и к самым избам на той. Целыми плёсами лед ложился на луга, вода заливала, по ней плыли новые льдины, напирали, и вода из-под них в рыболовные зимние дырки била фонтанами.

Установился весенний поединок зимы и солнца: при ясном небе одинаково днем и ночью, при равных условиях ночью все скует мороз — царство зимы: звезды,— утром встает солнце горячее и часов до двух разрушает все, что сковано за ночь.

Сколько солнца! в хлеве корове есть принесли, и она замычала музыкально, и все были в солнечных полосках, я очень удивился, что и у коров бывают музыкальные нотки.

Окно горячее, жужжание на горячем стекле первой проснувшейся мухи... Пар земной курится на проталинках и кряжу.

На солнцепеке на проталине курится пар земной, и ангелы с крыльями голубыми все вместе сошлись у входа в рай. Белое поле льда верхних рек все в движении по голубому простору разлива. Торжественным амфитеатром, замыкая горизонт полей, сошлись леса и празднуют. Человечек черный стоит у кряжа, наметкой рыбу ловит. Другой поймал тяжелое бревно, несет и рад ему, еще поймает не одно до вечера, уморится, но будет рад. Из рыхлого снега я выбился, нога моя коснулась земли, уже согретой лучами солнца: первое свидание и радость чистая неназываемая, как запах первых полевых цветов. Я чувствую, что я живу, как я и как никто теперь, и никто не может меня уничтожить, и, верю я, мое единственное неведомое богатство будет некогда радостью всех.

2 апреля. Так ясно, что надо делать для понимания мира: нужно отказаться от себя (эгоизма), и тогда душа будет светиться (поэзия и есть свет души).

Космос устроен человеком же («природа») — почему же на войне исчезает природа? потому что это новое человеческое дело — человек еще не успел подыскать символ в хаосе, но он и это подыщет.

8 апреля. Первый Апрельский весенний день, общее (внутреннее — не от разогрева) тепло. Земляника, придавленная снегом, расправляет листья, растет крапива, дерутся петухи, показались босые девочки. Рыжебородый мужик проехал (сам Апрель — не забыть рыжего!).

19 апреля. Встречается девица, похожая на N [98], и вспоминается вдруг отчетливо, что я хотел от нее, о чем мечтал: о старосветских помещиках, превратить ее в Мать, в Пульхерию Ивановну [99], и у нее основное желание превратиться, но мы уже были обломки прежнего мира и должны были дальше дробиться.

28 апреля. Всегда представлялось, будто я — несовершенное и обделенное существо, я не смею сказать свое, потому что где мне... я представлял себе, что это существо тут, между нами: Гёте, Шекспир, Толстой? даже не эти, а просто люди старшие, учителя, устроенные семейные деловые люди, люди труда и проч. А потом, когда живешь и к этим людям вплотную подходишь — они исчезают, и так ясно, что то существо, совершенное и высшее, перед которым боишься, стыдишься, стесняешься, не в людях, а лишь почивает на людях.

Верю, что существует мир, созданный богом, и человек его душа.

2 мая. Неудачей, мукой, трудом начинается в природе человек, и только если всю муку грядущую принять на себя вперед, можно говорить о прекрасном мире: дойти до того, чтобы не бояться и быть готовым даже на смерть, через смерть видеть мир сотворенным.

13 июня. Рожь цветет, травы цветут, время васильков. В лесу мужики делят свои покосы, мечут жребий. По утрам чисто, росисто и зарно (зарное утро — ни одного облачка; осенью бывают зарные дни). Вечера светлые без конца. В десятом часу в сосновом бору на закате горят стволы, и кажется, там служат вечерню. Скроется солнце, потухнет в бору, но светло, ровно светло, и так на всю ночь. Звезд не видно. Месяц встает и не светит. Кричит всю ночь коростель на мокром лугу.

Всему этому я всю жизнь свою поклонялся, любил это все, а теперь только изредка оглянешься вокруг себя на божий мир. У меня такое чувство, будто множество близких людей у меня умерло, я притупился считать эти могилы, и кажется, вот настанет время — и я останусь один на земле.

Вчера узнали, что Львов отдан немцам.

Посмотрите на птицы небесные: вы думаете легко им жить? летят — шишки под крыльями, повеселятся денек весной — и в гнездо, сиди не шевелись, а потом вывели — таскай весь день червей. Выкормили — опять в дорогу, опять шишки под крыльями. И попить и поесть ей не радость, кругом враги: клюнет и оглянется. А после всего этого посмотри на птицу, и нет краше ее ничего на земле, и нет ничего свободнее: свобода, говорят, как птица.

26 июня. Кто родился с жаждой свободы, тому не миновать рано или поздно, как необыкновенной бабочке, попасть на иглу. Рано или поздно проколет сердце игла, и уже не возвратиться назад, как ни бейся, к прежней глупой, но драгоценной свободе. Пронзила игла, и трепещи крылышками, пока не умрешь. Трепет крылышек у пронзенного сердца — вот источник всех наших песней и мыслей о свободе. Но какие же это были песни на всей людской плесени, покрывающей землю!

Люди родятся и живут с маленькой тайной, нераскрываемой, несознаваемой, по этим тайнам они и отличаются друг от друга, и, вероятно, из этого складывается тайна всего мира «непознаваемого». Сама тайна очень смешна, если ее назвать, так же, как нос, убежавший с лица [100], но, раскрытая в поступках, она называется жизнью человека.

28 июня. Вспомнились все эти полузамерзшие врачи и сестры: как они все спокойно шли под пулями, сопровождая транспорт раненых. И так ясно показалось, что добро чрезвычайно просто и делать его можно, как всякое простое немудреное дело, главное, что это дело.

18 июля. В нынешнее время войны пустыня закрыла и лицо свое, и голос ее умолк для всех, кто проходит ее без всей полноты крестного труда и страданья. Желтой зеленью и голубыми цветочками светящиеся орошенные льны не говорят теперь сердцу обыкновенно, по-старому живущего человека о возможности обыкновенного счастья здесь, на земле: никого не обманывают.

Во всей силе показывается немецкий механизм и беспомощная русская первобытная удаль. Чтобы разбить их, нужно в корне измениться, во всяком случае, нельзя же с голой дубиной идти. Поменьше теплоты бы да побольше рассудка.

20 июля. Столько пришлось пережить, что как посмотришь на себя тех времен до войны, до революции [101] — не я, а бедное дитя блуждает там где-то в мареве. Как это ни

странно, но именно теперь, во время великих событий, наступило время ценнейших интимных признаний: регистрация событий при нынешних средствах общения сделается механически само собой, нынешний летописец освобождается от этой работы, участвуя в событиях или озираясь на них, он может быть занят исключительно личной судьбой. Как эта личная судьба совпадет с общей судьбой? Непременно совпадет. Вот у меня сейчас не хватает чернил, я посылаю в лавочку свою чернильницу налить за копейку (так это у нас водится), ко мне возвращается пустая чернильница: «Лавочник велел сказать, что теперь налить чернильницу стоит пятачок».— «Почему же?» — «Война! все вздорожало...» Ложь, это ложь о чернилах, но я сделать ничего не могу и пишу теперь свои признания дорогими чернилами...

3 сентября. Осеннее небо, усеянное звездами, такой вечный покой, и особенно здесь, в деревне, где каждый день раньше и раньше засыпает деревня.

Поля пустеют, и по мере этого короче дни и раньше спать ложатся в деревне, зато ярче звезды на небе. Выйдешь на крылечко — такой покой! и вдруг падучая звезда, обрезано все небо на два полунеба — метеор, мчащийся во вселенной, коснулся нашей атмосферы и открыл нам, каким сумасшедшим движением дается этот деревенский покой.

Моя старинная мечта заняться как-то особенно, посвоему, географией, вообще природоведением, одухотворить эти науки, насильно втиснутые в законы одной причинности.

[*Петроград.*]

6 сентября. И корреспонденции писать некуда, разве только в старый Петербург из Петрограда, покойникам, что за это короткое время осыпались, как желтая листва после осеннего мороза: милые покойники, мы, поколение, следующее за вами, в глубине души вашим покоем живем, наши надежды на мир, на победу, на хорошее правительство — надежды людей, мечтающих о покое. А не нужно этого, пусть уж больше и больше все разрушается до последнего часа, когда молодежь будет строить новый град...

[*Хрущево.*]

25 сентября. У Толстого главное хорошее в творчестве — способность лепить людей из чего-то живого: читая, вы постоянно чувствуете под собой безликую стихию (как

это называют) или, что ли, подпочву, из которой по воле творца легко и свободно возникают, проходят, исчезая куда-то, лица людей.

Все недаром!

Какая масса людей проходит даром, как тени, и кажется, все это ненастоящие, неинтересные люди, между тем в действительности все они настоящие, все интересные, стоит только попасть с любым из них на одну тропинку, как откроется неизбежно их природа в ужасающей силе, и тогда понимаешь действительность, все равно как, глядя на мелькнувшую падучую звезду, догадываешься о действительной движущейся, мчащейся природе неба, а не спокойной, как кажется.

9 октября. Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы часто бывает жизнь, которой все интересуются, и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу.

18 октября. И что бы враги ни говорили о религиозно-философских собраниях, а историк отметит это искание бога перед мировой катастрофой, как все равно простонародный летописец не упустит сказать о горевших лесах в июле 14-го года и о померкнувшем от дыма солнце.

26 октября. Дело человека высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и самый мир.

1 ноября. Когда-то в начале войны казалось мне, что победа наша над врагом будет в то же время победой над самим собой, что мы организуемся. А вот уже прошло 15 месяцев войны и Россия вся такая же: мечтает и утопает в грязи.

8 декабря. Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла. Зло — это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!

10 декабря. Родина. Что скажет о ней дитя ее, что откроет — не откроет чужой, прохожий человек. И то, что увидит чужой, не знает рожденный на ней.

1916.

2 марта. Пройди по Руси, и русский народ ответит тебе душой, но пройди с душой страдающей только — и тогда ответит он на все сокровенные вопросы, о которых только

думало человечество с начала сознания. Но если пойдешь за ответом по делу земному — великая откроется картина зла, царящего на Руси...

5 марта. Я не знаю ни одного общего числа, которое оказало бы мне пользу для исследования, наблюдения. Вот, например, усиленное развитие промышленности, бывшее до войны, оно ничем не сказалось на людях того района, в котором я живу. Точно так же нынешнее развитие кооперативов — наша потребительская лавка едва влачит существование. Стремление к просвещению — наша деревня не выписывает ни одной газеты. Между тем как большое развитие промышленности — факт, как и нынешнее развитие кооперативов и стремление к просвещению. Мы, конечно, в центральном районе не исключение, Россия так громадна, что общее число у истоков своих теряет всякое значение, общее число живет одной жизнью, а, скажем, личное число — живет другой... Точно так же от непосредственного наблюдения к общему числу можно подойти, только подгоняя одно к другому, как делает большинство наших обозревателей. Непосредственное наблюдение не приводит к общему...

Когда человек идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступает от него и начинает бросаться из стороны в сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест (Амвросий) [102].

Креста для человека бог не творит. И как ни тяжел бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, вырастает на почве его сердца (собственное соображение).

17 сентября. За окнами, укрытыми ставнями, словно что-то огромное кипит в черном котле: буря, дождь, холод и тьма крутят, студят, треплют наш осенний сад.

Неправда, но это больше правды, это ощущение писателя, что в такую минуту, не всякую, а вот такую-то мир весь точкой креста своего сошелся в его сердце и он чувствует все по правде: и бурю в саду, и войну, и спящего ребенка, и все, куда ни обратилась мысль, и настоящее, и прошлое, и будущее, такая минута веры: спросите — и на все будет ответ.

22 сентября. О, если бы вы знали, в какой обстановке, в каком настроении хозяина добывается теперь то, что люди ежедневно потребляют: хлеб, мясо, масло, молоко и другие подобные продукты. Что вы думаете: есть и в хо-

зяйстве синяя птица, о, да еще какая! Но теперь она улетела — мучительно думать: куда? Умрешь и узнаешь? А пока жив, пусть будто где-нибудь в Бельгии живет теперь синяя птица.

Боже мой, что было бы на земле, если бы каждый сельский хозяин ясно и точно видел цель свою: свиную тушу и больше ничего. Не было бы Руссо, Толстого, Аксакова, русского мужика, старинных усадеб, воспоминаний, да, ничего бы не было: поели бы и еще откормили и еще поели, и так бы шло.

А вот оно так теперь все в хозяйстве: всякий обман исчез, синяя птица улетела от жизни.

Война обнажает мир, каким он есть.

На постоялом дворе: географическая карта и говорят о войне. Старик подходит:

— Покажите-ка мне Россию! — Показывают. Крестится: — Слава богу, Россию увидел!

А хозяин:

— Давно бы вам надо Россию показать.

2 октября. Луна где-то за домом, и кажется ночь, но звезда утренняя перед окном моим горит полно в рождении утра.

Так неоткрытым, неузнанным остается для меня лицо моей родины. Несчастной любовью люблю я свою родину и ни да, ни нет я от нее всю жизнь не слышу, имея всю жизнь перед глазами какое-то чудище, разделяющее меня с родиной.

Чудище, пожирающее нас, живет где-то близко от нас, и я видел вчера в день призыва, как ворчливая негодующая толпа оборвышей поглощалась им и они, как завороженные змеем, все шли, шли, валили, исчезая в воротах заплеванного зассанного здания...

А может быть, это весна? самая первая весна, и грязь эта и оплеванная родина, все это как навоз и грязь ранней весной, выступающая всем напоказ.

Наш центральный земледельческий район только по богатству почвы земледельческий и потому что все тут этим занимаются. А в смысле техническом он, может быть, самый неземледельческий. Вы, конечно, замечали, если путешествовали по Руси, что чем лучше у нас почва, тем хуже на ней живут люди. Вероятно, это потому, что за хорошую почву было больше борьбы человека с человеком, помещика с мужиком. Малоземелье, община в связи с пра-

вовым порядком истощили мужика, а вместе с тем истощили и помещика.

4 октября. Софрон — старый, иконографический, нанялся печку исправлять. Человек, который знает только прошлое и будущее, а настоящего нет у него, и ему кажется теперь, что настоящее кончается и не дай бог дожить до самого конца 〈...〉 Конец света. Старики умерли, один уцелел, и как ему представляется? То горевал, когда умирали они, а теперь радуется, что умерли и не дожили.

Смерть Пульхерии Ивановны перед географической картой.

1917. [*Петроград.*]

24 февраля. Вчера забастовка рабочих.

Окулич[103] двигает вагоны на службе, а дома чертит планы устройства своего имения в Сибири. Он обвиняет министра земледелия, министр обвиняет статистиков и народ в отсутствии патриотизма. На его месте нужен бы человек, который просто делает, никого не обвиняя. В министерстве: хлопающие двери кажутся выстрелами.

25 февраля. Член Совета подал вчера министру докладную записку с планом спасения России, в бумаге есть фраза: «когда уже рабочие массы вышли на улицу» (откуда они «вышли», где они были?).

Время от времени хлопает на весь дом, как пушка, входная дверь: «Постреливают? Начинают?»

На Невском, как и в 905 году. Трамваи остановились, где-то в районе Ямской улицы все еще ходит конка, старая, темная, настоящая прежняя конка. Никто ее раньше при трамваях не видел, а теперь с удивлением смотрят: конка ходит!

Гос. Дума обсуждала отложить заседание до понедельника или продолжать совещаться и завтра: небольшим числом голосов приняли заседание на завтра.

26 февраля. Сегодня 26-го все газеты не вышли. Весь город наполнен войсками. «И кого ты тут караулишь!» — говорит женщина своему солдату. И так видно, что он не знает, кого он караулит: враг свой.

Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая. А рабочие требуют только хлеб. Фабриканты правы. Вся политика и государственность теперь выражаются одним словом «хлеб». Как вначале вся жизнь

государства была в слове «война!», так теперь в слове «хлеб!». Так что историк первую часть эпохи назовет Война и вторую Хлеб.

Рота солдат, проходя по Садовой, прислушивается:

— Двенадцать часов? — говорит унтер.

— Двенадцатый выстрел! — отвечает солдат. Так и солдаты настроены: ожидают выстрелов.

В бюро нашем кутерьма: потерялась шифрованная депеша о забастовке на патронном заводе, беда, просто беда, ищем, ищем, головы потеряли.

Есть такое общее ощущение, что эта забастовка с лозунгом «Хлеб» прорвала фронт мировой войны ⟨...⟩ То была война, а то хлеб, то армия, а то «хлебармия».

Общее мнение теперь, что хлеб есть, и градоначальник вывесил объявление, что хлеб в Петрограде есть. И так вообще по Руси: «хлеб есть», но хлеба не дают.

Знакомые барышни стоят в очереди за хлебом — вы как сюда попали? «Мы шли на выставку Союза художников, смотрим — очередь коротенькая, и стали. Мы всегда, как увидим коротенькую очередь, за чем бы ни шли — остановимся». Как птички... Приходим на выставку с кусочками черного хлеба — хлеб этот для дома, для семьи, а вот картины для себя: то хлеб, а то совсем другое, и та барышня милая, что стала в очередь из-за хлеба для семьи, мила.

27 февраля. Сегодня утро сияющее и морозное и теплое на солнце — весна начинается, сколько свету! На улице объявление командующего войсками о том, что кто из рабочих не станет завтра на работу, призывается в действующую армию. Мелькает мысль, что, может быть, и так пройдет: вчера постреляли, сегодня попугают этим и завтра опять Русь начнет тянуть свою лямку...

Прихожу к начальнику с докладом ⟨...⟩ а он говорит: теперь все равно: Артиллерийское управление захвачено бунтующими войсками, Предварилка открыта — политические выпущены и проч.

Но бумаги мы продолжаем писать в министерство земледелия о том, что вследствие недостатка муки и рыбы каменноугольные копи Донецкого бассейна должны прекратить работу, что Невьянские заводы должны прекратить перевозку дров по недостатку овса.

При выходе из министерства смотрим на большой пожар на Выборгской стороне: Предварилка или Арсенал?

Хозяйка моя заявляет, что хлеба она больше давать мне не будет: «Теперь,— говорит,— каждый должен думать

сам о себе». Я ей отвечаю, что теперь именно и должны мы думать не только о себе.

Позвонился к Петрову-Водкину: ничего не знает, рисует акварельные красоты, очень удивился. Попробовал пойти к Ремизову, дошел до 8-й линии, как ахнет пулемет и потом из орудий там и тут, выстрелы раздаются, отдаются, кто бежит, кто смеется, совершенно как на войне вблизи фронта, только тут в городе ночью куда страшнее...

А телефон все работает, позвонил к Ремизову, что дойти до него не мог.

И так кажется, что бы ни было, но все это к лучшему.

«Какой-то старичок на Лиговке,— рассказывает швейцариха,— хлеб получил в очереди два фунта, так, бедный, и лежит с хлебом в руках».

Наступили великие и страшные дни.

28 февраля. Кончается длинный, длинный день ⟨...⟩ чуть долетают в квартиру с улицы выстрелы пулеметов. К Ремизову добраться не решаюсь: в разных домах засели полицейские, стреляют, а по ним стреляют повстанцы...

На углу Тучкова и 1-й линии кучка любопытных, мчится автомобиль с красным флагом с солдатами, пулеметом, и барышня там зачем-то сидит, и косичка у нее маленькая, маленькая рыженькая. «Ура!» — кричит, а из автомобиля стреляют: салют. Кто кричит «ура!», а кто удирает во все ноги. В университете организуются санитарные отряды и питательные пункты, тут все новости: что распущены Дума и Совет, что телеграмму царю послали.

Вечером возле нашего дома стрельба: где-то тут укрывается пристав.

1 марта. Из любопытства прохожу по зданию министерства: все пусто, нет ни души. Зато в университете, как в 1905 году.

Обстрел Зимнего дворца, раздача оружия малолетним. Вопрос — где царь. Легенда слабая: «царь сдался». Обстрел Зимнего дворца. А Протопопов [104] будто бы скрылся в Зимнем дворце, но ему предложили сдаться, потому что из-за него разобьют дворец, и он сдался и впал в обморок, и его на носилках унесли в Думу.

Жуткий вопрос, что делается в остальной России — никто этого не знает... Кто-то говорит: а радость какая, будто Пасха.

Есть слух, что телеграмму царя: «подавить во что бы то ни стало» — спрятали под сукно.

По телефону: Шаховского [105] арестовали. Смерть (мо-

ральная) Протопопова. Министр торговли: Николай Ростовцев. Шингарев — министр земледелия. Керенский — юстиции и т. д.

2 марта. Утренний пеший поход в Государственную Думу. Полная тишина: ни одного выстрела.

В Думе: у жерла вулкана. Котел с пищей под кафедрой — солдаты едят. Екатерин. зал: солдатский митинг.

3 марта. Время. Редко может кто сказать о событиях с точным определением времени, так много всего пробегает в обыкновенный его час. Настоящее начало революции (момент его [времени.— *сост.*] начала) есть уже предмет исторического исследования.

Вышли на улицу и слушали в народе весть о соглашении двух комитетов и новые приказы новых министров [106]. День чудесный — солнечно-морозный Март. И возрастающая радость народа. На Невском огромное движение, снимаются иллюминационные императорские гербы, складывают в кучи, зажигают, а в витринах показывается объявление об отречении царя. Процессии рабочих-солдат с: «социалистическая республика» — «вставай, подымайся» («Боже, царя» не существует).

5 марта. В ожидании первых газет длинная очередь. И когда они вышли, то все с разных сторон города весь день, возвращаясь домой, пуками, как носят вербу, цветы, несли газеты, кто какие добыл.

Прорвалось — нарыв... самые употребительные слова. Может быть, там, на фронте (в Госуд. Думе), все еще боятся краха, но здесь, в тылу, совершается празднество настоящей великой победы.

— Товарищи! — говорит извозчик,— посторонитесь.

— Товарищ! — говорит офицер извозчику,— довези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот.

6—7 марта. После дней революции я еще не напечатал ни одного своего слова, и мне радостно, что я еще ничего не сказал: как будто передо мною лежит огромное невспаханное поле девственной земли, и я, как многие пахари, теперь в Марте, осматриваю перед началом работ свою соху и потом выхожу на пригорок осмотреть поля.

Прошлое, как большая низина болотная, и я в муках ищу высокое место, откуда можно бы оглянуться на себя и на все.

23 марта. Когда начала смолкать стрельба на улицах и люди стали выходить из домов массами на Невский, в это время газетного голода вынес некий торговец множество книг в зеленой обложке, мгновенно его окружила огромная толпа, и когда я добился очереди, то ни одной книги для меня не нашлось: все было раскуплено. Книга эта была «История французской революции». Кто только не прочел ее за эти дни! Прочитав, некоторые приступили читать историю Смутного времени, которая читалась с таким же захватывающим интересом, как история французской революции. Так само собой, имея под собой почву революции, возникло, пробудилось великое стремление знать свою родину, и через несколько лет каждый будет знать историю, потому что это стало совершенно необходимо, потому что образование стало таким же нужным для творчества жизни, как пахарю плуг.

Все больше и больше с каждым днем вырастает фигура Петра Великого, как нашего революционера (Петроград, освободивший Россию).

30 марта. Приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку. Но все государство шло так, будто царь где-то есть. Та часть народа, которая призывала к верности царю, сама ни во что не верила. Не было времени, и можно было узнать его скорость лишь в быстрой смене министров и росте цен. В тишине безвременья каждый давно уже стал отворачиваться от забот государственных и жил интересом личным: все грабили. Это привело к недостатку продуктов в городах и армии. Недостаток хлеба вызвал бунт солдат и рабочих.

31 марта. Таинственная страна была Россия с народом сфинксом. Теперь неизвестная земля показалась: «Земля, земля!» И корабль наш причаливает.

А о том, как теперь в глубине России люди живут, все еще ничего не известно.

Когда тревога, похожая на состояние души во время кораблекрушения, миновала и мы увидели, что жить еще можно, и оглянулись вокруг себя, то услышали, что все вокруг заботятся о хлебе насущном, становятся в бесконечные очереди перед хлебными лавочками, пробуют раздобыть сахару, масла, мяса. Было похоже на кораблекрушение, после которого мы попали на землю необитаемую и стали придумывать средства жизни на этой новой земле.

Раньше мы жили в стране неподвижной.

2 апреля. Царь не верил в себя, как в Помазанника, веру занимал у Распутина [107], тот захватил власть и втоптал царя в грязь. Хлыст Распутин — разложение церкви, Николай — разложение государства соединились в одно для погибели старого порядка (народ вопил об измене).

21 мая. Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским. А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозваные министры тоже говорят речи, и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия сплошной митинг людей.

23 мая. Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет: жизнь интересная.

18 июня. Хрущево. Время такое головокружительно быстрое, кажется, все куда-то летит, но вот попадается на глаза теленок, жует он по-прежнему медленно, ровно, попади он как-нибудь в связь со временем, зацепись как-нибудь хвостиком за человеческое быстрое время — и в какой-нибудь час стал бы огромным быком.

Но это чудо не совершается, и природа творит свое дело, не подчиняясь желанию человека. Так что с природой считаться нужно.

11 июля. Неведомо от чего — от блеснувшего на солнце накатанного кусочка тележной колеи, или от писка птички, пролетевшей над полями, или от облака, закрывшего солнце, вдруг повеяло осенью, не той, которая придет к нам с новой нуждой и заботами, а всей осенью моей родины, с родными, и Пушкиным, и Некрасовым, с тетками, с бабами, с мужиками нашими, с дегтем, телегами, зайцами, и ярмаркой, и яблонями в саду нашем, и потом и с весной. и зимой, и летом, и со всеми надеждами и мечтами нераскрытого, полного любовью сердца. А потом вдруг: что это все погибает. Новое страдание, новый крест для народа русского я смутно чувствовал еще раньше, неминуемо должен прийти, чтобы искупить — что искупить?

Так развязываются все узлы жизни. Вот развязалось в хозяйстве: сено сопрело, вышло из круга и теперь стало понятно, как мы уберемся. Так же и в этом узле всей России и всей мировой войны: Россия выходит из круга.

На вопрос мой одному крестьянину, кому теперь на Руси жить хорошо, он ответил: «У кого нет никакого дела с землей». Солдат ответит, у кого нет дела с войной, купец — с торговлей. И вообще — с настоящим. Кто с будущим живет — тому хорошо. Но будущее теперь никому не

известно. Значит, тому хорошо, кто верит или даже просто стремится, движется.

16 июля. За отбивкой косы. Упрямая работа: тюканье стальным молотком по узкому жалу. Так в юности, когда нахлынула волна марксизма, по узенькой дорожке упрямо, не слушая никого, нужно было идти [108]. Смутно, помню, поднимался вопрос на то положение, что не нужно давать денег на флот и армию: «А как же оставить отечество без защиты, кто-нибудь должен защищать его, почему не я?» И сейчас же ответ на это: «Пусть это делает тот, кому это выгодно, охотников защищать найдется много». Точно так же и о смертной казни: она необходима в этом обществе, и пусть палача выбирают из этого общества, а я не буду палачом. И вот это общество теперь как сговорилось отступиться от этого дела. Тогда Керенский и Чернов [109] становятся палачами. И делают они совершенно то же, что и буржуазия, заменяя название целей — «незыблемая основа трона», «священная прерогатива монарха» и проч., своими названиями: «завоевания революции, основы демократии» и проч. Изменяются слова и форма, сущность остается совершенно одинаковой, и Апис [110] по-прежнему стоит привязанный к колышку и жует свою вечную жвачку и равнодушно, как поднятую дорожную пыль, пропускает мимо себя, даже не взглянув, вихрь революции.

А Толстой не изменил бы себе, и «трагической необходимости» Керенского он не подчинился бы.

22 июля. Терраска у меня крытая, с перилами и столбиками, будто рубка на пароходе. Вечером, бывает, когда спать лягут все и тихо сядешь и оглянешься возле себя — вот деревья распускаются, другой раз сядешь и смотришь — деревья цветут, а то вот уже и пожелтели и листья на террасе лежат, и кажется, будто плывешь куда-то — куда? Прошлый год проплывал тоже этим краем и здесь же раздумывал, чем кончится это путешествие, удивлялся, никак не догадался, что кончится разгромом монархии. А теперь? неужели кончится созданием монархии?

В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим. Чтобы это вышло, должно совершиться нечто, не хватает какого-то звена.

23 июля. Новость: Керенский сбежал.

31 июля. Не работа страшна человеку, а забота. Заела забота, и не знаешь, что к чему выведет. Одни говорят, что хлеб все равно отберут, хлеб не свой, а государственный. Другие говорят, что хлеб не дадим, пусть сначала устроят дешевые сапоги, штаны, тогда и хлеб отдадут.

1 августа. Государство есть организация силы. Сила осуществляется властью. Извне эта власть обращена на защиту границ государства. Изнутри на индивидуума, который силою подчиняется целому. В монархическом государстве подданные не свободны. В республике свободны, потому что индивидуум сознает необходимость подчиняться и подчиняется добровольно. Путь освобождения от государственного насилия есть путь сознания личностью необходимости жертвы общему делу.

Земля — это закон необходимости. Так мыслит свободный. А раб мыслит: земля — свобода, воля — захват.

4 августа. Мать преображалась, когда выезжала из своего гнезда в Задонск или в Оптину пустынь, и так весь народ наш преображается, когда странствует. И вот мы, интеллигенты, эту часть души народа наследуем и поражаем иностранцев широтой и великодушием. Из области литературы, искусства и подпольной политики мы теперь странниками вступили в мир сплетения корысти народов и здесь проповедуем мир всего мира.

7 августа. Мы чего-то ждем, какого-то решения или события.

8 августа. Сухо, сухо. Гудит молотьба на деревне. А сеять мы перестали: очень сухо. Как отсеюсь, так и нырну в Питер. Окунусь и установлю, что дальше: жить со своими темами или принять участие прямое в жизни сей?

10 августа. Может быть, Россия движется к гибели и явно нелепы все эти новые учреждения, земельные комитеты, продовольственная управа и всякие другие деревенские комитеты, но что за это время человек стал совершенно другой — это несомненно, нелепо он поступает, нелогично, но психологически он был гражданином. Стукнулись лбами, но поняли.

Три дня не был в поле и вышел и увидал свое дело, я работал простуженный, ходил с пудовым лукошком семян на шее, швырял семена, а в саду моем грабили сливы, ломали сучья, я уходил в сад разгонять воров, возвращаясь в поле, заставал в просе телят, на клевере лошадей; тогда я не думал, хорошо ли, плохо ли мое дело, лишь бы покончить; а вот теперь,— о, какая радость! — я глянул на поле после дождя, по солнышку: рожь уже вышла из краски, внизу была розовая, вверху зеленая и на каждом зеленом листике висела капля сияющая, как алмаз. Я все поле исходил, шаг за шагом много раз, и тут было много мест, связанных с болью души, вот здесь я... (все мои горес-

ти) теперь на всех моих больных местах было такое согласное, и я всему этому дал жизнь. Вот обсев — черная земля. Я возвращаюсь домой, беру лукошко с семенами и подсеваю, подправляю.

15 августа. Решили ждать и ждать, потому что перемена должна быть.

Черновская политика типично чиновничья прежнего режима: только раньше дело велось через губернаторов, а теперь через земельные комитеты. Необходимо было одновременно с идеей политического объединения дать трудовому народу идею новой общественной и государственной собственности.

20 августа. Хозяйство — борьба с природой, с хищниками, нелепым человеком, с его скотом. И сразу тут ничего не сделаешь: дерево мира вырастает в борьбе, и обыкновенно не тот садится отдыхать под ним, кто растил его, сядет кто-то другой. В борьбе и муках вырастает дерево мира. Так разные народы растят свое дерево мира, и оно служит для всякого миром, но растят его они в борьбе.

Сразу — чудо. Вот в Аписе и надо изобразить этот образ вечной борьбы, это долгое время роста животного и противопоставить ему чудо.

Вижу я поле, осеннее крестьянское, без конца в длину и ширину, поле, соединенное из мелких душевых полосок, поле с потускневшим жнивьем убранной озими, поле печальное: грачи табунятся, и скот бродит в большом числе, и одна копешка, неубранная и несворованная, и одна полоска, худо сжатая и растрепанная. И будто бы тучи на небе ходят, то закроют солнце и брызнет дождик, то чуть пояснеет, словно тяжко больной лежит и то одумается, то опять все замутится, задернется. Ветер проносится по полю быстро, как Время революции, и так это странно смотреть на черного бычка: вот мчится куда-то ужасное Время, а он, черный бычок, стоит и жует и не смотрит и не хочет смотреть на Время, стоит и жует непрерывно, и с ним вместе все стадо жует непрерывно, и земля эта иссера-желтая лежит вечно, и недвижимо, и равнодушно.

[*Петроград.*]

1-го сентября в ночь на 2-е. Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка нам была, и мы о ней гадали, но не видели; теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью.

8 сентября. Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось ⟨...⟩ в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая $^1/_2$ ф. хлеба в день, и весь этот дух народа ушел вот сюда, в эти организации...

Я думаю, что эти организации есть выражение какого-то духа, исчезнет он — и все исчезнет, как сон, что это за дух?

Прежде всего этот дух почивает почти исключительно на Петербурге, здесь его сила, тут его война. Возьмите крестьянина, которому нужна действительная земля,— он не имеет ничего общего с членами организации «Земля и воля», его вопрос один: дадут землю или не дадут.

14 сентября. Ошибка Чернова: заигрывание с народом.

Для будущего драматурга будет очень легко изобразить небольшой эпизод мировой войны, который представляет собой демократическое совещание: потому легко, что оно даже и совершается в здании Драматического театра.

В оркестре, как бы из подполья, сто человек хроникеров, стенографистов, журналистов с точностью записывают происходящую драму.

На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского[111]. Я делюсь своими впечатлениями с журналистами, и они, конечно, смотрят на меня как на провинциала: они сотни раз слышали Керенского, и на них его слова не действуют. Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра.

Конечно, многие из присутствующих, говорящих об обороне страны, готовые пойти на фронт и положить свою жизнь за родину: но что из этого? Нужно не «я готов умереть», а «мы готовы»...

— Все ли тут согласны? — спрашивает Керенский.— Я не могу здесь говорить, если не уверен, что тут присутствуют люди, которые готовы назвать мои слова ложью!

— Есть такие! — хором отвечают большевики.

Керенский борется с большевиками, происходит драматическая сцена. Публика, кажется, готова разорвать большевика, кричит, где он, ищут.

И вот один поднимается и вызывающе смотрит. Потом шум стихает. Большевик садится. А Керенский продолжает говорить о защите родины.

Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре.

В действительной жизни власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая, как природа, приспособленная художником для театра.

Потом выходит Чернов, как будто лукавый дьяк XVI века, плетет хитрую речь про аграрные дела, но неожиданные выкрики слов «категорический императив аграрного дела!» выдают его истинную эмигрантско-политическую природу русского интеллигента, и оказывается, что просто кабинетный человек в Александрийском театре, плохой актер изображал из себя дьяка, мужицкого министра, что это все, все неправда, и слова его никогда не будут жизнью.

Так создается это чрезвычайно странное состояние, как в театре: каждый из неподвижно сидящих зрителей, каждый в отдельности готов идти за своим Верховным главнокомандующим, но никто не пойдет, когда представление кончится, и все пойдут по домам.

10 октября. Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь.

— Вот как они понимают свободу! — сказала барыня.

14 октября. Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шаляпина. Я первый раз тогда видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шаляпина, тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне незнакомых, и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шаляпин, словно во сне, сказал:

— Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей.

И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два было о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о попах, о купцах, о боге без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью. Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шаляпина. Я ответил, что бога видел нашего какого-то, может быть *(1 нрзб.)* или лесного, но подлинного русского бога. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал:

— Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем!

Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда

и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии.

Из деревни, приехав в город, два месяца ходил я по собраниям, в общественные говорильни, слушал внимательно, что говорят, читал записанное в газетах, накопил гору сказанных и написанных слов, и дух мой, спасаясь от гибели, забился в смертельной тоске. Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего. Наши слова мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил.

Собираю, пишу картину художественную, нижу слово за словом, привычно подбирая их одно к одному, но вот входит хозяин из очереди и говорит мне, рассказывает ужасное. Я бросил художество и хочу писать для газеты, но слова мои будто мертвые камни. И то не нужно, и это не нужно, что же делать?

7 ноября. Движение началось уже с первых дней революции, и победа большевиков была уже тогда предопределена.

11 ноября. Большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции.

12 ноября. Родина стала насквозь духовной, мы знаем, что это никто не может отнять у нас и разделить, но не ведаем, как воплотится вновь этот дух.

30 декабря. Когда стучусь к Ремизову и прислуга спрашивает,— кто там? — я отвечаю, как условились с Ремизовым, по-киргизски.

— Хабар бар? [112]

Значит, есть новости?

Девушка мне отвечает со смехом:

— Бар!

И я слышу через дверь, как она говорит Ремизову:

— Грач пришел!

Киргизские мои слова почему-то вызывают в ней образ грача и всегда неизменно. Сама же Настя белая, в белом платочке, и притом белоруска. Кто-то сказал ей, что Россия погибает. Сегодня она и передает нам эту новость: Россия погибает. И на вопрос мой киргизский: «Хабар бар?»

— Есть,— отвечает она,— Россия погибает.

— Неправда,— говорим мы ей,— пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

— Как,— спрашивает,— Леу?

— Толс-той.

— Леу Толс-той.

Пушкина тоже заучила с трудом, а Достоевский легко дался: Пушкин, Лев Толстой и Достоевский стали для Насти какой-то мистической троицей.

— Значит, они нами правят?

— Ах, Настя, вот в этом-то и дело, что им не дают власть, вся беда, что не они. Только все-таки они с нами.

Как-то пришел к нам поэт Кузмин, читал стихи, Настя подслушивала, потом спрашивает:

— Это Леу Толстой?

Потом пришел Сологуб, она опять:

— Это Леу Толстой?

Ей очень нравятся стихи, очень!

Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе:

— Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

31 декабря. Есть люди, которые живут на ходу — остановился и стал бессмысленным. И есть читатели, которые массу читают, но после прочтения ничего не помнят. Так теперь похоже и мы все в государстве Российском в заключение Нового года: испытав такую жизнь, никто не знает, что будет дальше и что нужно делать.

Я вам скажу, что нужно делать: нужно учиться, граждане Российской республики, учиться нужно, как маленькие дети. Учиться!

1918—1932

1918.

[*Петроград.*]

1 января. Встретили Новый год с Ремизовыми: их двое и я, больше никого. На дворе стужа ужасная.

Мне понравилось, как вчера в трамвае одна молодая дама, увидав объявление о бал-маскараде, гневно сказала:

— В такое время негодяи о каких-то балах думают, нашли время!

С Новым годом поздравляемся... и не знаем, что пожелать, говорим:

— С Новым счастьем!

19 февраля [1]. На Невском в трамвае, как бывает — сидят люди молча, хмуро, стоят в тесноте, поглядывают, как бы сесть. И вдруг языки развязываются, все вступают в спор, и видишь в окошко, что на улице тоже везде кучками о чем-то говорят. Это значит, что день поворотный, исторический [2]. Никаких газет не надо в эти дни, нужно только прислушиваться, о чем говорят.

22 февраля. Так все напряженно, и уже никаких митингов на улице нет и длинных разговоров... В печати появилось новое выражение: гибель социалистического отечества [3].

27 февраля. В трамваях заметно стало просторней: солдаты разбежались, рабочие ушли «на позиции». Говорят, будто Бонч-Бруевич кому-то сказал: мы заключили мир в Берлине.

2 марта. К вечеру узнаю, что мир подписан.

4 марта. Вечером, вероятно, от голода внезапно заболела голова, едва отлежался — голод настоящий. Кто-то просит рассказ написать в сборник ⟨...⟩ совещаемся о сибирских детских журналах.

5 марта. Утро — иду, весна! Только калоши худые. Светится небо, все ликует, а голубей на улицах ни одного: выловили, или сами подохли.

Продукты все как-то сразу исчезли с рынка.

6 марта. Наконец-то решилась хозяйка моя купить конину, опустила ее в святую воду и подготовила вообще к вкушению котлет такую обстановку, будто мы грех какой-то совершаем, не то человека, что ли, зажарили. И стоит она у печки старая, голодная, страшная.

Собака голодная, облезлая шла, качаясь, по Большому проспекту, на углу 8-й она было упала, но справилась, шатаясь пошла по 8-й, навстречу ей шел трамвай, она остановилась, посмотрела, как будто серьезно подумала: «Стоит ли свертывать?» — и, решив, что не стоит, легла под трамвай. Кондуктор не успел остановить вагон, и мученья голодной собаки окончились.

15 марта. Пламя пожара России так велико, что свет его, как солнца свет утреннюю луну закрывает, так невидим становится свет всякого нашего личного творчества, и напиши теперь автор подлинно гениальную картину, она будет как бледная утренняя луна, бессильная, лишняя.

22 марта. Прислонившись спиною к решетке Аничкова моста, девушка, очень миловидная собой, в очках, стоит с протянутой рукой и в руке коробочка с двумя кусочками мыла. На нее никто не обращает никакого внимания, потому что она очень нерешительно предлагает мыло, и вся как-то ни к чему здесь, и совестится, и еле-еле шевелит губами, предлагая мыло. Я нарочно раза три прошел мимо нее, чтобы разобрать ее слова, и наконец услыхал:

— Метаморфоза.

Вероятно, это было название мыла.

26 марта. Скрою же грусть свою и тайну свою отдам небесной лазури.

Отдам же грусть свою небесам — пусть они дадут за нее радость вам, и тайна моя, растворенная в золотых лучах

солнца, незаметным нечаянным и радостным чудом украсит для детей луга цветами, поля хлебами, моря просторами и воздух прозрачностью.

3 апреля. Моей любовью стал медвежий угол России, моей неприязнью — мещанский уклад Европы.

В природе русской мне больше всего дороги разливы рек — в народе русском его подъемы к общему делу — и как бывало на покосах, и в первое время войны, и в первые дни революции.

Крестьян замучила чересполосица, интеллигенцию — платформы и позиции.

10 апреля. Я с малолетства знаю всех мужиков и баб в нашей деревне, они мне кажутся людьми совершенно такими же, как все люди русского государства: дурные, хорошие, лентяи, бездарные и очень интеллигентные. Никогда я себя не отделял от них, никогда не выделял мужиков от других сословий, только они ближе других были ко мне, и потому я говорю о них.

14 апреля. Нынче я приезжал в наш город и еще не видел своего хутора, захожу в одну лавку и там встречаю седую, старую Любовь Александровну. Не поздоровавшись даже со мной, спросила:

— Видели, полюбовались?

Я слышал, что мужики *(1 нрзб.)* разгромили ее имение.

— Нет,— ответил я,— не видел и не любовался.

— Очень жаль: плоды ваших рук.

— Как моих?

— Ваших, ваших! — крикнула она.— У всех помещиков дома разграблены и снесены, а ваш дом стоит.

Я сведений о своем доме еще не имел.

Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из великих предрассудков славянофилов, хорошо известный нашей технике агрономии: нет в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более варварского обращения с животными, с орудиями, с землей, чем у нас. Да им и некогда и негде было научиться земледелию на своих клочках.

Видел ли кто-нибудь картину весеннюю во время движения соков срубленных молодых березовых рощ? Сок ведрами льется из срезанного ствола, заливает землю вокруг, как снегом, так блестит на солнце нестерпимым

блеском, потом начинает краснеть, краснеть, и вот все становится ярко-красным ⟨...⟩

Издали слышатся удары топора, я иду посмотреть на человека, который так издевается над природой. Вот он сидит на огромном в три обхвата парковом дереве и, очищая сучья топором, распиливает труп. Мне больно за что: я знаю, не больше как через год мысли этого человека переменятся, и он будет сажать деревья ⟨...⟩ Его мысль очень короткая, но дереву такому надо расти больше ста лет, как может он приближаться со своей короткой мыслью к этому чудесному дереву.

В средней России, где я теперь нахожусь,— сухая земля, корешки озими еще не обмылись по-настоящему, начинаем опасаться, сеем и опасаемся: что, если неурожай?

И прошлый год было страшно, казалось тогда, что весь исход революции зависит от урожая — голод мог задавить ее. Теперь шансов на голод больше в сотни раз: земля еще один год остается без навоза, вот уже три года крестьяне навоз *(2 нрзб.)* не вывозят ⟨...⟩

Я беру самый лучший уезд в Орловской губернии, где хлебных уезда всего только три: мы должны непременно дать хлеб в те голодные уезды. Вот теперь и подумаешь, что, если неурожай...

2 мая. Принципы творчества будущего: ветер, буря, революция. Личность находит себя в настоящем, в любви к текущему: мир, свет, любовь.

Из слободы движется стадо коровье и разбредается по разным улицам: коровы сами идут в свои дома. Только новых коров провожают хозяева, иногда женщины, иногда мальчики или девочки. Мы смотрим в окно и на коров и вдруг все воскликнули:

— Капитолина Ивановна!

Самая богатая наша барыня Ельца, Капитолина Ивановна, в шляпе, хорошем пальто и с веточкой в руке шла за коровой.

— Вот до чего дожили.

Завтра погибнет мой сад под ударами мужицких топоров, но сегодня он прекрасен, и я люблю его, и он мой.

Прощаюсь с садом и ухожу; я найду где-нибудь сад еще более прекрасный: мой сад не умрет.

3 мая. Однажды поздно ночью этой зимой шел я по улице пустынной, где грабили и раздевали постоянно. Иду

я, думаю: «Проскочу или не проскочу?» — совершенно один иду, и вот показывается далеко другой человек. Оружия нет со мной, а кулак на случай готовлю и держу его так в кармане, будто вот-вот выхвачу револьвер. Тот, другой, приближается, всматриваюсь: книжка в руке, слава тебе господи! с книжкой человек не опасен, он друг мой.

Неведомый друг мой с книжкой в руке, вам пишу это письмо из недр простого русского народа.

19 мая. Кукушица, рано кукуя нежным своим и глубоким голосом, пролетела над крышей моего дома, и голос этот остался, протянулся, запел.

22 мая. Завет художнику. Не искушайся дробностью жизни: в политике, в хозяйстве: страдай или радуйся в этом, но не смешивай одно с другим.

Помни, что раз ты художник, жизнь тебе хороша.

3 июня. Многие в провинции спрашивали меня, видел ли я когда-нибудь Ленина и потом — какой он из себя и что он за человек. Пусть Ленин все равно какой, мне нужен в Ленине человек убежденный, честный, сильный.

Узнав мое мнение о Ленине, мне говорят: а не могу ли я о всем потом Ленину рассказать, не вникнет ли он в положение по человечеству.

Я еду, и мне кажется, я что-то везу в себе Ленину, я начал думать о том, что человек перестрадал, о будущем и что я могу сказать Ленину.

[*Москва.*]

8 июля. Знакомый журналист приходит и объявляет нам: Мирбах [4] убит.

Странные часы мы провели в это воскресенье: мне казалось, в этой пустоте весь рост жизни остановился, цветы не цвели, трава не росла, всеобщая была пустота и в пустоте... Мирбах.

10 июля. Может ли из страдания человека одинокого выйти счастье, радость — спасение всего человечества? Или его радость — награда сама собой, а их счастье само собой, только потом, чтобы все на свете примирить и сладить, устанавливают, что страдание одинокого человека мир спасло.

29 июля. Что бы там ни говорили в газетах о гражданской войне и все новых и новых фронтах, в душе русского человека сейчас совершается творчество мира, и всюду, где собирается теперь кучка людей и затевается общий разговор, показывается человек, который называет другого не официальным словом товарищ, а брат.

[*Хрущево.*]

6 августа. Политика стала личным делом такой же ценности и необходимости, как обеспечение своей семьи мукой, чаем и всякой всячиной, необходимой для ежедневного проживания.

11 августа. Горький затевает какое-то массовое издательство иностранных писателей [5].

31 августа. Помню, Петров-Водкин писал яблоко во время революции и потом говорил мне, что такое яблоко он мог написать только во время революции [6].

8 сентября. А счастье свое, настоящее, вечное счастье я понимаю в тихом подвиге, тайном деле с отказом от пользования благами — это моя тайная сущность, приступить к выполнению которой мешает мне не то обида, не то гордость, не то неизведанность того, что все изведали, что-то весьма маленькое, что в то же время заслоняет большое: неустройство в моем доме мешает войти в великий дом всего мира.

Что редко встречается теперь в нашем возрасте — это способность до конца друг другу доверяться, шагнуть както через все невозможные перегородки и в конце концов радостно встретиться.

11 сентября. Роковой седой волос выбивается на свободу и будто шепчет: «Спеши!»

Однажды Ремизов сказал:

— Вот бы настоящим критикам разобрать интересный вопрос, почему Пришвин не хочет описывать людей, а все коров, собак и всякую такую всячину.

Это вот почему: потому что сердечной жизни человека (себя) я не понимаю и боюсь трогать этой догадкой, спугивать, непережитое отдать бумаге, расстаться с будущим. Тут дело мудрое.

21 сентября. Пошлостью называется состояние, когда идеальное наивно заменяется неизбежно житейским, цинизмом.

22 сентября. Какая тишина в золотых лесах! Далеко где-то молотилка, будто пчела жужжит, а войдешь в лес, то пчела, будто молотилка,— так тихо!

Тихо, тихо: земля под ногою, как пустая, бунчит.

Светлый прудик тихий, обрамленный осенним цветом деревьев, как затерянное начало радостного источника встретился мне на пути. Тут с разноцветных деревьев: кленов, ясеней, дубов, осин — я выбираю самые красивые, будто готовлю из них кому-то цвет совершенной красоты.

Источник радости и света встретился мне на пути, и все ясно мне в эту минуту, как жить мне дальше, чтобы всегда быть в свете и радости.

Есть личные тайны, которые не только нельзя рассказать другому, но и себе не признаешься в них: их можно рассказывать другому лицу только поступками, а словами сказать — убивать их.

24 сентября. Сколько забот теперь, чтобы просто прожить ⟨...⟩ Керосину нет, сапоги развалились, где достать к зиме валенки, чем лошадь прокормить ⟨...⟩ — конца нет заботам!

Мы входим внутрь природы, делаемся составными частями ее механизма, лишенные сознания значения своего участия и удивления.

Ночью на страшной высоте где-то под самыми звездами, чуть слышные, летели дикие гуси,— на мгновенье колыхнулось прежнее чувство красоты и великого смысла их перелета, а потом исчезло, как излишняя роскошь.

[*Елец.*]

29 октября. Прошло всего 18 дней с того дня, когда я с узелком в руке оставил Хрущево, а кажется, год прошел.

5 ноября. Старый нотариус Шубин в своем саду по ночам спиливает сучья деревьев для отопления, он же клеит конверты, вяжет чулки и делает гильзы для папирос.

10 ноября. В любви можно доходить до всего, все простится, только не привычка...

Два дня хлопочу о разрешении выехать в Москву. Чем меньше хлеба, тем больше бумаг, и бумажное производство растет по неделям, как цены.

[*Москва.*]

22 ноября. За полтора месяца ⟨...⟩ не написал ни одной строчки первый раз в литературной своей жизни. Не прочел ни одной книги.

24 ноября. Опустошение жизни за два месяца моего отсутствия в Москве ужасающее: Москва теперь совершенно умерший город. Мороз, снежная метель, голодный, с ревущим кашлем иду я вчера по Пречистенке, высматривая где-нибудь открытую лавочку, и вижу, идет навстречу мне красивая дама с гордым измученным лицом, она отвертывается от встречных, глядит куда-то в подвальные этажи,

каждая черточка ее лица говорит, как постыл ей свет. Злая месть, злой камень и дума, что вот съем привезенный фунт соли — что тогда есть? Так, в поисках спичек, конвертов я зашел в «Русские ведомости» к Игнатову [7]. Старичок по привычке ежедневно ходит в редакцию, и несколько других старых сотрудников: там они сидят часа два, обсуждая события.

[*Елец.*]

1 декабря. Вячеслав Иванов [8] у себя в 4-градусной квартире, в шубе, в очках сидит, похожий на старуху... «Можно ли так дожить до весны?» Оптимисты говорят: «Нельзя! должно измениться». Пессимисты: «Человеческий организм бесконечно приспособляется...»

21 декабря. В деревне все-таки преувеличивают городской голод: там не учитывают претензии культурного человека. В городе преувеличивают деревенскую сытость, не учитывая воздержанность обычную примитивных людей.

22 декабря. Метель такая, что едва не погибли по дороге в баню... В городе помыться нельзя: бани по недостатку дров закрылись, в домах холод, как в окопах, развелась на людях тельная вошь. В деревню приехали помыться! Борьба со вшами и тут же забота о театре для народа.

25 декабря. Завтра день прибавляется. Керосиновый вопрос решен. Через три месяца решится дровяной вопрос, а хлебный в неизвестности.

О нашем русском деле теперь уже можно и предвидеть, чувствуется, что под руками уже есть все, но мешает усталость, связанность.

Надо взяться за себя, чтобы не пропадало время...

Я всегда чувствовал безнадежную серость русской жизни 〈...〉 Пусть все гибнет, что подлежит гибели и что хочет гибнуть, это гибнет частное, я отделяюсь от него и прославляю жизнь. Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы остаться свободным, а свободу я понимаю как возможность быть в себе...

1919.

[*Елец.*]

2 января. Вчера в Новый год был по моей инициативе литературный вечер, и я первый раз в жизни своей высту-

пал, как оратор, и мне было радостно понять, что я имею нечто близкое с народом, что «Крест и цвет» [9] есть идея народная — намеком мелькнула возможность нового дела.

3 января. Брат мой [10] лежит, умирает, а я здоров и готов любоваться каждой росинкой. И то правда — чувство страданья, которое испытывает брат мой, и это чувство радости жизни — правда: так живет природа. А человек начинается там, где радостный вокруг себя он внутри принимает от брата страданье (состраданье) — муку за муку берет в свою душу.

6 января. Я еду в поле и вижу — впереди на дороге куропаточки клюют лошадиный помет, мы наезжаем на них, они отлетают дальше, и так гоним их далеко вперед себя, потому что им деваться некуда: на снегу наст, им не пробраться до зеленей, и единственное, чем они могут поддержать свою жизнь — клевать по дорогам навоз, в этом теперь их единственное назначение.

Так и мы теперь, как птицы куропатки,— лишь где-нибудь, что-нибудь раздобыть...

Как ни худеют, ни стареют женщины, но все-таки они заметны, их видишь всюду действующим лицом в жестокой борьбе, а мужчина куда-то вовсе исчез, бродит тенью, вертится на какой-нибудь ужасно беспокойной должности, как бумажный акробатик.

Свобода просто избитое слово, она стала похожа на огромный хомут, в который одинаково проходит и слон, и лошадь, и осел: всякое животное может пролезть через этот хомут, а воз остается на месте. В истинной свободе хомут по шее всякому животному и воз по силам ⟨...⟩ И эта свобода есть лишь другое название любви.

7 января. Нет, свобода это еще не любовь. Свобода — это путь любви или: свобода — это свет любви на кремнистом пути жизни.

8 января. Тихий утренний час. Не вижу, но чувствую над снегами звезду утреннюю. Мое призвание вбирать в себя, как губка, жизнь момента времени и места и сказочно или притчами воспроизводить, я цвет времени и места, раскрывающий лепестки свои невременные и непространственные.

Под землею лежит желтая, пробитая морозом озимь, и снег над желтыми стеблями, ветер поднимает метель, играет снегом, заносит снежной пылью дороги, деревни, вагоны...

18 января. Разве у счастья руки не длиннее, чем у горя, и разве оно не ближе достигает души человеческой?

Идеал — движение: горе и счастье одинаково могут открыть и закрыть путь.

Несчастье всего нашего существования в том, что мы живем в стороне от нашей души и что мы боимся малейших ее движений.

Нужно, чтобы каждый человек нашел для себя лично возможность жить жизнью высшей среди скромной и неизбежной действительности каждого дня.

Для того чтобы душа наша стала мудрой и глубокой ⟨...⟩ не достаточно мельком взглянуть на вселенную в тени смерти или вечности, в свете радости или в пламени красоты и любви. Такие минуты бывают в жизни каждого человека и оставляют его с пригоршней бесполезного пепла. Недостаточно случая — необходима привычка.

Гораздо важнее *увидеть* жизнь, чем *изменить* ее, потому что она сама изменяется с того мгновенья, как мы ее увидали.

20 января. Доклад о войне и смысл доклада: союзники могут двинуть на нас войной только летом, а до тех пор нужно овладеть Доном, Украйной, Сибирью и добыть хлеб. Решительные дни.

21 января. Откуда мне это? Мать ли, не отдавшая отцу моему свое девичье лучшее, не ведавшая сама того, неизведанное и сохраненное богатство свое нетленно передала мне, сам ли я, не молясь, намолил себе у неведомого бога эту тихую минуту утреннюю, когда еще не сошла с неба звезда и птицы спят на деревьях и люди в своих лачугах,— в эту минуту, похожую на утреннюю звезду, я испытываю радость необъяснимую.

Тогда мне кажется, я в каком-то явном союзе и со звездой, и с этим бледнеющим месяцем, и со спящими на деревьях птицами. Все тогда радует меня: и громыхание где-то далекое единственной *(1 нрзб.)* или скрипение полоза саней, и внезапный лай проснувшейся собаки, и кот на крыше, и свет голубой на снегу — все, я со всеми, со всей землей, со всем миром, со всей вселенной радуюсь.

Может быть, это солнце восходит, и погребенный под снегом, сохраняемый матерью-землей корень и в корне будущий цветок предчувствует свое весеннее воскресение и передает мне радость свою?

В эту минуту, когда кажется мне — я один, как первый признак восходящего солнца существую, ничто человеческое не может погасить мою радость.

Может быть, я не выйду и останусь у постели своего больного ребенка, или с воткнутым в душу со вчерашнего дня словом-кинжалом лиходея в судорогах корчусь у себя в комнате, или так, от разного павший, разбитый, растрепанный, лежу на постели — все равно: это совсем другое, и я это заслужил, я в этом виноват. Но когда я потом рано или поздно встречу свою утреннюю звезду, я пойму, что и тогда она была, а я не был и это — мое небытие — не считается во вселенной и некому и незачем, и не нужно говорить про то, потому что это совершенно и вечно — великое. Я знаю тогда, что если бы можно было обойти крест и заглянуть в лицо распятому — он улыбнулся бы, как мы в смертельных болезнях все так улыбаемся маленькому, что прикованный на скале Кавказа и терзаемый орлом Прометей непременно бы моргнул и подмигнул и, может быть, сказал бы как-нибудь по-мужицки: «Во-на! вольте, ребятушки, не глядите!»

В эту минуту спит, улыбаясь, дитя, и солнце восходит.

20 февраля. Мне кажется, человек — это младенец и вся разница его жизни с жизнью природы в том, что он хочет сделать все по-своему, как будто до него ничего не было. Но в природе было все то же самое, *только* — человеком называется такое существо в природе, которое действует так, будто нет бога, закона и вообще нет ничего, кроме человека — царя природы.

В этом самообмане — все существо человека.

Проделать опыт той же самой жизни природы за свой страх и риск — вот цель человека.

Блудный сын — образ всего человечества.

Мудрость состоит в знании времени, когда следует указать людям, что согласно со временем года нужно рамы в окна вставлять или раскапывать завалинку.

Мудрец знает закон природы и закон бунта человеческого и там, где рвется человеческий нерв, штопает обыкновенными льняными нитками связи.

21 февраля. Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей — мирская чаша...

2 марта. Были наборщики и ставили буквы свинцовые, буква к букве, как избушка к избушке, и строка за строкой, как деревня по белому снежному полю, избушка за избуш-

ку, буква за букву держатся круговою порукой, ручаются за странных: «Броди где хочешь, мы ручаемся, что в последнюю минуту поддержим тебя, приходи в нашу деревню, мы допоим, докормим тебя!» Ручались буквы наборщика за писателя: «Пиши что хочешь! Мы поддержим тебя и поставим тебя со всеми твоими небылицами в связь со всем миром странников-писателей, и ты будешь нам, как те». Теперь нет наборщиков, буквы наборов рассыпаны: я теперь не в селе живу, а как обездоленный хуторянин, выгнанный из своего угла-приюта...

Как счастлив был тот телеграфист, который, стоя по колено в воде утопающего корабля, до последней минуты, пока вода не добралась до его рта, по беспроволочному телеграфу давал знать о гибели, призывая на помощь. У меня нет телеграфа! я пишу в свой дневник, но завтра я погибну от эпидемии тифа,— никто не поймет моих записей, не разберется в них. Я не знаю даже, сохранят эти записи от гибели, почти неизбежной; разве я не видел тысячи тетрадей, написанных кем-то и теперь брошенных в печь, в погреба, наполненные водой, на дороге: письмами моей матери оклеены стены какой-то избушки...

Тропа моя обрывается, я поминутно оглядываюсь, стараясь связать конец ее с подобным началом тропы впереди, вот совсем ее нет, и на снегу виден единственный след мой, и поземок на глазах заметает и мой единственный след.

Друг мой! существуешь ли ты где-нибудь, ожидаешь ли, что я приду к тебе?

Я не жду твоей помощи, нет! Я сам приду к тебе, только жди-жди меня!

Только бы знать, что ты ждешь меня!

4 марта. Эпидемия тифа: перестали бояться. Пришел мальчишка, весь в волдырях ⟨...⟩ Доктор говорит — умрет, а они все выживают, и какие люди-то хорошие!

Так мало-помалу и думать забыли, что есть эпидемия и что она страшна: кому суждено умереть — умрет, а я, может быть, и выживу.

5 марта. Предвесенний свет открывает голубые царства в славе и блеске, все крепнет и крепнет мороз по утрам, но по вечерам и утрам по дорогам остаются неисчезающие следы полдневного угрева. С каждым днем полдень все сильней и сильней разгорается.

9 марта. Говорят, что четверть населения Ельца спит на соломе, в валенках, в помещениях, более месяца не отапливаемых — источник эпидемии тифа.

10 марта. Третий день дождь, оттепель. Это еще не весна. Где моя былая охотничья радость! Никуда не уехать — тюрьма. Кто ездит — привозит тиф. В какой дом ни пойдешь — везде тиф. Мы перестаем вовсе бояться заразы, относимся к этому, как простой народ.

27 марта. Четыре дня газет не было, сегодня пришли «Известия» с речью Ленина, в которой он призывает товарищей основываться на социализме [11]. Смысл речи был, что капитализм находится «в душе».

9 апреля. Цель моих статей — указать такой путь, чтобы каждый, прочитав и обдумав написанное мной, мог бы немедленно приступить к делу изучения своего края. В основу своего дела я положил чувство прекрасного, потому что красота есть пища души.

Изучение есть дело любви. Мы все любим свой край, но не знаем — что, не можем разобраться, различить с высоты.

Герой моей повести — народ, описание масс. Мы все будем творить одну повесть — о народе.

27 сентября. В осеннем прозрачном воздухе сверкнули белые крылья голубей — как хорошо! Есть, есть радость жизни, независимая от страдания, в этом и есть весь секрет: привыкнуть к страданию и разделить то и другое.

13 октября. Сегодня я назначен учителем географии в ту самую гимназию, из которой бежал я мальчиком в Америку и потом был исключен учителем географии (ныне покойным) В. В. Розановым [12].

16 октября. Завтра иду в гимназию, давать урок по географии; программа 1-й лекции.

До XVII в. боролись между собой два представления о земле: что она есть блин и что шар; 1-е мнение было основано, в общем, на чувстве, второе — на знании (на разуме). Коперник в XVII в. окончательно доказал, что земля есть шар с двойным вращением, и с этого времени география в полном смысле слова стала *наукой.*

Наша Россия, как родина наша, очень маленькая, такая, какой мы видим ее с нашей родной колокольни, чувство родины дает нам представление, подобное тому чувству, которое в древности создало образ плоской земли. Когда к чувству присоединилось знание — земля стала шаром. Так наша родина Россия, если мы узнаем ее географию, станет для нас *отечеством:* без знания своей родины она никогда не может быть для нас отечеством.

Вопрос: что обозначает слово родина и слово отечество,— какая между ними разница? Ответ: родина — место, где мы родились, отечество — родина, мною сознанная.

Путешествие как средство узнать свою родину и создать себе отечество.

19 октября. Нечего вспомнить — что я делал, писал, кого чему научил: нечего! Впрочем, кто же может вспомнить свои дела и назвать их *делами*? только глупый самодовольный человек. От дел у человека ничего не остается, ничего не прибавляется, ничем не связывается прошлое и настоящее (Толстой даже отказывается от своих писаний). Остается связью бескорыстное (что это?) радование жизнью (младенческое восприятие мира): было хорошо, есть что вспомнить и поблагодарить кого-то за это — вот все, что остается. Какая благоговейная святыня бывала в душе, когда видишь, бывало, первую иглу зеленую травы, прокалывающую слой прошлогодней листвы, или первую пушинку снега, слетающую к ногам при наступлении зимы... Или утреннюю звезду, когда она бывает совсем близко от рожка месяца.

21 октября. Звезды всю ночь были яркие и виден был Млечный Путь — мороз! Утренняя звезда сошлась близко с рожком месяца — мороз, зима скоро 〈...〉 наши учителя усердно готовятся к урокам, отводят себе душу, хотя знают отлично, что через две-три недели мороз остановит занятия.

После обеда пробую заснуть и не могу заснуть, слышу выстрел, не придаю ему значения: мужик с точностью сообщает место боя — в Предтеченской волости, 25 верст от Ельца, далеко и безуспешно, слышу звуки телег, едет обоз и что-то долго едет 〈...〉 А движение усиливается на улице, встаю: едут матросы, везут пушки. Доктор пришел: «Казанка оставляется, занят Задонск». Потом выстрелы из пушек внутри города, разрыв снарядов над городом. Восстановление легенды о перехваченном радио (хотя радио в городе нет), что придут белые вот сегодня. Какая-то цепь за Сосной [13].

22 октября. Есть слух, что красными Орел был взят на два часа, и в эти часы уже действовал Ревком.

Все власти уехали, пусто; казаки в Пушкарях; коммунисты (100 человек) и матросы пошли за Сосну в наступление; на Сенной батареи под прикрытием города; ожидается бой с разрушением зданий, с пожарами.

Пушки на Сенной.

— И так может быть, что казаков немного, отступят, а наши обрадуются — и сейчас же Ревком.— И очень просто!

Пришел Щекин [14], прозревший в эти тяжелые дни Достоевского, и разговаривал со мной о Достоевском 〈...〉

— Ну,— сказал Щекин,— надо идти, а то кто ее знает...

— Может,— отвечаю,— и так пройдет, белые посмотрят, что батареи в городе, и отступят, не станут по городу стрелять.

После ухода Щекина начался бой в $^1/_2$ 1-го и продолжался до темноты: уход на позиции и появление матросов.

Белые заняли Козинку (3 версты от города), красные палят туда через город от монастыря и с Аргамача.

На ночь загадали: уйдут красные ночью на Лебедянь или останутся и завтра опять будет бой.

23 октября. Говорят, что ночью отступали большие обозы...

24 октября. Узнал, что ночью была атака красных на вокзал.

Часов в пять вечера закипел вокруг нас (у Сосны и Лучка [15]) бой и посейчас (7 вечера) кипит: ружья, пулеметы, пушки.

25 октября. Теперь существует всего две партии: наша Городская (красная) и Засосненская (белая).

Сейчас, когда пишу, просвистел над крышей моего дома снаряд, и так отчетливо, а откуда он послан был — неизвестно, не слышно, может быть, верст за десять.

26 октября. Не сразу удалось нам установить, что казаки покинули нас или их прогнали (как говорят, за 25 верст). В 12 дня это уже было видно по внешнему городу, принявшему обычный красный вид: везде ходят военные и много жителей, добывающих себе крохи питания и топлива.

29 октября. Теперь жизнь настоящая воплощается в жажде хлеба насущного.

30 октября. Приехал Калинин, председатель ЦИКа, говорят, он рабочий, честный, хороший человек. Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине.

31 октября. В полушубке и валенках иду в гимназию, учить ребят географии нашего отечества.

8 ноября. Хотел бросать свои уроки географии, услыхал, что ученики от них в восторге, и сам я теперь в восторге...

Вчера печник Александр Поликарпыч ухитрился поставить мне чугунку так, что от нее и лежанка нагревается, я вдруг избавился от холода и радость чувствую такую, что даже ночью нет-нет да и погляжу на чугунку с любовью.

12 ноября. Хлеб в городе продается по 4 р. фунт. Дрова по 120 р. за пуд. Фунт соли 250 р.

13 ноября. С тех пор как почту эвакуировали, время заблудилось, верных часов нет, негде проверить, во всех учреждениях разное время.

18 ноября. Время от времени я прерываю свой урок географии и говорю ученикам: «Деритесь!» — все начинают возиться, греться. Через несколько минут я кричу: «Конец, начинаю!» — и опять все слушают. Помещение при 15° Р совершенно не топится.

19 ноября. У Лидии тиф 9-й день, температура упала до 38 — угрожающий признак, организм отказывается бороться. Может умереть. Мы с ней ссорились очень, теперь не из-за чего, и все больше и больше охватывает чувство *родового* одиночества...[16]

20 ноября. Говорят, что красные взяли Курск, и еще у них какая-то большая победа, и что будто бы Деникин отступает до Кубани.

23 ноября. В Народном университете читал свою «Чертову ступу»[17], прошло очень хорошо.

Буду читать: как собираются цветы народной жизни: былины, духовные стихи, сказки, песни, причитания, частушки.

29 ноября. Светится природа, когда узник выходит из тюрьмы, когда больной из больницы — радость мира его встречает, безликая, и есть тоже писатели, описывают эту безликую землю (Толстой), вопрос: как совершить это выздоровление? Другие писатели описывают самую болезнь человеческую, получается личность (Достоевский).

5 декабря. Эта любовь — мгновенная вспышка, и на всю жизнь от нее сны, как лучи: верно, это было тогда во мне самое главное. Да ведь и писание мое и странствие того же происхождения, все это сны-лучи. Тут где-то зерно моей трагедии (похоже на «Идиота», и называли меня тогда некоторые князь Мышкин).

7 декабря. Все белое впереди, позади, по сторонам все белое, только дорога подопрела, стала рыжая. В тумане этой сиротской зимы нет черты между землею и небом — небо тоже белое, и рыжая навозная дорога поднимается туда и на небо. Еду по навозной дороге на небо, и кажется мне, лошади назад везут, странно так! знаю, что туда еду,

вон куда поднимается рыжая дорога, а чувствую, что назад, назад...

8 декабря. Пошли все сны: видел поломанную липовую аллею в Хрущеве и умирающего брата Сашу [18] — в точности, и я выл...

Приехал из Москвы Шеламов Илья Спиридонович [19] и привез известие — мир грядет, зажег надежду на избавление.

9 декабря. Так вот почему я выл, как пес, укусив свой хвост, и весь день — понедельник после сна ⟨...⟩ ходил в глубокой тоске, пьяный тоскою — в эту ночь умирала сестра Лидия и в 6 ч. в понедельник 7 декабря умерла в Красном Кресте, умученная холодом и голодом.

Жив ли еще Сергей [20], а то все мои вымерли.

11 декабря. Похоронил Лидю.

Учиться и подготовляться... нет! это не ученье, я никого учить не хочу, я поведаю вам свою боль и радость, а вы делайте с ними что хотите, я не учитель, а только деятель общения и связи...

26 декабря. По дорогам, занесенным метелью, не пройти человеку, я иду по верхам, где ветер сдувает снега, где покров ледяной в разукрашенных метелицей белых цветах, и чувство жизни среди этой братской могилы природы, как радость, охватывает меня. Я думаю: вы воскреснете все, когда явится весна, звери, птицы, люди-человеки! заклинаю вас, когда встанете, отвечайте мне, я ставлю *вопрос* свой.

Чувство радости жизни охватило меня, и так мне представилось, будто вот все кругом растаяло, на лугах трава и цветы, деревья оделись, птицы поют, голубое небо и зеленая земля обнялись на горизонте. И ответ мне был дан: радость жизни в разнообразии, и птица пищит, и зверь рычит, все во всем, в каждом звуке весь ответ на вопрос.

Я спрашиваю и *соединяю* все во всем, мой вопрос — ваше соединение, я вас всех связываю и спрашиваю — для чего вы живете, и вы все вместе отвечаете мне.

1920.

3 января. Не то что пищи, а именно жиров не хватает; я достиг такого состояния, что все мое существо телесное и духовное зависит теперь от жира: съем масла или молока — и работаю, нет — брожу, качаюсь, как былина на

ветре. И, не задумываясь, я дал бы пощечину тому, кто сказал бы мне, что «не единым хлебом жив человек» [21]. Да, я понимаю, что можно жить и духом, если инициатива этого голодно-духовного предприятия исходила от меня; хочу — голодаю, а захочу и наемся, но голод тем отличается от поста, что он приходит извне, не из души, а как холод от какого-нибудь излучения тепла земли в межпланетное пространство.

5 января. Ночь была светлая от невидимой луны. Я стоял на дворе нашего старого дома против двух каменных столбов — остатков ворот, на столбах густыми клочьями торчала прошлогодняя рыжая трава. И свет на снегах от невидимого светила был так силен, что я различил ресницы на лице девушки, проходившей мимо ворот по дороге. Везде кругом лежали на бесконечность поля снега.

Мое сердце и радуется, и стонет, срываясь внезапно с большой радости на большую тоску, а пустыня белая неподвижно лежит в ярком свете, и звенят колокольчики могильной тишины белой Скифии [22].

6 января. Душа моя завешена кругом, а жизнь идет сама по себе, и часто я с удивлением спрашиваю себя, как это так может быть, чтобы жизнь шла без души, иногда стучусь — нет! все запечатано, закутано.

13 января. Я встречал этот год у Коноплянцевых [23] и сейчас иду туда же провожать его и начинать 1920-й (старый).

Службой библиотекаря в деревне Рябинки [24] начинается *мой* год.

25 января. Надо пересмотреть все мною написанное, выбрать приемлемое, а дальше держаться этого, хотя вперед можно сказать, что «Черный Араб» — лучше всего, и вообще все хорошо, что написано под непосредственным воздействием жизни.

27 января. Завернули морозы до 18° Р с ветрами. Мы с Левой [25] живем в берлоге: в маленьком флигеле, засыпанном снегом, все у нас — окна, двери завешены одеялами, колем, пилим, варим, жарим, и помогает нам только мышка одна.

1 февраля. Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий.

Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого.

19 февраля. Милый свет утренний, когда люди все спят, это весеннее, это весеннее: тут свет один с тобой, он твой близкий, единственный друг, начинает с тобой новое дело.

Зима прощается яркими звездами, весна подходит сухими тропинками.

14 марта. В блеске, в славе встало солнце, и засияло морозно-весеннее лучезарное утро... итак, братья, любовь сказывается только в деле: дело — это слово любви. Любовь молчалива и разговаривает только делом.

8 апреля. Вчера лед расколол, разбросал по двору, а ночью дождик теплый пошел и дворик мой весь омыл, теперь следа не осталось от снега и льда... И улицы в городе омытые, подсохли и лежат теперь, как холсты. Просветленный город просиял. Вокруг него земля теперь дышит.

Теперь только бы не трогали нас белые и чтобы исчез повод к гражданской войне, трудовая армия быстро вычистит все негодное.

22 апреля. Внезапное решение: продать все, купить лошадь с телегой и ехать в Дорогобуж.

28 апреля. Все завидуют, что еду,— чему завидуют! еду в пустыню, без средств, с огромным риском умереть от тифа. Это рискованное предприятие, стоит ли цель средств?

3 мая. Любовь — это чувство вселенной, когда все во мне и я во всем, а история любви все равно, что история светила,— говорят, что бывает какой-то толчок, падение одного небесного тела на другое, сгущение эфира и так возникает новое светило, оно пламенеет, горит и гаснет и после мертвое светит чужим светом — этот мертвый свет луны в душе человека есть то, что остается после любви.

12 мая. На уроках по народной словесности мне пришла счастливая мысль вызвать образы славянского Олимпа чтением сочинений новейших писателей, например, Сологуб «Неурожай» [26], Бунин «Илья Пророк» [27].

Теперь вопрос стал ребром: из-за чего сидеть в Ельце? Пережду военные события и уезжаю в Питер.

20 мая. Мой процесс творчества — когда я пишу рассказ, то очерчиваю по впечатлениям огромный круг и все свожу к одной точке в центре, где пульс, где все дрожит и тянет к себе (напряженность), после можно изучить мое произведение как сложение предложений (так и делают).

26 мая. А нам, писателям, нужно опять к народу, надо опять подслушивать его стоны, собирать кровь и слезы и новые думы, взращенные страданием, нужно понять все прошлое в новом свете...

27 мая. Толчок к творчеству: кто-то близкий отметит вашу мысль, любовно разовьет ее и вообще поддержит, душа окрыляется, внимание сосредоточивается на одном, и начинается работа. А когда давно написанное выходит из круга внимания, не интересует вовсе, то иногда приходит друг и хвалит, тогда хочется перечитать свою книгу, пережить ее еще раз. Так что в основе творчества лежат как бы две силы: Я и Ты.

Я ленюсь, тоскую, ничего не делаю, потому что нет Тебя: «Я это Ты в моем сердце единственный»[28].

Мое Ты:

Ты прилетаешь ко мне, как лебедь, чтобы вместе лететь в общем нашем воздухе, или плыть по нашей воде, или отдыхать в наших зарослях, в нашей траве, возле наших цветов.

Я жду тебя и очень тоскую, когда ты долго не приходишь, но счастью моему нет предела, когда ты являешься, тогда вселенная во мне и два воробушка, которые попадаются мне на глаза, кажутся разными. Если ты не хочешь, я никак не могу вызвать тебя, ты сам приходишь, и приход твой всегда мне бывает нечаянной радостью.

Я не могу вызывать тебя, а только верю, что ты придешь когда-нибудь, но бывает, я теряю эту веру и тогда мучусь и мучаю всех вокруг меня.

Ты страшно боишься насилия, и при всякой попытке моей удержать тебя силой ты исчезаешь и долго не являешься.

Я ищу тебя в лесу, тихо переступая от дерева к дереву, прислоняюсь к стволу и ожидаю, неслышно перехожу к другому и ожидаю, и когда птицы и звери, считая меня за свое, перестают бояться меня и разбегаться, ты, бывает, приходишь ко мне.

Я ищу тебя в лесу, мне кажется, что дом твой там в зелени, но я встречал тебя в солнечных зыбульках воды, и в облаках неба, и на камнях своего дворика. Кажется мне, что весенний первый свет, когда первые капли падают с ледяных сосулек — больше всего возвещают о твоем приходе, что это главные твои вестники, но часто бывает, я обрадуюсь твоим вестникам, а ты не являешься. И когда бывает все разрушено в саду бурей осени и на серых ветвях остается лишь несколько красных листиков ⟨...⟩ ты ко мне являешься...

Что же, или мне вовсе не нужно искать тебя, ведь ты не бываешь там, где я ищу тебя? Но если я не буду искать тебя, ты не придешь никогда.

Я ищу, я действую, я живу, а ты приходишь как бы на зов мой, но совсем с другой стороны и не в то время, когда я зову тебя.

Нет, никогда мне не узнать, откуда ты приходишь и когда, разве попробовать путь другой, когда ты придешь ко мне, то идти за тобой, все оставить и за тобой идти?

Точит червяк, гложет неустанно.

Мелкий осенний дождь падает на поля, и тысячелетия падает, и камни рассекаются — тысячелетия пролежат они, пока не распылятся. Так и тоска гложет сердце мое помаленьку, помаленьку, пока оно не устанет биться и не успокоится.

31 мая. Я встал на рассвете, мелочи бросились на меня и стали грызть, но, посмотрев на последние звезды, я овладел собою и унес в комнату свет звезд, вот это действие звезд, что от них почти всегда что-то уносишь с собой. Я овладел собою, и мне ясно представилось, что я в жизни был счастлив и мне надо за нее благодарить. Так, при всяком приступе отчаяния нужно вспомнить, что был счастлив и стоило помучиться из-за этого, а если чувства не хватит для этого, то поможет рассудок: состояние отчаяния, значит, или конец,— но конец неизбежен,— или же оно временное и за ним последует радость...

22 июня. Приехали в Москву.

28 июня. Дворец искусств: Луначарский читает [29], все слушатели с просьбами: Пастернак, Чулков [30], Городецкий [31] и проч. На другой день те же в приемной. Вечер Бетховена в Доме печати.

Диспут Луначарского и В. Иванова [32].

3 июля. Лирический поэт: между музыкой и драмой (Вяч. Иванов по поводу поэта-актера).

15 июля. На Мясницкой утром: много людей, как, бывало, на Невском, и все идут на службу, трамваи, грузовики, шум, грохот.

[*Следово.*]

4 августа. Поход в Алексино: учитель Пришвин с семейством определяется на место ⟨...⟩ Босиком по лесам, полям и холмам. Программа календаря для детей Алексиной колонии [33].

Занятие словесным художеством, бывает, обрывается, и тогда все сделанное становится похожим на записанные сны, никому не нужные.

6 августа. Мы переехали в Алексино: перешли, а вещи переехали. И мы стали грызть кость барского быта.

Чем отличается краеведение от других прикладных наук, например, от сельского хозяйства?

Сельскохозяйственная наука направлена на улучшение жизни человека, через улучшение пород скота, земли и т. д. А краеведение на улучшение породы самого человека непосредственно влиянием на его сознание.

Наша задача показать труженику земли, что в точке приложения его труда пересекаются меридианы и параллели всего земного шара, что каждую его личную точку земли можно провести его личным меридианом и его личную параллель по всему земному шару...

17 августа. Завершился пятилетний круг моей хрущевской жизни, и я возвратился опять к лесам, и опять нет ничего, а небо и лес со мною...

Первое начало осени, начало августа, овес докашивают, еще зеленые леса, погода стойкая, а петух чуть увидит облако, кричит по-осеннему...

22 августа. Алексино — громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идешь почти час, и все почти берегом искусственного озера, окруженного сплошной кущей вековых деревьев. На озере есть островок, и там на деревьях живут аисты, а в домике на озере лебеди, и павлины ходят по берегу ⟨...⟩ Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк — большое трехэтажное здание с колоннами. Парк просторный, в нем свободно разбросаны группами и в одиночку вековые деревья. Теперь в парке пасут коров, и мальчики жгут костры ⟨...⟩ Озеро начинает вытекать понемногу: видно, спуск испортился, и некому починить. В особняке живет детская колония и устраивается школа 2-й ступени.

24 августа. Сначала встречаются, а любят *потом,* когда частица жизни (борьбы) отмерла, в этом отмирании настоящего мостом к прошлому служит незримый свет любви, как бы что-то горит и светится любовью. Так вот надо загореться, чтобы любить...

3 сентября. Я — заведующий Алексинским усадебным музеем [34].

4 сентября. Настоящий Великий пост: утром черный хлеб с горячей водой, подкрашенной жженой рожью, в обед бураки с картошкой, вечером при лучине повторение бураков.

8 сентября. Слушаю одну музыку — ветра в лесу. Да вот

еще рано утром до света слушаю, как моя кровь по телу бежит, и если дождь на дворе, слушаю, как вода по земле поплескивает. И думаю: кровь по телу, а вода по земле, кровь и вода, тело и земля...

21 сентября. Рылся в письмах Барышниковых полдня...

8 октября. Из раненой души вытекает любовь.

Любовь — это кровь души.

Родных своих можно любить только после смерти их, потому что в одном чувстве к родному человеку всегда вперемешку действуют и любовь и неприязнь.

Как во всяком живом человеческом теле протекает красная и голубая кровь, так у родных перемежаются любовь и неприязнь.

Потому и сказано, что отца и мать свою надо оставить, чтобы любить.

И еще сказано: враги человека — домашние его.

Но чтобы оставить своих, нужно иметь рану в душе. Из раны душевной вытекает ее кровь — любовь.

15 октября. Вечереет. Останавливаются мысли в голове, как здания каменные. Зажигаю маленький огонек, и вот эти здания-мысли начали бросать свои падающие тени, и тени сливаться одна с другой, и ночь наступает, и сон, как напрасное усилие по теням догадаться о мыслях.

Природа накануне катастрофы спешит раздать-разбросать свое золото нам и будто говорит: спешите, спешите, берите скорее.

22 октября. Ночи стали такие длинные, не успать никому, даже дети тревожатся, а керосину совсем нет, высечь кремнем в темноте не умею, и так нельзя всю ночь на часы посмотреть.

Кто отымет у меня эти часы? какая власть, какой труд, какие заботы, голод — нет ничего на свете такого, чтобы лишить меня этой единственной радости.

Если звездно, я вижу, не вставая с постели, как перемещается на небе и странствует вокруг моего дома большое семизвездие; тогда я знаю свой любимый час раннеутренний в звездное утро, когда семизвездие раскинется над озером, а на востоке светит Венера.

25 октября. Легкая пороша выпала ночью, и утром шел снег. Вчера встретил в незамерзшем ручье стаю крякв. Гоняли зайцев. Приезжали мещане от искусства. Буду читать детям «Одиссею» (против мещанства).

26 октября. «Белые пришли!» — крикнул мальчик. Василий Иванович [35] вздрогнул: он ждал каждый день, что

вот крикнет так кто-нибудь: «белые!» — и все кончится и начнется Страшный суд.

— Что ты брешешь! — сказал он мальчику.

— С обновкой, с обновкой,— сказала жена.

Белое, все белое было в окнах, и Василий Иваныч успокоился: снег выпал, а не белые пришли.

29 октября. Стоят морозы в 4—5° с ветром и легкой порошкой. Волки все наглеют. При помощи маленького огонька на блюдечке боремся с тьмою, а ведь до солнцеворота еще прибавится тьма на 2 $^1/_2$ часа [36].

1 ноября. Какого-нибудь иностранного критика интересует в моем произведении только стиль мой, но меня делает автором не стиль мой, а уверенность, что изображенное мною существует в жизни, и в этом открытии жизненного я нахожу и ценность, и гордость свою, как автора нового произведения.

Ремизов страдал всегда недостатком материалов, ему Россия казалась заповедной страной, в которую ему нет входа, и так он пользовался архивами — почему это так?

7 ноября. След души моей в заутренний час: тогда все вопросы ума находят в сердце ясный ответ, что бы ни спросилось, на все верно отвечается, будто это не сам с собой, а звезда с звездою говорит, прошлое и будущее сходятся на одном следу и разрешается сказать: да будет воля *моя*! (а после день и мутная ночь, в которой затоптаны все следы души моей).

О, если бы успеть в этот час все спросить — нет! Не долго так бывает: если очень рано, все расплывается в сне, если рассвет начинается, то радость света одолевает все, пережитое кажется не стоящим внимания, и говоришь: да будет воля *твоя*.

На водах тихих, на ручьях звонких, на лугах росистых, на снегах пушистых и на лучах светлых солнца дневного и звезд ночных везде тогда я нахожу след души моей.

11 ноября. Вчера подул теплый ветер и растаяла зима. Черная оттепель. Темно, и белая муть над бездною.

Ужасный месяц: в такое время умер Толстой, мать умерла...

С вечера, как затихло, мерно забила одна капля, падающая с крыши тяжело вниз, и на всю ночь, уснул под звук ее и проснулся. Потом к этому смертному звуку присоединился стук полена, веселый, радостный: это друг

мой сторож готовит дрова. Рассветает мутно над черною бездною.

Этой ночью я долго вырубал огонь; когда затлелся фитиль, я стал дуть на уголь, и когда уголек затлел, я приложил к нему тонкую лучину, долго дул и наконец вздул огонь — о, радость! в эту минуту внизу стукнуло звонко полено, значит, сторож проснулся и скоро рассвет.

13 ноября. Культура — это мировая кладовая прошлого всех народов, и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается... так что культура — это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собою.

Будущее — это ворота, через которые выходит прошлое переживание.

17 ноября. Я не знаю, существует ли истина на самом деле, но я знаю, что есть человек другого роду-племени, говорит на другом языке и живет на другой стороне земного шара и думает о некоторых вещах со мной одинаково: в этом я уверен, и эти вещи для меня существуют и дают мне существовать даже совсем одному.

20 ноября. Сегодня на уроке краеведения я рассказывал детям о почитании славянами Перуна и других языческих богов. После урока один мальчик подошел ко мне и спрашивает:

— А ти есть бог, Михаил Михайлович?

— Спроси,— говорю,— своих родителей.

— А я спрашивал.

— Ну?

— Матка говорит, есть, а батька — нетути. Как вы скажете?

— Скажу,— отвечаю,— тебе «есть бог!», ты мне не поверишь, скажу «нет!» — будет неправда. Учись и узнаешь сам.

1 декабря. Часто лежу ночью и не чувствую своего тела, как будто оно одеревенело и стало душе нечувствительным, а самая душа собралась в рюмочку около сердца, и только по легкой боли там чувствуешь, что она живет и движется: болью узнается движение души. Подземно-затаенная жизнь, как у деревьев, занесенных снегом, и кажется, что вот настанет весна, и если я оживу, как все растения, стану где-нибудь у опушки и присоединюсь к лесу просто как дерево.

3 декабря. На собрании учителей говорили о ликвидации безграмотности, вместо букварей предлагали делать из

бересты раздвижную азбуку, писать углем на струганых дощечках, уголь изготовлять, обжигая лучину с солью и т. д., вопрос только был, где найти для этого время.

17 декабря. В 9 утра солнце встает в хмари морозной, как луна бледная, и совершает по небу свою коротенькую дугу. В полдень все разверзается, крайние березы на опушке к солнцу покрываются инеем, на них слетаются из замерзших болотных зарослей тетерева. Все сверкает. Волчьи, лисьи, заячьи следы веревочками рассекают поля. А в 5 вечера на небе уже показался тоненький месяц.

19 декабря. Человек — это страдающая середина между сверхчеловеком и *подчеловеком.*

Так, Раскольников хотел быть сверхчеловеком, но попал в подчеловека: очевидно, между двумя этими группами есть иррациональный момент, который невозможно учесть вперед и только после (действия) *оказывается.* (Поэтому ни за какое дело, требующее *всего* человека, нельзя просто взяться без риска стать негодяем: нельзя, например, и замуж выйти сознательно, нельзя сделаться художником *сознательно;* берутся под напором жизни и идут в неизвестное.)

24 декабря. Ночью на развалинах прошлого встают образы живых и мертвых в своем истинном значении, и я бываю в них, и они во мне — своего рода проскомидия [37].

28 декабря. Приспособляясь, люди хотят сохранить себя и в то же время теряют себя.

1921.

7 января. Пышные белые нетронутые снега.

Маленькие, забитые жизнью взрослые, и среди них дети, как большие,— вот дети Достоевского.

8 января. Бывает, отважные дети берут на себя дело старших; так поэт отваживается и, как горный лазун,— страшно смотреть! — идет впереди.

15 января. Ночью пороша вершка на три. Солнце греет щеку. На снегу голубые тени. Свету много. Сосны и ели, занесенные снегом, как будто узнают себя и спрашивают: «Что с нами было, какой темный сон!»

16 января. Искусство есть способность человека изображать предмет своей веры и любви ⟨...⟩ Вера без дел мертва, а вера без любви — зла и есть, кажется (надо подумать), основа величайших злодейств.

19 января. Вера есть сила жизнетворчества: ребенок

верит всему. Живя, человек отмирает от мира и, как вулкан оставляет холодную лаву и пепел, так и он оставляет продукты разума.

Смерть — конец жизнетворчеству: перед лицом смерти всякая вера — обман. Значит, как же надо верить-обманываться, чтоб выйти на борьбу со смертью!

27 января. Душа песню поет о пятилинейной керосиновой лампочке — какое счастье! Достал 3 ф. керосину и зажег пятилинейную лампу, хватит на месяц (начал жечь — среда — раз, четверг — два, пятница (утро) — три), до февраля начала, а солнце помогает, тогда день против тьмы на 3 часа.

5 февраля. Мое рождение: 48 лет.

Хорошо, что вспомнилось в этот день, вернее, не вспомнилось, а *встало,* потому что вспоминается это всегда и всегда будет, но вставать нет, придет час, а не встанет... Я читал сегодня Карамзина о Париже [38], и вот воробей в Люксембургском саду встал передо мной в ярком первовесеннем свете, какая-то дама бросала ему крошки хлеба, я загляделся — и вдруг *она* [39], в розовом вся, смеющаяся, пришла.

— Вы запоздали,— сказал я.

— Так нужно,— ответила она,— нельзя же мне первой...

Правда: первой на первое свидание, как это можно! NB. Нам, неопытным и выученным по романам, кажется, что женщины должны стремиться ко лжи и т. д., между тем они искренны до такой степени, что мы и вообразить это себе без опыта не можем; только эта искренность, сама искренность совсем не похожа на наше понятие о ней, мы смешиваем ее с правдой. Ну, вот мы пошли, и сколько было светящейся зелени и мрамора! Я не помню ни одной фигуры в Люксембургском музее скульптуры, но мрамор, какой-то бело-ярый мрамор, чувствую и посейчас...

6 февраля. Время голубых теней. Что радоваться о свете, когда все свет, а вот теперь после тьмы, вот радость! В час, когда бывало уже темно, теперь стоишь и кажется, кто-то ушел от окна и небо открылось. Вечером видел 1-й раз, как горела заря на деревьях рощи, и хотелось мне опять, как бывало, оставить, забыть человека и быть со всем миром и в мире.

10 февраля. Качество мира создается индивидуальностью, а индивидуальность варится жизнью рода, именно в сердце женщины избирающей: пусть родовые оковы заключают двух, и пусть привычка еще крепче железа их

связывает, все равно, там и тут прорывается тот подземный огонь избрания, выбора, свободы творчества, индивидуальности.

14 февраля. Написать деревню по работам моих учеников, надо задать сочинения.

27 февраля. Крестьянская душа — это детская душа, им нужно хлеба и забавы, причем они все это — и хлеб и забаву сами производят. Это детское у них я всегда любил и теперь люблю.

15 марта. Как может возникнуть идея бессмертия, если все люди смертны? Бессмертие не идея, а самочувствие жизни — это есть чувство жизни. В «Психологии» должна быть глава «Чувство жизни или бессмертие».

Жизнь — это борьба за бессмертие, опушки старых лесов покрыты, как щеткою, молодою порослью: старые передали молодым дело борьбы за жизнь, и молодые так живут, будто они родились совершенно бессмертными. Тут борьба совершается без лозунгов, без идей, на опушке леса величайшее из дел совершается в стыдливом молчании.

И среди всего этого царства стыдливого молчания холостой человек произносит идею бессмертия!

Что такое идея? Идея — это усилие человеческой воли. Исключительное внимание на чем-нибудь ограничивает натуру, дает стремление вперед и крик, это атака с криком. Идея бессмертия — это атака-порыв, а жизнь рода — молчаливый и мощный ход борьбы за бессмертие.

Что остается делать после неудачных атак? Остается прислушаться к голосу природы и делать то же самое дело в стыдливом молчании.

Идея бессмертия — это личное сознание мировой борьбы за существование, это сознание личности.

Человек со своей личностью в отношении природы является как бы максималистом.

16 марта. Опять легкий заморозок и полный солнечный праздник. Так чудесно уступами проходит зима, и будто уступами по мрамору сходишь изо дня в день к югу. Я узнал сегодня этот мартовский свет, отчего он так мил мне: все тот же единственный свет, голубая весна на всю жизнь, но какою ценою!

3 апреля. Когда-то я принадлежал к той интеллигенции, которая летает под звездами с завязанными глазами, и я летал вместе со всеми, пользуясь чужими теориями, как крыльями. Однажды повязка спала с моих глаз, и я очу-

тился на земле. Увидав цветы вокруг себя, пахучую землю, людей здравого смысла и самые недоступные мне звезды, я очень обрадовался. Мне стало ясно, что интеллигенция ничего не видит оттого, что много думает чужими мыслями, она, как вековуха, засмыслилась и не может решиться выйти замуж.

Объявив войну чужой мысли в себе, я попробовал писать повести, но они мне не дались все по той же причине: мешали рассуждения. Тогда я попробовал умалить себя до писания детских рассказов, после многих опытов один мне удался, но случайно, неудачи были все по тем же причинам: я вкладывал в рассказ много «смысла». Пропутешествовать куда-нибудь и просто описать *виденное* — вот как я решил эту задачу — отделаться от «мысли».

Поездка (всего на 1 месяц!) в Олонецкую губернию блестящим образом разрешила мою задачу: я написал простое виденное, и вышла книга «В краю непуганых птиц», за которую меня настоящие ученые произвели в этнографы [40], не представляя даже себе всю глубину моего невежества в этой науке. Только один этнограф Олонецкого края Воронов, когда я читал свою книгу в Географическом обществе, сказал мне:

— Я вам завидую, я всю жизнь изучал родной мне Олонецкий край и не мог этого написать и не могу.

— Почему? — спросил я.

Он сказал:

— Вы сердцем постигаете и пишете, а я не могу.

15 апреля. «Обломов». В этом романе внутренно прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертво-деятельных людей (Ольга и Штольц). Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода толстовское «неделание». Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлено обломовскому покою. В романе есть только чисто внешнее касание огромного русского факта, и потому только роман стал знаменит.

Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это

в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел! Вне обломовщины и максимализма не было морального существования в России, разве только приблизительное.

19 апреля. Никогда не был так близок к природе, а почему? потому что никогда не было так тесно среди людей. Будет ли день, когда возьму свою котомку и пойду от природы к людям, к их руководящему жизнью сознанию, к их высшим добродетелям?

27 мая. Разрушение пространств. Разделение на здешний мир (земной) и «тот свет» (идеальный мир) явилось от несчастья, страдания, греха, а грех — «такое действие», от которого наше умственное существо и чувствующее распадаются и существуют в нашей душе как два отдельные мира. От этого наша жизнь часто представляется каким-то тяжким путем на далекое расстояние. Но бывают страсти — психические взрывы, которыми разрушается расстояние, пространство, предмет становится лицом к лицу, и мир обыкновенный — желанно-прекрасным. Так бывает у влюбленных, поэтов, охотников, страстно-добрых, религиозно-любящих, удачливых игроков и дураков. (Достоевский на этом пути создал своего кн. Мышкина.)

30 мая. Символ — значит объединение, символизировать — значит сводить к одному, но не одним умом по общим признакам, а посредством особой интуиции, дающей начало художественному творчеству. Ум в этом деле играет роль простого работника, носящего кирпичи для здания (какой это хороший и самый, возможно, свободный работник!). Так называемая чисто «интеллектуальная» работа без посвящения вначале сердца есть воровское творчество. Всякое истинное творчество было и будет всегда символично, и потребность в новейшее время выделить такое понятие явилась ввиду господства чисто интеллектуального (механического) творчества, например, школы натуралистической и всеобщей фальсификации искусства и культуры.

27 июня. Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (Вяч. Иванов, Ремизов). Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними, потому что натуралисты-народники были мне еще дальше. Мне всегда казалось, что для художественного творчества нужно, во-первых, заблудиться в себе до того, чтобы вдруг, нечаянно

выглянув из себя, увидеть нечто вне себя и, временно поверив этому внешнему миру, отдаться ему, а потом, во-вторых, путем художественной работы передать другим, рассказать, как сон.

Влетел в открытое окно шершень, гудел, жундел, бился, бился о потолок, пока не спустился побитый пониже и вылетел в окно. Так, может быть, и с философией нашей есть выход где-то пониже, в простом деле: простое дело есть окошко нашей философской тюрьмы.

3 июля. У писателя символ должен быть в сердце и чувствоваться как «самое главное», о чем нужно писать; если это самое главное сознается головой и потом к нему подгоняются материалы, то получается «символизм» — литературная школа или теория писательства, которой не воспользуется ни один настоящий писатель. Символ живет у писателя в сердце, а у читателя в голове, это читатель рассуждает и создает школу.

Символизация (соединение) — значит духовная деятельность человека, сводящая мир к единству.

3 августа. Вчера возвратился в Алексино, попав вместо Смоленска в Батищево, где и определился на службу [41].

Итак, целый месяц странствования из-за того, что дома нечего есть.

12 августа. Радость, бодрость и все свои силы я получаю от моментов сосредоточенности в себе в тишине, когда рождается какая-нибудь мысль, которую можно записать.

21 августа. Не забыть, как меня выручил «Картофель» [42] на Опытной станции: лучшая книга! Если бы они знали, в каком безумном состоянии и как писалась эта книга, жизнь моя цеплялась за нее, как теперь за кружку молока.

27 августа. Дорога поднимается в гору пыльная, на ней следы прошедших людей и домашних животных.

Где они, прошедшие, теперь? Лист обрывается неслышно и желтый слетает к моим ногам. Лист окончился в своей жизни, поспел. Но ведь люди, которых я знал, многие из них оборвались на половине затеянного, кто с протянутой для дружбы рукой, кто с оружием, кто с идеей, кто с желанием; их идеи, желания — я понимаю, между нами, мы их наследники, но...

Да! Я живой наследник их, они все во мне, и я за них отвечаю!

А дорога все выше, и следы продолжаются.

Шли они в гору и думали; может быть, что за горою что-

то откроется, с интересом шли, думали, что куда-то придут. Вот лес расступился, хутора, оседлое место, тут отставшие осели, и жизнь им стала повторяться одинаковыми кругами из года в год. И видят они, что мимо них все идут, идут.

Если не идти вперед, то остается жить, чтобы быть сытым, и они работают, воруют, чтобы только быть сытыми, больше нет ничего в их жизни, разве дети, но дети их скоро покинут и тоже пойдут по дороге в неизвестное.

Старики — это память о прошлом, верстовые столбы на дороге, люди, обращенные, как жена Лота [43], в соляные столбы за то, что оглянулись назад. Нельзя назад оглядываться, назади по дороге только следы прошедших, а решение впереди, за горою...

17 сентября. Умер Блок [44]. Ремизов опасно болен.

19 сентября. Вот адский вопрос литературы: что же, художественное слово есть только последнее, самое вкусное блюдо обеденного стола мирной жизни, или оно и в голодное время может быть так же убедительно, как пуды черного хлеба? Вот сильное слово, как хлеб: «Женщина, тебе говорю, встань!» [45] — и мертвая встает; тут слово и дело сливаются.

Если мне не удастся написать продолжение «Чертовой ступы», то придется написать книгу в форме дневника, где [в] различные художественные произведения мои будут вкраплены страницы моей жизни.

1922.

10 февраля. После многих дней метелей сегодня глянуло солнце, и в час-два все деревья покрылись густым инеем. Был сверкающий полдень, и тепло от солнца было очень приметно, мы долго грелись на солнце. Отгоняю мысль о необходимости ехать — очень опасно ехать, свирепствует тиф 〈...〉 ну, как тут ехать! [46]

12 февраля. Газеты выписаны, но не получаются, потому что говорят, что по дороге выкуриваются. Ничего не знаем 〈...〉

18 февраля. Как подумаешь иногда, усталый, каких маленьких людей собираюсь я описывать [47],— оторопь берет: зачем, кому это нужно, и бросишь. А потом соберешься с духом и опять за свое: большие люди, думаешь, сами расписываются на страницах истории, и у них имеется множество слуг, которые не дадут им исчезнуть. Но тихий скромный человек так-таки сходит на нет, такой хороший, милый мне человек,— и вот нет его, нет никому до него

дела. Досада вызывает новые силы, и думаешь: «А вот нет же, не дам я тебе от нас исчезнуть, живи, любимый человек, живи!»

1 марта. Ездил в Бураково, видел картину нового расселения крестьян, все деревни в этом углу, за исключением Люстова, рассыпались. Но каждый двор, ставший самостоятельным, является семенем новой деревни, потому что семья, разделившись, землю оставляет в общинном пользовании, переделяя ее по-прежнему полосками.

10 марта. Все яснее вырисовывается фигура моего брата [48], которого я буду представлять в образах революции. Он неудачник, падал в жизни и оставил при себе: 1) веру в светлого человека ⟨...⟩ 2) задушевность, 3) детскость, то есть способность удивляться всяким невиданным пустякам (сказка). Вся Россия такая, как мать моя, детская, легковерная, веселая.

17 марта. Приехавшие из Москвы рассказывали, что Ленин болен.

20 апреля. Первое слово, прочитанное мною после перерыва литературы в России, было слово Андрея Белого: само-сознание. И первое, что я написал из деревенского быта, о самости. Так опять, как в 1905 году, мое деревенское пустынное жительство приводит к тем же словам, которые говорятся в столице, и не мудрено: деревенская и городская курица несет одинаковые яйца.

27 апреля. Средоточие нашей чувственно-нравственной природы мы относим к сердцу, которое расположено около кишок ⟨...⟩

Сердце общественной жизни тоже расположено где-то в брюхе провинции, а не в столице же? (Москва слезам не верит.)

Из Москвы я привез настроение бодрое и странно встретился этим с провинциальной интеллигенцией: откуда им-то взять бодрости среди всеобщей разрухи. Я им говорю, что разруха пройдет, нельзя связывать свою судьбу с преходящим, а верьте, будут отыскивать следы возрождения, которое несомненно же есть в народе. Это умственно верное заключение они обходят молчанием, упираясь в стену мрачной действительности...

30 апреля. Да, они (Запад) создали Париж и там есть много зданий, книг, картин, так что кажется это уж вечной опорой — что ни случись, а это ценность. Но раз молодой человек, испытавший большое несчастье, подошел к Сене, подумал немного и бросился. Почему же он, зная, что за его спиною Париж,— не остановился?

21 мая. Революция делает то же, что делает ветер в природе: рожденный неравенством распределения тепла на земле, ветер равняет тепло и всюду разносит семена, но растут семена сами, пользуясь теплом и светом солнца и питаясь от земли и воздуха.

2 июня. О, не мысль мне дорога, нет! мне дорога стала после многих страданий частица меня самого, тот остаток жизни: десяток, сотня, а может быть, тысяча и не одна грядущих дней и ночей и времен года, я дорожу ими и вижу в них *все*, и дух, и материю, и народ, и литературу, своих ребят... все! точно так же, как в дни голода видел все в куске черного хлеба. Я обыватель: о-быватель! я бытую и понимаю свое бытие как улучшение личных отношений к людям и вещам, я понимаю быт как постоянное улучшение личных отношений, культуру их. Быт — культура личных отношений своих к людям и вещам. Непременно к вещам, потому что человек, считающий грехом сорить на полу и топтать ногами частицы солнечной энергии, заключенной в крошках хлеба, несомненно, и к людям относится лучше, чем сорящий на пол, небрежный...

9 августа. Ведь мы же в России живем и по необходимости должны мерить жизнь свою русскою моралью, пусть где-то на свете есть машинно-легкий пуд хлеба, в России он добывается при условии существования человека в аду: условия деревенской работы — адские, живет человек без грамоты, без всяких радостей, в муках, вшах и болезнях, и тут рождается пуд муки.

У кого есть совесть, кто это знает, чувствует — какой мед своей хитрости (таланта, удачи, творчества, изобретательности) может дать сознание своей правоты, довольства без вкуса полыни во рту: в России всякий мед пахнет полынью и горчит.

Какой удельный вес, например слова, должен быть, чтобы оно дало удовлетворение творцу его, это слово должно быть пророческим и никак не служить только забавой и развлечением — таких слов мы ждем от искусства.

А дело — оно, кажется, должно быть таким всеобщим, что свое в нем бы исчезало: о себе думать — маленькое. Но мы непременно должны быть большими,— мы — большевики.

Блок, прочитав «Колобок», сказал:

— Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть еще что-то [49].

— Что?

— Я не знаю.

— В дальнейшем нужно освободиться от поэзии или от этого чего-то.

— Ни от того, ни от другого не нужно освобождаться.

Другие по своему воспитанию и образованию входят в литературную среду естественно, и им это, как дар свыше или как наследство, для меня же переход от политической невежественной интеллигенции в среду людей культурных сопровождался как бы крещением и таким чувством свободы, что я до сих пор считаю свое дело святым делом, не имеющим ничего общего со всеми другими делами.

[*Москва.*]

24 августа. Я предлагаю им [писателям] для будущей огромной синтетической работы художественного сознания воспользоваться и моим «этнографическим» методом художественного изображения действительности. Сущность его состоит в той вере, заложенной в меня, что вещь существует и оправдана в своем существовании, а если выходит так, что вещь становится моим «представлением», то это мой грех и она в этом не виновата. Поэтому вещь нужно описать точно (этнографически) и тут же описать себя в момент интимнейшего соприкосновения с вещью (свое представление). Попробуйте это сделать, и у вас непременно получится не безвкусное произведение для читателей и чрезвычайно не удовлетворяющее себя самого, а это-то и нужно, чтобы открылся путь. Он мне открывается в работе искания момента слияния себя самого с вещью, когда видимый мир оказывается моим собственным миром. Так смотрят на мир наши неграмотные крестьяне, и так все мы, образованные и деятельные люди, пожалуй, будем смотреть, когда освободимся от философской заумности 〈...〉 Нужно нам учиться у мужика глазу его, как он смотрит на мир. Вот почему я и толкусь всю жизнь среди наших крестьян.

Гению, конечно, не стоит считаться ни с каким этнографическим методом и просто написать то, что увидит, но ведь это мы своей сложной работой подготовляем путь к его простоте.

30 августа. С виду бульвар такой же, как прежде, но, всматриваясь, видишь то, да не то — какая-то легкая толпа, не оседлая, тыл гражданской войны...

8 сентября. В лучшем случае, если даже мне удастся совершенно очистить свою душу от эгоизма, у меня останется одна тема: Евгений из «Медного Всадника» [50].

Чувство природы, которым обладают в большей или

меньшей степени почти все художники слова, легко может развиться в чувство народа (и не надо это даже объяснять, почему), а чувство народа, если хорошенько поработать над собой, можно не «милостью божьей», а вполне сознательно использовать для изображения масс.

А как это нам теперь нужно!

Выдвинулась на сцену истории огромная масса, и вчера мы были свидетелями этого события воочию, так что можно было вложить персты в язвы [50a], и все-таки «Лагерь Валленштейна» и «Ткачи» [51], пришедшие из чужеземной литературы, почти единственная (и, надо сказать, малоудачная) попытка изображения масс.

Вот почему неудачны все попытки изобразить массу: художник чувствует индивидуум (тип), потом складывает это с чувством другого типа, третьего, и тип у него получается только соединенный арифметическими плюсами.

А нужно чувствовать вперед не отдельные существа масс, а всю ее как лицо, и это лицо чтобы стало героем, и из этого лица после выделились сами собой отдельные лица...

У поэтов это выходит само собой, но я не могу достигнуть этого иначе, как не уехав в новое место. И, по-моему, это можно рекомендовать всем, кто начинает писать: новое место есть факт, новая данность, новая уверенность, и признаки ее выступают отчетливо.

Я ловлю эти признаки слухом (ритм) и глазом (пейзаж), мускульное чувство (когда много ходишь) странным образом выводит (хотя версты считаешь) из пространственных измерений, пространство становится эфирным, и время без газет, без правил дня идет только по солнышку, тогда без времени и пространства мне вода, земля пахнут своим запахом и все в мире становится так, будто слушаешь сказку мира: в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе и так далее. Одним словом, человек заблудился, а ведь это-то и нужно художнику для восприятия реальности мира.

Недаром сказка начинается смешением времен и пространств: в некотором царстве, при царе Горохе, она выводит нас из категории времени и пространства для того, чтобы представить нам вещь, как она существует без этого, или, как говорят философы, в себе.

Иначе говоря, нужно посмотреть на вещь своим глазом и как будто встретиться с нею в первый раз, пробил скорлупу интеллекта и просунул свой носик в мир. Это узнает художник, и первые слова его — сказка.

[*Талдом.*] [52]

24 октября. Что такое романтик? Это поэт, принимающий поэтическое слово, как дело, как жизнь. Поэтому романтик всегда стоит у порога трагедии. Это детство, продленное в юность, и юность, сохраненная в мужестве. Это вера в достижение невозможного. Множество людей, коснувшись этой стихии, потом вздыхают всю жизнь, другие злобятся на обман — скептики, сатирики, третьи (обезьяны) иной породы и, не зная никогда этого чувства, делают свое дело.

В богатырях земли бессознательно живет это чувство, как невскрытый подземный пласт плодородия лежит под цветами луга...

27 октября. Я один из тех странных русских писателей, которые искусство свое [мерят] самой жизнью.

11 ноября. Правда страшная лежит на дне мира людского, как в могиле правда лежит, и весь мир устроен так, чтобы люди встречались и лгали, боясь назвать правду, потому что как назвал ее, так будет непременно война.

Говорят, будто где-то *(3 нрзб.)* в лесах есть люди *(1 нрзб.)* ласковые, и у них-то по правде живут.

Разве можно людям правду в глаза сказать? За семью печатями правда лежит, и в молчании охраняют ее сторожа...

13 ноября. В лесу пусть и одна веточка тихим гостем явится, шепнет на ухо: «Я здесь! милый друг»,— и ляжет на плечо или шею, обнимет. «Милая веточка! за что-то меня полюбила, как доверилась!» Сердце раскрывается и готово обнять весь мир, а другая в ту же минуту рогулькой стоит и метит в глаза, стукнет туда, и света невзвидишь.

[*Москва.*]

9 декабря. Вчера Мандельштам [53] сказал, что всего лучше, когда молодой поэт, прочитав стихи, просит сейчас же ответа, сказать: «Это для вас характерно». Тут я вспомнил Блока — вот кто единственный отвечал всем без лукавства и по правде, вот был истинный рыцарь.

17 декабря. Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы разного морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Конечно, должно быть в душе художника стремление дать нечто новое в своем произведении, но это состоит лишь в художественном восчувствовании новых наработанных жизнью материалов:

внимание к ним и есть полное удовлетворение тому стремлению художника дать нечто новое. Жизнь есть прежде всего личное действие, но художник потому и взялся за свое художество, что отказался от личного *(1 нрзб.)* участия в жизни.

1923.

13 марта. Вчера в день годовщины февраля был день-то какой, никак и передать невозможно, до чего хорош! Читал «Голубые бобры» [54] в Союзе писателей.

16 марта. Судьба ведет людей, конечно, к себе в дом, но какими путями — нам неизвестно, и едва ли найдется хоть один человек, угадавший с юности свою судьбу. У нас в России теперь вот как это видно! Возьми любую жизнь своего поколения и читай, как кому, да! Всякий пришел к себе в дом, но такими кривыми путями.

[*Талдом.*]

20 марта. Остановись на минуту, присядь записать свои мысли, свое чувство, и этот стул или пень, куда ты присел,— уже есть твой дом: ты сидишь, ты оседлый, а та мысль, то чувство, которые ты записал, уже *покоятся* на основании том самом, где ты присел, будь это стул или пень. Вот почему искусства не бывает во время революции: нельзя присесть. И вот почему источником искусства бывает прошлое: ведь каждого из нас судьба ведет в конце концов в свой дом, вот когда бегущий остановился, оглянулся — в этот момент он стал поэтом и судьба повела его в свой дом. И пусть он будет славить революцию, движение, все это ему уже прошлое, сам он сидит на табуретке или на пне и сочиняет стихи [55].

21 марта. Вчера в тени было среди дня + 6° Р. Железная крыша открылась, деревянная еще белая. Ночью звезды показались, и к утру схватил мороз. Сегодня утром —1°, ветрено, ясно, кое-где бродят по небу, как вата, белые мягкие облака. Весна перестоялась, больше света, чем тепла, возможно, что сразу переменится и вода хлынет, а снега много!

Я помню весеннее утро, когда любовь, заключенная в сосуде, пролилась на землю, и засияло все от нее на опушке леса; изумленный нахлынувшим чувством благодарности неведомому существу, я обращал глаза свои — и все вокруг меня вспыхивало светом и открывалось мне в тайном своем существе: дятел, бегущий быстро по стволу дерева, мне представился лесным графом в маленькой шапочке

и горностаевой мантии, сережки на снегу уже цветущего ореха — весенним золотым фондом всего леса, молодая осиновая роща с позеленевшей корой — пучками зеленых свечей...

Бывает, слышишь издали, чья-то жизнь в одном ужасном крике выходит, подходишь — лежит убитое в сердце животное, возле него разложили люди костер и палят тушу, это называется, свинью зарезать — самое простое, обыкновенное крестьянское дело. Кому придет в душу сострадать крику свиньи? А вот есть это, и зато, как отдельно, как пусто и как страшно. Как иногда, засыпая, остатками своего сознания узнаешь свой собственный крик, так и тут остатками своего разума видишь встречу своего безумия с безумием природы.

22 марта. Ночь ясная, молодой месяц глядел с дополнительным кругом. Мороз на дыбы поднялся до самых звезд: 20°!

Поучение молодым писателям: писать нужно так, чтобы забывался весь труд мастерства, чем больше забудешься, тем выйдет очаровательней (то есть и читатель забудется), а самое уже лучшее пишется так, чтобы и сама красота мира забылась; тайно присутствуя и всему душа — красота бы исчезла из сознания, как и мастерство, и все произведение писалось бы только из побуждения любви к людям и миру.

[*Москва.*]

23 марта. Дон Кихот это я — я Дон Кихот! Гамлет тоже я — я Гамлет! И Двойник Достоевского о мне писан, и Раскольников. Так «я» борется с другим «я», находя в нем свое подобие, с болью откалывается и Дон Кихот, и Гамлет, и Двойник, и Базаров, и так, будто змеиная чешуя слезает с настоящего «я», в котором скрыта воля на неповторимое действие.

25 марта. Все еще крепкие утренники, и заливает светом солнце. На днях прилетели грачи. Примета: если прилетели на гнезда — весна дружная, если так куда-нибудь (сейчас ходят по дорогам, клюют навоз, проталин еще нет) — весна затяжная. Теперь прилетели на дороги.

В пятницу приехал в Москву. Союз устроил показательный вечер художественной прозы.

Думаю про эту ужасную теорию, разделяющую людей на господ и рабов. Настоящее все в руках властелинов, умных людей, и счастье жизни — их, будущее рождается

в страданиях рабов: тут томятся вера, надежда, любовь, уживаясь с хитростью, затаенной местью, коварством, и тут среди них живет человек с ненаписанным Adelsbrief:* ему кажется, будто он потерял грамоту своего благородства и не может ничем доказать о себе... среди рабов и господ, и ненавидит он одинаково и тех, и других. Нет! поэты не рабы и не властелины и не вольноотпущенные, это люди, которые утеряли грамоту свого благородства и сами взялись ее себе написать. В этом страстном искании и творчестве Adelsbrief проходит вся их жизнь среди господ и рабов.

Есть другие, которые присвоили себе чужие Adelsbrief и господствуют над рабами — самозванцы! Они в конце концов боятся только этих людей, творящих свое Adelsbrief (совесть нечиста), и вот почему делают им уступки, вот почему все-таки, вопреки всему, существует поэзия — как посев семян, исшедших от неизвестного существа в забытой стране.

26 марта. Несмотря на ночные морозы, снега выгорают днем, и в Москве начинается вода. Весна! а хорошего за весь день вспоминаю только ангорского кота на трубе.

1 апреля. Всё большие морозы с ветром, и это при весеннем солнце и сияющем голубом небе похоже на затаенную месть раба. Я думаю об одном своем чувстве — это когда видишь насилие и не можешь ничем стать против него, то является какое-то белое спокойствие в сознании своего будущего несомненного торжества над этим насильником: в этот момент отрешаешься от его личности навсегда и как бы убиваешь (вот тебе за насилие: завтра тебя не будет). Я раньше это считал страшным оружием писателя, его исключительным господством, но теперь, в дни затяжной весны, мне кажется, будто это обыкновенное затаенное чувство мести всякого раба, белое чувство, как острый ледяной слежавшийся снег во время торжественного весеннего сверкания всего неба. Раб, терпя, все откладывает в будущее, господин сегодня же открыто вступает в борьбу за свое настоящее. Господин — властитель настоящего дня, раб — будущего.

[*Талдом.*]

13 апреля. Живем, пока жив человечек в глазу. Редко бывает глаз такой тусклый, что в нем человечка не видно, и бывает все-таки, и хмуро смотрит один зверь.

---

* дворянская грамота *(нем.)*.

23 мая. Разве не похожа душа наша на засеянную ниву; иное семя, имея влагу, рано взошло и дало плод в самой жизни: круг завершился, и об этом писать нам нечего. Но есть семя, жаждущее влаги и ожидающее своего расцвета: вот из этого непророщенного семени и цветов нерасцветших в своей собственной душе я создам своего героя, и пишу историю его, как автобиографию, она выходит и подлинно, до ниточки верно, и неверно, как говорят, «фактически».

[*5 июля*]. Материализм, это голос материи, вызывающий дух на борьбу.

[*Москва.*]

7 сентября. Я призван, как цвет, украсить путь для отдыха, чтобы страждущие забыли свой крест. Я, может быть, больше многих знаю и чувствую конец на кресте, но крест — моя тайна, моя ночь, для других я виден, как день, как цвет.

Мой луг усеян цветами, и тропинка вьется по ней так, будто нет конца огромному лугу. Влюбленным в мир выходит с этого луга странник, и какая бы ни вышла ему суровая зима, он будет знать, что непременно придет весна с любовью и что это главное, из-за чего живут люди,— цвет, это явное, это дань, а крест — одинокая тайна, ночь и зима жизни.

19 сентября. Около себя люди никогда ничего не видят, чтобы увидеть, нужно прийти кому-то со стороны.

9 октября. На сельскохоз. выставке. Загадочные впечатления были в болотном отделе мелиорации, при входе известное стихотворение Гёте из Фауста, в котором прославляется дело осушения болот [56], дальше следует демонстрация губительных свойств болот, затем способы осушения и, наконец, результат осушения: здоровая, покрытая злаками равнина. И вот я заметил наверху над всем этим строку из стихотворения Блока, которой прославляется мощь болот [57].

15 октября. Искусство, как сила восстановления утраченного родства. Родства между чужими людьми.

Искусство приближает предмет, роднит все, и людей между собой одной земли и разных земель, и разные земли между собой, города, мелочи жизни становятся такими, будто их делало само время.

В наше время упрямые попытки превратить искусство в публикацию («художественная публицистика») исходят из той же потребности создать родство между широкими

массами. Сестры: Публикация, Информация, Агитация, Пропаганда.

5 ноября. Выезжаю в Талдом, пробыв в Москве ровно 3 недели.

15 ноября. Тема для журнальной статьи: как создать у нас массового читателя?

17 ноября. В милиции. Начальник канцелярии потерял мой протокол и нервно двигал ящиками своего стола, в которых показывалась то начатая восьмушка махорки, то укушенная баранка. Нервное состояние начальника стало передаваться мне, и, чтобы спастись от этого, я отвел глаза и стал рассматривать разные плакаты над головами машинисток. Большинство из этих плакатов начиналось фразой «ты не забыл?», например купить облигацию, внести подоходный налог, а так как я все забыл, то нервный начальник продолжал нервировать и меня; наконец, над головой толстой машинистки, повязанной от флюса платком, я увидел на стене изображение женщины-матери с младенцем на руках, у нее было простое, грубое лицо, как у той машинистки, а подол платья был сделан, как у Сикстинской мадонны, и вообще, если прищурить глаза, то контур был совсем как у Рафаэля. И так было неприятно смотреть, и не верилось, что за такою может бежать толпа детей с цветами, а общий вывод, надпись были: «Дети наше будущее».

Почему было неприятно, кто был оскорблен — Сикстинская мадонна грубой женщиной или грубая женщина Сикстинской мадонной?

Как ни прекрасна Мадонна, но она конченая, у нее святое дитя и больше не будет, а живая женщина должна еще много рожать, стирать, сушить белье, ругаться с мужем, с соседями, потом сохнуть, морщиться, болеть и умирать.

— С малыми — доля, а вырастут — хлебнешь горя вдвое...

Но Рафаэль не мог и никто не может, сколько ни трудись, изобразить самое движение рода, те соки земли, рождающие новое, неведомое. Никакой художник не даст самую жизнь, где таятся зародыши невидимых картин, в грубой смеси таятся небывалые манеры, верные как кремень чувства...

И все это около зачатия, около утробы — святость этого чувства художник не мог передать иначе, как приделав к обыкновенной матери подол Сикстинской мадонны...

— Нашел, нашел! — вскрикнул начальник канцелярии.

Он вручил мне бумагу и сказал следующее:

— Рождение — рубль золотом.
Брак — рубль золотом.
Смерть — рубль золотом.

1924.

[*Москва.*]

6 февраля. В этот год весна света, самая первая весна, мне началась в городе. По телефону мне сказали:

— До чего хорошо!

И скоро явилась барышня с рукописью, и опять:

— До чего хорошо!

А писал я про весну света, голубую, про хороших людей и все назвал «Голубые бобры». Усадил я молодую девушку, а снять пальто и шляпу попросить не решился, очень уж в моей берлоге неуютно, коряво.

Вижу, полюбила моих «Голубых бобров», и так мне это радостно, будто это сама мечта моя, Марья Моревна [58], живая пришла.

— Как вы,— говорю,— такая молоденькая и все это близко вам, и все вы понимаете?

— Так...— говорит,— я уже много пережила, душа моя старая, как Турция.

Надо бы сказать «как Индия», но я рад, что не Индия, то было бы, как у всех, пусть Турция... хорошо! Мне все от нее хорошо, она мой настоящий читатель, был я один, писатель, и вот теперь: «мы» — зеленый союз.

И до чего тревожно и сладко весной света видеть глазами, как смерть и любовь сходятся, сошлись — мелькнула искорка. На земле, и на небе, и на солнце — везде вспыхивают искорки. До чего хорошо! «Нет,— думаю,— и смерть придет, ничего, за смертью опять любовь, и между ними есть где-то Зеленая дверь, жить можно, не страшны и годы, только надо в уме держать Зеленую дверь».

16 февраля. Тема повести, и к ней: мать ищет своей дочери жениха: она просто понимает и за ней древняя мудрость, дочь должна выйти за назначенного. Мать оберегает дочь от личного чувства, потому что в личном конец, а в назначенном продолжение рода. Но дочери кажется, что нет в современной действительности такого типа мужчины, которого можно назвать женихом. Был раньше офицер, человек чести, был богатый со своим счастьем, был ученый и художник, ныне все типы мужчин не удовлетворяют высшего выбора. Герой разоблачен. Власть переходит к дочерям [59].

[*Талдом.*]

25 февраля. То, что хотят вменить теперь художнику «трудовое происхождение», есть просто, в переводе на обыкновенный язык, чувство долга или ответственности за свою свободу.

1 марта. Слова песенные, бывает, и забудут, а мелодия остается, и в глухую метельную ночь врывается в память и без слов приводит людей милых и как будто забытых.

7 марта. Каждое, даже маленькое изобретение есть в отношении личности изобретателя осуществление Прометеева подвига, и человек, прикосновенный к психологии этого «чуда», трепещет душой, встречая что-нибудь вновь открытое. Многим кажется, что дети и дикари особенно ярко должны отвечать Прометееву делу. На самом деле их поражает невиданное только в первый момент чисто с внешней своей стороны. Привыкнув, они принимают новое просто со стороны его полезности, как нечто вполне естественное. Итак, туземец вживается в цивилизованный мир, оставаясь совершенно некультурным человеком в смысле оценки цивилизации с точки зрения древнего грека на Прометеев огонь. И вот этот разный подход к предметам культуры и создает два разных мира — их, туземный мир и наш, культурный. Их основание в прошлом, человеку на пользу, как пища огромному чреву, служит будущее со своим Прометеевым огнем, наше основание лучшее — будущее, раскрываемое в личном творчестве.

[*Москва.*]

11 марта. Раньше у меня в жизни все плохо было, потому что я думал о посетившем меня видении, что оно неповторимо, и я отдавался ему до самозабвения. Теперь я знаю, что не оскорбленное мною видение возвращается, я встречаю его без сумасшедшей тревоги и провожаю без отчаяния: оно, как весна, уходит и, пока я жив, непременно возвращается. Раньше я был ребенком, ныне я отец и добрый хозяин всех своих видений.

18 марта. Ездил в Марьину рощу смотреть волчков-кустарей: это ремесленная интеллигенция; и тоже остается без преемников (учеников): «мы вымрем, кто будет шить башмаки?» Ответ: «механическая обувь». Надо узнать, что высшая механическая обувь в Европе обязана средневековым «волчкам».

21 марта. Весь день провел на фабрике «Парижская коммуна».

Как чудесно, по одному слову я понимаю простого человека, рабочего, и как трудно мне даются машины!

23 марта. От всей философии Руссо, Толстого, народников остается мне в отношении себя к народу, к дикарям, природе чувство величайшей ответственности при соприкосновении с этой средой за свои поступки. Входя в эту среду, вы сейчас порождаете о себе легенду, потому что за вами следят сотни чрезвычайно внимательных глаз. Это не в салоне, где замечают только особенное, тут замечают все ваше исконное. И, конечно, ваше добро остается здесь навсегда, и ваше зло есть то, что понимают, говоря: «единым человеком грех в мир вниде» [60]. Вот все, что остается нам от философии о естественном человеке, господствовавшей над умами от Руссо до последнего народника. Есть в русском народе посеянное добро нашими народниками-писателями: это сокровенное благоговение к книге и к личности.

26 марта. Весна задержалась, далеко перешло время, сохраненные в девственной мощи снега вот-вот разольются. Всех волнует загадка этой весны: как выйдет переход от весны света к весне воды.

Мы живем накануне решительного момента, которым определится весь год. Каждый это чувствует, каждый волнуется.

[*Талдом.*]

28 марта. Искусство и наука собирают в себя концы человеческие, называемые личностями; кто вступил на этот путь, тот и должен кончить в этом кругу: отношение к миру, к обществу тут бывает только через посредство личности. Художник и ученый живут для себя. Однако это очень утомительно жить только через посредство своей личности, соблазняет постоянно желание выйти из этого круга и жить непосредственно, «как все».

Соблазн является в образе чего-то высшего, будь это Природа, Бог или Человек.

Примеры: «Портрет» Гоголя, жизнь Толстого. Боюсь, что и зреющая во мне философия наивного реализма (лес значительнее, [чем] мое описание леса); что предмет не исчерпывается моим к нему отношением.

Есть, однако, пример, когда у нас писатель был на верном пути выхода в мир, не теряя себя, как художника,— Достоевский.

29 марта. Цифрой жизнь ни за что не ухватишь, и мне это очень нравится: пусть сами столпы экономисты сдви-

нутся и поищут каких-нибудь новых путей восприятия жизни. Все это дает мне смелость основать свои исследования на простом глазе и на простом здравом смысле: стоит дерево, так оно и есть дерево, а не дерево само по себе и мое представление о дереве. Точно так же стало ясно и отношение субъекта к объекту вообще, например, интеллигенция и народ, какая ерунда: я и сам народ, я и мужики, да ведь мужики все для меня разные, как для жены моей куры ⟨...⟩

Россия и раньше была вся не исследована, а после величайшей революции и говорить об этом нечего, писать дневники, и все будет ценно.

30 марта. Свое исследование я основываю на врожденной способности общения с местными людьми: я могу, когда мне захочется, привлечь многие сотни уст для рассказа о своей жизни — нелегкое дело их всех выслушивать! Но когда вработаешься — и забудешься, то становится, будто это не люди, а сама земля раскрылась и говорит в сотни уст. И когда в этом забудешься, то тут-то начинается я — сам, а ведь это и есть самое главное, узнавать себя самого в жизни других людей.

Тему исследования я себе выбрал очень интересную, мне нужно изучить производственный быт разного рода кустарей.

В Ленинско-Кимрском районе есть до семнадцати видов разных кустарей, самый некультурный кустарь, работающий просто руками,— валяло, самый интеллектуальный, работающий тончайшим инструментом — иглой,— скорняк, средний между ними — башмачник. В конце концов моя работа есть расширение идеи Бюхера, выраженной в его книге «Работа и ритм» [61]. Быть может, мне удастся в конце концов проследить, как при механизации ремесла на фабрике исчезает производственная песня (поют машины) и песенная душа мастерового перестраивается в сторону интеллекта и воли.

5 апреля. Бедность я не люблю за то, что от нее пропадает жизнь в мускулах и цвет на коже, показывается скелет человека и его подзаборное я. Правда в душе человека есть та же кость — его подзаборное я. В целой личности эти кости, повитые крепкими мускулами души и цветущей кожей, незаметно держат всю душу, а когда душа обеднеет и показывается эта ее кость, то невыносимо становится жить около нее: все колет в таком человеке, во всем претензия на власть и шипучая злость в бессилии радоваться, и везде я и я.

7 апреля. Не знаю, зачем надо говорить «ретроспективный взгляд», когда можно сказать просто: «одумка».

Читаю Уэллса «Спасение цивилизации» [62]. Думаю: это попытка синтеза, стремление человека овладеть самим собою, выбиться из той системы подавления и механизации человеческой личности, которую делает «цивилизация».

13 апреля. Когда я спросил Ефр. Вас. [63], можно ли заменить кустарное производство механическим, он сказал: а можно, чтобы ваше писание заменилось типографским: книгопечатание — башмакопечатание.

19 апреля. Не сладкая ты, жизнь, была в юности, вся сладость собирается к старости.

22 апреля. Библиотекарь Павлов ⟨...⟩ в пасхальную ночь забрался в чайную в Квашенках, где перед обедней собираются мужики, и вдруг начал читать лекцию о происхождении человека от обезьяны. Эффект, говорят, был необыкновенный, будто бы старики даже увлеклись и опоздали к обедне. Между прочим, один, выслушав лекцию, прислал записку с вопросом: «Если человек происходит от обезьяны, то почему же в настоящее время от обезьяны рождаются только обезьяны, а не люди, почему теперь это прекратилось».

1 мая. Я люблю в природе самое первое начало перемены, особенно ранней весной,— в первом свете над голубыми снегами зарождение неудовлетворимых желаний, это мое время года, не очень короткое, прямо после Нового года и до теплых ночей, когда по еще низенькой, но уже плотно позеленевшей траве начинают гоняться друг за другом ежи, пастух выгоняет коров, словом до Егорья [64]. С этого времени я становлюсь удовлетворенным, сытым, и я смолкаю, как смолкают, начиная линять, все птицы первой весны.

Социализм по существу своему есть голос материи, жаждущей формы, заявление самой материи о том, что и она живая.

Закон, значит, повторение какого-нибудь явления во времени и пространстве. Наука открывает законы, то есть чередование явлений при данных условиях. Благодаря науке создался штамп, то есть сознательное повторение одной и той же формы [65].

История Уэллса — замечательная книга, едва ли не первый рассказ простака о всей истории человечества. В сущности, все люди пишущие, вообще более или менее сознательно живущие делают это ежедневно: невозможно

высказать ни одного более или менее широкого взгляда на вещи, а быть может, и не сделать поступка, не пользуясь всем своим лично воспринятым багажом истории.

16 мая. Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку,— все остальное уродует человека, приводит его к гибели, то есть к власти над другим человеком, понимаемой как насилие.

23 мая. С годами очень устаешь от веры в человеческие достижения, и так мало-помалу все мы делаемся до известной степени пессимистами, но это разочарование нисколько не мешает жить, любить именованных людей и делать умное, доброе, красивое и полезное дело, напротив, я думаю, вот тут только и начинает человек мало-мальски походить на человека, когда он разочаруется в человечестве.

27 мая. Быт, затертое понятие, надо освежить, на время раскрыв его содержание, как *культуру личных отношений.*

7 августа. Если опишу полет аэроплана для детского журнала — это поместят на первой странице, но как бы гениально ни описал полет дикой птицы — это будет для второго отдела журнала. Впереди должна быть механизация, то есть восстановление утраченного.

[*Москва.*]

16 августа. Против Благовещенского пер. на Тверской есть вывеска: «Всечеловечество», и там внутри вегетарианская столовая — я хожу туда: близко и недурно кормят. По стенам от пола до потолка тезисы всечеловеческого языка Ао, прислуживает человек в голубой маске. Я пробовал читать тезисы, но после того как догадался, что все сводится в новом языке к всечеловеческой цифре вместо слов,— бросил читать. И все-таки благодаря этим огромным таблицам и человеку в голубой маске в этой столовой едят как-то не по-свински, и мысли постоянно сопутствуют еде.

Сегодня я думал о священных коровах, что вот как хорошо будет с коровами, если не будем есть мяса. Но если уж язык всечеловеческий, то и корова, чтобы одна какая-нибудь для всех людей — не наша, конечно, ничтожная русская коровка, а какая-нибудь голландская. Раз всечеловечество, то и все-хозяйство и, значит, голландка. И, следовательно, универсальный бык-производитель, все-бык. Сначала это, а потом и всечеловек-производитель, англичанин или американец. И чтобы вывести одну породу людей. Смеются над этим, но если будет все-язык, то непременно будет и все-порода.

17 августа. Восточные люди крах личного усилия объясняют судьбой: судьба! у социалистов судьба — экономическая необходимость, у моралистов — долг, у художников — скука.

Больше всех личное начало развито у художников, и потому у них отчетливее отделилась эта надличная сила под именем скуки. И в конце концов художник берет скуку обыденности личной волей — в этом и есть чудо искусства и подвиг художника. Художник своей творческой властью преображает жизнь так, что в ней как будто нет ни судьбы, ни экономической необходимости, ни долга, ни скуки. Каждый под влиянием искусства поднимает голову повыше, разделяя с автором чувство победителя скуки: в этом и состоит мораль искусства и его полезность. И оно единственно в этом.

Но вот кино, которое без всякого личного героизма, чисто машинным путем вынимает из жизни ноющий нерв времени, заставляет фотографии жизни чередоваться быстрей, чем в действительности, и слушателю передается чувство победы над скукой.

Мы знаем, например, в творчестве природы чудесные дни, но их мало: серых дней больше. И знаменитая весна в действительности проходит больше в томительном ожидании. А кино выкинет серые дни, и весна станет прекрасной. Хорош золотой дождь семян при посеве ржи, хороши всходы, хороша земля, и цветение, и наливание, и созревание, и жатва, но все это только моментами, а захотите посмотреть в действительности: две недели колосится, две недели цветет, две наливается, две созревает — какая скука! А там вся туга выбрасывается, и рожь в кино одну секунду колосится, другую наливается и на четвертой секунде готова. Да ведь только смотреть в жизни, как мерно жует бычок свою жвачку день и ночь — вык, вык! и так 365 дней — вык, вык! и потом еще столько же, и тогда он делается бык, а хозяин за это время и сам вык-вык — при-вык, из этого вык сделался век, и так стал сам чело-век, то есть голова, созданная терпеть всю скуку бычьего века. На борьбу с веком выступает художник, и так создается трагическая личность. Кино посмеялось над художником и моралистом, и художество заменилось международной обывательской болтовней [66].

22 сентября. Что есть художество? Вот какая-нибудь пичужка сидит на ветке, шишку долбит, и носик у нее кривой, и, с одной стороны, линия этого носика есть часть траектории чего-то огромного, вроде Марса;

а с другой — это великое предстоит сердцу умильно, понятно, ответно — восхищение от пустяка и пустяк это все...

[*Талдом.*]

27 сентября. Мой посев приносит плоды: всюду зовут писать. Между тем я ничего не уступил из себя: жизнь изменяется.

5 ноября. Все хорошее русского человека сберегается в глухих местах, в стороне от цивилизации, но это при малейшем соприкосновении с цивилизацией прокисает.

Притом это страшно талантливый народ, если судить по тому, чего он достигает в своем гении.

9 ноября. Читатель, как и писатель, рождаются, а масса занимается чтением, если есть досуг.

20 ноября. Три романа К. Гамсуна прочитаны: «Соки земли», «Санатория Торахус», «Женщины у колодца». Хороши одни «Соки», в остальных чересчур много кори (Гамсун описывает буржуазию, как болезнь корь на стихийном человеке).

Через «Соки земли» можно прийти к своему роману [67].

[*Москва.*]

30 ноября. Вопрос ставится так: писать роман или свести все к ремеслу. Чтобы писать, нужно ввести строгую гигиену души с усиленной охраной «светлой точки».

[*Талдом.*]

20 декабря. Как пишут романы? Если писать, то как быть, если придет в голову главное после, а если не писать и дожидаться, пока сложится, то или это будет механическое писательство, или все расплывется в неопределенность. Правила быть не может никакого, кроме правила в самом опыте следить за собой, узнавая по разным признакам тот момент, когда должен молот ударить по железу (вдохновение).

21 декабря. После узнаешь, что так бывает у всех, кому дано выступить в жизни со своим лицом,— непременно у каждого такого человека найдется в прошлом точка безумия. Но в то время, когда это *переживается,* то сам кажешься себе каким-то проклятым существом, выходящим из всякого необходимого для жизни счета и меры. Тогда больше всего хочется кому-нибудь раскрыться до конца, но это невозможно: для этого нет слов у себя и у ближнего, нет такого внимания, чтобы понять человека без слов. Начи-

нается длинный путь борьбы за то, чтобы какими-то иными словами, иными делами раскрыть людям нормальным свою тайну. Часто в то время, виноватый перед всеми, думаешь, что они все умны, а сам сходишь с ума, и долго спустя, если удастся победить и сделать предназначаемое своей же природой дело, то представится уже наоборот: не было в них никакого особенного ума, стояли они на месте, а сам натыкался на них в своем темном беге, как на деревья в лесу.

Но тайна, что же сталось в конце концов с тайной? Дорогой друг мой, это не тайна, это просто я сам в той своей части, которая не совпадает ни с кем из других. Вот почему никогда не будет конца рассказам о разных историях любви; как ни одна весна в днях своих не совпадает с прошлогодней весной, так никогда не будет исчерпан любовный запас.

Иным это очень рано отравляет душу, что старшие ничего не знают и что я, какой есть, я старший сам себе.

Душа детей и художников отличается.

1925.

1 января. В романе нужно прежде всего единство лица, то есть чтобы все действующие лица незаметно для читателя были составными элементами одного сложного существа.

В жизни мы разделены друг от друга и от природы местом и временем, но сказитель, преодолев время и место (в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе), сближает все части жизни одна с другой, так что показывается в общем как бы одно лицо и одно дело творчества, преображения материи. При таком понимании сказка может быть реальнее самой жизни (Дон Кихот и Санчо — самый яркий пример такого сближения).

Это один процесс творчества, который приводит к ясности, а другой процесс строительства самой жизни, когда нужно в добытую сказку вдвинуть время и место. Есть ли это дело художника? Нет, это дело человека, но труд художника, поскольку он тоже человеческий труд, дает прекрасный пример воплощения, потому что, делая свое любимое дело, он посредством этой любви преодолевает скуку труда и в то же время трудится, как и все.

Спасителем человечества (от Кащеевой цепи) будет тот, кто приобщит каждого работника видеть в своем труде творчество жизни; значит, чтобы часть узнала себя частью целого (коллектив).

6 января. Дульсинея. Если бы возможно было с ней встретиться, то было бы или разочарование, или обыкновенная любовь. Но именно потому, что нельзя с ней встретиться, возникает Дульсинея. Это мост к невозможному, сила бессильного (Дон Кихот).

10 января. Так оно так, конечно, и лучше бы как-нибудь работать гражданином мира, но как перешагнуть через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека?

Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной своим родным словом, я неотделим от России...[68]

— Не до сказок теперь! — Не до сказок, я знаю, но она явится, как след по земле... нашим следом охотник идет, и он потом расскажет о нас.

Люди живут не по сказкам, но непременно у живого человека из жизни складывается сказка, и если, пережив, оглянуться на прошлое, то покажется, будто жизнь складывалась сказкою. Вот я свою сказку уже начинаю замечать.

— Но зачем это тебе нужно?

— Я не знаю зачем: это чувство себя самого, моя жизнь.

— Твоя личная жизнь, но кому это интересно?

— Это интересно всем, потому что из нас самих состоят «все». А ты как, разве не через себя самого узнаешь людей, общество?

— Ну да, это психология, специальный вопрос, мне этими тонкостями некогда заниматься, у меня есть дело общественное, которое поглощает меня самого совершенно.

— Ты что же, отказываешься от развития своей личности?

— Временно да.

Писать по символам, это все равно, что жить по сказкам.

11 февраля. Несмотря на все, мир прекрасный существует тут, на земле: движение мысли, совести, чувство красоты (творчество).

[*Москва.*]

18 февраля. Вернулся из Переславля. Переславль-Залесский был оставлен железной дорогой на двадцать верст в стороне и оттого мало-помалу совершенно заглох.

Многочисленные прекрасные памятники старины, благодаря отживанию современности, выступили на фоне низменных мещанских строений необычайно ярко. Древние зодчие вообще работали так, что окошки справа и слева, двери, крупные украшения не приходились одно к одному, не складывались, а даже не было ни одного кирпича в орнаменте, чтобы сложился с другим кусок в кусок. Они работали, как природа, обличая (индивидуализируя) каждую мелочь. Время продолжало дело художников, работая желто-зелеными мхами на кирпичах, муравой на стенах и разным быльем. И так мало-помалу дело человеческих рук пришло в полное согласие с делом природы, так что строения на горах и прекрасное Плещеево озеро внизу сошлись к одному, как будто их создали друг для друга,— сказочный городок.

21 февраля. В толпе у оклеенного столба сказали:

— Навсегда!

Я поднял голову и прочел тему лекции:

«Почему климат Москвы изменился навсегда».

В толпе радовались:

— Виноградные сады разведем.

И тому, что на юге мороз, тоже радовались:

— А там все померзло.

Что вы думаете, это революционный народ? Что он радуется сокрушению последних твердынь, влиянию тяги земной на себя для чисто человеческого творчества?

Ничего подобного! Это просто дешевый народ у столба собрался, зеваки, пустомели, готовые за виноградную веточку отдать все дивные сказки Мороза.

А я это берегу в себе, и как французу нужно зачем-то его непонятное нам отечество, так мне нужен пейзаж. Мне нужно, чтобы все приходило вовремя. После морозов сретенских и ужасных февральских метелей пришла бы Мартовская Авдотья — «обсери проруби» [69], становилось бы вовремя жарко, налетало оводье и комарье около «Акулины задери хвосты», и так начался бы великий коровий зик, в июне непременно бы тоже был конский зик [70] ⟨...⟩ давал бы исходную точку опоры моему *(1 нрзб.)* воображению.

Как художник я страшный разрушитель последних основ быта (это мой секрет, впрочем), я разрушаю пространство и говорю: «в некотором царстве», я разрушаю время и говорю: «при царе Горохе». Совершив такую ужасную операцию, я начинаю работать, как обыкновенный крестьянин-середняк, и учитывать хозяйственные ценно-

сти, как красный купец. Этим обыкновенным своим поведением я обманываю людей и увожу простаков в мир без климатов, без отечества, без времени и пространства.

— Освежились, очень освежились! — говорят они, прочитав мою сказку.

И платят мне гонорар.

Мне нужен быт не для быта, конечно, а для объяснения моего с массой, нет у них быта — нет у меня языка, и я на холостом шкифу верчусь без ремня передаточного: занимаюсь стилизацией.

Если мороз исчезнет из России, непременно и быт исчезнет. Вот почему я против изменения климата ⟨...⟩ Простым разрушением быта без творчества новой фабулы не может быть никакой революции.

[*Талдом?*]

22 февраля. И в моей жизни, человека, добывающего средства существования придумкой, есть своя рабочая теория, без которой я бы не мог заниматься своей профессией: в своем деле я использую рабочую ценность мечты о личной свободе. И, само собой, это не умственно выходит, а из натуры и вопреки всей окружающей меня деревенской действительности.

Когда я на рассвете выхожу на крыльцо посмотреть, в каком виде является новый день,— это очень важное дело в конечном факте моей работы, и я стою на крыльце важно. В это же самое время выходит на свое крыльцо одна беднейшая в деревне женщина Наташа и начинает молиться очень усердно, кланяясь на все четыре стороны: у Наташи это своя какая-то необходимая ей и едва улавливаемая моим чувством рабочая теория. Помолившись богу очень усердно, она идет к колодцу и очень часто упускает ведро. Тогда слышно частое повторение слов «черт», и это уж на весь день: больше этой замученной женщины в деревне никто не ругается, черт преследует ее весь день и до глубокой ночи. В одну хорошую минуту она мне прямо сказала:

— Если бы не это слово, я по своей работе давно бы в святые попала.

[*Москва.*]

13 марта. Двинуть вперед роман [71].

Изучать Переславль [72] и налаживать биостанцию [73].

14 марта. Посетили биостанцию. Организовано 10 000 юных натуралистов. Массовое исследование всех птиц сразу ⟨...⟩ 2000 окольцованных птиц.

20 марта. Хоть бы минутку побыть с самим собой и собраться с силами — вот это нужно человеку, иначе он вывертывается весь наружу и в своих делах не узнает себя самого.

[*Переславль-Залесский.*]

7 апреля. Я перешел вчера на Ботик (Павловна[74] переехала третьеводни) и стал жить в дворце в роскошном уединении[75].

8 апреля. Вечером состоялся в Музее мой доклад об организации биостанции. Сошло в общем очень мило.

9 апреля. Дворец существует с 1853 года — в нем почти не жили, он совсем новенький. Между тем деревья, птицы, звери к нему за 70 лет очень привыкли. Перелесок возле самого дворца на холме совсем дикий, и одно дерево даже рычит (трется о другое), как бывает в самых глухих лесных оврагах. Этот звук чаще или реже, смотря по ветру, слышится всегда в дворце при закрытых дверях и окнах, и в общем какой-то очень приятный мне звук.

Заседание музейной комиссии. Я, рассказывая о Сокольнической биостанции, обратил внимание членов комиссии, что самое трудное там считается ввести детей в природу, заинтересовать явлениями ее, а когда заинтересуются, то сравнительно легко уже приохотить их к очень кропотливой исследовательской работе. Условия подмосковной природы, указал я, такие, что встреча с природой должна подготовляться педагогами: там нужно в малом увидеть большое, и так на станции все микро: микроклимат, микро-заповедник, микро-организмы, комары и птицы даже все больше маленькие. В нашем же краю, напротив, все макро: макро-водоемы — озера, громадные леса, болота, у нас встреча легче, и наш метод должен быть основан не на микро, а на макро: путешествие у нас, а не экскурсия, и уклон нашей биостанции должен быть географический.

24 апреля. Не нужно быть очень жадным к материалам и всюду совать свой нос, как чайка в воду, большей частью напрасно. Нужно добиваться, чтобы все нужное само приходило, являлось непременно, как ежедневно является свет.

И я не с какой-нибудь целью встаю и выхожу до солнца; между тем не могу оторваться от солнца и озера.

4 мая. Определился роскошный день сверкающих клейких листиков, насыщенный влагой, с тучными теплыми облаками.

По теплым синим и золотым облакам пролетели и те не известные совершенно никаким ученым птицы с самыми острыми крыльями и с самым тонким клювом, сверкнули в золотом луче и влетели в зеленый дом.

И я за ней иду в зеленую дверь.

В полдень Павловна крикнула:

— Посмотри, какое озеро!

И все мы подошли к берегу. Мы его не видали еще таким и [не] думали, что может быть такая красота: весь небесный свод со всеми своими градами, и весями, и лугами, и пропилеями, и простыми белыми барашками почивал там, гостил у нас, у людей, и так близко: совершенно Китеж, невидимый град.

Мы долго молчали, но один наш гость, подшибленный горем и ослабевший духом, не осилил молчания и сказал:

— Видите, вон там утки черные.

10 мая. То ли что плохи были учителя и велика жажда к ученью и оттого казалось, что не у нас здесь, а где-то есть великие учителя, истинно Старшие; то ли что хорошие люди вокруг меня веровали в науку, а может быть, и потому, что после в жизни пришлось встречать замечательных ученых и художников, или это оттого, что больше самоучкой до всего доходил,— но почтение к Старшим и готовность сделаться во всякую минуту учеником у меня до сих пор сохраняется и все больше и больше распространяется.

Прочитав прекрасную книгу, я думаю: «Вот я ее в день прочитал, а ведь чтобы написать ее, он истратил всю жизнь!» Выслушав весной первый зеленый шум у березы, я говорю: «Чтобы так прошуметь, ведь она полвека росла!»

Ватага чаек летит плотно друг к другу над озером, первая упала на рыбу и промахнулась, вторая за ней упала, третья, четвертая, десятая схватила уклейку, и потом они все на ветер поставили крылья и плавают часами, не шевеля крылом,— есть чему поучиться у чаек!

Я — ученик.

Моим учителям не нужно гонорара, они все учат бесплатно, и, даже напротив, они же благодарят меня за внимание. Иногда мне кажется, что они заряжены, как электрическая туча, и мятежно носятся, чтобы куда бы только ни избыть свою силу, разрядиться во что бы то ни стало куда-нибудь, хоть в печку! И вот тут я: ученик, внимательный, усердный, жаждущий, и все мне как роса на траву...

14 мая. В 7 утра выезжаем на лодке в Усолье.

В Усолье приплываешь, как будто не в село, а в какое-то жительство лесных существ, не нарушающих общий пейзаж: так все вокруг лесисто, болотно, так много природы.

26 мая. Художественное изучение края с целью воспроизведения края потом, не расчленяя описание по частям: население, воды, промышленность, а соединяя все и представляя край живым, как личность.

15 сентября. Думаю продолжать роман.

19 сентября. Я читал у Кардовских [76] начало своего нового романа и окончательно утвердился в нем: работаю зиму.

23 сентября. Пишу роман в голове.

24 сентября. Сегодня получено известие, что Воронский [77] в восторге от «Родников».

Воронский приходит в восторг, но до сих пор я не числюсь сотрудником «Красной нови».

25 сентября. Понимаю ошибку Руссо, Толстого и всех, кто зовет людей к «простоте»: они думают, что жизнь проще, значит, и легче, между тем как проще жить гораздо труднее. И самое трудное, что стремление к простоте жизни является у сложнейших душ, а все простое стремится к сложности.

1 октября. Странно, что вот ведь самовар тоже работает на меня, но когда он стоит у меня на столе и кипит, я могу писать, думать, как будто так и быть должно: самовар не раб мой, а друг и по вольной воле, по удовольствию к своему делу кипит. Когда же я для скорости развожу примус и курю и пишу между двумя чашками чаю, то хотя примус и в другой комнате, за дверью и на самом тихом ходу, только чтобы не остыл чайник,— я все-таки не могу думать и писать, мне кажется, там, за дверью, из-за моей пустяковой жизни кто-то из последних сил старается.

Был ли сегодня хороший день или худой — не знаю. У меня в душе, как в природе поздней осенью, крутит и мутит тоска. Сегодня я заметил только, что на фоне серого ствола большого дерева трепетал один-единственный золотой листик.

Золотая осень прошла незаметно, то были холодные дожди и как-то тут между днями незаметно ударили два мороза, подсекли листву, потом начались сильные ветры с дождями, и так незаметно мы остались с голыми деревьями.

6 октября. Сегодня вечером были слышны крики пролетающих гусей, мелькнула стайка чирков и каких-то боль-

ших уток. Каждый раз явление птиц волновало меня, и я для них бросил свою мысль. А мысль эта была о жизни и смерти, что как это отлично придумано устроить нам жизнь конечную сроком, за которую ни одному, даже самому гениальному, мудрому и долговечному, невозможно исчерпать разнообразие мира, отчего каждая коротенькая жизнь может быть бесконечна в своем разнообразии.

7 октября. Я живу один во дворце, устроенном когда-то для приема царей. Весной, в марте, когда я тут поселился, из подвала вылетел в окошко русак. В большом зале подвесились летучие мыши. В ста шагах токовал тетерев, и куропаток всяких множество. Налево за можжевельником лисьи норы, на склоне оврага Гремячей горы, на которой стоит дом — норы барсучьи. С крыльца вид на все озеро, окруженное с левой стороны дремучими неисходимыми болотами и боровыми лесами. Гуси, лебеди летят через усадьбу. Скажите, охотники, кто из вас не позавидует мне и кто не поймет, из-за чего я довольствуюсь скромными своими доходами.

10 октября. Природу я понимаю из себя — это все мое прошлое так процвело...

15 октября. Книга «Башмаки» [78], к удивлению моему, вышла прекрасная книга, единственный в своем роде опыт художественного писания, сознательно выдвигаемого автором как исследование. Такое же исследование мной было сделано секретное в книге «У стен града» [79], но я не мог в ней показать, что это — исследование. А в «Башмаках» метод выпирает наружу. Вероятно, я наделал много ошибок в рассуждениях, но факт остается фактом: на трех листах изображен целый край.

Эта книга во исполнение мысли Курымушки [80], что «мечта есть вестник прекрасного» и этот мир находится в самой серой действительности, преодолеваемой в себе самом и преображаемой: дело исследователя расставить людей и вещи, сдвинутые случаем, на свои места (вернуть их к своей самости).

Художник должен войти внутрь самой жизни, как бы в творческий зародыш в глубине яйца, а не расписывать по белой известковой скорлупе красками.

7 ноября. Как хорошо в предрассветный час полуодетому прямо с постели открыть дверь, выйти в тьму, захватить пригоршню пушистого, только что слетевшего с облаков снега, потереть им лицо, шею и вернуться в теплый дом:

какой у снега в этот заутренний час бывает аромат! Да, если дома тепло и можно быть сытым и есть хорошая лампа, то зима куда интереснее лета.

1926.

19 марта. Читал записки прошлой весны. Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу «Родники Берендея».

30 марта. Я смотрел на месяц в эту ночь, думал о движении земли, стараясь расстаться с нажитыми неверными представлениями, и, когда на момент достиг,— каким пугающим бездушием повеяло на меня от этих летящих, вертящихся миров: казалось, будто в момент моего восхищения лицом прекрасной женщины ей вспороли живот и показали кишки, такие же, как у всех, а когда я вернулся к себе на землю, к своим обычным представлениям, то захотелось с ними и жить, и умереть и верным, действительным и нужным мне стало то, что кажется, а не что есть. Да, неважно, может быть, что солнце такое огромное и земля такая маленькая, а что вот явились в мире существа, которые, взяв землю за огромное основание, сумели полюбить эти огромные пустые звездные миры, как маленькие ангельские душки,— вот что важно!

1 апреля. Если человек и достигнет управления вселенной, то сам он станет таким же рабочим механизмом, как все эти пустые миры.

Читал «Живой Пушкин» Ашукина [81]. Вспомнился разговор с Блоком...

— Но вот убили же Пушкина,— сказал я.

— Он сам в то время уже был кончен, это его собственный конец был,— сказал Блок,— жить ему было уже нечем, его и убили [82].

12 апреля. Когда плод созрел, то, краснея, сам просится в рот, и если не возьмешь, то даже упадет к ногам: «Пожалуйте! — говорит,— я довольно пожил, теперь вы мной поживите, кушайте, кушайте!» Так у больших ученых созревшая мысль в конце концов укладывается в немногие слова, и тогда мы получаем так называемую популярную книгу. Я много пересмотрел таких книжек по естествознанию и сразу по языку узнаю недозрелые плоды, их очень много, в них всегда встречается страшно избитая фраза: «И вот весна вступает в свои права».

Я хочу высказать свои читательские мысли об одной

новой книжечке, с виду очень скромной, но упавшей мне воистину, как зрелый плод: какое наслаждение поговорить о хорошем! Называется книжка «Предсказание погоды по небу» проф. Брауна [83]. Я прочел эту книжку в какой-нибудь час, проверил рисунки облаков по сложившимся у меня представлениям, хорошо запомнил и пошел наблюдать.

16 апреля. Мое настоящее искусство живопись, но я не могу рисовать, и то, что должно бы быть изображено линиями и красками, я стараюсь делать словами, подбирая из слов цветистые, из фраз то прямые, как стены ранних христианских храмов, то гибкие, как завитки рококо. Что же делать-то! При усердии и так хорошо.

А может быть, так и все художники работают мастерством одного чужого искусства, пользуясь силой родного? Может быть, и само искусство начинается в замену утраченной как-то любви... молчаливого потока родства, продолжающего мир и изменяющего его.

20 апреля. Пролетайте же, гуси и дорогие журавли, вы меня не тревожите, как в прежние годы, недостижимым посулом: мои журавли со мною живут. Пойте, веселые черные чудаки-скворцы, разными голосами над шумящим потоком: я сам скворец и тоже пою. Маленькие скворцы, обыкновенное солнце величиной в тарелку, и луна, и звездочки, я вас люблю не такими, какими узнал я о вас из книг,— это любить невозможно! — а как сотворились вы вместе с моей младенческой душой, как обрадовались, так и остались, и я с вами остаюсь таким же. Так это есть и будет присоединенным к великому свитку тысячелетий бытия человека на его остывающей планете.

Мы ложимся спать, откладывая на завтра увлекательное чтение книги Весны, правда!

27 апреля. Луна всегда одинаковая, но вспомните, как встречали мы ее восход в детстве, в юности и после, да зачем в детстве и юности! Вчера, глядя на месяц, я был один, сегодня вижу и думаю о совершенно другом. Не «луна плывет по небесам и смотрит с высоты», а это мы проходим, вечно мерцая.

Отношения людей в будущем сделаются вполне деловыми, то есть люди общаться будут между собою не иначе как оси, подшипники и ремни в машинах, и это будут вполне корректные и порядочные отношения.

29 апреля. Редко бывает такое сильно-страстное певчее утро в лесу, и очень мало людей его знают, кроме нас, охот-

ников, в большинстве случаев не умеющих выразить великую силу дарованного им счастья иначе, как только выстрелом в дичь, а если нет дичи, в ворону-сороку, если нет вороны-сороки, просто в дерево или в свою собственную шапку. Они правы, как выразить это, если те, кому надо рассказывать, не имеют даже отдаленного представления о болотистых и совершенно недоступных лесах ранней весной: нет языка для них, нет человека, что же делать? и палец спускает курок.

Но я не молод, и моя натура уже не может выносить бездушных убийств и бессмысленного грохота. Я и так оглушен этим звуком, ослеплен светом, переполнен счастьем, переходящим в тоску и потом в совершенное изнеможение без дум, без чувств.

К счастью, в пении маленьких певчих дроздов, отлично перенимающих в неволе человеческую речь, я разобрал у одного в последнем колене провозглашенные на весь лес отчетливые человеческие членораздельные звуки, слово это было настолько наше слово, что скоро перестали мои все сомнения: эта маленькая птичка была, наверно, в неволе, выучилась у людей выговаривать и потом перенесла это в лес. Но мало того, другие певчие дрозды научились выговаривать это слово, оно им, видно, очень понравилось, и, может быть, оно уже очень давно выводилось здесь, поучая весь лес. Так я попал в лес, где птицы пели: люби, люби! Я не могу передать здесь это слово во всем его значении в лесу без музыки, надо себе представить всю музыку леса, все аккомпанементы очень капризной мелодии дрозда и под конец сильный удар на «и»: люби-и-и! люби-и!

Однако я должен сказать, что явление самого нежного человеческого слова меня скорее удивило, чем обрадовало, и я ответил дрозду раздумьем: «Любить, но кого же?»

3 мая. Я вернулся домой не с убитыми птицами, а с букетом из анемон, волчьего лыка, тончайших веточек с золотыми сережками. Петя [84], увидев, покачал головой:

— Плохо дело с охотой, если ты стал цветы собирать.

Наука — я понимаю науку в отношении к жизни против художества вроде того как законный брак и свободные отношения. Ведь как делают ученые: раз получив от жизни какое-нибудь сильное впечатление, они остаются с ним навсегда и тащат сюда, как ломовые кони, возы чужих мыслей, впихивая таким образом свою находку в общее дело познания мира.

Художник, напротив, никогда не вступает с жизнью

в законный брак, он — как сама жизнь и, прожив одно, переходит к другому, заполняя промежутки «беспутством». Утомительная и неверная жизнь, почти как акробата! И пусть, утомленный, он прислонится к науке, морали или религии, это не остановит его: он и науку, и мораль, и религию сделает своей любовницей, и если они, все поняв, начнут давить его, вдруг бросит их всех и уйдет сам с собой в пространство жизни, как ушел Лев Толстой из Ясной Поляны и умер на глухой станции, окруженный международными корреспондентами [85]. Да, невозможно жить и вечно иметь дело только с началами: всякое начало таит конец. Но нельзя же вечно заниматься и концом и жить, как ученые, только в концах: заниматься холодными кратерами мертвой планеты и не обрадоваться просто месяцу или звездам, ангельским душкам.

6 мая. Общаясь с декадентами, я всегда испытывал к ним в глубине души враждебное отталкивание, доходившее до отвращения, хотя сам себя считал за это каким-то несовершенным человеком, низшего круга. Но Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил. Розанов, по-моему, не был тем хитрецом, о котором пишет Горький, он был «простой» русский человек, всегда искренний и потому всегда разный.

12 мая. Смерть токовика: свинец попал ему в бок и поразил сердце, но он, верно, подумал, что это ударил его противник, потому подпрыгнул и упал, и крылья его уже хлопали в агонии, а он из горла вырывал звук любви: токовал.

К природе нельзя подойти без ничего, потому что слабого она сию же минуту берет в плен и разлагает, разбирая духовный труп на составные части, поселяя в душу множество грызущих червей. Природа любит пахаря, певца и охотника.

14 мая. Бессильный человек ничего не может сказать о правде и чувствует ее где-то очень далеко от себя: «А ведь есть же где-то правда на свете!» Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду. Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой.

23 мая. Вчера я вернулся из Москвы. Видел лавину людей и ничего не замечал в природе, только знаю, что всю неделю было очень жарко. А какая богатая неделя прошла в природе с кипучими ночами.

24 мая. Мне говорили, что без меня был один тихий вечер, но шумело в деревьях, как от ветра: так много было майских жуков.

Мне было во сне, будто я разлучаюсь с кем-то близким таким, что вместе с душой близкого отдирается от меня шматами моя собственная кожа и мясо. Просыпаясь, я догадался, что это близкое мне было наше озеро [86].

Человек и поэт несоединимы, но человек непременно должен предшествовать поэту...

30 мая. Недомогаю. Сижу дома, а когда выхожу — не узнаю природу: так быстро все густеет, так роскошно. По утрам вижу, как раскрываются цветущие одуванчики, по вечерам замечаю, как они постепенно закрываются, и золотая лужайка без них становится зеленой. В такие густые майские дни понимаю Фета, который завешивал окна своего дома именно в самые для всех лучшие дни: слишком густа жизнь, не хватает себя на нее и надо прикрыться [87].

2 июня. Читал «Кащееву цепь»: понравилось все, кроме 3-го звена.

3 июня. Исправил «Кащееву цепь».

[*Сергиев Посад.*]

10 июня. Завтра совершится акт покупки дома, у меня к этому почти такое же отношение, как у Подколесина: [88] не удрать ли... Я передаю лишнего не меньше 500 рублей, но считаю невозможным выжидать, потому что растрачу деньги, второе основание для покупки, что квартиры, где можно бы держать собак, найти невозможно, в третьих, рассрочка на два года!

Источник моей иронии: раньше я думал, что есть Старшие, люди умнее меня и лучше, я был еще мал. и это была правда, но за время революции я дорос до конца, стукнулся макушкой о верх, и Старших не стало. Но я еще не понимал, что стал сам Старшим и что это у каждого ставшего есть, что стало со мной, мне казалось, что я, не видя людей выше себя, утратил веру, разочаровался, опустел, одеревенел. Так, однако, бывает со всеми, у кого прекращается органический рост и кто через это становится самым высоким и Старшим.

[*Переславль-Залесский.*]

15 июня. Встреча с озером была счастьем, через это я вернулся к себе и понял, что озеро мне было как икона молящемуся.

17 июня. Весь день дождь. Пишу о торфе.

Сам изумляюсь своей способности вбирать в себя материалы, такую массу в такое короткое время: в три дня вся разработка торфа у меня готова. Лева просит научить его, я говорю:

— Надо выйти из себя и отдаться тому огню, в котором сгорает жизнь. Мы и сами горим, но в себе это не можем заметить, и необходимо выйти из себя и так принять участие. Наблюдать же можно со всех сторон одинаково, откуда ни подойди, потому что жизнь круглая и горит, как солнце, везде одинаково.

18 июня. Приближаются дни летнего солнцестояния. Рожь цветет. Показались первые грибы. Принесли первые ягоды спелой земляники. Третью ночь у меня в стакане посаженный светляк горит, как лампада. Букет ночных красавиц наполнил ароматом весь дом. Ловим окуней.

19 июня. Установилось так, что к вечеру озеро стихает совершенно, так стихает, что следы плывущих гагар остаются на целую версту, как от моторной лодки. Заря медленно погасает в тихой голубой воде озера, и так до поздней ночи озеро все меняется, и когда, наконец, заря потухает совсем, исчезают лесные берега в голубом и голубое озеро и небо голубое сливаются, и кажется, наше озеро взяли на небо.

23 июня. В прогресс нельзя верить, как нельзя верить в деятельность своих собственных кишок. Прогресс — это общее чувство жизни, а верования истоком своим имеют личность: с точки зрения жизни личности человека прогресс может не иметь никакого значения. Уродливость получается от смешения и подмены того и другого.

24 июня. Однажды зимой мужичок подвез меня до дому из города. Он был издалека, деревня его Голоперово была в глухом болотном лесу, верст за двадцать от нас. На вопрос его, кто я такой, чем занимаюсь, я ответил по правде, что я сочинитель, книжки пишу. Прошло много времени. Летней порой приходит ко мне этот мужик. Я успел забыть его, но он напомнил, что подвозил меня зимой. Я вспомнил и спросил его, как пришел он ко мне, повидаться просто или по делу.

— По делу,— сказал он,— я давно собирался, да все не смел, по делу пришел.

Мы вошли в дом мой, и я спросил:

— По какому же делу?

— Вы книжки сочиняете,— сказал он,— сочините мне книжку, я у вас посижу немного, а вы сочините.

— Ну, это не так просто,— ответил я,— скоро нельзя,

а все-таки попытаюсь, тебе, наверное, хочется, чтобы я твою жизнь описал.

— Нет,— сказал мужичок,— жизнь моя обыкновенная мужицкая, известная жизнь. Я хочу попросить вас сочинить мне книжку хорошего обращения.

И вот как удивил меня этот серый, самого серого вида и едва ли даже грамотный мужичок, я стал его расспрашивать, зачем нужна ему книга хорошего обращения.

— В деревне-то ничего, туда-сюда, все сходит,— объяснил мне мужичок,— а вот как в город поедешь, все будто на другом языке говорят, и хорошо глядеть на людей, совсем люди другие, мне бы вот научиться, а потом бы я в деревне свое завел, так бы и пошло у нас в деревнях, как в городах.

30 июня. Вчера вечером смотрел на озеро после грозы и думал о ничтожности человеческого дела перед лицом стихии, того дела, которое громко называется могуществом человека: этой иллюзией лабораторий и кабинетов.

26 июля. Люди высшей породы ради своего «идейного» дела пропускают жизненное, то, чем живет весь мир, и так непременно обращаются в Дон Кихотов...

В «Любовь Алпатова» надо заключить идею «Любви Ярика», то есть, что люди высшей породы ради своего «идейного» дела пропускают жизненное, то, чем живет весь мир, и так непременно обращаются в Дон Кихотов,— это раз; второе — психология Дульциней: надо анализировать психологию зарождения Дульцинеи, абстракции любви, надо создать Дон Кихота нашего времени.

27 июля. Вот мне, семейному, значит, более натуральному, хочется просто иметь дом, собственный, точку опоры. А холостяк более утончен — дом его заключается в точном распределении дня, в удовлетворении своих привычек, обеспечивающих ему душевное равновесие.

Я, однако, только допускаю себе дом, а в душе в затаенности как бы выжидаю момент, чтобы взорвать эти наседающие на меня привычки, «образ быта» и вдруг, обманув кого-то, вырваться на свободу в бездомье общего всем дома природы. С точки зрения «господарства» я ненадежный человек, и эта какая-то коренная неоформленность, способность перемещения из формы в форму, как во сне, есть главное мое свойство и вместе с тем свойство вообще русского «коренного» человека.

12 августа. Как охотник я, конечно, чувствую больше жалости к убиваемым животным, чем люди, живущие далеко от природы: им очень легко и просто жалеть, потому

что очень много рук пройдет мясо животного, убитого мясником, пока оно попадет жалостливому человеку на стол в виде котлет. Я чувствую жалость к самкам больше, чем к самцам, к четвероногим больше, чем к птицам, и к крупным птицам больше, чем к мелким. Словом, чем ближе животное к человеку, тем больше его и жалеешь, от представления своих мучений жалеешь животное, а так просто без сострадания к человеку, наверно, не может быть сострадания и к животным, и для возбуждения жалости непременно должно быть в животном какое-нибудь подобие человеку. Я могу пожалеть и бабочку, и мельчайшего жучка, но при условии видимости, а знание не дает никакой жалости: я безжалостно одним глотком или движением пальца уничтожаю миллиарды микроорганизмов. Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания...

[*Сергиев Посад.*]

7 сентября. Сегодня в сергиевском литературном кружке буду читать «Охоту за счастьем» [89].

Неужели надо считать народной мудростью даже такие слова: «где тонко, там и рвется»? — вот новость какая! Но если к этой поговорке прибавить, что именно вот на тонких местах, где рвется, являются чудеса, то тут есть над чем призадуматься. Правда, у сытых людей в устроенной жизни какие могут быть чудеса, и сколько их бывает у тех, чья жизнь на волоске. В тюрьме чудеса постоянные, жизнь в одиночной камере вся состоит из перемен и переходов от желания запустить себе осколок стекла под ребро и жгучих нечаянных радостей.

8 сентября. Во всех производствах эксперты выбираются, конечно, из мастеров, например, если возникнет спорный вопрос в слесарном деле, то слесарь же является судьей, только в литературе судит писателей не мастер литературного дела, а просто *критик.*

12 сентября. Есть впечатления в иных натурах такой необычайной силы, что вся остальная жизнь является переживанием, культивированием их, или служением. Я знаю, например, происхождение моей страстной любви к деревьям, делающей мне близко понятным обожание их народами Востока. Это первое решающее впечатление было, когда я, просидев очень долго в одиночной камере [90], в сияющий день вышел за ограду тюрьмы и увидел одно дерево, на котором листья вдруг мне представились живыми прекрасными жителями какого-то государства. Все

слова бессильны передать это впечатление, и только постепенно, с годами, узнавая его каждой весной, я постепенно как бы наживаю силу частичного выражения в словах.

17 сентября. Начать собирать библиотеку, наметить отделы: 1) о царизме, потому что он будет объяснять современность через недавнее прошлое, 2) охотничий, 3) «Вечные спутники» [91].

Устройство дома.

21 сентября. Вчера слушал по радио вечер Блока и очень волновался...

Есть люди, от которых является подозрение в своей ли неправоте, или даже в ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок.

Стихов Блока и вообще этой высшей стихотворной поэзии я не понимаю: эти снежные кружева слишком кружева для меня. Эта поэзия, как стиль аристократических гостиных,— признаю, что прекрасно, и рад бы сам быть в них своим человеком, но ничего не поделаешь, не приучен, ходить не умею.

Блок для меня — это человек, живущий «в духе», редчайшее явление. Мне так же неловко с ним, как с людьми из народа: сектантами, высшими натурами. Это и плюс аристократизм стиха, в общем какая-то мучительная снежная высота, на которой я не бывал, не могу быть, виноватчусь в этом себе и утешаюсь своим долинным бытием без противопоставления.

Но мы встретились с Блоком в отношении к Октябрю. Горным своим глазом он разобрал в нем Интернационал, а я своим долинным путем понимал, что чем меньше жертв, тем лучше. Словом, я не чувствовал «музыки» революции, хотя верил и знал, что она была у немногих, знакомая мне музыка по моей юности [92].

9 октября. Письмо Горького о «гео-оптимизме» подчеркивает одно из моих самых больших волнений в жизни [93]. Это мне дает радость, уверенность и охоту написать «Любовь» [94]. Этот роман будет моей «Песнью песней», после которой все написанное мною оказывается нащупыванием материалов.

Я материалист в том смысле, что жажду создать сам материю в смысле похищения огня для людей, как благо им, как у Прометея, или в наказание, как у Ильи Пророка, я признаю, что где-то есть вне меня такая огненная живая материя и что «я-сам» возникает в момент нахождения

этой материи в себе. Около этой материи в душе бродит большая тоска, и глаза в это время жадно блуждают по окнам и крышам красиво и богато устроенных людей — какая безумная тоска! Какая жажда богатства, могущества, власти, но рука не тянется к чужой материи, невозможно соприкоснуться с чужим. Да, если бы я знал в этот миг, что могу сам создать это, я, быть может, сказал бы с гневом: la propriété est vol *, но я не уверен. И потому красивые дома, уютные квартиры в угловых башнях с необыкновенными цветами на окнах, тонкая женская рука с длинными пальцами, опускающая светлую зелень водорослей в аквариум... и автомобиль, уснувший на улице в ожидании своего господина, да и мало ли чего! Вот рука с длинными пальцами застегивает ночную кофточку на груди, дверь открывается, выходит счастливец, и вдруг оживает автомобиль, бурлит и мчится с хозяином на службу. Все, дома, занавески, аквариумы пробуждаются, испытав ночь всего мира, обыкновенную всему существующему живому и даже мертвому, да, мертвому, потому что и мертвое увлекается и принимает формы живого — все, все, все! Только я один, жаждущий и могущий, может быть, в тысячи раз больше, чем другие, обыкновенные, я не могу нигде найти этого уюта, взять его по наследству, и должен сам его вынести из огня... Я не знаю, могу ли, и за то все это чужое личное упрекает меня: поди-ка сделай сам, а потом и бросай нам: la propriété est vol.

Все бы расплавил и взял, но расплавить нельзя, потому что это годится, есть нечто готовое, и нельзя это взять, потому что не я это сделал, и оно говорит: я служу другому, а ты оборвыш, не прельщаешь меня, поди прочь: детей от Прекрасной Дамы иметь никому не дано [95].

14 октября. Да, вот вспомнилось из ночи об идеях, начиная с идеи Прекрасной Дамы. Идеи, мне кажется, как ложное солнце, немного сдвинуты в сторону от светящегося живого тела, и если метиться в тело, ставя прицел на идею, то снаряд пролетит мимо. Так идея Прекрасной Дамы приводит Дон Кихота даже не к Альдонсе, а к какой-то безобразной девке на осле ⟨...⟩

У самих творцов идей, подобных Прекрасной Даме, эти идеи были как ложное солнце от их настоящего горящего небесного тела: эти идеи были просто отсветом их жизни, принявшим определенную форму. Астрономы говорят нам о давно погасших светилах, блеск которых будто доходит

---

* собственность есть кража *(фр.)*.

к нам еще многие столетия: светила уже давно нет, а нам оно светит, и некотсрые из нас думают — за этой формой скрывается светящее тело, и немногие дерзают даже, принимая форму за настоящее живое тело, приблизиться к нему.

Так создался Дон Кихот. Светило Прекрасной Дамы уже погасло, и Дон Кихот следовал только принципу Дамы, призрачному и несуществующему, как ложное солнце, как долетающая до нас форма давно погасшего тела.

Вот теперь я начинаю понимать, что так разделяло меня с романтиками, почему Блок, Пяст [96], Гиппиус, Карташов [97] и другие казались мне людьми какой-то высшей природы, высшего постижения, высшей учености, чем я, и в то же самое время одной половинкой мне стыдно было за себя и другой половинкой за них: я и уважал их, и тяготился ими, и даже потихоньку смеялся над теми, кто из них был выше других.

Вот почему так. Они были литературно, бумажно романтиками: они, получив какой-нибудь слабый жизненный толчок, целиком ушли в слово-творчество, прислонясь к тому светилу прошлого, от которого у нас теперь осталась только идея, или долетающая до нас форма давно умершего светила. А я, переживая все то же не в словах, а в самой жизни,— да, то же самое в жизни,— ведь я тоже был литератором, не отпускаемый жизнью туда к ним в внешнее словесное творчество, я их должен был считать, как литератор, выше себя, а как вправду живущий и жаждущий плоти, смеялся над их бесплотными восторгами. Так осталась мне «Прекрасная Дама» Блока и других, и все они сами, эти люди, были, как выразился Розанов, «говорящими штанами», но сама жизнь, протекая через меня безыдейно, несла в своем потоке 〈...〉 настоящую живую Прекрасную Даму — я же знал это! Значит, по Разумнику, я был «имманентным». Не смея это извлекать из себя, потому что живому жалко с жизнью расстаться, я смотрел как на корректив декадентских богоискателей на жизнь простейших людей, сектантов, и проверял их верования, влюбляясь вначале, в конце находил, что эти люди, тоже не овладев собственной жизнью, хватались за ложное солнце...

Так воспитал я в себе крайнюю осторожность в форме смирения с подозрением, что Идея эта пуста и значит не больше, чем свет на земле угасшего небесного тела.

Вот я думаю, догадываюсь, что и Розанов, защищаясь от мертвого света угасших светил (лунный свет), избрал себе

быт Авраама как оружие живой жизни против мертвых образов лунного света.

6 ноября. Почему я до сих пор не собрался описать речку Вексу? Мне кажется, потому, что она меня так обрадовала, что это было больше желания писать, я долго не мог просто догадаться, что об этом можно писать. Да, слава богу, есть еще на свете для меня некоторые такие прекрасные вещи, о которых мне и в голову не приходит, что их можно описывать.

5 декабря. Рассказ «Охота за счастьем», несомненно, имеет глубокий успех в обществе, вероятно, тема о «счастье» — теперь общественная тема.

20 декабря. Нет, я не поклонник тех, кто в решительный момент бросает княжну свою в воду, слишком уж сильные люди, а на то и любовь дана, чтобы сильный сгорел в коротком замыкании мирового тока любви: он сгорит, как предохранительная пробка, и тем сохранит жизнь на земле. Любовь, значит, не больше, чем короткое замыкание.

21 декабря. Прочел Бунина «Митина любовь». До неприятности все близкое (елецкое) [98] и так хорошо написано, будто не читаешь, а ликер пьешь. Заключительный выстрел напоминает чеховский рассказ «Володя» и тысячи романов, в которых мерзость сытая противопоставляется чистой любви.

31 декабря. Выпущены в свет «Родники Берендея» [99].

Родился Роман Василич [100].

Написано звено «Кащеевой цепи», «Юность Алпатова» и «Весна света».

Рассказом «Любовь Ярика» завершена работа над созданием охотничьего рассказа [101].

Явление литературных друзей: статьи Смирнова, Замошкина, Дынник [102], М. Горького [103].

Покупка дома.

Это был год исключительно счастливый, проведенный у родников Берендеева царства.

Пожелания на 1927 год.

Желаю, чтобы год обошелся без войны, чтобы заплакать от радости при чтении какой-нибудь новой прекрасной книги.

Специальное пожелание к повести о любви:

1) После написания желаю, чтобы совершилось наконец мое освобождение от «греха», то есть на коромысле с двумя чашами «жизни» и «легенды» чаша легенды уравновесилась с жизнью, и за то я был бы «прощен». Только

возможно ли это? А если это невозможно (как свидание с мертвецами), то пусть же весной этого года, закончив труд, в пении птиц на Дубне (а может быть, на Уссури) я услышу несомненный голос любви и скажу себе: «И я что-то пропел и могу: голос мой не хрипит».

2) А если в этом году будет война, или я смертельно заболею, или какая-нибудь случится страшная беда, то не унизиться бы и перемогнуть.

1927.

2 января. Ко мне приезжали Н. А. Замошкин, А. Б. Руднев и М. Г. Розанов (Огнев) [104]. Говорили и о таланте. Я им говорил, что талант сам по себе, как сила природы, не ценится, и тот писатель, у которого только талант обыкновенно живет короткое время для современников, важно, через какое препятствие пробился талант. Самое главное препятствие для выявления таланта — интеллект со своей логикой и нравственность со своей стыдливостью, целомудрием. Правда, ведь талант, сила природы действует вопреки логике и вопреки морали, и ценность вещи складывается так же, как живая текучая вода подземного родника, только если ей удалось пробиться через камни, между холмами и множество других препятствий — становится рекой, и мы любуемся в реке ведь не так водой, как берегами, так и в литературно-художественном произведении талант автора интересен нам главным образом тем, как он разворотил и в какие сочетания поставил горы человеческого интеллекта и общественных чувств. Спящая голова творит свободно такие вещи, каких наяву никто не создаст, и бред сумасшедших, иногда полный музыки и красок природы, бесконечно талантлив, но не ценится.

12 января. Все, что приходится читать в журналах,— не плохо, романы, повести, но мне лично все это неинтересно, и вообще вся эта беллетристика представляется, пишется для юношества, а не для взрослых.

13 января. Это замечательно, что попытка организации жизни в любви имеет столько памятников во всякого рода искусствах, а дело разрушения совершается бессознательно, нигде нет учебников даже по воровству, по разбою, по лжи. Дело разрушения происходит в ночи, без формы, без лиц, и если потребуется теория, то для этого приспособляется теория любви (главная масса зла именно и проходит под покровом добра). Значит, смерть не имеет лица и только *значится* (знак: конь бледный [105], имя которому смерть,

Мефистофель, Каин — все знаки, но не лица). Значит, это все неудачи, несчастия, перечеркнутые черновики.

Всех труднее жить, конечно, художнику, потому что он вечно трепещет у самой грани жизни и смерти...

16 января. Не верьте писателю, если он пишет историческую повесть, что он в прошлом: он описывает его настоящую жизнь в образах прошлого.

20 января. Как странно сошлось, что ночью видел волшебное путешествие, а утром получил письмо из Питера с предложением приехать и заключить договор на Собрание сочинений. Трудно охватить всю радость, принесенную мне этим письмом. Вчера из-за денег, необходимых для существования, я должен был расставаться со сказкой, которую исказив я, может быть, опустошил бы всю свою душу, сегодня я свободен. Я могу три года жить и писать свободно, и даже я могу совсем не писать! А поездка в Питер, на свою духовную родину, где я не был почти десять лет, и в самое лучшее для Питера время: весной света — это совсем похоже на волшебное путешествие во сне.

24 января. Питер. Грандиозность Невы и кучка рабочих: Ленинград. Лавочки даже все на прежних местах.

26 января. Подписал договор на Собрание сочинений [106].

27 января. Поездка в Царское. Поэзия писательских разговоров. Происхождение «12» [107]. Конец у Форш [108].

30 января. Почти десять лет я оставил Петербург и вернулся в Ленинград: да, действительно Ленинград, потому что Петербург умер — это другой город. Но Петербург был моей писательской родиной, и как только вышел я на Неву, мертвецы окружили меня и подавили все восприятие современности 〈...〉 Тут я познакомился с Блоком и многими другими поэтами и писателями. Блок, красивый, блестящий поэт, окруженный барышнями, поразил меня с первого знакомства серьезностью своего духовного внимания. Он говорил «по духу» и там, где все обыкновенные люди говорили шутя.

[*Сергиев Посад.*]

3 февраля. Послано письмо Горькому [109].

8 февраля. Поэтическое чувство — это излучение чувства жизни в пространство. Поэтическое творение будет здоровым, сильным, прекрасным, если оно является завершением трагедии жизни. И оно будет упадочным и убийственно вредным, если для осуществления его поэт отстраняет от себя простую, общую всем трагедию жизни.

Что я думал при чтении книги «Республика Шкид» [110] ⟨...⟩, что теперь время не законченных в форме творений, а накопления документов жизни.

27 марта. Солнце во всей славе над снегами. Мужики везут корову в санях, потому что по скользкому хрусту ей не пройти: вся корова заиндевелая. От Горького хмурое письмо: роман не ладится, хворает [111].

3 апреля. Она [112] еще говорила мне, что я слишком верю в людей, что в людей нельзя верить. Да, это очень верно, что я держусь верой в людей и что в бога начинают, должно быть, по-настоящему верить, когда теряют последнее зерно веры в человека...

Неверие в людей. Меня всегда пугала эта бездна, когда я подходил к ее краю, и тут я все брал на себя: не люди плохи, а я! И когда я уходил в себя, страдая о себе, что я не такой, как все, что у меня нет чего-то, что все имеют, вдруг при каком-нибудь нечаянном взгляде на мир, какая-нибудь березка, птица, река являлись в необыкновенной красоте, и тогда я, как бы прощенный красотою, я с любовью обращался к людям, я верил им, и они мне помогали.

Я хотел сказать, что с какой-то высокой точки зрения писатель, как человек, имеющий доверие к безликому обществу настолько, что позволяет себе перед ним раскрываться и — мало того! — получать за это деньги — смешон, потому что наивен, и если не имеет наивности, потому что подл. Возможны два отношения к читателю: или читатель друг и роман будет письмом к другу (наплевать на всех), или читатель дурак, которому отвести надо глаза героем.

5 апреля. Сегодня, друг мой, в Москве на Тверской я видел, как два пожилых гражданина встретились и вдруг узнали друг друга, наверно, не встречаясь полвека, один вскрикнул «Сережа!», другой «Миша!» и обнялись.

Я завидовал им: «Вот наговорятся-то!»

Вот и я так думаю иногда о себе: и вдруг мне когда-нибудь встретится друг, и я выскажусь до конца... Такой я не один, и, значит, лирика моя в романе имеет *(1 нрзб.)* значение жажды затерянного человека найти родную душу для встречи.

7 апреля. После 9-ти утра пошел мелкий частый дождь... Скворцы, жаворонки прилетели дня три тому назад, а вчера слышал, просвистел передовой кроншнеп.

Ведомшу по боку: роман не дает ходу. А охота будет и здесь: тяга около Хотькова — дер. Шипилово, глухари около Васильевского.

16 апреля. Позвольте, позвольте, не перебивайте, ради бога, я что-то еще скажу. Вот у нас от кого-то пошли слова о гнилой цивилизации, закате Европы, о спасении себя и мира в природе. Это обратная революция (реакция) таит в себе грех еще пущий, чем первоначальная молодая претензия сил, тут слабость, гниение; силы величатся, опираясь на силы естества. Напрасная иллюзия! Если это взять в основу спасения, то иссякнут все родники жизни, леса вырубят, люди погибнут от болезней. И я думаю, все эти «побеги в природу» означают смирение паче гордости. Надо смириться до того, чтобы взять на себя и силу знания, и силу искусства, и только переключив их движение от разрушительного к созидательному. При этом переключении окажется самое удивительное, что огромная часть людей вовсе не так плоха и все они останутся на своих же местах, кто был в деревне — его не будет тянуть в города, и кто был в городе — он хорош и в городе, все останутся на своих местах и только чувствовать себя будут иначе.

29 апреля. Весна идет! нет сил городить спокойно кропотливым трудом эпические фразы, когда разгорается торжественное утро.

2 мая. Прочел «Ифигению» Гёте [113] с великим восторгом.

3 мая. Теперь, когда просыпаюсь, спешу скорей открыть занавеску и поскорей узнать, что там делается, открываю занавеску на окне, все равно как перевертываю страницу неожиданной новой захватывающей книги.

4 мая.

— Откуда в России люди такие нашлись, ты вот что скажи?

— Во-на, откуда... в русском народе есть все!

7 мая. «Человек» в литературе — это чувство трагического.

15 мая. Весна бывает всегда разная, но одна весна не бывает на другую похожа, и любовь, как весна, у одного человека бывает одна, проходит и такой не повторяется: это жизнь человека. Но из этого не получается так, что нет никому интереса до другого, напротив, потому наш роман бесконечный, что все мы по-разному со всех бесчисленных сторон переживаем одну и ту же любовь. Так одно и то же солнце светит нам при Рамзесе и Ленине, и все-таки каждая весна рождает у человека хоть одно стихотворение о солнце, небывалое в прошлых веках.

Вот отчего и является смелость писать о любви... кажется, если я докопаюсь до своего, совсем до своего, как

было только со мной, то это непременно будет по-новому ⟨...⟩ Если бы в своем настоящем потерял бы я последний даже горький вздох при виде прекрасного или способность забыться во всем от восхищения, встречая вечернюю звезду или весенний цветок, и совершенно равнодушен был к встречам среди людей, то я, мертвый, не узнал бы в прошлом свою минуту любви. Вот почему непременно я должен в своем настоящем, в моем сегодняшнем страстном дне искать свою первую минуту любви и первого проблеска сознания в моем детстве. Моя жизнь, теперь преображенная счетом дней и мерой пути, но это все та же самая жизнь, которая отлична от других жизней и в утробе моей матери.

1 июня. Есть ли на свете другой народ, кроме нас, русских, кто так удивляется, радуется и просто любит,— да, и любит! — жизнь другого, чужого ему народа и при этом совершенно молчит о своем или даже бранит. Я, друг мой, теперь только вполне понимаю, отчего это так: русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей родине. Он восхищается устройством другой страны, представляя себе возможность безграничную для культуры своей натуральной родины, а то почему же, если придется ему от первых восторгов чужим перейти к жизни и задержаться на чужбине, он изнывает в одиночестве, не имея ни вещей, ни слов, чтобы иностранцу выразить неопределенную любовь к своей родине: он с внешней стороны делается иностранцем, а внутри сгорает тоской о родине. И что это за пытка любить существо с закрытым лицом, не иметь возможности любимую не только не показать, а и самому увидеть в настоящем и все свое переносить в далекое будущее, стараясь открыть лицо возлюбленной. А вы думаете, друг мой, эта вся судьба былинного народа не переходит особенной *(1 нрзб.)* повседневным отношением какой-нибудь скромной личности в мысль, в дело, в любовь его к женщине.

24 июня. Творчество — это страсть, умирающая в форме.

3 июля. Часто говорят: «она просто одевается, он просто пишет» и т. д. В искусстве и в быту «простое» означает самое трудное, самое редкое и, чтобы отделить это понятие в этом смысле, первоначальное понятие «простого» называют «примитивным». «Простое» в искусстве означает обыкновенно новое достижение художника в совершенствовании той формы, над которой работали до него другие художники, которая стала привычной и теперь возрождается в новых условиях. Потому эта форма и называется

«простой», что знакома всем, и потому она так особенно трудна, что требует нового совершенствования того, что, казалось, великими мастерами совершенно закончено. Круглые камни, влекомые по дну реки тысячелетиями, представляют нам нечто «простейшее» именно потому, что работа воды над шлифованием камня совершалась из года в год преемственно от весны к весне без катастроф.

Усложнение формы в искусстве бывает от внедрения в творчество личности художника, претерпевающей катастрофу. Бывает, это личное отвечает душевному состоянию многих людей в обществе, и тогда эта усложненная форма является желанной и господствующей, конечно, до тех пор, пока, влекомая дальше потоком творчества, не разобьется на простейшие первоначальные формы, заключенные в сложном, как разные горные породы в конгломерате.

Мы все так часто оглядываемся на творчество природы, как на пример для своего, потому что там личная судьба человека является не больше как «трагедией частного». Оглядываясь на творчество природы, мы успокаиваемся тем, что видим свое в ней как частность, и, значит, круг нашего человеческого размыкается, трагедия частного, разрешаясь в очертаниях всего мира, обещает гармонию: спасение мира.

Этот выход из трагедии частного освобождает такое же огромное чувство жизнерадости, как таяние льда скрытой теплоты весенней порой. Раз испытавшему это чувство хватит на всю жизнь... оптимизм становится возможным при условии личной трагедии.

Вот источник моего оптимизма, и очень возможно, это «простейшее» (как я называю) было в основе «естественных» законов Руссо и потом Льва Толстого.

31 июля. Есть рассказы, которые создаются в плане возможного, и талант художника так делает, что возможное больше принимается за действительное, как если бы оно происходило на самом деле. Но есть и такие события в жизни, которые никак не выдумаешь, они кажутся невозможными, но были, и дело художника в этом случае найти способ так рассказать, чтобы в это поверили: так не бывает, но вот все-таки один раз было. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, на этом уменье передавать гениальность творчества самой жизни в ходе ее по особенным случаям основано все мое искусство и собственное мое мнение о себе как об исследователе и летописце жизни и устремление мое к природе и массам. Понятен делается и мой беспокойный пробег в поисках особенного и то доверие к жизни, вследствие которого ⟨...⟩ люди сочувственно относятся к моим

писаниям. Мне помнится, в начале моих литературных занятий, когда Ремизов брал материалы у Рязановского [114] для своей повести «Неуемный бубен» [115] и мы поздно ночью шли с ним домой, он сказал мне что-то вроде этого: «Вы говорите о жизни, но ведь там нет ничего, все мы делаем». Помню, каким ужасом повеяло мне от этих слов, и как смутно стало на душе, и даже злобно к кому-то. (Я думаю, что злоба была к самому Ремизову, который брал материал у Рязановского и это считал ни за что.)

29 сентября. Разбирал дневники: много толстых тетрадей. Наряду с глупостями и невозможной откровенностью иногда есть ценные записи, а кроме того, по ним возможно восстановить фактическую жизнь лет за 17. Если я погибну от несчастного случая, то дневники должны быть уничтожены и вместе с тем погибнет ценное. Вот почему при первой возможности надо выписать все ценное из них. Вот, например, что:

— Значит, есть в пустоте воздух, в тоске радость, в мечте воля к преображению жизни!

10 октября. Предполагаю сегодня ехать в Москву для переговоров с Полонским [116] о работе в «Новом мире».

16 октября. Мелькнул в памяти один поэт, который, понимая всю природу Кащеевой цепи, сознательно принял все меры, чтобы не допустить своего плена, и как раз он-то и попал в плен более тяжелый, чем все. Из этого я вижу, что освобождаются от цепей в простоте. Ошибка поэта была в том, что он свои действительно драгоценные стихи понял не как дар жизни, а свою собственную жизнь заменил этими стихами: так он забил свой священный родник. В конце концов его погубило «положение» поэта.

Но с другой-то стороны, как же быть? Если творчество есть сила освобождения от цепей, то это же самое творчество может и сковать цепь: как сохранить силу творчества до решимости схватиться с самой смертью? Раздумывая об этом, приходишь к мысли, что сила творчества сохраняется теми же самыми запасами, какими сохраняется на земле вечное детство жизни во всех ее видах... И тут опять простота: иной, сознательно облегчив бремя жизни сокращением детей — погибает, другой, размножаясь безгранично, счастлив в своем муравейнике.

Весь секрет в обеспечении себе такой простоты: такой нивы, которую сладко пахать и другой этому не завидует: у него под ногой тоже нива, в руке такая же соха, такие же веревочки к лошади, все то же, да вот я иду бороздой и песню пою, а он идет и ругается.

21 октября. Вспоминаю разные случаи, и мне сейчас так представляется — не знаю только, верно ли скажется,— я думаю, что если кто говорит «люблю», это значит он как бы желает взять себе средства для жизни на вексель. Правда, ведь это «люблю» еще совсем не значит «люблю» по-настоящему, а только хочу жить. Часто вдруг оказывается, что он не любил, а обманывался, а она думает: он ее обманул. Вот если после всего, когда все давно кончилось и человек один сам себе скажет: «я любил» — это значит вправду любил. Часто ничтожная проходящая ссора закрывает облаком любовь, и самому себе через это вовсе уже не видно, в любви проходит жизнь или нет.

Только в утрате показывается любовь, как все равно жизнь, самая простая жизнь становится невыразимо прекрасной мечтой, если человека лишат свободы; да какая там жизнь: совершенно умирающему от голода в кусочке черного хлеба постигается счастье.

Так, мой друг, смешно говорить нам с вами о счастье и любви после стольких невзгод и унижений. Оставим юности писать на своих векселях недостижимые идеалы, нам векселя не нужны: мы с вами отчетливо знаем, что жизнь дорога, надо просто жить, а когда проживем, то скажем: я жил, значит, любил.

24—25 октября. Мысль изреченная только тогда не ложь [117], если она изрекается в лично сотворенной форме.

Претензия на учительство — это склероз всякого искусства. Учительство является как нечто внешнее, сравнительно с искусством, и в этом его соблазн, влекущий падение художника.

Вот что я думаю об этом: торопливость, стремление высказать всего себя за свою жизнь является от неверия в свою будущую жизнь, то есть что другой непременно придет, и если ты не докончил свою мысль, то он докончит и твоя же жизнь будет в другом, и все тебе дорогое объявится и через тебя же самого в другом. Этого чувства обыкновенно не хватает людям, и, держась за свою индивидуальность, как за свой дом, который непременно будет разрушен, они выходят из себя, из своей меры: вот источник претензии на учительство у художников. Сказ — не указ.

Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества нельзя сказать «всего». Вот в этом и есть ошибка, потому что «всего» сказать невозможно никакими средствами, и если

бы кто-нибудь сумел сказать «все», то жизнь человека на земле бы окончилась.

Поэтому пределом моего дарования я считаю свой художественный кругозор, то есть способность заключать жизнь в свойственные моему дарованию формы. Я могу создать *вечную* форму своего личного бытия в том смысле, что эта форма будет необходимым звеном той цепи, которая соединяет всякое настоящее прошлого со всяким настоящим будущего и называется культурой. Никакой другой вечности творческого создания быть не может, и последнего слова сказать никому не дано. Стремление сказать последнее слово вне своего дарования (Гоголь, Толстой и другие) есть результат распада творческой личности.

Правильный жизненный путь человека на земле — это который короче всех к творчеству будущей жизни, и в самом творчестве который сохраняет творческую личность деятельной до физического конца.

16 ноября. Тихо падающие белые снежинки, это бесшумное движение белых мыслей вдоль неподвижного — какое собранное сюда блаженство! Я думаю о жизни, затраченной на борьбу с наследием своей природы, и так приходит в голову: что же, если затрата труда как раз и будет только покрывать силу греха, что же остается человеку — грех и труд? стоит ли жить? Но нет, так устроена природа человека, как у охотника: проходят дни в подстерегании, а приходит минута и отвечает за все. Дело в том, что жизнь не конторская книга и построена не на расчете, а на милости.

7 декабря. Искусство непременно требует дома; даже на ходу где-нибудь в лесу, чтобы сделать рисунок в альбоме или занести карандашом в записную книжку для памяти свое восприятие, надо присесть, и этот момент остановки, этот пень, на котором сидел,— уже есть дом искусства. А если вспомнить, каким терпеливым, чисто женским трудом достается это шитье буквами на бумаге! Рукописи Пушкина и Толстого всякому непосредственному человеку прежде всего говорят то же самое, что нам старинное шитье бисером, мы удивляемся и говорим: какое адское терпенье! Есть, несомненно, женское восприимчивое и терпеливое начало в природе художника ⟨...⟩

Я отдал свою молодость смутным скитаниям по человеческим поручениям и только в тридцатилетнем возрасте стал писать и тем устраивать свой внутренний дом. Я не был никогда тем маленьким эстетом, которые посвящают себя взамен жизни культу художественных идолов. Случи-

лось по целому ряду причин в моей личной жизни, что я вынужден был заняться писательством взамен гражданской деятельности, и сложилось решение не выходить из своего дома. Мне всегда представлялось, что если там, в Прометеевой борьбе, все идет правильно, то в своем доме, в своем деле рано или поздно совершу Прометеево дело. Я не был декадентом-эстетом, но презирал народническую беллетристику, в которой искусство и гражданственность смешивались механически. И потому я искал сближения с теми, кого вначале называли декадентами, потом модернистами и, наконец, символистами. Можно разными глазами смотреть на эту чрезвычайно цветистую эпоху нашего литературного искусства, но никто не будет спорить со мной, что эта эпоха была школой литературы, и требования к нашему ремеслу чрезвычайно повысились в это время. Но не так просто, как многие думают, совершилось это культурное завоевание отделения литературы от гражданства 〈...〉 Конец диктатуры гражданской в художественной литературе не значил утрату родственного поручения, которое, по-моему, непременно должен чувствовать всякий крупный художник. Никто из крупных писателей и поэтов того времени, однако, не определил себя как эстет, каждый из них, я знаю, писал в соотношении с тем, что происходило внутри вулкана, который представляла тогда народная жизнь. Мне кажется, более всех других, тоже очень чутких к жизни поэтов, отразил и в своем творчестве и в своей личности трагическую эпоху русского искусства Александр Блок.

Взять даже внешнюю жизнь поэта — рабочий, крестьянин, земский интеллигент — все бывали у Блока, и кто бывал, будет до гроба хранить очарование равенства всех в общении с этим прекрасным душой и телом человеком. И не один Блок, а все писали и озарялись в сторону революции.

Я познакомился с Горьким в Финляндии, куда он приехал со своего Итальянского острова [118]. Мы с ним уже переписывались в то время по поводу издания моих сочинений в «Знании». Он очарованный и восторженный, такой восторженный, что я еще таких и не видал. Я заметил во время беседы с Горьким, что занятия литературой были для него выходом, он крепко за это держался, как голодающий за хлеб. Да, вот во время голода все узнали, что значит хлеб в действительности. Так и Горькому его дело было, как голодному хлеб. Во время нашей прогулки на дорожке лежала хвоя, покрытая изморозью. Он подымал эту хвою

и говорил: «Чу-дес-ные!» Я тоже обладаю этим плотоядным чувством земли и после стеклянного неба, языческих, христианских и штейнеровских кружков Петербурга, где ничего, ничего этого не понимали! мне было очень хорошо от Горького... как-то чисто, будто с помором или с охотником был. Вот это вольное, родное и... не буду греха таить, русское держит нас с Горьким до сих пор довольно близко друг к другу. Из его писаний мне больше всего нравится его «Детство», «Отшельник», а в «Университетах» [119] гениально изображенный философский сумбур в голове, который и я в свое время почти так переносил.

31 декабря. Я пишу о том, что было со мной самим в действительном мире, и только иногда прибавляю, но все-таки, чтобы оно не выходило за пределы возможного. Так у меня получаются тоже поэтические произведения, словом, я верю, что поэт рождается в действительной жизни, и если он вправду поэт, то все родственное ему в этом мире должно расположиться поэтически.

На этом простом пути есть только одна опасность, это претензия сделать больше себя самого при помощи интеллекта. Моя работа главным образом и была в борьбе с претензией. К сожалению, я-то не прост, и бороться мне приходилось очень много, а потому многого сделать я не мог, так, кое-что выходило.

Горький с необычайной радостью встречал все мои сочинения и писал мне о них восторженные письма. Мне говорят, что Горький иногда пишет восторженные письма и совершенно бездарным писателям. Но думаю, что это не совсем правда, совершенно бездарных писателей немного, в каждом есть жемчужное зерно, зарытое в куче навоза. Горький пишет по поводу этого зерна в родственной связи. Во всяком случае, десятки писем на протяжении *(1 нрзб.)* двух десятков лет таких восторженных, что я не имею возможности их опубликовать, свидетельствуют, несомненно, о наличии в моей навозной куче какого-то зерна, родственного Горькому. Спрашиваю себя, какое же это зерно? Истоки нашего человеческого родства, как я понимаю, теряются где-то далеко в нашей природе как жизнеощущение, которому я в своих произведениях подчиняю человека: то большое, а человек маленький и делается большим только в свете великого, стоящего под ним всеобщего родства.

Я себе представляю человека-победителя не в счастье его, а в торжестве его мысли и чувства прекрасного: певец у гильотины поет, ученый у костра утверждает — вот

победители. Я таких люблю, таким преклоняюсь, но не тем, которые сами себе удивляются, хотя бы это был абстрактный человек, не существующий в действительности.

Сейчас я говорю сам себе: «Никогда не гордись тем, что ты не искал славы, выкинь это из головы, изживи это, потому что это обычное явление у неудачников — губительная холодная гордость своей чистотой. За славой гоняется только маленький человек, к крупному слава сама приходит мимо его воли, и слава — это не радость, а особая форма креста, бывает четырехконечный, бывает восьмиконечный, а слава это крест бесконечный».

Встреча Нового года.

За год мною написано:

1) Звенья: Весна света, Зеленая дверь, Юный Фауст [120].

2) Несколько детских рассказов, из которых нравится мне «Луговка» [121].

3) Охотничьи рассказы, из них лучший «Нерль» [122].

4) Собраны большие материалы по большой охоте и начата их обработка.

1928.

4 января. Новый год мой начался хворью. Роман мой трещит по всем швам.

16 января. Считаю смешным сочинять, то есть описывать воображаемую жизнь, если иметь у себя материалы жизни действительной.

25 января. Сверхъестественная сила несомненно существует, это сила нашей человеческой личности: она сверхъестественна в своем творчестве, она создает такое, чего не бывало в природе: это не радио, это не аэроплан — все это есть, в природе есть...

6 февраля. Пишу звено «Любовь по воздуху». Начинаю думать, что ехать никуда не надо, пока не кончу.

12 февраля. Григорьев [123] предостерегал меня: «Победителей в жизни нет». Я отвечал: «Прометей лично не победитель, но раз люди получили огонь, то он достиг и в этом победил. Победа есть достижение и остановка *(2 нрзб.)*, но личность движется, и потому то, что казалось сегодня победой, завтра в отношении личности поражение, но людям остается огонь».

Я назову победой момент творческой высоты, когда субъективно я и мир — одно, а объективно остается свидетельством этому созданная новая форма.

Итак, отчетливей: друг мой, сижу я у костра, ожидая зари на глухарином току, и думаю о победе, как вы мне говорили: бойтесь упования победой. Я думаю: «Вот огонь, могу ли я праздновать победу, если творец его, Прометей, висит прибитый гвоздями к скале?» Нет, я не могу, если крепко задуматься, но огонь меня греет, и мне хорошо, как же мне не радоваться и не славить победу, если я вижу такое добро, и, угретый, сам начинаю творить.

Мало-помалу к моему костру собираются дровосеки и, согретые, начинают смеяться и мне рассказывать; каждый из них, я знаю, бьется за кусок черного хлеба и ценит не только огонь Прометея, но даже мой маленький костер. Пусть висит на скале Прометей ⟨...⟩ пусть нет победителей, но победа... ее только тот не поймет, кто не страдал.

20 февраля. Достоевский и Гоголь — писатели с воображением; Пушкин, Толстой, Тургенев исходили от натуры. Я пишу исключительно о своем опыте, у меня нет никакого воображения.

22 февраля. Вчера прочел «Современники» Форш с большой радостью, казалось, будто продолжаю беседу в Питере с этой веселой в печали женщиной. Интересная книга. Да, я считаю, книга должна быть непременно интересной, это главное качество книги — быть интересной в том смысле, чтобы автор сдерживал печаль про себя (подвиг) и, обращенный к читателю, увлекал (жил). Один из основных признаков жизненности книги, если после чтения читателю кажется, что это про него писано. Так я взял из книги «миражи» (Иванова, Гоголя) и долго думал о своих миражах[124].

Да, как ни вертись, а искусство, должно быть, всегда паразитирует на развалинах личной жизни. Но в этом и есть особенность подвига художника, что он побеждает личное несчастье. Весь «мираж» искусства, может быть, и состоит именно в этой славе победителя личного горя. Однако эта «слава» имеет такой же органический рост, как и жизнь, и непременно подводит художника к новому горю, которое для победы себя требует подвига иного качества. «Новое горе» состоит, по-моему, в том, что художник, мастерством своим постепенно уплотняя жизнь своего духа до физического его ощущения, начинает забывать только лично-духовное (ограниченное) происхождение своего подвига, начинает забывать свой срам в первоначальном жизненном пути, свой грех считает слишком рано искупленным и объявляет свое право святого вступления в органическую жизнь уже мимо своего художества (Гоголь, Толстой — типично, а частью — все).

20 марта. Вчера окончил «Кащееву цепь» и сегодня увидел грачей — какое удивительное совпадение.

Ездил в Москву сдавать «Цепь». С половины 10-го до 1 ч. дня вел разговор с Замошкиным.

23 марта. Закончена в отделку «Кащеева цепь». Роман был начат в 1922 году, значит, писался 6 лет. В основу второй части, где изображается любовь, положено личное переживание в 1902 году. Единственное сохранившееся письмо моей невесты с отказом мне во все время писания лежало под руками и давало мне силу писать [125]. По возвращении из Питера, когда откроется земля, я похороню его в землю, и это место будет могилой моей любви. Я твердо верю, что этот роман будет жить взамен нашего ребенка.

26 марта. Кончилась алмазная весна света, плачет серыми слезами весна. Сухие глаза у меня, слезы мои выливаются внутрь, и никто их не может увидеть.

[*Ленинград.*]

27 марта. Солнечный день. В ГИЗе никого не застал. В Царском тоже. На Невском много молодых людей, толпа серая.

Эта поездка будет означать одумку перед новой работой [126].

28 марта. Мое утро — только до восхода солнца, как только солнце взошло — это день.

И моя весна только до первых цветов, как только цветы показались — наступило летнее время. Но и осень моя от первых желтых листьев на березе и до первого снега — длинная осень. Зима моя короче — от первого снега и до первой капели.

3 апреля. Не удивит ли тебя моя мысль, что «любовь», о которой так много все говорят, не стоит того, чтобы из-за нее страдать. Нет! Я не вижу для себя никакого соблазна в такой любви, мне тех жаль *(1 нрзб.)* и не хочу даже быть молодым. Я хотел бы так полюбить, что[бы] не мною любовь владела, эта слепая сила, а я сам бы стал ее хозяином: этого мне очень хочется, я даже не могу представить себе жизнь без надежды на такую любовь.

В такой слепой любви одни, отдаваясь, теряются в мутном потоке, другие в испуге бегут от «грешной» женщины к идеалу святой мадонны. Мне бы хотелось иметь такую любовь, в которой идеальная была святая брачная ночь, восторг участия в творчестве жизни...

Знаю, что осуществление такого идеала может быть не к лицу мне и даже недостижимо. Но что из этого? Я говорю

только о свете моих отношений к женщине. Мне понятней, правдивей, честней и даже святей моя дружба с женщиной, если я не скрываю от себя, что она держится силой моего идеала брачной ночи с ней...

16 апреля. Слова в любви бывают самые простые и о простых вещах... Но если начинаются слова изнутри, огненные, страстные, то это идет за счет любви, и получается та самая песнь песней, которую мы слышим с незапамятных времен. Смысл этой песни песней — призыв к священной брачной ночи жизни...

Но никогда своя песня не может служить себе самому в своей собственной любви, в деле достижения своей возлюбленной: эта песня направлена в мир, к другим, но никак не внутрь к себе, и поэт только смешон, если направляет стихи свои собственной возлюбленной.

[*Сергиев Посад.*]

10 мая. Ночью проливной дождь. Утро солнечное. Сильный ветер. Новые тучи заходят. Мне снилось этой ночью, будто жизнь человека превращается в звук, который остается вместо жизни и не для одной только нашей планеты.

16 июля. Сегодня я думал о своем серьезном занятии тем, что для всех служит забавой, отдыхом, потехой. Останусь ли я для потомства обычным русским чудаком, каким-то веселым отшельником, или это до смешного малое дело выведет мысль мою на широкий путь и я останусь пионером-предтечей нового пути постижения «мира в себе». Что, если вдруг окажется, что накопленные материалы знания столь велики, что их охватить никакому уму невозможно, что в этих накопленных полу-богатствах полу-ума заключается главная причина нашей современной растерянности, разброда и что людям от всего этого аналитического опыта надо отойти для простейших синтетических исследований, что на этом пути и надо ожидать гениального человека, который охватит этот весь аналитический опыт человечества...

17 июля. Толстовское творчество так близко к органическому целостному процессу творчества жизни, что его произведения кажутся нам почти как сама жизнь. В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека, рабочего и крестьянина. Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его близость к самой жизни и через это обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу.

28 июля. «Положа руку на сердце» говорю, что никогда не осмеливался думать о беллетристике, как о пошлости, хотя все крупные русские писатели, начиная с Пушкина, занимаясь писанием романов, высказывались о романах, как о пошлости.

Некто А. К. Г-й [127] привел мне множество примеров глумления над романами русских романистов. По его словам, это объясняется тем, что европейское искусство с давних времен заняло иллюзорную позицию к жизни, и читатель всерьез говорит о словесном искусстве, только как об «отдыхе»: обманулся на несколько часов и то хорошо. Таким образом, в наших русских условиях, где литературный обман не нашел еще вполне крупных фабрикантов и прочного сбыта, не является в голом виде, а по-детски наивно тащит за собой из недр земли-жизни корневище правды, истины, справедливости, красоты. Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пашут по бумаге, пробивая ее, вывертывая на белое черную землю. Вот почему легкое писание, беллетристика русскому кажется пошлостью, и русский писатель кончает свой путь непременно той или другой формой учительства и объявляет дело всей своей прошлой жизни «художественной болтовней». И если иные и не кончают учительством, а остаются художниками до конца, то это художество не совсем свободно, в нем какой-то безумный загад смотреть и радоваться солнышку, когда голова будет отрублена. Не знаю, кого бы назвать из таких писателей? Вероятно, если ничего не переменится, я сам буду такой...

16 августа. Закончил чтение книги Авдотьи Панаевой, на редкость замечательная книга [128]. Мне захотелось написать свою книгу, в которой тоже пройдет целая литературная эпоха, но чтобы это было не воспоминание, а роман (3-я книга «Кащеевой цепи») [129].

Моя книга возьмет эпоху богоискательства и будет иметь содержанием психологию творческого процесса.

25 августа. Творчество — это, во-первых, личный процесс, чисто «духовный», это процесс материализации духа-личности.

Я увлекаюсь теперь синтезом искусства и науки в деле познания жизни: наука строит берега для искусства... но... я иногда думаю, что это является во мне за счет наивных остатков религии (детства), которые охраняю я с необычайной последовательностью и жестокостью к другим

сторонам жизни (да есть ли они?). Правда, все говорят и вздыхают о своем детстве, и никто не хочет истратить силы своего характера на достижение этого лучшего. Сильные люди, вздохнув, отбрасывают свое детство и со злобой обращаются к «делу», исполнив которое, истратив себя на него, они думают в будущем открыть людям ворота к счастью. Люди слабые, хорошие, сами «впадают в детство».

Нам нужно овладеть творчеством науки и искусства для творчества жизни.

У Мережковского была речь о творчестве бога (теургия), но я не слыхал там о творчестве жизни. (Алпатов:[130] — Друг мой, я хочу вам сказать в этот раз свою заветную мысль о творчестве жизни: что идеалы наши рождаются по тем же самым законам, как рождаются шипящие, прыгающие шарики, когда брызнешь водой на раскаленное докрасна железо — как эти прыгающие шарики, рождаются из крови живые мальчики и девочки, и так же рождаются из нашей собственной крови, нашего огня, нашей воды и железа и наши идеалы. В час раздумья вскройте, чего вы хотели вчера, намереваетесь делать это завтра, вы увидите непременно в тайнике ваших дел смешной идеал, верьте мне: все идеалы наши, в которых все наше лучшее, наивны, как дети. Всмотритесь в них: это дети любви, такой же, как физическая, но только бесконечно более сложной... Среди этих детей царит такая же смертность, но некоторые в сравнении с физическими детьми имеют такую продолжительную жизнь, что кажутся нам даже бессмертными, вечными. Всякий идеал, с другой стороны, есть наше же на долгие сроки закрепленное детство.)

Ребенком входишь в атмосферу своего идеала и отдаешь ему на охрану свое детство и так живешь до старости, возвращаясь в идеале к своему детству. Но я уже говорил вам, что идеалы смертны, случается в короткий срок нашей жизни быть свидетелем смерти идеала, вскормившего в течение нескольких сот лет тысячи тысяч детей. Так во время моей жизни умер идеал Северного полюса: он был открыт. Сколько великих характеров сложилось по этому идеалу! и какими ничтожными существами оказались люди, поехавшие туда на дирижабле без идеала, когда полюс был уже открыт. Смертью идеала на севере было его достижение...

И вот я освобождаюсь от власти идеалов и делаюсь сам творцом своего идеала. Мне кажется, я-то не сделаю ошиб-

ки, я-то учту все причины смерти моих идеалов, создам непорочный, бессмертный.

28 августа. На странице 86 «Искусство видеть мир» Воронского говорится, что религия убила художников в Толстом, в Гоголе...[131] Я сам думал раньше приблизительно так же легко, но теперь думаю, что не художника убивает религия, а то надменное самолюбивое гордое существо, которое вырастает в человеке, питаясь его общественной славой художника. Художник остается, но ему невозможно бывает творить в искусстве такого, раньше незамечаемого «черта», и сила его устремляется не на творчество «художественной болтовни», а на борьбу с чертом.

Если бы художник начинал свое дело в согласии с богом и постоянно озирался на свое поведение в жизни, то и создавал бы без встречи с чертом, как создавали эллины свои статуи богов и христиане свою литургию в картинах.

2 сентября. Такое было прохладно-росистое настоящее крепкое охотничье утро, но я вышел, безрадостно походил возле деревни и пасмурный вернулся назад. Так иногда бывает с охотничьей собакой, даешь самую любимую пищу, и не ест...

Верней всего после вчерашней ужасно утомительной охоты я переутомился писанием на ночь, нет ничего хуже, когда на мускульное утомление ляжет умственное.

Только к самому вечеру жизнь стала мало-помалу возвращаться ко мне, я обратил внимание на большую вечернюю зарю, и очень мне захотелось подобрать какую-нибудь мелодию на своем рожке. Он сделан из волчьего дерева, тростника и коровьего рога, простейший инструмент. На волчьей палочке просверлено пять дырочек без всякой мысли о гамме. Но, конечно, дырочки расположены не зря, верней всего, они сделаны так, чтобы удобней было играть коровам мелодии. Люблю я эти мелодии больше всякой музыки. Многое множество людей надо перебрать, чтобы найти такого, кто променял бы концерты Бетховена на мелодию пастушьего рожка в лесу на утренней росе. Но я готов отвечать чем угодно, что сегодняшнего пастуха до солнышка пришел бы послушать сам Бетховен, он сказал бы:

— Это лучше, это больше меня!

Я сегодня на вечерней заре взял рожок, и вдруг тайная прелесть этой музыки для меня открылась, простейшая грустная мелодия с последующей вариацией, изображающей веселье и радость коровьего шага — вот и все искусст-

во. Тут все в простоте, чтобы деревня была, коровы, лес, солнце и звук выходил из коровьего рога, волчьего дерева и тростника. У открытого моего окна собрались ребята, женщины, я спросил одну:

— Милая, как будто у меня выходит не хуже, чем у пастуха?

Она мне серьезно и убежденно ответила:

— Лучше!

Я осмелел и, когда погорела заря, вышел на крыльцо и стал играть. Показался на дороге целый воз чужих мужиков, ехали свесив ноги, покуривая. Я был уверен, что они сейчас будут хохотать надо мной, издеваться. Но, к моему удивлению, они остановили лошадь и слушали серьезно меня, лысого, с седеющей бородой, играющего на свирели из волчьего дерева и коровьего рога. Я удивился, потому что забыл, что за два месяца лесной жизни вид мой приходился уже к рожку...

Окончив мелодию, я быстро повернул и вошел в дом. Окно оставалось открытым. Я слышал, чужие мужики говорили между собой, один спросил:

— Чей это дом?

Другой ответил:

— Софронова Николая Василича.

— Николая Василича! — подивился первый мужик.— Так оно и есть. Николаю Василичу есть чем пастуха угостить: каши наелся и заиграл.

Первый мужик на это заметил:

— А хоть бы и не у Николая Василича, последний мужик по череду пастуха накормит, сам не поест, а пастуху все отдаст. Вот он и свистит, нет, брат, на пустое брюхо не заиграешь.

Из этого разговора я понял, что жизнь пастуха не плохая, и в крайнем случае можно поступить в пастухи.

5 сентября. Думал о правде художественного творчества у Льва Толстого.

Правду я понимаю как уверенность в том, что в наших человеческих отношениях возможно установить наше желанное, наше лучшее. Бывает правда, которая «глаза колет», бывает, напротив, правда — награда человеку, отличающая его перед теми, кому правда колка.

В художественной литературе в огромном большинстве случаев воплощение правды считается необязательным, напротив, желанный мир — это недостижимый идеал и возможный лишь в вымысле, осуществление этого мира в человеческих отношениях возможно лишь чудом. Поэтому

считается крайне наивным и вульгарным вопрос к писателю: «Было ли это так, о ком вы написали». Роман — это иллюзия.

Произведения Толстого стремятся к правде. Каждая строчка Толстого выражает уверенность, что правда живет среди нас и может быть художественно найдена, как исследователем, например, железная руда.

Актеры действуют на сцене, и в передних рядах люди сидят спокойно, потому что знают: это театр, а не действительность. А на галерке иногда волнуются, там наивные люди принимают это за жизнь. Может быть, люди на галерке более правы: почему, правда, «представления» тоже не жизнь?

У Толстого отношение к своему искусству такое, как на галерке: он верит и нас заражает своей верой: это жизнь, это так бывает, так было.

Толстой наивный реалист, сила его в том, что он удивляется воспринимаемому миру, как ребенок, как «дикарь», о которых говорят наши путешественники, но которых, вероятно, уже не осталось на земле. Современный дикарь, оставаясь дикарем в образе своей жизни, лишился удивления, как набалованное игрушками дитя. Я видел наших крестьян, когда начали летать аэропланы, никакого впечатления: «ученые все могут выдумать»...

6 сентября. Давайте, друг мой, думать о пережитом, чтобы оставить потомству картину жизни наших современников.

7 сентября. Бывают дни, когда солнце светит трагически: кажется, вот, вот что-то случится, и лучше не надо ходить далеко.

Все было в этот день: ясно и хмарь, гроза, буря, дождь.

Творчество — это реализация запросов бытия и сознания.

Всякий большой писатель в России делается мало-помалу «властелином сознания», таким образом, его деятельность, исходя из игры (как всякое творчество *(3 нрзб.)*, перемещает его в класс монополистов сознания. Стремление поэтов 900-х годов было вернуть творчество бытию — вот истоки этого второго хождения в народ).

Образы нашего художественного сознания имеют в бытии свои первообразы, то есть живые существа. И Платон Каратаев (как у меня был Гусёк) [132]. Но Платон Карата-

ев живой не имел влияния на людей, он стал влиять, когда был сопоставлен у Толстого как положительное начало жизни с отрицательным, присущим самому Толстому, гордым властелином сознания. Итак: Платон Каратаев — это воплощение желанного — человеком, погибающим от бремени власти сознания. Все видно и по себе: сейчас на одной стороне у меня роман (я боюсь в нем накопления своей власти), на другой — детские рассказы (Каратаев).

8 сентября. Пропотеешь на охоте и высохнешь, дождик пойдет, вымоет, опять пропотеешь, и так густо, что вот, кажется, через рубашку трава проросла, и на траве своей паутина легла, и в строгое холодное утро паутина покрылась мельчайшими каплями росы и засверкала. Тогда все книжное, начитанное, надуманное исчезает, и если приходит в голову мысль — верь ей! это своя мысль, проросшая из своей головы, как мох из пенька...

17 сентября. Есть два рода иллюзорных представлений, которые мы обретаем себе при наблюдении природы. Одни представления «поэтического» происхождения являются нам вследствие нашего родства с природой. Взять, например, дом человека и гнездо птицы: так это близко, так хочется одно сделать образом другого. Крестьяне, моряки, звероловы, по моим наблюдениям, наблюдают природу исключительно через себя. Народные песни, причитания, сказ дают нам громадное полотно такой очеловеченной природы.

За десятки тысяч лет, созерцая луну, таким образом мы создали из нее для себя иллюзию, без которой трудно себе представить какой-нибудь человеческий быт. Луна поэтическая и луна астрономическая между собой ничего не имеют общего.

Другого рода иллюзорность имеет происхождение научное 〈...〉

Пример иллюзорности научного характера, свойственной, впрочем, и любознательным детям: игрушечная уточка крякает, ребенок ломает игрушку и узнает, что уточка крякает от пружинки; ребенок узнает причину, но для него исчезла реальность игрушки, которая состоит в возбуждаемом ею веселье. Известно, что склонность к такого рода иллюзорности подала Диккенсу повод создать бессмертные его записки «Пиквикского клуба» [133]. Поэтическая иллюзорность, исходящая из чувства родства с природой, конечно, более раннего происхождения, чем научная утеха причинами. В борьбе с этой иллюзорностью до сих пор наука казалась нам мишенью Давида, мечущим в Голиафа

суеверий камешки [134]. Вот почему мы мало замечаем иллюзорность представлений, создаваемых наукой. Однако последствия такого рода иллюзорности мало-помалу начинают давать о себе знать. Взять, например, живую природу. Возьмите любую птицу, скажем, журавля. Тысячи ученых передержали в руках все его косточки, и препарировали все его мускулы, и сосчитали все его перья. Но самая жизнь журавля неизвестна почти совершенно 〈...〉 Простейшие явления в живой природе, с которыми на каждом шагу встречаются запросы человеческого сердца, и усилия ума, присущие человеку, не находят ответа. В настоящее время мы переживаем эпоху победы мальчика Давида над Голиафом: поэзия природы, порожденная чувством родства с ней, уступила место механизации ее... Так одна иллюзорность заменяет другую.

Но можно заметить и признаки грядущей эпохи реализма, то есть синтеза наших творческих способностей, чувств, разума и воли в деле преобразования мира. Изредка появляются как поэтические, так и научные произведения, которые вдруг сбивают людей с их пути. Все такие творения имеют одну общую черту схождения поэтической мысли с научной посредством чего-то лежащего в нас глубже того и другого. Такого рода творчество похоже на реку, берега которой снижены волей разума, а самое движение воды (первопричины) предоставлены сердцу.

Надо признать, что творчество природы определяет творчество человека: новый мир является актом воскрешения старого посредством мертвой воды — науки (анализа) и живой воды — искусства (синтеза).

21 сентября. Друг мой, верьте мне, что не из тщеславия и не от избытка сознания стал я летописцем. Именно потому я и стал летописцем, а не погиб в творческом действии, что не было у меня в то время ясного сознания для действия. Мне нужно было пережить, продолжиться, подрасти, как дерево, чтобы в новых условиях начать понемногу догадываться о значении минувшего, скажу яснее: в настоящем из прошлого догадываться о будущем.

24 сентября. Процесс душевный при переходе ритма из природы в личность, это и есть «рождение человека» (сознания) — болезненно. Это и есть явление смысла.

Не бессмысленно наше существование, потому что есть закон смены времен, поколения, только... где ритм, там и смысл.

26 сентября. Творчество — это воля к ритмическому преображению Хаоса.

Есть люди такие хорошие, что все вопросы любви и брака, отношений индивидуальности к обществу лично их совершенно минуют, исчезая в их умном и добром управлении самими собой. Они проходят в жизни мало заметно, как не слышно нам тиканье маятника и бой часов: надо нарочно прислушиваться. Есть, несомненно, значительное число таких достойных ритмических жизней, влияние которых в многомиллионных массах простого безымянного народа столь же велико, как собрание культурных ценностей, сотворенных человеческими личностями в высшем так называемом интеллигентном обществе. Если бы не было такого ритма в безымянной жизни, соответствующего ритму, заключенному в культурных ценностях, то каким бы образом иногда люди высокой культуры и простейшие, даже неграмотные труженики понимали и уважали друг друга?

28 сентября. Звездная ночь была ни теплая, ни холодная, но мы вперед знали, что при восходе солнца будет сильный мороз.

Мы вышли ровно в 3 часа утра в Серково выслушать осенний ток глухарей.

4 октября. В тот момент, когда на фоне давно знакомого мне волнения вырисовывается какая-то форма, которую могу я записать, и я беру бумагу,— это «я», от которого я обыкновенно пишу, по правде говоря, уже «я» сотворенное, это — «мы». Мне не совестно этого «я»: его пороки не лично мои, а всех нас, его добродетели возможны для всех... Теперь я очень хорошо понимаю, что это превращение «я» в «мы» выражает собой сущность всего творческого процесса, и, с одной стороны, бесконечно просто, с другой — бесконечно сложно. Раньше, когда я писал, не углубляясь в себя, мне казалось дело писания таким простым, я был так наивен, что думал, это возможно для всех и каждого можно этому научить. После многих глупейших моих опытов учить, оказалось, что чувствовать себя, как «мы», во время писания очень трудно и дано немногим. Но хорошо, не всем же писать. Всякий, создающий вещь какую бы то ни было, новую, лучшую вещь, превращает свое маленькое «я» в «мы». Есть несколько детских и охотничьих, написанных мной маленьких рассказов, которые, по моему сознанию и множества понимающих искусство людей, совершенны. Вот и довольно: я — творец, как все

равно и один мой приятель — башмачник, создавший небывалой красоты башмаки. Есть ли какой-нибудь «смысл» жизни другой, кроме творчества, значит, этого превращения «я» в «мы»? ⟨...⟩

Из всего этого моего разбора теперь получается, что если я сумею описать все эти превращения «я» в «мы», то опишу весь процесс творчества. Могу ли я это сделать? Могу, потому что я создал в детской литературе рассказ «Еж» [135] и в охотничьей «Смертный пробег» [136].

Арсеньев, между прочим, рассказал мне, как он написал свою книгу. Она вышла из дневников, которые вел он в экспедициях [136а].

Эта книга, можно сказать, первобытного литератора, своего рода тоже реликт. Ее движение есть движение самой природы, и она снова наводит меня на мысль, что поэзия рождается в ритмическом движении природы, вращения солнц и земель и является на свет тем же самым чутьем, которым животные и люди в тайге определяют без компаса, в какой стороне находится дом.

9 октября. На искусство в своем происхождении — поэзию, а также на чистую науку я смотрю так, что «вдохновение» при творчестве их происходит от облегченного в человеческих условиях ритма, которым сопровождается работа в природе. Там этот ритм — условие вращения тяжких миров. У нас — ритмический ход образов и мыслей.

Если делать ежедневные записи движения жизни в природе, то можно добиться слышания этого *(1 нрзб.)* природного ритма. По-моему, гений человека не огонь похитил с неба, а музыку и направил ее вначале к облегчению труда, а потом и самый труд, на который распространяется ритм, сделал через это наслаждением...

22 октября. Завтра в Москву. Посетить Дуничку, Замошкина. Хорошо бы найти Горького.

26 октября. Творчество я представляю себе как жизнь, пробивающую себе путь к вечности. Она очень похожа на поток, размывающий себе путь в океан.

Смотрю на каплю дождя, пребывающую на внешней стороне моего окна, и думаю: «Эта капля получила свое назначение в мировом творчестве жизни попасть в луч моего сознания, эта капля среди других гениальна, потому что является точкой соприкосновения и согласования творчества природы и человека». Я слежу за жизнью этой гениальной капли дождя, как за своей. Вот другая повисла

над ней и набежала, обе капли слились, скользнули по стеклу на подоконник, упали на землю, просочились к потоку. Я понимаю этот поток как сообщество агентов жизни, размывающих себе путь к вечности. Знаю, что и океан имеет границы, но я говорю относительно: безграничная даль океана. Так называю скопление вещей, согласованного человеческого творческого труда, нашу культуру — вечной; она так же безгранична в отношении меня, творческого ее агента, как океан сравнительно с каплей дождевой воды.

Некоторые, сидя на береговых скалах, склонны думать, что они определяют направление потока. Это неверно; если скала мешает жизни потока, через миллионы лет она будет размыта: берега рек меняются.

Так, в потоке творческого сознания людей, несомненно, есть берега, властно стоящие на пути; они созданы нами, они те же мы в конечном счете, но временно они получают назначение высоко стоять над потоком и давать ему направление.

Совлечение покровов с действительности, друзья мои, имеет предел в последнем покрове, который определяет наше лицо: если вы снимаете это последнее покрывало, то кровь наша выливается и тело обращается в труп.

А потому не будем трогать этого покрывала, оно есть наше искусство, наша способность заключать все живущее в форму и каждому творческому агенту придавать свое лицо, свой смысл.

Если мы, наблюдатели русские, возьмем японцев для сравнения с нами, то нам покажется, что оттенков в их облике гораздо меньше, чем у своих земляков. Это потому, что японцы нам мало знакомы и мы не привыкли еще их раз-личать. А если взять даже близкую нам родную природу, то способность видеть лица у диких животных и растений оказывается очень слабой, присущей только очень немногим. И если вернуться к способности понимать лицо людей даже в своем народе, то эта способность окажется чрезвычайно ограниченной, свойственной немногим художникам. Таким образом, под-солнечный мир представляет нам сам по себе неограниченный материал для различия, требующий к себе для этого тесного приближения с родственным вниманием. Вот эта способность раз-личать в под-солнечном мире и есть главная основа «искусства видеть мир».

Каждому человеку в большей или меньшей степени дана способность видеть мир, и каждый человек с детства спешит воспользоваться этой способностью и мало-помалу пополнить себя тем запасом образов знакомых и родственных лиц, с которым он начнет свою жизнь 〈...〉[137]

Пределы этому родственному вниманию бесконечно расширяются посредством искусства — этой способности особо одаренных людей, художников, видеть мир с лица.

Творческий акт человека, согласный с творчеством всей жизни на земле, заключается в способности его останавливать пролетающие мгновения жизненного потока.

Спасать мир надо не гордостью человека своим сознанием перед миром низших существ, а согласованием творчества своего сознания с творчеством бытия в единый мировой творческий акт.

31 октября. Реальность в мире одна — это творческая личность (творческое неделимое).

13 ноября. Ровно четыре утра, сию минуту погаснет электричество, и я останусь с рыженьким светом керосиновой лампы. Вчера весь день сидел дома, ничего не писал, читал стихи и согревал флюс. Дожди угробили.

26—27—28 ноября — 29 — дожди. Работа над книгой «Журавлиная родина»[138].

30 ноября. «Журавлиная родина» сильно движется.

1 декабря. Послал Чуковскому свои «Рассказы егеря»[139] и получил от него чрезвычайно лестный отзыв, он, как и Горький, рассказы мои называет «гравюрами на меди»[140] и т. п.

Если вволю хлеба наесться, то хоть завали хлебом, никакого удовольствия, так есть и предел вкушения славы. Под конец захочется чего-нибудь более вкусного, чем слава художника, захочется быть пророком и дальше, кончая богом...

2 декабря. Я лично любил в молодости неизвестные страны, с простейшими, верными себе людьми и животными. По своей наивности я вначале ходил за ними далеко и после узнал, что это совсем недалеко, совсем возле себя. Теперь мое занятие — открывать неизвестные страны возле себя. Но должен сказать, что еще робею совсем вплотную подойти к себе. Я, как охотник, подкрадываюсь к себе, как к зверю, тренируясь, упражняясь где-нибудь от себя по соседству. Неизвестное в себе, к чему я теперь не осмеливаюсь подкрадываться, я ищу в ближайшей от меня природе,

людях, и очень много дают мне мои охотничьи животные. И оттого, что я стремлюсь к неизвестному в себе через создание вещей, куда только ни брошу свой взгляд, все это для людей оказывается до сих пор неизвестным, вернее, забытым, или умершим, но воскресшим. Я в этом совершенно уверился по отзывам моих новых друзей. Не скрою, что это общество новых друзей, которое появляется постепенно по мере создания скромных моих вещей, меня очень радует.

1929.

2 января. Каждый день летят пороши, леса, наверно, уже очень засыпаны.

10 января. Простейшие рассказы, к которым влечет меня,— это я понимаю как стремление к делу не для денег или «напоказ», для славы, и еще в этом есть тоже, и, вероятно, самое главное, желание сберечь себя от иллюзорности литературного дела. У наших романистов, начиная с Пушкина, это было в традиции, сочиняя роман, посмеяться вообще над романом, как иллюзией, вероятно, в тайной надежде, что вот мой-то роман, мое слово будет значить, как действительная жизнь. По всей вероятности, так и раскрывается понятие «простота», о которой у нас все сверху и донизу всегда говорят как о чем-то самом хорошем. Однако у некоторых наших величайших писателей это стремление в искусстве к «простоте» кончалось разрывом с искусством и побегом в религию, искусство они объявляли «художественной болтовней» или искушением черта. Я привык объяснять себе (может быть, ошибаюсь), что такой побег объясняется не действительной немочью искусства, а крушением личности художника, не сумевшего побороть в себе искушение быть больше, чем может дать искусство, все как бы сводится у них к неудаче в обожествлении созданного ими образа ⟨...⟩

Я привык думать,— может быть, я ошибаюсь,— что в русской литературе наметились две линии: пушкинская, в которой поэт, творец формы остается верным до конца своему служению, и другая, в которой он не удовлетворяется служением и выходит из сферы искусства, балансируя между смешным и великим. Кажется, «эстетизм», служение искусству для искусства *(1 нрзб.)*, конечно, из второй «нескромной» линии.

Для меня лично дело как-то не дошло до такой заостренности и такого большого размаха.

С первых дней занятие литературой сделалось моим ремеслом, и если что и получилось сверх съеденного мной за труд хлеба, то вышло нечаянно, по усердию и ревности. А стремление к простоте детского рассказа явилось из моего убеждения, что писать нужно хорошо не потому [что] на свете все не важно, был бы мастер слова, а как раз наоборот: писать надо о всем, потому что на свете все важно.

18 января. Вот уже несколько дней я хожу счастливым от письма Дунички, которая говорит, что надпись моя на одной книге довела ее до радостных слез. А я только и написал то, что она была первой моей учительницей и за свою литературу я должен благодарить прежде всего ее [141].

31 января. Вчера вернулся из Питера. Пятница: заключил договор на второе издание «Собрания». Вечер у Шишкова, слушал его пьесу [142]. Суббота: утром был занят в ГИЗе, вечером читал у Разумника «Журавлиную родину». Воскресенье провел у Разумника, вечером у Толстого слушал его пьесу «Петр» [143].

Написав эту книгу [144], я прочел ее первые главы в кругу литераторов. Два часа терпеливые товарищи слушали мое чтение, после того один из них сказал: «Это обнажение приема». Кроме одной книжки Шкловского о Льве Толстом [145], я из его сочинений ничего не читал и никакого не имел ясного представления о формальном методе [146]. Я хотел написать авторские признания, изложить свои домыслы о творчестве с иллюстрациями, чтобы этим ответить на обращенные ко мне запросы: «раскрыть тайны творчества». Меня очень смущала при этой работе возможность выйти за пределы искусства и претенциозно высунуться учителем молодого поколения. Вот почему я в этой работе свои мысли высказывал не абсолютно, а только относительно их рабочей ценности в своем собственном литературном производстве, вроде как это сделано у Станиславского в его книге «Жизнь в искусстве». Конечно, меня брал задор и в этом случае остаться художником слова и найти в процессе признания такой прием, чтобы эта исповедь сделалась не скучным вступлением к роману.

15 февраля. Спит разум, но сердце работает днем и ночью без отдыха; ни воля, ни разум, одно только сердце создает сновидения, бессмысленны все «толкователи» снов. В этих извилистых тропинках своего сердца только я один сам для себя что-то понимаю и могу разбираться и никого

не могу взять с собой на прогулку и, наконец, не могу об этом сказать, потому что спит разум, нет слов.

Но сердце продолжает ночную работу и днем, когда разум встает, умывается. В эти минуты готовности разума снисходительно думать о том, что делало бессмысленное сердце во сне, в этот предрассветный час я берусь за перо и стараюсь записать эти редкие моменты дружбы разума, воли и сердца. Влияние ли такой согласной работы в предрассветное время или, может быть, такой порядок существует и вне меня, но весь заутренний час и восход солнца являются мне как подтверждение моей работы и великое распространение меня во всем и всего мира во мне.

20 февраля. Вчера просверкал золотой день весны света, морозило на солнце — борьба, и в полдень капель. Ночью луна яркая, и сегодня рассветает уже в шестом часу.

Если все благополучно сложится, завтра выезжаю в Вологду на медведя.

2 марта. Чем счастлив бывает иногда человек. Гоголя не читал и вдруг сделал открытие: Гоголь великий писатель! А я в своей специальности — охоте ни разу в жизни не стоял у берлоги, и вот теперь, пожилой человек, испытав эту охоту, могу рассказывать о ней с таким же пылом, как некто, открывший Гоголя.

9 марта. Закончены «Медведи» [147].

29 марта. Ночью в доме было, как осенью в ноябре: ревела буря и стегал дождь по крыше. Утром на рассвете открылось, что так ринулась весна воды.

31 марта. Нашел книжку на поддержку себе: Лосев «Диалектика античного космоса и современная наука» [148]. Это поход против формальной логики и натурализма. Многое мне станет понятным в себе самом, если я сумею представить себе античный космос и сопоставить его с современным научным. Имея то и другое в виду, интересно явиться к «запечатленному лику» своего родного народа. Хорошо при этом взять для разработки простейшую тему, чтобы из этого получился «Робинзон». Полагаю, что ребенок в лесу — достаточный сюжет.

Итак, план такой. Достать для направления художественной мысли те две-три книжки. Окончить «Журавлиную родину», уехать в Белозерский край и пересмотреть лес глазами ребенка [149].

2 апреля. Самоутверждение себя имеет значение только к обществу, где судят по «больше и меньше».

В себе самом о себе совершается тоже какой-то суд по возможностям. Так, если бы мне пришло в голову спросить

себя: «А что, если я докачусь до того, что буду значить, как Лев Толстой?» — на это был бы ответ равнодушный: «У меня есть детские и охотничьи рассказы не хуже даже толстовских, есть свое «детство и отрочество», чем черт не шутит, не махнуть ли эпопею гибели купеческого города Ельца в 19-м году?» Очень возможно, что стоит мне взять в руки книгу Толстого и все это самомнение окажется глупостью, я только потому говорю это, что, возможно, мелькает в голове.

Но если спросят меня: «А можешь ли ты, как Гоголь?» — и тут нет меня, от всего меня как писателя ничего не остается, я только читатель с почтительным трепетом, с готовностью не только стать в последнюю категорию, но и как-нибудь потихоньку переслать ему свой паек. Из всего этого выходит вовсе не то, что Гоголь выше Толстого, но что Толстой ближе мне. Не то, что я в самом деле себя равняю с Толстым, а что я сосед его, привык и как себя самого сужу по соседям, по-родственному. Напротив, Гоголь постигает мир по-иному, мне его постижение недоступно, я смертный, он — бог. В этом нет раболепства, а очень хорошее и нужное всем удивление.

19 апреля. Как писатель я отличаюсь от многих писателей теперь тем, что завоевал себе свободу в отношении к материалам: мне совсем не нужно ни книг, ни быта, все это приходит само собой в помощь к чему-то главному. Быт и книги в моем понимании — это ответы, а ценное — это рождающиеся в себе вопросы, большие, с которыми постоянно живешь, и бесчисленные малые. Вот это сознание, что никакая книга, никакой мудрец, никакая среда не прибавят тебе ничего, если внутри тебя не поставлен вопрос, и если есть вопрос — убеждение, что на всяком месте можешь ты найти ответ. Так мало-помалу я стал вместо библиотеки посещать поле и лес, и оказалось — там читать можно так же, как и в библиотеке.

Одну книжку, однако, я с собой всегда беру, но отношусь к ней особенно: я читаю ее *(1 нрзб.)* все лето. В нынешнем году такая книга у меня «Биосфера» Вернадского [150]. В ней говорится такое, о чем все мы, обладающие чувством природы и поэзии, знаем и до нас знали египтяне, и до них тоже, наверно, это знание сопровождало всех и всегда. Это знание до того много раз повторялось, долбилось в стихах бесчисленных поэтов, в учебниках, хрестоматиях, что перестало нас дивить, мы встречаем его, как азбучную истину, и сами не думаем.

Это знание состоит в том, что мы — дети солнца. Вернадский в своей книге *(1 нрзб.)* это, как он говорит, путем эмпирических обобщений, и благодаря этому непривычному подходу избитое в поэзии место становится новым: чувство новым бурным потоком мчится в берегах, созданных знанием.

29 апреля. С пользой для себя читаю только те научные книги, в которых нахожу подтверждение, а чаще расширенное, более умное понимание и раскрытие моих собственных догадок.

Как много я думал о ритме моего труда, отвечающего ритму смены времен года.

Много раз я даже пробовал создать свой календарь, начиная с «весны света» [151]. Но в конце концов я все это бросил, понимая в природе только два времени года, отвечающих ритму моего собственного дыхания: планета, весь мир дышат совершенно так же, как я, вдыхание — одно время года нашей планеты, весеннее, выдыхание — другое, осеннее. Все дело во времени: планета раз дохнет и выдохнет — это год; быть может, существуют мельчайшие организмы, так зависимые от моей собственной жизни, что один мой вздох для них все равно, что для меня годовой вздох планеты.

Я всегда чувствовал смутно вне себя эту ритмику мирового дыхания, и потому научная книга Вернадского «Биосфера», где моя догадка передается как «эмпирическое обобщение», читалась мной теперь, как в детстве авантюрный роман. И мне теперь стало гораздо смелее догадываться о творчестве так, что, может быть, эта необходимая для творчества «вечность» и есть чувство не своего человеческого, а иного, планетного времени, что, может быть, эту способность посредством внутренней ритмики соприкасаться с иными временами, с иными сроками и следует назвать собственно творчеством?

В прежней русской интеллигенции было особенное, тоже сверх-временное чувство цельности человеческой жизни, это чувство увлекало к действию и создавало для всякого такого человека необходимость Голгофы в тюрьме и Сибири. Было ли на этом пути заключено все творчество народа? Едва ли: планета дышала, не считаясь с устремлениями русской интеллигенции, и люди разными путями подходили к постижению иного времени. Все революционеры, начиная от декабристов, смотрели сквозь пальцы на художников: поэты и художники, начиная с Пушкина, были вольноотпущенниками революции.

14 мая. В природе блаженные дни.

Остается переписать работу и написать заключительную главу. К половине июня все сдать. Том «Журавлиная родина».

19 мая. Поэзия жизни еще много чувствительней, чем жизнь...

Горе от ума невозможно в деревне, потому что не перед кем выставить свой ум: от образованного человека, напротив, в деревне требуется именно нечто большее, чем просто ум.

5 июня. Сдал «Журавлиную родину», и схватила тоска: очень уж трудно работать без отклика, а об откликах умных и думать нечего, лишь бы только хулы не нажить.

20 июня. Вы спрашиваете, почему я так много пишу о животных и так мало о человеке, я вам открою причину: сердца не хватает на человека... Я описал хорошо смерть собаки в рассказе «Анчар», но как умирал близкий мне человек, я не могу описать, хотя он даже не умер и живет теперь хорошо: мне было так тяжело, что описать это я не в состоянии. Пишу я о животных не потому, что их больше люблю, а что тут легче с собой справиться, выбиться из-под тяжелого факта на волю, снова захотеть играть и рассказывать сказки.

10 июля. Дорожу своими воспоминаниями вовсе не изза их сладости, дело не в этом, а в совершенно необходимом материале детства для художественного понимания текущей минуты жизни, потому что художник совершенно как мать рождает свое дитя, точнее сказать, он возрождает в своем творчестве себя, как ребенка, некогда физически рожденного живой матерью.

Вчера вечером я думал об этом упорно, потому что услышал какой-то звук из раннего своего детства. Ночью я разгадал эти звуки: это мальчишки свистели в стручках акации, это значит, что стручки эти поспели.

26 июля. На восходе солнца дрожит, играет, как живая, капля росы и переливается всеми цветами. Я знаю, она в такое утро не может дрожать, это сердце мое дрожит и толкает меня, это я, живой, узнаю себя самого в дрожащей росе и через это весь мир утренний.

20 октября. О человеке, предчувствуя с тревогой и любовью его трагедию, никогда нельзя сказать, что не ошибешься, что не кончится все при помощи его хитрости комедией; в природе этого «от великого до смешного один шаг» совсем нет.

1930.

[Загорск.]

5 января. Сколько тысячелетий в тех же самых берегах бежала вода, привыкала к горушкам и низинам их, уносила с собой воспоминание в море, там испарялась, поднималась наверх, облаками парила, вновь падала и узнавала те же самые берега. Наша революция там, в этом мире воды и суши, называется землетрясением: потряслась суша, исчезли косные берега, вода разлилась, бросилась в иное русло. Все, что у нас называется искусством, у них — отражение неба в воде — это все их искусство исчезло, потому что смущенная вода стала мутной. И так долго воде привыкать к новым берегам, размывать их, обтачивать камни, пока не станет это дело своим, привычным, и берега, обточенные, устроенные, поросшие деревьями, будут *своими* берегами. Тогда осядут мутные частицы на дно и начнется в воде игра света с небом в отражениях.

В нашей человеческой жизни этот свободный бег умной воды с игрой света называется искусством. Я так понимаю... А сейчас у нас теперь половодье с переменой русла. Так мне представляется. Широко, но мелко, а зайцу довольно глубоко, утонуть ему непременно, если только не встретится... факт... Так я понимаю жажду факта в наше время и сам оставляю привычную мне игру света в спокойной воде, беру фотографический аппарат и снимаю. Искусство это? Не знаю, мне бы лишь было похоже на факт, чтобы читатель прочел с живым интересом и сказал: «Да, это факт!»

6 января. Со вчерашнего дня оттепель после метели.

8 января. Оттепель продолжается. Вчера сброшены языки с Годунова и Карнаухого [152]. Карнаухий на домкратах. В пятницу он будет брошен на Царя с целью разбить его.

25 января. Явились в Сергиев цыгане с медведями, я позвал их к себе и завтра буду фотографировать в лесу.

27 января. Так и продолжается время день в день, как в зеркало смотрится. Я не помню другой такой сиротской зимы, всего один солнечный день просиял, и то неделя с дня солнцеворота.

Удались снимки медведя. Идея моя ввести в действительный зимний лес игрушку оказалась блестящей. Если не попаду в погромную полосу и не пропаду, оставлю после

себя замечательную детскую книжку, мое слово любви, может быть, в оправдание всей жизни...[153]

28 января. Сначала одна старуха поднялась к моему окну, вероятно, какая-нибудь (*1 нрзб.*) старуха. Напрасно говорил я ей, что опасно, что старому человеку незачем и смотреть на это. Она осталась, потому что такая бессмысленная старуха должна быть при всякой смерти, человека, все равно как колокола... К ней присоединились еще какие-то женщины, сам сторож, дети прямо с салазками, и началось у них то знакомое всем нам обрядовое ожидание, как на Пасхе ночью первого удара колокола, приезда архиерея или...

О Царе старуха сказала:

— Большой-то как лёгко шел!

— Легко, а земля все-таки дрогнула.

— Ну, не без того, ведь четыре тысячи пудов. Штукатурка посыпалась, как упал, а пошел, как лёгко, как хорошо!

Совершенно так же говорила старуха о большом колоколе, как о покойнике каком-нибудь:

— Иван-то Митрофаныч, как хорошо лежит.

Потом о Карнаухом:

— Вот вижу: идет, идет, идет, идет — бах! и нет его, совсем ничего нет, и только бегут по белому снегу черные осколки его, как мыши.

Рабочие спустились с колокольни к лебедкам. У дверей расставились кое-что понимающие сотрудники музея. Когда лебедки загремели, кто-то из них сказал:

— Гремит, и, видно, не поддается...

— Еще бы,— ответил другой,— ведь это шестнадцатый век тащат.

— Долго что-то,— вздохнула старуха,— вот тоже Карнаухого часа два дожидались. Хорошо, лёгко Большой шел: не успели стать, глядим, идет, как паровоз.

Показался рабочий и стал смазывать жиром рельсы.

— Бараньим салом подмазывают!

— В каждом деле так, не подмажешь, не пойдет.

— Да, Большой-то летел, и как здорово!

— Будут ли опять делать?

— Колокол?

— Нет, какие колокола, что уж! Я про ступеньки на колокольне говорю разбитые, будут ли их делать.

— Ступеньки... на что их!

— Ах, как лёгко шел Большой. Жалко мне. Работали, старались.

С насмешкой кто-то ответил:

— И тут стараются, и тут работают. После нас опять перерабатывать будут, а после них опять, так жизнь идет.

— Жизнь, конечно, идет, только дедушки и бабушки внучкам рассказывают, и вот и мы им расскажем, какие мы колокола видели.

Лебедки загремели, тросы натянулись и вдруг упали вниз: это значило, колокол стронулся и пошел сам.

— Сейчас покажется,— сказали сзади меня.

— Ах!

Показался. И так тихо, так неохотно шел, как-то подозрительно. За ним, сгорая, дымилась на рельсах подмазка. Щелкнув затвором в момент, когда он, потеряв под собой рельсы, стал наклоняться, я предохранил себя от осколков, откинулся за косяк окна. Гул был могучий и продолжительный. После того картина внизу явилась, как и раньше: по-прежнему лежал подбитый Царь, и только по огромному куску, пудов в триста, шагах в 15-ти от Царя, можно было догадаться, что это от Годунова, который разбился в куски.

Большой дал новую трещину. Пытались разломать его блоками и (*1 нрзб.*), но ничего не вышло...

Так окончил жизнь свою в 330 лет печальный колокол, звуки которого в посаде привыкли соединять с несчастием, смертью и т. п. Это сложилось из того, что служились панихиды по Годуновым и, конечно, звонили в этот колокол.

Друг мой, какие это пустяки, не в том дело, что его при Годунове отливали, многие из нас самих начало своей духовной организации получили при Годунове,— каком Годунове! через творения эллинов от Эллады, и от Египта, и кровь наша, обрываясь в осколках, непрерывной рекой бежит от первобытного человека.

29 января. Мы отправились снять все, что осталось на колокольне.

19 марта. Он постиг (Павел Флоренский) [154] самую высшую математику, и ему было все одинаково: скажет кто, что земля ходит вокруг солнца или солнце вокруг земли. Если человек едет в вагоне и ему представляется, будто он на месте сидит, а бежит лес, то это так и есть, с точки зрения теории относительности все равно. Или вот идет человек в лесу, задел шапкой за сук и она свалилась, то это будет опять все равно, с точки зрения математической, сказать, как было, то есть что человек шел и задел

шапкой и т. д. или же, напротив, человек стоял, а дерево шло и задело.

Из этого, на мой разум, выходит не «подарок средним векам» (Флоренский о системе Птолемея) [155], а только что математика говорит об отношениях вещей, но не о самих вещах, искомое значение которых человек устанавливает только относительно себя самого.

2 апреля. Снегу навалило больше, чем зимой. Читаю Робинзона и чувствую себя ⟨...⟩ как Робинзон. Это свойство всех крупных произведений передавать мысль на себя. Так что бывает недоумение: что, это автор открыл твои глаза на твою вечную, присущую всем черту или же так пришлось, что избранные автором черты жизни как раз были твоей особенностью.

4 апреля. Когда говорят о детях, как о цветах, то, значит, в глубине себя исходят от *своих* детей, от собственного своего чувства жизни.

Само собой, поводом могут быть и чужие дети, в которых и выражается свое чувство жизни.

Но бывает взгляд на детей как бы со стороны и как на чужих, тогда через лицо ребенка просвечивают бесчисленные пороки его предков. Эти дети очень страшны. Вообще, это прозрение очень страшно. У меня это было лишь раз (мистически), а так для всех это понятно, если смотреть на детей беспризорных. Гоголь такими глазами смотрел на русских.

10 апреля. Никогда весной не был я таким гражданином, как теперь: мысль о родине, постоянная тоска не забывается ни при каких восторгах, напротив, все эти ручейки из-под снега, песенки жаворонка или зяблика, молодая звезда на заре — все это каким-то образом непременно возвращает к ⟨...⟩ росстани...

Забили нас «родиной» в гимназии, и только теперь раскрывается это понятие во всем его значении: родина — это от рода; пусть сам «род» свой какой-нибудь неприятный и родство среди людей не удалось, все равно: эта сила сродства воплощается в чем-нибудь и как возможность какого-то счастья, быть может, и не для себя самого, а так (*1 нрзб.*) уверенность, что есть оно где-то, кому-то — светит звездочкой, или раскрывается в почках, или бормочет ручейком...

Слышу, понимаю и знаю, что есть какая-то жизнь идей вне «рода» и родины. Но тоже знаю, что некогда идея эта была тоже в брюхе рода и трудно рожалась. Кто-то стал

наследником этой идеи. Быть может, он со снисходительным состраданием с высоты глядит, как мы в крови и слезах утробы, барахтаясь, с криком и болью выбиваемся на свет...

12 апреля. После этой светлой недели (или больше) впервые утро показалось с огромными дождевыми облаками...

Пусть люди добыли хлеб и молятся усердно богу, словом, все у них будет, и в полном порядке. И все-таки если нет у них игрушки, нет досуга играть и забываться в игре иногда совершенно, то вся эта деловая и умная жизнь ни к чему, и в этом уме не будет смысла. Значит, мы, артисты, призваны дать людям радость игры против необходимости умереть. Верность мысли моей свидетельствую памятниками искусства всех народов...

Много раз мне приходила в голову эта мысль, и недаром я хожу теперь по лесам и по ручьям...

23 апреля. Fodis [156]. Этот инструмент для измерения расстояния от предмета, не сходя с места и без метра, устроен так, что смотришь в щелку на предмет и видишь два изображения его, повертываешь кольцо таким образом, чтобы эти два изображения слились в одно, и когда они сливаются — кончено! — смотришь на деление и черточка на движущемся круге указывает число метров от себя до предмета.

Я работаю в литературе совершенно так же, как Fodis: у меня два круга, один видимый и другой в себе самом, но, видя все вокруг себя, я ничего не нахожу ценного для изображения словом, и точно так же, бродя постоянно где-то в себе, я тоже ничего не могу извлечь оттуда и сказать с уверенностью, что раньше меня никто не говорил об этом, притом еще и много значительней. Но случается, когда я брожу где-то в себе, происходит встреча этого моего личного круга или пятна с видимым кругом, часто совершенно ничтожным предметом. И вот когда эти два круга сходятся в один, то видимый предмет как бы вспыхивает внутри «души» и волшебно просвечивает. Весь этот сложный процесс можно выразить простыми словами: я обратил на предмет жизни родственное внимание.

3 мая. Знакомство с Влад. Андр. Фаворским [157].

6 мая. Купил «Записки писателя» Лундберга [158]. Вот писатель: умный, образованный, честный и не безвкусный, но... по-видимому, претензия на ум все убивает. Книги его, однако, наводят на мысли начать свои мемуары.

Не было еще случая, чтобы мне отказывали в журналах,

но больше уже и не просят. Самое же главное, что сам чувствуешь: не нужный это товар, всякая инициатива глохнет. Итак, или мемуары, или экзотика.

Не согласен, что современная жизнь есть прекрасное, потому что «прекрасной» жизнью понимаю момент творческого воссоздания настоящего из прошлого и будущего. Мы же теперь не творим, а бунтуем еще, потому что мы не спокойны в отношении прошлого, мы его отрицаем еще только, поэтому у нас только будущее без прошлого и настоящего; жить будущим, не имея ничего в настоящем, чрезвычайно мучительно, это очень односторонняя и вовсе уже не прекрасная жизнь.

13 мая. Борьба со злом возможна лишь путем творчества жизни. Зло в творчестве используется, как самопобуждающее к высшему напряжению творческой деятельности.

29 мая. Непротивление злу. Надо разобраться, какое зло. Тот, кто требует непротивления злу, конечно же потому прибегает к этому, что непротивление злу представляется единственным средством борьбы. Но если бы хоть какая-нибудь возможность была уничтожить зло прямой борьбой, то, конечно, никто бы не стал говорить о непротивлении. И такого рода зло живет среди нас постоянно: в сущности, это бессильное, нетворческое, мелкое повседневное зло.

11 июня. Занимаюсь фотографической работой.

16 июня. Вчера днем я снимал одуванчики, их было целое поле, один к одному. Мне очень они нравились, и казалось их коротенькое бытие так значительно для характеристики начала типичного лета.

И тем одуванчики были милы, что свою человеческую жизнь узнавал я в них... Как же хорошо, что снял их с запасом, а то при неудаче пришлось бы ждать их целый год, и кто знает? уцелел бы в эти дни года я-то сам.

К вечеру поднялась буря, и утром не было ни одного одуванчика.

18 июня. Вчера в 6 вечера пошел на почту отправлять телеграмму Разумнику о согласии издавать «Записки охотника» [159]. Мне думалось по пути, что эта книга, если не теперь, то позднее, станет на смену аксаковской. Правда, «Записки ружейного охотника» [160] богоданная книга, а моя самодельная, но бог, конечно, не лишен любопытства и мою книгу прочтет с интересом, тогда как аксаковскую, как свою, читать ему незачем.

О беспредметном искусстве.

Всякий предмет с нашей человеческой точки зрения есть воплощение добра или зла, предмет — образ бытия какого-нибудь духа. Беспредметник хочет писать о самом духе... Это возможно путем святости («жить иначе»).

Быт умирал, и с ним отмирали художники-бытовики, новые художники остались без быта, «без предмета».

20 июня. Мы живем на острие всех возможностей и предвидеть ничего не можем, потому что «мы», живущие в данном отрезке времени, слишком неустойчивые величины, и оттого кажется и это практически верно, что все зависит не от нас, а от случая.

[*Переславль-Залесский.*]

27 июня. В Берендееве 〈...〉 Конечно, все постарело, и как раз настолько, поскольку я сам постарел. Эта встреча не как первая трепещущая, а тут больше воспоминаний и размышлений над прошлым. Хорошие люди непременно возвращаются к прошлому и так следят за жизнью людей. Сходили на могилу Верного [161].

29 июня. Моя аудитория. Пять лет тому назад я в тоске думал, что — как невозможно соединить людей для общего восторга здесь, на озере [162] (как созвать их в тот день, когда бывает хорошо, как устроить, чтобы все благоговели). И вот прошло пять лет, тысячи людей прочли мои «Родники», и читают, и будут читать. Я соединил их. Я вполне могу представить теперь себе, что тысячи их стоят на берегу и внимают с благоговением тому самому, от чего я начался...

3 июля. Условием истинного творчества должна быть его органичность, то есть сознание творцом цельности, единства в происхождении мира, связи себя самого со всеми живыми и мертвыми. Это условие присутствия чувства общей жизни или мира, всего мира, необходимо для творчества, как рычаг, если даже творец хочет, как Гоголь, изобразить нам зло или пролетарский писатель победу своего пролетарского класса.

[*Загорск.*]

7 июля. Литературный критик — это кто словами об искусстве (сло́ва) пытается возместить в себе недостаток таланта или, по крайней мере, труд и риск самому создавать новое.

8 июля. Вчера меня задела статья в «Новом мире», где автор осуждает «Перевал» [163] и меня упоминает [164], перемешивая с мальчишками, притом еще так, что мальчишку

поставит на первое место, а меня на десятое. Но самое главное, что статья бьет в «биологизм», в «детство» — ничего этого, мол, не надо, все это отсталость, реакция, а нужен «антропологизм». Сама по себе статья, конечно, ничего не сделает, но «ахиллесову пяту» обнажает, следующий ударит в пяту, и связь моя с обществом прекратится. До сих пор я относился к непризнанию себя так, что «наплевать», но это наплевать, оказывается, было при наличии фактического признания: печатают, заказывают и проч. Открывается перспектива очутиться за бортом и, таким образом, утратить всякую связь с действительностью, быть действительно непризнанным...

19 июля. Художник света. (Охота с камерой.)

28 июля. Главное: мы как писатели, поэты и художники не являемся, как раньше думали, «избранниками», что будто бы мы живем, а внизу где-то прозябают (обыватели). Нет! мы ничем не отличаемся от других, если их дело является творчеством жизни... Так мы говорили, а между тем нового в этом для меня нет ничего: я так и писал...

Хитрость есть низшее свойство ума и высшее свойство глупости.

Назовите хотя бы один роман нашего времени, начиная читать который не приходилось бы преодолевать некоторой неловкости, а часто и стыда за автора: «Зачем он заводит,— думаешь,— свою игрушку в то время, когда нам всем не до игры и вообще не дети мы, чтобы обманывать нас какой-то «фабулой» или попросту сказкой».

Романов таких, если только в них с самого начала не вплетено что-нибудь философское, вроде как у Белого, такого, для чего, собственно, движется, скрипит и визжит избитая телега,— нет таких романов. Расчитаешься — ничего. И есть читатели, и долго, долго они будут рождаться и жить, такие невзыскательные и наивные; они берут в руки роман не для того, чтобы творить возможные пути жизни или образцы вслед за автором, а только чтобы отдохнуть, забыться и потом бросить «книжонку». Читателю просто, но как писателю делать роман, если необходимая наивность для этого дела кончилась.

Возьмешь Мериме, Бальзака, Диккенса, Толстого, Достоевского — и читаешь без неловкости, но берешь современного романиста, который строит роман во всех отношениях лучше классиков, и как-то с трудом и неохотой расчитываешься. Это не в дудку тем старикам-читателям,

которые могут признавать только памятники своей эпохи. Нет, я больше думаю о самом писании, чем чтении, читать-то можно, а вот как писать роман, если форма его для нас теперь как гнездо, из которого птицы улетели и не вернулись.

1 августа. Дождь. Приехали на Журавлиную родину. Везде бедно. Надо выбирать ту деревню, где могут давать молоко. Остановились в Переславище.

6 августа. Прошла моя жестокая молодость, теперь я ружье беру, только чтобы добыть себе пищу. Вот убил вчера двух глухарей, теперь хватит нам дня на три, и я иду без ружья за грибами стариком, будто иду в свой настоящий дом, где такой мир, такая радость, такая слава жизни в росе. Грибы такие глазастые смотрят на меня со всех сторон. Кто не обрадуется этому всему?

7 августа. Воробьиная ночь:[165] сверкало на горизонте, а в избе духота. За час до рассвета пролил сильный дождь. Народ повалил за грибами на восходе. Часа через два обдует, и снова примутся жать. Туча тяжелая, синяя пошла от нас куда-то дальше. На десять минут я вошел в дом, и, когда вышел, все изменилось: откуда-то нашли серые тучи, которые все закрыли. Но через некоторое время снова появились просветы, явилась надежда на солнце. Я взял аппарат и стал снимать жизнь неба. Много сделал интересных снимков неба, а когда солнце окончательно определилось, занялся землей, снимал водоросли в пруду, цветы, мох, детей, труд крестьян...

9 августа. Вчера и сегодня ветер, ясно, прохладно. «В полном разгаре страда деревенская»[166] (половина ржи сжата). Гриб лезет и лезет.

Деревня повторяет точно годы военного коммунизма: деньги не берут, подавай сахар. Из Москвы едут за маслом с конфетами. Солью, керосином запаслись надолго. Кооператив занимается променом махорки на яйцо. Все уверены, что должна быть перемена.

Художник пишет черта, возможно, ему за эту работу скоро дадут пенсию, и очень может случиться самое худшее: он сам увидит, что все свое дарование отдал на изображение черта...

Как я решил для себя? Мне было так, будто черт по своему незнанию черт, а если ему раскрыть истинное творчество, то он им тоже заинтересуется. И вместо того, чтобы угождать ему или обманывать и лукавить в ожидании момента возможности изменить и предать его, своего госпо-

дина, я раскрывал ему очаровательный мир творчества, не говоря прямо, что он происходит от бога. Дело вовсе не в причинах и мотивах, не все ли равно вам, чем я руководствовался,— смотрите, я сделал хорошо! Черт смотрел, улыбался и говорил: «Эта манера писать, во всяком случае, годится как образец для обучения нашей молодежи» [167].

12 августа. Наконец на 11-й день моего бегства в дебри Журавлиной родины газеты и письма достигли меня.

15 августа. Ночевали у меня охотники Александр Александрович Реформатский с женой Надеждой Васильевной [168].

16 августа. Вечером ходил на глухарей. Нерль измучилась. Ведь третий уже год не могу сознаться, что собака плохая: так загипнотизировал я себя своим рассказом «Нерль».

24 августа. Сегодня солнце взошло несвободно через сплошную пелену облаков и роса явилась поздно, когда солнце оказалось значительно высоко. Но зато тем ярче сверкала роса на траве и необыкновенно четко раскинулись на кустах орошенные тенета пауков. Нерль причуяла тетеревиный выводок и повела. Продвигаясь вперед медленно за собакой, я вдруг увидел на поляне с редкими кустами множество больших паучьих сетей, до того разукрашенных росой, что я, такой страстный охотник, остановил собаку, уложил ее и принялся фотографировать. Из мелькающих мыслей между прочим была одна: «Вероятно, моя страсть к наслаждению красотой сильней, чем охотой».

26 августа. Сегодня весь день идет дождь. Я ходил все-таки в Серково до обеда, насквозь промок, но все-таки принес петуха и подарил его хозяйке для заболевшей девочки.

Овес почти уже сжали. Молотьба вовсю.

О книге Арсеньева [169] я думал, что это, конечно, не случайно вышел у него Дерсу с его анимизмом: [170] он, конечно, не выдуман и, возможно, в книге выведен точно таким, каким был в действительности. Но Арсеньев обратил на него внимание, сделал героем своей книги и всю свою работу расположил вокруг этого лица.

2 сентября. До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и все жду, поскорее бы опять светозарное утро.

Я сделал несколько снимков паутины без солнца и потом, после дождя, росы на сосне.

Сегодня перед грозой не было душно, а чрезвычайно тихо и раздумчиво. Среди чрезвычайно нежных огромных облаков и лазурных просветов и туч очень синих на горизонте, издали посылающих молнии, и внезапных явлений солнца — нельзя было не раздаваться самому изнутри туда, вширь и не радоваться обилию жизни. Был сильнейший дождь и гроза, а я сидел под елкой сухой и вспоминал свою юность и молодость, но не жалел ее и не хотел возвращения, потому что моя старость гораздо лучше, чем моя молодость. Могу смело о матери своей сказать, что только под старость она развернулась и жила сама собой...

5 сентября. «Новый мир» представленную в июле «Зооферму» [171] предлагает напечатать в январе.

Хлебнул чувство своей ненужности и в «Новом мире», и вообще в мире современной литературы: видимо, все идет против меня и моего «биологизма». Надо временно отступить в детскую, вообще в спец. литературу, потому что оно и правда...

8 сентября. Красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость. Потому истинную прочную красоту художник должен открывать в близком и повседневном.

Нынешние литературные критики вышли из ораторов (Полонский [172] и проч.) и пишут ораторским словом, которое никогда не может быть литературным.

И такое множество, и все больше и больше их становится не только в литературе, [а] и во всей жизни: они отталкиваются от старого, не переживая его; им нечего принимать, кроме нового. Часто какой-нибудь случайный пиджак определяет сознание деревенского парня: «В императорское время разве я мог иметь такой пиджак!» (Сережа.)

11 сентября. Ночь прошла под большой чистой луной, и к утру лег первый мороз, все стало седое, но лужи не замерзали.

Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и трава обдались такою росой, такими светящими узорами глянули из темного леса ветви елей, брусника сияла не тусклым металлом, а тоже огнями горела внизу вся, и особенно хороша была вся в диадемах маленькая молодая королева-сосна.

Радость, когда выходишь на охоту и видишь, как собака сдерживается моей рукой, вся кипит и дрожит: мое сердце дрожит и кровь вся кипит, совершенно как у собаки. Горю-

ны всего мира, не упрекайте меня: ведь почти все вы еще спите, и когда вы проснетесь, обсохнет роса, кончится моя собачья радость и я тоже пойду горевать обо всем вместе с вами.

15 сентября. Чрезвычайно сложное по существу иногда чудесным образом является нам в простейшей форме, и если это искусство, в особенности если женщина, то мы о ней в восторге говорим: какая *простая!* В прежнее время мы так иногда говорили, теперь это забыто; в настоящее время, наоборот, простейшее стремится к явлению в наисложнейшей форме, теперь о женщине сказать «простая!» это значит совсем оскорбить ее. Искусство тоже без параду теперь не узнали бы...

16 сентября. По-моему, научный интерес к явлению (почему это?) должен прийти после того, как явление это чем-нибудь остановило на себе внимание. И, вероятно, в том, что действует на силу нашего избрания именно данного явления, заключается нечто не менее значительное, чем ответ на «почему». Между тем школьникам постоянно навязывают научное понимание действительности, минуя совсем их удивление или пользуясь этим удивлением, чтобы дать нечто научное. А надо идти навстречу самому удивлению.

22 сентября. Как это объяснить, что я, когда пишу рассказ или делаю снимок, то знаю, что я не повторяю другой чей-нибудь рассказ и не делаю такой же снимок, как все, что я создаю нечто совершенно новое, показываю такое, чего никто еще не видал. Словом, как мне известно, что я не открываю второй раз Америку. Обычный ответ будет такой,— что я образованный человек и могу просто знать, фактически. Но нет, я и не так образован, и мало слежу за новостями века, да и никакому образованному невозможно все знать. Мое знание неповторяемости создаваемой мной вещи находится в знании себя внутреннего: там, внутри меня, есть такой глаз личности, которого нет у другого; я им увижу, назову это словом, и люди будут его понимать, потому что я увидел и назвал такое, чем они живут повседневно, а не видят.

24 сентября. Творческая жизнь человека проходит [для] того, чтобы дело личного его интереса сделалось в своих достижениях общим достоянием.

26 сентября. Конечно, настоящий фотограф снял бы все лучше меня, но настоящему специалисту в голову никогда не придет смотреть на то, что я снимаю: он это никогда не увидит.

[*Загорск.*]

14 октября. Что такое творчество? Борьба со злом в первую очередь, но именно не борьба как отрицание, а борьба как переключение направления действующей силы зла, вследствие чего зло и превращается в добро.

18 октября. Вчера в «Новом мире» был объявлен рекламный список напечатанных в прошлом году авторов, и вот что меня забыли упомянуть или нарочно пропустили — этот величайший пустяк! — меня расстроило. На ночь я прочитал потрясающий, ужасный рассказ Новикова-Прибоя «Цусима», и всю ночь в кошмарном сне преследовал меня убийца...

У меня доходит до того, что боюсь развертывать новый журнал, все кажется, что меня чем-то заденут и расстроят.

Спасение, конечно, одно, надо решительно отдаться работе, для чего надо создать хорошие условия. Сегодня еду в Москву, а завтра вернусь к этой теме.

1 ноября. «Вы все с мелкотой возитесь?» — спросил меня N из Госторга.

Жаль, не умел я тогда ему ответить, что положение художника обязывает меня к собиранию мелочей, внимательно-родственному отношению к ним и бережному хранению; что только в переменах света и тьмы на мелких предметах могу знать я [о] восходе и закате солнца; что я ничего не вижу, если прямо стою против солнца, лишаюсь способности быть художником и потому методически повертываюсь к солнцу задом; что я, имея дело постоянно только с мелочами, привык ценить только то универсальное, что явилось мне самому в мелочах; что всех, кто имеет дело непосредственно с универсальным и презирает мелкоту, я подозреваю в трех грехах нашей современности, это три греха, или, вернее, три кита: утопизм, авантюризм и халтура ⟨...⟩

12 ноября. В последнее время, как сообщают мне друзья мои, в разных журналах («Кр. новь») появились враждебные мне статьи, в которых мне инкриминируется моя принадлежность к литературной организации «Перевал» [173]. В то же самое время я получил несколько писем из провинции от учеников средней школы, в которых излагались гонения, испытанные ими от современных Передоновых [174] за излишнюю приверженность к сочинениям «перевальца» Пришвина.

Конечно, я столько поработал в литературе, что как-то обидно встречать актуальность моих сочинений за счет

«Перевала», и это вынуждает меня наконец, как выражаются теперь, разъяснить себя как перевальца.

Не помню в каком году приехали ко мне прекраснейшие юноши и предложили мне искать вместе с ними Галатею [175]. Я, будучи в положении почетной реликвии, подписал анкету и через это получил положение генерала на свадьбе, хотя ни разу на свадьбе не бывал. В самом деле, я ни разу ни на одном заседании «Перевала» не был, мне романтизм перевальца столь же близок и столь же далек, как схоластика.

Каждый понимает, что такая актуальность именно идет на пользу писателю начинающему, но мне эта известность за счет «Перевала» обидна. Я спешу отстранить от себя эти дары и объясняю всем пишущим, что в «Перевал» я записался по просьбе каких-то отличных юношей вроде романтиков, но после этой записи не получил ни разу ни одного приглашения на ту свадьбу, где я должен бы быть генералом. Один-единственный раз я видел переваловцев у напостовцев [176], где т. Горбов отстаивал реальность Галатеи [177], а напостовцы их отвергали, ссылаясь на Плеханова и даже на Чернышевского. Это был для меня вечер самых дорогих мне воспоминаний юности моей, и я ничего не говорил, потому что и Галатея, и Чернышевский, и Плеханов одинаково перенесли меня в последние десятилетия прошлого столетия... Хотя неполучение ни одной повестки за несколько лет на собрания достаточный повод, чтоб выйти из «Перевала», но как-то неловко сделать это теперь: подумают, что я испугался травли за «Перевал». Лучше уговоримся с критиками так: пусть они разбирают мои сочинения без отношения к «Перевалу», а я, когда будет прилично, выйду из него.

17 ноября. Я выхожу из «Перевала» [178], потому что все оппозиционные литературные организации считаю в настоящее время нецелесообразными.

Перевальские слова о свободе, гуманности, творчестве и т. п. должны теперь смолкнуть, а писатель иметь мужество оставить литературу и побыть с глазу на глаз в недрах просто, как живой человек, «как все».

25 ноября. «Я бы постоянно странствовал. В дороге както чувствуешь, что ты в руках божьих, а не в руках человеческих» (Ап. Григорьев) [179].

26 ноября. Читал роман Ап. Григорьева с «устюжской барышней» [180]. Сделать ее матерью, может быть, он сам не захотел, а сделаться ей его матерью, нянькой, секретарем и почитательницей она не могла и не хотела.

Прав Ап. Григорьев: странствие тем именно и хорошо, что чувствуешь себя в руках божьих, а не человеческих. Но можно того же достигнуть, сидя на месте и вникая в перемену погоды и дожидаясь, когда случится вот как сегодня: занесло везде, затрусило, забило снегом все следы человеческие. А весной тоже, когда все смоет вода и встает зеленая жизнь. Вот как обрадуешься, что часто и человек становится хорош. И вот в этом весь секрет художника: найти какой-то способ самоочистки и такой гигиены духа, чтобы обрадованному подходить к человеку и видеть его не изуродованным, каким он есть, а в тех возможностях, которые он несет в себе.

16 декабря. Печатают наши мысли машинами, и никто теперь не жалуется, что наши мысли, и образы, и понятия чем-нибудь пострадали при переходе от списывания к печатанию. Значит, если теперь всюду в мире чувствуется засилие машины, то дело не в машинах, а в нас самих: мы страшно низко пали.

1931.

1 января. Лева съездил утром в Москву и наконец привез желанную «Лейку» с тремя объективами [181].

2 января. Учился снимать «теле». Сразу же вышло хорошо.

8 января. Вчера было тепло, но весь день мело: ни зги. Сегодня в предрассветный час южный ветерок, легкий как дыхание, баловался с дымом соседа. Вероятно, опять понесет.

А тоска грызет неустанно, просто замираю в тоске.

13 января. Начались письма, восхваляющие мою статью «Нижнее чутье». Да, по-видимому, вся сила моего творчества этого литературного сезона нужна была для того, чтобы дать эту статью. В будущем для понимания этой статьи нужны будут большие комментарии. Теперь она является в очень понятном окружении.

16 января. В Свердловск едем около 21-го [182].

Итак, я тоже «ударник», тоже закрепился... поставлять свое производство в количестве (столько-то печатных листов). О качестве не может быть у нас и разговора, потому что качество вещей связано с личностью.

17 января. Иду вечером, слышу, какая-то старушка стонет. Кому нужна она? Ведь в ее-то положении возможна только от родных помощь. Если не социализм, то «родство» это должно распространяться на всех (и так у наших доре-

волюционных социалистов и было: разрывалось кровное родство, и на место его вступало человечество). Теперь «человечество» и «родство» взяты в принцип, и раз так, то, конечно же, моей старушке надо идти не к родственникам, а к «начальству».

А впрочем, разве можно что-нибудь понять в этом стремительном падении «жизни» и материализации «принципа».

19 января. В революции лад, как «естественное состояние» выдвигается на первый план и во имя этого лада отбрасываются все легенды.

Но ⟨...⟩ лад — это счастье, а счастье случайно. Между тем на одного счастливого (даровитого, нравственного и т. п.) приходится 99 бездарных, которые устраиваются, собственно, не по ладу, а по примеру счастливых ладных. Этот пример среди бездарных начинает мало-помалу быть как правило, и так устанавливается быт, в котором уж не видно лица, подавшего пример, и самый пример стал легендой. До поры до времени быт держится, начинаются «устои», а потом все летит, потому что легенды сильно расходятся с «жизнью».

Итак, революция есть действие жизни, и первое строительство после революции происходит на основе естественного лада, который мало-помалу превращается в быт.

Этот «лад» распространяется не только на семейные отношения, но и на групповые...

21 января. Продолжается теплая погода. День почти солнечный, все завалено свежим снегом. Вот бы снимать! Но некогда, собираемся выехать 23-го в Сибирь, билеты взяты.

«Крестьянский писатель» Каманин [183] рассказывал о тех чудовищных антихудожественных требованиях, которые применяются к крестьянским писателям,— что, например, «аксаковщина» (вероятно, понимаемая, как созерцание природы) является преступлением. С другой стороны ⟨...⟩ довольно было сказать, что ведь Аксаков убивал дупелей и ел их, значит, не был только созерцателем.

23 января выехали в Свердловск и вернулись 23 февраля. Целую неделю по возвращении хворал и отпечатал всю фотоработу.

1 марта. Строительство на Урале [184] для меня привлекательно тем, что это не «дело» в том смысле, как сложилось во мне понимание дела под влиянием жизни родного мне, самого купеческого города Ельца («в Елец, к образованным купцам!» — Чехов). Поистине, дела в Ельце относились

прежде всего к личному поведению «делового» человека, например, что копейка рубль бережет, что по одежке протягивать ножки и т. п. Благодаря такому нравственному кодексу создавались такие огромные, миллионные дела, как, например, махорочная фабрика Романова, подразумевавшая всем нам известного Николая Ивановича, который в слободской трущобе, в «каменьях» начал свое дело, кажется, с починки гармоний.

Биография таких замечательных людей была для нас как бы житиями святых, направленными в сторону земного стяжания. И вот отсюда вытекало понятие «дела» как мрачного подвига. Мы, развитая (*1 нрзб.*) молодежь, были революционерами и очень издевались над всей этой нравственностью купеческого Ельца. Но, отрицая, мы ведь необходимо имели перед собой предмет отрицания: купеческий быт с его «делом». Такое деятельное отрицание есть длительный процесс, в котором, конечно, бывали минуты сомнения. Да и как не сомневаться, если их «дело» как-никак, а дает реально всем необходимые материальные ценности, а материальное развитие нашего дела теряется в тумане (*1 нрзб.*) будущего. И вот, когда теряешься, бывало, в сомнениях, то встают, бывало, из недр родового прошлого, как необходимость, как неминучесть, и смерть, и проклятие, и вечность, и роковой голос слышится: «Надо делом заниматься, а не утопией».

В катастрофический момент борьбы с «делом» занятие литературой было для меня истинным спасением: ведь это не было «дело», скорее наоборот, а между тем посредством этого «недела» можно было жить. Я уверен, например, что мое стремление к реализму, и даже больше — к физическому уплотнению 〈...〉 слова происходит субъективно от борьбы с елецким «делом»: посредством физики слова добиться тех же результатов, каких добивались купцы, производя реальные ценности 〈...〉

Только на Урале я понял посредством глубокого чувства, что новое строительство значительно именно тем, что это строительство не «дело» в том смысле, как далось мне это понятие, что истинно-железные люди, которые стали во главе этого строительства, только потому и стоят (*3 нрзб.*), что совершенно отрицают старое «дело».

Ближе всего это «недело» к войне, потому что, во-первых, как на войне, тут действуют массы. Вагоны переполнены, вокзалы набиты людьми из разных, часто отдаленных краев, и все эти, прямо сказать, народы находят себе место, мало того: их не хватит.

Тысячи иных признаков... Мы шли по месту, где прошлый год один инженер заблудился в лесу. Теперь тут от всего леса среди целого города кое-где еще торчат забытые деревья ⟨...⟩ и самое главное это в том, что вдруг как бы исчезают неприятные лица: становится все хорошо...

Это стремление вперед так огромно, что будущее становится реальней настоящего. Ведь это верно, что инженер еще прошлый год здесь заблудился в лесу. Теперь тут город, а лес стоит вдали. Но какой это лес, ведь он обречен, его завтра не будет, этот лес почти нереальность. Зато вот механический цех, которого еще нет — он реальность.

[*Загорск.*]

11 марта. Я так оглушен жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить, чтобы сознавать виденное. Только вот теперь, когда увидел в лесу, как растут на елках сосульки, вернулось ко мне понимание возможности обыкновенных и всем доступных радостей жизни и вместе с тем открылась перспектива на Урал.

12 марта. По правде говоря, мы совершенно не знаем жизнь пустынников, потому что они там живут без свидетелей: как они вели себя при встрече с пустыней? Мы знаем об этом или с их собственных слов, или же со слов тех, которым они сами себя искусно показали...

Иногда я подсматриваю из кустов за теми, кто вышел в пустыню совершенно один, и в большинстве случаев вижу, что человек, оставшийся надолго с пустыней, занимается пустяками или гримасами; до того много я видел этого, что готов утверждать о непременной глупости одинокого человека при первой встрече с природой. И это вполне понятно, потому что сам человек в обществе оброс (*1 нрзб.*) чужим добром, собственное зерно его неузнаваемо затерялось в огромном чужом, и все это чужое в пустыне обращается в гримасу, и в огромном большинстве случаев оказывается, что от собственного-то зернышка, из-за которого произошла встреча с пустыней, осталась одна шелуха...

Но как я мог из кустов следить за пустынником? Представьте себе, что мог, потому что ведь каждый выходящий с пером на белый лист бумаги тот же самый пустынник, встречающий через пустыню зерно своей самости. Я беру любую книгу, и это все равно, что я из кустов, совершенно невидимый, смотрю на пустынника-автора. Конечно, нужно уметь отбросить все, чем маскируется автор, иногда чрезвычайно искусно...

Я ли не знаю Мережковского, но я сейчас не знаю, в очках он или без очков, бреется ли, а может быть, есть усы и что-то вроде бороды. Как странно, что ясно вижу его, а ничего внешнего назвать не могу. В этом есть моя особенность, я вижу внутреннее, а что извне, то мне нужно усилие. Вот почему я исследователь в литературе. Я исхожу от какого-то внутреннего неопределенного веления и нахожу иногда с трудом во внешнем мире, в вещах и чертах как бы совпадение... Этот момент находки и является у меня зародышем творчества. Мне кажется, я все могу описать или подыскать во внешнем мире материальном внутреннее. Меня же понимают некоторые, будто я учу, что, не имея мир в себе, можно найти его вне себя.

21 марта. Как это странно, что можно смеяться до слез! Но над чем же смеяться, как не над собственной своей жизнью, потому что ведь исподняя сторона всякого поступка тут вся налицо со всей своей подноготной. Но только стыд и слезы являются, когда человек смотрит в себя. И когда с глазами, полными слез, он смотрит и видит то же самое свое в другом человеке, то начинает смеяться и часто хохочет до слез.

24 марта. Всякий художник, по существу, непременно девственник, влюбляется, но никогда не отдается жизни, и если бы отдался, то перестал бы быть художником.

25 марта. Любовь — это знание. Есть секрет личного у человека и во всем мире. Есть в человеке и во всем мире сторона, которую можно узнать только посредством силы любви.

Да и как сказать, мы же все всякий момент не только живем, но и умираем, каждый вечер мы хороним свой день, и если вдуматься хорошенько, то каждый день, каждое мгновение секретно от всех мы хороним себя, пока, наконец, не дойдет до необходимости заготовить кому-то для тебя доски.

28 марта. Ритм жизни (радость зачатия будущего и др.) сохранился теперь только в природе: ведь грач чувствует же себя, как грач, и корова знает, что она корова, а человек нет, он расчленен и человек-кулак или человек-пролетарий разные существа.

31 марта. Со мной что-то нехорошее делается. Если я встречаюсь с предметом, напоминающим мне всякое мое прошлое, от отдаленного времени до прошлого года, непременно он вызывает во мне что-то вроде психической тошноты, которую на слова перевести, будет приблизительно так: «Все это напрасно ты делал» 〈...〉

Написанное мной я не только не перечитываю, но стараюсь вовсе не думать о нем и действительно не думаю. Я читал недавно детям с таким большим успехом, но внутри даже от этого радости не было... Что это такое?

5 апреля. Наконец-то мне удалось побывать на большом уральском строительстве, и эта поездка разбила в пух и прах то мое представление, которое сложилось из материалов повседневных моих наблюдений строительства возле себя и чтения газет.

Точно так же, как, помню, после поездки на фронт во время войны с Германией, я почувствовал очень остро несоответствие маленькой текущей литературы с адским величием картины мирового зла, так и теперь, вижу, пресса не стоит на уровне дела. Не бойтесь, однако, товарищи литераторы, мой камень в ваш огород если и полетит, то не с той стороны. Как могу я бросить камень, если сам плохо могу писать о деле, которого на свете не было.

17 апреля. Ночью был мороз, и солнце было взошло, было совсем чисто, но вскоре небо посерело, пошел дождь, и так началась весна воды.

Вечером у нас были Фаворские.

Строят плотину в Вифании [185]. Человек тридцать работает с воротом, и все до одного рабочие связаны делом друг с другом так, что если один неверно или худо работает, то это сразу же и заметно. Что, если бы в литературе тоже так ясно видна была бы цель и роль каждого писателя.

1 мая. Как я живу? Живу, укрываясь делом, которое понять и разобрать до сих пор не могли; пожалуй, я даже и не укрывался. Я просто жил за счет своего таланта, меня талант выносил. Но теперь слышатся голоса: «Нам не нужно индивидуальных талантов и личных качеств,— ведь таланты, как грибы растут при дожде, будет дождь — будут грибы». Так и нам нужен социальный дождь, а не забота об отдельных писателях, будут созданы условия, а таланты вырастут сами.

Разве это неправда? Конечно, правда. Но я, занятый обязанностями в отношении своего таланта, не имею большой возможности определять социальную погоду; если я займусь погодой, а не романом своим — то что же это будет?

2 мая. Сколько творческого времени нужно потратить, чтобы оборониться от теорий творчества, создаваемых ежедневно людьми, никогда ничего не создавшими и претендующими на руководящую роль литературой.

6 мая. Мания или реальность Кащеевой силы? Ну, как же не реальность. Что значит «разъяснить» писателя? Значит, это прекратить его деятельность. Вроде как бы подкоп ведется под тебя,— разве это не страшно? Пора покончить с этой зависимостью от литературного заработка. Буду переключаться на фото-работу и пенсию.

9 мая. На этом сходимся мы все — что европейско-американская культура количества (числа) и вместе с тем падение качества вещей, исчезновение надежды на глубокое счастье в творчестве — что все это нам не мило. Но вот мы, желая преодолеть то, догоняем материально Европу, чтобы этим материальным оружием уничтожить фетишизм производства и денег. Но, догоняя, мы заражаемся этим фетишизмом и отравляемся военщиной, стандартом, теряем из виду исходные пункты революции.

И когда я говорю, что коллектив должен так же любовно относиться к машине, как ремесленник к своему инструменту, то на меня набрасываются за то, что я посмел взять сравнение из ремесленного мира. Или когда я говорю против капитализма Америки, начинают прославлять небоскребы и проч.

Во всех этих глупых возражениях, выходках таится забвение революции и простое стремление к скорейшему мещанскому счастью.

16 мая. Дорога к власти — это именно и есть тот самый путь в ад, устланный благими намерениями. Надо понимать еще так это, что благие намерения лежат лишь в начале пути, а дальше никакие приманки не нужны: дальше движет взвинченное достоинство и постоянно возбуждаемое самолюбие; до того доходит, что самолюбие носителя власти материализуется и, например, офицер старой императорской армии чувствовал себя смертельно оскорбленным, если кто-либо касался его эполет. Почему так и противно ⟨...⟩, что это самовластолюбие есть движущая пружина, и весьма откровенная, тогда как сам истратил жизнь на то, чтобы спрятать самолюбие и дать сверх него...

Во власти человек прячется от самого себя, во власти он живет как бы вне себя, власть дает возможность быть вне себя, посредством власти можно убежать от себя самого («погубить свою душу»). И есть момент в жизни, когда следует погубить свою душу («за други») — в этом и есть вся правда революции.

18 мая. Творчество — это единственная сила против обиды, и вся энергия должна быть направлена на сохране-

ние того творческого светильника, с которым поэт выходит в то время, когда кончается действие разрушительных сил и жизнь вступает в пору созидания.

19 мая. К записанному вчера о творчестве, смывающем всякую обиду, прибавляю, что всякому творчеству предшествует момент самоустройства, подобный тому, как в быту, устраивая семью, человек делает себе дом. Правда, ведь чтобы просто мысль записать в лесу, надо остановиться или даже присесть на пень. Конечно, можно и нужно писать о разрывах, но собственная авторская установка похожа на рычаг, имеющий где-то точку опоры: рычаг, поднимающий в настоящем из прошлого будущее.

Эта установка рычага, или гармоническое соприкосновение с органическим целым мира, легко смешивается с тем мещанским спокойствием, к которому стремится усталая, робкая, забитая душа. В революционное время этого спокойствия быть не может, и нужно выработать особую гигиену для борьбы с соблазнами такого спокойствия.

Очень возможно, что творческая предустановка, которую изображаю я в «Родниках Берендея» или в последней главе «Кащеевой цепи», принимается публикой за то мещанское спокойствие, иллюзорную идиллию, которую вообще соединяют со словом «природа». С другой стороны, в это напряженно-индустриальное время мысль невольно остерегается притягательной силы Земли, как предустановки индустрии: с этой землей связаны имена Руссо, Толстого и особенно народников. Никому не приходит в голову читать мои вещи не символически, то есть за простотой моего языка видеть и простую, хотя и поэтическую жизнь. Пиши я о заводах, конечно, я и там бы нашел Землю и говорил бы то же самое, но тогда у меня не было бы в обращении таких сбивчивых понятий, как природа и т. п., и я скорее мог бы выбиться к широкому пониманию меня обществом. Но ведь целая жизнь истрачена в скитаниях по лесам, и переключаться на индустрию очень трудно, особенно в спехе, при посредстве командировок от журналов с их условностью.

24 июня. Вчера подписал договор с «Известиями» о поездке на Дальний Восток [186].

1 июля. Сборы в полном ходу.

2 июля. Поэзия для меня есть дело самой жизни, только являемое в ритмическом соотношении слов.

4 июля. Искусство — это врученный художнику момент всеобщего творчества жизни, момент мироздания в ритмической согласованности сущего.

14 июля. Этой ночью мы проехали невидимый Байкал. Тут есть горячие ключи и в —50 градусов зеленеет зимой трава и на теплом месте шаман сидит...

На лобазе у тунгусов висит пушнина и запас мяса. Если хозяин увидит след под деревом, означающий, что был человек, и если при этом окажется пушнина и мясо нетронутыми, он скажет: «Был нехороший человек». Если же пушнина цела, а мясо тронуто, обрадуется и скажет: «Был хороший человек».

16 июля. К вечеру мы пересекли огромную реку Зею.

18 июля. Сегодня мы едем где-то в краю Амура. Множество малых речек переезжаем и проезжаем.

Самый счастливый человек в нашем вагонном обществе бельгийский геолог, старик 80-ти лет, открывший нам золотоносный Алдан. Он счастлив, потому что в свои 80 лет он ясными глазами может смотреть часами в окно и с большим интересом читать историю земли.

Приехали во Владивосток. Дождь, пахнет рыбой.

Остров Фуругельм. Ехать пароходом до бухты Посьет и там просить Дальневосточный трест представить на остров.

19 июля. Начинаю понимать в желтых лицах китайцев индивидуальности. Уважение к китайцам растет: истинно трудовые люди и живучие. Буду собирать у китайцев материал о пантах и через это войду в понимание.

20 июля. Увидел первое солнце во Владивостоке. Вчера в китайском театре изображалась жизнь за 500 лет от нашего времени и приемы игры были древние.

Солнце порадовало и скрылось в тумане. И весь день, как обыкновенно, было сыро, шел дождь и парило. Мало-помалу надо понять здешнюю природу. Пока мне кажется, будто здесь только два времени года.

Осматривал пантовую базу.

Бывает, изюбр скусит верхушку жень-шеня и тогда корень не растет семь лет: спит. Жень-шень: головка, на ней ценятся морщины, шейка, верхние отростки — их надо как можно меньше, тело с ногами.

21 июля. Солнечный день. Снимал жень-шень (человек-корень). Если говорят просто «жень», значит, корень представляет фигуру человека наиболее отчетливо.

24 июля. К полудню разгорелся солнечный день. Так пока с утра очень тяжело все выходит из тумана. А растения развиваются роскошно. Странно, что и трава и огороды поспевают в один срок с нашими.

В Семеновской гавани фотографировал. Женщины сидели на корточках у самого моря, китаянки с ребятами, привязанными назади, все ждали судов с ивасями.

Есть сказание, что будто бы бог при посеве своем забыл про Дальний Восток и, увидев его пустым, посеял остатки всевозможных семян.

Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то все равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий... То же самое и панты, взятые с головы красивейшего зверя «Олень-цветок».

27 июля. Выехали в 9 утра в Посьет.

30 июля. Вечером ездили на подкормку песцов.

Молодой баклан из гнезда на неприступной скале должен броситься вниз и, не учась, полететь.

4 августа. Вчера на дню сто перемен, когда солнце выйдет — станет очень жарко.

Когда живой самец и худые оленухи — родятся самцы, и наоборот.

5 августа. Видели оленуху с олененком, которые в трехстах шагах от нас паслись, зная о нас и не убегая.

Олень на задних ногах достает лист дуба.

Борьба двух оленух с орлом за олененка: тоже на задних ногах.

Пил воду из трех ручьев. Синий дрозд, отдаленно напоминающий дрозда. Голубая сорока, пестрая чайка, черная ворона.

6 августа. Вечером ходили к острову «Томящееся сердце» (назван так бывшим владельцем, потому что во время прилива шевелился камень на острове). Олени начали выходить на открытые места, были и пантачи и сайки.

14 августа. Мы ездили в Песчаное смотреть спилку пантов. Смотрели изюбрей. У них скоро (в сентябре) будет рев (у оленей на месяц позднее). Изюбр, как северный зверь, груб, олень — субтропическое животное, гораздо нежнее.

24 августа. Несколько дней назад в природе произошла перемена, стало ясно и, главное, в ясности явилась благодатная прохлада. Нет по ночам больше уже летающих светляков, и когда вспоминаешь Фуругельм, то кажется, был в какой-то другой, тропической стране.

26 августа. Как трудно здесь быть сельским хозяином! Там, в недрах страны, почти всегда мы можем накануне

сказать, какая завтра будет погода. И пусть даже неверно предсказывают, все-таки хоть попытку делают разобраться и понять фенологический ритм природы. Здесь на дне семь пятниц, приезжий человек после нескольких усилий понять что-нибудь опускает руки и обращается за советом к китайцу.

27 августа. Будто бы оленьи пятна — это его защитные пятна под блики солнца и что будто бы все звери родятся с признаками пятен.

Чем успокаивает шум моря, когда сидишь на берегу? Тем, думается, что мерный звук прибоя говорит о больших сроках земли, прибои — это как будто часы самой планеты, и вот эти большие сроки встречаются со сроком твоей маленькой жизни, и начинается раздумье, и маленькая скорбь исчезает.

31 августа. Сидеми. К первому сентября лучшие старые рогали свое яркое солнечно-пятнистое одеяние переменили на скромное зимнее. Фазаны из бурьяна стали перебираться на азиатские пашни. Пролетел табунок маленьких куликов. Конец виноградной лианы, огромной, обнявшей и скрывшей собой совершенно высокий и просторный грецкий орех, побурел от осени, стал такого цвета, как переспелый виноград.

2 сентября. Лучшее в моем путешествии были эти встречи с морем в одиночестве среди пустынных гор и дико распавшихся скал. И тут, у края земли, возле белого кружева соленой воды, среди ракушек, морских звезд и ежей и сюрпризов моря человеческого (сколько бочонков!), на твердой земле тут лучше всего: тут вся трагедия мира, тут все, и в этом огромном я тоже живу.

5 сентября. Вчера с катером «Островитянин» приехал из Сидеми во Владивосток.

8 сентября. На одной стороне Союза, на западе, стоит страшный враг — это разумное мещанство немцев, на другой — восточной стороне — иррациональное мещанство китайцев. Трудно сказать, которое сильнее и опаснее для большевика: мещанство немецкое соблазняет разумным устройством повседневной личной жизни, согласованной, впрочем, и с жизнью общественной; китайское мещанство, презирающее материальное расширение благ, в своем пассивном сопротивлении насилию соблазняет той личной свободой, которая остается и у раба в его ночных сновидениях, и у смертельно больного, когда сама боль как бы устает и на короткое мгновение уходит. Этим формам немецкого стационарного мещанства только по внешности

противоположно американское динамическое мещанство, где в абсолют взят не покой, а вечное движение. Но это, конечно, тоже одна из форм мещанства, характерного вообще разобщенностью между собой личностей, составляющих то или другое общество и государство.

Мы хотим всем этим формам мещанства западного, восточного и американского противопоставить коллектив, в котором внешние перегородки между личностями будут расплавлены: тысячи глаз в таком коллективе беспрепятственно глядят на негодного члена и тысячи рук выбрасывают его вон, тысячи людей восхищаются хорошим, примерным человеком, воспитываются и так мало-помалу преодолевают в себе тот грех, который отцы называли «первородным».

19 сентября. Материал, добытый на Путятине, куда отправился в пятницу 11-го и вернулся ночью 17-го.

Мало хорошего видел я на острове, но, уезжая на пароходе, разговорился в кают-компании с одной дамой, бывшей одновременно со мной на Путятине.

— А лотос видели? — спросила она меня.

И тут оказалось, что это я ее видел, как она шла по болоту, я же, спасаясь от грязи, поднимался все выше и выше.

Она мне рассказала, что занималась ботаникой, что долго колебалась и мучилась, вынужденная из-за детей бросить науку, что случай такой вышел: муж ехал в командировку на Дальний Восток на несколько дней, и она поехала за ним, чтобы только взглянуть на лотос, живущий на Гусином острове.

— Неужели вы так и не видели? — спросила меня восторженная женщина.

20 сентября. Влюбляться и проходить — вот счастье путешественника, влюбляться, но не любить: чуть ведь полюбил, надо беречь, чтобы другой это не украл, беречь, ревновать, защищать и в конце концов служить и в служении забывать тот самый лотос, из-за которого когда-то влюбился и потом полюбил.

Нет, я с этим не согласен, можно влюбляться, можно и любить и можно служить, не забывая о лотосе. Можно!

21 сентября. Звери в беде перестают друг за другом охотиться (вот лев и ягненок — вот когда лягут — в беде).

Если китаец находит Жень и делает заметку, то эта заметка значит и для другого, кто найдет: «замечено, не трогай». И не трогают, потому что иначе — смерть.

Китайцы не пьют коровье молоко, потому что тогда надо корову мамой считать.

3 октября. Мне остается три дела: гон оленей в Сидеми, Кедровая тайга и цифровые материалы.

9 октября. Вчера достал «Корень жизни» и читал о том, как ищут его, как страдают. Вспоминал при этом свое хождение в град Китеж, страдания паломников и тоже «чистое сердце».

10 октября. Прохладно и прекрасно ясно, как у нас в сентябре. Разгар гона пятнистых оленей.

15 октября. Олень ревел утром при звездах точно на том же месте, где вечером, и еще один напротив нашего домика.

Пейзаж теней в редеющей тайге: очень яркое солнце, и я узнал, что саек,— по тени на его спине: уши и еще что-то — что? Пригляделся: саек.

[*Без даты.*] Гон пятнистых оленей. Старый опытный боец сильно упирается лбом в лоб противника и вдруг подается назад, неопытный падает на колени и тут его бьет в бок насмерть. Не в рогах дело. Вот знаменитому бойцу срезали рога, но по-прежнему вид его подавлял других, и когда пришлось драться, он костяными шишками проломил ребра противнику и тот погиб.

Был случай, когда побежденный олень, обезумев, бросился в море и вылез на другом конце бухты.

Обыкновенный гарем рогаля состоит из 7—8-ми оленух, но говорят, у диких до 15-ти штук.

Бывает, бьются до того, что не могут стоять, лежа бьются, и оба погибают.

8 ноября. Вчера около полуночи приехал в Москву.

[*Загорск.*]

16 ноября. Природу я понимал раньше как условие рождения на земле человека и в этом смысле смотрел на охрану природы. Теперь охрану природы хотят свести просто к охране советского хозяйства.

23 ноября. Привычка. Читал «Старосветские помещики» и вот теперь только на старости лет понял, из-за чего написана эта вещь: сила привычки религиозно противопоставлена рациональным начинаниям. Это восточная вещь. Так живут китайцы ⟨...⟩

Выходит так, что страсть бессильна *(1 нрзб.)* любовь и любовь сильная рождается в привычках. И еще: люди живут бессмысленно — и это не важно: важно, что они, привыкая друг к другу, любятся и от этого весь внешний мир приходит с ними в согласие: двери поют.

1 декабря. Все возвращаюсь к «Старосветским помещикам» — вот удивительный, почти какой-то научный хими-

ческий эксперимент: писатель устранил все факторы быта, оставил одну привычку и показал нам, что истинная, прочная, настоящая любовь держится привычкой.

4 декабря. Мне через год 60 лет, и все-таки невесту свою я снова видел во сне. Она мне написала письмо, удивленная и пораженная тем, что узнала, будто я все еще ее не разлюбил. Явилась ко мне самая серая барышня, но я без тоски и разочарования всматривался в ее лицо, удовлетворяясь и тем, что кое-как по отдельным черточкам мог представить себе лицо моей Вари. И вот после того говорите, что поэты не родятся, а ими делаются. А еще сколько на свете существует таких тайных поэтов.

Раньше я писал, понимая читателя как друга, может быть, в далеком будущем, и дивился, когда находил современников, до которых доходило мое писание. Теперь современники представляют собой властную организацию цензоров, не пропускающих мое писание к будущему другу.

Литература, вероятно, начнется опять, когда заниматься ею будет совершенно невыгодно...

Первая треть декабря. Вчера переломилась погода и полетела пороша, стало сильно теплеть ⟨...⟩ ставлю самовар. Лучинки вспыхивают по краям, где обломлено, и тухнут, остается едва живой огонек, и я загадываю, спасая его, повертывая вниз,— выживет огонек — и я выживу еще как писатель, еще попишу.

И огонек выжил...

Читал дискуссию с РАПП попутчиков ⟨...⟩ [187] Значит, все решено свыше и правильно: писатель даровитый (попутчик) есть собственник своего таланта и находится в отношении членов РАППа как кулак к бедноте. И неминуемо он должен быть раскулачен, а вся литература должна обратиться в Литколхоз с учтенной продукцией.

РАПП, или воинствующие пролетарские писатели. У попутчиков есть вера в культуру в том смысле, что литература создавалась народами всего мира и с самых давних времен, что за эти времена человечество нащупало законы литературного творчества, которые каждому писателю необходимо понять, изучить, и что без этого прошлого не войдешь в литературу современную.

У воинствующих вера такая, что настоящее вовсе не вытекает из прошлого, а есть факт небывалый, и чтобы войти в него, скорей надо забыть прошлое, чем из него исходить. В этом и состоит спор пролетарских писателей с попутчиками.

10 декабря. Если в математике для исчислений допускаются, например, бесконечно малые величины и посредством этого допущения достигается в конце концов сооружение мостов и других плотных для всех «реальных» предметов, то почему вы не можете себе представить, что художник в искусстве при создании реальных вещей не может руководствоваться тоже каким-нибудь допущением невидимого, например, свободы, как условия для творчества. И пусть эта свобода сама по себе не существует и недопустима в обществе, но...

Очень возможно, что за то и тянутся все к поэзии, что в ней допущена свобода личности и что только эта свобода отделяет «поэзию» от «жизни».

Я защищаю не иллюзорность искусства, а реализм, я только хочу сказать, что чувство свободы художника, точно такое, как мысль о бесконечно малых в математике, есть необходимое условие для творчества и что именно это допущение качественной величины самочувствия «свободы» и делает искусство искусством, а не государственным строительством.

Вот, положим, я дикий писатель (попутчиком никогда не был) и кое-что пишу полезное, но допустим, что я принят в РАПП. Вначале я ничего не буду писать, я буду привыкать, и когда освоюсь с предметами в «перестройке», то буду летать по-прежнему и между этими предметами, не задевая их. Но горе в том, что РАПП именно и создан для того, чтобы быть умнее писателя и направлять его полет в желательную им сторону.

13 декабря. Что же в самой жизни? Все эти раппы щушера-мушера, и когда им об этом скажут, то они отвечают справедливо: не в нас дело, а в принципе. Так вот, значит, сила их состоит лишь в их отношении к принципу, то есть в их логически-научной вере 〈...〉 Принцип выиграли, но жизнь обыграли. В литературе это и сказалось, да и сами вопят, что нет человека-писателя, который мог бы написать в уровень событий (это значит: жизни).

19 декабря. Меня расстроило, что отказались печатать «Кащееву цепь» 〈...〉 Началась тоска самая острая со сладостной мыслью о смерти 〈...〉 Я теперь живо представляю себе состояние духа Л. Толстого, когда он желал, чтобы его тоже вместе с другими мучениками отправили в тюрьму и на каторгу. Я накануне решения бежать из литературы в какой-нибудь картофельный трест.

22 декабря. Какой я вам попутчик, я вам отец. Но если я взял на себя обязательства к вам и работал для вас чет-

верть века, то я требую теперь, чтобы и вы взяли на себя обязательство в отношении меня, как отца.

Открыли, что Ап. Григорьев был идеологом торговой буржуазии. Для нас это «открытие» ничего не открывает, можно быть идеологом буржуазии и дать миру много ценного, и это ценное и надо бы раскрыть критику ⟨...⟩

Вот сколько я наблюдаю природу, а каждый год все идет по-новому, и я привык, как художник, жить этим разнообразием и считать за открытие и счастье, когда является такое новое, о чем хочется всем рассказать; теперь за открытие считается явление единообразия, стандарта. Художник должен не ждать от жизни подарков ее разнообразия и неожиданностей, нечаянных радостей, а обыграть ее и подвести под стандарт.

30 декабря. Всмотреться в формы отдельного дерева в лесу, это будет картина самого невозможного приспособления в поисках света: какие чудовищные искривления в борьбе за жизнь; и вот теперь надо себе представить, что человек тоже в борьбе за жизнь весь распластался по такому дереву и до того слился с ним, что стал незаметен...

31 декабря. При пересмотре фотографий: как-то ничего не остается связанным с недавним прошлым, как будто время так, само себе проходит и к нему жизнь не пристает; что же это, жизнь моя холоднеет и не вяжется со временем, или нет, я такой же, и время стало холодным?

1932.

1 января. Вчера мы с Павловной вечером засиделись (я приводил в порядок альбомы) далеко за полночь и, ложась спать, забыли поздравить друг друга с Новым годом.

Разобрав, устроив свои фото, я сказал Павловне:

— Если уцелеют мои снимки до тех пор, когда у людей начнется жизнь «для себя», то мои фото издадут и все будут удивляться, сколько у этого художника в душе было радости и любви к жизни. Да, вот если бы все люди ⟨...⟩ стали заниматься тем, что каждый из них любит, для чего каждый рожден,— что бы это было!

7 января. Символизм — встреча текущего мгновения с вечностью, а место встречи — личность. Все верно, пока личность настоящая, но как только явился «изм» и творчество символов стало методом («творческое бюро») и личности стали всякие, то символизм стал ерундой...

8 января. Дыхание жизни и смерти. Темно и ужасно все нависло, капель. Есть глубже тоски слой души, царство безнадежности. Вести оттуда тем ужасны, что не оставляют от прошлого ничего: как будто жизни во времени вовсе не было, и все прошлое такое же тусклое пятно, как это серое небо.

По-иному сказать: вот ты жил и копил всю жизнь, а когда пришел черный день, то из копилки нечего взять. Это именно и есть то, что ускользает от обыкновенного сознания, когда думаешь о жизни подвижников: борьба с чертями — это совершенные пустяки в сравнении с этим смертным дыханием: я вижу три возможности выхода.

Один «пессимистический», но верный: это вперед признать «ничто» и затем жить без очарований. Другой выход (мой выход): это когда видишь не темное небо, а чистое, звездное,— спешить копить в себе радость и успевать, пока не прошло, давать жизнь другим и так закрепляться вовне с радостью (сила родственного внимания, творчество). В эти радостные моменты представляется, что смерти нет, что этой силой творчества она будет побеждена. Но когда приходит час, то все равно все творчество жизни сметается. Раз пройдет, и звезды вернутся, два, три, и так живешь, терпишь, зная, что это пройдет, как раньше проходило ⟨...⟩

Третий путь — это путь не свой. Это даже не путь, а постороннее разрешение вопроса заглушения личной тревоги ⟨...⟩ когда некогда чувствовать звездное небо, и тусклые сумерки, и ночь, когда некогда думать, размышлять о конце и кресте.

9 января. Та творческая радость, какою жил я так долго, не допускает насилия над собой ⟨...⟩

10 января. Все эти зимы у соседки рано в темноте разгоралась русская печь, и мне было видно, как старая колдунья действовала там, беспрерывно меняя кочергу на ухваты и рогачи с большими горшками. Нынче там напротив темно, а старуха жива: дров нет, старуха перешла на буржуйку и невидимо в другой комнате коптит свои стены. Кончилась сказка ⟨...⟩

Смотрю рано в темное окно и думаю так о старухе: нет у нее дров, печь не топит, сказки нет у меня под пером.

Читал Белого «Памяти Блока» [188].

18 января. Художником в «образованном» обществе называют мастера, который умеет так сделать, что публика, почуяв, например, приближение весны, скажет: «Весна, как у Левитана», или, приехав издали к морю, узнает его

и скажет: «Прекрасно, совсем как у Айвазовского». Мне же хочется в художнике видеть убедителя, заставляющего и на море и на луну смотреть собственным «личным» глазом, отчего каждый, будучи личностью неповторимой, являясь в мире единственный раз, привносил бы в мировое хранилище человеческого сознания, в культуру что-нибудь от себя самого...

20 января. Сиротская зима продолжается. Время как бы остановилось. В предрассветный час жутко... оттепельное небо, и слышу я: проснись, писатель, друг мой, и больше не жди к себе нечаянной радости, подарка и желанного гостя, закрой калитку и ложись спать прямо в заплатанных штанах и дырявых валенках.

Вся ли наука такая — не берусь судить, та наука, которая исследует причины явлений, делает открытия и устанавливает законы, имеет свойство скрывать личности своих творцов, и человек науки часто даже имя свое переплавляет в сделанное им изобретение: так вот физик Реомюр до того скрылся в ртутный термометр, что редкий при слове Реомюр подумает о человеке.

В искусстве нет никаких законов, и форм, и тем, укрывающих личность. Ни за какой темой, самой великой, даже за богом, не скроется художник 〈...〉

Всякий истинный художник непременно по своему личному вкусу смещает качество и потому является революционером.

27 января. Мечта в рамках плана все равно, что река в берегах: тут спор большой, берег говорит — «удержу», а вода — «размою». Так точно и книга пишется в большом споре твердого плана, «идеи» с потоком жизни, стремящимся размыть предустановленный твердым разумом план. Не будем же скрываться и на первой странице запишем «идею» Даурии [189].

31 января. Продолжается оттепель. Начал «Даурию».

7 февраля. Если бы я, например, пришел в РАПП, повинился и сказал, что все свое пересмотрел, раскаялся и готов работать только на РАПП, то меня бы в клочки разорвали (так было, например, с Полонским и со многими другими). Причина этому та, что весь РАПП держится войной и существует врагом (разоблачает и тем самоутверждается); *свое ничто, если оно кого-нибудь уничтожает, превращается в нечто.* И вот, конечно, это должно возбудить гнев, если некто из вражеского стана сдается и сам себя без боя превращает в ничто (прямой убыток).

8 февраля. Сел за «Даурию» и перестал заниматься фотографией. Мне дана одна струна, или, сказать вернее, лирическая нотка, одна для всего, так что если я чем-нибудь занимаюсь, то одним только, например, музыкой, или фотографией, или рассказом, или стихами; но чем бы ни занимался, по всем видно, что это я, только я так могу; есть люди, которым дана не одна нотка, а сто, но моей одной довольно, чтобы знать о себе, о своей личности, как неповторимой: раз был, заявил о себе и больше никогда не повторись.

Культура — это связь людей в пространстве и времени.

9 февраля. Вчера Фаворский сказал, что фотография передает случай, а живопись событие... и что на этом пути фотография, конечно, может считаться самостоятельным искусством.

Жизнь есть единство, и не только событие, но каждый случай в ней есть явление целого. Но, конечно, надо вперед понимать целое, чтобы узнавать его появление в частном (впрочем, если не понимать, то хотя бы допускать). Если взять в пример фотографию, то целое, как невидимое изображение, а проявление, как явление целого в частном.

10 февраля. Прежде чем полюбить врага, нужно так сделать, чтобы его забыть и потом, достигнув блаженства (как солнце), встретить прежнего врага само собою с любовью, потому что солнце господнее льет с одинаковой любовью свет свой на праведных и неправедных.

Но как же забыть-то врага? Взяться за такое большое дело, которое он по малости своей не мог бы даже и видеть, а не то что мешать. Это великое чувство жизни, та самая «предустановка» целого, благодаря чему каждое частное явление, каждый частный случай был как проявление целого.

12 февраля. Дорогой, не углубляйтесь в чтение таких умных книг. Вам кажется, что этим самоуглублением вы достигаете высшей ступени относительно окружающего вас общества, на самом же деле вы через умные книги становитесь просто умнее себя самого, и это воображаемое более умное существо в вас презирает, в сущности, не окружающую среду, а вас самого настоящего, без книг, просто сказать: чужими мыслями вы убиваете в себе собственное творчество — всегда гениальное дитя.

27 февраля. Вчера вечером, когда шел к Григорьеву [190], все небо было закрыто и только намеком единст-

венная светила через матовую тусклость звезда: какая же это большая звезда, если одна только могла осилить тусклое небо!

Писателя и вообще художника я понимаю так, что в его произведении лично он, как человек, совершенно не виден, но если кто хотел бы допытываться о личности этого художника, желая понять его произведение и с этой стороны, то чтобы для тайновидца открывались бы все сокровеннейшие, все самые затаенные человеческие уголки души художника без всяких комментариев.

Да, если по-настоящему напишешь, то в конце концов разберут тебя всего.

23 марта. Вчера 100 лет со дня смерти Гёте.

29 марта. Знание причин явления не дает нам его качество. «Чудо» не есть причинность, как думали, оно теперь отходит в область творчества качества. Что происходит (причина). Как мы живем на земле (качество).

День прошел, как самый большой праздник, чего стоит жизнь одного только моего окна: какими чудесными узорами разукрасил его мороз поутру, как от солнца протаяла солнечная середка, потом исчезло все и на краях, а вечером опять заузорилось, так и весь день, как окно: в середине пламенеет воздух, плавится снег и выступает вода на дороге, а утром и вечером все обрамляется легко-морозными зорями: день, как в раме, день, как окно в грядущее.

Будьте как дети! Дети никогда не смешны, начинается смешное, когда человек сложился. Какая-нибудь черточка окостенела особенно и осталась в общем облике неподвижной.

3 апреля. Романтизм и скепсис — разные дети одного упущенного мгновенья жизни, родные дети истока «духовной жизни».

Романтизм — это не взять мгновенье и пытаться возместить, скептицизм — взять и увидеть «не то». Ангел упущенного мгновенья жизни.

6 апреля. Хочу продумать свое отвращение к учительству. (Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться.)

В одной точке времени жизнь собирается, как электричество, происходит вспышка от соприкосновения, и это освещает срок этой жизни, и назад и вперед.

11 апреля. Когда во время писания я затрудняюсь в словах и не могу отвыкнуть от трафаретных фраз, то шепчу это устно какому-нибудь близкому человеку и через это получаю дар писать дальше.

16 апреля. Жизнь человеческая («вначале бе») начинается делом, и как будто слово кончает все, но сами слова не конец, а скорее мосты, соединяющие концы и начала (культуры): одно пережилось, кончилось, другое рождается, и между ними слово, как мост. Мы все, например, переходим по мосту Пушкина.

20 апреля. Сквозь облака солнце. Ни тепло, ни холодно. Вода медленно стекает. В лесу большом снег хотя и рыхлозернистый, но глубокий, ходить нельзя. На полях пестрота, на опушках проталины и угревы. В городе чисто, высушено. И все-таки откуда-то издалека проехал мужик на санях. До чего это удивительно ладно апрельский солнечный луч сочетался с песней жаворонка. Кто сочетал? Поэт? Если поэт, то какой-то поэт без слов, как почти всякий человек. Если поэт, то поэтическое это началось, может быть, далеко до человека: бабочки остыли и остались в полусне зимовать на подоконнике, а когда пришла весна света и уже проникла в окошко, бабочки полетели к свету и стали трепетать на стенке. Дальше — больше, и так прилетел жаворонок на свет и запел, и поэт и художник света явились в каждом земледельце.

Лучший вид свободы изображен в «Троице» Рублева: умная беседа о жертве с последующим согласным решением. Лично я ненавижу резкие споры с умственной истерией и насилием темпераментов: это война. А свобода людей в совете: не хочешь, не можешь сказать — слушай и дожидайся, когда найдет и на тебя желание сказать, посоветовать со своей стороны.

23 апреля. Итак, товарищи, я пересмотрел новую литературу, и вот что скажу: большинство писателей берут перо ради правды, но у них сил нет. Правда писателя должна явиться в образе поэзии,— у большинства писателей не складывается поэзия; другая, меньшая часть ищет поэзии и пользуется правдой жизни, как материалом. Где писатели, под пером которых правда является в образе поэзии и мы видим, что за словами стоит человек, как это было у Пушкина, Гоголя, Достоевского.

3 мая. Брюсова называли «преодоленной бездарностью»;[191] на самом деле у него большой талант и еще больший исследовательский ум. Он, по-видимому, отно-

сился к таланту своему, как ученый к подопытному животному: все узнал, и от кролика, живого существа, осталась одна шкурка. Как он сам говорит: «Могу двигаться вперед, лишь нарушая», а надо: «Не нарушить пришел, а *исполнить*». Вот, вот, вот! Я почти невежда в сравнении с Брюсовым, поэтическое насекомое перед микроскопом, а в то же время имею в себе недостижимое для Брюсова ⟨...⟩, потому что он пришел нарушать, испытать, а я, ничего не нарушая, исполнить.

Человек существует на земле вовсе не из-за себя, а для единства.

15 мая. Если мне хорошо, то и все хорошо, и если плохо, то и все плохо. Значит, надо, чтобы человек чувствовал себя по возможности хорошо и по-хорошему судил других, а не по слабости. Вот женщина, ведь каждая женщина с какой-то точки своей прекрасна: есть такая точка! и есть так, что можно с какой-то точки всякую женщину размотать как зло. Где же правда? Тут нет вопроса, а вот где вопрос,— как устроить свою жизнь, чтобы неизменно смотреть по-хорошему и в то же время понимать и ясно чувствовать всю ту бездну горя, через которую проносишь хорошую весть... Необходимость подвига (только не по книге, хотя бы самой священной, а в своем собственном дне и по себе). Нужна для подвига *память* (забываться нужно, но нельзя забывать и пропускать жизнь).

20 мая. В среду поехал в Москву. Начал хорошо работать. Погода стоит все еще очень прохладная. Цветут в Москве яблони.

Свет дает нам видимость мира, но сам себя свет, вероятно, не видит, как мы, живые существа, живя, не можем объяснить себе жизнь.

22 мая. Был вечером у Реформатских (Надежда Васильевна и Александр Александрович). Читал начало «Даурии».

31 мая. В «Новом мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-летию литературной деятельности. Статья эта шельмующая [192].

12 июня. Какое прекрасное утро! чувствую, будто голубь жизни радостно трепещет в груди, и оттого очень хочется собрать к большому столу много приятных людей, рассказывать им, слушать, и особенно вместе запеть. Но нет этого, невозможно собрать, и вот вместо всего хора я сочиняю один у себя за столом и, конечно, тружусь, из-за желания быть вместе с людьми.

[*Загорск.*]

3 августа. Теперь принято к языку подходить извне, минуя мать и бабушку.

Это почтенное дело дает нам пока только литераторов. Возможно ли выучиться «на писателя» по Шкловскому? — это для меня вопрос. Вероятно, в отдельных случаях и это «чудо» возможно, только зачем тратиться на «чудо», если родные матери в колхозах и няни в яслях даром учат прекрасно устной словесности.

Что мне рассказывать вам о технологии, как я читал классиков и вел дневники своих упражнений? — все это совершенные пустяки. Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного, личного, мохового, елецкого слова в мир общего понимания. Вот это да, об этом и следует говорить.

Я вам скажу кратко: путь провинциального слова к универсальному проходит по следу нарастающей индивидуальности, и когда данный индивидуум становится *личностью,* в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным.

Заря искусства остается обыкновенно в художнике при себе. Даже если и удалось создать что-нибудь, то все, что предшествовало созданию, остается невысказанным, об этом смешно и стыдно сказать. Но если не удалось ничего и солнце не взошло, то заря внутри себя остается единственным светом... Долго бывает больно возвращаться к этой заре неудачнику, но потом, когда все переменится, свет остается светом, в воспоминании эта заря является радостью, и говоришь себе: «Свети, дорогая, свети всем, мне лично больше ничего не нужно!»

И вот удивительно! Вот истинное чудо! Вслед за этим словом солнце всходит и *(3 нрзб.)* начинается совсем неожиданно новая большая прекрасная личная жизнь.

Так бывало не раз со мной, и вот отчего, когда приходишь в тупик, я не отчаиваюсь, а замираю на темное зимнее время и жду со всей страдающей тварью весны — воскресения.

Светопись, или, как принято называть, фотография, тем отличается от больших искусств, что постоянно обрывает желанное, как невозможное, и оставляет скромный намек на сложный, оставшийся в душе художника план, и еще, самое главное, некоторую надежду на то, что когда-нибудь сама жизнь в своих изначальных истоках прекрасного будет «сфотографирована» и достанется всем.

Но в огромном большинстве случаев и этой надежды нет, а остается документ жизни и про себя пережитый никому не известный восторг.

10 августа. Может ли быть красота в правде? Едва ли, но если правда найдет себе жизнь в красоте, то от этого является в мир великое искусство: таким великим искусством была русская литература.

11 августа. Звезды были на небе, как бусы в избах кустарей, перешедших в производстве своем с бус на ампулы: бусы эти многоцветные пережитком старого времени висят в избах без всякой связи с текущей жизнью — вот так и звезды, когда-то ангельские душки, теперь разъясненные и совершенно ненужные реликты, висели, проглядывая неясно через дым горящих лесов...

20 августа. Наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней; поэзия эта вышла, как победа, когда стальной узел необходимости был развязан. Теперь лишь в эпохи особенно глубоких потрясений мы делаемся способными понимать в прямом смысле слова «хлеб наш насущный» или видеть в корове Аписа; [193] с этой стороны жизнь стала легкая, несерьезная, а главное, пройденная: мы теперь охотимся там, где раньше боролись, и в согласии с этой охотой была и наша поэзия — не фактор борьбы, а знамя победы.

«Стальной узел», развязанный здесь, однако, завязался в другом месте: трагедия жизни перешла из пещер в погреба больших городов, в литейные и отделочные цеха заводов. Стальной узел жизни теперь завязан здесь, и наша этика в глубочайших своих основах здесь рождается, и силы всех лучших людей устремляются сюда, чтобы развязать этот узел. Но при чем тут поэзия? Разве дело так зашло далеко, что можно уже праздновать победу? Нет, дело тут в самом начале и не до жиру тут, а быть бы лишь живу...

Но разве нельзя, чувствуя место борьбы, изменять согласно поэтический ритм журавлиной родины? Яблоко прекрасного сада во все эпохи все яблоко, но только песнь наша о яблоке разная. И журавлиная родина иная. Мне кажется, у современного человека страсти должно быть больше.

Земледельческий труд и теперь самый тяжелый, как был он и в доисторические времена. Но в прежние времена там, где была тяжесть, там был и весь смысл жизни и тягость эта понималась универсально, как «власть земли». Теперь тягость жизни больше у какого-нибудь литейщика

на заводе или обитателя сырого подвала, но все-таки от земледельческого труда если уходят, то к нему не возвращаются: он не труднее, но ритм жизни и смысл ее перешли в город: там живут, здесь прозябают и всегда отстают в смысле: свинец и сталь нужнее, чем стрелы и веревки, а свинец и сталь на заводе. Пусть свинцом, железом и сталью будут люди добывать новую свободу, но победу будут трубить журавли, и сейчас мы охотимся там, где раньше боролись, а в будущем мы добьемся общей радости в природе.

23 августа. У Ценского, как и у Андреева, нет юмора, и у Ценского, кажется, еще недостаток в преднамеренности. Толстой и Достоевский не смеются тоже, а Гоголь смеется, Лесков шутит, Пушкин... есть юмор у Пушкина? Должен быть: у Пушкина есть все.

Есть большие писатели без смеха, и есть маленькие, тоже не смеются, и есть маленькие — чудесно смеются. Только очень большие могут не смеяться, талант же средних, не умеющих смеяться,— подозрителен; маленький, если умеет смеяться, какой бы он ни был маленький,— есть талант. Итак, правило: если ты сомневаешься в своем таланте, попробуй писать юмористику...

12 сентября. Вчера приезжала некая Афанасьева, делегатка от комсомола, просить меня принять участие в чествовании Горького (40 лет деятельности). Она говорила, что в детской литературе снова линию повели на фантастику и сказку.

15 сентября. Государство нуждается не только в полезных писателях, а в совести и правде литературы. Мы, старые писатели, не можем сразу справиться с этой огромной задачей: приспособиться и остаться самими собой. Во всяком случае, дело не в «успехе», а в чем-то бесконечно большем.

5 октября. Дождь и хлопья мокрого снега, растворились все хляби небесные. Седой старик в лаптях, в юбке из грязных мешков, с корзиной в руке, стучит под окнами и собирает ради Христа. И как подумаешь только, что «я» у этого нищего такой же единственный и исключительный орган восприятия мира, то есть я хочу сказать, что с его фактической и невольной «точки зрения» его бытие важнее всего в мире, а я, например, я — М. Пришвин, со своими рассказами, просто даже неведомое существо, какой там я! — даже сам Пушкин. Ему просто и некогда о нас знать. Итак, этот Он идет и месит грязь. Вот я об этом хочу сказать, что Он, по всей вероятности, не только не мечтает, как

я, о всяких волшебных возможностях, а даже ему жизнь есть тяжкое бремя, и он, если бы не веровал в бога, с наслаждением лег бы под забором в грязь и к завтраму умер. И тем не менее на одной точке земли Он исключает меня, и на каких-то весах мы совершенно равны, его «я» и мое. Да, вот Он и заворачивает ко мне, Он просится в мой дом...

8 октября. Кончил Дриянского («Записки мелкотравчатого»)[194] и вспомнил Зворыкина[195],— это современный Дриянский. Оба очень талантливы до тех пор, пока не выходят из сферы охоты, а как вышли — полный провал. Это происходит от избытка привязанности к самому материалу и от того недостатка «легкомыслия», необходимого для перехода к иному материалу. У охотничьих писателей вся затея выходит от самой охоты: затейник-писатель в охоте рождается, а вне охоты он просто тужится, надумывает («Амазонка» Дриянского[196]). Я хотя и не утонул в охотничьих материалах, но тоже испытываю в сильной степени их давление.

10 октября. Старое совершенно прошло, а новая песня не складывается. В то же время я чувствую, что становая жила моя, как любил говорить А. М. Ремизов, цела. И вот получается, как с озимью под снегом: живешь, а не растешь...

13 октября. Бабье лето, все более и более короткое, в эту осень повторялось множество раз, и наконец пришел такой день последний перед зимой — теплый-теплый, серый, но довольно прозрачный и такой тихий, что казалось, будто кто-то по мокрой душистой листве идет и шепчет: «Тише, тише, не разбудите, зайцы спят». И вот до чего хорошо в такой день на рассвете с громким порсканьем пустить гончую и затрубить с отзвуком в лесистых холмах: «Вставайте, зайцы, вставайте!»

1 декабря. Если художник слова обладает талантом, то он не в состоянии переписать страницу своего сочинения без изменения. И точно так же в процессе творческой своей жизни он неизбежно вследствие скуки повторения должен переменять и совершенствовать форму. Отсюда вывод: художник должен искать встречи личности своей с материалом, вследствие чего форма родится как бы сама собой. Можно облегчить чрезвычайно эти роды изучением формальной стороны творчества, но это изучение не может стать на место «жизни», то есть зачатия формы от встречи живой личности художника с материалом.

Вопрос о «быть понятым» решается в процессе сотворения личности.

Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло, значит, из совокупности жизненного творчества получается некий плюс. И надо быть *личностью,* чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто *индивидуум* знает только себя. Итак, мы будем называть личностью общественно-сознательного индивидуума.

Цивилизация и культура — взятые внутрь творческой личности, означают следующее: культура — это связь между людьми в их творчестве, цивилизация — это сила вещей.

28 декабря. Продолжается гнилая погода.

Сегодня закончил вчерне «Корень жизни» (Секрет молодости и красоты) [197]. Если только не окажется перегрузки в сторону оленеводства и описание этого будет читаться легко, то вещь будет очень хороша именно тем, что, несмотря на ее глубокое содержание, она будет читаться всеми.

Прочитал «Дневник» Соф. Андр. Толстой, ч. I и так подумал: «Если бы сама земля могла сознавать, что ее пашут, то заворчала бы, застонала, перешла бы на короткие связи и рождала не хлеб, а бурьян» [198]. С этой точки зрения «освобождения» земли, Толстого очень легко обвинить в допущении «эксплуатации» своей графини. Но тут надо что-то ближе знать ⟨...⟩

1933—1940

1933.

7 января. Стоит без движения ровная на точке замерзания погода чуть ли не месяц (в жизни своей не помню). Под Рождество на палец пороша. И порхает-летит весь день легкая-легкая-легкая: дунь ветер — все снесет.

11 января. Остается набело проработать четыре главы повести «Корень жизни», дня на четыре и конец. Ух!

25 января. Занимаюсь перепиской и чтением «Корня». Вчера читал у Тальникова [1]. Вещь в целом мне все еще не ясна.

Общий путь всех русских больших писателей — это выйти из сферы искусства к чему-то более важному для человека (Гоголь, Толстой, Достоевский). На этом пути, однако, все эти великие люди имели однообразный конец в демонизме. Теперь представим себе обратный путь: художник отдается не во власть выманивающих его из сферы искусств идей, а, напротив, как только идея начинает выманивать его, соблазнять, отрывая от земли, он самую идею выбрасывает и за то самое, снижаясь, получает в свое видение новую деталь (так построена «Журавлиная родина»).

На этом же пути разрешить все вопросы только средствами искусства, оставаясь художником до конца [2].

9 февраля. Юбилей...[3] вдруг позвонился с поздравлением Семашко [4].

11 февраля. Поехал в Москву. Вечер Белого. Аудитория, как лик автора.

12 февраля. Весна света в Москве: бульвары и дети [5].

15 февраля. Пьеса Мейерхольда «Вступление» [6] — это политический очерк, в исполнении которого театр драматический пользуется средствами кино. И вообще сам Мейерхольд, кажется, и состоит именно в передаче движения, подобно как передает это кино. Через это и получается так, что второй раз на ту же пьесу Мейерхольда идти не хочется. Фосфорически курящийся след проходящей жизни.

Так кричат, что плохо понимаешь в этом крике слова, чуть что и непременно кричат во всю мочь. И тоже много свистят. Не только быт, но и всякий атом быта разбивается, и сила этого разбоя (раз-боя), конечно, совершенно отрицательная к «благам» жизни, и берет наше внимание к этим пьесам. У Ремизова, у Белого и еще, конечно, у Гиппиус и других было это художество за счет разбоя атомов быта с тонко причудливыми образами курящейся фосфоресценции. Это творчество из ничего, и сам творец в прямой жизненной силе своей поврежден в чем-нибудь до конца.

17 февраля. Приступить к чтению дневника систематическому, с разглавлением, тематизацией и проч.

[*Загорск.*]

26 февраля. Вчера приходил студент, какой-то Чемоданов [7], и так сошлось, что с 11-го завода рабочий Боков [8] собрался и с ним Костя [9]. Читал Чемоданов рассказ о классовом враге, представленном им в образе поджигателя. И предоставил критиковать самих же ребят, и они славно разделали Чемоданова за банальность. Договорились до того, что «враг» для писателя неинтересен даже такой, как на него обратили внимание газеты: «действует в колхозах такой-сякой» и проч. Враг это — кто мешает нам творить жизнь и радоваться творчеству.

Мы не хотим счастья, пусть оно достанется другим: будущим поколениям и даже будущим народам; но мы должны радоваться творчеству жизни...

Я рекомендовал им для изображения врага пользоваться Гоголем: он же именно этим и занимался...

Да, вот хорошо бы найти гущу, окунуться в ней и борьбу изобразить друга с врагом, причем враг и друг попеременно

занимают места официального друга и официального врага. Мы же, в глубине своей, должны держать нить творчества жизни и обоих героев незаметно «про себя» проверять. И хорошо бы это написать в форме пьесы. Держаться себя самого, а смотреть на Гоголя...

9 марта. В ГИХЛе видел корректуру «Скорая любовь» [10]. В «Красной нови» набирают «Корень жизни» [11]. Дело идет!

10 марта. Великие дни весны света: разгар полдней, утренний аромат снега, мороза и света. Вечером, даже не во сне, а перед сном, был в Люксембургском саду [12] и видел там все до мельчайших подробностей. В этот раз... храм любви, посвященный идее единства: любовь одна. В этом смысл брака: кто мог, кто умел, кому удалось — живет по линии счастья, которая во всякий момент может оборваться, кому не пришлось — живет с женой по линии долга и «в поте лица», но с надеждой на возможное счастье. Во всяком случае, смысл Люксембургского сада именно в единстве. И еще: мне теперь не так уже больно, как радостно, как будто мне остается собрать самые вкусные плоды этого сада.

15 марта. На 14-е ездил поздравлять Дуничку, и как раз тут началась весна: [13] стало киснуть, но, конечно, дорога еще совершенно нетронута.

Поверх сознания мчится жизнь фантастическая, непонятная. Ее нельзя понять, потому что она выше понимания нашего. И человек именно тем и спасается, что может забыться и говорить о картошке... и вот надо же наконец-то понять, в такое-то время совсем даже неприлично обижаться или отстаивать свое достоинство ⟨...⟩ Надо искать в творчестве нового русла.

22 марта. Разыгралась эпидемия сыпняка во всей силе, как в 19-м году. Другой раз подумаешь в отчаянии, что не стоит и жить. Но вот написалась же в этих условиях эта вещь «Олень-цветок» [14], такая милая вещь в такое-то время! и она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и начало спокойствия даже и во время эпидемии и войны.

16 июля. Сбор в поездку на Онего-Беломорский канал и Соловки [15].

25 июля. Петрозаводск и Онега. Надвоицы. В бинокль: вспомнил Надвоицы [16], внизу узнавал долго и вдруг увидел: черные неподвижные камни, как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было, как белые зубы. И так за 30 лет

народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути.

2 августа. Мне долго бы пришлось рассказывать о том, почему же это все выходило так, что я, имея намерение посмотреть Белоканал, изъездил весь север. И я тоже не могу здесь, конечно, передать хоть сколь-нибудь связно о всем канале. Из всей массы своих впечатлений я выберу одно *(1 нрзб.)* Надвоицы, для меня самом интересном узле всего канала.

25 августа. По-своему изменить географию края непуганых птиц есть дело, требующее объяснения, а не просто тем самым изменение географии уже великое дело. Я даже нахожу, что мало практической целеустремленности, например, в том, что по каналу будут лес перевозить и апатиты. Я ценю это дело перемены географии тем, что многие бездомные люди, отчаянные, потерявшие всякую радость бытия в процессе творчества новой географии, возродились и, пересоздав географию края, нашли себе в нем новую родину.

1 сентября. Я не протестую против «завоевания» сил природы, но я хочу, чтобы в завоеванной силе каждый мог бы найти то же самое, что в природе находит человек личный и называет это своей родиной... Родина — это участок моего личного труда в общем деле...

[*Загорск.*]

6 сентября. Весь день работал в фотолаборатории.

7 сентября. Прочитал Пушкина «История Пугачевского бунта» и «Капитанскую дочку». Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное» — сходятся). Пушкин отсылает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в «Капитанской дочке». И теперь читаешь и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, то и другое для меня теперь археология ⟨...⟩ моя родина, непревзойденная в простой красоте, и что всего удивительней, органически сочетавшейся с ней доброте и мудрости человеческой,— эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка».

Плотина — водопад, большое инженерное сооружение, создавшее в краю новую географию. И новое русло реки, и все это новое возникло по тем же самым законам природы,

как и старое русло и водопады Выга: не мог инженер делать иначе; все, чем отличается новое человеческое творчество от старого, это сроки: те сроки больше человеческой жизни и оттого представляются как бы предвечными, новые сроки меньше срока человеческой жизни. Старые надвоицкие водопады рождались в сроках тысяч, десятков тысяч лет, новое огромное сооружение, изменившее всю географию Выговского края, создалось всего в один год с небольшим!

И оттого, когда смотришь на старый водопад, думаешь о вечности и ее творце, а водопады из-под человеческой руки прямо подводят мысль к творческой родине самого человека.

Странствуя по северному строительству, я прибыл под самый конец в описанный мной почти 30 лет тому назад Край непуганых птиц, где прошел теперь Беломорский канал. С волнением думал я, дадут ли мне хорошо посмотреть на избранный мной в начале литературной деятельности для описания край, возможно ли будет сделать снимки с тех камней, по которым бежал когда-то сфотографированный и помещенный в книге моей водопад [17]. Все зависело, конечно, от начальника ⟨...⟩ Секретарь доложил обо мне:

— Писатель Пришвин.

— Пришвин! — воскликнул начальник.— Пришвину надо показать «все на свете и топор». Так говорят...

13 сентября. Фаворский кончил «Жень-шень» [18].

Ищу в себе единства (для себя самого, для домашнего пользования, чтобы веселым быть и работать).

Быть самим собой, значит, понять себя в единстве.

Новые впечатления разбивают это единство, и что трудно после путешествия, на что много уходит времени, это найти корни этих впечатлений в себе, то есть свести их к единству.

20 сентября. Ночью вылился дождь весь, пред рассветом звезды явились, и с ними коснулся души человека ритм времен сотворения мира. И тут же где-то по крыше, не мешая тому большому ритму, мерно падали капли...

«Конец века — Начало века» [19] (от 1905 г. до 1917 — 12 лет).

Когда весть пришла, что Лев Толстой умер, я пришел к Алпатову [20] и сказал ему: «Умер Толстой». Он знал. Я вдруг не выдержал и зарыдал. Много раз я потом это со

стыдом вспоминал: ведь лично же я не знал его и не был толстовцем; я был молод и не мог, как старики, слезы свои ронять безлично, от события. Главное, что Толстого никак жалеть-то было нельзя, до того он гордо прожил и много взял.

Приходится думать, что это я не от старости, а от склонности к актерству не сдержался, разрыдался: надо было как-то выразить себя по случаю необычайного события, и так я наивно сыграл, а после ужасно стыдился.

Алпатов смутился на минуту, как будто готовый и сам заплакать, но собой овладел и сказал невнятно, смущенно и, как всегда, с запинками, с мычанием, с эканьем, мэканьем и всеми этими личными звуками, как говорят люди, умеющие говорить с другими, как с самим собой:

— Мне кажется,— сказал Алпатов,— мы с тобой не о Толстом, а о себе плачем... сиротно нам... интеллигенция сидит в нас еще: *живем идеями.*

Это я хорошо помню, он так сказал это «живем идеями», что выходило совершенно бессмысленно: как это можно, правда, жить — есть, пить, говорить, веселиться и размножаться идеями. Вот именно в этом у нас с Алпатовым и была какая-то малая разность: я был просто художник и в своих исканиях, совершенно искренних и поверхностных, внутри себя немного бессознательно актерствовал.

Алпатов был глубже меня, и мне кажется, у него что-то было подлинное в исканиях, или, может быть, он глубже меня обманывался?

8 октября. «Кто человека понимает, уважает, тот и самовару не даст убежать» — так я сказал, а мужик в кухне ответил: «Разумно и великолепно».

12 октября. Мир, как органическое целое: все велико и гениально, что являет в своем выражении целое; ромашки с белыми лучами своими совершенно так же гениальны, как солнце. И творческий разум человека является таким же представителем целого мира, как и ромашки.

До сих пор еще ни один поэт не посмел так освоить достижения разума, чтобы неразумные поняли этот свет так же просто, как солнечный, и перестали думать о деятелях разума, как о заговорщиках против их естественного бытия. Или, может быть, не в поэтах тут дело, а в жизни *(1 нрзб.)*. Скорей всего не поэт виноват, а вредитель жизни, Кащей Бессмертный, направляющий достижения разума для своего частного пользования.

9 ноября. Тема для разработки: всякая нравственность,

истекающая как догма, коренится в каком-то органическом недостатке преподающего ее человека. Рассмотреть под этим углом зрения мораль Толстого, Гоголя, Достоевского («Дневник писателя»).

1 декабря. Мне удалось в этом году написать вещь, «Корень жизни», которая сама по себе лучше других моих вещей. Вы теперь в современной литературе назовете очень немного имен писателей, кто был до революции небезызвестным и сейчас, не отставая, идет в уровень со временем. Невольно является вопрос, и это самый лучший вопрос, который вы можете мне сейчас задать: «Каким образом вы уцелели, Михаил Михайлович, и как это вы сохранились?» И я вам отвечу очень искренно и верно, применяя слова Гёте на себя: я писатель, который в смутном своем стремлении всегда чувствует свой верный путь [21]. Что такое «смутное стремление»? Я не могу разобрать в целом, и не хочу, но в отношении, например, языка все мне очень ясно. В смутном стремлении своем к самовыражению я всегда не умом, а сердцем своим знал, что устная народная словесность у нас не в пример значительнее, чем словесность письменная, литература. И я шел путем всех наших крупнейших писателей, шел странником в русском народе, прислушиваясь к его говору.

1934.

1 января. Перевалит в начале февраля на 7-й десяток. «Творческий вечер» 2-го янв.

5 января. Стучат в калитку. Я из форточки:

— Кто там?

Тонкий женский или детский голосок:

— Здесь живет литер...атор?

Я переспросил:

— Писатель Пришвин?

Ответ:

— Сейчас посмотрю.

И, видимо, читает вслух по записке:

— Комсомольская, 85, дом Пришвина, Литер Атор.

Спускаюсь вниз, открываю калитку. Входит во двор здоровенная девица.

— Вы Литер Атор? — спросила она.

— Я сам.

И она пригласила меня читать на вечере Куркрола при МТП.

— Не знаю,— сказал я,— не понимаю даже, что значит Куркрол.

— Товарищ Атор,— изумилась она,— как же так вы не знаете: Куркрол — это курсы кролиководства.

Такие вот бывают недоразумения с этими сокращениями постоянно.

[*Москва.*]

10 января. Похороны Андрея Белого.

Он смотрел на все через себя, как на материал свой: во все входил и выходил из всего, оставляя книгу, как след своего переживания.

И его желание, скользнув по цветам на земле, по воде на реках и морях, по небу, звездам, луне и солнцу, не раскрылось в любовь.

Зажимаю в пресс книгу и, чувствуя нечто человеческое в этом,— как будто над человеком недавно что-то подобное проделывали, вдруг вспоминаю похороны Андрея Белого.

Заведующий крематорием: «Речь скажет от Оргкомитета т. Киршон» [22].

Заведующий: «Прощайтесь! прощайтесь!»

Киршон: «Анализируем его творчество...»

Люди, обслуживающие крематорий, являются примером для людей государственных.

15 января. Белый сгорел, как бумага. Он все из себя выписал, и остаток сгорел, как черновик.

23 января. Как сделать, чтобы, не уступив ничего из себя, завоевать широкого читателя?

Это было всегда моим сокровенным желанием, прикрытым с поверхности формулой Мережковского: «что по́шло, то пошло́» — и убеждением Иванова-Разумника, что оценка писателя настоящая возможна только в будущем («на том свете»). Охотничьи и детские рассказы мои были в опровержение этого демонизма и в особенности «Корень жизни».

Вычитал у Гоголя в «Портрете» [23], что законы естественной истории являются средством божиим, ограждающим нас всех от проникновения в жизнь нашу чудес антихриста. Значит, хотя и нет на свете «чудес», но самые законы природы, не допускающие этих «чудес», сами по себе являются чудом божественного происхождения. Не то ли же самое пытаюсь я найти в преодолении человеком машины? Посредством законов природы силы ада и неба вступили между собою в борьбу. Законы даны против дьявола магии, но дьявол их обратил на соблазн человеку: машина стала повелевать...

24 января. Ездили на «Машке» в Пушкино, смотрели зверей... [24]

[*Загорск.*]

29 января. Шофер до того занят, что ему нельзя не чувствовать себя, забываясь, отдельно, как это сплошь и рядом бывает на ходу, ни мыслить, бродя глазами по горизонту и облакам: мысль шофера пропавшая ⟨...⟩

Стандарт борется со своеволием мысли, и оттого человек, не только управляя, но даже просто как пассажир, садясь в машину, всегда заметно глупеет.

30 января. Мистический инженер Сологуба.

Тайна техники: величайшая тайна чисел является обыкновенному человеку в виде простой какой-нибудь гайки, которую каждому просто можно отвинтить и опять завинтить; если отвинтишь — гора сойдет с места, завинтишь — вернется гора и станет, как была. Но не в этом дело, что двигается гора силою и желанием ребенка, а что кажется, будто об этом задумываться нечего, что это вполне естественно, и так быть должно, и непременно должно выйти, если гайку отвернуть или завернуть. Таким образом, таинственный сологубовский инженер захватывает себе на службу великие кадры существ, ничего не понимающих, кроме того, чтобы гайку завинтить и отвинтить. Своей собственной необыкновенной гениальной мыслью таинственный инженер как бы похищает мысль других людей, и они живут бессмысленно, выполняя его предначертания: [25] дается искра — я еду, и больше мне ничего не нужно, да и некогда мне задумываться, при большой езде мне даже трудно иногда заглянуть на инструментальную доску машины, чтобы свериться с показателем скорости.

1 февраля. Читая Белого о людях [26], с которыми я тоже имел дело, начиная свою литературу, наконец-то я понял, почему всегда чувствовал разделяющую меня с ними бездну, это потому, что лучшие из них искали выхода из литературы в жизнь, а я искал выхода из жизни в литературу. Бессознательно подчиняясь их заказу, я старался подать литературу свою, как жизнь, то есть шел тем самым путем, каким шли наши классики. А они все, будучи индивидуалистами, вопили истерически о преодолении индивидуализма до тех пор, пока революция не дала им по шее.

Что же такое «жизнь» в этом понимании? Это прежде всего значит быть вместе с другими (как в революции, их манила этим революция).

Разобрав бездну с символистами, беру бездну с эсерами и что определяю: эсеры пользовались мужиком, как материалом для своих политических идей, и их этика была

в конце концов эгоистически групповая, но вовсе не народная, как они ее представляли (Савинков [27], доплыв до мелкого места, все обнажил, и Чернов [28]). У народников меня встречал костяк групповой политики, маскированный универсальностью, у символистов костяк индивидуалиста...

3 февраля. Выход книги «Жень-шень». Перечитываю и удивляюсь,— откуда взялось!

В художественном творчестве с самого первого момента, начала подъема, бывает соблазн прекратить подъем и отдаться изображению испытанного. И если художник поддается искушению и начнет досрочно писать картину, он будет во власти демонов искусств, его создание будет изложением жизни, скрежетом зубовным, самообнажением и отрицанием уважения к другому человеку. Для того чтобы дать картину в гармоническом сочетании личных планов, нужно выждать соответствующий момент в подъеме, когда перевалил через себя к другому. Этот перевал очень труден для всякого, потому что бывает в нем один такой момент, когда приходится выпустить вожжи из рук, или все равно как броситься с высоты, доверяясь парашюту и в то же время зная, что: «а может быть, он и не раскроется».

Риск при творчестве состоит в том, что ты утратишь в себе художника и останешься обыкновенным человеком, каким-нибудь бухгалтером, и должен вперед помириться и принять свое бытие в жизни *(2 нрзб.).* Ты бросаешься в бездну с последними словами: «Ладно, если нет — буду жить просто бухгалтером». Вот когда согласишься на это, жить на земле бухгалтером, то демоны оставляют тебя и ты, как творец, являешься хозяином дела и создаешь прекрасное.

Белый не дошел до этого перевала и, далеко не достигнув «жизни», остался во власти своих демонов. Блок — более счастливый в таланте — по существу тоже не дошел до перевала 〈...〉 А Ремизов? Они все, большие писатели и поэты того времени, искали томительно выхода из литературы в жизнь и не могли найти, потому что не дошли до той высоты, когда литературное творчество становится таким же самым жизнетворчеством, как дело понимающего и уважающего себя бухгалтера. Литературно-демоническое самомнение закрывало им двери в жизнь.

20 февраля. Два последних лета я не жил на Журавлиной родине из-за трудности переезда от меня из Загорска

туда, хотя весь переезд сорок верст! С вещами на паре рублей за двести, пожалуй бы, и отвезли, да ведь и назад двести, да раза два-три надо за лето все-таки съездить и за провизией, и для связи в делах. Очень дорого выходит, да так вот и остался дома сидеть, и прошло два года, я стал тосковать по болотам, как будто действительно, как журавль, заблудился и потерял свою родину. Однажды ночью и даже прямо во сне, мне пришла в голову мысль о том, что выходом в моем положении будет машина: сорок верст для машины какой-нибудь час,— один час — и я на Журавлиной родине. Эта мысль, как бывает во сне у охотников, растворилась в особенно остро-радостном чувстве природы, где уже не журавли летали и не обыкновенные синицы, а какие-то прелестные птиницы. Утром, сохранив в себе одно лишь чувство приятности сна, я мало-помалу от птиницы до птиницы, как по лестнице, добрался до мысли о машине, и мне показалось, что ведь это возможно: теперь их делают у нас и, если я теперь заявлю, меня запишут в очередь и рано или поздно дадут ⟨...⟩

Уже через три дня пришла бумага от Совнаркома с распоряжением дать мне машину ⟨...⟩ я через несколько дней, обегав издательства, наскреб необходимую сумму для выкупа автомобиля ⟨...⟩ Одновременно с получением письма от Совнаркома я, вообще по природе своей бесконечно далекий от машин, стал понимать себя в положении земледельца, или кустаря, которому достался по билету лотереи автодора автомобиль: это может быть отличным сюжетом рассказа, в котором можно будет изобразить психологию земледельца и нового для нашей страны человека, водителя машины. Много раз я к этой теме старался подойти и с этой целью осматривал большие заводы. И нет! я не мог найти случая, чтобы не одной головой, а всей личностью, цельно соприкоснуться с машиной ⟨...⟩ Теперь же так выходило, что машина, как волшебная сила, могущая в любой момент переносить меня к птиницам на Журавлиную родину, входила в состав моей творческой личности.

22 февраля. В третьем часу дня за мной прислали машину из Москвы ⟨...⟩ чтобы поймать автора и заказать ему фильм для кино.

24 февраля. Статья в «Литературке» «Михаил Пришвин»: [29] бездарная и сдержанно отрицательная: ни рыба — ни мясо; и отвечать нельзя. Приходится работать, «не обращая внимания».

27 февраля. В 1 час дня предстоит разговор ⟨...⟩ с Литвиновым. Фильм посвящен природе и охоте. Исход-

ным материалом для сценария берутся сочинения автора «Новая Даурия» и «Корень жизни». Режиссер Литвинов [30].

3 марта. Вчера был Литвинов с помощником 〈...〉 Мой метод работы: сценарий должен быть произведением словесного искусства, но не шпаргалкой для режиссера. Я работаю с режиссером и труппой, начиная от этого заседания, кончая постановкой.

5 марта. Как бы ни старался вести себя человек, все равно другому человеку остается от него такое, чего он сам не знает в себе, потому что не в состоянии посмотреть холодно на себя со стороны. Он только может узнавать это, расспрашивая, и вести себя потом, считаясь с этим, но о всем ему никогда не узнать, и всегда, может быть, явится такой человек, который в нем увидит тоже, чего никто не видел. Надо жить, помня всегда об этом «всевидящем» глазе.

9 марта. Писатель над чем думает, то самое он и есть на то время, пока пишет, а кто он, когда не пишет, что остается в нем вне воображения: в этом его обыкновенно не судят 〈...〉 но есть пакостники,— в этом остатке обывателя в художнике производят раскопки и судят, как обывателей: Вересаев Пушкина [31].

10 марта. Если я для своей книги беру материалы из природы, то критику моя книга должна быть, как сама природа, и чтобы о ней верно сказать, он должен стать к ней в такое же отношение, как я был к природе.

17 марта. Наклюнулся месяц, тихонечко где-то, очень несмело для самого близкого друга журчала вода, а какое нежное небо и звезды... Все старое лучшее, оказалось, живет со мной, и я думаю: именно вот в этом и есть смысл жизни, чтобы летающий 300 км в час человек сохранил в себе весь опыт пешехода...

О конструктивизме. Мы все понимаем и чувствуем это на каждом шагу, что всякая форма *рождается* и даже непременно рождается она в труде, в туге и прямо в мучениях. Мы тоже знаем, что форму можно заимствовать и облекать в нее любое содержание. Мы еще знаем, что подобный «формализм» или конструктивизм является вреднейшим суррогатом творчества, известным под названием «халтура», что халтурщики это не только воры, а еще и воры с претензией на творцов. И все-таки, зная это, мы стремимся все больше и больше «открывать» методы творчества и давать их в руки ворам.

23 марта. Сценарий как будто очень хороший, но в нем один лишь недостаток: фильм получится ниже книги: это не творчество, а приспособление к кино. Возможно ли кинотворчество, то есть начало дела и конец его исключительно средствами кино и для кино.

25 марта. Продолжаю думать о вреде «открытий» методов творчества для всех: открывается путь жуликам, между тем как подлинный творец идет по неоткрытым путям. «Открытие» тем хорошо, что не только творческие натуры побуждает искать новых путей.

Стол немножко высок, стул низок — руку ломит, но ничего, как-нибудь отсижу, как-нибудь напишу, и так все, как-нибудь прожить, лишь бы поспеть к сроку, а после срока встает еще срок, и опять «как-нибудь доживу»... и так вся жизнь остается в тетрадках и книгах.

27 марта. Закончен сценарий «Хуа-лу». Судьба сценария зависит от «счастья»: как покажется начальству; я сделал, что мог. Но если бы это была даже блестящая вещь для сцены, все равно она не прибавляет мне ничего в смысле творчества и не дает ни малейшего удовлетворения, потому что все-таки она хуже, чем вещь, из которой я ее переделал.

31 марта. Видел «Петербургскую ночь» Рошаля:[32] этот психологизм мне напоминает фотографию, залезающую в живопись: портрет под Рембрандта, пейзаж под Левитана,— так только жалко кино озвученное, залезающее в психологию Достоевского. Все и так и не так: что [то] вроде иллюстраций, существующих лишь потому, что существует основная вещь. Даже придумка такая удивительная, как связь через песню музыканта-творца с каторжанами: все это дается, воспринимается, как напоминание о народном, но не народное...

Надо в кино, как и в фотографии, пользоваться их собственными средствами... И если там, в этих ресурсах нет идей, то пусть лучше будет кино без идей, как американские фильмы, чем идеи эти будут доставаться из литературы.

Исходить кино должно от документа...

3 апреля. Я думаю, что основной признак пьесы для кино должен быть тот, что эта пьеса может быть исполнена только средствами кинематографии. С этой стороны ни «Гроза»[33], ни «Петербургская ночь» не выдерживают критики («Гроза» просто опера даже).

Почему пьеса «Гроза» в кино как бы сплющивается? Сознание поглощается, пожирается зрением, не остается места домыслам, этическому раздумию: женщина бросается в воду, и человек выходит из кино просто подавленный. И так все: вышел, и все кончено.

8 апреля. Читаю Гоголя и думаю о смехе, что вот Гоголь смеется, а все ученики его уже смеяться не могут: А. Белый, Ремизов, Мейерхольд и все, и это их всех ставит под вопрос. Мне кажется, новейшая литература тоже характерна отсутствием смеха. Вещь может быть, конечно, талантливой и без юмора, но юмор есть признак таланта, и почти безошибочно можно сказать, что автор вещи смешной талантливый человек.

9 апреля. Ненависть родственников, сына к отцу и всей среде, как у Островского в «Грозе», или в той же пьесе ненависть постороннего человека, так сказать, условия универсальные, боюсь сказать пристрастно, ненависть вообще распространена режиссером, между прочим, и на ту среду, которой писатель Островский касался диалектически: любя, ненавидел. Островский хотел бы исправить эту среду, режиссер уже после гибели ее вбивает в могилу осиновый кол. От этого совсем не получается той драмы, которая нас волнует в «Грозе». Получается картина мучений немножечко тронутой женщины с безвыходностью морального чувства в ее потоплении. Публика уходит, не размышляя, как в драме. Из этого рождается вопрос: имеет ли право «гениальный режиссер» (*1 нрзб.*) в творчестве зрелища, до полного забвения мотивов, которым руководствовался писатель, создавая свою пьесу?

21 апреля. А. М. Коноплянцев[34] восхищен «Женьшенем» и считает, что повесть войдет в мировую литературу. Я сам это думаю и стараюсь только не придавать этому большого значения, а то возомнишь о себе, и это будет мешать дальнейшим исканиям.

26 апреля. О «Жень-шене» даже рецензии нет нигде.

9 мая. Опять непомраченное утро во всем великолепии. Лес оделся, и как будто зеленые горы стали перед нами. Все поет. Но я, как всегда, в это время лишаюсь способности, как все говорят, творить, и как я понимаю, дополнять от себя, чего не хватает в мире: теперь нечего дополнять, все полно, и не мне, а кому-то другому прийти и взять это счастье.

Возвращаюсь к своему опыту с машиной, чтобы ее, как черта, оседлать и достать царицыны черевички.

Начинаю думать за рулем.

15 июля. Рожь налила, желтеет, колосья гнут соломины. Синеют васильки.

Есть чувства, возбужденные так давно, что источники их в сознании утеряны: толчок дан на всю жизнь, и действуешь, а начала нет. Так было у меня с Достоевским: несомненно, питался всю жизнь этой благодатью жалости и давным-давно, пережив ее в себе, претворил в чувство природы [35]. И вот теперь ⟨...⟩ кажется, вновь возвращаешься к своей юности и вопрос Ивана Карамазова является вновь во всей своей мучительной силе.

Сколько, например, истрачено сил на борьбу за личность, единожды являемую в свет: и действуешь просто верой, просто внутренним чувством правды, а между тем вышло это, конечно, от Достоевского, а через Достоевского из христианства, через христианство из культуры всего человечества с древнейших времен.

31 июля — 3 августа. Воруланинов Егор Евдокимович, тишайший бунтарь и глубочайший личник, характеризует (из плена) национальности [36] ⟨...⟩

Вот было раз у нас в лагере, слышу, унтер бьет нашего и тот стонет на дворе. Я был переводчиком и спешу: часто, бывало, немец бьет, а тот не понимает, за что бьет. Ну, я, как переводчик, вступаюсь. Прихожу на двор и говорю унтеру: «Даст ист нихт гут». Он отвечает: «Нихт арбейт». Я Ивана спрашиваю, почему ты не хочешь работать. «А у меня,— говорит,— голова болит, я не могу, все ходуном ходит: у меня же всегда если болит голова, я работать не могу, а он не понимает и бьет».— «У него,— говорю унтеру,— голова болит, Копфшмерден».— «Так почему же он не скажет, так бы и сказал, а я ведь думал, он не хочет». И тут же освободил от работы.

Нет, у них совесть есть, только не живая, а их совесть в закон перешла. Они ведь как живут: вон стоит дом, живет, и знают все, что живет, а как живет — нет никому дела. У нас же все разберут до мелочей, потому что у нас совесть живая и товарищество.

Русский человек, ну, что такое: бедность какая, смотреть не на что, а совесть живая и без товарища не может и не понимает, как и зачем жить без товарища: кусочек достанет чего-нибудь и поделится с другом и благодарности не примет, а только скажет: ну, ладно, когда-нибудь сочтемся, мне будет плохо — к тебе приду. Есть, есть

и у немцев тоже, но только это в закон у них перешло, и к человеку там надо подойти через закон.

14 [*августа*]. Выехали в Москву утром, и я определялся в делегатских делах [37].

7 сентября. Хорошо политику действовать, разбивая людей на классы и внутри классов, ставя расчет свой на среднего человека. Хорошо математику строить, пользуясь даже бесконечностью, как знаком. Но я, художник, не только бесконечность, а даже таракана в своем изображении не могу обойти и в тараканьем существе должен открыть тараканью личность.

Прочитал повести Гёте, от бунта («Вертер») до порядка («Избирательное сродство») и понимаю это не как произведение искусства: эти повести распались на кусочки; все равно ведь и «Фауст» Гёте распался: золотой памятник распался, но все равно это золото. И так все распадается, будучи усвоено. Вопрос, кто дольше... Почему Шекспир и сейчас читается, как современная вещь? Есть ритм жизни, и кто в нем — тот долговечен, а то от себя, и это на срок («Фауст» от себя).

27 сентября. Историю великорусского племени я содержу лично в себе, как типичный и кровный его представитель, и самую главную особенность его чувствую в своей собственной жизни, на своем пути, как и на пути всего народа,— это сжиматься до крайности в узких местах и валить валом по широкой дороге.

Старая дорога народов нашей страны то сужается до тропинки, то расширяется до горизонта, и человек тоже,— это очень верно сказано еще у Ключевского,— то сходит почти что на нет в узких местах, то валом валит с гиком и гомоном по широкой дороге. И я, ненавидя все это, как интеллигент, в сокровенной глубине своей, тоже такой точно, сокращаюсь с ругательством и, как получшеет, расширяюсь с песней и не помню зла. Задумываюсь, иногда в беде даже ставлю точку на память, чтобы потом, как все порядочные люди, не забыть и не простить врагам обиды, но зарубки эти ничего не помогают, время придет, получшеет и переменится все, все точки и зарубки пропали, точь-в-точь как весной при разливе вода все старое уносит в неизвестность морей.

Старая дорога в узком смысле, это большак, по которому еще деды мои двигались с гуртами скота: впереди, я слышал их рассказ, всегда, бывало, идет козел, за ним быки, по сторонам гуртоводы с длинными палками, а назади

хозяин в тележке, и с ним едет петух непременно для счета времени: петух задремлет вечером, и козел останавливается, скот сбивается на ночлег, хозяин разводит большой степной самовар с тремя отделениями, в одном жидкий кулеш, в другом каша, в третьем кипяток. Когда петух закричит, гурт идет с козлом впереди.

Слушал в детстве эти рассказы, с интересом смотрел я на большак и с уважением до самого последнего времени. Мне казалось, все это «надо» — и телеги, и дороги приспособлены друг для друга, и человек тоже едет, свесив ноги, подхлестывая одной вожжой лошаденку и покрикивая: «Ну, толоки, толоки, бестолошная!» Теперь вот я именно сюда-то и хочу приплести свойство русского человека сжиматься в узких местах. До того ведь, бывало, дойдешь в этом сжатии, до того привыкнешь к стеснению, что кажется, будто так это и надо и что так везде повсюду на свете, царство необходимости, зла, но ничего не поделаешь с этим, как-нибудь доеду и доживу, доеду по вечной дороге. Но приходит машина, автомобиль, вдруг, как молния, прорезает тьму, и является чудовищная нелепость гуртовых дорог, телеги, извозчика и всего, связанного со старой дорогой, вся кустарная Русь «одноличников». Только очень немногие люди, сомнительного происхождения интеллигенты, да остаток староверов приняли машину как зло, но огромное большинство русского народа почти безропотно стали ей подчиняться.

Мне лично захотелось перехитрить всё, подчиниться машине, а потом, все поняв в ней, вскочить на нее, как у Гоголя кузнец Вакула на черта вскочил и достал золотые черевички для своей невесты. С одним моим приятелем, развитым старовером, я долго спорил об этом, ссылаясь на кузнеца Вакулу, говорил, что ведь незаметно и прошло: Вакула достал черевички и даже прощения у бога не просил, что достал их при помощи черта.

— Пусть машина черт,— говорил я,— но если черт подчиняется, добросовестно служит, не вмешивается в дела совести, то почему же мне отказываться, если договор у нас односторонний.

— Это ваше личное дело, чисто поэтическое,— говорил мне враг машины,— но для общины машина...

— Что же делать? — спрашивал я.

— Ничего не надо делать,— ответил он,— машины приведут к страшной войне, после чего люди одумаются и вернутся к натуральному хозяйству...[38]

2 октября. Мои вечные спутники — поэты: Лермонтов,

Блок, Есенин; Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступными: Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гёте. Этот вопрос о рукотворности вещи, мне поэзия должна быть как молитва. Из прозаиков у меня живут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун [39].

7 октября. Сколько всего прошло, а моя фирма Михаил Пришвин продолжает неизменно с 1905 года оставаться на своем пути и выпускать теперь книги даже и того далекого времени. Скрытый враг постоянно отстраняет меня от успеха и признания в данном отрезке времени, но когда этот отрезок проходит и наступает другой, то мне начинает казаться, что тот скрытый враг на самом деле был мудрым другом моим и охранял меня от успеха в том отрезке времени. Так вот один поэт напечатал в «Известиях» поэму «Мой путь в РАПП», а на другой день эти же «Известия» напечатали распоряжение правительства о роспуске РАППа [40].

Кто этот сокровенный друг? Я не думаю, что это вообще кто-нибудь лично. Скорей всего это сила, исходящая из совокупного действия живых и мертвых, поддерживающая своих любимцев, и это уже мы, ее любимцы, невольно по своей привычке представляем ее в форме лица.

10 октября. Иного человека коренная *обида* заставляет взяться за перо, другого за браунинг, и это люди совершенно разной природы. Чтобы взяться за перо, надо пережить стыд про себя, от чего-то отказаться, смириться, что-то необходимейшее для всех обойти и, затаив горе, оттуда начать свой путь, как будто ничего и не было себе самому.

22 октября. Как будто с боку на бок переворачиваясь, где-то в тьме пыхнул: «пых-пых!» — на всю округу паровоз и свистнул. Вслед за тем петух прокричал, и я, понимающий себя в этот заутренний час, как ребенка... Да, я это не легко, не для красного слова говорю, а с усилием и с твердостью, что встаю до света, чтобы застать в себе еще сохраненного ребенка, исчезающего на восходе, когда я принимаюсь за дело, как взрослый человек. Вот петух прокричал, и мой ребенок стал спрашивать и думать.

30 октября. Бабочка чем хороша и особенно прекрасна и свята, что, летая с цветка на цветок, собирая пыльцу, оплодотворяя растения, работая, как все, совершенно молчит, а пчела, работая, жужжит. Если бабочка «святая», то пчела, по-моему, просто труженица, и я не назову ее святой до тех пор, пока не узнаю до точности, о чем же именно она жужжит.

4 декабря. Одно время, когда я был на просеке, явилось солнце, и в оснеженном еловом лесу на просеке было до того прекрасно... Вот бывает красиво так, что хочется из этого что-нибудь делать и тут же записывать в книжечку, но бывает до того красиво, что и в голову не приходит записывать, а только жить хочется, и вот это именно и есть настоящее счастье!

Писателям дали самую широкую возможность путешествовать, и многие до того доездились, до того привыкли питаться чужим, что вовсе потеряли себя и сделались «очеркистами». Между тем настоящий писатель эту возможность ездить по свету понял, как скупой рыцарь свой подвал с золотом: и, дорожа своим подвалом возможностей, писатель сел на место и стал, сидя на месте, весь мир облетать... Есть ли такой писатель? Есть, но еще в утробе матери-жизни. Ему скоро надо будет пуповину отрезать, и он полетит, и его писания будут для всего света, это будет универсальная литература...

15 декабря. Сильно талантливый человек и не может быть очень умным, потому что при уме должна быть злость и холод, а талант греет, и ум на таланте как бы на теплой лежанке.

1935.

2 января. Читал в 3-й школе свои рассказы детям.

4 января. У Замошкина [41] был Парфенов (писатель?) [42] рассказывал про Бетала Калмыкова [43]. Сочувствие моей поездке в Кабарду (все говорят,— «писать не роман, а Кабарду, роман написать еще успеете»).

6 января. Беседа в библиотечном коллективе с «несовершеннолетними».

8 января. Вспоминаю из беседы с библиотекарями, что кто-то благодарил меня за «мужество оставаться самим собой», и другие это горячо поддерживали.

В Москве достать Шекспира.

24 января. Главная мудрость нажитая выражается тем, что человек, имея какой-нибудь загад, не торопится с его выполнением, а выжидает, поручая в этот промежуток нечувствительно для себя «задаром» работать тем же самым естественным силам, которые выращивают, например, посеянную рожь.

Я это заметил в себе только в этом году. Я начал расставаться с задуманным планом, совершенно спокойно пору-

чая его времени. На первых порах это казалось опасным,— расстанешься, и оно не вернется, но после нескольких опытов убедился, что все возвращается, что я вступил в более спокойную, уверенную фазу своей жизни.

Понимаю философию, как схему творчества, как леса на постройке: очень помогает, очень облегчает, если только... что? нужно все-таки наличие внутреннего опыта, над которым и думаешь во время чтения. Читаешь и говоришь: верно, верно! читаешь и как будто сличаешь с подлинником в себе и повторяешь: верно, верно!

Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту...

Когда интеллигенция от меня отошла, я припал к народу и пил из него слово, как ребенок пьет молоко у кормилицы, и это дало мне жизнь какую-то... живую, хотя иной раз и страшно думать, что после всего я живу...

27 января. Есть общий ум, который состоит не из одного ума в смысле разума, и даже скорее тут очень даже мало разума и гораздо бо́льшая доля чутья, которое главным образом и составляет этот «ум» народный и всюдный, благодаря которому между всеми ступенями образования и развития все-таки существует общение. У нас на Руси этот ум и лег в основу литературы. Благодаря этому получается тот язык намеков, как у Гоголя, Достоевского: читаешь и все время чувствуешь нечто большое, стоящее за словами, тогда как у Тургенева, например, читается без просвета в этот мир того общего ума: хорошо очень, ясно, легко, но слишком словесно и нет ничего сзади слова. А у тех, кто Гоголю подражает, у Ремизова, Белого, кто хочет *сделать,* как у тех *выходило,* получается какое-то неприятное для нас привыкание к языку общего ума, подчинение высшего низшему, вроде того, что литература как бы служит живописи...

4 февраля. Клятва (или как я бросил курить).

Опыт борьбы с курением табака и Льва Толстого, и знаменитых медиков, и в свое время нашего наркомздрава Н. А. Семашко не только не дал каких-нибудь положительных результатов, но даже, по-моему, в конце концов прибавилось курильщиков ⟨...⟩

И потом, если табак сейчас мне полезен и вред скажется только к старости, то зачем я буду бросать и портить моло-

дость из-за счастья старости... Мне лично табак в 30-летнем опыте жизни, кроме пользы и радости, ничего не давал, и бросил я курить совсем по другой причине. Было это утром, я встал с левой ноги и обидел жену. Я был неправ и сумрачный вышел из дома. И тут вдруг я увидел в то утро, что жизнь везде хороша: солнце, воздух, аромат, птицы поют. Все чудесно вокруг, а у меня сумрачно, и я виноват. «Разве,— подумал я,— вернуться домой и попросить у жены прощения?» Нельзя: в сущности, я же не так перед ней, как перед собой виноват. И надо не замазывать вину просьбой прощения, а в себе самом исправить навсегда обещанием. Но ведь забудешь обещание, а как бы сделать, чтобы не забыть. И тут мне пришло в голову оторвать от себя вдруг тридцатилетнюю привычку курить: тогда ведь никогда не забудешься... А могу ли? Ну вот еще, конечно же, я могу! Швырнуть папиросы недолго, и потом опять не курить, опять не курить. Нужен договор, нужна клятва: с кем же договор, кому клясться? Людям сказать — посмеются и не поверят, скажут: опять закуришь, знаем... И вдруг мне пришло в голову с самим табаком заключить договор. Я вернулся домой и написал.

ДОГОВОР С ТАБАКОМ

193... года месяца числа. Табак освобождает меня от курения навсегда. Я обещаю и клянусь никогда никому не говорить о вреде табака.

Немедленно, как подписал этот договор, радость жизни вернулась ко мне, и я в восторге от всего, как маленький, отправился по своему делу. И первый день я не могу сказать, чтобы мне было особенно трудно. На другой день вечером я возвращался домой, вдруг грусть, что ведь никогда! Третий день я страдал и ночь всю не спал... Следующую ночь-день жить было почти невыносимо, ночью бредил. Жена почувствовала глубину моего страдания и упрашивала сказать, объяснить. Я ей ответил, что могу открыть ей только в конце недели, в субботу вечером ⟨...⟩

И прошло уже пять лет, и в душе я все так же люблю табак и часто радостно гляжу на хорошие табачные коробочки. Иногда в хорошем ресторане за столом я вижу — на полочке лежит шоколад, на другой полочке апельсины, а ниже пачки с чем-то апельсинного цвета. «Что это? — спросил я,— на третьей полочке?» И мне ответили: это папиросы «Сафо». Какие милые коробочки! Рот просит. О, табак, как ты приятен. Курите же, граждане дорогие, милые юноши и даже девушки... ничего! курите, курите

себе на здоровье и радуйтесь. Но только если придет время и заставит жизнь дать клятву — держите слово свое твердо, благодарите табак за принесенную радость и не говорите никому о вреде... И не стремитесь убеждать, исправлять людей пустыми хитрыми рассуждениями о вреде табака.

7 февраля. Характер поэзии Л. Толстого — мужество, правдивость и чистота...

10 февраля. Читаю «Бесы». Способность Достоевского схватывать читателя. У Толстого, наоборот, не он, искусник, схватывает, а то, что он показывает: читатель, любуясь богатством показанного, переходит от странички к страничке. У Достоевского, ужасаясь, охая (*1 нрзб.*)... Достоевский намеками... загадками... Толстой силой вещей самих по себе...

14 февраля. Выступление на заводе «Серп и молот».

6 марта. Узнавая человека, смотрю на вещи, им создаваемые, и по ним сужу о человеке, а то ведь если в самого человека смотреть, то ничего о нем нельзя сказать: хороший сам по себе плох на деле, плохой прекрасно делает. Так вот, есть вещи, которые как будто больше, чем сам человек, и по этим необыкновенным вещам я догадываюсь и о самом человеке.

17 марта. Рисовать в лесу. Жаль, никак не могу я овладеть и пользоваться всегда по своему желанию тем особенным вниманием к тем подробностям в жизни, которые, как самые верные слова, говорят через ничтожество о ходе всей жизни (Гоголь умел так внимать, и писал он всегда только такими словами: живописал). Мне кажется, я все-таки мало использую свою способность живописать из страха оторваться от действия и сделаться просто описателем: это своя гигиена, с одной стороны,— очень хорошо! и копилка, с другой стороны: можно до того дойти, что и останешься скупым рыцарем. Вот теперь я понял как любимую свою тему — «лес», и можно будет эту копилку пустить в ход. Меня это очень волнует, и к этому надо вернуться и делать опыты.

23 марта. Эти дни вернулась зима: морозные метели, все опять белое и не узнать весны.

4 мая. Петя приехал из Москвы, решено: едем в Вологду, а потом на Пинегу. Сейчас Пинега еще не трогалась. Там люди только лесом живут.

Теплый вечер, в большой тишине четко высвистывали певчие дрозды, и их короткие песни значили, как слова управления событиями в этом ходе зари. Кое-где еще

белели остатки майского снега, и в то же время сегодня начала кукушка: значит, кукушка прилетела на неодетый лес — не к добру! Такая тишина, что рост этих березок, наполненных соком, был понятен и близок нам, людям. Вот эта сосновая роща... ели начали разбивать порядок посаженных сосен, березы прибавились... подошли ели к ручью, и в нем дикий лес... Никогда эти деревья не бывают так расположены к человеку, как в такой вечер, почти человеческие слова высвистывают певчие дрозды — нет у них своего сознания, но они рады и отвечают сознанию, если появляется со стороны.

6 мая. Петя 〈...〉 8-го достает палатку, все закупает и вечером к нам, а 9-го вечером в Вологду и 10-го в полдень там.

8 мая. Человеку довольно в лесу пройти несколько раз по одному месту, чтобы от этого многое переменилось. Вот теперь всюду, где прошлый год ходил человек, зеленеет: довольно было, чтобы он осенью сбросил ногой падающий лист, чтобы теперь тут раньше зазеленело, а в природе если раньше начнется где, раньше силу наберет, там и все будет по-другому.

В науке Прометей раз уж похитил огонь, перестрадал за него, то после готового костра, у готового разума (*2 нрзб.*) ученых, и там великое диво может получиться без всяких чувств и даже против чувств, как логический вывод или как результат вычислений, просто сидел человек, вычислял и пришел к «выводу». (Верно ли?) В искусстве узнавать с пользой для своего дела можно только то, что ты чувствуешь, с чем ты в родстве... тут за тебя не страдал Прометей... Этот род познания не широк, но в глубине ему нет границ никаких.

10 мая. Светлое утро. Проснулся и возле Данилова в поезде, окруженном бревнами [44].

В 12 дня. Вологда.

Вечером гуляли по берегу Вологды: молевой сплав, отражение церквей, зорька... Архиерейский парк, погибающий со всеми своими монплезирами [45]. Холодно.

12 мая. Раннее утро, светлое, потом дождь, крупа, холод. Ходили в музей.

15 мая. Ехать, ехать скорее, чтобы войти непосредственно в лесную среду! но с пароходом, кажется, плохо: кажется, сегодня не пойдет. Получился «пыж»...[46]

18 мая. Незадолго перед Устюгом высокие живописные берега Сухоны перешли в знаменитые опоки. В Устюге

Сухона слилась с Югом, и началась широкая «малая» Двина. Месяц красный огромный над водами. И капитан почувствовал и сказал: «Вот бы снять!»

19 мая. В 6.35 вечера мы сели на пароход «Иван Каляев» и поехали по тихой великой Двине, в которой теперь прибавилась Вычегда.

С берега до берега так далеко, что светлою ночью невозможно разобрать, что там на другой стороне. На реке паутинки — это боны, направляющие моль [47], которая время от времени довольно сильно бьет в пароход. Совсем удивительно, что по этой паутинке человек идет.

20 мая. Мы приехали в 5 утра. Совершенно тепло. Вчерашний день надо считать переломом. Снег, медленно таявший до сих пор в лесах, дал воду. Внезапно сплав, проходивший до сих пор на низких горизонтах, пошел на высокой воде, и затрещали запони [48], выдерживая давления своих нагроможденных «пыжей».

Почтарь согласился увезти наши вещи на высокий берег Двины, вслед за подводой вскарабкались мы и попали в Верхнюю Тойму — районный центр, ныне проглотивший совершенно когда-то небольшую деревеньку.

После обычных хлопот (очень утомляющих, делающих путешествие трудным) нас внедрили в дом колхозника ⟨...⟩ Вера, что мы доберемся до Пинеги и сохраним восприимчивость к лесной жизни, вернулась ⟨...⟩ Мы вышли за околицу к ручью в овраге, возле которого лежал еще снег, и стали записывать. К нам подошел мужчина с лопатой в руке и сказал нам, что в лесу, в ельнике, везде еще снегу очень много (что делают леса!) и что он сейчас не видит особенного запаздывания весны: здесь случается, что и на Николу 9/22 мая везде санный путь. Сам он, охотник из Выи (на Пинеге) ⟨...⟩

И человек этот, и рассказ его о зверях и птицах, и эти хлопоты и неурядицы в пути при скитаниях,— все это до точности сложилось с тем, что я испытывал 30 лет тому назад в поисках на севере страны непуганых птиц. И так теперь понятны мечты о такой стране, возникающие в ряде трудностей самого путешествия: удирая от клопов и прочих удовольствий на одном месте, надеешься на другом месте найти себе место получше и, не находя, движешься все дальше и дальше, незаметно скопляя у себя в уме и сердце запасы для создания страны непуганых птиц. И в самом деле, как только увидишь птиц — так и обрадуешься и хорошему человеку. И сейчас у меня сохраняется полная уверенность, что страна эта существует, и только мы не

умеем, не хотим даже сделать личное усилие для ее достижения (нужно по крайней мере ноги отрезать человеку, чтобы он начал чувствовать бесконечную цельность жизни).

22 мая. Перевозчик старик переправил нас на ту сторону бурно лесной Тоймы. Там в Сухом Носу нас ждали «ледяночки», лучшие лошади обоза, работающего на ледяной дороге. Снимал старика на Тойме.

23 мая. Суровая погода, вот-вот снег или дождь. Выехали в 4 дня, твердо решив держать коней все время на веселом шаге и не заботясь о подводе. Дорога очень плохая, много снегу ⟨...⟩ Лес очень утомил, все ждешь и ждешь просвета и понимаешь славянина, понимающего лес, как бес [49].

Мы все ждали, что Тойма еще раз перебежит нам дорогу ручьем, но вдруг явилась большая река Охтома, бурно бегущая в Пинегу. На берегу стоял ужасного вида горевший когда-то и поваленный ветрами лес.

Лес, который 200 лет копил в себе солнечную силу и сгорел: жил для себя, чтобы жить,— какая бессмыслица. Вероятно, так и бывает без человека всегда...

Вся красота, вся прелесть севера в этих нечаянных улыбках природы, когда вдруг с тебя как бы сваливается все бремя, и ты все прощаешь... Так вот тут в этом бору бессмысленный пожар погубил лес: на десятки верст он лежит обгорелый, черный. Но теперь после дождя в сверкающих каплях, везде почти закрывая черные стволы умершего леса, поднимался молодой сосняк.

25 мая. Возле самого дома токует польник [50]. Светлое росистое утро. В 7 утра выезжаем в Согру на лодке.

Выборочные рубки еще и тем губительны, что бьют и губят, падая, другие деревья, и если это елка, бьет насмерть: они живут болея.

Вечер светлый, довольно теплый и тихий...

Более непривлекательного места трудно представить, но очень уж мы рады квартире,— что можно хорошо собраться с силами, чтобы пробиться в Чащу, девственный лес. Все говорят о нем, и никто не знает, как он велик.

26 мая. Одни местные люди говорят, что весна эта небывало холодная и задержалась недели на две, другие понимают, что и все так на севере: в мае всегда холодно, и только в конце июня да в июле тепло, а в августе опять начинает свежеть.

Надо и хочется пробиться в Чащи посмотреть лес, не видавший топора, и боязно. Верно, придется здесь посидеть и подождать более теплой погоды.

27 мая. Ночью, верно, был мороз, с утра при солнечном свете холодней, резкий ветер, спина моя больше и больше болит: хоть реви, а ехать надо в Чащи, иначе выйдет, что весь север объехал, а леса не видал.

Пришел охотник Осип Александрович Романов (51 г., из дер. Волыново), который будет нашим проводником в Чащи. Это следопыт совсем как Дерсу. Как и у многих здешних людей, у него тоже есть особенная интеллигентность, свидетельство внутреннего благородства, в речи его почти всегда есть скрытое значение, как у героев Ибсена.

29 мая. Думаю, что боль в боку не люмбаго, а натрудил мускулы на седле, проехав 100 верст. Нам теперь только и наступает наконец возможность приблизиться к лесу, и успех поездки зависит от того, сумеем ли мы в курной избушке сохранить силы для набирания в себя лесной силы. «Чащи» должны исчезнуть, наша задача их сохранить.

30 мая. Живая, грациозная чудесная птичка трясогузка нынче была птичкой моего путешествия. Я видел ее на ледяном обрезе тающего снежного берега, и... вот наконец вижу ее на северной реке, покрытой девственным лесом, на песке.

Не доезжая двух километров до Коды-Россоха, мы вышли на берег и поднялись на крутую и высокую слуду [51]. Все распускалось вокруг нас на берегу: березка маленькая, куст смородины, для всех взрослых пахнущий золотой порой детства — было оно или не было, и лиственница. Впервые в тепле после дождя я почуял, наконец-то, и тут общий аромат земли и весенней жизни. В этом так хорошо знакомом мне аромате тут был еще особенный теплый запах,— «не навоза ли?» — подумалось, но нет — навоз — это грубо, разве грибы? И нет, не грибы. Невиданное зрелище открылось, когда мы достигли верха слуды: довольно редкие сосны среднего возраста стояли на скатерти белого моха, чуть разве зеленоватого. Этот белый мох был как облака в причудливых формах, самый нежный, когда в руку возьмешь, понюхаешь, пахнет чуть-чуть грибами, а весь мох, вероятно, вместе с корой деревьев и начинающихся береговых трав и давали такой особенный запах не то свежего навоза, не то грибов.

И вот на белом зеленая полоска: это когда-то дерево упало и долго спустя дало жизнь на белом зеленом мху.

Сколько раз я обманывался на севере, принимая улыбку природы за переворот и начало нового этапа весны. А на севере весна идет не этапами, а улыбками: обрадует тепло и опять холода, и в холоде все движется вперед холодно и деловито: зеленеют наволоки, раскрываются почки смородины и лиственница, на вид засохшее хвойное дерево, начинает зеленеть.

Переезд из Согры в Усть-Илешу.

31 мая. Приехали на двух стружках[52] Александр Осипович Губин и Осип Александрович. Мы поехали с Александром, вещи взял Осип. На глазах наших плыла впереди упавшая лиственница и отчего-то стала поперек реки, и сейчас же от этого образовался залом.

1 июня. След оленя к воде и на той стороне: переплыл.

Губин продолжает говорить стихами: «Придет человек неведомый. Приедет на белом коне. И будет списывать. Кто за новую веру подпишется — тому конец».

Мы вышли на слуду и пошли короткой тропой. Пришли на малую речку Кодава, тут много избушек охотников. Дальше пошли, впервые увидели белый мох, обрадовались, снимали. Но скоро попали на осеку:[53] всюду на белом лежали верхушки, лежали закрещенные комли. Безобразие нарастало и на рассошине Кода-Мелетина (тоже сплавная, в том и дело, что весной каждый ручей в северном лесу превращается в сплавную реку) наросло до полного безобразия: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных грудами и крестами деревьев 〈...〉 Я сидел под уцелевшей лиственницей, разминал пальцами зеленые почки листика смородины и смутно думал о том: почему переход культуры от маленького окошка к более светлому непременно сопровождается таким злом, что у некоторых возникает вопрос: да стоило ли из-за более светлого окошка столько губить.

2 июня. Часть вещей и продовольствия оставляем в клети при маленьком замочке (для виду). Все кругом с гордостью говорят, что у нас никто ничего не возьмет.

Отдыхали в избушке Осипа на Коде. Заперли в клеть продукты и налегке отправились в Чащу.

В огромном порогистом, но девственном лесу одна кукушка неустанно звала людей к дружному севу, и мы шли уже давно, давно ночью, а верхушки гигантов сияли в солнечных лучах.

Последняя россошина Коды заворотилась на север.

3 июня. Лес в своем понятии содержит столько поэзии, что только самый простой человек может восхищаться, подсчитывая кубометры: этот лесок все оправдает.

Не только лес рубить надо, если он поспел и если правильно рубить, а если время пришло, оправдалась жизнь, то и самому умереть ничего...

Обласкал зеленомошный бор, и пошли бесконечные долгомошники. Просек, как железная дорога. То солнце и жара, то закроется облаком солнце, и хлещет крупа, и руки стынут.

То бывает от лет, и люди говорят об одном: молод! о другом говорят, стар! А то бывает не от лет, а от себя, живущего независимо от лет, от того, как устанавливает сам человек. Я в том возрасте, когда одобрения и поощрения от людей ожидать нечего, и все зависит от себя самого.

Перешли через р. Кислую и вошли в бор, похожий на Сокольники или на Лосиноостровскую [54]. После всех трудностей нам, конечно, такой чудесный бор был как рай, но в то же время мы были и смущены: зачем было так далеко ходить, если почти такой же рай есть под Москвой. Так вот мы живем и не знаем и не хотим понять, что живем в раю...

Тут вся тема: нет на свете более мрачной силы, чем та, от которой люди страшно угнетены и несчастны,— это сила привычки. Привычка лишает выбора.

Привычка — это паутина: ее выпускаем мы из себя, ею опутываемся и ничего не видим, даже рядом с собой из своего кокона.

4 июня. Мы идем обратно к Кодоре по ледянке, с которой возле верховья Коды мы должны свернуть на путик Осипа.

8 июня. Выехали на карбасе вниз по Пинеге, нас сверху провожали.

12 июня. Мы решаем двигаться дальше. Через некоторое время беру управление, Петя ложится спать ⟨...⟩ Какое это счастье совсем одному в такой невероятной глуши.

Вот на короткое время даже кукушка смолкает, и красная вечерняя заря из-за леса ложится впереди меня в воду. Это малиновое пятно в воде между лесными берегами так и остается, и пока оно побыло немного — это и была ночь, а потом вокруг, не светлея — куда же больше светлеть! — стало белеть, здороветь, я сам в себе почувствовал бодрое радостное утро, и со всей силой во всех сторонах забили кукушки. Восторг, безмерная радость...

13 июня. В 11 утра деревня Пагонец по речке того же имени. Мы подъехали к пристани; там же на берегу возле пристани на примусе варили кулеш...

Сменяясь, едем вечер и ночь.

Населенная местность. Большое село у самой воды. Снимал и спросил: оказалось, Ловела.

14 июня. Пинега расширяется, очень большая, плывет редкая моль. Петя взбирается на берег (*1 нрзб.*) и идет в Карпогоры.

16 июня. Пассажирский пароход из Архангельска придет в Карпогоры завтра в 7 утра и уйдет через несколько часов.

17 июня. Отлежался, отоспался, отъелся, и опять все заиграло вокруг, и так ясно-ясно чувствуешь границу возможности творчества...

18 июня. В 4 дня приехали в Пинегу, которую нечего было смотреть: один из самых захолустных городков старой Руси остался в своем виде, хотя сломали собор (наполовину) и устроили кино.

19 июня. В 4 дня достигли Усть-Пинеги и своей молью влились в общее русло Двинского леса. «Судорабочий» плыл, как «Фрам» во льдах [55], и впереди себя влек целую запонь, и новые бревна все ныряли под эту запонь, под пароход...

Прибыли около 1 ч. дня на ту самую пристань, где я был в 1906 году (29 лет тому назад), и я вспомнил это место исключительно по отсутствию на нем большого парусного флота.

Архангельск, как и прежде, не содержит в себе ничего терпко-провинциального (как Вологда и особенно Пинега), особенно неприятного теперь своей как бы двойной смертью: и прежней и нынешней... Архангельск, как Петербург,— окно в Европу.

Все время, пока мы ходили, был теплый дождь при жаре: настоящий парник. Давно ли, ведь еще только на Вые березки определенно начали зеленеть, а теперь они в полном листе, и тоже тополя. И, в сущности, это же конец нашему путешествию. 41 день путешествия в «Чащи», чтобы увидеть лес, незнакомый с топором. Лес мы увидели не лучший Лосиноостровского. Мы увидели то, что было возле нас и что мы знали хорошо, но мы, пройдя великие согры и рады с сурадьями [56] и долгомошниками, поняли, сколько надо природе истратить всего напрасно, чтобы

создать прекрасный девственный лес. Но, может быть, и не совсем напрасно? и разве наша человеческая жизнь, наше движение в обществе к лучшему, не оставляет за собой таких же сурадий и долгомошников?

20 июня. Архангельск. Чем-то похоже немного и на Владивосток: каким-то образом море дает знать о себе: что-то большое живет здесь близко, огромное... С морем еще нельзя так распорядиться, как с лесом, и на море человека нельзя так унизить, как в лесу и на пашне. И вот это именно,— что нельзя так унизиться при свидетеле,— море и накладывает отпечаток на приморские города: в крайнем случае тут как будто всегда есть выход: взять да и уехать в море, омывающее все страны, все берега, соединяющее все земли, все народности.

Земля на севере — что ни выдумывай, как ни бейся, плохая земля: мало родит, и жить на ней неуютно и неутешно. Эта земля как будто подсказывает человеку, что надо садиться на корабль и начинать иную жизнь и сделаться на воде другим человеком, независимым от болот и зябели [57] зеленых годов скудной северной земли.

23 июня. Погода продолжается летняя, но жар спал. И так всегда на севере: при всякой жаре чувствуется некоторая угроза. Нам достали билеты на 24-е. Значит, 26-го утром мы будем в Загорске, и всего путешествия с 9 мая по 26-е — 48 дней, шесть с половиной недель.

Двести — триста лет, и северному лесу конец: он умирает, гниет, а на юге и полторы тысячи — все еще здоровый лес. А сколько нетронутых лесов на Кавказе. Вот хорошо бы после севера посмотреть лес на Кавказе и, может быть, какой-нибудь холеный лес в лесокультурной базе.

Были в местном музее.

26 июня. В три ночи сошли в Александрове (наш поезд в Загорске не останавливается) и ждали местного поезда.

В Архангельске зацветает черемуха, у нас под Москвой доцветает сирень и начинается сенокос.

По всему видно, по широким листьям, по густоте и силе зелени, по высоте цветущих трав, что жили они тут без нас очень хорошо.

30 июня. Ничего не могу сказать вам о том, как мне после севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло. А когда счастье приходит — уходят слова.

2 июля. Знаешь ли ты ту любовь, когда тебе самому от нее нет ничего ни теперь и не будет, а ты все-таки любишь

через это все вокруг себя и ходишь по полю и лугу и подбираешь красочно одно к одному, синие васильки, пахнущие медом, и голубые незабудки.

3 июля. В 9 утра вышел на свой круг и вернулся в 1 ч. дня — забыл книжку и мысли какие-то не мог записать и забыл по возвращении. Не почувствовал, но вспомнил тоску и что около двух месяцев путешествия ее не было: значит, в пути ее не бывает, и вот почему Онегин так много странствовал.

4 июля. Не вдали, а возле тебя самого, под самыми твоими руками вся жизнь, и только что ты слеп, не можешь на это, как на солнце, смотреть, отводишь глаза свои на далекое прекрасное. И ты уходишь туда только затем, чтобы понять оттуда силу, красоту и добро окружающей тебя близкой жизни!

6 июля. Если бы человек в утробе рождающей матери не носил в себе единства всего рожденного и общей цели, то смерть означала бы полную бессмысленность жизни и мы бы давно уничтожили друг друга, как уничтожают себя прирожденные преступники или пауки, заключенные в одном стакане.

Сущность леса проста, и вот это и вводит в мир обыкновенных вещей.

10 июля. Любовь к врагу и вообще к ближнему, и не только любовь, а просто внимание к ежедневному достигается только удалением от него и последующим возвращением. Путешествие ценно не так тем, что оно обогащает человека новым знанием, как тем, что открывает глаза на близкое. И есть путешествие в такую отдаленную страну, возвращаясь откуда, люди могут понимать любовь к ближнему и даже к врагу,— только надо очень далеко уехать: я там не бывал.

22 июля. Соблазняет решиться устроить окончательно свою старость на Журавлиной родине [58], чтобы там жить до конца (редко появляться в Москве).

Самая опасная охота на диких зверей является лишь забавой детей старого возраста. Единственно опасным для всех зверем, на которого нет охоты и выходят на которого лишь поневоле,— это зверь, обитающий в человеке. Множество людей, сами того не зная, живут только страхом этого зверя, ненависти к нему, презрения, но еще большее множество при каждом удобном случае сами обращаются в такого же зверя. Конечно, есть и настоящие люди, охотни-

ки на этого зверя: ими жизнь продолжается. Но нерадостная эта охота... (Гоголь) что-то вроде охоты на смерть.

29 июля. Есть люди, у которых жизнь не проходит, а монтируется, и остается перед людьми неведомый человек, истративший все природные средства свои на монтаж. Пробиться к факту близко, чтобы чувствовать его,— это значит сделаться современным человеком. Чем сложнее человек, тем труднее ему пробиться к факту. Иногда кажется, что для этого надо в жизни своей упроститься, но и это не то (Лев Толстой доходил до того, что сам пахал, но тем самым, конечно, не приближался, а удалялся от факта).

3 августа. Результат моей статьи «Переславские кручи»: [59] бор от озера до Усолья объявлен запретной зоной.

6 августа. Но время подошло к практике и действию. Мы ждали пророков, а пришли экономисты.

Теперь, конечно, и слепому видно, что люди на земном шаре живут весьма непрочно и мы здесь, люди, стерегущие время, конечно, счастливей обеспеченных людей на Западе.

22 августа. Можно подходить к природе с тем, чтобы законы открывать, но можно открывать и беззакония, что случается единственный раз и больше уже никогда не повторится. В этом прежде всего это — чем отличается один человек от другого и носит название Я. Единственный раз это Я пришло в мир и больше никогда не придет. Но точно так же и день придет и уйдет: другого точно такого дня не повторится, и «пара» дней это бессмыслица. И в тот момент, когда я беру перо и хочу отметить какой-нибудь день, как личность неповторимую, я своей личностью соприкасаюсь с личностью дня. Если так постоянно записывать, то живые дни проходят не без вашего живого участия, и в этих днях проходящих вы узнаете себя и в себе самом находите единство со всем миром, в котором люди делают свою историю.

28 августа. Снилось мне, что я будто бы и с Ефросиньей Павловной и Петей сняли комнату внутри квартиры, где живет и она [60]. И мне очень хорошо, потому что я не такой, как был тогда, беспомощный, а сильный, известный всем, славный... Она живет как бы невидимо, и мне предстоит встреча, только встреча и больше ничего, потому что вся жизнь отдана этой встрече.

Давно я не видал таких снов — откликов моей личности на встречу с ней почти 40 лет тому назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилось. После этого разве я не

поэт? А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зубрилин! (Слова его: «И ведь больше никогда, никогда не придет!») [61] Неведомый друг! Как глубоко он скрывается, как невозможно трудна наша встреча! Писать именно и надо об этом...

1 сентября. Вечером меня трепала лихорадка: я заболел.

3 сентября. Мне лучше, опасность прошла. Вечером в косых лучах солнца комарики мак толкли: это дивное зрелище, но я еще слаб и еще смотрю, как чужой, не для меня играют комарики, для другого, но это ничего: пусть и другой поживет.

Прочитал 1-ю книгу «Кащеевой цепи»: очень упрямая книга, строго личная и в то же время эпическая: какой-то лирический эпос и попытка отстоять романтизм в марксизме. Местами несколько перегружена излишней отделкой деталей: читатель должен от этого уставать, а рядовой читатель бросить книгу. Но это ничего: книга эта, как хорошо засоленное мясо, изготовленное впрок, не сразу, взрывом захватит всеобщее внимание, но постепенно годами от лучшего читателя к лучшему и соберет в длинном времени лучших не меньше числом.

Надеюсь, во 2-й книге найти бóльшую стройность композиции и потому более легкую чтимость. А «Журавлиная родина» — философским венцом этой вещи, и можно надеяться, что в этом венце «Кащеева цепь» наконец-то откроет свой смысл, о котором еще никто ничего не сказал. И если «Колобок» только за 30 лет утвердился, то «Кащеева цепь», наверно, сократит этот путь, хотя бы лет на 10 (десять уже прошло).

5 сентября. Температура нормальная, только сам еще непрочен и слаб. Прочитал вторую книгу «Кащеевой цепи». Из 256 стр. ее 115 написаны в полном единстве действия ничем не хуже «Жень-шеня», но дальше картины сшиты, хотя и гораздо искуснее, чем в первой части. Новостью для меня было увидеть, что весь «Жень-шень» содержится в этои книге. Моя личная жизнь в своей сокровенной сущности представлена здесь до того обнаженно, что обычно присущая мне ясность зрения на вещь со стороны утрачивается. Мне кажется, что со стороны могут пожалеть Инну Ростовцеву, обыкновенную девушку, возведенную женихом в недоступную Прекрасную Даму. И в этом, и в некоторых поступках Алпатова не хватает той законченности анализа, после которого наступает ясное понимание у читателя неизбежности случившегося и не-

обходимости его изображения. Мелькнет иногда, не в том ли дело, не в том ли смысл вещи и цель автора, чтобы представить нам в жизни две правды, большую и коротенькую; причем в Германии между правдами существует некоторая гармония: благодаря этому малая правда роскошно и прочно устраивает повседневную жизнь людей; а в Петербурге обе правды враждебно распадаются, и человек становится двойным: на службе один, дома другой. Инна является как бы душой этого смертельного для всякого цельного действия раздвоения. Алпатов, предназначенный автором к цельному героическому действию (разбить Кащееву цепь) при встрече с Инной как бы распадается и готов уже окончательно исчезнуть под поездом, но уцелевшие в нем капли здоровой крови матери спасают его. Покончив с Инной навсегда, он тем самым кончает с тем раздвоением, которое было во всей стране: Петербург и народ. Алпатов уходит в ту первично творческую среду, которая называется природой, и от одного только прикосновения с ней возрождается.

7 сентября. Когда у меня довольно собрано материалов, чтобы написать что-нибудь, я не пишу, а дожидаюсь чего-то. И действительно, по мере того как материал отдаляется, вокруг него образуется как бы своя волшебная атмосфера и все лучше, и лучше. А писать все не хочется. Начинается тревога,— как бы материал в этой приятной дымке совсем не ушел. И мало-помалу он, правда, уходит, пока, наконец, является вопрос: да и было ли что-нибудь? Вот тогда, пересмотрев записанное, открываешь в нем горючее и сам загораешься. Это значит, овладеть своим материалом. Впрочем, может и так все пройти. И вот именно эта опасность и создает чудеса поэзии, а то что бы это было, если бы можно было безошибочно все делать из всего. В таком критическом состоянии находится у меня «Лес» [62].

9 сентября. Начал «Войну и мир». Как неестественны вначале Андр. Болконский и Пьер, и как скоро привыкаешь, вовлекаешься, и кажется, так это и надо. В рассказе главное — это особый, свойственный только художникам, порядок раскрытия мысли. И главный признак бездарности и непонимания — это логический порядок. Именно вот и трудно это, и надо, и редко выходит, чтобы мысль раскрывалась не логически, а как бы волшебно: так бывает, заблудишься в лесу, и те же самые знакомые полянки, перелески, деревья представляются невиданными. Сила толстовского рассказа и заключается в необычайном порядке раскрытия мысли.

16 сентября. Непрерывные идут дожди... и так вся весна, все лето и осень: небывалый год. О дупелях уже и не думаем: все залило. Весной можно было бороться с природой, и мы ее победили, но трудно бороться с осенью: «если пасмурен день, если ночь не светла, если ветер осенний бушует» [63].

Читаю «Войну и мир». И, к счастью, нахожу, что Толстой жив и близок и что некоторые слова его еще в юности запали в меня и дали возможность самоопределяться. В особенности близко мне: «Пьер был один из тех людей, которые чувствуют себя сильными только, если они чисты». А у меня так даже малейшее сомнение в себе в отношении жены или сына делает невозможным писание...

Сила Толстого в способности приблизить.

27 сентября. Вышел 1-й том моего Собрания «Север» [64]. Второй том «Кащеева цепь» сдан в работу. Третий том «планирую».

2 октября. Маленькие рассказы у писателя — это знаки его личной живости и непосредственного участия в жизни. В кабинете, как роман, их нельзя написать; если так их будешь писать, выдумывая,— они будут вялыми, как вялы все решительно бесчисленные подражания итальянским новеллам. Хороши эти рассказики, когда, кажется, сама искрящаяся жизнь их дает и автор на ходу схватывает эти искорки (разумеется, потом тоже в кабинете превращая их в рассказ).

6 октября. В замысле каждой моей книги было сделать ее для детей, но потом оказывалось, что «детскость» эта относилась не к читателю, а к форме, или к манере: чтобы брать в книгу те вещи, на которые удалось бы просто, по-детски и как бы впервые взглянуть. Упражняясь в этом, я достиг того, что некоторые мои маленькие вещи удались и как детские, и для всех. Вот теперь и при создании «Леса», надо сделать не «Жень-шень», не «Соки земли» [65], а «Колобок» в простоте, доведенной до «Гаечек» [66].

10 октября. Стволы гигантских лозинок с облетевшими листьями, черные, резные, выразительные, распространяли свои ветви над домиками, слившими в лунном свете свой милый ярко-зеленый мох с тенями. В одной только избе нет окон, и оттуда какие-то доски торчат. Кончилась жизнь человеческая, отслужила изба. Но деревья... как высоко они поднимаются! Я не знал этих людей. Мне кажется, жили эти деревья, а люди были и прошли возле них. Деревья добились своего, им ведь надо было стать выше, как только можно стать ближе к солнцу и раскинуться во все стороны

как можно шире. Они в этом сделали все, что только могли, раскрыли все возможности, заложенные в их семени, и оттого при лунном свете они так выразительно определяются в своем достоинстве. А кто эти люди?

Кончились люди. Луна, звезды, огромные деревья и я, томящийся по другу, которому надо о всем этом сказать.

14 октября. У писателя в его книгах должно быть, как у самого хорошего хозяина: все вещи собрал любимые, знакомые и нужные.

Жизнь писателя тем страшна, что те два-три часа и то не каждый день — ведь только каких-нибудь два часа творчества! остальные часы, 22 часа в сутки, пустые часы эти существуют лишь для подготовки тех двух настоящих часов жизни; у людей нормальных жизнь должна оставаться цельною во все 24 часа.

17 октября. Книга «Зверь Бурундук» [67] сдана в печать.

24 октября. Ночью... ведь все продолжает сниться (33 года!). Я прихожу в какой-то дом и знаю, что в комнате рядом, и знаю, что сейчас нет дома, ожидаю. Слышу, приходит, в темноте фигура. И начинаем ходить по комнате взад и вперед... И почти все. Но какое счастье! Боже мой! как же это люди не видят, что вся поэзия из этого выходит, что все поэты (даже Пушкин) врут о своих «шалостях» и совсем это у них пустяки... все рыцари бедные, и Блок... («одно виденье непостижное уму») [68].

28 октября. Муза — это предпосылка поэзии, и ее делает поэт, обманывая себя и другого в невозможном достижении. Может, и правда недоступная, но если нет недоступности, то ее можно выдумать — и будет недоступная.

4 ноября. Мы ведь все в любви своей от невесты в приданое получаем звезды и месяц, и песенки, но куда-то они деваются после брака. Наверно, мы тратим их, а надо это сохранить, все это большое небесное и земное хозяйство, получаемое нами в браке от женщины.

6 ноября. Окончил «Лес Берендея» [69]. Праздновал.

7 ноября. А. М. Коноплянцев [70] посоветовал мне «Лес Берендея» переназвать «Берендеева чаща».

12 ноября. За поэзию нельзя давать ордена и чины. Разрешение быть самим собой — вот все, что может поэт искать у граждан для себя, и на всяком месте оставаться поэтом — вот его долг и его гражданственность.

14 ноября. Первая любовь для мужчины только в редчайших случаях делается любовью брачной ⟨...⟩ И вот

была одна первая любовь, только одна на всю жизнь (поэтическая аскеза)... И там ничего, и все зря: разряд в пустоту, а песня остается, радостная тень любви: так создался «Жень-шень».

15 ноября. Денисов [71] то же, что и Дедок [72], прекраснейшее народное существо. Теперь им наступает конец, и вот мы с Петей всю дорогу говорили о том, совсем пропадет это народное существо (Лувен) [73] или же возродится оно, проявится в культурной деятельности более сложных людей.

Наука в моем деле исследования качества вещей служит проверкой моей сказки, благодаря знанию я смею со сказкой своей подходить к самым обыкновенным существам, как Иван Царевич подходил к заколдованным кобылицам, и во внутреннем содержании всяких вещей находить и будить спящую Марью Моревну.

18 ноября. Стебель сколько бы ни тянулся к солнцу, рано или поздно роняет на землю зерно. Так и думы наши, годами поднимаясь все выше и выше, роняют зрелые мысли в народные массы, как земля их выращивает, и опять думы великих людей высоко поднимают... И так мы живем.

1936.

[*Загорск.*]

1 января. Народ валил весь день из леса с елками (после 18 лет запрещения можно и порубить). Чувствовался глубокий перелом жизни и пока в хорошую сторону.

13 января. Некоторые думают, что двадцать поколений немцев работали, чтобы создать Гёте (Герцен) [74], надо бы сказать, что работали они между прочим, сами того не зная, вернее, просто жили, а Гёте сам собой заводился, как заводятся птицы в чистых кустах.

15 января. Почему детская литература не может до сих пор стать на первое место?

Потому что писатель плохо сознает себя строителем будущего, создателем радости.

Мой путь в детскую литературу: сказка, путешествие, секрет вечной молодости [75]. Ремизов и я: через Ремизова я поверил в себя. Ремизов — материал в книгах, мои — в народе. Пушкин ходил на базары, Толстой — на большие дороги...

26 января. Создавая детский рассказ, писатель должен не склоняться к маленьким детям, а их поднимать, узнавая их потребности через своего личного ребенка, в существе ко-

торого, собственно говоря, и заключается то, что называют талантом. Мне иногда представляется, такого рода «талант» заключается почти в каждом человеке, но что люди именно это самое нужное для создания нового человека, нового общества знать не хотят.

1 февраля. Бросился в Москву от страшной и беспричинной тоски. Все размотал в разговорах.

2 февраля. Вместо жизни картина. Отец и мать на службе, ребенка нужно занять, и вот вместо жизни ребенку дается картинка с текстом. Ребенок забывается. Что-то вроде головокружения при покачивании люльки (вместо любовного усилия).

3 февраля. Толстой. То самое лучшее, вокруг чего я с трепетом хожу всю жизнь, он назвал богом.

6 февраля. Улыбка Хаджи-Мурата: человеку с такой улыбкой можно резать людей [76].

9 февраля. Алексей Денисов, толстовский мужик: этот человек возможностью существования своего вскрывает, что русский народ жив не единым хлебом, хотя живет безобразно и своего лучшего не сознает, и это лучшее потому как бы ни во что ставит, и если придется его выказать, никакой платы за него не берет [77].

10 февраля. Свидание с Калмыковым [78]. Бетал: «Я читал «Жень-шень» — вы хорошо знаете зверей — у нас много зверей, только не Лувен, а Бюль-Люль [79].»

13 февраля. Отъезд 1-го марта [80].

15 февраля. Мелькает возможность путь «Жень-шеня» развить на материалах Кабарды: строительство осветить изнутри светом интимной жизни личности.

22 февраля. Леонардо считал живопись величайшим искусством, литературу, как искусство от слуха, а не глаза, считал ниже ее, и даже часто о литераторах говорил заодно с математиками [81]. Вот отчего и я сопротивляюсь Белому: я, исходящий в литературе исключительно от глаза, вижу в Белом «математика», это действительно математик от литературы.

24 февраля. Заболела Павловна. Вчера мне она рассказывала, как она песням научилась. Бывало, ни одной работы без песен не проходило: зимними вечерами спать хочется, песня не дает спать. А на поле! Как ведь устанешь, и не больно-то сытно, другие сало едят, у нас кой-что, и заморошные, и голодные, а как хватят после работы песню, вся затрясешься и даже плясать. Как научилась! Да тогда без песни и жить нельзя было. А теперь Паня, девочка той же деревни, списывает! Тогда песни сами рождались,

теперь их списывают и учат. И опять будут петь, но не как народ поет, а как интеллигенция.

6 марта. Собираемся в Кабарду.

10 марта. Выедем 14-го. Поезд уходит в 11 вечера, значит, утром я буду на родной широте возле Ельца, а вечером где-то за Харьковом, значит, с утра до вечера исчезнет весь великий снег этой зимы, мы увидим в тот же день всю весну воды, встретим грачей, жаворонков.

11 марта. В Москве на ходу перечитал «Гамлета» с упоением. От Гамлета, вероятно, и начинаются все Фаусты и демоны индивидуализма, мировая скорбь и все такое... В муках творчества, в столкновении добра и зла, поэзия в безумном лепете Офелии: поет и утопая. Читал эту библию искусства — Шекспира, считал себя счастливым обладателем такого сокровища. Но главное мое счастье, конечно, в том, что и без книги сам могу читать жизнь, как книгу...

Шекспир — вот родина индивидуальности.

14 марта. Как понимают мои рассказы, например, о глухаре, люди, никогда не видавшие глухариного леса, городские? По-видимому, инстинкт природы в городе замирает, но не умирает; как в лесу у осин спящие почки... Возможно, что люди в городе с атрофированным чувством природы только маскируют условиями жизни города свою утрату чувства природы: оно может утратиться, как и всякое чувство, от самых разнообразных причин.

15 марта. На рассвете, открывая вентилятор вверху купе, Петя нечто услыхал и, подумав немного, с величайшим волнением воскликнул: «Кажется, это грачи кричат». Мы открыли шторку и на деревьях какой-то маленькой станции увидели грачей. Между тем отъехали мы от Москвы всего только 280 верст. Поля же тут были закрыты всем тяжелым слоем зимнего снега, обледенелого сверху при последней большой оттепели и утренниках. К Орлу появились проталинки и грачей было все больше и больше. За Орлом было грачей великое множество, и стало понятным, что те, слышанные нами утром через вентилятор грачи были только передовые разведчики.

Почти каждый час нашего движения на юг сопровождался переменой в отношении черного к белому в «сорочьем царстве». Снег держался только на парах и жнивьях, вспаханные же с осени черноземные поля почти вовсе освободились от снега. Природа была такая, что будь так дома, мы пошли бы вечером на тягу вальдшнепов. Но у нас ведь еще месяц до тяги! И причина этому была,

кажется, не так в широте, как в лесах нашего подмосковного края.

Что же это такое? Ведь дома мы целый месяц ждем весны воды, радуемся при хорошем солнечном таянии, горюем при возвратных морозах, нежданных весенних метелях. Мало-помалу в горе и радости мы так сживаемся с природой, что весна становится как бы плодом наших собственных усилий. Тут же мы заплатили за купе по 140 р. от Москвы до Нальчика и сидим, как в кино: весна делается быстро — в один день вся весна! — и без малейших наших усилий.

16 марта. До вечера ничего не видели особенного,— степь и степь, еще неживая. Ночь прошла в сборах и тревоге не проспать.

17 марта. На станции Прохладной нерусский старик схватил чемоданы и бросился бежать, едва поспевали за ним в кутерьме восточных людей.

Нас ожидала машина от Бетала, высланная за нами из Кабарды. Ехали в темноте. По дороге стало рассветать, но в Нальчике был туман.

Приехали в гостиницу, очень чистую. Окна нашего номера против огромного молодого парка, переходящего в дачный поселок. Дальше полукругом (Нальчик, значит подковка) должны бы стоять северные склоны большого Кавказского хребта, но теперь был туман и ничего не было видно.

Меня навело на мысль о происхождении Хлестакова с внутренней стороны: как он откалывался от самого Гоголя. И я тоже, как сказочник и литератор в Кабарде,— разве тоже в своем роде не Хлестаков в моей попытке отобрать Кабарду у Бетала?

18 марта. Сегодня горы открылись, вся заключающая Нальчик подкова, хотя и не сразу вся, но в разное время была видна. Так играли с нами горы, то открываясь, то закрываясь до обеда, и после до вечера вовсе закрылись. Наверно, высокие горы со снежными вершинами и никогда не стоят, навязываясь, перед глазами. Вот почему они никогда не надоедают, и так держатся тоже большие люди, вечно играя (часто смущая) туманами рядовых людей.

Мы гуляли в парке. Было одновременно и жарко и холодно, жарко от солнца, холодно от воздуха, обнимающего тело с теневой стороны.

20 марта. Горы! горы! Два месяца я буду смотреть на вас с этого места, и каждый день по-разному вы будете играть

мною, часто определяя на весь день мое настроение. Вчера шлепал с обеда до вечера мокрый снег — снежинки в кулак! и с утра до вечера не видно было гор ни на одно мгновенье. Сегодня утром перед окном земля белая — поднимается к небесам. На лесах туман рассек все черное белой полосой и оставил вверху черные зубчики леса, пилой своей пересекающие бок ближайшей горы (Дахтау) с вечным снегом, закрывающей еще высокий Эльбрус. Да, так и у гор, как у людей, очень часто небольшие закрывают собой высочайшие и надо сделать лично большое усилие, лично совершить трудный путь, чтобы увидеть вершины во всей их свободной и ничем не заслоненной красоте.

Фольклор у кабардинцев — эпос, у балкар — лирика.

22 марта. Ночью был морозик со звездами, и утром впервые горы показались без игры и во всей правде. Открылись цепи, намекающие на перевал, показались горы, как белые палатки с плотными синими тенями, и чего, чего только там не было, на что только не думаешь. Только глядя на горы, больше не думаешь ни о чем, а ласкаешь себя, и в этой нежной ласке души вполне уже ни о чем не думаешь. Если же проснется мысль, то горы от мысли исчезают, как от тумана, глядишь и не видишь.

Так я сегодня забылся, но кучевые облака показались из-за гор, легкие, дымки поползли по склонам, закурились вершины, и началась игра...

Мы прожили уже пять дней против гор, и нам разве только чуть-чуть они стали намеком понятны.

23 марта. Солнце восходит со степи из земледельческой Кабарды, и горы Балкарии расцветают в лучах степной Кабарды... От этого получается редкое явление на восходе: и внизу каждая елочка и каждое человеческое лицо горят на восходе, и высочайшая снежная вершина светится, как лица людей...

Сегодня было тихое морозное утро. Я любовался горами впервые от первого легкого разлива света до тех пор, пока не стал свет белый, и день белый и горы встали белые в славе.

Горы видят.

В новом месте только видишь и понимаешь скорость движения собственной жизни: жизнь проходит в непривычных условиях, и нужно уметь закрепить в памяти все,

пока все станет привычным и движение жизни своей станет незаметным. Поэтому для других непонятна бывает и неприятна торопливость моя... А я должен стремиться, чтобы час мой не пропал.

Отъехав десяток километров от города, увидели всю цепь главного хребта от Эльбруса до Казбека. Это весеннее самое лучшее время, чтобы смотреть на горы. Три рода гор, первые — лесистые, вторые — голые камни, третьи — снежные; летом бывают покрыты снегом только отдельные вершины из третьего ряда.

Взгляд на цепь всю целиком сразу же расширил наше представление о горах. Грачи, не улетающие на зиму, ремонтируют свои гнезда. Жаворонки поют... Районный центр, громадный кинотеатр, и в то же время чем-то похоже на Константиново — чем? Баксанстрой — похоже на Нивострой. Заюково и дальше: животноводческий колхоз, овечий хош новый и старый, жеребцы кабардинцы. Молочнопродуктовая ферма. Пастухи каждый для каждого из нас несут по тарелке масла, каждая в полкило, потом каймак [82], вареную простоквашу и кукурузные лепешки ⟨...⟩

Видели настоящую саклю старинную ⟨...⟩ каменные вечные изгороди, снимал мосты через Баксан. Слушали знаменитых певцов и музыкантов: что-то кавказское, но кабардинского не понял...

Люди, дети были иногда очень красивые. Возвращаясь, видел ту же цепь, но не ярко, сильно отраженную, Эльбрус скоро остался назади за горой, а вершина двуглавая Казбека исчезла только у переезда в Нальчике через полотно железной дороги.

24 марта. Стоит один цветок на окне в лучах солнца, и по цветку знаешь, что ты на юге, что такого богатого солнца на севере у нас никогда не бывает.

В 9 утра выехали верхами с Романовым [83] ⟨...⟩ до вечера были на кабаньих засидках.

Желтая круча является центром охоты на кабанов, на Верхней будке, сверху донизу крутообсыпающейся горы от трех до пятисот метров. За 15 лет дорога отошла от края приблизительно на три метра, значит, слой в три метра толщиной осыпался. Стоя наверху у края, слышишь непрерывное движение песка и камней; переводя глаза в сторону большего шума, видишь скачущие камешки. Но разве не такая жизнь горы вообще, разве не есть, с одной стороны,

и вся жизнь беспрерывное рассыпание? Да, несомненно, только там везде процесс рассыпания маскируется нарастанием. Здесь же до того открыто шумно рассыпается гора, что, принимая к сердцу эту беду горы, чувствуешь и свою неизбежность... и всех...

Романов, следя за одним камнем, сказал: «Лег! И вечность свою нашел». Мы сами так рассыплемся и все найдем свою вечность.

26 марта. Утро вечера мудренее: туман с утра. В 10 утра пришел Романов... Ввиду тумана решено выехать на машине в 4 вечера: успеем! Выедем с прямой целью убить кабана.

Вблизи высокого кургана начались «дубы», и тут была Нижняя будка. Не доезжая до места, в каком-то логу мне нужно было испробовать винчестер. На двадцать шагов пуля попала в точку, шофер-кабардинец сказал:

— Охотник хороший — погода плохая.

— В туманный, серый день охота лучше выходит,— ответил я и очень удивил шофера. А оно так вышло в этот день. Мы вышли из сторожки и сели в шалаш 20 минут шестого. И сразу же решили, что из засидки ничего не выйдет: действительно, на черной, растоптанной кабанами площадке была рассыпана свежая кукуруза и виднелись свежие следы машины, значит, сегодня же рассыпали, шумели, портили землю и воздух резиной и бензином. На свежую приманку слетелись во множестве черные дрозды, сойки, мелкие птички, пришел фазан.

Вот мы видим его только второй раз и уже не разглядываем страстно в бинокль и не волнуемся: фазан и фазан. Вот она великая сила первого взгляда на вещь... Раздумывая о фазане этом, я понимаю себя инженером, овладевающим этой силой, применяющим ее для творчества счастья. И тут же в связи с этим вспоминается, что гора Эльбрус с кабардинского значит счастливая гора. «Не сделать ли мне Эльбрус фокусом «исследования» моей Кабарды?» — подумал я, и в этот самый момент Петя прошептал: «Кабан!» Тогда с фазана мгновенно я перевел глаз — и черное, страшное, необычайной формы чудовище стояло в десяти шагах от меня. Вот в этом первом взгляде на кабана и мысли, что он вовсе не похож на свинью, что это самостоятельное не виданное мной чудовище, и было самое главное. Первое, не по-свиному было уже то, что кабан не пришел, как свинья, а явился с необычайной легкостью. Отчего-то он вздрогнул и замер. Не услыхал ли, не заметил ли нас? Отверстие сделано в шалаше шириной не меньше четверти,

через него можно видеть все лицо человека, и хорошо, я догадался сесть как можно поглубже и на нижний край отверстия уложил самый кончик винчестера. Вздрогнув, послушав, кабан хватил носом кукурузу, опять вздрогнул. Тут вот и началась мгновенная в нашем общем времени и длинная во времени, мною переживаемом, борьба. Вспоминаю и понимаю теперь рассказ Калмыкова о том, что он не может стрелять зверей на засидках; до того необычайно интересно глядеть на повадки зверя. Мне хотелось бесконечно сильно побыть наедине со зверем и в то же время, как тяжкий долг, как злая необходимость давила на меня: надо стрелять, а то ведь, если зверь почует и убежит — век себе не простишь.

29 марта. Под вечер вышел пройтись и столкнулся с Беталом, который, наверно, шел проведать меня. Он говорил мне много о пошлости того, что пишут о Кавказе: «бурный Терек», «Эльбрус — высочайшая вершина», и что если я опишу животных и природу просто по своим впечатлениям и в подробностях, то это будет великое дело для Кавказа.

30 марта. В 12 дня поехали на машине на Верхнюю будку. Шофер оказался смоленским парнем. Мне интересно было узнать у него, как ему показалась эта богатейшая страна после смоленских болот, песков и морозов.

— Тяжкий климат,— сказал он,— и очень опасный, даже летом бывает днем жара, а вечером пальто надевай.

— А люди? — спросил я.— Люди тут какие, взять, например, Люля.

— Люль,— ответил шофер,— человек талантливый, но только мало таких, у нас же все, как Люль.

— Ну ладно,— сказал я,— климат, люди, а какая у них земля.

— Земля! — воскликнул он.— Земля у них прямо без навоза, прямо хлеб по хлебу родит, да! если бы такую землю да не им, лентяям, а нам, смолякам, так мы много людей кормили такой землей.

Движение взрывами — здесь, у нас: всему свое время.

Вся весна здесь движется взрывами; чуть пробьется солнечный луч и делается очень жарко, и видно, как все приходит в движение, как появляются цветочки даже (сейчас уже много синих подснежников). Но скроется солнце, и наступает южная зима, не сильно холодная, но равнодушная. У нас же каждый цветок, каждая травка свое время знает.

1 апреля. Желтая круча возле Верхней будки кабардино-балкарского охотничьего хозяйства является центром охоты на кабанов ⟨...⟩ Приближаясь к Желтой круче с лучшим охотником Кабардино-Балкарии Люлем, я рассматривал по дороге кабаньи, волчьи и козьи следы.

Описание Люля, например, его выносливость: что с благодарностью вспоминаешь Толстого, умевшего тогда, во время войны, возбудить дружбу к горцам, поющим в кустах предсмертную песню. Люль из этаких: и он бы резал, как Хаджи-Мурат... и вот он же и мирно сидит и дружит.

4 апреля. Маленький ручей распилил скалу сверху донизу. И гора с той и другой стороны обрушилась на ручей и засыпала, но задавить не могла. Ручей выбился, а на отлогих берегах рассыпанной скалы поселились разные травы, а потом люди пришли и начали землю пахать.

Думая об этом ручейке, я думал о творчестве и, конечно, о себе, потому что это моя вечная мысль... Я вспомнил долину Желтой кручи: ведь и ее создал тот ручеек. И долины Черека со своими колхозами, черными пашнями — все это от горного ручейка, бегущего из-под ледника. Смотрел туда, в снежные горы, бродил по снежным и бесснежным пустыням, и мне было точно как на море: ничего нет лучше, веселей наблюдать битву волн со скалами и как пусто в самом море; так и здесь, наблюдая в предгорьях разрушение гор от воды, хорошо посматривать на те снежные вершины и понимать их жизнь по этому маленькому ручейку, которого не может задавить гора.

Ночью мне приснился мотив моей повести «Женьшень»: «охотник, охотник, отчего ты не схватил ее за копытце» — в его автобиографическом происхождении, и это во сне понималось как родник поэзии, который не задавит никакая скала.

6 апреля. Когда я поднялся наверх, то вдруг увидел все горы, от Черного моря до Казбека и дальше в туманной дали Осетии к Дагестану в бесконечность... Первый раз за все пребывание свое на Кавказе я, выходя из дома, забыл взглянуть на горы, и они сейчас как будто упрекали меня в этом моем первом грехе.

Давно ли я давал себе обет не отдавать себя привычке и каждое утро отмечать перемену в горах и так понять их жизнь. И вот я забыл о горах впервые, хотя они сияли сегодня, быть может, даже лучше, чем в прежние разы.

Лес великий, наши сосны перед чинарами, как спички, но какой это лес, если можно забраться повыше и про-

смотреть его сверху насквозь. У нас на севере это и есть самое главное в лесе, что он выше нас...

9 апреля. Встали в 6 утра до восхода солнца. Небо ясно, из-за гор встают золотые от восходящего солнца кучевые облака и образуют свой снежно-золотой хребет правильно на ровной высоте от нашего черного, еще покрытого белыми пятнами. Как они почернели эти белые горы с тех пор, как я увидел их первым глазом. И горы чернеют, и взгляд мой тупеет, остается только записанный мною пройденный путь. Но я, действуя, буду приближаться к горам, буду учиться понимать их жизнь и тем взрывать тупящую оболочку, облекающую первый взгляд.

15 мая. Все едут в Пенхонсу на праздник к 12-ти дня. Узнав это, мы почли необходимым отложить нашу поездку в горы и тоже ехать на праздник.

Приехали к самому началу. Бетал с трибуны говорил по-кабардински народу речь. Все происходило на площадке огромной террасы реки Черека ⟨...⟩

После речи народ распределился полукругом, уселись на зеленом лугу, налево вдали длинным строем стояли повозки приехавших на праздник из других колхозов района, вправо автомобили гостей из Нальчика. Внутри полукруга начались выступления сначала физкультурников, потом разных колхозов с пением и пляской. В каждой группе при этом каждый колхоз хотел как будто перещеголять в танцах широтой возрастного состава; в одном случае были 6-летняя девочка и старец за сто лет. И таких древних людей около этого возраста было много, один, стройный и гибкий, танцевал превосходно, другой, бодрый, красивый, совсем удивил (103 года!) и, как старейший, занял почетное место на трибуне.

После еды смотрели джигитовку: стрельба из кремневых винтовок на всем скаку в яйцо, рубка лозы и др.

16 мая. Сидели у водопада, удивляясь разрушительной силе воды. Я думал о горных людях ⟨...⟩ которые могут думать горным временем, и, например, могут сказать, через сколько десятков лет вот эта струя воды, падая на скалу и разбиваясь в пыль, разрушит ее и будет бежать, не разбиваясь... Мы нисколько не мешали думать друг другу, но и не молчали: очевидно, можно думать вместе и вопросы ставить как бы ритмически ⟨...⟩ Так редко приходится в пути встречать людей по себе! А потому в пути больше, чем где-либо, надо усваивать особый тон, выработанный европейской культурой путешествия.

17 мая. Не по утренней зорьке, как у нас, определяется день на Северном Кавказе в горах, а часов в 8—9 утра, и ночь определяется тоже в 8—9 вечера. Рано поутру встаешь и до 8—9-ти живешь в неопределенной погоде. Сегодня я встал в облаках, ничего не было видно вокруг, и сырость облачная оседала, как мелкий и редкий дождь.

Каждую минуту перемена в горах: там откроется, там снова закроется, и только мало-помалу определяется и устанавливается. И определилось, что весь день мы должны провести в сырых облаках.

Мы трое пошли к нарзану Адыл-су и дошли до «приюта трех» — пещеры против слияния Шхельды и Адыл-су.

Горной тропой ровным, медленным шагом один за другим ступают нагруженные ишаки. Совсем они не глупые животные, как принято думать, и откуда только это взялось, что осел глуп? мало ли людей, нагруженных тяжестью, идут по жизни тоже молча медленным шагом. Неужели это тоже ослы? Нет! это не ослы, а мудрецы идут, они понимают, чувствуют жизнь в ее достоинстве так глубоко, что если оставить всю суету, тщеславие, хлесткость и только ровным ритмическим шагом идти под тяжестью, то все-таки и тут не конец, и тут можно привыкнуть нести и жить хорошо про себя... Да разве вся тяжесть условностей так называемой культурной жизни не для таких создана, чтобы внутри ее мог человек жить про себя? И так можно по-ослиному на любую гору всякому подняться.

29 мая. Из Орджоникидзе получена телеграмма на юбилейные дни поэта Коста [84]. Решил вдруг, что пора уезжать, и пошел прощаться с Беталом.

31 мая. Поездка в Орджоникидзе.

2 июня. В 4 утра до восхода солнца смотрели с Терека на Казбек и Становую гору. День обошелся без дождя.

...Музей, как иллюстрация личности Коста Хетагурова. От Петра I до смерти Коста. Творимая народом легенда о Коста. Коста где-то сказал: «Охотник ходит у пропастей: он живет близко к мертвым, но, умирая, редко попадает на кладбище» [85]. Музей посмотреть отдельно. Встреча с писателями.

8 июня. Утром взяты билеты в Тифлис на завтра.

9 июня. Дождь. Мы выехали в Тифлис в $9^1/_2$ и могли добраться лишь в 7 вечера, от дождей везде размыты мосты. На перевале лежал снег, как у нас зимой, и хорошо еще, что солнце было закрыто, а то бы очень трудно было глазам. Спуск в Грузию, в глубину возделанных клочками гор.

10 июня. Тифлис. Солнце и ветер. Сухо, но не жарко, как бы следовало. И тут тоже все были дожди.

Разочарование в ботаническом саду. Красивые женщины. Упитанные дети. Породистые лица, грузинские носы. И никаких не может быть разговоров о национальности: ею весь воздух наполнен.

11 июня. Петя пошел билеты покупать в Батум. Очень мне хочется повидать место самой моей радостной встречи с Черным морем через 40 лет!

12 июня. В час ночи выехали в Батум.

Вблизи Батума начались чудеса растений, увидели море ⟨...⟩ Ходил под теплым дождем к морю, Петя купался, я сидел голый, и, как мальчик, попадал камешками в намеченный камень. Так можно сидеть сколько угодно. На бульваре цветут магнолии, роскошь тропических растений необычайная, хотя, по правде, всем этим искусственно выращенным пальмам и эвкалиптусам я предпочел бы естественно выросшие сосны с черникой внизу и березки с иван-чаем.

Спали в хорошем номере, но душном, потому что из-за малярии боялись открывать на ночь окно. Просыпался. Видел, как зелено-голубое море стало молочно-белым и зеленое оставалось только возле судов.

14 июня. Дождя нет, день серый и нежаркий. Вероятно, переполнился впечатлениями, и мне страшно думать, что в Сухуме надо о чем-то хлопотать, на что-то смотреть. Взял да и решил: плыть морем в Одессу и оттуда в Москву.

Природа творчества жизни: вскрыть природу творчества жизни — это значит показать потребителю, какой ценой достается тот «рай», о котором он мечтает в свои выходные дни, или же открыть природу страсти, делающей человека творцом.

15 июня. Ночью в 12 мы отчаливаем на «Аджаристане», нагруженном цибиками чая и кишмишем.

Так заканчивается прекрасное путешествие, в котором не прошло ни одного дня, не встретилось и не осталось без внимания ни одного значительного человека. Начинает показываться ярче и ярче образ Бетала и его творчество.

Купил в Сухуме сборники произведений местных писателей.

Читая у абхазского писателя о радости, с которой встречают старики невесту, радости, то есть будущей жизнью своего рода, я вдруг понял, что большие строители,

вроде Бетала, в глубине себя именно и живут этим самым чувством хозяев рода («государственный человек» и есть трансформированный родовой человек: «хозяин»).

17 июня. Беспокоимся о здоровье Горького.

20 июня. В 2 часа дня выезжаем в Москву. У самой Москвы узнали о смерти Горького... сегодня кремация, завтра похороны.

[*Загорск.*]

Смерть Толстого вышла тоже на людях, как и у Горького, но Толстой от известности хотел убежать в какую-то неведомую избушку, в неизвестность. Это было здоровое чувство: зверь, умирая, удаляется с глаз зверей... И непременно каждое существо умирает, значит, удаляется. Кто знает, что думал, удаляясь, Горький...

Просят от «Крестьянской газеты» моего отклика на новую конституцию [86].

22 июня. «И я думал также, что здесь, в Советском Союзе, есть нечто новое и неожиданное: до сих пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был в той или иной степени мятежником и бунтарем 〈...〉 Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые стоит иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером». Это из речи Андре Жида на похоронах Горького.

В этих словах меня что-то затронуло очень больно, и я стал рыться в себе, в своем внутреннем, вечно бродящем и вечно мятежном своем существе, и понял: нет, я сейчас не могу жить и писать безмятежно, напротив, если вынуть мятежность из моей груди, я превращусь в живой труп.

И тогда, в царское время, и теперь, в советское, в существе своем, как писатель, я мятежное существо. Мое прошлое в царское время безупречно в смысле близости моей к народу и неприязни моей к его правительству. Мои современные писания доказывают, что я по-прежнему близок к родному русскому народу, но почему же, несмотря на это, я остаюсь мятежником и обращусь в живой труп, если этот мятеж каким-нибудь способом будет изъят из моей груди. Спрашиваю себя: «Кто же этот мой враг, лишающий меня возможности быть хоть на короткое время совсем безмятежным?» И я отвечаю себе: мой враг — бюрократия, и в новой конституции я почерпну себе здоровье, силу, отвагу вместе с народом выйти на борьбу с этим самым страшным врагом всякого творчества. Мой враг в творчестве — это прежде всего мое собственное желание повторять себя самого без всяких новых усилий.

24 июня. Письмо от читателя-пограничника. Восторгается «Жень-шенем», недоволен, что охотник не схватил ланку, и до крайности разочарован тем, что женщина пришла не та.

27 июня. Читаю свои записки, расплавляю места и сроки, соединяю людей.

29 июня. В одной древней книге неплохо сказано, что творчество мира, начиная с хаоса, создавая постепенно звезды, луну, солнце, рыб, птиц, зверей, в конце концов приходит к человеку. Можно, пожалуй, даже сказать, что всякое творчество есть замаскированная встреча одного человека с другим (как сигнал одного тура в горах вызывает другого). И вот что еще: есть на свете сила падающих рек, посредством которой теперь освещают, как солнцем, большие города. И есть сила первого взгляда на вещь,— человек взглянул, и ему неудержимо хочется полученную силу сообщить другому. Это очень большая сила, ею начинается, может быть, просвещение всех народов. От силы падающих рек происходит освещение, от удивления, вызванного силой первого взгляда человека на вещь и последующего страстного желания поделиться с другим человеком,— просвещение.

Да, пожалуй, так можно сказать, что всякое настоящее творчество есть замаскированная встреча одного любящего человека с другим, и часто на таких больших отрезках времени, что без книги, картины, звука эти люди в пределах земли никак не могли бы встретиться.

Через тоску, через муку, через смерть свою, через все препятствия силой творчества переходит человек навстречу другому, и это «культурная» связь людей начинается, как я думаю, силой первого взгляда на вещь.

1 июля. Думаю, что не надо спешить переезжать с Павловной в Москву. Лучше перевести на ее имя дом в Загорске. Можно сделать так, что в эту зиму оставить все, как было, только мне почаще ездить и устраивать квартиру [87], а дальше будет видно.

9 июля. Великое счастье: «Жень-шень» пробил себе дорогу в свет, книга получена в роскошном издании с предисловием Гексли [88]. После того великое горе: умерла Дуничка [89].

10 июля. Хоронили Дуничку, слушали речи вроде того, что человек хороший, но средний и недостаточной революционной активности. Сам не мог говорить перед чужими, боялся разреветься. И не надо было говорить. Вечером хватил бутылку вина и так в одиночестве помянул Дуничку.

20 июля. Из похорон Дунички. Хотел не идти в крематорий, не видеть мертвого лица, а остаться с тем, которое видел за несколько дней до смерти. Колебался до последнего момента, и когда само решилось: и удачно узнал о пути, и трамвай подошел, и успел захватить. и я попал в круг расстроенных и плачущих людей, и сам заплакал, то тут и оказалось явно, что быть я должен был на похоронах, и не приди — было бы нехорошо. (Личный, дикий, неоправдываемый разрыв с людьми хорошими.) И после того вывожу по себе: что архивом своим заняться надо, потому что это именно долг мой, живущего человека, в отношении себя, как покойника (да, действительно, заниматься своим архивом — это значит создавать свои похороны).

25 июля. На небе в этой игре снегов с тучами, внизу там в лесах, придавленных белыми туманами, здесь у скалы, где из-под каждого камешка бьется жилка воды и тут же в трещинах вырастают фиалки, везде раскрыта наша собственная душа человеческая со всем тончайшим оттенком сознания и чувства связи и в родстве.

Ни герой, ни изобретатель самолета еще не личности, потому что герой, достигнувший такого положения тем, что «покрыл» 9 тысяч км., предполагает следующего героя, который покроет его рекорд. Наоборот, личность не может перекрыть другую личность, потому что личность неповторима (индивидуальности могут повторяться).

Можно ли обладать политическим общественным сознанием и в то же время не быть личностью? Так, мы думаем, живут пчелы и муравьи (по заведенному). Личность характеризуется тем, что является непременно обогатителем сознания: живет по-своему. Чудаком называется человек до тех пор, пока он во внешней своей жизни живет не как все, но как только заметят, что тот особенный образ жизни порождает нечто для сознания людей, чудак становится личностью. Личность во мне, когда я задал вопрос: что есть в существе перемен? Личное сознание есть агент перемен в сознании общественном, личность всегда борется с косностью. В обществе личность создает качественную оценку вещей. Искусство не может быть безлично: его создает только личность.

Смотришь на передвижение людей во время войн, революций и думаешь о человеке изнутри, как он себя чувствует, догадываешься о нем по себе, и с него переводишь на другого и различаешь другого, третьего, четвертого.

И если ты выбыл из строя живущих, дальше за его судьбой невозможно следить по себе. И когда, начав думать о движении народов, благодаря встрече с ручьем, размывающим скалу, вернешься опять к воде, то как досадно, что жизнь воды, судьбу действующей капли не можешь понять по себе. Между тем вот она живая форма действующей капли, как человек, умирает и обращается в пар. И тут же видишь, струи пара там, наверху горы, соединяются с дождевым облаком и возвращаются каплями.

Неужели же это только потому, что человека я понимаю по себе, и как я неповторим, то не могу допустить, чтобы другой повторялся и каплей такой же круглой, как первая, вернулся.

Нет, нельзя мне понять жизни воды по человеку изнутри себя. Но зато, глядя на воду и забыв о себе, я могу легко понять подобные же действия человеческие в истории.

Эта сила различия, данная человеку, это сила родственного внимания внутри — наружу сказывается в переменах и вызывает перемену в условиях ее жизни. Вникни в живительную силу этого своего родственного внимания, и в ней сразу возникнут различия, и мало-помалу судьба животных и растений сливается с судьбой человека. Через множество тысячелетий, возможно, и между каплями воды человек уловит различия. И когда кто-нибудь примет судьбу какой-нибудь капли так близко к себе и полюбит ее и увидит, что капля на глазах его исчезает... Тогда он о капле воды будет плакать, как о человеке, и струи пара, образующего облака, не будут, как теперь, утешать бессмертием формы. Нет различающей любви — и все хорошо, а где любовь, там и смерть.

28 июля. Рассказ «Посредник»: [90] посредником сделать Шапиро и его двойную бухгалтерию, посредник между Чичиковым и владельцами мертвых душ.

Начало: как это никто до сих пор не обратил внимания на ошибку Гоголя в «Мертвых душах»,— трудно понять. Чичиков представлен деловым человеком, а между тем обходится в деле, столь щекотливом, как покупка мертвых душ, без всякого посредника. Ведь местами досадно читать и больно за Чичикова, что автор, столь неделовой человек, поставил его в глупейшее положение объясняться с Коробочкой, с Ноздревым и т. п. «типами».

14 августа. Наши мысли похожи на смерзающиеся льдинки, плывущие в направлении текущей воды внутри ледника...

Каждая мысль покупается тратой живого чувства в живом существе, и так образуется жизнь разума, подобная леднику, медленно текущему с гор, растирающему земли и переносящему с высоты гор в долины огромные тяжелые камни.

Животные — это существа, которые вовсе не растрачивают себя на образование разума и все понимают и ничего не могут сказать.

Восхищаться разумом в человеке можно только в том случае, когда заметны бывают на нем следы личного происхождения с личной тратой огромного чувства: так из снега образуется лед. Но разум, которым пользуются, не затрачивая ничего из себя, тот безликий разум — «чужой ум».

Если бы не о женщине сказано было, а о природе, что идешь в природу — бери с собой кнут [91],— я бы охотно это признал. И не только кнут, а надо быть готовым, если можешь — вцепиться и вгрызться, если не можешь — улепетывать, не стыдясь, во все ноги. Надо это принять, надо быть готовым на это во всякую минуту. И еще больше: надо быть готовым во всякий момент, что тебя загрызут, и все-таки переполняться восхищением жизнью и говорить, что она хороша, прекрасна. Вот тогда, имея это в себе, можно восхищаться травой, солнцем, вальдшнепом, бабой и чем хочешь. А наши описывают, захлебываясь... Тогда только можно благословить все существующее с его добром и злом и решительно стать на сторону человека в природе, создающего небывалое, лучшее...

18 августа. Есть люди, которых оценить можно только во время какого-нибудь дела, захватывающего их целиком. В этот момент они все на свете понимают, и, если бы можно было бы их спрашивать, записывать их ответы, мы бы давно узнали такие вещи, что такое правда и многое, о чем сейчас и не догадываемся. Но безумно спрашивать в интересах будущего человеческого сознания в то время, когда идет борьба за самую жизнь. Оттого и кажется, что нет правды на свете.

В бессловесном молчании переменяют люди эти нашу жизнь.

Другой человек, напротив, при всем своем мучительном желании не может с головой уйти в дело, и скопленная энергия ищет себе какого-то иного выхода. Вот я такой человек и хочу оправдать и теперь жизнь свою рассказом о своем друге, который, по-моему, должен бы все знать, но не может ничего сказать о себе.

27 августа. Есть власть, оправданная своим происхождением: власть, исходящая от личности. И есть власть, которую захватывают, как восточную рабыню. Можно стать на место внутри себя, то есть найти самого себя, и тем самым ты сделаешься властным. И можно занять место в бюрократическом аппарате и тоже сделаться властным.

Есть в полете всякой творческой индивидуальности непременно такое пустое место, в котором держаться не за что, и все само-леты падают. Без достижения сферы этого «ничто» не может быть творческой личности: это ничто является пробой на творчество, если оно во имя себя, то такие «самолеты» все падают, если же конечное звено сцепляется с чем-то большим тебя, то ты из Ничто вылетаешь.

1 сентября. Вчера барометр сильно упал. Сегодня окладной, но теплый и, наверно, долгий дождь. Высыпали грибы.

Молча движется история...

Молча движется страна в ту сторону, куда надо, и никакие слова об этом не выходят.

2 сентября. Заосеняло. Мухи стучат в потолок... Воробьи табунятся. Грачи на убранных полях — черным-черно. Сороки семьями штук по пять, по семь пасутся по дорогам. Роски холодные, серые. Иная росинка в пазухе листа весь день просверкает.

3 сентября. Гриб растет ведь только до того времени, пока его не найдут: после этого он делается предметом потребления. Так точно и писатель растет. Одну книгу возьмут, и опять из той же подземной грибницы, пользуясь теплым дождиком, надо расти, пока не придет и не откроет тебя потребитель и не срежет тебя под корешок. В молчании под сенью листьев и хвой совершается творчество. Вот почему художники, писатели, артисты всех времен и стран прославляют природу с ее лесами, горами, океанами и пустынями.

5 сентября. Прошло тяжелое жаркое лето. Углубляясь в себя, и в этом мне хорошо, и кажется, что вот не надо бы и сходить с этих рельс.

Среди пряных запахов в осеннем лесу есть такой аромат, что, схватив его на ходу, начинаешь непременно искать повторения. Бывает, нападешь, и опять обдаст тебя всего ароматом, но сейчас же опять потеряешь, и так источника этого очарования и не найдешь, как будто кто-то надел шапку-невидимку и с тобой играет...

Тайный гриб (ждет меня и этот), мой гриб всегда на меня смотрит.

Однажды пошел я на охоту за грибами и рябчиками, но, увидев на земле разноцветные осиновые листья в росе, стал собирать их и так набил полный рюкзак опавшими листьями. Так и вся моя охота, о которой я столько написал охотничьих рассказов, по существу своему есть охота за своими опавшими листьями.

16 сентября. Вернулась в 31-м году начатая работа о том, как мальчик затерялся в лесу [92]. Теперь захотелось ту же историю перенести в северный лес и таким образом описать лес по-настоящему, включив в материал «Берендееву чащу».

26 сентября. Художник в борьбе за свою личность отвернулся от обстающей его человечины и, разглядывая деревья, стал среди них находить живые существа и через них понимать весь лес, как живой мир. А когда под конец он создал дерево и оно стало такое живое, что зритель видел, как движутся на нем листики, вдруг художник в том дереве узнал самого себя и понял, что это не дерево он писал, а себя самого в борьбе с человечиной.

Основная же ошибка «рационалистов» в том, что они искусственно проводят черту между инстинктом, навыком и разумом и потом рассуждают, исходя из этой ограды, вовсе не существующей в природе вещей.

Вопрос вот в чем. Если в разуме один человек нашел средство овладения своим инстинктом для каких-нибудь высших целей своего существования, то другой человек, получив средство в руки, может употребить его для целей «низших», например, просто для истребления своего врага. Так, передавая секрет, открытый без контроля трудности подлинного творчества: создавая «облегченный путь»,— мы создаем «цивилизацию», не имеющую никакого отношения к связи людей между собой в прошлом, и настоящем, и будущем.

Итак, если писать что-либо, то современность надо содержать в себе всю целиком, то есть сейчас, например, что на глазах наших исчезла Абиссиния потому, что была мала и стояла на пути Италии. Мы видим, как исчезает Испания, и, вероятно, увидим исчезновение демократической Франции. (Фашисты должны уничтожить демократию, и знаем, непременно подерутся между собой.)

27 сентября. Самое трудное в деле писателя не писание: писание — это самое легкое. А трудно переживать то время, когда не пишется. В то время как люди занимаются игрой, писатель прячется. То же относится и к старцам-пустынникам, когда их мучают «бесы». Книги, выпущенные автором, всегда есть обман уже по одному тому, что содержат лучшее его жизни и не раскрывают, какою ценой далось это лучшее. Автор отдает обществу свои сливки, а сам простоквашей питается (как и всякий подвижник).

30 сентября. Фашисты в Испании взяли Толедо. Литвинов [93] в речи своей упомянул о фаталистических настроениях в Европе. Пишут о валютном блоке: «Все куплю»,— сказало злато. А о фашистах: «Все возьму»,— сказал булат.

15 октября. То место, где я стою,— единственное, тут я все занимаю и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял.

19 октября. Льют дожди. Наступает переломный в году месяц ноябрь.

Чувствую сильный упадок стимулов к писанию ⟨...⟩ Если и движусь вперед, то толчками сзади, а передним умом ничего не вижу ⟨...⟩ Очень боюсь, что задуманную повесть (борьба с горой) придется бросить и написать «Весна на Кавказе», как «Родники».

20 октября. Перечитал начатую повесть «Счастливая гора» (одна глава). И вдруг загорелся и обрадовался: «Счастливая гора» должна быть написана [94]. И я начал на ходу ее продолжать (ходить стало весело). В сотый раз исправив, отправил в «Известия» парадный очерк «Счастливая гора» (празднование 15-летия Кабарды).

23 октября. В ГИХЛе найти журнал «Иностранная литература» 35—36 год — роман «Улисс», автор Джойс, Дос Пассос, Хемингуэй [95].

1 ноября. Наступило время перечитать кавказские записки и поступить с ними, как поступил один хозяин с фруктовыми лесами: он вырубил все лишнее, оставил фруктовые деревья и некоторые декоративные, ко всему интересному подвел дорожку, возле всего замечательного поставил лавочку. Так точно и я все лишнее в своих записках вычеркну, ко всему интересному и замечательному

подведу дорожку сюжета и вместо лавочек всюду расставлю главы и части.

2 ноября. Вся наша трагедия на земле с темным рождением и беспричинным концом состоит в том, что подобно тому, как животное, участвуя в маленьком деле, не вполне ясно понимает, для чего оно делается, так и мы тоже не видим конца нашего дела, лица существа, для которого работаем. В темных догадках или в претензиях на ясность дела проходит наше земное существование. Все состоит в том, проникаем ли мы постепенно в понимание нашего дела или просто усиление, усложнение нашей работы сопровождается иллюзией нашего могущества и понимания цели.

5 ноября. Расписываю дневник по карточкам и надеюсь, что когда все выпишу, в голове повесть окончательно оформится, и тогда я напишу ее всю в один месяц. Из дома не выходил.

13 ноября. Творчество — это прежде всего борьба со смертью, с забвением. Вглядитесь в себя — и ничего не умерло, все живет в тебе.

Ценность жизни. Ноябрь, забойные дожди. Серые лачуги. Нищий старик в тряпье стучится палкой в окошко. Наверно, у него еще и множество болезней, ревматизмы летучие и суставные. Но он не хочет сесть у забора, протерпеть одну холодную ночь и тем кончить жизнь. Может быть, он в бога сильно верит, и тем объясняется его упорство в добывании себе средств жизни — не все ли равно? Пусть за бога держится, но все равно он тем самым живет и хочет жить. Мало того! Ведь сколько бы ни говорили о богатых душах, великих умах и сердцах людей разных разностей — о накоплении народом сокровищ,— все это старик не чувствует, и весь мир для старика расположен, как немая мертвая пустыня: только я — только бог и пустыня. Такая, кажется, незначительная величина этого стариковского «я», и между тем в этот ноябрьский день под дождем весь мир где-то на той стороне показывается в чувстве этого старика. А может быть, там и не бывает осеней и дождей: там перемена, движение, время видят прямо в душах.

18 ноября. Нельзя целью поставить себе счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает ее после большого труда. Верное счастье обретает тот, кто целью своей ставит счастье своего ближнего.

1 декабря. Мнится моя работа в лесу, как современное отшельничество, спасение своей личности (об этом надо много подумать).

4 декабря. Толстого упрекали много за то, что он живет в барских условиях, и рекомендовали уйти. Молодежь всегда хватается за это «уйти», потому что это самый легкий способ решать трудный моральный вопрос. Вообще «уйти» — это «не способ».

Я сам всегда берег для себя это «уйти». И не уходил никуда не потому, что это трудно, а подчиняясь воле неведомого спящего во мне человека с гораздо большим моральным кругозором, чем мой действующий, рассуждающий, сознательный человек. Этот спящий человек, вероятно, и есть «совесть», к которой прибегают люди, не умея ясно осознать свой поступок, говорят просто: «совестно». Бывает, человек даже покраснеет: так ему совестно. Выходит так, что сам гораздо лучше в существе своем, чем думаешь, и «совестно», и страшно оказаться со своими маленькими делами «на виду», быть застигнутым врасплох.

Перечитав главу «Живая ночь» из «Кащеевой цепи», вдруг понял, почему Белый и антропософы не поняли «Кащееву цепь». Живая ночь, например, так близка к природе, что кажется фантастикой автора. Между тем сама близость именно и является мотивом поэзии. И вся «Кащеева цепь» построена именно на этой близости поэта и человека. Неужели этого никто не поймет и не скажет? Едва ли...

5 декабря. Читаю дневник Толстого за 1910 год и считаю эту книгу одним из величайших документов человеческой жизни мирового значения.

Философия *усилия* в дневнике Толстого. (Обдумать: личность и усилие. Неприятное чувство, сопровождающее усилие.)

7 декабря. Задумал приспособить машину для пустынной жизни. Для этого надо свою машину променять на «пикап», кузов превратить в фургон с отоплением от мотора, спальней и проч.

10 декабря. Письмо Л. Толстого Миклухе-Маклаю о том, что его научные изыскания ничто перед человечностью, которую он открывает у диких [96], теперь сбылось. Научные работы его забыты, а «Берег Маклая» [97] читают дети и долго будут читать. Точно то же было с Арсеньевым и его Дерсу. Итак, надо жить и записывать за собой даже

совсем просто, и получатся замечательные книги. Можно сложно записывать, наделяя свои переживания воображаемыми лицами. И, наконец, можно воображать по возможностям жизни, сидя за столом. В основе хотя и возможная ложь, но все-таки жизнь. Значит, если явится у писателя сомнение в своем даровании, то можно проверить, записывая за собой жизнь (очерк).

Усердно изучаю жизнь Толстого 1910 года, чтобы эту борьбу смертную двух любящих друг друга людей — мужчины и женщины, изобразить на фоне всего, что люди называют «счастьем».

Ночью читаю Толстовскую библию — 1910 год — постоянно встречаются знакомые лица, эпоха проходит перед моими глазами. Начинаю понимать, что все те возражения, которые складываются относительно его поведения, Толстой знал. Надо написать такую повесть, чтобы мой воображаемый Толстой в своем положении нашел бы себе достойный выход, и такой, чтобы покойник Лев Толстой мог бы с ним согласиться.

11—12 декабря. «Уход» Толстого из дома надо понимать как уход из жизни. Начал уходить он, когда еще... когда началось? А бунт его против жизни выходит из какого-то общего его бунта. Посредник смерти его есть слава.

13 декабря. Дело писателя, как и всякого другого художника, если только посмотреть на него с точки зрения всех других выгодных профессий,— нестоящее дело. Но ведь точно так же и детей рождать, если все взвесить, нестоящее дело. Жизнетворчество во всем одинаково. Однако рождают же... Есть искупающие все муки моменты счастья, из-за них вся игра, хотя бы счастье первой встречи матери со своим ребенком. А у нас, писателей, я считаю чем-то вроде этого встречу с читателем: есть такие читатели, вроде А. М. Горького, встреча с которыми является большим счастьем.

18 декабря. В Толстом заключается вся наша революция в зародыше. Толстовство — это начало революции, замаскированной в религиозно-этическую реформацию. Читая Толстого (дневники 1910-го), надо думать о современности.

Читаю Джеффериса [98] о расширении души и нахожу в дневниках у себя записанное теми же словами, и теперь понимаю только, что удалось мне сказать о «Жень-шене».

Человек прекрасен, если его собирать из лучших людей, оставивших следы в истории культуры, и особенно тех, которые близки к себе. Можно поискать и в настоящем таких и подивиться им.

20 декабря. Письмо Дмитрию Ивановичу Волкову [99], бывшему миллионеру, теперь собственнику дневника, который ему теперь много дороже тех миллионов. Это у меня (хранение дневника) вышло настоящее, органическое доброе дело, подобно созданной книжке для детей «Зверь Бурундук». Выходило так, что делал для себя, но это «для себя» в то же время значило и для других. Это доказывает, что в душе человека есть такой род собственности, который является одновременно и личной собственностью и общественной.

23 декабря. Продолжаю разбирать драму Толстого по дневникам 1910 года. Очень тяжело, но, читая, сам становишься на высоту и видишь свои поступки в прошлом смешными: заключить бы и на сегодня — но нет: сегодня кажешься себе мудрецом.

К старости вокруг себя, в непосредственной близости надо устроить мир (тишину). Это основное условие жизни, и в этом Толстому было отказано.

25 декабря. Слушал оперу «Евгений Онегин» и думал о том образе, которому адресовалось письмо Татьяны, и о том, к кому оно попало: девичьем образе любви; что отними образ, и будет свинство-без-образие; этот образ и есть начальный, исток равно как искусства и рода: в первом случае дитя в искусстве, во втором: дитя и... [как назвать?] жизни (искусство тоже есть жизнь) или в роду (дитя искусства и дитя рода человеческого).

Долг Татьяны (жизнь со стариком) вышел из первообраза, как у меня в «Жень-шене»: *сложилась* жизнь: жизнь *течет* и жизнь *складывается,* но сила первого образа остается там и тут.

26 декабря. Два миропонимания: 1) Восточное: человек считает себя частью огромного целого, «мира», поэтому он себя благоговейно подчиняет этому целому, или богу. 2) Европейское (Западное): человек считает себя господином мира и создает систему господства, называемую им *цивилизацией.* Внутренней силой цивилизации является стремление к *счастью,* внешней — наука. Вот почему Толстой презирал науку, а Горький ее обожествлял.

Книг много, но идей, в которых движется современное человечество, немного, их конспект надо всегда держать в ясном сознании для того, чтобы поток родственного внимания и реализации своей личности в нем (творчество) проходил бы, как река, систематически размывающая свои берега.

29 декабря. Человек, который овладевал машиной подобно тому, как кузнец Вакула черта крестил [100],— вдруг узнал, что об этом рассказано у Гёте: Фауст овладел Мефистофелем, но Маргарита из тюрьмы за ним не пошла. Он и знал, но не догадывался, что его переживание кем-то обдумано: переживая сам лично в первый раз, он думал, что и весь мир это в первый раз переживает (открытие Америки). Но как же быть: ведь надо же самому переживать лично всем существом, а не по книжке. Когда дойдет до себя, то каждый вновь открывает Америку.

Несомненно, мое охотничье юродство приходит к концу не потому, что стало особенно жалко убивать, а просто я достаточно воспитался, чтобы находить интерес в природе и без охоты. Стала мешать охота. Но, отходя от охоты, очень постепенно, ни в коем случае не надо из этого делать какой-нибудь «перелом». Попробую заняться рыбой. Кстати, почему все рыбаки всегда как-то интеллигентней охотников?

31 декабря. Встреча Нового года удалась благодаря радиоприемнику: почти незнакомые мне люди просидели весь вечер и слова не сказали, потому что говорил и пел приемник. И было хорошо сидеть и быть и не быть с людьми. Радио — это великий разлучник. И великий обманщик: человек не поет, не беседует с другим человеком, поет и беседует радио за всю страну.

1937.

7 января. Ночью, часто просыпаясь, читал Серую Сову в немецком издании «Kleiner Bruder» [101]. И действительно, это мой молодой брат, жизнь совсем складывается, даже иногда охватывает настороженность, когда читаешь рассказ своего ученика: явится ли он сам или будет подражателем, что неприятно.

10 января. Мороз —4. Ездил в Терибрново, вернулся в восемь. Ни одного впечатления, ни одной мысли: весь день в переживании мускулов. Но нечего горевать: мысли

радостной вереницей придут в то время, когда тело начнет отдыхать...

12 января. Мороз хватил в 20 °. Наконец-то! Кончаю замечательную книгу индейца Серая Сова и так считаю, что я больше его много как писатель, но он больше меня как человек.

Мефистофеля надо понимать как чародея-техника и цивилизатора, почему христианка Маргарита (культура) не пойдет с Фаустом и остается в тюрьме. Но Мефистофель является злой силой при наличии доктора Фауста. Если же на черта садится кузнец Вакула, простак, действующий силой креста, то при помощи черта он достает своей Маргарите царские башмаки и как ни в чем не бывало женится на ней по всем правилам православия [102].

13 января. Встал в 6 утра и почувствовал в глубине себя тоску, которая не дает работать. Стал ходить на морозе под звездами по двору из конца в конец. Дымок поднимается из трубы у Дуни [103]. Барашек кричит у нее на дворе. Пыхтит паровоз. Мерный шаг, мерные повороты, дыханье на чистом воздухе, и вдруг как бы что-то спадает ⟨...⟩ И после того радость, какая-то легкость жизни и родственного внимания к этому дымку живому из трубы. Вроде сбрасывания шкуры старой: спало и хорошо. Так, может быть, и жизнь в свое время отпадет и под самый конец станет вдруг хорошо, не потому ли покойники становятся опять «хорошими». На это и поставлен Платон Каратаев: что-то не важное (личная телесная жизнь) скинуто, и стало хорошо, все кругом засветилось.

20 января. Вымирает поющий русский народ, воскресает певец народный и музыкант как личность (Римский-Корсаков). Народную песню создавали тоже личности, но они терялись в народе. Теперь явилось имя автора. Стало цениться само творчество.

Хочется жить, как все, иметь то, что у всех, а надо свое дать, надо прибавить к потоку нечто свое и через это — страдание (не могу, как все, и не знаю даже, что я «лебедь»). Живешь гадким утенком, а про лебедя узнаешь нескоро, когда это разутешить не может.

Книга, как орудие моей души.

6 февраля (23 января) день моего рождения, мне будет — страшно сказать! — 64 года. Уймись же, Михаил, пора собираться.

28 января. Достоевский продолжает оставаться единственным, описавшим бесов...

29 января. Жить бы на земле, где старые деревья маленькими видели моих дедов и прадедов.

30 января. Все свелось к техническому приему. Столько сил истрачено в напрасной борьбе, и, когда стало казаться невозможным дальше бороться, пришло в голову нечто весьма простое, почти не требующее усилий ума и воли, чисто технический прием, который можно рекомендовать и другим. Кажется, все в этом приеме, которым каждый может пользоваться, не тратя себя, даже вовсе не думая. Так в глубине всякой техники заключается живой человек, отдавший жизнь свою за это. И вот некоторые (и их множество) в пользовании этими даровыми полезными приемами видят все счастье человека: какое счастье, если все дается даром! Пользоваться техникой имеет право лишь тот, кто, в свою очередь, тратит жизнь в достижении чего-то и достигает, в свою очередь, обращает это в прием ⟨...⟩

Проследить градации перехода личного на пользу государственного: всякого рода творчество начинается лично, то есть духом, а переходит в полезность, воплощаясь, делаясь телом, множеством (когда-то рукопись Пушкина была одна, и ей одной начинается нынешний Пушкин).

Но почему тянет меня к простому, интуиции, инстинкту, народу, природе, земле, красоте, искусству, а не сложности декадентов, аристократизму, космополитизму, науке, рационализму и мистицизму, к отвлеченному.

Интеллигент и простак: простак живой, он берет все из первых рук природы и человека, интеллигент — из книг. Тому труднее выбраться из-под чужого; смотреть на все своим первым глазом. Но зато каждый из них находится в образованном обществе и действует его силой.

31 января. Они *(1 нрзб.)* «плановики», люди, посвятившие себя плану, чистому плану и в этом плане живущие: каждый из них по-своему честен, но жизни они не знают... Это «завелось» и движется, но внутренней самостоятельной жизни в этой исторической заведенности нет ни малейшей.

2 февраля. Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой, если она просто придет. Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью легче гораздо, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе — и на этом пути являются праздники: чуть-чуть полегче и праздник. От праздника

к празднику с мечтой о свободе и до смерти. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать, люди дуреют, имеют возможность летать, а сами мечтают о натуральном хозяйстве.

Пользоваться научились всем на свете, силами природы, умеют всякого зверя поймать и вынуть из воды всякую рыбку умеют... только не научились пользоваться своей свободой, и все силы и добытые знания обратить на путь человеческого счастья.

4 февраля. Пушкиным я никогда не занимался, потому что всегда казалось, что Пушкин — это именно то, что «само собой разумеется».

Одна из самых выразительных особенностей восприятия природы, которую все замечали у меня,— это природа в движении, «фенологическая», конечно, происходит от Пушкина, который очень любил сезоны. Вспоминаю, что именно «Евгений Онегин», роман, написанный так, что автор дал мне мысль написать «Кащееву цепь» в двух планах: герой действует, а переживания самого в себе этого героя автор судит. В особенности же в Пушкине близка мне простота, которая ему как будто врожденна, а нам приходится ее достигать. Об этой простоте все знают, и в то же время очень трудно сказать, в чем именно она состоит. Что она значит? Народная простота. В декадентском кружке это называлось кляризмом (ясностью), у Достоевского, для которого пушкинская простота была недостижимой звездой, называлась целокупностью.

Мне это лучшее пушкинское (*2 нрзб.*), когда я думаю о Пушкине, что художник есть такой человек, который сохранил в душе своей себя, как ребенка, и может по-своему (*1 нрзб.*) смотреть на мир (*2 нрзб.*) тем первым младенческим взглядом и потом пропускать свой материал через всю сложность взрослого, мыслящего человека. Чем больше сохранится этот младенец, тем больше в творце простоты, целокупности, ясности. Я не говорю, что литератор должен быть прост: Гоголь, Достоевский не простые писатели, а гениальные. Но и Гоголь и Достоевский с наслаждением забросили бы всю свою гениальность, если бы могли. «Я» Пушкина — это «мы», и не хочется говорить от своего имени без стыда, надо учиться у Пушкина простоте.

6 февраля. К пониманию простейших вещей философ доходит сложным путем, и потому его положение среди простого народа всегда опасно, еще бы: человек мучительно думает и доказывает то, что все знают.

8 февраля. При обеспеченной изоляции мысли, как в большом городе, обеспечивается всякая отвлеченная мысль, как полезная обществу, так и преступная. В большом городе невозможно, как Сократу, выйти на площадь с учением добра в познании самого себя и невозможно, как герою Раскольникову, опуститься на колени и поклониться народу, покаяться.

17 февраля. Сегодня Мар. Влад. [104] очень удивилась моей общественной тревоге: «Вы же пишете о животных, что вам?» И как я ей ни объяснял, так и не могла она понять, как это можно писать о животных и до смертушки волноваться судьбой своей родной страны.

Человек иногда из своей лично-мучительной жизни, как в окошко, выглянет в жизнь вокруг себя с травой-муравой, с букашками и таракашками, ребятами и девчатами на качелях, на салазках, увидит в тихом радостном свете под золотыми лучами! Это значит, что дух освобожденный увидел действительность, как она есть и должна быть для человека. Даже это просто и после болезни бывает, но как надо, чтобы без мук и болезней?

Мы о том человеке говорим, который будет: мы путь указываем, звезду человеческую, а как идти к ней, в каком порядке, это не наша забота. Между нами и государством время: время для нас не существует, но государство нас упрекает временем.

22—23 февраля. Возвращение к своей описанной в «Кащеевой цепи» гимназии: священный бунт Курымушки теперь представляется [вовсе] не священным, и кажется, что учителя были гораздо лучше, чем описано.

Необходимость дисциплины, осознание этого приходит у Курымушки на 65-м году жизни!

3 марта. Решил достать Гёте и почитать его по-немецки [105]. Никогда с такой радостью и без всякой тревоги не ждал весны. Когда вспомнишь о сближении своем с природой, то вспоминаешь, сколько этому счастью помогла моя бедность: нищенское существование до революции обрекало на деревенскую жизнь, после революции долго не давали комнату и стали вообще опускаться руки на перемену. Между тем при других обстоятельствах я мог бы так же, как природу, полюбить в городе искусство и книги. Когда будет квартира: я непременно сделаю опыт в этом отношении: попробую пожить в городе «эстетически», то есть свободно, как в лесу.

5 марта. Бедняк — это кто отстраняет от себя бремя, как долг.

Бедняк — это прежде всего завистник (Сальери), отравляющий Моцарта...

Осел презрительно называется ослом не за ум: у него ума довольно, вообще осел — умное животное. Нет! Мы называем презрительно ослом того, кто несет свое жизненное бремя не свободно, а имеет за своими ослиными ушами какую-то заднюю мысль злую, с претензией за свой ослиный труд получить признание, как за творческий.

Без ослиного труда, конечно, не обойтись и Моцарту, но Моцарт прячет этот свой труд, как ничтожный в сравнении с тем благом, которое им получено даром, как некая реальность мира, достигаемая трудом миллионов.

6 марта. Приходил «читатель» за таким словом, которое могло бы вернуть ему желание и силу жизни. Очень плакал. Сам в валенках, а в сумке кожаные сапоги на случай оттепели. За это цепляется и говорит: «Вероятно, я уцелею, видите, какая предусмотрительность!» Первое: пишете слова ежедневно для всех вдаль, и приходит человек и говорит: «Нет ли у вас слова для меня лично, спасите меня». Денег не берет, в бога не верит, докторов не хочет: слово ему нужно. Вот жуткое положение! Второе: это ведь современное явление, это раненый: смертельно ли? Сейчас ведь война, и это надо помнить, надо не забываться, что война вокруг самая жестокая. Болезнь его в том, что он не может жить без чтения (не было раз чтения, он драл обои, под ними читал газетную заклейку). Потерял себя, не может найти своего ритма.

7 марта. Возвращаюсь к читателю: писатель и читатель. Читатель просит такого слова, чтобы ему им можно было жить. Нет, настоящий читатель не станет нищенствовать: тот не просит, а получив, сам творит и помогает автору. Это был запоздавший интеллигент: о, как давно это пережито!

8 марта. Писать в «Юный натуралист». Осуществлять мечту: создать сказку жизни, чтобы читали мой детский рассказ, как сказку, все возрасты. Это единственно возможная теперь литература. В такой форме единственно художник может служить будущему. И пусть все, кто хочет жить, смирится, и все будут, как дети.

14 марта. Одно время поэты, очевидно, из чувства самосохранения старались доказать, что поэзия тоже *делается* (Маяковский) [106], и как всегда и во всем, что исходит из чувства и еще чувства самоохраны, палку перегнули; стали думать, что раз поэзия делается, как вещи на фабри-

ке, то и рабочий может делать поэзию, стали зазывать в литературу рабочих с заводов и фабрик [107]. Когда же рабочие пришли, то оказалось, что труд в поэзии — это малая сторона, а что главное для поэзии — это что надо талант, что надо родиться поэтом и что спокон веков поэты трудились и только виду не показывали. Трудились, конечно, много, но трудящимся открывали, как идеал, добытую в жизни возможность жить без труда и без раба. Правдой в этой сказке было то, что у человека, может быть каждого, может быть такое любимое дело, выполняя которое он не чувствует бремени труда подневольного.

Я развиваю мысль о том, что только в глубине себя самого таится сила личности, преодолевающая «тугу» труда ⟨...⟩ На этом пути именно и нужно искать происхождения непонятного для нас «счастья» без трагедии. Трагедия, страдание предполагает личность, они же, находя силу простого счастья в родниках общества, восстают на трагедию, на страдание и тем самым на личность. У них личность есть индивид, получающий счастье свое не путем страдания, а непосредственно из запасов этого счастья в обществе ⟨...⟩

Раз происходит такое разделение всего мира, значит, это меряются между собой необходимые для существования силы: сила личности и сила общества.

Окаянство жизни не в том одном, что есть люди, творящие зло, а и в том, что напуганные ими люди приготовились к злу, стали очень подозрительные и уже не в состоянии встретить человека незнакомого с доверием.

14—15 марта. Бьюшка умирает [108]. Когда умирает любимое животное, ни в чем не повинное, то человеку всегда это бывает упреком: так невинно животное, и все-таки должно страдать и умирать, а ты виновен во многом и все-таки не допускаешь мысли о необходимости страданий и смерти.

17 марта. Ясно видел происхождение своей литературы от писем к В. П. [109], похожих на те излияния, которые пишут мне литераторы, начиная с похвал мне и кончая просьбой устроить творения. Вот этот провинциализм именно и был в основе страдания: Мадонна, подбитая совершенной глупостью пола. Страдание и утрата всякой возможности сближения дали мне силу выхода из «провинции» индивидуального к личному творчеству: таким образом, творчество есть разрешение, есть выход из борьбы индивидуального и общего... В процессе борьбы свое уни-

жение было смертельно, и действительно нечто и умерло, а осталось это сверх своего, нечто неунижаемое, и это «сверх» себя непременно должно в конце концов найти место в общем достоянии, в культуре.

И вот это есть, наверно, самый общий путь поэта с некоторой видовой разницей: есть, например, род поэтов, которые мое единое переживание повторяют при каждом стихотворении. И вот, может быть, именно единство переворота и множественность разделяют между собой человека жизненного дела и поэта.

В этом отношении, конечно, я не поэт, и это возвышает меня, когда я отношу свою поэзию к жизни, и унижает, когда я жизнь свою сравниваю с жизнью «настоящих» поэтов: до чего моя жизнь и моя поэзия бедны! Я не свободен в своей поэзии — меня держит жизнь, я не свободен в жизни — меня держит поэзия. И так я живу «особенной» (за это упрекали Пастернака) [110] уединенной [жизнью]. Из всего этого возникает вопрос: обязательно ли для жизни и творчества страдание личное, трагедия, или же эту трагедию, признавая как чисто личный путь, необязательный для других, надо таить в себе, как некоторые певцы и танцоры веселят людей, скрывая смертельную болезнь?

19 марта. Если взять словесное искусство, то Пушкин — Толстой характерны радостью жизни, которой закрыта личная трагедия: мы видим готовую вещь, совершенством которой закрылась личная трагедия мастера. Напротив, у Гоголя, Достоевского природа, счастье и вся жизнь планеты и вселенной существует как среда и условие страдающей личности.

Вот весна света сейчас переходит в весну воды, и от этого почему-то душа в смуту острой, быстро мелькающей боли, радости, неожиданных мыслей, голова то горит, то вдруг вся сила куда-то проваливается, слабеешь в поту. Нет времени года, когда человек со своей человеческой душой до такой степени бы зависел от природы в ее стихиях тепла, света, воды. И вот я вижу снегурочку, сидящую на ветке дерева, засыпанного снегом. Я беру эту видную снегурочку из внешнего мира, она тает в моем горячем чувстве, но форма остается, и так я, личной своей трагедией растопив куколку, создаю форму, точно такую, как она была на дереве, но уже не подверженную влиянию обыкновенной температуры. Так я создал снегурочку, вдохнув в форму природы свою человеческую душу. В этом и виден именно смысл и свой подвиг, чтобы в чарующей форме погасить

свою личную трагедию и этим привлечь к ней людей, как к своему счастью, и тем убедить их в необходимости личного подвига по их собственной линии жизни. Сколько раз я клялся себе, что никогда-никогда не буду учить их, «как надо жить», а буду лишь это показывать.

На этом пути и произошел мой очерк, между тем бездушные ребята, разобрав механику моего очерка, стали ездить по стране и описывать этим «способом» «наши достижения».

Мое искусство, как личный подвиг, как счастливую службу, никто не понял, и до сих пор не нашлось у меня ни одного ученика.

Я буду жить и писать вам, друзья мои, как будто эта весна моя последняя и у меня уже больше нет времени рассказывать о печальном прошлом моей личной жизни. Я буду рассказывать о великом богатстве жизни на каждом месте, о счастье непомерном, которое каждый может достичь себе и создать из ничего. Всякий родился и некоторое время живет радостной жизнью, но не всякий, страдая, достигает радостной старости.

20 марта. Мы все умираем, оставляя следы после себя, все, что есть хорошее или дурное,— все это наследство предшествовавших нам миллиардов индивидуальностей. Я хочу оставить след любви своей к прекрасному, заинтересованный в длительном его существовании, но не в личном своем писательстве. Конечно, всякий, оставивший (*1 нрзб.*) след на земле человек непременно забывался, непременно выходил из себя, но ведь это не легко, и никто из великих людей не оставил нам секрета к такому совершенно бескорыстному творчеству, и большинство из них сами об этом не знали. Но мне кажется, отчасти можно достигнуть этого сознательно, если только представить себе, что наступила своя последняя весна и надо со всем любимым проститься...

Все киснет в тумане. Все брошено старое (Кавказ так и остался недописанным).

3 апреля. Лесков со своим кудрявым языком, пожалуй, больше всех наших писателей художник слова (Ремизов это понял и довел языковое художество Лескова до того, что можно назвать виршеплетством, то же, что и у Белого).

12 апреля. Самки сядут на яйца, самцы веселей будут петь. Но чем больше будет веселых звуков в лесу, тем сильнее для понимающего будет выступать и значить сила

молчания. Не тем ли и в поэзии сильно слово, что открывает нам силу молчания.

15 апреля. Мучусь своей отрешенностью от литературного общества, злюсь, обижаюсь своей оставленностью, но в конце концов хочу оставаться, каков есть и как оно есть.

21 апреля. Читаю «Соки земли» Гамсуна, перечитав перед этим «Власть земли» — Успенского [111], и ясно вижу, насколько же выше, свободнее, легче, убедительней искусство Гамсуна в сравнении с морально-народническим нытьем Г. Успенского. Понимаю себя в этом свете, свою глухую борьбу с «гражданской моралью», перешедшей в литературную колбу. И вот сейчас глухое недовольство свое, в отношении моральной чуткости, понимаю, как долг старого времени: плачу́ и пла́чу. Единственная вещь, написанная мною свободно,— это «Корень жизни». И надо в дальнейшем помнить, что сказать от души, от себя самого и полным голосом — вот единственная мораль писателя.

30 апреля. Наука для поэта тем ценна, что указывает верный путь, чуть только сбился с чудесной дорожки, наука предупреждает: «Уходи отсюда, здесь чудес не бывает».

1 мая. Самая злая неправда о природе бывает от самомнения плохо образованного человека; он ставит себя слишком высоко для того, чтобы считаться с какими-то зверушками, и оттого спешит объяснить их жизнь по себе — человеку 〈...〉

И вдруг я понял свое дело как науку связи между всем существующим.

7 мая. На Кубре вчера вечером был холод, но цвела черемуха — и соловей пел: соловью только бы цвела она...

Вот это утонченное наслаждение поэта петь и в бедности, и при всяких самых дрянных условиях многие принимают за добродетель.

Каждую весну и каждую осень человек поэтически переживает и свое собственное рождение и умирание.

Перед чем это было в лесу такое глубокое молчание? Мне почудилось, будто мне кто-то сзади шепнул что-то на ухо. И до того явственно было, что я оглянулся. Вокруг везде и на высоких деревьях не шевелился ни один лист, а здесь внизу возле моего уха одна ветка сильно качалась. Значит, я не ошибся, услыхав шепот, кто-то сзади пролетал: мне показалось, шепнул...[112]

13 мая. Черемуха все еще только зацветает.

Вот эта же самая, точно такая, с тем же видом и запахом цвела черемуха, когда любовь я мог понимать только по роману Ивана-царевича с Марьей Моревной. И теперь, когда у меня уже внуки, раз в год, когда зацветает черемуха, понюхав ее, на одно мгновенье я вдыхаю в себя ту любовь.

И так не одна черемуха, а всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом.

16 мая. Вот эта удивительно живучая наивность, как опора всей литературной деятельности: что если тебе в таланте везет, то от этого и всем хорошо, что в таланте своем ты живешь для других.

21 мая. Спасение сказки. Удивление покидает мир. Даже воздухоплавание, даже радио и телевидение больше не удивительны. И можно вперед сказать, что перелет на другие планеты не даст того счастья, той радости, о которой сейчас грезится. Удивление связано с детством человека. Современный взрослый человек рано расстается со своим ребенком: он с 20 лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством и детство здоровьем, и здоровье дается землею и солнцем.

Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление и с удивлением вернется и сказка. Невозможно? Нет ничего невозможного. Во всяком случае, возникает вопрос: почему современный человек не отказывается от возможности перелететь на другую планету, и поднимают даже вопрос о физическом бессмертии в будущем, но почему же тогда невозможно вернуть человечеству удивление и сказку.

23 мая. Не понимаю, как можно любить Андрея Белого и Щедрина!

Писатель тот, кто умеет следить за собственной личной своей жизнью — это первое, этого довольно, чтобы сделаться писателем; но чтобы сделаться писателем-художником, нужно еще это свое увидеть отраженным в мире природы и человечества.

Как за 11 лет разросся малинник у забора за липами! Придет Гоголь, увидит это и создаст «Старосветских помещиков». Быт человеческий ведь тоже так, как малина растет, складывается и находит своего певца. И кто-то, прочитав стих о малине у забора, вздохнет о возможности счастья смотреть, как из года в год разрастается малина за липами. Как будто это действительно возможно сидеть и смотреть, как малина растет...

4 июня. Сильнейшее впечатление от «Опавших листьев» Розанова [113], переживание.

Разбираясь в природе с жизнью, диву дивишься, до чего мало изучено: столько лет прошло биологии, а ведь почти ничего. А люди? Если заглянуть в души,— то же самое, так мало! Но почему же так тысячи лет «сознательно» живут и друг возле друга и так мало знают? Ответ на этот вопрос: людям некогда друг в друга глядеть, они для этого слишком заняты.

5 июня. Разговоры везде стали светскими, то есть люди говорят между собою, избирая темы, о том, что ни мое, ни твое, а чье-то третье. Ни мое, ни твое, ни наше, ни ваше, а что-нибудь всем постороннее, о чем говорить можно, не оглядываясь по сторонам. И вот теперь оказывается, почему существуют салонные разговоры...

6 июня. Конечно, и во мне всякий есть человек, но я выбираю из всего себя лучшее, делаю из него человека возможного и называю это — реализм, а не то реализм, как некоторые думают, чтобы вывертывать из себя без разбору и находить в окружающем мире людей ему подтверждение.

8 июня. Бывает, в редчайших случаях описание предмета является усилением любви к нему. Так вот мне очень удались рассказы о двух собаках, о Нерли и Ладе [114], и в состав моей особенной любви к этим собакам входило в большой степени и радование о рассказах. Вот если бы и вся литература стала не обиранием жизни — «собираю материалы» — а любовным усилением ее...

11 июня. Розановские «Опавшие листья» интересны лишь потому, что свой интимнейший мир, семья, дети и проч. в свете великих проблем.

14 июня. Говорят, что в «Правде» меня опять назвали столпом «Перевала». Так это надоело, что лень уже и отвечать.

15 июня. Свобода творится всем обществом, но ее нельзя просить у хозяина государства. Просить свободы — все равно, что просить у хозяина снять замок с его кладовой, дверьми обращенной на улицу. Вам свобода книжку писать, а другой полезет в кладовую...

16 июня. Нет, никогда в лесу не бывает пусто, и если кажется пусто — это ты сам виноват.

Поэзия — это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не ведают и что надо им показать, как слепым.

Разве я не понимаю незабудку: ведь я и весь мир чувствую иногда при встрече с Незабудкой, а скажи — сколько в ней лепестков, не скажу. Неужели же вы меня пошлете «изучать» незабудку.

18 июня. Всем смешно в самом начале лета слышать о начале зимы, а я это чувствую: все то же в лесу ку-ку и (*1 нрзб.*) сытое молчание, как редчайший случай, трель барабанная дятла,— услышишь и вздрогнешь: «Нет ли кого?..» Нет шума зеленого, поет певчий дрозд — один, и это милей, все милей, все лучше,— все верно, только «того уже нет».

19 июня. Чем тише едешь, тем больше видишь движение жизни. Даже после велосипеда не сразу придешь в себя и начинаешь понимать жизнь. Машину освоить — это не баранку вертеть, а научиться, сходя с машины, быстро приходить в себя.

21 июня. Хорошее в русском народе — это что если ты встретил неизвестного человека и через минуту ты с ним говоришь, будто всю жизнь знал его. Хорошее чувство: «вместе несем». Русский человек хорош для незнакомого, готов открыть все и служить...

В мире нет ничего чужого, мы так устроены, что видим только свое, только одно свое раскрытое «я».

Читал «Каиново болото» Уэллса [115] и почувствовал, что они находятся еще накануне того, что мы пережили...

Я почувствовал еще, что делаю самое удивительное и нужное дело... Миф.

23 июня. Простота жизни и мыслящее затишье с готовностью внимания ко всякому проходящему,— вот я бы чего хотел сейчас для себя. И мне думается, к этому вскоре побегут многие.

24 июня. Наступает самое напряженное время перед возможностью войны, и вот именно и передается, через кутерьму, какое-то «каиново» чувство.

И такая усиливающаяся заостренность подвижничества в чистом воздухе и собравшаяся у самых ног вся пыль человечества! Трудно продвигаться, но надо.

Гибнет Испания, но испанский футбол процветает; недавно бригада испанских футболистов была в Москве торжественно встречена. Это ли не кутерьма!

Наша тревога происходит от быстроты движения государственной планеты: невозможно всмотреться, влюбиться

и вжиться, все мелькает, и хочется, чтобы скорее и скорее мелькало, чтобы самое мелькание, быть может, заменил быт, необходимый человеку.

Стал бы на такое высокое прочное место, откуда бы это мелькание сливалось в огненные полосы, как при падающих звездах...

Стал бы... Но как стать, если вся мораль в том, чтобы идти нога в ногу: отстал, и ты как виноватый, ты обречен, и на тебя стараются и не смотреть. Перескочить бы во время общего хода на что-нибудь, как в метро с движущейся постоянно лестницы переходят на последнюю неподвижную ступеньку.

28 июня. Чтобы описать дерево (*1 нрзб.*), реку, мотылька на цветах или в корнях дерева землеройку, нужна жизнь человека: нужно до того дожить, чтобы все это до крайности далекое стало близким и возможным для человеческого понимания.

6 июля. Мар. Дм. Менделеева прислала философское письмо, в котором называет меня очень добрым человеком, пытающимся все примирить [116]. Интересно мне, что ее упрек в «доброте» исходит из того же источника, что и у тех, кто упрекает меня в без-человечности. Я пишу о зверях, деревьях, птицах, вообще о природе от лица такого человека, который в жизни своей ни вовсе бы не был оскорблен или преодолел бы свое оскорбление, непременно тем самым вызывающее злобу.

Я не беру такого человека из головы, не выдумываю, это я сам лично, поместивший занятие свое искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась неоскорбленной. Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из неоскорбляемой части человеческого существа, и я взялся за нее, как за якорь личного спасения от оскорбления и злобы. Вот отчего в своих книгах я оптимист и совсем неисправимый, потому что всего себя отдал служению неоскорбленного существа человека. Если бы я ошибся, то, наверно, давно бы попал в дом умалишенных, но выходит напротив: у меня появляется друзей все больше и больше, даже в Англии, даже в Германии «Жень-шень» назван «мужественной» книгой.

8 июля. Думаю о «по ту сторону добра и зла» — там, где человек не оскорблен, не обижен. Там находятся родники поэзии. Проходя оттуда к нам через почву добра и зла, поэзия часто принимает вкус добра, и потому поэта часто считают добрым человеком. Поэзия начинается не от добра.

По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой проходят через облака добра и зла...

11 июля. Обиды разного рода — это раны души, одни тоже, как раны, заживают скоро, другие очень долго, третьи с детства и на всю жизнь. Страх, я думаю, собирается вокруг больного места, он предупреждает об опасности: где-то болит, и вот страшно, что этим больным местом зацепишься.

Писать по художеству, как все равно и любить что-нибудь, возможно, лишь забывая личные обиды. Я пишу, конечно, в обход всяких обид из целины души и, вспоминая все пережитое, не знаю, как объяснить сохранность в себе неуязвленных мест. Мне кажется, что в самой природе таланта заключается какое-то легкомыслие, вроде сорочки счастливого: родился в сорочке, и все как с гуся вода.

Замечаю себе, что надо стараться записи делать как можно лучше, имея целью научиться сразу писать: посмотрел и написал.

12 июля. Начал работу над книгой «Канал» [117] и должен выжать из нее все соки, какие в ней есть.

Канал мой. Конец: «Где же люди? Не ищите их далеко, они здесь: они отдали свое лучшее, и их так много, что имен не упомнишь. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун».

18 июля. Вспоминали с Павловной мою сдавленную жизнь и сохраненную мной радость творчества («геооптимизм»). Этой силой жизни творили и на канале некоторые инженеры.

Строительство канала нужно понимать из себя: там это погуще, тут пожиже. Сгустить жизнь вокруг себя, и получится строительство канала. Мы все строим какой-то канал.

Было древнее равновесие края, которое поддерживали скалы, лес, вода. Человек расстроил это равновесие и тягостный труд соблюдать равновесие взял на себя.

20 июля. Начало записок о создании канала.

Природа поступает со своими черновиками разумней, чем мы, писатели: мы их рвем и показываем личико. Природа все свои черновики хранит в живом виде, и благодаря этому я могу, занимаясь с усердием, рассмотреть, как соединилось лицо человека, и все детали лица: глаза, уши,

нос, губы и так все до самой ничтожной ниточки можно видеть в ее происхождении ⟨...⟩

Увлекательное это занятие — проследить все фазы создания какой-нибудь вещи, записать все и оставить все это жить, как в природе. Со временем явится такой удивительный поэт, он все лоскутки мои соберет, и будут они жить — целый мир рядом с героем его...

Когда это будет? Мне кажется, это можно сделать. Вот явились воздушные корабли: воздух оказался довольно плотной средой. Но если явились воздушные корабли, то почему же не явятся воздушные замки? Но и воздушные замки тоже с чего-то начинаются, и вот я вздумал начать это дело: писать повесть и так: сегодня повесть — а завтра повесть не пишется и я пишу о своих материалах, о том, как я делаю эту повесть. Конечно, в писании тоже есть свои законы и первый закон, чтобы написанное было интересно для чтения. Задача моя чрезвычайно трудная и две опасности, как Сцилла и Харибда, ужасные: одна опасность, что повесть напишется хорошо, а план ее окажется неинтересным и никто это не будет читать; другая опасность, напротив, интересно будет, как я искал путь создания, но самую повесть не напишу.

21 июля. Итак, вот мое достижение в эту поездку: я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительной части работал. И, конечно, я бы работал: «Канал должен быть сделан». Я бы работал, как и вообще работают в советское время «неоскорбленной душой», и в этом деле моя свобода, мое счастье, моя правда (канал должен быть сделан).

Никогда этого не было раньше: скучно одному.

23 июля. В одном опыт не дает ничего, и даже наоборот: чем больше опыта, тем более неведомой остается область любви, и все кончается тем, что герой попадает в обыкновенные лапы. Напротив, неопытный делается господином и строителем семьи.

Так что есть область жизни, которая не открывается в опыте.

24 июля. Дневник, как он будет собран вокруг Аврала, будет иметь особенную ценность при анализе «я» — враждебного миру, разрушительно-мефистофельского и «я» — творческого, неоскорбленного.

5 августа. Строительство моего канала должно в глубине своей быть строительством мира. «Бобры» [118] — есть

тоже книга мира и, конечно, все детские рассказы. В этом сознании есть прочность.

6 августа. Вот наконец желанная квартира, а жить не с кем...[119]

Получается пересмотр самый подробный всего содержания жизни и соединения под высоким давлением всего народа для боя со всем миром за коммунизм. Это явление стало огромно, война предстоит такая большая, что требования к личности, могущей стать выше времени и судить независимо, возросли чрезвычайно.

9 августа. Иногда, когда музыку слушаешь, свое «я» застаешь за какой-то совсем ничтожной посторонней музыке мыслёнкой. А музыка сама собой. Это показывает, что «я» — моя душа не хочет подчиниться и отдаться и лучше готова заниматься маленьким делом, но своим собственным. И сколько вот таких не занятых музыкой «я» треплется в мире со своим маленьким ничтожным делом. Как часто, глядя на них, кажется до крайности непонятным и страшным ввиду краткости нашей личной жизни их поведение: заниматься такими пустяками, когда жизнь наша так коротка.

А может быть, и все мы работаем общее дело, но только одни имеют досуг думать о себе и ставить в этом себя на главное место, другие силой первобытной общественности должны были делать общее дело, не думая. Вот это «я», которое опускалось в свое время, как «я» теперь должно было остаться и тоже войти в общее дело.

Анализировать: «канал должен быть построен». В огромной стране все были против государственной власти и разбили ее; но без власти люди жить не могли. Жить не могли без власти, но, презирая власть, брать ее не хотели. Всякий порядочный человек обязан был выказывать свое презрение к власти и даже называть себя анархистом. Но пришел единственный человек и убежденно сказал: «Надо брать власть». Его послушались, потому что в воле единственного человека сошлась воля миллионного народа: невидимая воля миллионов стала видимой через одного человека — Ленина. Так на развалинах империи возник грозный Союз ССР.

18 августа. Читал с восторгом «Антигону»...[120]

19 августа. Неписаный закон (Антигона) это душа, это я.

Писаный закон создала неписаная душа, не зная о тех, кто еще будет. Мы новые неписаные приходим и законы изменяем. Я так понимаю.

В Москве опыт: ходил по музеям и сравнивал, что дает лес, что красота, не то ли это самое?

Материалы собраны для канала, остается найти тон.

20 августа. Решение Ленина — взять власть, то есть то, что всякому интеллигенту было ненавистно, есть решение гения. Он шел против всех и в этом был прост, как ребенок.

23 августа. Нужно собрать внутри себя тишину, чтобы не зависеть от внешних событий без побега во внешнюю пустыню.

24 августа. Слово, как мышь, пухом подушки его не удушишь. Дави его,— скроется в землю и вырастет на его месте березка и своими зелеными листиками вышепчет ветру родимое слово. И полетел ветер, и понес, и понес...

Нет, тут за слово бояться нечего, оно, правда, как мышь, и стогом сена его не задавишь.

26 августа. Видел ужасный мото-пробег, в деревянном цилиндре американец с его девушкой, настоящие американцы, сказочные. И подумалось: вот только бы мотоциклы, а то наши теперь тоже сумеют.

Американизм характерен исчезновением культурной линии, исходящей от личности, как в Западной Европе. Это дает возможность индивидуальности как грубо-животной силе не стесняться...

28 августа. Раскладывая тетрадки, выдумал создать из них том: «Записи». Начинать их делать без системы, а прямо выбирать из тетрадок отдельные, поддающиеся оформлению места, после чего можно будет их приписывать одну к другой для характеристики того и другого места, эпохи.

3 сентября. Проверял себя по календарю и по записи расходов: не могу и никогда не удастся мне приучить себя ежедневно на ночь отрывать страничку календаря, не могу записать все расходы. Но я могу, например, ежедневно писать в эту книжечку, могу, потому что это идет изнутри моей личности совершенно свободно. А принудить себя надолго к чему-нибудь я не могу, для этого мне нужен принудитель. И мы все такие, русские.

7 сентября. Рабство не в том, что один человек другого заставляет работать и даже посылает на смерть. Если мысль соединяет людей и один ей предан более другого, то почему же одному более сильному своему единомышленни-

ку не послать другого, если так надо? Рабство тогда, если один бессмысленно подчиняется воле другого...

11 сентября. Вчера по радио слышал чтение Книппер рассказа Чехова о том, как он катался на салазках с девочкой Надей [121]. И рассказ мне не известный, и чтение (первый раз слышу, читает актриса человеческим голосом) — оставили глубокое впечатление. И сейчас утром вспомнилось и свое.

Помню, что когда с любовью своей я попал в безнадежное положение, захотелось писать, и в этом писании открылось мне чувство, похожее на любовь. И когда у меня стало выходить и я понял, что этим и жить можно, то стал думать о том, как бы мне это чувство удержать навсегда. Я стал разбирать те свои недостатки, от которых погибла моя любовь, и, переводя на свое новое чувство, стал заговаривать себя,— устранить это в новом моем чувстве и тем удержать его. Прежде всего в любви моей была смешана эгоистическая чувственность с неспособностью вникнуть в душу другого человека. Спешку я решил в новом чувстве контролировать трудом, и т. д. В сущности, это была система охраны Марьи Моревны, то есть того самого чувства, которое охватило на салазках девочку Надю: сохраненное ею и после замужества, детей: это девственность — родник поэзии.

Тишина осенняя, слышно, как лист отрывается.

Листья падают. Сколько ни гляди на дерево, не угадаешь, какому листику лететь вслед за упавшими.

15 сентября. «Канал» закупорил всю мою работу... Не взяться ли за Кабарду, не отложить ли канал?

16 сентября. То, что я задумал — сделать вещь для всех возрастов, по-видимому, сделал Вал. Катаев в новой книге, имеющей большой успех «Белеет парус одинокий». Но кажется по первым страницам, что он слишком верно придерживается стиля повестей Пушкина.

18 сентября. Эпиграф к моей работе и одна из тем ее это: «Да примирится же с тобой и покоренная стихия» [122].

Это мне пришло при раздумье о столкновении раскольников с государством Петра...

Бабье лето неописуемой красоты. Что делали пауки: пока ночь жерлицы [123] стояли, все они были опутаны жемчужными нитями. Туман насел так, что капли, собравшись, падали слышно и сшибали лист. Такая тишина!

Между желтыми листочками, точно блюдечки, купав в речке за ночь утка проложила ходы, и теперь можно видеть, где она плавала.

21 сентября. Конец бабьего лета. Ну и лето! Впервые понял, какая прелесть это бабье лето.

1 октября. Повесть моя должна быть исторической не в обычном смысле «истории», как прошлого, а история, как она действительно совершается в настоящем: переходом жизни прошлого в будущее, как переходит через падун вода озера в море.

5 октября. На охоте волнение бывает такое, что «сердце оторвется» — и если после того удалось, если счастье, то на всю жизнь остается в глазах, какие были тут осинки, трава, облака; если же, напротив, сделал ошибку, промахнулся по зверю или птице, то все вокруг тоже остается с тобой, но в другом свете. Так и не только в охоте, но и во всем, весь наш человеческий мир окрашен нашим счастьем и нашим горем.

Шепчут, падая,— «расставаться!». Но их расставанье короткое: зиму перележат и старые листья, прея, как удобрение, воскресают молодые.

Расставаться! Не раз уже было мне в жизни, что вот, кажется, конец. Но проходишь перевал, и там опять открывается дорога. Это дает какую-то надежду.

7 октября. К слиянию капель-людей смутная мысль, как во сне у меня: что если бы не общее дело, то как мог бы жить человек, зная, что он умрет. Человек живет на земле, не думая о смерти, он живет, как будто жизнь его вечная и он никогда не умрет. Это бывает у него оттого, что вся жизнь людей вместе велика, бесконечна, бессмертна и каждый Иван жизнью дорожит не ивановской, а всей жизнью, только ему это по-ивановски представляется.

12 октября. «Талант неизъясним», но все-таки первое условие, подпочва поэзии — это особое чувство, похожее на пересыщенный раствор, в котором кристаллизуется и осаждается мысль.

Никогда не останавливался перед чем-нибудь только из-за того, что другие за это брались и среди них были люди, может быть, и способней тебя. Это неверно! Твой кончик счастья виден только для тебя, и за него потянуть можно только тебе одному. Вот отчего хороший грибник не боится народа в лесу, он верит, что твой гриб от тебя никуда не

уйдет и никто твоего гриба не заметит. И хороший охотник не боится чужой стрельбы, напротив,— «стреляют,— думает он,— значит, там-то и дичь». Так идет счастливец на гам и стрельбу, и оттуда на него прямо и зверь, недаром же говорят, на ловца и зверь бежит.

13 октября. Боже мой, как трудно оторваться от материалов своих, от земли, от мыслей и полететь. Что за участь такая! как будто мне суждено природой моей, что пока я всего себя не ухлопаю со всеми своими помыслами, досугом и проч., до тех пор не оторвусь.

14 октября. «Так надо» должно быть одной из главных тем работы: в этом свете показать русский народ на канале.

19 октября. У Пушкина говорится о двух единственных ценностях: воля и покой.

21 октября. Старость,— это, конечно же, заключение, но не безвыходное. Вот смерть,— это серьезное заключение, такое серьезное... И то бывает... Да, смерть, только смерть решает окончательно вопрос о тюрьме и свободе.

А может быть, чтобы жизнь вышла именно «как надо» — следует жить «как хочется»? Все в силе, если «до смерти» захотеть, то такая смерть и выйдет «как надо».

3 ноября. Смерти, конечно, все живое боится и бежит от нее. Но когда надо постоять за такое, что больше себя,— есть это! — человек, охваченный смертью, говорит: помирать собираешься — рожь сей! И сеет ее для тех, кто будет после него, и так подает руку другим, и по мостику своего жизнетворчества, как по кладочке, над смертью потом переходит в жизнь будущего.

7 ноября. Ночью читал Некрасова «Рыцарь на час» и восхищался. Мне вспоминается такой человек, о котором я думаю в последние дни: человек в несчастиях 〈...〉 радостно крепнущий духом, независимый от внешнего мира. Вот настоящие большие поэты наши и были именно такими людьми. Пусть формально будет такой человек даже и пессимист, вот именно такой пессимизм у него будет лишь формой, внутри же себя в истоке своего творчества, тем самым существованием в себе истока,— он оптимист.

10 ноября. Так приходишь к необходимости оправдания того, что мы называем «обманом», а может быть, иначе это есть творческая легенда или «идея», бессмертная личность, сверхчеловек — (стоит присмотреться к ребенку, когда у него складывается речь, и тут видишь тысячи примеров,

как жизнь происходит от слова (что есть слово?) и стулья в один миг превращаются в поезд... и т. п.). Слова тут рождаются между прочим и суть в «я могу»: я хочу и я могу — в слиянии создают поезд и все другое. В том «действительном» поезде едут чужие люди, в этом созданном поезде едут все свои, милые.

Итак, поезд «действительный» есть как «вторая» природа (такой же и канал), а «свой поезд» есть настоящий и окончательный поезд, в котором все — только люди. Так и строительство канала — «вторая природа» кончается «усвоением» ее ребенком: он едет на обрывке болота — и это есть морской корабль, он управляет парусом — и это есть подчиненный падун. Так что окончательная ценность — это превращение ребенком второй природы в третью.

Третье состояние и есть благодатное состояние (или творческое).

Из этого всего выходит, что герой мой Зуек и будет победителем: он придет, как Лоэнгрин [124], и одновременно будет умиряться вся стихия.

И... так надо! И пора приходит всем, кто может зажигать свои факелы.

11 ноября. Время подходит к тому, чтобы людям забыть свои лица, народам — забыть свою народность и броситься в Чан истории...

У фашистов стоит вопрос о своем народе, у нас же поставлен вопрос не о себе, а о человеке.

15 ноября. Смерть, как перерыв. Как разрыв между людьми. Похоже на разрыв первичного тока с появлением искры: эта искра — жизнь человека...

И так искра за искрой и эти все люди, один за другим. Искра сопутствует переходу первичного тока в ток высокого напряжения.

Часто мелькающие искры дают непрерывно свечение.

И это жизнь.

А мы эти искры, и какой бы ни был малый промежуток от искры к искре — все равно искра — «я» исчезает, и перерыв тока есть наша смерть.

20 ноября. Мы с чрезвычайной скоростью куда-то мчимся, я это замечаю по вехам прошлого, возьмешь что-нибудь, например, Толстого, и ужасаешься, как далеко эта веха от нас...

Я утвердил свое право заниматься искусством слова, как делом, равноценным всяким «настоящим» делам, включая революционные.

25 ноября. Ветер и стужа свирепствуют, а ведь листья-то летают по ветру.

Да, конечно, это листья, и их носит.

Но мы люди, мы созданы, чтобы осуществить на земле желанную свободу, и потому вкладываем в листья себя самих и говорим, что листья летают.

И говорим о ветре, как о лице, что он дует.

И о солнце, что оно раскинуло лучи.

И снег идет.

И река бежит.

Как будто всем им хочется и они все по-своему делают.

Мало того! все эти существа дружные, любят друг друга.

Мы этого хотим, и у нас это даже и выходит.

Как судить небывалое? нет ни аршина, ни метра у людей для меры небывалого. Тогда все это событие персонифицируется и является единственный, богоподобный герой-победитель, и о нем говорят, что победителей не судят. И только уже когда все кончится, и все прошлое встанет как одно лицо и не из чего будет возникать небывалому, тогда настанет тот Страшный суд, на котором будут судить всех победителей.

Победители создают небывалое?

Или время переходит в небывалое и с ним появляются люди-победители? [125]

29 ноября. В лесу очень тихо и так, что только не тает. Деревья окружены снегом, ели повесили громадные снежные лапы, березы склонились и некоторые вовсе наклонились к земле арками. В этой тишине снежные фигуры стали выразительны, что странно становится,— отчего же это они ничего не могут друг другу сказать. И когда снег стал лететь, то было так тихо, что казалось, будто слышишь шепот снежинок, как разговор между странными фигурами.

Культура — это есть та атмосфера, в которой живут, которая связывает высокоразвитых людей...

Культура — это есть творческая связь между людьми... и если автомобиль и самолет служат для такой связи, то они являются агентами культуры.

30 ноября. Самим невозможно судить властителя, если он даже тиран, можно только кряхтеть, и ворчать, и сулить: «Ужо тебе!» [126], и невозможно судить, потому что невозможно учесть, какими жертвами сохранено будет отечество. Если же война, то все само собой скажется, и если война проиграна, то жертвы тирана встают как мстители.

1 декабря. Читал Шекспира. Вечером приводил в порядок дневники. Посредством этих дневников, написанных бросками, как материал для рассказов, я могу вызвать все прошлое за четверть века.

4 декабря. Легенда, как связь распавшихся времен,— все, что есть реальность и самое нужное.

5 декабря. Где-то Гамлет говорит о том, что самое удивительное у людей, что все они знают неизбежный свой конец и все-таки живут, как будто они никогда не умрут [127].

Проверить, так ли у Шекспира, не я ли это сам: эта мысль, к которой я постоянно возвращаюсь и от которой прихожу теперь к заключению о реальности легенды, то есть что сказка, соединяющая распад времен, и есть именно то, «чем люди живы» [128].

8 декабря. Раньше мне казалось, что все написанное написано о пройденном и раз уже оно написано, то больше к нему люди не вернутся, и книга написанная, как надпись на могильной плите. И вот теперь смотрю на жизнь и читаю книгу, и все перевертывается: в книге — пройдено, в жизни все тысячу раз пройденное опять начинается.

23 декабря. Над чем я сейчас работаю в детской литературе? Я всегда работаю над одной темой, в которой и детская и общая литература сливаются в единое целое. Если же у меня выходят книги одни для детей, другие для взрослых и на разные темы, то это действительно они *выходят*, а не делаются, как я того хочу.

Та единая тема, над которой я работаю, это дитя, которое я сохраняю в себе, мальчик.

27 декабря. До того мерзко! а спросишь: «Чего же бы ты хотел?» И ясно видишь, что и там, в хорошем прошлом, и теперь, в благополучных государствах, и было, и есть, и будет всегда благополучием некоторая длительность устойчивости человека, идущего по канату; что — всегда, везде и всюду этот момент устойчивости расцвечивается сказками и эти сказки, по существу, и являются реальностью, а никак не то жалкое состояние равновесия.

Так вот полезно людям иногда поглядеть на веревку, по которой приходится идти, этот взгляд себе под ноги, если

только не свалишься, вызывает к созданию новой, более увлекательной сказки.

30 декабря. Перечитал по-новому речь Тургенева при открытии памятника Пушкину. Как хорошо! И куда все девалось! И еще что «простой народ» ни в какой стране не читает своих гениев [129]. Теперь в этом вся закавыка. Мы не знаем, кому мы книгу даем и что из этого выйдет. Не в писателе дело теперь,— довольно написано! — а в читателе.

После большого перерыва перечитал «Быль», и впечатление превосходное: спокойствие, простота, сжатая сила. Полное убеждение, что вещь будет сделана.

1938.

2 января. После обеда выехал в Москву. Попал в (*1 нрзб.*) поезд, в курящее, смрад! Но тут же в этом смраде где-то чудесный хор поет старинную русскую песню. И многих простых людей песня схватила за сердце, кто подтягивал тихонько, кто молчал, кто храпел, и так про себя, так потихоньку, что не только не мешал, а усиливал силу песни: выходило, что народ пел. Во время перерыва песни, перед загадом новой, один человек, чуть-чуть навеселе, сказал:

— Хорошо поете, только старое все: кто старое помянет, тому глаз вон.

Из хора ему ответили:

— А кто старое забудет — тому два глаза вон.

— Нехорошо говорите,— сказал человечек,— нужно бодрость вносить в новую жизнь, а вы вон что: старое воскрешаете, старое надо вон.

— А Пушкин? — раздался неведомый голос.

Сторонник нового на мгновение смутился, но скоро оправился:

— Пушкин — единичное явление. Пушкин мог тогда предвидеть наше время и тогда стоял за него. Он единственный.

— А Ломоносов?

— Тоже единственный.

— Нет, уже два, а вот Петра Первого тоже нельзя забыть — три.

И пошел и пошел считать, чистая логика! В вагоне стало неловко: всем было ясно, что и Пушкин не один, и народную песню нельзя забывать. Но один человек поднял вопрос, и раз уж он поднял, то надо как-нибудь выходить из

положения: не в логике же дело. Тогда хор запел: «Страна моя родная». И все охотно стали подтягивать, песня всем была знакома.

Я могу с большой пользой для себя и для всех жить, как Гамлет, как Фауст, как всякий центростремительный тип, пока хранится во мне достаточный запас Дон Кихота. Печорин, нигилист и всякий такого рода пораженец в своем отечестве возникают, когда иссяк родник Дон Кихота.

Во мне еще такой огромный запас устремленности в далекое лучшее, что...

5 января. Читаю «Асю» Тургенева, которую совершенно забыл и вспомнил только одну строчку о запахе конопли, столь редком в Германии [130].

Почему осталась в памяти конопля и почему Тургенев вообще скоро забывается? В чем тут дело?

Вчера в разговоре с Коноплянцевым [131] сказал о себе, что Гамсун чувствует природу и пишет не лучше меня, но он свободнее. А. М. понял это в смысле «объективных» причин, сжимавших мое писание. Но сам я так не думал. И так оно и быть должно: пусть со стороны потом найдут причины, повлиявшие на сужение моего таланта. Сам же до смерти должен биться с условиями и причины неудач относить только к себе самому. И потом, что значит «свободнее»? Я думаю исключительно о свойстве самого таланта: вот у Тургенева более свободный талант, чем у Достоевского, но удельный вес письма Достоевского больше тургеневского.

Хожу кругом около своей «Были» и чувствую, что могу загореться и написать вещь одним духом, но не решаюсь как-то взяться.

Перед тем как хорошо написать, рушатся леса трудных придумок, и открывается совершенно простой путь, и все дается на этом пути так легко, что кажется, будто вовсе напрасно перед этим трудился.

Так и сейчас вот мне хочется писать без всяких дальнейших раздумий о строительстве канала прямо о мальчике...

6 января. Вся вера в «прогресс» основана, конечно, на том, что когда человек находится в недоумении и пусть лично, то ему надо бывает схватиться за что-то вне себя: и вот эта иллюзия о мире внеличном, движущемся к лучшему, и есть «прогресс». На самом деле, мир всегда одинаков, и стоит, отвернувшись от нас. Есть, однако,

у человека возможность иногда заглянуть миру в лицо: и вот это и есть все наше счастье, заглянуть миру в лицо.

Кто был Антиной? [132] Купил из-за него словарь Брокгауза 86 томов.

Так вот и началась моя охота за живыми созданиями, которых не надо кормить, поить, водить на прогулки, чистить их место. Кто-то когда-то много мучился, их создавая: он, конечно, перенес все, что переносит человек, ухаживая за живыми созданиями, и еще больше! он перенес смерть любимого существа и в конце концов, как бы прощенный, совершенно свободным движением создал живое существо, за которым человеку не нужно ухаживать; напротив, чудесное произведение искусства само следит и ухаживает за чистотой души человека.

Вот я так и начинаю свою охоту в Москве — так вот и начинаю.

8 января. По выходе из музея античной скульптуры всякая человеческая голова на улице была значительна и скульптурна: как будто вынес с собою луч художественного прожектора. Вот если бы это всегда иметь внутри себя, с этим ходить по улицам. Похоже на лесные снежные фигурки: там и тут мир показывается в красоте своей бесполезности. Так что есть и красота бесполезности, тоже вот дым, облака. Есть ли, можно ли так сказать: красота полезности?

Чем, кому полезен был юноша Антиной, утонувший в 130 году на 20-м году своей жизни. А вот его статуя стоит теперь у меня, освобожденная от (*2 нрзб.*) службы.

11 января. С утра выехал в Загорск. По пути понял, почему когда выходишь из музея скульптуры, то вглядываешься в каждую отдельную голову человеческую с интересом и понимаешь, как некую значительность, и думаешь, выходя: как интересен, как значителен человек на земле, и чувствуешь охоту к родственному вниманию. Наоборот, когда идешь на улицу «по делам», то видишь какую-то серую жадную массу, жестокую, ужасную, и думаешь о будущих гибельных последствиях размножения и т. п. Все это вот почему. В музее скульптуры показан человек как личность, тут художник проникает внутрь человека, и открывает смысл его, и заражает другого смотреть тем же глазом родственного внимания на другого человека. Напротив, на улице без этого мы видим человека без души, участвуем в его жадности, мы видим человека извне и чувствуем, до чего же он плохо и даже прямо ужасно живет.

Мы видим там, выйдя из музея, как мог бы жить человек, а без этого видим, как он живет...

12 января. Написал рассказ для маленьких детей «Утенок-стахановец» [133]. Необычайная трудность этих рассказов состоит в том, чтобы добиться той глупинки или наивности среды, единственно в которой только и может плавать шлак мысли. Трудность рассказа состоит в непременном усложнении его, когда вынашиваешь. И вдруг все выношенное, мыслимое расплывается и с таким трудом придуманное снова распадается на куски, и один маленький кусочек его тела и делается нужным.

Необычайная жизнь этого человека, замечательного писателя и зверолюба, индейское имя которого Вэша Куоннезин, по-русски значит Серая Сова. И так на все языки теперь принято переводить его имя, а его рассказы и повести называют «Рассказы Серой Совы», потому что кличку «Серая Сова» он получил за ночную свою жизнь, необходимую ему для лова пушных зверей. У нас совсем ничего не знали об этом замечательном писателе и человеке. Я познакомился с ним благодаря счастливому случаю. В Англии перевели мою книгу «Корень жизни» и прислали мне много рецензий, в которых некоторые называли меня Серой Совой. Я, ничего не понимая, запросил издательство в Лондоне о Серой Сове, и мне выслали его книги. Странно, как свела судьба меня с родным моим братом 〈...〉 «Бобры». Я решил переиздать эту книгу по-русски.

Эта книга не выдуманная и рассказ о собственной жизни, совершенно необычайной.

17 января. Начал писать «Индейцы» [134]. Ходил в «Детскую литературу». Подписал договор на сборник «Календарь природы».

Живу возле Третьяковки, и мне это приятно, хотя туда не хожу и ничем не пользуюсь: просто живу возле — и то хорошо.

22 января. Начал «Серую Сову».

По правде сказать «я» можно лишь на родном языке...

27 января. Врабатываюсь в немецкий текст «Серой Совы».

10 февраля. Собирал сборник для юношества из своих старых рассказов, сборник в ответ на запрос о советском романтизме. Я хотел весь сборник назвать по рассказу «Марья Моревна». После стал думать, не лучше ли назвать по рассказу «Черный Араб». Углубился в размышление: чего больше не хватает нашему романтизму: Прекрасной Дамы

или же рыцаря? И нет, пришлось отказаться от Марьи Моревны: женщин хороших у нас еще довольно, а рыцарей очень уже мало. Нет! Пусть сборник, посвященный рыцарю, и называется мужским именем, «Черный Араб».

18 февраля. Был Дмитрий Иванович Свешников[135]. Говорили, конечно, и о войне, не исключая возможности провала фашистов: и что правды, идеи какой-нибудь универсальной у них нет. И что цивилизация со своими газами и машинами, быть может, спасует перед силой сопротивления примитивного человека (немцы — мы).

19 февраля. Так фантастично, эфемерно существо личности (я) и так удивительно, что со стороны и оно живет, как все.

27 февраля. Утром уехал в Загорск и считаю, что с Москвой кончаю: все устроено и можно жить самому.

Слышал от женщин, бывших на моем юбилее, что от моих слов у них на время создавалась уверенность, что люди в чем-то имеют родство, что на время моей речи было такое чувство, будто все тут в родстве. И то же самое получается и от чтения моих книг, и, значит, в этой силе родственного внимания и заключается моя сила.

Есть множество сил, еще не открытых, но которыми мы бессознательно пользуемся. Так вот есть сила излучения добра, когда самому хорошо, когда сам человек счастлив.

1 марта. Вечером приехал в Москву.

3 марта. На дрейфующей льдине всякая запись значительна: встал рано, вышел, трещина в том же положении и т. п. Я раз вообразил себя летящим пассажиром на земном шаре и стал отмечать ежедневные перемены в природе: так получились «Родники Берендея».

6 марта. Надо на дрейфующей льдине писать о жизни, о подлинной жизни заключенных на ней людей, постоянно имея в виду возможность спасения. А подлинная жизнь, это жизнь каждого человека в связи с его близкими: в одиночку человек — это преступник, или в сторону интеллекта, или же в сторону бестиального инстинкта. Мой человек — это самое то, что наша интеллигенция называла презрительно «обывателем». На деле же это именно «сам-человек».

А что индивидуальность? Каждый «сам-человек» содержит свою собственную индивидуальность, и надо обладать родственным вниманием, чтобы уметь отличать в каждом свойственную ему индивидуальность, то есть именно самого человека.

11 марта. Да не будет у меня места моего ни в городе, ни в деревне, а место мое будет там, где я создаю свою сказку.

14 марта. И тема и название моей сказки пусть будет «Падун».

18 марта. «Медный Всадник» и «Анчар»: у раба должны быть другие идеалы, чем у царя,— в чем они, что сказал Евгений Медному Всаднику? [136]

24 марта. 26-го вечером поездка в Кострому.

В природе душа раскрыта: это ветер, свет и вода — вот и все! У человека душу не видно, всякая бывает у человека душа, но каждый зовет ее одним именем: «я».

26 марта. Неважно прошло у меня и детство, и отрочество, и юность, и вся молодость — все суета. Но старости начало (65 лет) меня радует — первое: спешить стало некуда, второе — на всяком месте приблизительно одинаково, в том смысле, что не место человека красит, а человек место.

В Москве день горел. Без калош. В костромском поезде сказали: в Калинине ледоход. Ниже Самары ледоход. В Костроме должен быть снег и Волга пойдет не скоро. В лесах почти нет снега.

31 марта. Рабом называется тот, кто, не любя своего дела, работает только ради средств существования. Свободным — кто действует за свой страх и совесть.

2 апреля. Я, конечно, в конце концов верю в себя, который не унизится и выйдет невредимым из всякого унижения. В конце концов, да! Но я страх имею постоянный перед унижением, и это ослабляет мою силу и подавляет возможности: мне всегда кажется, что сделанное мною ничтожно и при счастливых условиях я бы мог сделать в тысячу раз больше.

7 апреля. Писатель пишет, даже величайший Пушкин — и то мало читателю, что он пишет: ему до страсти хочется самого Пушкина в лицо посмотреть. Кажется, ведь это же именно сам Пушкин в лучшем его составе, как автор «Медного Всадника», а нет! Пусть в лучшем-разлучшем, а хочется именно на того Пушкина поглядеть, какой он есть. И почему-то дипломатам мало переписки, а надо лично поговорить, посмотреть друг на друга, и тоже и военным, приготовляющим совершенные орудия уничтожения, надо лично встретиться и бить друг друга врукопашную, и тончайшее романтическое чувство к женщине должно завершаться чувством, общим со всей природой, чисто животным, как петух и курица. И труд — это борьба, завершенная вещью.

8 апреля. И каждый местный человек привязывается к месту, и бессознательно любит свой край, и здесь уравновешивается, и это спокойство равновесия, в сущности, и питает чувство родины. Получается на родине нечто вроде того, что делается в стойле: скопление, удобрение силы предков, слеживание пластов, тяготение родных элементов друг к другу такое сильное, что этой силой стремления человека на родину можно пользоваться как силой падающей воды; десять и больше лет с усердием будет работать земляк, лишь бы попасть обратно к своим землякам.

Вооруженное восстание офицеров (Николай I): пять человек повешены, и Пушкин чуть с ума не сошел от гнева («Пророк»): что же было делать Николаю?

Говорят: обмануться, но, может быть, на самом деле это значит как раз очнуться от сна, который называется правдой.

Иначе, как объяснить иллюзии и сны о свободе Пушкина в отношении их к «правде» царя Николая I: разве как глава государства Николай был неправ, что он казнил пять человек из офицеров, выступивших с оружием в руках против государственного строя, который они обязаны были защищать? И тем не менее мы сочувствуем до сих пор Пушкину, потрясенному той казнью, назвавшему того царя убийцей. И особенно остро это сочувствие поэту в наши дни...[137]

Медный Всадник — «он», государство, Евгений — «я», душа, мы, и, конечно, в перспективе будущего «ужо!», Евгений прав: он *пророк*; так что «Всадник» — это настоящее, это необходимость, власть, «он», «они» — это берега, а Евгений — вода текущая...

12 апреля. Весною как бы ни было плохо в природе, какой бы ни был тусклый день — все равно весь день так не простоит и переменится к хорошему: тебе тут делать нечего, садись в седло, сложи поводья и знай, что приедешь к хорошему. Осенью другое дело, тут все зависит от тебя самого, как ты в себе.

13 апреля. В полдень оказалось, что северный ветер потихоньку помогает Морозу, дует очень тихо, но холод от него страшный, такой, что солнце до полудня не могло справиться даже с оледенением полоя.

После обеда к вечеру слабый северный ветер постепенно стал стихать и закат был, как стеклянный. Как играли цвета на заре! Вот из-за чего живут у воды, у большой

воды. Удивительно, что при полном солнце, при безоблачном небе в течение целого дня не мог вовсе освободиться полой от льда прошлой ночи.

Узнал, что Волга в Костроме пошла 11-го в 5 ч. вечера, третий уж день идет, а у нас ничего. Есть опасения у некоторых, что так измором и пройдет вся весна и не будет воды...

14 апреля. Одна трудность — переносить пустыню, другая — оставаться самим собой при встрече с другим человеком. В первом я что-то достиг (мои сочинения), во втором я хорош среди своих и никуда не годный среди чужих и врагов, то есть кто не понимает меня, не признает, не любит.

16 апреля. Ныне праздное одиночество позорно, но есть одиночество трудящихся людей и, вернее, даже труд одиночества, борьбы за свою личность в интересах самого же коллектива.

27 апреля. Никто не таится так, как вода, и только сердце человека иногда затаивается в глубине и оттуда вдруг осветит, как заря на большой тихой воде.

Затаивается сердце человека, и оттого свет (найти такую зарю).

Так что можно сознательно искать в природе явления, вполне соответствующие явлениям в душе человека, и это будет путь не только здорового искусства, а и знания (здорового, потому что в природе содержится только чистое и здоровое).

2 мая. В состав моей свободы входит способность служить: я служу своей свободе, а не потребляю ее, и моя служба есть накопление моей свободы. И так точно жил скупой рыцарь, только у него золото, а у меня ⟨...⟩ слова.

Мораль читать доставляет удовольствие очень большое, потому что, вычитывая, человек, в сущности, говорит о себе, и это очень приятно, и это есть своего рода творчество с обратным действием, то есть не освобождающим, а угнетающим: (*1 нрзб.*) мораль тяжело, мораль есть творчество бездарных людей.

11 мая. Тем самым, что я существую в родной стране как художник-писатель, признаваемый за талант и врагами, я защищаю страну в тысячу раз больше, если бы стал плохо ⟨...⟩ писать прямо об обороне страны.

Будем ли мы жить, если нас займут немцы, ни один политик сейчас не может сказать, решение скрывается в вере, и если я пишу и у меня есть читатели, то, значит,

я еще верую, что наша страна будет свободной. И потому не надо раздумывать много, а побольше и получше писать.

12 мая. Кармен и любовь, а в природе вода, как такая любовь: вся видимость души, и нет ее. И так в любви все светит, и весь мир прелестью становится и все хорошо, но пройдет — и нет ничего, будто сошел паводок. В человеческом же чувстве любви есть настоящая вечность и долг.

1 июня. Между личностью и обществом есть люфт, когда и личность может наделать беду обществу, и общество может погубить личность: и тут вся игра, стоящая целой жизни.

5 июня. Когда я пришел к мысли описать лес, в котором заблудился мальчик, то, проглядывая из своего волшебного леса в обыкновенный, я в этом обыкновенном лесу стал видеть такое, чего раньше не видел. Но вот сегодня утром я вижу без помощи магии волшебного леса обыкновенный лес, как волшебный, и не я один, а каждый, кто бы ни пришел сюда. Какому же тоже волшебному дремлющему во мне лесу соответствует этот лес, или же он существует сам по себе. Я думаю, что он существует сам по себе и как бы прорастает в душе человека, как бы рождается, отчего является мысль, и эта новорожденная мысль находит себе соответствие в обыкновенном лесе: возрожденная идея как бы узнает себя. Так что душа наша как бы вечно бродит по местам своей родины, вспоминает и узнает их...

8 июня. Смотришь на цветущий луг,— это одно, и смотришь дома на единственный цветочек, взятый с того же луга,— это совсем другое. То же самое лес и маленькое деревце из того же леса, пересаженное в свой огород. Миры одинаково прекрасные, но разные, и есть люди, которые любят плавать по морям, и есть любители налитого аквариума.

И так на лугу, как у людей, жизнь всего луга движется по какой-то большой правде, и жизнь цветка отдельного по своей маленькой. Личные счеты тоже и у них там на лугу в огромной силе, и, может быть, победа отдельных цветов является согласная своей маленькой правде отдельного цветка с жизнью всего великого луга, и там у них тоже заморыши оттого и хиреют, что способны думать лишь о себе.

10 июня. Луг мы видим — это общество цветов, но человеческое общество видеть нельзя: нет такой высоты, на которую бы можно подняться и видеть, то есть уйти от себя как человека.

16 июня. Прочитал Розанова «Уединенное» [138].

Полное одиночество и женщина, единственный «друг» — это мне близко с Розановым.

Друг мой неведомый, но близкий, я знаю, что ты существуешь и ждешь такого события, чтобы все твое пережитое в пучок собрать к единству и тебе бы стало легко на душе и прояснился путь впереди. Я тебе это пишу, чтобы мой большой опыт помог тебе во всем своем разобраться. И тот другой, кто выше меня стоит и о многом таком догадался, к чему я еще не дошел: ты, мой старый друг, оценишь это, что я по-своему шел, и тебе очень радостно будет о моих догадках, подтверждающих верность избранного тобою пути.

29 июня. Идея охраны животных с целью получения бо́льшего количества шкурок не есть вовсе гуманная идея. Мысль ценная, но нельзя возносить ее до мыслей нравственного порядка. Напротив, есть даже в этом что-то лицемерное. И даже в том случае, когда, как у Толстого, о шкурах и речи нет, а все сводится к охране жизни на земле, то и тут в основе своей заложено что-то гнилое. Правда, самому-то человеку так не сладко живется на земле, столько страданий, что «отвести душу» общением с животными вполне понятно и допустимо. Но придавать этому какое-то принципиальное значение решения моральных вопросов человеческого мира и самоспасения,— это уже нет: лицемерный уход от своего человеческого это есть просто замаскировка.

И ту пустыню, страну непуганых птиц и зверей, о которой пишет Серая Сова, невозможно сохранить путем разведения животных в заповедниках. Нет, мы понимаем «пустыню» Серой Совы как его готовность к творчеству, к созданию лучших возможных условий жизни. Разведение бобров, которое *(2 нрзб.)* страны непуганых птиц и зверей, есть замечательный пример частичного творчества человека. А какая цельность! Серая Сова, по существу, нашел себе «творческую пустыню» в своем писательстве, но его литература подкреплена жизненным делом: он не ушел от бобров, которым обязан во многом своей свободой, он остается благодарен своим материалам и не возвышает себя, как творца. Мало того, его оптимизм в отношении к жизни, зовущий к деланию ее, так заражает читателя, что хочется самому заняться такими же бобрами. Так вот было со мной.

Почему же у нас не может быть воспроизведен замечательный опыт Серой Совы, мало ли у нас лесов, мало ли энтузиастов из молодежи. Я стал знакомиться с нашими

условиями, и вот оказалось, что и у нас, как в Канаде, раньше везде были бобры.

Это не бум-творчество (бумажное), а действительное, жизне-творчество.

Самое нехорошее в литературе, что писатель откуда-то берет себе право смотреть на жизнь как на свои материалы и пользоваться ими, то есть он делает то же самое, что и охотник за шкурами бобров: сдирает шкурку, а самое животное бросает.

Смотрел на цветы у соседей через щелку забора, и от них в душе моей начинается музыка, я весь наполнен ею, и далекие где-то звуки моторов, на фабрике, на шоссе, в воздухе и звуки радио (учат гимнастике), и переклички паровозов, и много чего-то всего такого мне сливается в один образ Медного Всадника, что это он там где-то скачет. А «я» — это душа всего, это Евгений, который пережил свой страх и свой гнев на Медного Всадника, и ему довольно смотреть на цветок через щелку забора, чтобы участвовать в том великом существенном, перед чем Медный Всадник кажется чем-то вовсе даже и не мешающим: медь и медь — там у него, а тут у нас душа. Несколько смешна только с душевной точки зрения фигурная чопорность Медного Всадника: сущности нет, одна форма, а между тем сколько гонора вздыбилось!

Медного Всадника и Евгения можно понимать, как спор между горделивой формой и смиренной материей, за счет которой эта форма создается.

Из разговора с Ц. узнал, что умер Шаляпин.

— Когда же?

— Не очень давно.

При таком легком и приятном разговоре и вдруг осечка:

— Умер!

— Так, значит, умер? Давно ли?

— Не очень давно.

— А откуда узнали, в газетах было?

— Нет, в газетах не было: кто-то сказал [139].

Молчание.

— Но, позвольте, о чем же мы говорили.

И не можем вспомнить, о чем.

8 июля. Так написать для детей дошкольного возраста, с такой строгостью, чтобы на весу было каждое слово и в то

же время взрослые читали эту книгу с таким же высоким эстетическим удовлетворением, как читают фольклор. Удастся ли это автору — я не знаю: сколько-нибудь удастся, в литературе сознательные попытки никогда не пропадают даром. Удастся немного ему, удастся немного мне, и, наконец, кто гениален, увидит и скажет: да это же путь! Тогда исчезнут все эти имена, все эти dii minores * в одном большом имени, как исчезло много значительных поэтов в имени Пушкина. И тогда, может быть, придет обновление литературы с неожиданной стороны, появится нечто вроде современного фольклора, имеющее значение сказок, некогда соединявших между собой все поколения, старого и малого.

14 июля. И когда я понял себя, что я могу быть сам с собой, тогда тоже все вокруг меня стало как целое и без науки. Раньше при науке было мне, что все в отдельности и бесконечном пути и оттого утомительно, потому что вперед знаешь, что до конца никогда никто не дойдет. Теперь каждое явление, будь то появление воробья или блеск росы на траве... или... все это были черты целого, и во всякой черте оно было видно все, и было оно кругло и понятно, а не лестницей.

Разве я против знания? — нет! Я только говорю, что каждому надо иметь срок возраста жизни и права на знание.

Конечно, люди, только люди одни виноваты в безобразии мира. Иначе откуда же чудесные мгновения постижения прекрасного и откуда такая цепкость людей: одна мерзость и все-таки цепляются.

18 июля. Мои выводы — образы, и самый большой вывод, самый большой образ — это мир, как целое и смысл всех вещей в отношении к этому целому.

20 июля. Одна собака умная и великодушная с большими человеческими глазами привязывалась на тонкой веревочке и целыми месяцами дожидалась, когда хозяину захочется взять ее с собой на прогулку. Другая собачка так себе, ни ума себе еще не нажила, ни опыта, а вот сразу догадалась, в чем дело, и веревочку перекусила. Но хитрая не пересилила умную и великодушную. Та и до сих пор сидит чуть ли не на ниточке, уважая волю хозяина. Если только ей вздумается заняться своеволием, во всякое время

---

* Младшие боги; в переносном смысле — люди, занимающие второстепенное положение (*лат.*).

может она перекусить свою ниточку, это в ее воле. А хитрую посадили на железную цепь и никогда — никогда! больше уже ей не сорваться.

28 июля. Обдумываю о «господстве», как об основном зле современного человечества: «господство» над людьми доходит до человека, господина всего живущего: человек — господин вселенной. В то же время сам он постепенно делается рабом им же сотворенных вещей, и они вовлекают господина Вселенной в мясорубку современной войны.

Сохранится только человек, сознающий себя частью целого (Серая Сова) [140] — *(2 нрзб.)*.

Я не знаю никакого решения, кроме того, которое определит мой поступок в ближайшее время.

Мы сидим и говорим попусту. Скоро я поднимусь и начну нечто делать, и первое звено этого дела, мой поступок,— он и решит все. Я не могу сейчас его предвидеть и сказать вам о нем что-нибудь, потому что я лишь ничтожная часть великого целого, определяющего в огромной степени и мой поступок.

Не то ли самое Гёте сказал, что простой человек в своем простейшем поступке всегда имеет верную цель.

30 июля. Закончил вчерне «Серую Сову» и доволен работой. Остается выправить и переписать.

31 июля. Жара продолжается.

Дивился липе, ее морщинистой коре и что она молча, без всякого ухода за собой проводила старого хозяина дома столяра Тарасова и так же молча начала служить другому. Скорей же всего она ни малейшим образом не думала о службе людям, потому что правдой своего молчания, своего послушания заслужила право быть совершенно самой по себе.

И еще я думал, что их согласованности с целым в человеке отвечает только религия, что и весь смысл возникновения бога у человека и религии состоит в необходимости согласия с миром, которым обладает непосредственно каждая тварь.

И Шекспир тоже, конечно, писал о человеке, глядя в ту сторону, где все человеческие характеры сходятся в единстве.

Вот к этому бы и жизнь свою привести и, оставив это (жизнь) за собой, перейти к единству. И если умереть с сознанием единства, преодолевающего жизнь, то это и будет достижением бессмертия. Вот бы начать этот опыт, надо еще в силах собраться, вот бы успеть заправить себя.

(Так? А между тем опыты эти уже сделаны, и на таких мощах была построена система спасения мира.)

Так вот где корни моей «экологии»!

16 августа. Язык — это явление народности, и на этом надо стоять так же твердо, как стоят индейцы, до конца...

28 сентября. Наметил написать книгу для юношества «Этажи леса» и «Мазай» [141].

29 сентября. Вклинился вопрос, как заноза в тело, ничего другого не впускает в душу: быть войне из-за Чехии, или помирятся все, чехи с утратой, демократы с Гитлером.

Тот не страшен, кто живет своими чувствами и согласным с ними умом: это и есть человек, каким все мы должны быть. А страшен, кто обошел свои природные страсти холодным умом и огонь души своей запер в стены рассудка.

6 октября. Люди умирают не от старости, а от спелости.

10 октября. Напишу и хорошо, а когда придут и скажут: «Напишите!» — что-то полоснет по душе, и рад бы уважить, а не могу.

— Постараюсь,— отвечаю смущенно,— напишу.

И он рад и, прощаясь, говорит:

— Так я передам, вы обещали, мы ждем: непременно же напишите.

И опять я не могу. Во всякой механизации есть повелительно-принудительный момент, и он-то является губителем кустарного искусства (так и гибнет «малое» дело при наступлении «большого»).

Большие дела становятся маленькими, и малые прорастают в большие.

13 октября. Все народы всего мира органически не хотят войны и боятся ее ужасно (помнят 1914 год). Люди готовы отдавать последний кусок на вооружение, чтобы охранить себя от войны 〈...〉 И там, где правительства ослабляются демократическими принципами — там летят и принципы эти как пережиток. Так что все народы, все правительства боятся войны, и этим страхом пользуется Гитлер, чтобы держать все правительства в своих руках, побеждать и забирать без пролития крови целые государства.

15 октября. Мучила Перовская [142], придираясь к каждому слову моего детского рассказа. Ошибка педагогов вечная... им надо, чтобы для детей было все правильно, а детям нужно неправильное.

27 октября. Есть прекрасные деревья, которые до самых морозов сохраняют листву и после морозов до снежных метелей стоят зеленые. Они чудесны. Так и люди есть, перенесли все на свете, а сами становятся до самой смерти все лучше. Есть такие люди, но только мало.

31 октября. Только одно к этому еще запомните, деточки, что жить для игры и сказки трудней и больней.

6 ноября. Жизнь желанная — это игра, все, кто может, играет, а кто не может, трудится в надежде когда-нибудь поиграть. Иные, даже вовсе потеряв надежду когда-нибудь поиграть, переносят мечту свою в будущее на «после нас», или даже совсем далеко, на тот свет.

Красота на добро и не смотрит, но люди от нее становятся добрее.

13 ноября. Нужны ценности положительные, чувства небывалые, мысли, подчиненные великому целому,— вот что должен теперь давать писатель.

Сказку делать — это не математика. Тут идешь наугад, и если не выйдет, запутаешься, то это, значит, оттого же самого, отчего запутался в лесу: взял неверный путь. Но зато если выйдешь и сказка получится, то ценится это много больше, чем вычисление в математике: тут ведь знаешь, что выйдет, а в сказке на счастье выбираешь путь.

24 ноября. Завести тетрадь «Тургенев».

Многие, с кем я говорил о Тургеневе, при общей несомненной симпатии, обязательной для культурного человека, держат про себя секретное чувство, как к писателю более легкому, чем Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков. И я сам часто замечал за собой, что Тургенева как-то легко забываю, тогда как Гоголя, Толстого, Достоевского все, что раз прочитал, не забыл, и когда вновь читал, то все прежнее помнил и прибавлял новое. Вследствие этого я тоже про себя относился к Тургеневу так себе, в глубине души считая его легким писателем. Мне и в голову тогда не приходило, что, может быть, не он, Тургенев, легкий, а я, как читатель, отравленный этическими сгустками нашей русской литературы, почти что религии, и я — читатель тугой и не воспринимаю красоту.

29 ноября. Были, конечно, были у меня друзья, которые тайно мне помогали, иначе как же мог бы я один победить своих врагов. Я их не знаю, этих друзей, но узнаю их в каждом хорошем человеке, которых нередко встречаю и радуюсь им.

12 декабря. Писательство есть самоуничтожение в том смысле, что как лишний человек у Тургенева: уничтожаясь, перестает быть лишним.

«Лишний человек» по существу своему и должен быть конденсатором жизни, так как сам ею не пользовался, а только желал.

Никто не догадался таким способом оправдать своего желанного лишнего человека, ни Чехов, ни Достоевский, ни Тургенев (разве только этот намек Тургенева «уничтожить, перестать быть лишним», да вот Алеша Карамазов, да «клейкие листочки» Ивана Карамазова).

Мне же удалось оправдать лишнего человека своей биографией: это я нашел себе такой выход сам и сам его описал. Мое писательство и есть выход и оправдание лишнего человека, то есть превращение лишнего в личность.

Каждый человек должен в той или другой степени в жизни почувствовать себя лишним, и каждый этого лишнего должен в себе уничтожить и, уничтожая лишнего, сделаться личностью.

24 декабря. Прочитал «Историю одной вражды» (Достоевского с Тургеневым) [143].

Жизнь в своей прекрасной сущности, как она выразилась у Тургенева в «Записках охотника», преломляется в душе Достоевского, как «клейкие листики» Ивана Карамазова. Счастливый человек, кто может обнимать жизнь, как обнял ее Тургенев в «Записках охотника». И бесконечно несчастлив, кому жизнь остается лишь в клейких листиках грядущей весны.

28 декабря. История вражды Тургенева и Достоевского философски — это от смешения понятий: Тургенев под цивилизацией разумел «культуру» и «Европу» (немцы) — это у него значило — культура, и в России ненавистно ему было то, что против культуры. А Достоевский ненавидел «цивилизацию» и противопоставлял ей русскую совесть народа подобно как Серая Сова отстаивает от цивилизации индейцев [144].

Эти мгновенья гармонии, когда является ко всему вокруг чувство родственного внимания,— сколько раз я пытался найти секрет (или метод) к постоянству этого чувства: чтобы когда захотелось — так чтобы и показывалось все в этой перспективе родственного внимания. И вот оказывается теперь, что эти моменты гармонии есть вершины длительных процессов борьбы, происходящих в душе моей...

Рядом с этим «открытием» является мысль о чудовищной медленности во мне процесса самосознания: решение поставленных вопросов у меня, бывает, растягивается лет на 30!

31 декабря. Иной человек длительностью жизни своей разрешает какую-нибудь коренную мысль, иному (например, Лермонтову) дано выпить всю сладость сознания в короткие дни. Я беру долготой своих дней.

Желание, загаданное мною, было одно: дожить до Нового года и всем опять встретиться. При сложившихся внешних и внутренних обстоятельствах это простое желание — пережить год — значит очень много!

5 февраля мне будет 66 лет. Вот получается теперь так, что грусти о коротком остатке жизни не может быть: год один и то кажется так долго!

В старости жизнь упрощается до формулы: «Хоть денек, да мой!»

1939.

1 января. Вчера потеплело и полетела пороша. Новый год вышел с обновкой. В душе праздник от вчерашнего письма. Никогда еще от читателей я ничего такого не получал: не даром, кажется, старый год прошел — получено это письмо; не даром писал почти 40 лет — кое-что сделал.

14 января. Вот счастье бывает какое — дожить до преклонного возраста и не склоняться, даже когда согнется спина, ни перед кем, ни перед чем, не отклоняться и стремиться вверх, наращивая годовые круги в своей древесине.

Когда пишу, то верю, что так надо, что все по чистой правде пишу. Если бы, однако, приставили ко мне человека, точно измерившего и взвесившего всю правду и он бы меня поправлял, когда я пишу, то я бы ничего по правде не мог написать.

16 января. Пожилому человеку во многом свободней жить и писать, чем молодому: мне, например, о возлюбленной моей теперь можно до последней ниточки говорить искренно и вслух, а когда-то себе самому правду шепнуть о ней я не мог. Встреча наша была давным-давно, и мы разошлись навсегда. Но, как великие однолюбцы, я все-таки про себя ее ждал, и она постоянно ко мне приходила во сне. Очень долго спустя, когда я уверился, что хотя писатель я очень медленный и неуспешный, но настоящий,

и поэтическое свойство определилось как природная моя способность, как талант, я понял, что моя «Она» у настоящих поэтов называется Музой и что эта Муза, не существующая в действительности конкретной, существует и необходима в поэзии почти так же, как в математике бесконечность *(1 нрзб.)*. Так мало-помалу с наступлением седины я овладел своей Музой до того, что перестал бояться ее посещений, напротив, стал радоваться.

20 января. Не о хлебе едином жив человек, ему еще нужны сказки, и так было всегда, от самых первых людей на земле: в шелесте листьев или в столкновении волн с каменными берегами, в мерцании звезд... люди сливаются, и в ту минуту, когда сливаются с этим, сами начинают шептать.

29 января. Шел тяжелый троллейбус и делал полезное дело, перевозил москвичей из Центра по Каменному мосту в Замоскворечье. Были последние сумерки, едва видно было, что черная вода Москвы-реки дымилась на середине, а по сторонам на обрезах льда сидели вороны. Смотреть из троллейбуса на ворон было жутко: неодетые, только в перьях, на голых ногах сидят на обрезах льда у черной, страшной воды и дожидаются, когда принесет зимняя вода издохшую, тухлую рыбку. А ведь тоже живые существа, и давно ли во время голода мы тоже почти как вороны были ⟨...⟩

Вдруг яркий голубой свет с треском вспыхнул, и наступающая темнота осветилась: это провода на мгновение разъединились и электричество, совершающее полезную работу перевозки граждан, утекло и сделалось светом.

Все оживились, я же подумал, что наши страстные стихи и роман, которым я сейчас занят, тоже утечка тока любви, приводящей человеческий род в движение: это не больше как тоже вспышка голубого света.

Скорее всего да, слова наши только вспышки разных цветов, а самой силы жизни не хватает в словах, и как ни пиши, как ни трать свою жизнь на слова, никогда не добьешься чего-то в них, чтобы слова даже Шекспира, даже Христа стали действительно плотью, как хочется.

Так залейся, автор, слезами, но мужайся, пиши и не теряй своей веры,— что когда-нибудь скажешь «остановись!» — и твое чудесное мгновенье остановится и воплотится.

Показывал Ксюше [145] процесс проявления, и она видела и повторяла: «Это чудо!» И правда, это было действительно

чудо, закрытое для большинства людей вредным *объяснением* действия света на бромистое серебро. Конечно, полезно и хорошо всем бы знать действие света, но вредно было и прямо убийственно для жизни, что при объяснении бессознательно, по какой-то нигилистической традиции тенденциозно внушалось: раз оно так просто *объясняется,* то нет никакого чуда и вообще нет ничего тут удивительного.

Через это объяснение человек лишался удивления, как будто все чудесное достижение человеческого разума было именно в том, что внутри всего чудесного нет ничего, и смысл всего только в том, что все эти новые открытия — дай сюда, все это — человеку на пользу. Я вступаю в борьбу с таким объяснением и вместо этого, чтобы вернуть удивление людям, даю свою сказку.

Удивление лежит в природе человека, и оно соединяет природу человека и природу мира в единство: там в мире что-то происходит, а человек удивляется, думает и создает свое.

30 января. Потихоньку про себя я уже который год разрабатываю одну и ту же тему «Медного Всадника»: «дело из разума» — есть Медный Всадник; дело из сердца «личность» есть Евгений.

9 февраля. «Клара Милич»[146] — не упадочная вещь, в ней человек жизни вступает в борьбу со смертью и побеждает: любовь сильнее смерти. Прочитал эту вещь я и «Жень-шень» свой понял как такую же борьбу и свою собственную жизнь и последнюю тему мою о сказке, что сказка есть такая же сила, как электричество.

Огромное большинство ошибочных суждений о писателях (педагоги больше всех ошибаются) зависит оттого, что о поэзии судят с точки зрения ее потребителя, а не созидателя.

Двигаться за недоступным — вот сущность поэта, напротив, потребитель поэзии никуда не движется и берет готовое, читает, учит и потребляет, как хлеб, разбирая, как он выпечен, достаточно ли посолен и т. п.

В орловской природе, в самом ландшафте орловском есть отрицание всего тургеневского (и в человеке орловском, в деревне).

10 марта. Внутренняя поэзия и формальная. А получается: душевная поэзия и «деланая». Проза честнее поэзии, в прозе невозможно поэтический ритм подчинить метрическим 〈...〉 А в общем я писал, как чувствовал, как жил.

Я исходил от русской речи устной, и этого оказалось совершенно достаточным.

19 марта. Читаю «Всадник без головы» и думаю воспользоваться его динамикой и тем начать свою большую борьбу с формализмом.

Форма питается одновременно и силой необходимости, и силой свободы. Гений может создавать форму одной свободой, исходящей из внутреннего порыва. Все другие «работают над формой», исходя из чувства необходимости.

Гений, конечно, имеет в виду *необходимость* формы, но эта необходимость сама собой вытекает из порыва его внутреннего.

Кончил «Всадник без головы». Такая динамика в романе, что умный пожилой человек с величайшим волнением следит за судьбой дураков. И таким механизмом романа не пользуются!

20 марта. Всякая вещь является свидетельством отношений между людьми, и даже самое человеческое Слово в душе сказителя чудесным образом становится вещью.

22 марта. Бывает, в обход создания образа берет соблазн решить это просто умозаключением,— вот этот соблазн надо отбросить [147].

18 апреля. Для художника Страшный суд есть правда.

Форма договоров: Пушкин: да будет воля Твоя! Не моя, не художника. Счастливый договор, неповторимый итог. Претенденты на трон Правды: Гоголь, Толстой, Достоевский *(4 нрзб.)*. Мой договор: Правда ловит художника слова — эту иллюзию надо преодолевать в себе *(2 нрзб.)* и еще надо преодолеть вообще все «полезное» [148].

23 апреля. Знаю, что все звезды со временем будут открыты, приблизятся к нам и станут не только сказками, но верю, что никогда не откроется для всех ночной час человека спящего...

29 апреля. Солнце полное. Тихо. Пока люди спят, с деревьев слетают грачи и важно разгуливают по улицам города. В этом и есть счастье мое, чувствовать себя, как грач, знать время, когда можно быть самому собой.

1 мая. Если ты собрался весь в ожидании друга, то больше не страшно врага: это все мелочь.

19 мая. Шел старик по улице с большим тяжелым мешком за спиной. Он изредка лишь вскидывал на прохожих глаза, и видно было, что в глазах этих живет ум, только не сейчас: сейчас весь ум этого человека был в мешке.

Горе наше, что люди цветут не как деревья каждый год, а только раз в жизни и все в разное время и у каждого человека своя весна. Вот почему, когда вся природа в мае цветет, на человека грустно смотреть — так он сер кажется в это время.

31 мая. Наконец-то понял я все, что делаю: я раскрываю душу своей матери, в этом и есть моя сила и мое счастье.

3 июня. Много людей прошло — умерло много родных, знакомых, а я все жив и стою на своем месте: мне кажется, не люди, а водопад. Весь человек переливается во всем своем разнообразии.

6 июня. Годы мои проходят, но я не беднею от этого.

Мне хотелось бы, чтобы так было бы и до конца: все мои годы пройдут, а мне станет лучше, чем было.

И смерть моя стала бы новым моим рождением.

Культура — это сознание того, что жизнь не есть личная твоя собственность — не «я», и твое отношение к этому «я» — это только сознание, а сама жизнь не твоя, и сознать ее до конца, значит, присвоить [себе] невозможное.

Личность — это сознание, но никак не право распоряжаться жизнью, как собственностью.

«Личная жизнь» — это значит сознательная жизнь, у нас же личную жизнь понимают как присвоение.

7 июня. Последняя иллюзия собственности это моя жизнь: наконец-то я почувствовал, что моя жизнь не есть моя собственность.

Вот встретится иногда такое лицо, что забудешь о времени и как будто в этом лице — Весь-человек.

Весь-человек! Но что это — дух? Можно ли видеть его?

Можно. Ты гляди на человека на всякого, как на временного. И в этом временном, что есть в человеке [нами узна́ется]: бывают и зверские лица, ужасней крокодилов, казалось бы, с такими и жить нельзя, но подумаешь — временно, умрем, исчезнет это чудовище — и успокоишься. Зато бывает, увидишь такое прекрасное, что и время забудешь и [покажется] Весь-человек.

9 июня. Художество — это понятный разговор о непонятных вещах.

14 июня. Пусть на всем свете жизнь будет приведена в единство с подчинением человеку, но тогда надо же как-нибудь составить себе понятие о человеке: каким должен

быть человек, чтобы ему заслуженно, а не просто, как хищнику, была подчинена вся жизнь.

16 июня. Гармония — это когда что-нибудь в природе вызывает ответ в человеке.

«Я» — это все, что мог бы сказать Евгений Медному Всаднику. Всякое истинное творчество есть замаскированная встреча близких людей. Часто эти близкие живут на таких отдаленных окраинах мест и времени, что без помощи книги, картины или звука никогда бы не могли друг друга узнать. Через тоску, через муку, через смерть, через все препятствия сила творчества выводит одного человека навстречу другому.

Поэт, как женщина, в жизни чувствует себя невольником, одна и та же судьба, вот почему поэт везде вступается за женщину.

Счастье — это, может быть, свет какой-нибудь отдаленнейшей звезды или излучение ближайшего к нам неоткрытого вещества — все равно отдаленнейшей от нас звезды или ближайшего к нам вещества, лучи которого проникают в нас в следующий момент после величайшего напряжения при достижении цели, в тот второй момент, когда стало чуть-чуть легче и явилась уверенность, что цель скоро непременно будет достигнута.

1 июля. На этом и стояла гордость и честь старых революционеров, чтобы остерегаться как можно больше получать от людей имущих что-нибудь даром: они понимали, что это «даром», обязывая, связывает больше насилия.

Еще я думал этой ночью, что сила числа, как у нас это поняли, непобедима, потому что она основана на любви к жизни: соединились все, кто хочет есть, пить, учиться и достигать счастья.

А то, чем я с малолетства живу, что ношу в себе, вынашиваю всю жизнь,— это что я *должен* быть самим собой и дать такое, чего еще в мире не было: ко всему, что было, прибавить нечто свое.

С одной стороны, не победимая ничем власть Числа (размножение), с другой — тоже непобедимое стремление человека быть личностью встречаются и силою своего выражения в борьбе дают характер эпохи.

5 июля. Когда долго живешь с человеком, приживаешься к нему, то тебе становится удобно здесь и, напротив, страшно где-то *там*, не у себя, на стороне. Это чисто эгои-

стическое чувство привязанности часто принимают за любовь. Вот и надо от этого освободиться.

Итак, с завтрашнего дня я начинаю это одиночество, которое будет вступлением к будущему одинокому житью в деревне.

8 июля. Свидетельство внутренней жизни человека у писателей похоже на взрыв вулканов: вулканы свидетельствуют о внутренней жизни земли, а такие творцы, как Шекспир,— о внутренней жизни человека.

9 июля. Схватила меня сегодня тоска о том, что дырка у меня в душе, треснуло что-то в ней и туда, в щель, потекло мое время. Пробую за то схватиться, за другое, ни в чем работа не клеится, и ничто не может заклеить мою щель. И так это мне больно, что жизнь проходит невидимо, и я не знаю, куда протянуть мне руку, чтобы к чему-нибудь привеситься, к подножке, к буферу или к багажнику.

И вижу уголком глаза, что стайки раковых шеек стоят, глядят на меня и прикачивают друг друга, и перешептываются...

12 июля. Вот опять это коренное чувство русского варвара, вроде Льва Толстого, что стоит только задуматься хорошенько, найти в себе *нечто,* потом решиться и тогда силой можно будет переменить свою жизнь и направить ее к желанной цели.

19 июля. Евгений и неизреченное слово, которого именно-то и боятся все властелины. В том-то, может, и есть сила Евгения, что его проклятие не переходит в слово, и Евгения единственного нельзя изловить, соблазнить, использовать. Не словом, а бурей разряжается его мысль, и у Властелина «мальчики кровавые в глазах». Евгений — это «народ безмолвствовал», а дела Бориса кажутся ему самому суетой. Евгений — это Смерть, хранящая культуру, укрывающая великие памятники духа под землю, чтобы они вставали потом и судили победителей.

Так что и очень хорошо, что речь Евгения была не напечатана: вероятно, у Пушкина это было плохо, это сильно в молчании, страшно, как вопрос делу Петра, вопрос молчания [149].

И так ясно, что все эти немые вопросы разрешаются фактом распятия.

20 июля. Каждый мастерит свою жизнь, и отчасти не прямо, как надо для себя, а и чтобы кто-то поглядел, похвалил или позавидовал. Но приходит этому срок, и все мастерство жизни для других, для показу отпадает, свиде-

телей вообще никаких не остается: перед лицом Смерти ты разглядываешь сам себя во всех подробностях, каков ты сам есть, а не каким мастерил себя для других.

Прежде меня охватывало желание при работе поскорее сделать, поскорее выбросить из себя, и казалось, промедлю, умру от чего-нибудь, и тогда все пропадет, и оттого надо спешить. Теперь я не очень тороплюсь и работу иногда откладываю с тем чувством, что если я и помру, это мое дело не пропадет: кто-то другой, по-другому, но сделает мое незаконченное, может быть, много лучше, скорей и сильней. И мало того, что он укажет, он прямо и поведет за собой.

30 июля. Есть в душе чувство собственности, заполняющее весь мир: все мое и я во всем. Можно жить этим чувством с полной уверенностью, что если кто-либо восстанет против такого Меня, он восстанет против правды, справедливости и законов всего мира. В таком внутреннем убеждении человек встает за правду, вовсе не считаясь с выводами дневного сознания.

4 августа. Думаешь, это растет в тебе идея, убеждение в чем-то, быть может, обязательном для всех. А потом, когда напишешь вещь, оказывается, что это не убеждение было, а леса для постройки романа. Написал роман, и все убеждения исчезли, как мираж.

С некоторого времени я понял это и один свой самый главный роман задержал в себе на год, потом на два, на три, больше. Чувствую теперь, что стоит мне засесть на месяц, два, три, и напишу. Но мне страшно остаться пустым, и я пишу что угодно, очерки, маленькие рассказы — чего, чего только не пишу, но только не тот свой роман.

6—8 августа. Ссорьтесь, друзья, даже и деритесь, только не делайте выводов.

Соединение всего во все (символ) выходит, если в себе самом есть чувство Целого: тогда нечего собирать живущее в классы, виды, семейства: мы изучаем не классы и виды, а Целое, и все равно, какое существо бы ни попалось, всякое существо попадает в мою зоологию и ботанику, если оно помогает мне почувствовать Целое.

Вечером, когда внизу темным неопределенным пятном скрывался лес в туманах, я вспомнил, как то же самое видел тому назад лет тридцать и что тогда я в том почувствовал душу всего человека: это было мне тогда не лес и туман, а весь человек и его душа.

14 августа. Фотограф Прехнер — это Фауст. Стало, как я увидел его, понятно все о Фаусте, а до сих пор мало его понимал. Суть в том, что тут индивидуальная своя скорбь выдается за мировую и это почему-то и должно волновать всех. Как это ужасно, как давно пережито!

16 августа. Много у меня получается писем от молодых охотников, в которых они начинают восхищением от меня, а кончают вопросом: «Научите меня тоже так устроиться, чтобы тоже, как вы, ездить, охотиться, писать и чтобы такое свободное житье тоже признавалось за дело».

Ответ мой очень простой, всегда одинаковый: «Есть такой час в жизни каждого человека, когда можно самому себе по своей шее выбрать хомут необходимости. Надо уметь воспользоваться человеку самому надеть этот хомут, наденет — будет свободен, пропустит — на вас его наденут. Свобода — это если хомут по шее, а необходимость, когда он шею натирает. Так что, молодой человек, будьте начеку: успейте выбрать по шее хомут и будете так же свободны, как я, и можете заниматься всем, чем захотите».

23 августа. Десятки лет я это чувствую и не могу выразить чувство. Бывает, в лесу коснется меня что-нибудь, и я обращу на это внимание, пожалуй, удивлюсь и обрадуюсь, и тогда мне хочется это лесное событие связать с жизнью всего леса, а может быть, и всего мира, всего Целого. Я делаю усилие, но не могу связать, и мне кажется, что не хватает у меня для этого знаний. Я заводил знакомства с профессорами, спрашивал их в лесу:

— Неужели вы можете в любой час в лесу вспомнить всех своих млекопитающих, сказать, где они в данный момент, чем заняты.

— А какое, например, млекопитающее? — спрашивал профессор.

— Какое только в голову придет, вот, например, что делает сейчас землеройка, можно ли об этом рассказать?

— Есть разные землеройки,— отвечал профессор,— если вы думаете о нашей обыкновенной sorex araneus, то она, в основном, ведет ночной образ жизни, и, следовательно, надо полагать, что сейчас она находится в состоянии покоя.

— А где?

— Ее обычное место пребывания...

Не то, не то! Не в землеройке дело, а в связи ее с Целым, не как она узнана как отдельность, а как она показывается сама и в тот самый момент показывает *собой* весь мир в своем образе.

24 августа. А еще есть чувство, как и родственная *связь*, это чувство постоянства: как будто в сознательном повторении (ритмическом) чего-то можно найти свое счастье. Так бывает, встанешь ты рано, выйдешь на росу, станет хорошо, и ты скажешь себе: буду каждый день так выходить и будет навсегда хорошо.

Если я чувствую согласие своего духа с народом, то я, конечно, только радуюсь и не завидую гению. Как дитя своего народа, я знаю: в народном организме в момент великого напряжения всегда находится щелка, через которую радужным пузырем выдувается гений.

25 августа. Сквозь невесту видеть жену: это и значит любить брачно.

Так я никогда не любил женщину.

Но есть и другая любовь,— это любовь первого глаза, где женщина только невеста, и вот это мое.

30 августа. Поэтическое чувство исключительно редко выражается в слове. Поэтом можно быть в разных делах: поэзия часто входит в общий состав движущих сил. И кто [поэт] в своем деле и не знает этого, то лишь после, когда расстанется с любимым делом, вспоминает о нем, как поэт. Так что можно жить поэзией, не сочиняя стихов и рассказов.

2 сентября. Когда ехал в метро, на руках у пассажиров была уже газета сегодняшняя, от 2 сентября. И тоже, видно было, какое-то совершилось большое событие ⟨...⟩

Мне сунули газету, я прочитал, что вчера, 2 сентября в 5.45 утра Гитлер повел германские войска на Польшу, что Англия и Франция объявили всеобщую мобилизацию. И когда, потрясенный, пораженный, поднял голову, меня встретили горящие глаза, понимающие мое душевное состояние.

3 сентября. Так вот через 25 лет (мне тогда было 41 год) все переменилось в нашей стране, но я узнаю в себе возвращение того же самого чувства, того же волнения перед войной, как и тогда, в 1914 году. И тогда было сухо и стрекотали кузнечики, и теперь тоже курятся леса и стрекочут во множестве кузнечики.

6 сентября. Сколько раз мне мелькало, как счастье, взять на себя подвиг телеграфиста, утонувшего на «Лузитании»: [150] он, погибая, до последнего вздоха подавал сигналы о спасении гибнущих людей. И мне казалось, что в писаниях своих я займу когда-нибудь положение этого телеграфиста. Но где они те люди, которых я стал

бы вызывать на помощь: тех, кого я знал, все сошли, и чем они жили, больше не имеет смысла, те же, кто будет впереди...

Возвращаюсь к своей теме, писать о всем человеке, как он мерещится в «Падуне».

8 сентября. Лучшее в русской традиции,— скромность при тайном сознании силы, вроде того, что еду-еду не свищу, а наеду не спущу.

25 сентября. К сказкам, поэзии все относятся, как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце-то концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю.

28 сентября. Хорошо писал «Этажи леса» [151]. Вечером поехали в Москву. По пути женщина-скульптор и разговор в пятнадцать минут от Пушкино до Тарасовки на тему — что с внешней стороны на всем свете война, человек бьет человека, а внутри небывалая жажда любви.

30 сентября. Решение ждать влияния событий на писательскую жизнь и писать [152].

1 октября. Замошкин [153] не сдается на хорошее предвидение в дружбе с немцами: предчувствует новое ярмо для русского народа.

2 октября. Началась великая политическая кутерьма: сегодня по радио сказали, что приехал чрезвычайный посланник из Румынии в Москву и сейчас же выехал обратно.

5 октября. Жизнь всех людей переменилась, потому что каждый теперь про себя передумывает свое понимание жизни.

Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей. Коварство необычайное, но дипломатические, военные и охотничьи хитрости — явление обычное между зверьми. Вот чего и боится наш русский человек, когда слышит о «дружбе» с фашистами.

6 октября. Еще не верится, но мелькает надежда, что дождусь времени, когда люди станут на свои места и каждый будет уверен в завтрашнем дне.

7 октября. Декларация Гитлера от 6.X в рейхстаге [154]. Похоже не на мир, а на новую сторону войны.

9 октября. В воздухе висит: война или мир? Ждут отставки Чемберлена. По газетам англичане плохо надеются на речь Гитлера [155].

18 октября. Отдыхал, пытался писать и вечером поехал в Москву. По дороге любовался людьми русскими и думал, что такое множество умных людей рано или поздно все переварит и выпрямит всякую кривизну, в этом нет никакого сомнения: все будет *как надо.*

10 ноября. Человек, который замечает свои поступки и про себя их обсуждает,— это не всякий человек. А человек, который живет и все за собою записывает,— это редкость, это писатель. Так жить, чтобы оставаться нормальным и быть с виду, как все, и в то же время все за собой замечать и записывать,— до крайности трудно, гораздо труднее, чем высоко над землей ходить по канату. Вот почему труд настоящего писателя рано или поздно, иногда и после смерти, находит высокое признание, и это последнее вызывает на соревнование множество людей, претендентов на это высшее положение. К сожалению, новое очень трудно писать, и потому спекулянты, легкие писатели, всякого рода забавники прежде всего получают признание.

За много лет хождения по канату я получил некоторую уверенность в себе. Много, например, говорилось, что книга «Колобок», написанная мной 30 лет тому назад, является очень свежей и сейчас увлекательно читается.

11 ноября. Спасаюсь работой.

13 ноября. Барометр опять падает, и опять болит спина. И до того, кажется, будто и в душе есть тоже спина и там тоже болит...

Потребность писать есть потребность уйти от своего одиночества, разделить с людьми свое горе и радость. Было время, когда я в одиночестве своем дошел до того, что стало невыносимо и страшно оставаться с самим собой. И когда я в таком состоянии вздумал писать, оставаться с самим собой мне стало не страшно. Я тогда же понял, что занятие искусством слова исходит из потребности поделиться с кем-нибудь своим душевным миром.

Но я видел, с какими чувствами люди идут на похороны и с какими на свадьбу. Вот почему с первых же строк своих горе свое стал я оставлять при себе и делиться с читателем только своей радостью. И так поиски материалов для писания обратились в моей практике в поиски такой радости жизни, которая бы, как именины или свадьба, созывала ко мне хороших друзей. Не так-то легко это вечно справлять весну и свадьбу, месяцами, десятками лет я учился переносить личное горе и делиться радостью жизни с другими.

Вы видите, беда, личная трагедия привела меня к такому неестественному для живого существа занятию, как отсиживанию в одиночестве многосуточных часов за столом. И вот теперь мне предлагают научить этому молодежь.

14 ноября. Заключаю, пересмотрев прошлое, что неизменным у меня остается лишь смутное, невыразимое словами чувство родины.

Подозрительным становится, что Гитлер стал слишком много говорить, хвалиться, начинаешь подумывать о том, что слова нечто закрывают.

15 ноября. По-прежнему у нас не говорят люди между собой о политике, но она так велика, что вошла внутрь каждого, и каждый про себя является политиком, живет внутри великих событий.

Теперь становится ясным, какую опасную игру затеял Гитлер...

10 декабря. Сегодня в 7 у[тра] по радио известие о германских пушках в Финляндии[156].

16 декабря. Какой-нибудь месяц пройдет, оглянешься на себя и подумаешь, каким же месяц тому назад я был дураком. Вот как теперь быстро жизнь идет и как быстро люди умнеют.

Если война затянется, то она сделается всем нам, как война за будущее, которое мы уже не увидим.

19 декабря. В жизни бремя свое не минуешь, но одно бремя — это живешь хорошо и вдруг ни за что, ни про что попал в капкан, и считай, что вся жизнь была бессмыслицей.

Другое бремя — это когда вперед человек о нем знал и ждал его как неминучее, как естественный налог на живого человека в пользу будущего Всечеловека.

Вот это в моем сознании всегда было, я всегда говорил себе как бы, что «принимаю, но все-таки жить хорошо».

Смерть — это налог на живого человека в пользу будущей жизни.

21 декабря. Природа создает простейшие средства, и кто близок к природе, создает тоже просто, как Лев Толстой. Чем скупей описание, тем сильнее ландшафт. Лучше всего бы даже молчать...

23 декабря. Есть ум природный «инстинкт», «как все» в мире.

Второй ум по людям. И третий сам-человек, который творит по-своему: познай себя самого.

Итак: 1) Задний ум (природа).

2) Общий ум (человек).

3) Свой ум (сам-человек).

28 декабря. Пишу «Неодетую весну».

31 декабря. Все мое писательство в совокупности есть любовная песнь с единым смыслом всей поющей весенней природы: «Приди!»

В этом неумирающая сила поэзии всей и моей поэзии, как яркий пример Всего.

Эту песнь, этот смысл и надо выразить в «Неодетой весне».

О, как же опошлено это французское: «Ищите женщину!» А между тем этим сказано, что в глубине всего искусства только женщина, и если нет ее, то нет и самого искусства, нет поэзии и только «проза».

Женщина — это очаг искусства, и чем дальше отходит артист от очага, тем прозаичней он.

Есть очаг искусства, который нельзя назвать своим именем без риска дать повод пошлякам глумиться над поэзией, музыкой и всяким искусством. Все музы опошлены, но священный очаг продолжает гореть и в наше время, как горел он с незапамятных времен истории человека на земле.

1940.

1 января. Жгли в кумирне арчу и загадывали...[157] И мгновенно, как на охоте стрельба по взлетающей птице, я сказал: «Приди!»[158]

2 января. Установилась зима. Работа над «Неодетой весной» вошла в берега, и теперь уже наверно знаешь, что выйдет, и уже ясно видишь конец: живая ночь: «Приди!» — выражающая песню всей моей жизни.

Аксюша ходила с Боем на улицу, видела там много детей, играющих в войну, и сказала:

— Будет война!

И так объяснила мне. В прежнее время, бывало, старики заговорят о войне, и детям до того становится страшно, что долго не могут уснуть. Тогда старики начинают детей успокаивать: война пойдет, но к нам не придет, нас война побоится. Мало-мальски успокоят, и уснут дети, и все-таки *(1 нрзб.)* страшно и не хочется войны.

— А теперь,— сказала Аксюша,— дети играют в войну, и так охотно, стреляют чем-то друг в друга, падают, будто раненные, их поднимают, уносят. И всё в охотку. И если детям не страшна война, то, значит, будет война.

14 января. Мне захотелось работать немедленно и быстро над своими дневниками, чтобы месяца через три все закончить и сдать в Музей [159]. Нужен человек, могущий работать у меня часов 8 в день.

16 января.— 43° с ветром. Устроил «смотрины» (ее зовут Валерия Дмитриевна) [160]. Посмотрели на лицо — посмотрим на работу.

18 января. Голодный повар,— как это может быть? А вот бывает же: поэт похож на голодного повара, он, создающий из жизни обед для других, сам остается голодным.

19 января. Самое близкое мне повествование Мамина [161] — это «Черты из жизни Пепко», где описывается «дурь» юности, и как она проходит, и как показывается дно жизни, похоже на мелкую городскую речку с ее разбитым чайником, дырявыми кастрюлями и всякой дрянью. И когда показывается дно, является оторопь от жизни, хочется вернуть себе «дурь». Делаются серьезные усилия, и дурь становится действующей силой, поэзией писательства.

В «Пепко» вскрывается внутренняя двигательная сила всего написанного Маминым; «Пепко» есть свидетельство, что Мамин настоящий поэт, независимый от внешних условий [162].

20 января. Говорят, что Мамин — это русский Золя. Он так и назван по шкале Золя: натуралист. Натурализм: это берется золото — лирическое волнение, к нему прибавляют механически лигатуру. А у Мамина: блудный сын из богемы, больной, измученный, возвращается к отцу на родину и восстанавливает родственную связь со своим краем.

Каждый из нас в лице своем гений, единственный в своем роде: один раз пришел и в том же лице больше никогда не придет. В лице своем каждый — гений, но трудно добиться, чтобы лицо это люди узнали. Да и как его узнать, если не было на земле еще такого лица.

И вот почему критики, если появляется в свет оригинальный писатель, прежде всего стараются найти его родство с каким-нибудь другим, похожим на него писателем. Бывает удачно сравнение, бывает совсем хорошо, если критик того или другого гения будет измерять силой изображения чего-нибудь для них общего. Более неудачного определения Мамина как русского Золя я не знаю.

Почему же у нас Мамина не узнали в лицо? Я отвечу: потому не узнали, что смотрели все в сторону разрушения, а не утверждения родины.

Заключение: исследование от настоящего, потому что в настоящем содержится все прошлое. Если писатель жив и движется, надо брать его последнее лучшее и освещать им прошлое. Если он умер, но живет в своих произведениях, то в настоящем надо искать их смысл. Вот если бы было так, то Мамин бы стал теперь самым современным писателем, потому что современность требует открытого признания любви к родине.

22 января. Вчера была вторая встреча с новой сотрудницей.

23 января. «Уезжая от родных мест, становишься меньше» (Мамин). А я, уезжая, становился больше себя. Так, покидая свою семью,— в одиночестве становишься меньше; а тут, отправляясь в неизвестное,— приближаешься к порогу чудесной встречи, и весь мир становится тебе Домом.

24 января. Есть писатели, у которых чувство семьи и дома совершенно бесспорно (Аксаков, Мамин), другие, как Л. Н. Толстой, испытав стоительство семьи, ставят в этой области человеку вопрос; третьи, как Розанов, чувство семьи трансформируют в чувство поэзии; четвертые, как Лермонтов, Гоголь, являются демонами ее, разрушителями, наконец (я о себе самом думаю), остаются в поисках Марьи Моревны, всегда недоступной Невесты.

25 января. В. Д. Лебедева. Я ей признался в чувстве своем, которого страшусь, прямо спросил:

— А если влюблюсь?

И она мне спокойно ответила:

— Все зависит от формы выражения и от того человека, к кому это чувство направлено,— человек должен быть умный.

Ответ замечательно точный и ясный, я очень обрадовался.

Мы с ней пробеседовали без умолку с 4 часов до 11 вечера.

27 января. 40-й год начался у меня стремительным пересмотром жизни, что даже и страшно: не перед концом ли?

28 января. Ко мне подходит то, что есть у всех и считается у всех за обыкновенное, и потому они этого не замечают. А мне это приходит как счастье.

31 января. «Неодетая весна» вступила в последний фазис: еще $1\,^1/_2$ листа и конец.

Родственное внимание создает на земле святую плоть.

С разных сторон слышу, что «Кащеева цепь» плохо читается и мало-помалу отходит в историю. Для новых людей в ней описано то, что стало теперь за спиной и так близко еще, что и не видно.

9 февраля. Не знаю, любит ли она, как мне хочется, и я люблю ли ее, как надо, но внимание наше друг к другу чрезвычайное, и жизнь духовная продвигается вперед не на зубчик, не на два, а сразу одним поворотом рычага на всю зубчатку.

Близкое, в чем сходимся,— это разбивать условные формы и находить настоящее, неизменное, вечное. Только на этом пути и создается новая радостная вера в настоящую жизнь, а не только в будущую, не только в прошлое. Словом, больше и больше о здравии, чем за упокой, довольно отдали прошлого, довольно страдали за будущее, будем брать настоящую жизнь и строить Дом Жизни.

11 февраля. Сегодня еду в Загорск и пробуду там всю шестидневку (19-го вернусь).

Какое же это счастье быть избранным: ведь много-много разных людей проходило, и напрашивалось, и, узнав свое «нет», уходило в Лету. Но я пришел, и мне ответилось «да», и среди множества званых я один стал избранным. А сколько тоже и их проходило и прошло, и только единственная получила мое «да» и стала избранной, и мы оба избранные без вина напиваемся и блаженствуем в задушевных беседах.

Я будто живую воду достаю из глубокого колодца ее духа, и от этого в лице я нахожу, открываю какое-то соответствие этой глубине, и лицо для меня становится прекрасным. От этого тоже лицо ее в моих глазах вечно меняется, вечно волнуется, как звезда.

12 февраля. Лес завален снегом, но я не вижу фигурок снежных и, главное, не чувствую той прелести пустыни, как я это обычно чувствую. У меня гвоздь в голове, вокруг которого и складывается моя душа.

На одну только снежную фигуру, похожую на эмбрион животного, я обратил внимание, фигура висела на телеграфной проволоке. И когда я ее сбил, оказалось, что на проволоке в этом месте была сшивка, и эта маленькая неровность и была причиной образования далеко заметной формы.

Так вот, и в душе моей тоже какая-то неровность, и благодаря ей нарастает и разрастается всезаполняющая форма.

Я помню в далекие времена, когда расстался с «Иной» [163], собранная в одну точку мысль долбила мою душу, как дятел дерево, но мало-помалу в пустоту стала собираться пустыня с деревьями, цветами, полями, лесами, морями. И я привык этим жить.

Так точно и сейчас вошло в мою душу нечто новое, и я старого не вижу, а к новому не привык.

13 февраля. И в лесу не с лесом, и ночью не со своей «Песнью песней»! Только уж когда сяду за стол и беру перо в руку, начинаю писать и как будто пишу лучше и голова крепче держится. Главная же перемена, это на сердце: там теперь как будто мастер пришел, все смазал, все подвинтил, вычистил бензином, спиртом, там теперь ничего не стучит, не хлябает.

14 февраля. Мне кажется, я почти в том уверен, что в скором времени она меня будет любить так же сильно, как и я ее: натура такая же поэтическая и в том же нуждается.

20 февраля. Если думать о ней, глядя ей прямо в лицо, а не как-нибудь со стороны, или «по поводу», то все, что думаешь, является мыслью непременно поэтической, и тогда даже видишь самое чувство с двух сторон: с одной — это любовь, с другой — поэзия.

И хотя, конечно, нельзя поэзией заменить всю любовь, но без поэзии любви не бывает, и, значит, это любовь порождает поэзию.

Гигиена любви состоит в том, чтобы не смотреть на друга никогда со стороны и никогда не судить о нем вместе с кем-нибудь. До тех пор, пока я не умел пользоваться этими правилами, я то время теперь чувствую, как будто не было у меня ни мыла, ни полотенца, и я ходил неумытым.

21 февраля. В. открыла в дневниках нового Пришвина. Это произошло так неожиданно. Она остановила трещотку машинки и вдруг сказала:

— А вы, оказывается, вовсе не такой глупый, как я думала.

И принялась читать, и я дивился, узнавая в ее словах нового писателя. Как же это странно, что я, не зная ее, а только обращаясь к неведомому другу, писал ее мыслями, ее словами, ее чувствами. Как будто есть мир, в котором люди живут общей мыслью.

22 февраля.

Разве это не дело: складывать две жизни в одну?

То, во что мы верим в детстве и ранней юности, в какое-то *настоящее*, в глубине нашей души навсегда остается, только мы, взрослые, серьезно не верим, что это настоящее возможно здесь, на земле. Так я ждал свою настоящую невесту и постепенно терял надежду в том, что Настоящая может встретиться в жизни, а не существует только в поэзии, как Прекрасная Дама. Я еще никак не могу окончательно увериться в том, что это пришла Настоящая.

Она готова любить меня, но ждет в себе решительного слова: не все еще установлено, не все проверила, и не всему поверила, что ей пришло от меня. Намекнула мне, что ее смущают мои возможности: то есть мое положение, имя, даже и обстановка, то есть моя квартира и особенно люстра: эта прекрасная люстра вообще у нас стала символом соблазняющего благополучия.

Вчера взял тетрадь дневника с отметками В. цветным карандашом. Мне казалось это чтение таким интересным, что и на всю ночь хватило бы у меня бодрости читать. Но вышло так, что когда отметинки кончились и не осталось никакой надежды увидеть на своих страницах руку моего друга, вдруг такая скука меня охватила, что я лег в кровать и в 9 ч. заснул, и так основательно, что проснулся лишь утром в 5.

24 февраля. Моя любовь к ней есть во мне такое «лучшее», какое в себе я и не подозревал никогда. Я даже в романах о такой любви не читал, о существовании такой женщины только подозревал.

Песня всей моей жизни, такая долгая, такая настойчивая и упрямая, привлекла ко мне не славу: она вызвала ко мне из хаоса любовь человека.

27 февраля. Она вспомнила, что все главное у нас вышло от дневников: в них она нашла настоящее, собственно свое, выраженное моими словами. И вот отчего не отдам никогда я эти тетрадки в музей: это не мои тетрадки, а наши.

И так все пошло переделываться в «наше».

Весь смысл внутренний наших бесед, догадок в том, что *жизнь есть роман.* И это говорят люди, в совокупности имеющие более 100 лет! И говорят в то время, когда вокруг везде кипит война и только урывками можно бывает

достать себе кое-какое случайное пропитание. Никогда не была так ясна самая сущность жизни, как борьба с Кащеем. Никогда в жизни моей не было такой яркой схватки с Кащеем за «роман». В этом романе схватка за жизнь, и она все это знает и очень готова, да только все еще не совсем уверена во мне, все спрашивает, допытывается, правда ли я ее полюбил не на жизнь, а на смерть...

5 марта. Встаю радостный, каким бывал только мальчиком. И как будто ищу глазами подарки. Спрашиваю себя: «Отчего таким прекрасным мне кажется сегодняшний день?» И, обежав, ощупав свою радость со всех сторон, ответил себе: «Это все только оттого, что завтра я увижу ее».

6 марта. Когда кто-нибудь с маленького дела переходит на большое, то ему кажется, будто неведомо откуда приходят к нему силы, так что он и сам себя не узнает и дивится, откуда это у него все взялось. Точно так же делает с человеком любовь: с малого дела он попадает в самое большое, влюбленный больше царя.

Пошел в лес. В полной силе весна света, и голубеют на белом снегу следы зверьков, и спускаются легкие пушинки между зелеными стволами, и уже не «пинь-пинь», а брачным голосом везде распевают синицы, и овсянки тоже запели.

Лучше ничего в мире природы для меня не было, и я так любил это время, что создал свой образ, и теперь все кругом называют это моими словами: весна света. Но теперь больше не завлекает меня неведомая сила идти вперед по голубым следам. У меня теперь есть такое большое, в чем весна света сияет, как малая подробность. И все боги мои, которые весенней порой прилетают с южных морей: голубые, синие, зеленые — все эти боги в ней. И если бы я был там, откуда исходит мой свет, и строгий голос какого-то сурового и самого великого бога велел бы мне отойти, я бы не послушался и ответил: «Отойди от меня, сатана, настоящий, единственный бог живет в сердце моей возлюбленной».

20 марта. Свет весны всю душу просвечивает, и все, что за душою,— и рай, и за раем дальше, в такую глубину проникают весенние лучи, где одни святые живут...

Так, значит, святые-то люди от света происходят, и в начале всего, там где-то, за раем только свет, и свет, и свет.

И от этого света вышла моя любовь. Кто может отнять у людей свет зарайских стран? Так и любовь мою никто не

может истребить, потому что любовь моя — свет. О, как я люблю, какой это свет!

Перебрав все мое внутреннее содержание, я его вдруг увидел все как бы просиявшим в направлении от этого света и понял, что я — это, как сапожник, хороший человек, приютивший Ангела [164], и этот свет мне за то, что я тоже хороший человек и тоже приютил у себя ангела и помог ему, когда он страдал от воплощения в человеческий образ, как он ужасно страдал. И я пожалел его и приютил, и за это дана мне эта любовь, этот свет. Кто может отнять от меня этот божественный свет?

22 марта. Был на вечерней прогулке, и такая меня тоска охватила, и впервые так был безучастен в природе: на закате месяц всходил бледный, большой и словно отворачивался, и так все-все — облака, снег, следы зверей даже чем-то противны: столько лет занимался такой глупостью! А дома патроны, ружья,— нужно же было на детскую шалость тратить столько времени. И так все от меня отвертывается, или я сам отвертываюсь...

Вся жизнь собралась в одной-единственной точке, и раз я от нее оторвался, то вокруг нет ничего, и я сам, будто сосланный.

А поди я с Лялей [165], как бы он запрыгал, заиграл, бессовестный месяц!

24 марта. И еще один морозно-солнечный день. Хотя внутри все повертывается по-разному, но средняя линия — это полная уверенность в своей правоте и совершенное спокойствие: без этой встречи моя жизнь была бы непонятной. Теперь в моей жизни было две звезды — звезда утренняя (29 лет) и звезда вечерняя (67 лет) и между ними 36 лет ожидания. 40-й год загад: крест или «приди!», и она пришла, и жизнь моя стала прозрачной и ясной. «Женьшень» — это о звезде утренней, теперь должно возникнуть нечто о звезде вечерней. «Звезда вечерняя моя».

9 апреля. Она писала мне письма, не думая о том, хорошо ли они написаны или плохо. Я же старался из всех своих сил превратить свое чувство к ней в поэзию. И если бы наши письма судить, то окажется (теперь уже оказалось), что мои письма прекрасны, а ее письма на весах тянут больше и что я, думая о поэзии, никогда не напишу такого письма, как она, ничего о поэзии не думающая.

Так, оказывается, есть область, в которой при всем таланте к поэзии ничего не сделаешь: и есть «что-то», значащее больше поэзии. И не только я, но и Пушкин, и Данте,

и никакой величайший поэт не могут вступить в спор с этим «что-то».

Всю жизнь я смутно боялся этого «что-то» и много раз давал себе клятву не соблазняться «чем-то» бо́льшим поэзии, как соблазнился Гоголь. Я думал, в этом соблазне поможет мне смирение, сознание скромности моего места, любимая молитва: «Да будет воля Твоя» (а я — скромный художник). И вот, несмотря ни на что, я подошел к роковой черте между поэзией и верой.

10 июня. Сердце не успевает остыть, пока бывает оформлено значение падающей из души капли полного чувства. Всегда эта капля, это проходящее мгновение отвечает действительности, всегда она — правда, но не всегда верна бывает заключающая ее форма: сердце не ошибается, но мысль должна успеть оформиться, пока еще сердце не успело остыть. Чуть опоздал и потом не можешь понять, хорошо ли написано или плохо.

Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневники. Все написанное можно потом складывать *(2 нрзб.)*, но только в последние годы эти записи приобрели форму настолько отчетливую, что я рискую с ней выступить.

Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы, романа или поэмы. Но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала больше моей формой, чем всякая другая.

Знаю, что не всякого читателя заинтересует моя «Теплая капель» [166], и в особенности мало она дает тому, кто в словесном искусстве ищет обмана, забвения от действительной жизни. Что делать — всем не угодишь, я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их.

23 июня. В основе любви есть неоскорбляемое место полной уверенности и бесстрашия. Если случится в этом с моей стороны посягательство, то у меня есть средство борьбы против себя: я отдаю всего себя в полное распоряжение друга и через это узнаю, в чем я прав, в чем виноват. Если же я увижу, что друг мой посягнул на святыню мою, я проверяю его, как себя. И если случится самое страшное и последнее: друг мой станет равнодушен к тому, чем я горю, то я возьму палку свою дорожную, и выйду из дома, и святыня моя останется все равно нетронутой.

10 августа. В лесу собирали грибы. Застала гроза. Теплый дождь.

Мы с Л. теперь достигли такой степени сближения, когда «удивление» (от первого глаза) больше уже не открывает друг в друге нового, но зато и нет больше тревоги, что из-за чего-нибудь весь союз разлетится и все сближение окажется ошибкой. Мы вступили в тот фазис, когда найденное в друге каждому становится необходимостью для существования, входит в привычку, в повседневную потребность. Ничто во внешней форме каждого, красивое или некрасивое, больше не влияет на отношения. Мало-помалу складывается такое постоянство, как в планетах и их спутниках, способных до конца жизни вращаться друг вокруг друга, не в силу очарования видом, а силой тяготения. Можно без всякого первичного очарования, влюбленности, удивления, а просто так сойтись, чтобы потом уже жить не по любви, а по закону этого тяготения.

Но я думаю, что при первичной удивленности друг другом, любви, закон тяготения будет служить воле вошедших в союз, тогда как в другом случае он станет привычкой... и люди в ней будут жить бессознательно до тех пор, пока что-нибудь извне их не оторвет и они не увидят, что жили не по любви (свободе), а по привычке.

12 августа. Л. напомнила мне о послушании, порождаемом любовью. В этом естественном послушании я теперь и нахожусь. Через эту мысль о естественном послушании, естественной любви и природе понял происхождение у Руссо и Толстого их мыслей о природе, как существе всего человека: все есть в природе и нет только сознания, и что сознанием своим человеку не очень-то надо гордиться и им отделяться от природы... Так «природа» стала убежищем свободно верующих, но биологизм пробрался сюда и подточил.

16 августа. «Фацелия» стала поэмой [167]. Весь день работали. Был Замошкин.

17 августа. «Фацелию» направили в «Новый мир». Работаю над «Лесной капелью». Л. со мной работает, и наша дружба растет, и любовь наша святая, чистая, растет, и создается новое детство и настоящий «Дом». Даже поэзия стала на второй план.

19 августа. Вся моя поэзия вытекала из утраты, но теперь, когда «Инна» эта нашлась, из каких же родников будет являться поэзия? Я думаю, из благодарности, из жажды славить жизнь и ее возможности. Это будет песнь песней, песней всех бывших на земле до сих пор.

24 августа. Выправлял «Лесную капель», вздумал перечеркнуть один кусочек двумя чертами накрест и двумя

параллельными. При этом вдруг мне пахнуло чем-то знакомым и бесконечно милым. Так часто бывает, но догадаться, чем пахнуло, обыкновенно не успеешь: пахнет чем-то милым из детства и тут же забудется. Но в этот раз из черточек накрест и двух параллельных сложился мне змей, как я клеил его, бывало, сам из деревянных планочек и листа белой бумаги. Так вот милый запах сейчас — это был мне запах клейстера из пшеничной муки, каким я обыкновенно тогда змея клеил. И было это тому назад больше полстолетия. Вот как помнится, вот как влияет на жизнь нашу то, что с нами в детстве бывает. И сама-то вот эта «Лесная капель», разве не есть это все пережитое мною в детстве...

Ляля переносит поправки, и с «Лесной капелью» будет покончено. Приступаю к «Падуну» [168].

25 августа. Думали вместе, да, мы теперь много думаем вместе.

Мы думали вместе о том пути вдохновения, по которому проходили порознь. Теперь эти пути пересеклись, и мы вместе пошли. Но этот путь вместе не похож на тот путь вдохновения, это путь труда человеческого, это путь, на котором ты вечно думаешь о другом, а не только о себе самом...

29 августа. Опять «мысль из окошка» по пути из Москвы в Тяжино: эта мысль была в процессе создания «единственной». Так вот, Ляля мне представляется единственной, что на свете другой подобной быть не может. Но сегодня на почте я видел одну барышню с глазами, похожими на Лялины, и мне подумалось: «А может быть, это я создаю Лялю, как единственную в мире женщину, на самом же деле такие «ляли» встречаются? Может быть, и все так, кто любит, порождают из себя те прелести, которые я приписываю одной Ляле? Может быть, эта ее любовь кажется такой исключительной только потому, что я *никакой* любви не испытывал и мне «все благо»?» Принимаю, что так, но вместе с тем и утверждаю, что на земле у людей существует великая любовь, единая и беспредельная. И в этом мире любви, предназначенной человеку для питания души в той же мере, как воздух для крови, я нахожу единственную, которая соответствует моему собственному единству, и только через это соответствие единства с той и другой стороны вхожу я в море всеобщей любви человеческой.

Вот почему даже самые примитивные люди, начиная свою короткую любовь, непременно чувствуют, что не им

одним, а *всем* хорошо на земле жить, и если даже очевидно, что хорошая жизнь не выходит, то все-таки возможно человеку и должно быть счастливым. Итак, только через любовь можно найти себя самого как личность, и только личностью можно войти в мир любви человеческой.

А что есть личная любовь? Это есть открытие (откровение?) в себе существа единственного в своем роде, которое единственный раз пришло на землю и больше никогда не повторится. При своей неповторимости эта личность-мгновение содержит в себе весь мир, всю вселенную и стремится за момент своего существования раскрыться как вселенная.

Мы присели в лесу. Над нами летали мельчайшие мошки. Ляля спросила:

— Эти мошки живут один день?

— Меньше,— ответил я,— эти мошки — мгновенья.

— Взлетят и умрут.

— Возможно. Только им эти мгновенья, как вечность. Если бы удалось сознать всю совокупность сил, определяющих взлет этой мушки, нам через это раскрылась бы вся тайна Вселенной.

— И мы тоже так?

— И мы взлетаем на то же мгновенье, только у нас есть человеческая задача — вспыхнуть мгновением и так остаться: не умереть.

31 августа. Приступил к обдумыванию «Былины» [169] и решению вопроса,— писать или бросить.

4 сентября. Укрепляюсь в писании «Былины».

7 сентября. Ходил утром на болото,—нет еще дупелей. Но главное,— нет прежнего охотничьего трепета. Напротив, когда с Л. пошел вечером за грибами, то было, как на охоте. Так все и продолжается во мне, будто Л. *послана* мне, до того она необыкновенна.

9 сентября. В «Новом мире»: слухи об успехе «Фацелии».

19 сентября. Начали писать общий дневник.

26 сентября. Лучше всего мне пишется на том месте, где мой чай. За чаем я никогда не сочиняю, а пишу дневник в полном равенстве себя самого с тем, что записываю: пишу прямо вслед за собой.

30 сентября. Поэзия как и любовь — это явления таланта, а талант от бога. Вот почему ни поэзию, ни любовь нельзя делать собственностью. Непременно у человека, создавшего себе в поэзии или в любви фетиш, является

драма, которая была в любви у Хозе (Кармен), в поэзии Блока. Словом, талант — это путь, но не сущность. И если сущность есть бог, то подмена ее фетишем порождает собственность, а собственность всегда разрешается драмой.

4 октября. Мир в огне и неслыханном горе. Глядя со стороны на жизнь, теперь всякий просто глазами видит ее бессмысленность. А изнутри каждый для себя на что-то надеется...

Так показывается извне бессмысленно-вековечное родовое движение человека, полная тьма. И только, если глядеть с закрытыми глазами внутрь тьмы, показывается непрерывная цепь полных смысла жизненных вспышек: это мы, люди, как личности вспыхиваем, друг другу передавая свет жизни.

13 октября. Мой «Аврал» [170] надо представить как нечеловеческий синтез раздробленного человека, в котором каждая отдельность прозревает свое Целое. Три человека — Пахан и Дехтерев и Мария Мироновна [171] — должны, участвуя в создании Целого, отстоять свою личность, они участвуют в создании Целого, как личности, тогда как другие только выявляют, только оживляются в осуществлении заложенного в них чувства Целого.

«Аврал» у меня будет как высшая ступень творчества жизни, как Страшный суд, на котором сгорает вся иллюзорность и ограниченность индивидуальности и остается последняя реальность Сущего.

19 октября. Вся любовь, как вода, каждый берет из нее сколько может зачерпнуть своим ведром. К воде приходят с ведром, к любви — с душой. Бывают и ведра побольше и поменьше, а уж души! Вот оттого все по-разному и понимают любовь, что каждый вмещает в себя сколько-то и о своем говорит. Я же, мои друзья, хочу вам говорить о всей любви, как будто я пришел на берег океана.

Так вот отчего все бывают так глупы, когда говорят о любви: это оттого, что о любви говорят они лишь в меру своего опыта. Речь идет об океане, а они говорят каждый только о том, что мог он зачерпнуть своей личной посудиной. Выхожу, друзья мои, на берег, бросаю свое личное ведерышко в океан, складываю руки на груди своей, как складывал в детстве своем на молитве, и перед всем океаном, горящим в вечерних лучах, по-детски шепчу о своем личном.

7 ноября. В полдень вышли все мы и с собаками на улицу, поглядели на землю: пушки везут, и сколько! погля-

дели на небо — все небо закрыли серебряные птицы. Не до красоты нам теперь, но все-таки утешение какое-то в том, что хоть знаешь, на что уходит наша трудная жизнь.

29 ноября. Выступал по радио со своими новыми рассказами «Мои тетрадки», «Лада» и «Гость».

2 декабря. В 9 $^1/_2$ выехали в Малеевку [172] и к 12 дня прибыли.

4 декабря. Привыкаю к новой обстановке. Задумал детский рассказ «Старый валенок» [173].

5 декабря. Закончил «Дедушкин валенок».

9 декабря. Любовь похожа на море, сверкающее цветами небесными. Счастлив, кто приходит на берег и, очарованный, согласует душу свою с величием всего мира. Тогда границы души бедного человека расширяются до бесконечности, и бедный человек понимает тогда, что и смерти нет и нет того, что называется у бедных людей «сегодня» и «завтра». Исчезает тогда эта черта, разделяющая всю жизнь на «тут» и «там». Не видно «того» берега в море, и вовсе нет берегов у любви.

Но другой приходит к морю не с душой, а с кувшином и, зачерпнув, приносит из всего моря только кувшин, и вода в кувшине бывает соленая и негодная. «Любовь — это обман юности»,— говорит такой человек и больше не возвращается к морю.

15 декабря. До конца пребывания в этом доме [174] начну биографию Ляли, имея целью восстановление ее личности.

17 декабря. Мы просто счастливы. И это чудо! Как можно быть счастливым, в то время, как... Невозможно, и вот вышло чудо, и мы счастливы. Значит, это возможно при всяких условиях.

20 декабря. Я сказал:

— Люблю тебя все больше и больше.

А она:

— Ведь я же это говорила тебе с самого начала, что ты будешь любить больше и больше.

Она это знала, а я не знал, я воспитал в себе мысль, что любовь проходит, что «вечно любить невозможно» и что «на время — не стоит труда». Вот в этом и есть разделение любви и наше общее непонимание: одна любовь (какая-то) проходящая и другая — вечная. Одна любовь ограничена любовью к детям, как в природе, другая, усиливаясь, соединяется с вечностью. В одной человеку необходимы дети, чтобы через них продолжаться, в другой дети не являются необходимостью: Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна были бездетны. Дети, рожденные в свете той

и другой любви: в одном случае любовь к детям есть частность общей любви, в другом — любовь к детям исключает всякую любовь: самое злобное хищное существо может иметь любовь к детям. Так неужели же и это называется любовью? (Любовь, как только связь.) Итак, всякая любовь есть связь, но не всякая связь есть любовь, а истинная любовь есть нравственное творчество. Так что можно заключить, что любовь есть одна, как нравственное творчество, а любовь как только связь не надо называть любовью, а просто связь.

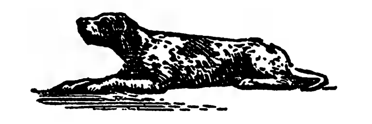
Вот почему и вошло в нас это о любви, что она *проходит*: потому что любовь как творчество подменялась постепенно любовью-связью, точно так же, как культура вытеснялась цивилизацией.

23 декабря. Литература, искусство — это выражение лица народа, и понятно, что страдания выражаются тем, что бледнеет лицо. Глубокие страдания переживает весь мир, *у всех народов бледнеет лицо...*

Остается только ниточка связи — это я со своей верой, со своим независимым чувством гармонии, где-то в таинственной глубине своей, я люблю тебя, русский народ, я люблю — значит, ты существуешь...

27 декабря. Впервые начинаю приходить сам с собой в равновесие, впервые вижу возможность создать обстановку, в которой не буду бояться себя.

28 декабря. Светлое морозное утро. Ходили по тропинке взад и вперед с того времени, когда осталась на небе звезда утренняя, и до тех пор, пока она не растаяла в свете от солнца. Мне было ясно, что дело художника — это расстановка смешанных вещей по своим первоначальным местам.

1941—1945

1941

1 января. Слепое страдание может быть прямо и пороком, и дело не в самом страдании, а в том смысле духовном, через который переходят от страдания к радости. Точно так же и слепое утверждение в радости так же разрушительно для истинной жизни, как слепое страдание. Радость творческая, конечно, покупается ценою творческого страдания, но не обязательно для явления радости самому лично страдать. Возможно и так, что кто-то раньше до тебя выстрадал эту радость и ты получаешь ее как наследство. Итак, причащаясь к страданию, то есть всем существом своим готовясь к возможности страдания, я могу без всякого фактического личного страдания войти в радостный мир творчества. Так что истинной радостью может располагать только тот, кто насыщен готовностью и умереть во всякое время 〈...〉

Итак, слепое страдание, равно как и не оправдываемое смыслом довольство, следует считать злом и с ним бороться.

2 января. Для прочного брака необходимо вечное продвижение любящих в мир, где оба еще не бывали и отчего они сами открываются друг другу новыми сторонами. Такой брак можно представить себе только как движение

вокруг абсолютно неподвижной точки внутри и с вечной переменой извне.

3 января. Это со стороны и очень издали кажется, что трудно войти в мир людей, преданных искусству. На самом деле нет мира более доступного, чем мир искусства. Поэты по существу своему дети на струнках. Желающему войти к поэту стоит только взять в руку эту струнку — и ребеночек по желанию входящего будет смеяться или плакать.

Весь секрет в том, вся трудность в том, чтобы найти в себе созвучную струну.

5 января. Искусство создано, чтобы заполнить пустоту между жизнью и смертью.

7 января. Человек, умирая, какое-то слово сказал. И умер человек, и то слово его было услышано, и с этим словом стал жить другой человек из года в год, вспоминая его и к смыслу его прибавляя свой новый смысл. И когда состарился этот человек, то, умирая, сказал это слово, полное смысла, и третий человек услышал это готовое по-новому слово и стал жить по этому слову, наполняя его новым смыслом. Вот и я пришел к этому слову и начал жить им, как будто только родился с ним. Слова этого я не назову, пока не наполню его своим смыслом.

Людей кровь связывает, но этого становится мало, приходит время, когда людей стало связывать слово. Пришел некто и сказал: «Не кровь, а слово!» И отдал кровь свою за слово, и Слово стало плотью. До чего же ясно стало теперь, что в этой войне идет война крови за кровь и слова за слово и что мир может быть только в единстве слова и крови: слово наполнится кровью, и кровь будет оправдана словом.

Теперь моя радость, мое счастье держится лишь каким-то днем, даже часом, там, за этим часом-днем, стоит и прямо виднеется враг — это моя смерть, враг, которого я должен сразить, и моя победа мне достанется лишь ценою гибели всех сладких иллюзий, которыми держится «жизнь» так называемая.

13 января. Когда люди живут в любви, то не замечают наступления старости, и если даже заметят морщину, то не придают ей значения: не в этом дело. Итак, если бы все люди любили друг друга, то вовсе бы и не занимались косметикой.

14 января. Продвижение книги: «Искусство как поведение» [1].

16 января. С большим успехом читал по радио «О чем шепчутся раки» [2]. Удивляюсь, как это писатели, принимая меня за эстета по «Фацелии», не хотят замечать «раков», не хотят [видеть], что язык мой — народный язык, и я могу сказать народное свое слово для «всех», что я могу писать и для самого умного читателя, а если надо будет для всех — то напишу и не снижусь.

21 января. Кто же прав, скажите, я и теперь, когда все понимаю, не могу сказать,— где правда. Те ли, кто, имея постоянный доступ к любви, дышат ею, как воздухом, не обращая никакого внимания на нее, не придавая ей, как воздуху, никакой цены, и находят себе существо, стоящее далеко выше всего «среднего». Или же тот прав, кто, будучи голодным, вдохнул в себя аромат черного хлеба, и, вкусив черного хлеба, почувствовал силу солнца, его создавшего, и увидел вновь солнце в куске черного хлеба.

23 января. Человек неудачей своей заострен как иголочка и мстит за себя всем и всех, кого только можно уколоть,—колет, таких больше всех.

Другой человек при крайней заостренности своей личности не лишен дара воображения и находит себе удовлетворение в творчестве. По этому пути идут всякого рода мистики, теософы, поэты-индивидуалисты и всякого рода сверхчеловеки, преодолевающие препятствия внешней среды.

И, наконец, есть еще люди, которые винят только себя за свою неудачу, и так, признав себя лично ответственными за свою беду, пытаются сбросить с себя все лишнее и в окончательном своем ядрышке найти единство с лучшими существами из окружающей их среды, с целью преображения самой среды.

Моим идеалам соответствовал такой упрощающий себя изнутри человек, может быть, немного и с лукавой затеей в борьбе: вы, сверхчеловеки, много обещаете и с вас много спрашивается, а что взять с нас, простецов.

И может случиться, что у многодумных [будут] только пустые слова, а у простеца одно словечко, да туго-натуго налитое собственной кровью, и этим словечком решается все дело борьбы.

24 января. Какая же должна быть гигиена любви, охрана ее от заражения собственническим инстинктом? Средство это: думать больше о других, чем о себе, но... Вот тут-то и бывает подмена: любимый друг обрастает собственностью, из-за которой не видно самого человека. Значит, любя своего ребеночка, надо не ограничиваться

только заботой о его существовании, надо ребенка любить в его безграничном развитии.

25 января. Надо очень остерегаться слова «любовь», которое и раньше звучало многосмысленно, а теперь смысл и совсем потерялся.

26 января. Мой друг детства Николай Александрович Семашко [3], окончив елецкую гимназию, поступил на медицинский факультет и сделался врачом. Профессия врача потом определила в значительной мере и его поведение: как врач он сделал много добра и, соединив с этой профессией революционную деятельность, сделался потом комиссаром и еще больше добра сделал как народный комиссар по здравоохранению. Я же после всяких колебаний выбрал себе литературу, и профессия писателя определила в значительной степени и мое поведение. Самое главное в этой моей профессии было, что она требовала всего человека, и совмещать занятия искусством слова с чем-нибудь еще для меня было невозможно.

И вот в 1906 году [4], когда вышла в превосходном издании моя первая книга 〈...〉 «В краю непуганых птиц», мне под величайшим секретом сказали, что из эмиграции тайно приехал Н. А. Семашко и приглашает меня на свидание. Мне было тяжело идти к деловому человеку революции, потому что и в своем-то новом деле я еще не был тверд и ничем не мог доказать право свое на вольноотпущенника революции. Все шло хорошо, пока мы были на людях, но когда наша хозяйка оставила обоих ею любимых друзей ночевать в одной комнате, обоим стало неловко. Перед сном у нас был такой разговор:

— Ты что же теперь делаешь?

— Пишу.

— И это все?

— Все, конечно, агрономию бросил: не могу совместить.

— И удовлетворяет?

— Да, я хочу писать о том, что я люблю: моя первая книга посвящена родине.

— Нам не любить теперь надо родину, а ненавидеть.

— Нашу Елецкую родину и я не люблю.

— Ты всегда имел наклонность мыслить по-обывательски, разве я о Ельце говорю?

— Нет, я не обыватель, а только склонен мыслить образами: моя родина не в Ельце, а в краю непуганых птиц. Я верю, что такая моя родина существует, и я люблю ее беззаветно. А революция? Революция не любовь, а дело;

моя любовь включает и революцию, поскольку она есть движение духа. Если бы мне можно было участвовать в революции, как Рудин, я бы не отказался от такого мгновения и, может быть, давно погиб бы на Красной Пресне. Но делать это медленно, организовывать, выжидать, копить в себе силу ненависти, молить неведомого бога о мщении, я этого не могу, не способен.

— К чему же ты способен?

— К такому же медленному накоплению любви в слове. Это тоже нелегко, еще, может быть, и труднее, но я к этому более способен. Я это могу...

3 февраля. Есть вещи и явления, названные кем-то когда-то и потерявшие в движении времени смысл своего имени. И вот весь труд писателя, бывает, сводится к борьбе за настоящее имя тому, что все знают и называют именем, потерявшим всякий современный смысл. В таком-то смысле я и требую от настоящего писателя, чтобы он был *современным,* а из имен, требующих раскрытия в отношении современности, это прежде всех слов — *любовь.*

Дереву назначено стоять на корнях и расти вверх, животному двигаться, человеку же и стоять, и расти вверх, и двигаться, и особенно, как человеку, обнимать все сущее сознанием.

Нет, я не на корабле плыву в океан. Там на кораблях есть и компас и руль, и на всяком месте определяются с помощью звезд. Здесь же на моем пути только тропа, по которой шли люди один за другим. Не в океан я плыву, а лесною тропою иду в свое отечество, в строгом согласии с теми, кто выбил своими босыми ногами эту извилистую тропинку. За то я так и люблю эти лесные тропы, что они отвечают внутреннему и непостижимому для полного сознания согласию с какими-то настоящими, определяющими движение людьми. Это чувство было у меня с колыбели, и мой бунт и мои открытия имели значение не больше тех исканий, на которые обречен путник, потерявший тропу.

19 февраля. Юмор — это орудие в борьбе с пошлостью. Вот почему в мещанском обществе смеяться нельзя.

Мне казалось всегда, что препятствия времени именно и являются испытанием личности, и если ты не мог перепрыгнуть через препятствия, то вини только себя.

20 февраля. Бывает любовь от щедрости, много дано и через край переливается. А то любовь бывает и от скупости: живет человек очень скупо, будто сундук у него есть

особый, и он туда все складывает, а сам не ест. Но приходит час, и сундук открывается: душа, ешь, пей и веселись! — и это тоже любовь. А то бывает, для себя от жизни остается только боль и эта боль собирается, собирается и вдруг сразу вся переходит в страх за жизнь другого, а себе стало хорошо, и вот это хорошее есть тоже любовь.

Эта женщина ходила всегда наполненная желанием любви и ждала только случая, и когда случай пришел, все удивлялись: такая женщина и пошла за такого мизгиря во всех отношениях. А между тем так всегда, потому что любовь в душе, как в груди молоко: напирает, напирает — только подставь губы и пей.

22 февраля. Я живу достоверностью сердца, где таится самая сущность всего преходящего в бессловесном сознании. Искусство мое состоит из чередования удачных и неудачных попыток заключить эту достоверность сердца в слова разума.

24 февраля. Если взрослый человек бывает похож на ребенка, то это во всем человеке самое лучшее. И когда говорят: «будьте как дети», то этим не хотят сказать, что дети сами по себе хороши. Нет, это относится только к людям взрослым, чтобы они, оставаясь как взрослые люди умными и добрыми, в то же время были и просты, как звереныши.

(Написано при воспоминании виденного в Загорске: очень древний священник с большой седой бородой, сгорбившись, шел по улице, вокруг него бесилась куча мальчишек, прыгали, бросали в старика грязью и все кричали на него: «Поп, поп, поп!» Он шел молча, сгорбившись, и только уж когда грязь попадала ему в лицо, крестился, поднимал голову и повторял вовсе незлобиво: «Ах, деточки, деточки!»)

7 марта. В том-то и дело, что и та любовь (от бога), и эта любовь (от страсти) автономны, и если женщина разлюбит, бог почему-то не заступается. Так что, как бы мы ни любились, *несчастие* допустимо ⟨...⟩ Значит, держись в любви своей так высоко, чтобы, встав на цыпочки, на большие пальцы, земли касался бы, а концами длинных пальцев руки доставал бы до неба,— в такой любви тебя не унизит никакое несчастие.

Да, любовь есть, конечно, единая сила, но дело человека состоит в том, чтобы лишить любовь перехода ее в собственность и порождаемую ею смерть.

15 марта. Полная весна света, но только света. И когда утром 20 градусов, то не боишься больше мороза: в полдень

падет до нуля. Каждый день валит снег. Сорока скучает возле пустого скворечника. В лесу сосны голые, длинные, тихонько бесшумно покачиваются. Среди них есть две сросшиеся — сто лет вместе росли и теперь вместе покачиваются. И вот где-то скрипнуло, еще и еще, и так жалостно, за сердце хватает. Это те две сосны, покачиваясь, стонут, как люди, бывает, живут вместе и стонут.

18 марта. Жутко вспомнить, в какой нищете зародилась эта желанная, голубая моя мечта. Как было больно, как стыдно было, что я голый хожу и мечтаю. Это было похоже, что ты сходишь с ума и сам до точности знаешь, как сходишь, как движется болезнь. До того было больно за себя голого, что нищий старик с просьбой куска хлеба ради Христа богачом кажется: этот нищий хоть чем-то живет, и его все понимают: и кто дает, и кто гонит.

21—22 марта. Когда друг приезжает ко мне, я бываю счастлив, но пишу хуже. А когда он уезжает, я тоскую, но пишу лучше. Неужели родник творчества вытекает из личной утраты?

28 марта. Если бы жили одни мудрецы, то никаких бы для них не надо бы делать установлений и форм. Но живут и составляют большую часть живущих люди немудрые, чающие, готовые отдаться совету первого встречного. И они-то, большая часть людей, и нуждаются в форме, и в этих формах они, сами не думая, получают готовую мысль и делают именно то, что задумали мудрые.

30 марта. Весна перестоялась, всюду в лесах нетронутые глубокие снега, и только где-то кто-то видел на каком-то дереве грачей. Зато в Москве, в этом радостном свете и домá и люди преображаются. На Моховой когда-то ночью человек перелез через решетку в Александровский сад и оставил на снегу глубокие следы. Во время оттепели в эти следы, может быть, примыло какие-нибудь семечки, упавшие на снег с деревьев, а может быть, сам человек, тяжестью своего сапога сдавливая снег, соединял между собою семечки, лежащие в разных слоях снега, и превращал свой собственный след в кладовую драгоценностей для птичек? Воробьи битком набились в этот след человека, купались, брызгались синими, красными и радужными каплями, доставали себе что-то, выпрыгивали. Другие вслед за ними спускались в подвал, дрались, смеялись, чирикали, хохлились, ходили по снегу задиристо петушками. На мгновение даже радуга вспыхивала в брызгах.

Так один только след человека сделался кладовой сокровищ для птиц. А сколько следов оставил я, десятки

лет ожидая прилета своей желанной птицы! Только теперь мне стало понятным, почему весну света я избрал, сделал для себя лучшим временем года и десятки лет упорно выходил из дому навстречу прилетающим птицам. Я потому избрал себе весну света, что такою весной все в будущем: потому что я ждал. Теперь моя птица прилетела и свила гнездо в моей душе. Я счастлив — я больше не жду своей птицы, и мне довольно этих воробушков: будто это детки наши играют в следу человеческом. Так теперь и вся новая жизнь моя складывается, будто вокруг нас это все дети наши хорошие, или плохие, или ничего себе, но только дети — все дети, играющие в следах человеческих.

31 марта. Ночью все думал о «бабушке» и родине-матери. Разбирал, почему это — когда хотят человеку о чем-то самом хорошем сказать, говорят: мать, или родная земля, или даже соединяют вместе и говорят: мать-земля. Мы до того к этому привыкли, что вовсе и не думая говорим это.

И надо было, чтобы Вы (Алексей Максимович) много раз в своих письмах называли меня «сын любимейший своей матери-земли», чтобы я почувствовал необходимость раскрыть в себе значение этих повторяемых и стираемых слов. Вспоминаю для этого мать свою, как она умирала, и как я тоже расставался с той землей, где она меня родила и сад насадила своими руками. В сущности, как все переберешь в себе, «земли»-то и нет никакой, это не земля сама, а любовь к человеку, как бы приподнимающая на воздух все эти родные елки, березки, овражки и яблонки.

1 апреля. Как раз вышло, что первого апреля началась весна воды. Серый день, на полградуса выше нуля. В лесу запахло березовой и осиновой корой.

3 апреля. Опять подморозило, и так весь день прошел (кроме полдня) подпертый морозцем.

4 апреля. В «Анне Карениной» счастье Левина не уравновешивает несчастия Анны: высота положительная оказалась много ниже отрицательной, и автор смерть Анны трагически не оправдал.

5 апреля. Мне думается, уходить от плотского мира, ненавидя его, и отряхать прах с ног, это не вершина аскетизма, можно не уходить, а *отходить,* любя и преображая природу. Может быть, аскетизм самоотвержения при неудаче своего выполнения и является источником самомнительного и резкого разделения материи и духа, мира будущего и здешнего. Напротив, аскетизм моего понимания — это есть то состояние, когда говорят: «Человек отходит». Можно ребенком открыть глаза и начать отходить от мира,

оставляя за собой след преображающей деятельности: это, наверно, и называется путем святости, ведущим к свету из тьмы, к радости.

12 апреля. Вечером приехал в Малеевку [5].

13 апреля. Начал работу над рассказом «Голубая стрекоза» [6].

14 апреля. Бывают люди, с колыбели почти струится из них поток любви и не разливается, а упирается во что-то, и эта пóмеха становится плотиной, и река любви превращается в стоячую воду, украшенную чистейшими белыми лилиями. И бывает у таких людей, вдруг время ли придет или жданно-желанный, и вдруг плотина рушится, и вся вода сразу бежит. На меня это очень похоже, да, я такой, и знаю, у русских этого много, много...

15 апреля. С вечера моросило, и наступило серое весеннее утро. Пришла наконец желанная неделя весны воды, токует тетерев...

17 апреля. Я считаю для советского писателя современной темой не только самый факт строительства или обороны страны, но и создание в душе нашего советского человека той радости, того праздника жизни, с которым легко и строить новую жизнь, легко, если придется, и умирать за нее. Напряжение сознания современного человека при массовой мобилизации его для творческого действия до крайности нуждается в том соприкосновении с землей, из которой мифический Антей черпал свои силы.

Я всю жизнь свою занимаюсь пропагандой этой идеи, почерпнутой из опыта собственной жизни. Я создаю поэзию природы не такую, как понимали ее эстетические поэты XVIII века, а новую, всем доступную, постепенно приближаясь к образцам народного творчества... Я сам глубоко убежден в том, что моя *природа* есть и школа жизни, и праздник, необходимый для рабочего, чтобы строить, для воина, чтобы бороться. В мои годы исчезает всякая охота к славе, к самообману, стяжанию, я чувствую *современность* не как заданную тему, а как свою родину в себе самом совершенно так же, как чувствую тело свое и кровь [7].

26 апреля. Снег валит и валит. Коты дерутся на крышах, оставляя глубокие следы. Но снег сейчас же вновь закрывает их...

Надо бы ехать на охоту в Малеевку, но снег, и не хочется. А бывало, раньше я обращал ли внимание на снег?

Люди не любят объяснять события общественной жизни глубокими причинами, но глубокие причины действуют, и вот отчего все выходит как-то не совсем по-нашему.

27 апреля. Всех птиц я разделяю на два класса: один класс — это птицы, живущие в зависимости от человека, и другие — независимые. Разные птицы бывают, и по-разному к ним [относятся].

Сколько птичек на свете, столько и у нас в ответ им разных чувств в своих оттенках. Дятел вызывает во мне чувство уверенности и независимости. Лес горит — он долбит. Лес рубят — ему хоть бы что: долбит. Он похож на тех, кто сказал: помирать собирайся — рожь сей.

28 апреля. Я опоздал к воде, все лесные ручьи сбежали в реку, и по реке вода ушла в далекое море. Теперь река спокойно и величаво идет в своих берегах.

Я к весне опоздал и чувствую, что все богатство, какое рождалось во мне когда-то весной, сбежало ручьями в одно сердце, широкое, как море, и все, что рождается во мне,— все сбегается рекой в это море-сердце. Ничего со мной необычайного не случилось: моя река вошла в свои берега.

29 апреля. Великодушное отношение к прошлому, с отбором лучшего и благодарностью, с забвением дурного — вот залог движения вперед. Во мне есть особенно сильное чувство благодарности к месту, где я жил, прямо к самому месту, к оврагу, к дорожке, к дереву, стерегущему на поле вход в лес, к запаху коры, прелой листвы. Вспоминая это, я забываю неприятное.

Еще не приподнялись зеленые лепесточки у зимующих трав, приплюснутые толщиной снега тройные листики земляники лежали, не смея подняться, когда и снег сошел. Только на высокой кочке, на ее макушке, где горячие лучи солнца хорошо пригревали и ветерок сдувал влажные пары, одна земляничка стала подниматься на длинной своей ножке.

Возле дороги среди зеленеющей озими виднелись в маленьком овражке остатки снега, зеленеющие ряды озими были все кривые, еще не закрылись огрехи человека и лошади, и как будто все поле расписывалось неуверенной рукою ребенка.

Всюду обсохли следы вчерашнего дождя, только блестела каплями одна немолодая березка при дороге. Это проезжий сломил с нее прутик, чтобы подстегнуть свою лошадь усталую на грязной дороге. Теперь из поломанных веток капал березовый сок, разбегался по сучкам, останавливался каплями на конечных острых зеленеющих почках. Живительный сок, нагнетаемый корнями, вытекая

из ран, разукрасил все деревцо бриллиантами, и оно далеко сверкало среди волнистых зеленеющих полей.

Слава богу, мне в церковь не нужно ходить: все лучшее, что люди в церкви находят, дано в нерукотворной природе. И когда мне надо молиться, я замираю в лесу, так затихаю, так притаиваюсь, что вижу, как поднимаются прижатые зимой травы, слышу, как трескается почка и как, прыгая, шлепается первая проснувшаяся лягушка. Я все это собираю и приношу на жертвенник мой, где я сам расту, сам живу, сам, как травы, поднимаю слои слежавшихся надо мной прелых листиков. Сегодня я молюсь и прошу, чтобы мне было легче подниматься и расти, легче было в тех усилиях, которыми приходится поднимать на себе тяжкое прошлое. Я не потому прошу легкого вместо тяжкого, чтобы скорее выпрыгнуть, раньше всех показаться на свет, а только для того, что, истратив много труда, начинаешь переоценивать свое значение, гордиться перед нижестоящими, и питать зло к вышестоящим и легко вырастающим. Я прошу:

— Улыбнись мне и сдунь с меня, желтенького, старые тяжелые листики... Вспомни, сколько раз соблазнялось сердце мое и сколько раз оно не пошло на соблазн.

6 мая. Весенний довольно теплый день: можно надеяться, что наконец-то распустятся деревья. Появление героев: детский зеленый шум.

8 мая. Мудрость — это ведь существо женское, и нужен ребенок с вечными вопросами, чтобы из недр материнства поднимался ответ. Мудрость, как спящая красавица, ее пробуждать нужно.

12 мая. Радость и жизнерадостность — две разные вещи.

Шаг не слышен, сердце не стучит, глаз утешен голубым сиянием неба сквозь стволы неодетых деревьев, благодарное сердце узнало возлюбленную в первой лимоннице-бабочке, в первом желто-лучистом цветке, в переплеске ручья и золотой сережке ольхи и в раскидистой песенке зяблика на вербе.

Я слышу шепот возлюбленной, нежное прикосновение и такую уверенность в правде этого моего бытия, что если бы сейчас приблизилась смерть, я бы, мне кажется, нашел в себе силу приблизить возлюбленную и, обнимая ее, безболезненно сбросить ненужное мне больше тело.

Вот оно как будто и случилось, и во мне, в моей безмерной радости полного обладания нашлось даже место для

маленькой грусти о вечном обмане, в котором находится смерть: ей хочется добыть себе прекрасную человеческую душу, а вместо этого, как злую насмешку, она получает безобразно измененные, достойные только червей останки того, чем был на земле человек.

В обмане, полагаясь на мощь своей собранной жизнерадостности, находятся почти все мужчины, устремленные к женщине. И почти в каждой женщине таится страшный обман, возвращающий самообольщенного к своему ничтожеству.

14 мая. Всякая слабость мужчины в отношении с женщиной должна быть оправдана силой действия (мужества): и в этом вся диалектика Мужчины и Женщины.

16 мая. Все весенние цветочки и каждый зеленый смолистый лист просят нас об одном — о защите. И если мы хотим наслаждаться счастьем весны, которое они все приносят с собой, мы должны идти на войну за свое любимое и быть готовым, любя, умереть. Все эти цветочки новой весны тем и прекрасны, что пробуждают в нас лучшие силы в борьбе за любимое.

18 мая. Придет время, когда кровью будут писать, а не чернилами.

19 мая. Можно в горе от-ходить, спасая только себя, но можно в горе у-ходить, унося с собой все ценное, спасая его не для себя, а для всех.

27 мая. «Естественная» любовь родителей к детям, эгоистическая эта любовь неминуемо должна вернуться от детей к родителям как горе, если только в любви к детям не содержится высокого руководящего идеала.

Пришло время, когда прямо на глазах без всякого промежутка ночной темноты утренняя заря хоронит вечернюю...

Вот почти июнь, а деревья, как в конце апреля, только-только распускаются.

13 июня. Пусть в литературе и слыву я за мудреца,— там это возможно: ведь и вся литература «слывет». Но как человек я еще на полдороге, какой я еще человек, если терпеть не могу больных, и не страдал за болезнь любимого человека, и не видал в лицо его смерть. И даже только думая об этом, содрогаюсь от страха, и жизнь *после того* мне кажется истощенной и ненужной.

15 июня. Едем в штаб управления пионерскими экспедициями. Скажу им, что завидую им, потому что наше детство проходило печально. Скажу, как мне самому без

всякой помощи пришлось прокладывать путь в природу. Как я убежал в Азию. Теперь я убедился, что моя природа мало имеет общего с той природой, которая находится в руках биологов. Они учат, что если вы узнали воробья, то и всех воробьев. А я, что все воробьи разные, и каждый из вас может открыть своего воробья. Моя наука есть наука родственного внимания: своеобразие каждого существа. Эта наука привела меня к искусству слова, а искусство слова — к родине. И я понял, что природа есть родина. Я завидую вам: я должен был сам это открыть, а вам показывают и дают. Но зато много дано вам, много и спросится, так и знайте.

18 июня. Так вот прошло почти 40 лет литературной деятельности, а я в глубине себя все еще сомневаюсь, оплатил ли я свой аванс, и без этого чувства неуверенности в праве на существование, как-то и не могу жить. И теперь, как 40 лет назад, каждый рассказ свой отправляя в редакцию, в глубине себя одеваюсь в рубашку сомнения. Но она прекрасна, эта рубашка, она соткана из крови и нервов настоящего артиста...

И когда я нахожу в себе это сомнение — я артист.

21 июня. Вчера по приезде, в лесу, с какой радостью встретили меня друзья мои, и особенно свечки на соснах, как будто прямо шептали, узнавая и спрашивая: друг мой, где же ты пропадал?

А цветы! Все цветы от жарких дней встали, как мертвые воскресли: фиалки — первые цветы и бутоны ландышей сошлись с мячиками одуванчиков, ранние весенние цветы сошлись с летними: черемуха — начало весны — сошлась с концом ее — цвела сирень.

Война (4 утра 22 июня). Ефимов, механик, сын хозяйки нашей в Глухове [8], сегодня около двух дня вылез из клети и сказал: «Знаете или не знаете?» И, увидев, что не знаю: «Сегодня в 4 утра фашистская Германия» и проч. И все полетело...

Первое было, это пришло ясное сознание войны, как суда народа.

Еще подумалось о причинах, что, вероятно, Гесс договорился с англичанами и они согласились мириться за счет России, если немцы сумеют свергнуть коммунизм [9].

23 июня. В Малеевке ждут с волнением вестей по радио. Включают поверку времени, и часы в ожидании кажутся, будто это время шагает. Но мало было вестей, почти ничего.

24 июня. Читал речь Черчилля о нападении на Россию Гитлера и не поверил искренности, как, наверно, у нас

и никто не верит. Думаю, что Гитлер войной с Россией хочет заработать себе мир с Англией. А впрочем, как и в 1914 году, чего-то мы не знаем.

25 июня. По радио передавали глухо о больших сражениях.

Из Москвы вести: река женских слез. И скоро с фронта, река мужской крови. Расставаясь, плачут даже и молодые парни этими женскими слезами: прошибает мужа и на время он становится женщиной, и в этот момент будущее геройское дело кажется маленьким.

Уложил две перемены, нож, вилку, ложку, еще кое-что, простился, глянул в последний раз на дымок, на две березки, и эти березки пошли с ним и остались в сердце до смерти: в последний миг расставания с жизнью в несказанной красоте и доброте станут перед ним эти березки.

26 июня. Весть о войне всех ударила в лоб и всех оглушила, и вот пятые сутки уже мы хотим прийти в себя и не можем. Смутные дни. Но сегодня, на пятые сутки, кто-то сказал: «А если немцы вот уже пятые сутки не могут продвинуться, то, значит, трудно». И вроде как бы зашевелилась надежда на спасение. Слова о доблестной Красной Армии получили живой смысл.

30 июня. Мы должны победить...

Всех ободряет, что началась вторая неделя войны, а немцы не движутся лавиной, как думали. Является надежда.

1 июля. Терпеливо, честно ориентируюсь на нашу победу, доверяя жажде жить нашего народа.

Государство — «большое хозяйство», семья — малое хозяйство. Россия из кустарно-лично-семейного состояния приведена была выбраться в большое хозяйство (большевики). Поэтому большое хозяйство поглотило целиком малое хозяйство. Такой быстрый переворот был необходим, чтобы догнать, а догнать и перегнать было необходимо, чтобы защитить идею коммунизма.

После смерти человек будет тем, к чему он при жизни стремился.

Рожь еще не цветет и легкими колосками своими тянется вверх, каждый колос в росте своем стремится обогнать другой, и все разные, гиганты и зажмуры состав-

ляют богатое поле. Берегу в себе способность радоваться творчеству жизни и отгоняю всеубивающий вопрос, кому достанется это зерно.

Когда-то смешная сторона немецкого национального характера теперь складывается как ненавистный образ врага. И хочется им «утереть нос».

3 июля. С некоторым трудом под вой женщин, провожающих военные эшелоны на каждой станции, добрались до Москвы. Единственный признак событий в Москве — это люди с противогазными сумками. Пожалуй, еще сокращенное автомобильное движение. Сговаривался с Емельяновым [10] об оборонном сценарии.

Ночь душная. Москва без огней с высоты моего этажа, как темная курящаяся гора пережигаемого угля (угольница). Только наверху сияет пролысинка со звездами, все остальное небо в хмаре и сквозь хмару сияние мутное бесформенного месяца. Ляля, увидев такое небо, сказала: «Сегодня ночью будет тревога». И не могла уснуть долго, а когда забылась, то вдруг пробудилась и сказала: «Тревога!» Вслед за этим завыла сирена, и в радио голос сказал: «Тревога!» И в дверь ударили кулаком: «Вставайте, тревога!»

Мы не спеша вошли в подвал и сидели в нем 1 час, с 2-х до 3-х, сонные, без всякой тревоги.

4 июля. В три утра вышли из бомбоубежища, было уже светло. Приходил N и говорил мне, что люди у нас заметно изменились к лучшему: всех объединил страх за родину.

Сегодня о Минске ничего не сказали, но было о Березине, что немцы форсируют реку, значит, это было ударом.

5 июля. Отправил в «Правду» «Моему другу на фронт».

Встреча с Рыбниковым [11]. Рыбникову дорога Третьяковка, и, укладывая картины с другими художниками, он нажил себе уверенность и решимость не давать сокровищ русской культуры немцам.

Весь народ поднялся.

Плачьте, женщины! Лейте слезы, как можете: ни одна слеза ваша не пропадет даром. Я знаю по себе самому: именно эти слезы рождали во мне мужество. И как? А как дождь, этот небесный плач, поднимает силу земли, так в человеческой душе женские слезы...

[*6 июля.*] 14-й день войны. По замыслу Гитлера в 14-й день должно было им взять Москву, а бои на Берези-

не за 700—800 верст от Москвы... Москва, как и Ленинград, потихоньку эвакуируется, и уверенно никто не скажет, что Москва не будет взята немцами. Но всякий знает, что Россия останется неразбитой страной и без Москвы, а немцы придут в Москву в существе своем разбитыми. Они и теперь разбиты, потому что их расчет был на ненависти к большевикам. В этом они просчитались...

7 июля (15-й день войны). После грозы и ливня вечернего из тумана развертывается славный летний день. Еще кукует в лесу кукушка. Каждый день, прибавляясь к пройденным от 22-го, ложится в копилку русской победы, всякое замедление для немца смерти подобно.

11 июля (19-й день). Мудрость жизни состоит в том, чтобы, сохранив во всей силе свое детское «жить хочется», приучить себя к мысли о необходимости расставания со всем, чем обладаешь, и даже с собственной жизнью. Все, чего страстно хочется,— то вечно, а все, что *собственное,* то смертно.

Очерк в районную газету. Небывалое случилось на памяти нас, отцов наших, дедов и, может быть, даже и прадедов. Я слышал, будто бы в метеорологических записях за 250 лет тому назад не было случая, чтобы в июле месяце под Москвой цвели ландыши! И случись такое за несколько веков до нашего времени, сколько бы суеверий возникло вокруг этого удивительного совпадения редкой катастрофы в мире природы и величайшей войны человечества (двух столь близких народов, немцев и русских, разделенных фактически фашистской теорией).

И вдруг после таких страшных холодов, вдруг жара и такой рост трав, что цвет ландышей сошелся по времени с цветом шиповника... Сила жизни с такой силой вытягивала цветы из земли по направлению к солнцу, что, покосив в роскошном обществе часа два-три, я с удивлением и восхищением отметил везде и во всем перемены и думал о нашем русском народе, сколько вынес он в своей истории холодов, сколько перетерпел и как ему теперь хочется жить. Есть ли еще в Европе другой такой народ, кому так хочется жить? И если такой народ вооружен современным страшным оружием и пуще оружия — организацией, небывалой в истории, то какая же сила может ему сопротивляться? Мы должны победить, и мне кажется, мы уже победили: лучшие дивизии немцев разбиты.

Сколько серых слез неодетой весны скопилось по сучкам, по веточкам и почкам и упало на землю, столько

теперь на тех же ветках и сучках шумит зеленых листиков и столько цветов на земле под березой...

Я вспомнил юношу на платформе с зенитным орудием. Стон и вой и вопль был в воздухе от деревенских женщин, провожающих эшелон на войну. Слезы рекой лились о всех и о том юноше, который сидел и улыбался возле зенитного орудия.

— Он улыбается! — сказал кто-то возле меня.

И кто-то ответил:

— А ты вглядись и пойми, чего эта улыбка стоит ему!

И вот теперь я смотрю на море радостных цветов под березой, на всю эту улыбку земли и сквозь свои собственные слезы вижу победителя — юношу с цветами в руках.

15 июля (23 дня войны). Жаркие безоблачные дни. Скорая уборка сена. Кукушку больше не слышно. Недавно она прокуковала мне жизни 91 год. А мне бы только свет увидеть после войны.

Сводки очень скупые. По всему фронту ожесточенные бои. Мы ждем нашего наступления, между тем как на линии Днепра как будто все замерло.

Вот это самое «сейчас» (то есть «довлеет дневи злоба его») требует от моей совести писателя сейчас, во время такой войны, полной связи своего духа с такой «злобой» в том смысле, что я, как писатель, то есть свидетель нашего «сейчас», давал бы об этом «сейчас» информацию в вечность. Это значит, я должен напрячь все свои силы, чтобы стать на уровне времени.

20 июля (28 д. в.). В чем переменилось в Москве за три недели моего отсутствия за время войны? Ни в чем. Но по внутреннему содержанию перемена большая.

21 июля (29-й день страды). Ночью видел во сне цветы, и все, что я делаю в жизни, показалось тоже цветами, и я стоял вместе с цветами, и коса ходила по нам, и мы падали без крови и стона: в нас было бессмертие и вечность.

22 июля (месяц войны). В 10 вечера, когда еще было светло, прилетели самолеты врага и сыпали на Москву до 4-х утра зажигательные бомбы. Вышли из подвала около четырех, кругом везде были пожары большие и маленькие.

В 6 ч. был у Фадеева. Он предлагает выступить на немецком языке по радио; сказал, что пожилых заслуженных людей, вроде Нестерова, Москвина, Качалова и др., хотят эвакуировать особым порядком и что я тоже могу с ними...

В метро после Фадеева (7 ч. 30 м.) объявили тревогу, и я провел час (до отбоя в 8 $^{1}/_{2}$ ч.) в поисках места на рельсе, прошел под землей от ст. Дзержинская до Кировской. Духота, масса людей в подземелье... чужих людей с общей участью. Пришел домой. Загудели сирены, и мы очутились в кочегарке, потому что убежище было переполнено. Началось светопреставление, перед которым вчерашнее было игрушкой.

23 июля. 31-й день войны. В $^{1}/_{2}$ 4-го вышли из кочегарки, вокруг Москвы кольцом горели пригороды, медленно опускались аэростаты воздушного заграждения.

24 июля (32-й день). Установлено ехать в Заозерье (Переславль), за 160 км. Решено 25-го собраться и 26-го утром выехать.

25 июля (33-й день). Все смотрят на небо. Огромный пожар со стороны Тушина.

4-й день раскапывают и не могут раскопать похороненных в бомбоубежище людей.

Проехал красный семафор, и милиционер меня не остановил: смотрел на небо.

26 июля (34 д. в.). Почему налета не было? То ли что мы на Смоленском направлении немцев пожали (в газетах: разбита дивизия), то ли что была звездная ночь и самолеты не могли в небе укрыться.

Начали собираться в 5 утра, в 7 утра выехали через Сокольники, налили машину в колонке возле Виндавского[12] вокзала и поехали в направлении Загорска.

За отдыхом после Загорска: как много цветов, и вот странно: много бабочек. А почему это странно? И особенно непонятно, почему мы, спасенные, чувствуем какую-то неловкость? Дело в том, что, хлебнув до конца горького вина самой настоящей жизни, самого страдания человеческого и вернувшись на остров спасенья, начинаешь понимать, что война, как теперь, не случайность, война только открыла глаза, что сущность — страдание, это всегда и в благополучии, мы лишь закрываем глаза.

28 июля (36 дней). Солнечные дни, сушь, но прохладные ночи. Милиционер говорил, что в ту ночь, перед которой мы уехали, в Москве опять бомбили, но что на фронте будто бы разбито еще две немецких дивизии. Если немцы отступят, мы поедем в Москву и бомбардировки Москвы будут казаться кошмарным сном. В том-то и состоит обман жизни: кому хочется жить, тот иллюзию считает действительностью, а самую сущность жизни, страдание, понимает как случай, неудачу или даже просто как прохо-

дящий сон. Не пора ли наконец покончить с этим заблуждением.

Слушал радио в сельсовете в 12 дня и в 7 вечера.

30 июля (38 д. в.). Сегодня в полдневной сводке появилось Ржевское направление.

31 июля (39 д. в.). И вдруг открылось, что по радио называли не Ржевское, а Новоржевское, то есть еще более далекое, чем Смоленск.

Приехал из Москвы Женя [13], рассказывал, что с 28-го на 29-е Москву засыпали зажигательными бомбами, что сгорел клуб писателей и разрушены большие дома. Рассказал, что раскопки одних развалин открыли старичка, который благодаря термосу и кило хлеба просидел под кирпичами два дня, был здоров и даже выспался. Еще рассказывал он, что у немцев сейчас нет бензина и танки свои под Смоленском они закопали в землю и ждут.

2 августа (42-й день). Из московских наблюдений. Три дня осторожно разбирали кирпичи разрушенного дома над бомбоубежищем. Тут где-то в толпе таился и Евгений, тот самый неумирающий Евгений, которого Пушкин изобразил в «Медном Всаднике». Три дня, проезжая этим местом, я отрывался от руля, озираясь на страшное место: десятки людей, осторожно работая, разбирали кирпичи над похороненными людьми. Каждый из нас, внутренне содрогаясь, возмущался медленностью работы: третий день!

А на четвертый день, оглянувшись туда, мы увидели забор из фанеры и по забору безумный Евгений стучал кулаком.

«Ужо тебе!» — повторяли мы про себя, как Евгений в «Медном Всаднике».

И тут же искали виновника, кому хотелось бросить эти слова. Мы не были так просты, чтобы все отнести к Гитлеру. Нет, дело было не в Гитлере, а в идее чьей-то, падающей на людей гораздо ужасней, чем фугасная бомба. Ужасная идея «большой войны» заключалась в том, что миллионами истраченных жизней современных людей создать вечное благополучие будущих людей всего мира... Ужасная идея рождалась не как рождается вся жизнь на земле в муках, а выходила из спокойного вычисления Среднего посредством арифметической пропорции: среднего несуществующего, которое *должно* существовать. В этом Должном, выведенном арифметически, и состояла ужасная идея, собравшая над городами самолеты, нагруженные зажигательными и фугасными бомбами.

...А Евгений, который стучал кулаком по фанерному забору и грозил кому-то: «Ужо тебе!» — это была живая личность человека, пропущенная при арифметическом вычислении Должного. Безумец грозил безликому математику Цивилизации, а Пушкин заключил: «Да умирится же с тобой и покоренная стихия». Стихия умирится. Но Мысль? Никогда! Пусть вся стихия, пусть все благополучие человечества, но сокровенная личность будет в себе вечно наращивать «не мир, но меч» и какой-то подзаборный скиталец твердить свою подзаборную молитву: «Господи, помоги все понять, ничего не забыть и ничего не простить!» [14]

3 августа (день 43-й). Не жалко мне было бросить свой домик в Старой Рузе и свою прекрасную квартиру в Лаврушинском. Стал сегодня бриться и увидел впервые, что кожа на моей шее за эти дни начала морщиться, как у стариков. С некоторым страхом я этого ожидал раньше, но теперь мне было не жалко: пусть дом, квартира, пусть шея, пусть все тело, пусть самая жизнь,— не жалко и этого!

Когда нива поспела и колосья согнулись от тяжести зерен,— не верьте колосу, что высоко над нивой стоит: этот колос пустой.

Характерная черта русского народа: очень быстрое, легкомысленнейшее самоуспокоение. Вот уже теперь все бабы на базаре говорят, что в Москве стало легче (Громов [15] прилетел), что вообще война скоро кончится.

5 августа (44 дня). С утра бродил в лесу и думал: «А кто ты такой, человек, имеющий право во время войны бродить без троп в лесу, присаживаясь на пни, и задумываться?»

9 августа. Обсуждаем вопрос, где нам зимовать: здесь через три недели мы будем отрезаны непроезжими для машин дорогами. Не в Переславль ли перебраться?

Наступает время суровой борьбы за спасение жизни, и надо быть вполне готовым к возможности самого «худого конца». Я буду считать подвигом, победой, великим счастьем, если я в результате борьбы за жизнь напишу свою Песнь Песней.

Ночью мне так было, что какая-то очень тонкая пленка разделяла меня от ясного сознания, понимания современной мировой борьбы. И мне казалось еще, что я должен сделать усилие и могу разорвать эту пленку.

12 августа. В 8 утра выехали из Заозерья в Москву через Переславль, имея в виду найти возле Переславля место, более связанное с Москвой. Решено переехать в Усолье.

13 августа. Вечером выехали в Переславль с тем, чтобы ночевать на Кубре [16], а утром выехать чуть свет и приехать в Москву в 8 утра. Так и сделали. На Кубре ночевали у стога сена с погонщиками эвакуированных из Белоруссии стад. Узнали, что взят Смоленск. Погонщики наняты на 10 дней, но гонят уже 28, босые, измученные люди. Их семьи остались за эти дни по ту сторону фронта.

— Родина, а где родина?

— Так, милый, нельзя думать,— сказал я,— что если моя деревня взята, значит, взята и родина.

14 августа. Рассвет на Кубре, и как хорошо умылись. В Москве по радио люди впервые узнали то, что мы узнали от погонщиков стад, и это их пришибло: Смоленск взят. Бомба в нашем доме.

15 августа. Пробовали ночевать в метро, до тревоги туда не пустили, вернулись в Лаврушинский. Небо в тучах и «зарницы» играют: это значит, под Москвой воздушный бой, совсем как «воробьиная ночь». В два ночи самолеты врага пробились в Москву, и мы спустились на 1 час в убежище.

16 августа. В 5 $^1/_2$ ч. выехали из Москвы. Ночевали в Двориках.

О. Л. Кардовская [17] в Переславле сказала, что Смоленск взят обратно.

20 августа. Заозерье. Складываемся, чтобы завтра (21-го) уехать в Усолье. Пошел к повару за веревкой, спрашиваю:

— Правда, что Смоленск взят обратно?

А он:

— Не верьте, М. М., Вязьма взята.

Чувствую для себя необходимость самому подняться и взяться за дело, поднять на высоту внутреннюю жизнь.

Нет спасенья теперь в одиночестве. Чувствуешь себя, как рыбка на сковороде: пусть все далеко и за сковородою ничего не видно, все равно же чувствует рыбка на сковородке, что жарится, и не все ли ей равно, кто ее жарит.

Из московских впечатлений самое главное, что известие о падении Смоленска всех придавило, все об этом думают, и дума из человека незнакомого высвечивает как бы нимбом. Сытых и самодовольных вовсе не видно, и заметно очень, что средний человек стал лучше.

Подходят решительные моменты в нашей судьбе, и скоро все определится.

23 августа. Прошло два месяца войны. Враг на пороге у всех жизненных центров страны. Простые люди ждут переворота («Минина и Пожарского»).

Утешение наше бор, в котором сосны как встретили однажды восход солнца, так и остались такими навсегда горящими свечами.

Так росли и росли сосны выше и выше, роняя отжившие сучки, поднимая выше и выше зеленые головки. И когда зеленые кроны одной сосны сходились с другой, то каждая отвертывала сучки свои назад и пропускала другую к свету. Но были две сосны, они росли не близко друг к другу и сучков своих не отвернули. Что-то случилось в природе, может быть, буря, и сосны эти сошлись кронами. И во всем бору только и были эти две сосны такие, что сошлись кронами и слились всеми своими сучками в одну, и жили две сосны, как одна.

24 августа. Осматривал с вышки Берендеево царство; пришел старик-пожарник и, оглядев сверху торфоразработку, сказал:

— А бояться неприятеля может только тот, кто не бывал на войне.

27 августа. Сосны сквозь туман встречают солнце, и мы тоже рано встаем из-за того, что вечером нельзя огня зажигать и приходится рано ложиться. Надо подумать о светомаскировке.

29 августа. Людей хороших гораздо больше, чем нам об этом говорят и чем мы сами об этом думаем тайно: мы боимся это сказать себе вслух, как боимся оставлять неприкрытым для общего глаза свое тело. Когда я начинал писать «Кащееву цепь», эта мысль была у меня руководящей, как протест пропаганде вражды. Это был очень острый момент борьбы, и вот теперь я возвращаюсь к тому же: значит, наступает очень острый момент в жизни страны.

5 сентября. Наша индивидуальная смерть чрезвычайно редко совпадает с концом дела всей нашей личности или торжеством нашего бессмертного начала.

Нет, я не могу предвидеть ясно настоящего морального конца в этой борьбе народов и свое трепетное ожидание большого Конца, как большого и последнего Суда, передаю, мой друг, тебе, если ты останешься жить после меня.

Мне теперь кажется, будто мы с тобой по океану на двух льдинках плывем, моя поменьше, твоя побольше, моя

раньше разобьется, и я должен тебе поручить себя после моего неизбежного физического конца, а ты, когда сама разобьешься со своей льдиной, попытайся нас поручить следующему носителю, как один поток, сливаясь, поручает другому свою воду нести в океан...

Так и прими это, что не переживу этой борьбы народов до ее морального конца, ты же подвинешься туда ближе, и я, зная неминуемый конец мой, поручаю себя твоему продолжению.

Меня мучит, друг мой, что я уйду из жизни, не сказав какого-то необходимого слова. Нет, я, конечно, не знаю того большого человеческого Слова, которое как поперечная линия пересекает линию природы.

Слушай, друг! Я тебе уже говорил, что будто я сейчас по океану на льдине плыву, и больше того, днем и ночью, пока не сомкну глаз, я теперь слышу шорох этой льдины своей, теряющей ежеминутно твердые частицы свои в теплеющей воде Океана. Скоро, вот-вот придет моя последняя весна, и льдина моя сольется со всей водой, огромной водой, стихией, подчиненной совсем иным законам, чем наша мораль человеческая. Меня охватывает безумное желание создать тот Конец своим книгам, который станет перед тобой, тоже плывущей на льдине, как остров достоверности.

8 сентября. Выехали в 7 утра и в 12 дня приехали в Москву.

Со всех сторон в Москву бегут добрые вести: мы взяли обратно Оршу, Гомель, Днепропетровск.

10 сентября. Жизнь повернулась к нам такой своей стороной, когда поэзия Пушкина, Тургенева и даже Льва Толстого почему-то неприятны, и хочется читать Гоголя, Лермонтова и Достоевского. Почему это?

14 сентября. Вот если теперь явится то настоящее Слово, выстраданное и заслуженное, тогда в нем самом будет достаточно силы, чтобы постоять за себя.

Как писатель я теперь должен быть во всей собранности внимания к жизни людей, ходящих в ожидании Слова. Наступает величайший момент жизни народов, когда именно и совершаются чудеса.

15 сентября. С трудом улавливаю отзвуки смысла всего существующего где-то в недосягаемой глубине души.

Ошибки сверхчеловека: жалость сама по себе недостаточна для дела любви, и культивировать ее, как таковую,

вредно, но жалость есть составная часть любви, и без жалости (скрытой) любовь невозможна. При слабости любви обнаруживается жалость,— бессильная любовь. Точно так же и сила, скрытая в любви, когда любовь оставляет человека, превращается в насилие. Так что и жалость и насилие — одинаково могут быть продуктами распада любви.

17 сентября. Вчера видел на дворе грузовик с отъезжающими на фронт. Их поездка на фронт была мне завидна. У них варилось какое-то общее дело, они были вместе. Что бы там ни говорили, но фронт счастливее нынешнего тыла, озабоченного, полуголодного, осыпанного бомбами и в ожидании эпидемических болезней.

19 сентября. Иногда, очнувшись в лесу от своих мыслей, я как бы выгляну из себя и вдруг увижу вокруг деревья, цветы, травы, птиц, муравьев, как существ живых, самостоятельных. В особенности молодые сосны или березы, расставленные где-нибудь на лесной поляне,— глянешь на них из себя и вдруг увидишь в каждом свою судьбу, свою борьбу. Тогда открывается в душе родник радости жизни, чистой, святой и страстное желание прийти к людям, не понимающим этого, и открыть им непостижимые сокровища жизни, скрытые от них суетой, пустяками.

Всю жизнь как писатель я только и делал это, что пытался своим искусством открыть этот мир сокровищ для людей. Возможно, что каждый художник делает то, чего я хочу, но мне кажется, что художник на то и художник, чтобы делать и не знать, что он делает. Я же, возможно, как художник очень ограничен, но зато я знаю, что я делаю, и это мое знание делает мое искусство драгоценным, и вот почему люди, привыкшие ценить в искусстве лишь красивость, а не знание и волю, не скоро меня поймут. Это видно по книге «Жень-шень», с каким священным восторгом ее читают немногие и как равнодушны к ней массы читательские. Видно и по тому, как встретили мою «Фацелию»; я хотел открыть мир, за который надо вести священную войну, а они испугались, что открываемый ею мир красоты в природе помешает обыкновенной войне [18].

20 сентября. С $^1/_2$ 12-го до $^1/_2$ 2-го ночью была стрельба и тревога, но я пролежал в кровати,— это первый раз за все время. Начинаем привыкать.

22 сентября. А между тем живая жизнь продолжается, и дом, в который попала бомба и похоронила под кирпичом людей, теперь опять поправляется: кирпичи разобрали, кое-кто остался живой — освободили, убитых похоронили, и опять ходят автомобили с кирпичами и строят дом новый.

27 сентября. В Переславль я приехал в 7-м часу, а по пути в Усолье в темноте мы застряли в грязи у дровяного склада.

Часа три провели в грязи и приехали к 10-ти вечера. Нас встретило тепло и деревья, и впервые мне так ясно было, что души у деревьев горячие. Я даже подумал, что, может быть, эти несчастные люди, изгнанные из городов, прикоснувшись к земле, почувствовали дыхание жизни другой.

28 сентября. Есть что-то убедительное в этих словах, когда кто-нибудь говорит: «Никуда я не уеду, а буду оставаться там, где жил». Убедительность получается от продолжения этих слов в каждой душе в смысле: «Надо быть ближе к себе самому и не искать спасения извне».

1 октября. Стесненный и даже почти что задушенный, вышел я в бор, там в холодном свете золотистой зари сосны горели. И мне стало жутко стыдно за себя, за свое существование, и ненавистны мне были написанные мои бумаги и этот ежедневный труд, в котором я похож был на червяка, ползущего с целью оползти неизвестно зачем земной шар. Страстно захотелось уничтожения себя как писателя и начала жизни совершенно простой, как у всех. Мне захотелось потихоньку от Ляли перетаскать сюда, в лес, дневники свои и спалить все, и не писать ничего нового до тех пор, пока с потребностью писать станет невозможно бороться. От этой мысли освобождения себя самого из плена писательства мне стало делаться лучше и лучше, пока, наконец, не кончилось все простой мыслью: «При чем тут дневники, если, может быть, и сам-то скоро умрешь: ты здоровей этой мыслью, что и так само собой, без шутовства всесожжения кончишься и не будешь чувствовать себя червяком, оползающим землю. Стань в этом свете неминуемого костра своего, как стоят эти сосны в свете золотистой зари, и подумай про себя, совсем про себя на корне своем в неподвижности полной: «Разве что-нибудь значит для тебя такого этот ничтожный червячок, этот ты, кого-то из себя представляющий».

Так я прислонился к дереву, слился с ним и мало-помалу стал совершенно спокоен. Мне даже пришла в голову отличная мысль о том, что вот этот выворотень можно подрыть и опрокинуть в то положение, в каком росло дерево. Если же перед тем, как опрокидывать, вырыть яму, обложить кирпичом, процементировать, то можно отлично спрятать тут вещи свои и дневники.

3 октября. Неведомым морозиком обожгло листики черники и голубики, они покраснели, а лиловый вереск побелел.

С утра до ночи движутся мимо наших окон эшелоны эвакуируемых из Калининской области колхозных стад.

4 октября. По существу, жизнь состоит из двух сил, называемых в общем любовью: одна сила — это любовь рождающая (родовая сила), другая — любовь образующая (сила личности). На одной стороне — роды, на другой смерть, роды в смерть и смерть в бессмертие.

Если мне суждено написать 3-ю книгу «Кащеевой цепи», то она будет состоять из двух частей: первая часть — какой хороший мальчик родился, и вторая: что из этого мальчика вышло в бессмертие. Вот и все.

7 октября. Наступает страшное время, надо собираться на борьбу самую грубую за жизнь и самую тонкую — за смысл ее.

9 октября. Гоголь силою слова хотел связать нечисть, чтобы освободить от нее красоту и добро. Он этому делу предался с такой силой страсти, что его образы стали живыми существами, как будто автор вывел этих жителей тьмы на свет, и они вынуждены были во всей наготе своей остаться между людьми.

11 октября. Говорят, что немцы под Можайском.

Теперь, если только буду жить как писатель, я, наверно, от природы приду к человеку и напишу 3-ю книгу «Кащеевой цепи», как вещь самостоятельную.

14 октября. Заря желтая холодная, непокрытая снегом земля зябнет, и даже любимые зубчики леса, расположенные пилкой на фоне зари, не говорят ничего моему сердцу.

Объявлено: Вязьма взята. А говорят, что взята она в среду, и немец теперь под Можайском, а то и ближе еще...

16 октября. Собрались к 10-ти утра и выехали в Москву... это путешествие в Москву теперь представляется мне, будто я выхватил из мировой жизни какой-то полный день...

Автомобиль при потере на горе руля падает в канаву, как подстреленный самолет. Наша машина сорвалась и стала в канаве за телеграфным столбом... огромное двойное колесо, я прыгнул и соскользнулся, колесо надо мной, голова как арбуз. И вслед за тем удар одной машины о другую...

Все живы...

[*Переславль.*]

19 октября. События: заняли Дмитров, Клин.

20 октября. А. Н-ч. [19] отказался ехать и остается, и весь медицинский состав Москвы отказался эвакуироваться: это единственный честный, здоровый и целесообразный поступок: помощь нужна и в осажденной Москве. Это вышло докторам из самой сущности их честного дела.

Архивы: у нас в доме не было топлива, а теперь оказалось, все радиаторы горячие и в ванне горячая вода. Топливо явилось от архивов, дворники на тележках везут домовые книги, смеются: единственно ценный продукт жизни «слово» уничтожается, а я, личность, с величайшим риском для жизни, выхватываю свое «слово», а я берегу, пусть не Слово, пусть словечко, а все-таки ⟨...⟩ я берегу.

Обратная поездка на этом чувстве и основана, удастся спасти архивы, и риск жизнью будет оправдан, нет — мы сделали ошибку.

21 октября. Для нас, художников, нет ничего враждебнее, как отношение к живым существам на основании общих для всех них признаков, что все чирикают и все клюют.

Открыл занавеску, загасил лампу. В бору еще остался, как весной, пятнами снег и основания деревьев окутаны белеющим паром. Невозможно бы узнать, весна это или осень, если бы не память и особое чувство осенней принижающей безнадежности вместо весенней подымающей бодрости.

Мы теряемся, как стволы деревьев в тумане, перед грядущим, возможно, ужасным и унизительным. Особенно всем жутко вспомнить, что в программе фашистов будто бы есть цель уничтожения славян...

Пусть, пусть! Только бы поскорее открылась завеса, скрывающая от нас правду той стороны. И вот мне чудится, что как бы ни был немец велик своими победами, меня лично и вообще личного русского ему никогда не победить. Пройдет немного десятилетий тесного соприкосновения русских с немцами, и скрытно умный стерегущий глаз русского человека, устремленный на немца, заискрится внутренним смехом.

22 октября. Земля открылась, и опять все пахнет лесом, сосны, брусника, палый березовый лист. Все события человеческого мира затихли в пространстве. Полная тишина, и вот в этой тишине ворона, приняв таянье зазимка за весну, выразительно по-весеннему крикнула. Для челове-

ческого смысла это не был звук надежды, но вспомнилось далекое прошлое, когда при этом крике вороны ранней весной являлась зеленая надежда на жизнь в каком-то светлом зеленом царстве.

Вот и хочется, чтобы не в землю, а людям пошла моя жизнь. Но какая может быть надежда на то, что проповедь любви найдет себе место во время войны?

23 октября. Вчера целый день повторялась пушечная стрельба в направлении Калязина, но точно сказать, где теперь немцы, никто не может: газет нет, радио какое-то случайное, слухи строятся и по немецкому и по русскому радио, всяк сочиняет, как может.

В Москве объявлено осадное положение чуть ли [не] на другой или на третий день после нашего отъезда. Въезд и выезд запрещены.

Взят Таганрог. Мы надеемся, что через нас фронт не пойдет, и мы [не] окажемся внутри кольца.

Знаменитые свои тетрадки, спасенные из пожара в Брыни [20], решившие судьбу мою во время Мамонтова в Ельце, теперь я заклеил в резиновые мешки. Мы весь день сегодня заклеивали в мешки и забивали в ящики свои вещи.

24 октября. Сегодня с утра летит снег и тает. Ходил осматривать лес, где бы можно было устроить вещи. Слышалась отдаленная артиллерийская стрельба. Германские листовки предлагают живущим на шоссе дней на 5 оставить жилища и перебыть в соседних деревнях.

26 октября. Пробовал Гоголя почитать, поэта самого глубокого, и даже в его глубине теперь не мог найти поэзии, возмещающей жизнь, и все казалось при чтении, что нет и не может быть такого возмещения, и если будешь стремиться писать по-серьезному, то всегда с поэзией будешь сбоку припеку. Так что для поэзии есть показание времени, и вот чем объясняется, что даже Ляля, принявшая на себя теперь долг ухода за матерью и за мной, зло передергивается, когда я иногда пожелаю сказать что-нибудь на литературную тему.

27 октября. Каждый день с утра до вечера слышен бой под Калязином все на том же месте. Начались тяжелые вечера за одним столом при единственной лампе.

28 октября. Скорее, скорее проходите, пролетайте, исчезайте эти дни ужаса в пустоте!

29 октября. Хозяин наш 44-х лет получил повестку идти

на фронт, и все вообще мужское население выбирается: сегодня для всех женщин наших тяжелый день.

31 октября. Только теперь, когда сам я превратился в букашку, я понял, почему я с таким родственным вниманием всегда разглядывал маленькие живые существа в природе: я им сочувствовал, предугадывая возможность и неизбежную необходимость моего собственного перевоплощения в такую мировую подробность.

Сегодня открылось Тульское направление и верные слухи пришли из Москвы, что немцы сыплют бомбы, а мы строим баррикады и копаем на площадях рвы.

1 ноября. В «Фацелии» намечена, но не раскрыта тема первенства жизни перед искусством, то есть такого высокого состояния духа, в котором искусство является средством, пройденным путем (как ожидание друга и самый друг).

2 ноября. Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне хорошо на душе. Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс,— и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку Игореве». Но вот оно «Слово» лежит, и я знаю, по Слову этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а Словом все делается.

3 ноября. Угроза жизни, как туман, висит в воздухе. Весь день с утра до ночи и ночью слышатся в полукруге горизонта глухие удары.

В таких условиях вчера я начал писать роман «Начало века», который будет делом всей моей жизни, я хочу эту книгу так написать, чтобы весь мир прочел ее.

5 ноября. Вчера вечером приехал Нода [21] и посвятил нас в дела на фронте на подступах к Москве: будто бы на Западном направлении немцы в 30 км от Москвы. Единственный выход из Москвы на Ярославль и на Горький каждый день посыпают бомбами. По-видимому, наступление немцев идет берегом Московского моря на Талдом, и оттуда, вероятно, слышится у нас орудийная пальба.

6 ноября. Мы ездили в Переславль. В Госбанке пытался наладить получение денег и пенсии. Бухгалтер М. С. Троицкий рассказал, как он жил эти дни в Москве: «3 часа живешь, а 3 часа сидишь в убежище». Есть нечего — только по карточкам. Много разрушенных домов, много убитых.

На обратном пути встретили егеря Кирсана с жалкими остатками Завидовского охотхозяйства [22]. Они едут на ло-

шадях с коровами и собаками уже 24 дня (13-го началась паника, все бросили, взяли кое-что и поехали). Едут в Слободку к Катынскому [23].

— Дальше никуда не поедем. Собаки — одни кости. Коровы ревут с голоду.

7 ноября. В «Известиях» напечатали о решительном бое.

Народ ждет решительных действий именно к празднику (сегодня). В связи с этим, с угрозами зимы (сильный мороз на сухой земле), с бомбежкой повседневной, напряжение чувств достигло величайшей степени.

Никто не скажет теперь наверно, перейдет ли он живым через Порог, и в этом особенность нашей жизни.

История мировая как анатомический срез текущего мгновения всей жизни. В этом разрезе окажется налицо и Египет, и Ветхий завет, и все, что мы знаем о прошлом. Это история мира налицо, потому-то, кто хочет, может найти и Авраама, как личность: и до сих пор, сколько хотите! И можете найти тоже и рыцаря, и инквизитора [24].

9 ноября. Вечером вчера приехал Нода, передал нам речь Сталина о том, что «победа за нами».

10 ноября. Речь Сталина произвела огромное впечатление и создала на Болоте [25] внешний переворот, например, Павел [26] стал утверждать, что Москву немцам взять невозможно, что сопротивление немцам будет продолжаться до нашей победы, что вообще «победа будет за нами».

Каждый из них судит мировые события по совести и правде, веруя в то, что совесть и правда для всего мира едины и неопровержимы.

15 ноября. Зимою ведь только хрупкое стекло держит в доме тепло, и при центральном отоплении дом без стекол есть могила. Стекла вылетают от далеко разорвавшейся бомбы, и человек выброшен на улицу. Величайшее злодейство! Но и то величайшее злодейство, что не принимаются меры достаточные против злодейства, и тот злодей, кто знал об этом, молчал и берег свою жизнь, и, может быть, больше всех злодей — это ты сам, не отдавший жизнь свою за необходимое огненное слово.

18 ноября. Говорят, люди в Москве теперь полусумасшедшие. И не мудрено: такой казни массовой, посредством метанья бомб в дома больших городов, еще не было.

Кто первый придумал это и назвал именем *тотальной* войны?

Все еще мерещится какой-то благополучный выход, все думаешь: «Мы вернемся к той жизни, когда издавали книги, читали в обществе повести, путешествовали и могли принимать к сердцу дела иных униженных и оскорбленных. Но ближе и ближе подступает к нам та настоящая тотальная война, в которой встанут на борьбу священную действительно *все*, как живые, так и мертвые. Ну-ка, ну-ка, вставай, Лев Николаевич (Толстой), много ты нам всего наговорил».

Сегодня иней, снег только-только не тает, так тепло для зимы, и такая тишина! Но в тишине беспрерывно орудийная стрельба по сектору Загорск — Талдом — Калязин.

19 ноября. Теперь даже один наступающий день нужно считать как *всё* время. Никто и никак теперь не может сказать, будет ли за этой жизнью в Усолье какая-нибудь другая благополучная. Да если бы оно и пришло то благополучие, то все равно эти дни Суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра Первого и всех нас будут значительней тех будущих дней...

21 ноября. И Слово потеряло силу, и отошло куда-то в молчание. И человек, приставленный к машине, потерял волю и смысл. Так что Слово отвечает не из пулемета: оно поражает своим молчанием. Да и правда, каждый из нас не тем подавлен, что среди белого дня самолет, управляемый мальчиком, снижается и, приняв школу за Исполнительный комитет, из пулемета в окна расстреливает школьников. Или что в центр многолюдного города падает тонна динамита и летят в разные стороны головы, руки, ноги женщин, стариков и детей. Даже и к этому люди привыкают, спасаясь тем, что кого убило, тот не чувствует, а кто остался, тот радуется, что сам уцелел. Не это страшно, а вот страшно всем, что это *можно*, и против никто ничего не может сказать.

23 ноября. Ни газет, ни радио, и не хочется спрашивать у тех, кто слышал по радио или читал газеты: все одна и та же песня о том, что на всех фронтах бои. Изредка бухают бомбы в стороне Талдома, Загорска, Калинина — и все! Мы предполагаем, что немцы устраиваются на занятых местах, закрепляются.

26 ноября. До того хочется мира, что когда утром выйдешь из дома и не слышишь буханья орудий и бомб, думаешь: уж не мир ли пришел?

27 ноября. Стал зарисовывать в лесу и удивлялся себе, зачем я столько лет таскал за собой фотоаппарат. Но, подумав о слове своем, понял, что, может быть, и слово мое тоже переходное искусство и как-то можно гораздо легче и лучше выразить то, что я хочу выразить своим тяжелым искусством. И, может быть, всякое искусство является только ступенькой по лестнице... за верхней ступенькой искусство вовсе не нужно.

29 ноября. Пока не кончится война, как ни бейся, все равно ничего не поймешь. И ничего не поймешь, пока делается, и только уж когда кончится. Так вот и наша личная жизнь: рост сознания нашего связан со смертью. И когда умрет человек, то все бывает понятно.

30 ноября. Утром радио: «Еще одна победа». И мы узнали впервые, что три дня тому назад был взят Ростов и теперь взят нами обратно. За это благодарность Сталина Тимошенке [27].

Ветер гнал меня и подхолаживал спину, во мраке, в лесу при слабой луне трудно было выбирать нескользкое место, иногда ошибался, валился на бок. А бывало, покажется: снег перед глазами ярко осветится, как будто сзади неслышно подкатила машина. Оглянешься — и нет ничего,— и только будто бы вот зайчик мелькнул белый и остановился под темной елью. Смотришь, дожидаешься, не сводя глаз с зайчика, и видишь, как он движется, то ушами поведет, то встанет на лапки, то вперед, то назад, то вбок играет, подпрыгивает. И все это по опыту старому знаешь, что все это не зайчик движется, а тело мое, устремленное к неподвижному белому, содрогается под ударом сердца. Нет, не зайчик, не машина бежит, только верно, что эти глухие удары за лесом — бомба с самолета разрывается, а двойные — это орудия...

3 декабря. Ночью со 2-го внезапная перемена погоды: мягко и снег идет. Где-то будто бы происходит «решительный бой», а здесь наступила полная тишина и неведение.

4 декабря. Сегодня после однодневной оттепели хватил опять мороз. В Усолье прибыло много военных автомобилей и красноармейцев расселяют.

6 декабря. Мороз — 30°. Частая стрельба в стороне Дмитрова — Талдома...

8 декабря. Япония объявила войну Англии и Америке. Значит, теперь все человечество, весь земной шар находится в состоянии войны. Вот теперь настало время прекратить ленивую мечту о скором конце войны и возвра-

щении к привычной жизни. По всей вероятности, нам не перейти эту пустыню, разделяющую нас со страной, кипящей млеком и медом. Но мы будем идти в том направлении, мы должны идти.

10 декабря. С выступлением Японии стало ясно, что война эта не может кончиться случайным сговором на коротенький мир. Война эта может быть очень длительной.

Лес завален снегом, совсем глухой, и все-таки никогда не бухали так сильно, как теперь. Полагаем, что звуки долетают из Дмитрова. Радио скребет и хрипит так, что хоть и не слушай. Газеты местные хоть в руки не бери. От всей мировой войны к нам долетают через глухой лес только выстрелы.

11 декабря. Всегда влюбленному кажется, что такая любовь, как моя, совершается на земле в первый раз. И это и есть сущность жизни (космическое беззаконное состояние творчества). Первая любовь — это когда все люди добрые и все на свете прекрасно. В этом беззаконие, потому что безгрешное состояние, а где нет греха — нет и закона. Это мы, люди, придумали свои законы движения солнца, на самом деле оно беззаконно. И вообще законы всякого рода свидетельствуют: законы нашего общежития — о нашем несовершенстве, а законы природы — о несовершенстве нашего понимания.

12 декабря. Сейчас идет война всего земного шара, потому что в беде, постигнувшей нас, весь мир виноват. В этом и есть историческая задача большевиков — вскрыть язвы всего мира и нужду в спасении сделать всеобщей.

14 декабря. Слухи с фронта благоприятные по радио, и кто-то с фронта по секрету шепнул на ухо, что 20-го начнется наше общее наступление.

17 декабря. Взяли назад Калинин, Елец, Ливны.

Лесник сказал:

— Отступать, так отступать, гнать, так гнать!

23 декабря. Получили свежие газеты, из которых видно, что немцев под Москвой мы с помощью мороза действительно поколотили.

25 декабря. Болит и болит спина, нельзя дров напилить, придется смириться до требования числа лет моего возраста и поручить дрова колоть мальчику. Но слово мое, я это чувствую, зависит от числа, разве только в другую сторону: слово мое становится все крепче в этой борьбе за жизнь всего человека.

1942.

1 января. Солнечно, морозный день, градусов больше — 30. Вечерняя в розовой дымке гаснущая заря. Полнолуние и какая-то планета, похоже на Юпитер, большая звезда с лучами крестом и в нимбе.

Не захотелось дожидаться полночи и «праздновать», в печали и раздумье легли в 10 вечера.

3 января. Ночи проходят лунные в тишине при страшных морозах в засыпанном снегом лесу. И одним, кто вплотную должен бороться с морозом за жизнь, этот страшный лес при луне представляется, может быть, неисчислимыми войсками врага, беспрерывно пускающего свои пронзающие кожу стрелы. Другое дело, когда счастливым победителем выходишь в лунную ночь из своей теплой комнаты и когда я из тепла и в теплой одежде ночью выхожу в засыпанный снегом лес, слышу, как даже деревья громко трескаются от *(1 нрзб.)* мороза, как на тропу мою со скрипом от тяжести опускает перегруженную ветвь свою любимая моя сосна, я, так мало сумевший дать людям, как поэт, из своего внутреннего богатства, теперь смотрю на все это богатство неподвижных при луне белых фигур и понимаю их всех как мои же мечты за всю жизнь бесчисленные, те, которые я не сумел довести до людей...

6 января. Бор шумел, и я думал, вспоминая день охоты, от которого родился «Смертный пробег»: [28] я тогда близко чувствовал ледяное дыханье смертоносного начала, но у меня на этом все и оканчивалось, из последних сил, когда уже больше ничего не остается для жизни духа, я бился за огонь: руки мои были деревянные, пальцы чугунные, спичку ими нельзя было держать, и все-таки я бился, бился, и все мое, вся моя личность ушла на борьбу за огонь, и я победил, и когда победил, то у меня явилось прежнее добродушное отношение к морозу, благодаря чему я в эту же ночь дома, выпивая горячий крепкий чай, написал свой «Смертный пробег».

7 января. Небольшой мороз с легким ветром. Тропу, пробитую мною, наполовину занесло. Не страшно то, что падает сверху: какой-нибудь вершок-два не мешает. Но страшна поземица, которая мало-помалу ссыпает мельчайший, сыпучий снег с краю на тропу, так что самые края, самая стенка тропяного углубления перемещается к другому краю до тех пор, пока от всей глубоко продавленной ногами и лыжами тропы ничего не остается. Я вновь приминал снег молодой на тропе и долго шел зимняком по Блудову болоту.

10 января. Утром началась метель мельчайшими белыми пылинками, рассмотрев которые на темном, я убедился, что и такая пыль состоит из шестигранных звездочек, как два треугольника неба и земли в Неопалимой купине [29].

Вероятно, и пыль поземицы, незаметно для глаза переметающая следы на снегу, тоже состоит из таких же звездочек. И все эти массы снежные, груды, от которых гнутся 50-летние сосны и аркой склоняются до земли березы, состоят из этих звездочек...

Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для того, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника! Ведь нет теперь в такую метель никаких путей, и твой собственный след тут же за тобой заметает. Сколько замерзнет в одну только такую метель живых существ, сколько наломает ветвей, изуродует деревьев. Но придет время, и каждая прекрасная и злая шестигранная звездочка зла превратится в круглую каплю доброты, включающей в себя и красоту: сверху добро, внутри красота, какая сила, а зимой наружу красота, а внутри зло.

11 января. И опять летел весь день снег, но без сильного ветра. Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна. Перебрасывался от этого в человеческий мир, и вся война представилась мне, как болезнь, охватившая все человечество. И пусть вырастут на крови цветы,— не утешительно! Пусть и тут каждый кристаллик зла превратится в каплю добра — не утешительно.

21 января. Если бы только мог современный человек подойти к текущей воде с тем священным трепетом, с каким далекие от нас люди пустынь подходили в палящий знойный день к оазису и припадали страстными губами своими к холодной воде. Сколько наслаждения! Сколько благодарности! Сколько раздумья и поэзии!

А теперь, не пустыню ли мы переходим, не изныл ли наш дух в тоске по живой воде?

Я жду со всей страстью этого чуда, когда каждая шестигранная снежинка всего огромного скопленного зимою зла превратится в радужную круглую каплю воды и чувствовать, как в душу сходит благодать древнего крещения водою и духом.

24 января. — 41° с ветром. Ходил на почту и узнал, что у нас большая победа: мы, промахнув 120 км, очутились на Западной Двине, перерезаны Великие Луки, взяли Холм...

30 января. Снежинки (шестигранные звездочки), падающие с неба, в совокупности своей Mater'ия; падая на

сучки, на ветви деревьев, обнимая каждый изгиб, засыпая каждую ямку, трудятся, чтобы все округлить, все похоронить и над каждым покойником насыпать круглый холмик — могилу. Над этими бесчисленными могилами высится могила могил: небесный свод и в нем с прямыми лучами солнце, отец жизни. Всякое существо живое на земле стремится навстречу солнцу, и так создается рост жизни по прямой: каждая веточка стремится прыгнуть из своей могилки и воспрянуть в движении к солнцу, и вся жизнь в совокупности стремится выбраться к солнцу из-под своей могилы могил — небесного свода.

Снежная материя *хоронит* живые существа с целью их сохранения: под снегом они не вымерзают. И та святая женская материя, о которой я говорил, есть добрая мать.

Хоронят нас все женщины, но одни хоронят, как мертвых, другие, чтобы сохранить.

10—14 февраля. Беседовал сам с собой, да, именно: какой-то Сам беседовал с Собоем. Сам говорил Собою:

— Мне хочется все пережить и поглядеть, как после всего заживут!

— Понимаю,— отвечал Собой,— тебе просто хочется жить, и в этом нет ничего выразительного: каждому хочется выжить.

15 февраля. Целую неделю была метель, а к верхним веткам сосен и елок не только ничего не пристало, но, напротив, от ветра слетело все зимнее богатство, и те мутовки, у которых под тяжестью снега веточки сложились крестом, теперь эти веточки, похожие на пригвожденные руки, поднялись вверх, как будто деревце просит пощады. Комья снега, намерзшие зимой, теперь остались только на более низких ветвях, и тут на них падающий снег нарастает, и обыкновенно ветер, обвевая ствол, образует круглую мисочку. Может быть, скоро от солнечных лучей потекут в эту мисочку капли живой воды. Я тогда не забуду напиться этой воды с верой, что буду участником в создании радости людям, так измученным борьбой.

Свет весной действует так, будто ты выходишь из себя и вне себя уже утверждаешься в той бесспорной радости, которую у тебя никогда не отнимет никто.

25 февраля. Получено письмо от Замошкина [30].

Вы поняли, что я ищу «покоя» (Ваше слово), причем в подкрепление сего Вам подвернулся под руку образ олимпийца Гёте. Нет, я не покоя ищу. Если по правде сказать, то мало бы нашлось из писателей, кто позавидовал

бы моему нынешнему покою. Зимой приходилось, как нищему, из избы в избу ходить в поисках крынки молока, отмахивать по 30 км на своих собственных ногах куда-то за маслом и отвечать на вопрос:

— А что пишешь, небось, ро́маны?

— Нет, не ро́маны, пишу на пяти языках воззвание по радио. Да чего ты ко мне лезешь: ты сам должен знать.

— А ты чего обижаешься? Сколько тебе масла?

И потом с кило масла, с куском тухлой колбасы на своих на двоих опять назад 30 верст. И так далее, и так далее, и в конце концов, отдохнув, радуюсь, что сыт, что тепло и пишу друзьям о великолепии. Может быть, Вам даже и легче дают масло в Москве *(1 нрзб.)*. У нас одно неоспоримое перед Вами преимущество — это картошка.

Так вот, батюшка мой, это скорее похоже, если идеализировать, то на жизнь Платона Каратаева, чем на Гёте. Но должен сказать, что все это, и хлопоты о молоке и масле, о дровах, и мелкие обиды, и все такое, столь Вам известное, ничто перед той основной тревогой, которую приходилось всю жизнь, до последней встречи с другом моим, укрывать не только от «всех», но и от друзей, а то еще хуже — самому от себя 〈...〉

Каюсь Вам, что демонстрация «счастья» своего в литературе, в поведении (охотничьем) вводит всех в заблуждение относительно себя самого в своем «счастье». В этом искусстве скрывать свое горе я достиг такой своеобразной формы «мужества», что 〈...〉 все почитали меня за какого-то жизнерадостного Пана 〈...〉 я не от старого счастья ушел к новому — к новой любви, а пронес через всю жизнь одинокую любовь свою в себе, я нашел наконец ее выражение в другом. И это не благополучный апофеоз, а открывшийся путь духу. Путь этот не на Олимп, подальше от страдающих людей, а к самому человеческому сердцу. Если я пишу о том, чтобы мне найти «покой», то это потому, что я уверен в своем высшем долге сказать людям новое слово о любви, никак не в смысле «счастья», а любви, как о силе, преодолевающей страдание.

26 февраля. Вы пишете: «люди не изживают друг друга... а там на полях сражений»[31]. Как горько мне напомнило это борьбу мою с легионами за мою священную «Фацелию». Не изживают, это и значит, что стоят лицом перед лицом смерти и преодолевают духовным мужеством своим будто бы необходимый конец... Но любовь ведь и есть сила, преодолевающая конец и то, что на полях сражений их не страшит.

27 февраля. Пришел лесничий и доложил, что под Старой Руссой наши добивают 16-ю нем. армию, что положение гер. армий под Москвой безнадежно, отрезано в Дорогобуже отступление и постепенно окружаются, на юге обходят Харьков.

Ужас войны не в этой физической смерти, иногда даже героической и радостной, а в том, как страдают в тылу те, кто их любит, и особенно страшно то нравственное уродство тех, кто затевает войну, руководит и пользуется.

1 марта. Писать только, что должно остаться для других, если же писать, как я теперь, то это «для других» будет очень трудно разыскивать. Принимаю это во внимание в широком смысле, то есть что необходимо осудить вообще мои провалы в свою биографию фактическую, не преодолеваемую творчеством. Это большой вопрос, а пока нужно в записях биографических быть фактичнее, в записях художественных — смелее.

Проверить, действительно ли мои провалы в писании происходят от нескромного самообнажения, выражения словом того, что происходит и должно происходить непременно в молчании. И нет! Понимаю так, что в поэзии все возможно и нет дурных материалов. Провал происходит [от] подмены поэзии, именно подмены и больше ни от чего.

3 марта. Снег идет, снежинки на рукаве. Я думаю о них. Всякий кристалл складывается из прямых линий, но, падая вместе со множеством других, образует круглую форму. Не все ли равно — падает или тает? Тающий кристалл тоже непременно превращается в круглую каплю, и потому она падает. Значит, можно себе представить, что в начале творения мира был создан кристалл какой-нибудь Адамант, который, падая, образовал из себя бесчисленные формы круглых миров. И, значит, наша планета Земля есть одна из *упавших* капель тающего в огне кристалла. И вот почему истинное искусство носит в себе идею вечности и бессмертия: потому что всякая творческая сила искусства есть сила кристаллизации, это сила обратного восстановления упавших в округлое форм к изначальной и вечной форме кристалла.

И все живое на свете существует, как попытка выйти из круглого состояния в те прямые, из которых складываются кристаллы. Вот круглое семя дерева, раскрываясь под солнечным теплом, образует прямую ствола и в движении своем к солнцу исходит падающими круглыми семенами до тех пор, пока иссякнет вся сила корней, движущих воду

и соки по сосудам дерева. Но и мы-то, все люди, в своем стремительном движении вперед, разве мы-то не падаем? Вечное стремление и вечное падение в круглый мир бытия.

4 марта. Весть о том, что мой дом в Старой Рузе сгорел, и ни малейшего впечатления.

6 марта. Иду за молоком. На всю деревню голосит бабушка Аграфена: — Ой, жизнь моя Ванюшка! Ванюшку убили. Ой, жизнь моя, Николаюшка! Николаюшку чахоточного сегодня угнали. Ой, катися слеза по лицу моему! — Слушаю я этот вопль, и даже меня в мои годы подмывает злоба на немца, и тянет она включиться в массу, идущую на врага...

7 марта. Жил со вчерашнего утра целые сутки под влиянием плача бабушки Аграфены и до того довел себя в нарастающем стыде своем за бездействие и благополучие свое, что хоть собирайся и на войну. Но сегодня я опомнился от стыда, ведь мне же 70-й год. И самое происхождение этого чувства стыда неглубокое: этого оттого, что и сама гордость хочет взять на себя больше, чем может.

8 марта. Выслушали женщину из Ленинграда, башмачную закройщицу. Почерневший от голода мальчишка *(1 нрзб.)* вырвал кусок хлеба у женщины, которая веревкой подпоясала каракулевую шубу — так похудела! И ноги, отекшие от голода, обмотанные, похожи были на два бочонка. Как убирают покойников. Как немцев отгоняют (18 тыс. в один раз положили).

Удивлялись, слушая о Ленинграде, живучести человека. Скорее умирают мужчины, потом женщины и всего выносливее оказываются дети.

Ляля сказала этой женщине, как мне подумалось, для ее сознания непосильное:

— После этого опыта в жизни люди не могут уже продолжать жить на тех же основах.

Но женщина, именно только благодаря своему опыту, поняла и сказала:

— Ну, конечно, разве после всего можно жить, как раньше жили.

9 марта. Женщина из Ленинграда стала притчей во языцех, все узнали вдруг, какою ценою достается наше продвижение вперед. И тоже понятным становятся в устах англичан героические эпитеты в отношении Красной Армии...

Может ли в большой войне пройти безнаказанно действие, подобное истреблению индейского племени европейцами? Вот то-то и есть, что является надежда на взрыв, на выход из-под глубоких подземных пластов огня жизни...

А что это за огонь, что это за сердце такое большое, всеобщее, близкое? Это сердце наше же собственное, что соединяет «я» и «ты» в наше «мы», это сердце, зарытое глубоко в землю, на которой теперь люди истребляют друг друга. Мы ждем этого взрыва.

С детства мы говорим «народ», как что-то священное, и много перевидели подвижников и мучеников за народное дело, за его землю и волю. Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый народ, а сокровенный в нас самих подземный, закрытый тяжелыми пластами земли огонь, и что это не только мужики или рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира. Только и чувствуя, и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться.

11 марта. Метель. Машина застряла в Переславле. Читал Шолохова фельетон «На юге» [32]. Редкостный честный писатель ⟨...⟩, читал, будто от приятеля письмо получил. Ясно теперь, что разноплеменная армия немцев кормится грабежом, и тут вся «идея». Весь вопрос теперь в том, в состоянии ли Гитлер выставить к весне новую германскую армию и все начать сначала (сомнительно).

Другой раз смотришь вот так возле елки, как из глыбы снежных кристаллов образуется и скатывается с ледяной сосульки круглая капля и падает круглая на ветку березы и сбегает на конец веточки, где почка, и вот-вот упадет большая блестящая на землю... Ну, ведь это же великая тайна совершается: прямая линия кристалла превращается в шар: тайна, потому что в этот момент превращения чувствуешь, что через какую-то пленку забвенья можешь проникнуть в усилия ума, чуть бы, и (*1 нрзб.*) станет ясным образование мира.

13 марта. Великая метель. Даже паровичок перестал ходить в Переславль. Мы отрезаны от города.

Начиная с мальчишек, у всех складывается, что весной все будет выдвинуто против нас и мы все свое выставим против немцев, чтобы сразу покончить с войной в ту или другую сторону.

15 марта. В среду или четверг едем на лошади в Переславль и оттуда на машине своей в Москву.

21 марта. Приехали в Москву в 2 дня.

22 марта. Сóроки [32а]. Сильно потеплело. Вечером у Барютиных [32б]. Мы поделились картошкой с милыми людьми,

и трудно описать, чего стоило им устроить нам спокойный вечер с чаем 〈...〉 Эта попытка создать старинный русский уют семейный в такое окаянное время трогательна и чудесна.

Рассказ Жени о весне в голодной Москве. Какая-то огромная мрачная очередь, полное молчание измученных заботами и голодом людей. Вдруг крикнула по-весеннему ворона. И кто-то вскрикнул в очереди:

— Батюшки, ворона проснулась!

Все засмеялись, все оглянулись по направлению вороньего крика и заговорили о весне, понимая, что пусть у людей нет ничего, а в природе весна, та самая весна, которую когда-то любили, когда-то ждали 〈...〉

На Лаврушинском вокруг нашего дома все разрушено. Флигель, в который еще при нас тогда бомба попала, когда-то так трогательно чинился под новыми ежедневно падающими бомбами, теперь стоит недоделанный: видно, бились, бились за жизнь и бросили. Так и человек, очевидно, бросается. Снег толстыми слоями лежит на крышах. Но коты от голода, страшного холода этой зимы куда-то исчезли. Видел одного кота, живущего в печке, исхудалого, а люди в той же холодной квартире жили и не очень ежились. Вот и говорят в благополучии: живуч, как кошка. Наверно, теперь у кошек в неблагополучии говорят: живуч, как человек.

23 марта. Навестили свою квартиру и вошли в нее, как в склеп.

Вчера без света (нет маскировки).

25 марта. Ветра нет. Тихо тает в тумане. Прошлое отрывается без боли, а будущее — думать нечего: довлеет дневи.

26 марта. Ночью проснулись от грохота: это снег обрушился с крыши.

— Не бойся, Ляля, это не бомба.

— А что же это?

— Весна.

И новое утро, и опять белая муть и ничего впереди не видно. Какая-то птичка в тумане вытягивает, вытягивает, и вдруг поняли: это ворона сидит на невидимом дереве и кланяется, токует.

31 марта. Бомбежка. Всю ночь грохот орудий, и два опасенья, одно, чтобы не выбили стекла, другое, чтобы не попали в наш дом и не разлучили с другом в больнице [33]. Даже уж когда начался первый свет, опять загремело. Я заглянул, отодвинув штору, в окно, и мне казалось — поднимается дым пожаров. А когда совсем рассвело, это был не дым, а деревья.

Утром, наверно, был порядочный мороз, но когда обо-днялось, началась частая золотая капель и начались обвалы с крыш. Господи, как хочется жить и как все живое на волоске. И как люди обвыклись с возможностью смерти и как в то же время борются за существование.

Об этом вслух не говорят и, может быть, не доводят и до своего ясного сознания, но в поведении своем ясно выражают: это, что смерть теперь менее страшна.

Общее мнение, что летом война с Германией будет закончена.

1 апреля.

Теперь, может быть, единственно и остается человек разумно мыслящим и свободным существом, когда он отказывается идти в бомбоубежище. Вот стучат, кричат:

— Выходите, тревога, выходите!

— Не пойду.

— Смотрите, заплатите штраф.

— Не пойду.— И не идет. И мыслит, и ему открывается далекое прошлое, когда люди избранные тоже так отказывались спасаться от смерти и так... навстречу смерти и побеждали страданье радостью.

И еще читал Тютчева. Проследил, что в первых стихотворениях у него был параллелизм: природа и вслед за тем человеческая душа, а в последних совершенно природа и человек соединяются в единство. Я тоже так шел, достигнув совершенства в детских рассказах. Но это единство не есть уступка природе, а сознание своего родства и высшего руководящего значения в мировом творчестве.

Второе близкое мне в Тютчеве — это борьба с метафизикой за поэтическую свободу, за цельность, родственное внимание к миру.

4 апреля. Бедствие произошло через подчинение нравственного свойства закону причинности ⟨...⟩ В этой замене эстетической и нравственной квалификации причинной таится, как общая, причина всего психологического свойства подростков и полуобразованных людей. Вот почему вместе с ликвидацией неграмотности, заменившей мудрость простака, широко распространяется почемукольство. Стоит вам воскликнуть: «прекрасно», как ваш сосед уже готовит вопрос: «почему».

6 апреля. Ночью два раза бомбили, один раз около двух, при звездах и половине луны, другой — в самом начале рассвета. Раза три слышались взрывы фугасных бомб.

9 апреля. Последняя весна. Теперь все видят, все чувствуют, что настала весна, и это чувство является теперь как возможность... счастья, и в то же время каждый знает, что эта весна для него, может быть, последняя.

13 апреля. Я вернулся домой, но должно пройти какое-то время, чтобы я мог *прийти в себя.*

14 апреля. Сильный холодный ветер, небо в тучах, слегка подморозило ⟨...⟩ Кажется, будто человеческие бедствия вошли внутрь природы и мутят ее оттуда, как у нас в Москве, голод, холод, болезни.

Вечером охватило убийственное утомление. Но это, верно, так и надо: не из железа же человек. Пройдет утомление, и родится из него же радость с новой прибавкой.

15 апреля. В лесу снега на пол-аршина, но можно ходить, конечно, с трудом: снег потерял сложение, стал зернистым. По дороге же ходить невозможно, ноги проваливаются и вытаскивать трудно. На вырубке заливается тетерев, слушал его как будто из ада, как будто с той стороны, райской, и к нам в ад кромешный долетали ликования.

17 апреля. Правда и обман между собой отличаются только силой: если силы достаточно у человека, творящего правду,— удается правда, если не хватает — выходит обман, и утомленный человек говорит: суета сует. Люди рождаются и, набираясь сил, все начинают сначала свою песнь песней.

18 апреля. Очень устал от недалекой прогулки, и после Москвы все есть хочется, животика совсем нет, и ноги стали вполовину тоньше.

20 апреля. В народе простом внедряется полнейшая уверенность в том, что война подходит к концу. Мы же только допускаем возможность продолжения войны и после этого года.

26 апреля. Вот в том-то и дело, что из тяжелых испытаний народы, как и личности, выходят по-разному.

27 апреля. Утром из желтой зари встало солнце, частые тени сосен прибежали к окну. И скоро между тенями на солнечном луче блеснул изумрудный свет,— это был свет от первой капли тающих кристаллов мороза золотого утра, это была первая роса на первой зеленой травинке страшного года.

28 апреля. Вспомнился разговор мой недавний в Переславле с майором (возможно, это был сам начальник НКВД).

— Вы что теперь пишете? — спросил он.

— Я пишу,— ответил я,— только не удивляйтесь, не для войны, а для мира. Война пройдет: я не могу писать для преходящего. После войны будет мир, так вот я для того мира пишу.

— Почему же вы думаете, что я удивлюсь, ваша мысль большая и верная. Вот и я ведь тоже был учителем...

4 мая. В бору все еще видно, целая сеть нападавших за зиму на снег и теперь осевших старых игл, множество мелких опустошенных шишек, сучков, заячьих шариков, но и мох и трава зеленеют, и скоро все прошлое этой зимы будет закрыто зеленой травой. Так и у нас, у людей. Теперь даже и не ждут конца, а просто уверены в нем, значит, что больше нечего дать на войну: все! и дальше некуда.

5 мая. После обеда валит валом снег, вечером зимний ландшафт при том же морозе (не «утренник», а вседневник, майский вседневник).

Вчера Ляля взялась было за дневник наш, и в меня начала вливаться и трогать мою душу волна желанного мира [34].

10 мая. Кончил «Бесы». Вся жизнь русского народа выразилась в двух ее пророках: Достоевском и Толстом. В «Бесах» «общее дело» вскрыто как личное дело властолюбцев. Властолюбие как сила греха. Истоки властолюбия — самообман.

13 мая. Приехал из Москвы N, говорит, что в Москве оптимизм. Родник уверенности в близком конце германского нашествия, это личное сознание, что этим немецким способом, прямым и насильственным, нельзя удержать в руках весь мир и привести к одному знаменателю.

5 июня. Каждое утро просыпаюсь, когда гонят мимо открытого окна коров и они мычат и ревут. Прежде меня просто радовал этот коровий рев, сопровождаемый хлопаньем кнута и окриками пастухов. Теперь при этом тупом, бессмысленно-беспощадном реве отдельных коров я содрогаюсь, мне слышится в этом реве, в глубине его где-то заключенный человек, не имеющий возможности дать знать о себе своим голосом. А когда после этого встаю и выхожу на росу, то даже и все величие Солнца не удовлетворяет меня, и в лучах его, и в цветах, и в траве, и в росе, и даже в том, что солнце! — и круглое, мне чудится какой-то недочет, чего-то не хватает во всем этом, что пропущено или где-то заключено и скрыто, как в этом реве коровьем, слышном теперь уже издали, продолжает чудиться заключенный в темницу родной человек.

Хорошо, что я хотя и поздно, а все-таки это чувствую.

[*Москва.*] *19 июня.* На первых порах, как приехали, мы заметили в обществе некоторую удовлетворенность бытием сравнительно с временем последнего приезда: всем стало лучше. Некоторое улучшение в пайках совпало с наступлением лета: сытнее и теплее.

27 июня. Набрал в Конякине на жареное боровиков. Написал рассказ: «Как заяц сапоги съел» [35].

29 июня. Немцы продвигаются вперед понемногу. Одни говорят, что если так у них пойдет продвижение, то, значит, они вовсе ослабели. Так ли шли они в прошлом году. «В это время,— отвечают другие,— прошлый год только война началась...» Всяко говорят, но все-таки большинство как-то не беспокоятся. Однако несомненно, что события крупнейшие на волоске, вот-вот волосок перегорит.

7 июля. Становится ясно как день, что живой силой Англия и Америка действовать не могут, что в такой большой войне никого не обманешь просто дипломатией и даже махинацией, что к этим двум силам войны должна присоединиться живая сила народа.

21 июля. Гроза весь день и с медленным отдалением, приближением, долго казалось, что это война, и об этом долго спорили кругом.

22 июля. Гроза. Приехал А. С. Новиков [36].

23 июля. С Силычем ездили на Семино. Смотрел на него, вспоминал свое охотничье прошлое и дивился и себе прежнему и ему: какое-то консервированное детство.

27 июля. Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время взялись за любовь, поставили задачу себе сказать о любви такое, чего о ней еще не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том, и знаем, что наше время придет, как все знают, что, рано ли, поздно ли, война кончится.

18 августа. Да разве можем мы знать человека, с которым живем? Мы узнаем человека, если только, пожив с ним, съев пуды соли, навсегда расстанемся. Да и то не сразу бывает,— он ушел, и я узнал. Нет! Бывает как-нибудь нечаянно, когда не спится, придет он на память и тут вдруг его как будто впервые только увидишь и впервые сразу всего поймешь.

26 августа. Всю жизнь слышал слово «душа» и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит. Мне кажется, если бы меня спросили, что такое «душа», я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа — это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения

философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т. п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлении души примитивным человеком, как некоей сущности, обитающей в теле. И все это понимание души было бы не от себя, не своей души, а как говорят и думают о ней все люди.

Между тем у меня была душа своя, и я знал о ней с очень далекого времени, почти с детства, когда потихоньку проливал слезы о том, что я вышел на свет не такой, как все. Мало-помалу с годами, с десятками проходящих лет я через это страдание узнавал свое назначение: мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным. И мое страстное желание присоединиться ко всем, быть как все не может произойти иначе как через раскрытие в глазах всех себя самого. И еще должны были пройти десятки лет, чтобы я понял, что перед *всеми* раскрыться нельзя, и «все» это ничего не значит и, может быть, «всех» даже вовсе и нет. И что если мне хотелось быть как все, то «все» в этом желании были близкие любящие люди, избранные, которых бы я любил и меня бы тоже любили. И еще прошло много времени, пока я понял, что желание быть как все во мне было желанием любви. И еще совсем недавно я наконец-то понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа это и значит любовь.

Я помню, очень давно была во мне уверенность, что главная сила человека в душе, а не в электричестве, что новый неведомый мир откроется людям, когда они обратят внимание *туда*.

27 августа. Ветер нес пожар по селу. Услыхав набат, прибегали женщины с поля, становились перед своим пылающим домом, валились наземь, впивались пальцами в землю, корчились, кричали что-то в огонь. Но огонь безжалостно все разрушил, в окнах было видно, как горела кровать, одеяло, подушки, кадушка с мукой, грибами. Попробуй-ка, бывало, возьми сам грибок, из-за этого гриба что бы тут было. Даже и попробовать не дадут. А огонь не спрашивает, все пожирает и не смотрит на баб.

После всех шла с поля на пожар старушка: была очень стара и не могла быстро идти. У села ей встретились люди.

— Добрые люди,— спросила она,— стоит ли еще моя хата-то?

— Нет, бабушка, твоя хата сгорела дотла.

— Ничего и не вынесли?

— Ничего.

Старушка перекрестилась и молвила:

— Ну, и ладно. Видно, так и надо.

31 августа. Я должен быть на страже времени, без чувства своей со-временности невозможно оставаться писателем, писатель — это стрелочник времени...

1 сентября. Поэт не страдает, а со-страдает, и не чувствует своих героев, а со-чувствует им, и не переживает, а со-переживает. Вот почему поэзия никогда не действительность.

7 сентября. Память. Боец, возвращаясь из побывки на фронт, умолял снять его, чтобы семье память оставить.

— Вы вернетесь,— сказала Н. А.[36а].

Он сразу обрадовался и пожал ей руку.

Не лучше и у нас: как если все взвесить, то расчета «вернуться» и у нас очень мало, а я только и делаю, что снимаюсь в своих писаниях, тоже, чтобы «память оставить».

11 сентября. В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир. И я теперь думаю, что Зуек из моей поэмы «Падун» [37] как раз и должен сделаться таким делателем мира.

17 сентября. Вчера был белый мороз. Сегодня тепло. Иван Кузьмич встретился и крикнул:

— Бои в окрестностях Сталинграда.

— Так и сказали, в окрестностях?

— Так и сказали.

Если не случится чего-нибудь неожиданного, то, повидимому, Гитлер будет зимовать на Волге, мы в Москве. А впрочем, там будет видно.

24 сентября.

— Скажи мне, если мы останемся целы в этих испытаниях и сохраним свои души, не стыдно нам будет?

— Перед кем?

— А хотя бы перед мертвыми, теми, кто положил души за други.

— Нет. Если нам это не было дано, то почему же стыдиться...

28 сентября. Собираемся в Москву 30 сентября в среду.

29 сентября. За день вчера ветер с юга перешел на восток и на север. К вечеру стало холодно, и утром на чистом восходе солнца пришел легкий мороз. Налаживаю удачно свою фотопромышленность, и бабы моими снимками довольны.

[*Москва.*]

5 октября. Злой ветер и тучи, и дождь хлещет. И вся природа вокруг — будто злодей, захватив землю, подбирается к небу. А то вдруг сквозь тучи выбьется на короткое время солнечный свет, но и тому не обрадуешься: это злодей, овладев на небе божественной силой, вздумал побожьему улыбнуться земле. Помнишь, друг, эти желтые улыбки в 1942 году?

Наступление голода страшно своим разделением людей на более сильных и слабых ⟨...⟩ Увидев это начало Ленинграда, ясно представляешь себе время, когда будут умирать по 35 тыс. в день и в то же время какие-то существа будут за 200 гр. хлеба скупать каракулевые саки.

Большинство не хочет уехать и потерять свой угол, который потом сделается гробом ему. Но есть немногие, кто остается в своем углу, презирая смерть. Я знаю таких.

[*Усолье.*]

13 октября. Надо перейти к делу, надо писать так, будто не существует на свете никаких препятствий ⟨...⟩ надо этим глубоко проникнуться, войти в дело, и тогда, я уверен в этом, что будет просто смешно то, что раньше казалось непреодолимым препятствием.

Для начала я отправлюсь на Ботик в колонию детей Ленинграда, проникнусь этими материалами и напишу «Дети Ленинграда» [38].

16 октября. Морозное утро, чистый солнечный восход. Мы вышли в Купань фотографировать. Пока шли, набежала туча и начался сплошной дождь на весь день. Трудно представить себе более ужасной дорогу, чем эта по болоту, изрытому карьерами. Но мы от нищенства с фотографией перешли к мысли о настоящем нищенстве, что, мол, самое для всех страшное — «побираться» больше не страшит и кажется даже преимуществом перед городом.

Под дождем осенним на изрытом болоте нам даже стало весело, потому что страх перед жизнью исчез: если такие дороги не страшат, если нищенство кажется преимуществом нашим, то всякая другая дорога, всякое другое положение, хотя бы вот это — странствующего по деревням фотографа,— должно вообще радовать. А если, например, нам удастся где-нибудь раздобыть осла и грузить свои пожитки на него... Так, несмотря на все неудачи несчастного дня, мы вернулись веселые, и эта веселость явилась только за счет нашей дружбы...

19 октября. Напечатал для Ляли свою детскую карточку «Курымушку», и, вспоминая свое прошлое, мне кажется теперь, будто мальчиком я не улыбался, что я рожден без улыбки и потом постепенно ее наживал.

22 октября. Удачное наступление немцев на Ростов мало-помалу плесневеет, как все их удачные наступления.

Я утонул в фотографической работе, как Ляля утонула в дом. хозяйстве.

24 октября. Падает снег на мою душу, и я молюсь об одном, чтобы дождаться весны и прихода мысли в понимании пережитого конца и в оправдание погибших и нас, уцелевших.

27 октября. На делянке красным карандашом окрестил свои поленницы и вернулся домой обрадованный только тем, что на зиму у меня есть дрова. И тут опять подумаешь так же о происхождении этой радости: это прячется в грудь, скрывается и уходит в себя недожитая жизнь.

Дома набросились женщины на меня снимать своих маленьких детей, чтобы послать на фронт фотографии малюток.

30 октября. Утро теплое, без мороза. На востоке наволочь, на западе светло. Обрывок луны так высоко в барашках, на самом темени неба и такой яркий. При этом свете на мостике узкоколейки я мог разбирать шпалы и благополучно шагал. Несколько часов моего похода солнце не могло выбиться из своего синего, полупрозрачного одеяла, и в полной тишине и тепле озеро спало нежное такое, что хотелось душой и самому рядом лечь и задремать.

1 ноября. Чем же плох этот мой труд,— снимать карточки детей для посылки их отцам на фронт? И так все, всякий труд, если научиться подходить к нему с благоговением ⟨...⟩ Так я смотрел на себя, фотографа, со стороны, и мне нравился этот простой, старый человек, к которому все подходят запросто и, положив ему руки на плечи, говорят на «ты». Тогда мне думалось, я даже видел это, что именно благоговейный труд *порождает* мир на земле.

9 ноября. Мне кажется, что я сейчас нахожусь накануне того же выхода из нравственного заключения, которым было мне путешествие в край непуганых птиц. С таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку, и первый отрезок жизни возьму его в себя и к этому ничтожному серпику жизни приставлю дополнительный — всего человека. Так и начну свой новый круг жизни.

12 ноября. Целый народ, миллионы немцев поднимаются над миром во всей ограниченности своего духа, потому что господство само по себе есть ограничение духа.

15 ноября. Зашумел бор, видно, погода меняется. Увидим. Занимаюсь целые дни, все время фотографией и думаю, все думаю о том, что камень нашей пещеры отвалится и мы выйдем на свет. Вчера у нас был разговор о победителе, которого не судят. Так представилось все, что война идет, конечно, за единство хозяйственного управления миром: Англия давно стремится к этому, Америка этим тоже теперь занята, Россия и Германия,— и говорить нечего! Все стремятся к единству, но разными путями, и на путях встречаются врагами. Так что война происходит за пути к единству. Германия стремится достигнуть цели путем господства немцев над всем миром. Русские против господства наций отдельных, и самое господство уничтожают посредством механизма управления 〈...〉 Так вот теперь будет в нашем суде решать всё победа...

Мира теперь так хочется всем, что если кто устроит мир, тому от всех будет и признание, и прощение, и забвение ужасного прошлого.

16 ноября. Все наши привычки, навыки, все заучаемое повторением уроков является из жизненной необходимости кривить путь прямой правды и возвращаться на прежнее место. Все мы такие живущие люди вместе с животными; если животное гнать, оно убегает по кругу и возвращается на прежнее место. И когда во время глубоких снегов заяц убегает по наезженному прямому пути — этот путь ему навязывается не природой, а человеком.

Антоныч прав! [39] Только из святых святой человек, прощаясь с жизнью, посвященной на борьбу с Кривдой, в свой последний миг расставания может сподобиться увидать божественную прямую, изображающую нашу Правду. А может быть, и не святые одни, а и все мы, умирая, выходим на прямой путь. И потому мы не возвращаемся, не приходим к своим любимым сказать что-нибудь о себе,— что мы, умирая, выходим из жизненного круга, а души все движутся по прямой длинным уходящим рядом: уходят по *необходимой* прямой, как уходит во время глубоких снегов спугнутое с лежки животное по человеческой прямой, по дороге. Душам нет возвращения, души идут по прямому пути.

21 ноября. Митраша [40] рассказал нам, что на днях к нему пришли два слепца переночевать,— к нему послали

их люди с такими словами: «А кроме Митраши вас никто и не пустит». Митраша принял слепцов и посадил ужинать. Один из них, по имени Ксенофонт, был крепкий, живой человек, до 23-х лет был машинистом и потерял глаза при взрыве котла. Теперь ему лет 35. Другой слепец, бледный худенький юноша, был слепым с детства и света не видел. Он ел немного и все отдавал своему спутнику, и тот все сжирал. Митраше было жалко юношу. Был в доме всего один стакан молока, предназначенный для девочки Клаши. Пожалел Митраша юношу слепого и отдал ему этот стакан. А тот отпил глоток, два и отдал машинисту, и тот выпил его. После ужина легли все на печь и сытый машинист рассказал на сон грядущий о слышанном им от кого-то рассказе о каких-то двух беспризорниках, которых тоже, как и их, не пустили в деревне ночевать, они же ночью взяли и запалили деревню с двух сторон, и вся деревня сгорела.

— Вот это по-моему,— сказал машинист,— хорошо, так им и надо.

Так слепцы переспали ночь. Утром Митраша покормил их всем, что у него было, и когда слепцы уходили, машинист сказал хозяину:

— Ты меня удивил своим угощением, видно, много тебе пришлось тоже побродить. Спасибо тебе.

А Митраша ответил ему:

— Я все думал ночью о твоем рассказе, как два беспризорника спалили деревню, что, живи я в той деревне, ведь и я бы сгорел. Ну, не хочу сказать, что прямо я, а кто-нибудь, может быть, и много лучше меня.

Слепец задумался и с заминкой сказал:

— А ведь и правда, как же я не подумал об этом.

Провожая гостей, Митраша говорил:

— Ну, идите с богом, идите. Это ты хорошо сказал, что не подумал, идите, родные, дорога вам дальняя, времени у вас много, все может быть в пути, может, опять вас обидят, и вы тогда подумайте о моих словах.

26 ноября. Разве эта война не есть демонстрация немецкого Ratio против Логоса? Разве и вся эта германская культура не есть в этом смысле постепенное падение? И вся цивилизация?

6 декабря. Сколько умерших! Одна за одной души умерших выходят на прямой свой и единственный путь из кругового лабиринта нашей жизни. Выходят на священную прямую и уже не могут вернуться назад.

В предрассветный час и знаю, и чувствую, что с каждым ударом сердца моего непременно выходит на священную

прямую чья-то душа и удаляется, и новый удар сердца, и новое мгновенье, и так складывается у нас время, а у них путь...

9 декабря. Сборы на Ботик.

На Ботике этом я написал книгу «Родники Берендея», нашел себе форму короткого рассказа, охотничьего и детского. Эта книга и эти рассказы утвердили меня в литературе как советского писателя: тут я сделал себе второй раз литературную карьеру (в пределах моих способностей). И теперь после новой исторической катастрофы, через двадцать лет я пришел сюда с твердой решимостью в третий раз в жизни начать что-то новое.

16 декабря. Каждый раз, когда иду по узкоколейке в Переславль и обратно, встречаю по пути стрелочника, и у нас всегда с ним после обмена приветствий всегда один и тот же разговор:

— Вы опять пешком?

— Как всегда.

— Ну, конечно, мы народ старый, закаленный.

И затем следует рассказ о том, как, бывало, к Троице ходили по 60 верст в один день. В этот раз стрелочник изменил тему:

— Ну,— говорит,— прощайте, иду на войну.

— Как на войну, сколько лет?

— Пятьдесят три, иду. А вас еще не трогали?

— Пока еще нет, жду.

— А сколько вам лет?

— На днях будет семьдесят.

— Вам, семьдесят!

— Семьдесят, жду.

— Ну, семьдесят, так не дождетесь.

— Кто знает...

17 декабря. Самое удивительное из наших отношений выходило то, что воспитанное неверие мое в реальность любви, поэзии жизни и всего такого, что считается недействительным, а только присущим людям как возрастное переживание, на самом деле существует как гораздо большая реальность, чем обычная общая достоверность.

Эта уверенность в существовании того, для выражения чего невозможно стало обходиться изношенными условными понятиями, превращенными в пустоту, и обычные, произносимые всеми слова о правде, боге и особенно то, что дается нам в «мистике»; без слов, без мистики, а в действительности: есть нечто на земле драгоценное, из-за чего стоит жить, работать, быть веселым и радостным.

18 декабря. Из Москвы Ляля вернулась сегодня с хорошими вестями. По общим настроениям войне приходит конец; одни говорят, что все кончится к масленице, другие — к осени, но чувствуется по всему начало конца.

И у нас начались разговоры о постепенном перевозе вещей обратно в Москву и возвращении туда.

22 декабря. По радио передавали о новой нашей победе на Дону: прорван фронт на 70 км, продвинулись за Дон на 90 и взяли в плен 10 тыс.

23 декабря. В беде люди становятся такими легковерными, и особенно мы, русские. Вот хотя бы эта зима: только началась, и так хорошо началась, так тепло! И все уже надеются и все говорят, что зима эта будет сиротская. Так и с войной: чуть пошатнулось у немцев, и мы уже кончаем войну.

29 декабря. Вот я помню, как наверху горы из-под ледника мчался поток и громадные камни, скользя по разогретому под солнечными лучами льду, время от времени падали в поток. Слышался глухой удар, всплеск, на мгновенье вся вода из потока взлетала на воздух. Но скоро вода, обегая со всех сторон камень, принималась за свою работу. И что же?

Там, на берегу теплого моря, где волны прибоя ежеминутно приносят и дарят человеческим детям округленные разноцветные камешки,— эта радость пришла от паденья камня в поток: так вода обрабатывает камень. Так точно падают идеи, порождающие войны, и так точно обрабатывает их потом совокупная жизнь человечества.

1943.

2 января. Продолжается и в январе сиротская зима, только снег не тает,— так тепло! И понемногу, но не сильно подсыпает снежок.

Завожу часы для своего счета времени, но самое время идет само по себе. Так вот я все теперь делаю: конечно, делаю все, что от меня зависит, но жизнь идет сама по себе.

3 января. Вчера весь день валил снег валом и в лесах было, как во сне, когда снится приятно вечный покой...

Ляля принялась за дневники нашей любви. Переписываем, перечитываем и связываем свое тогда и теперь.

Вы возмущаетесь жестокости древнего закона «око за око», но закон есть сила греха, есть ответ мечом тому, кто поднял меч.

6 января. Вспоминаю и записываю, раздумывая о пределах унижения: по существу, нет этих пределов для идеально глубокого человека, отвечающего за жизнь свою перед любимыми людьми и перед богом. Но у каждого человека в отдельности есть потолок личной чести, сквозь который он не может подняться, и его смертельная вспышка за честь — есть удар головой об этот потолок. Наше сочувствие таким выходкам исходит из нравственных требований к росту личности в том смысле, что если не можешь выйти духовно из оскорбленного и униженного твоего тела, то лучше разбей его в его поганости... и, может быть, тем самым определи свое лучшее расти в новом, более счастливом воплощении.

С тех пор, как голод заставил людей смотреть на охоту как на добывание пищи, а не на форму поэзии, я забросил охоту и с начала германской войны не пролил ни капли ни птичьей, ни заячьей крови.

7 января. Вышел в темноте, мороз, как вчера, довольно значительный (—15—20°), небо чистое, но все-таки некоторых звезд недосчитался, и ветер восточный.

Фактор хорошего праздничного настроения — это наши победы под Сталинградом (говорят, 1,5 мил. немцев разбито). Главное же это охватывающая всех уверенность в том, что вообще война кончается.

12 января. Основная задача учителя в школе состоит в таком преподавании детям достижений человеческого опыта, чтобы эта нагрузка чужого опыта не подавляла собственную душу ученика.

Текущее: с Ботика телеграмма о близком окончании отепления колонии. Через неделю с чем-нибудь можно рассчитывать на возможность начала намеченной работы с ребятами.

От журнала «Дружные ребята» просьба дать рассказ к моему 70-л. юбилею. Это напомнило мне о юбилее.

13 января. Зима все та же, сиротская, время летит, и как-то складывается в душе, что не в зиме и даже не во времени дело...

14 января. Стали замечать прибыль света и вечером и утром, морозы сильно не жмут, время летит.

К началу XX века человек в происхождении своем окончательно осознал себя обезьяной, и в Зоопарке из обезьянника была выделена одна обезьяна специально для демонстрации на людях несомненного факта происхождения человека от обезьяны.

Дарвин, как прислуга у господ, подсмотрел в делах божиих обыкновенность его творчества. Чудесные пироги делаются из обыкновенной муки, так и состав материи тот же самый у человека и обезьяны.

Природа в понимании Ляли и моем: я с трудом научил ее отличать сороку от галки, а грача от галки отличить она так и не могла научиться. И в охоте тоже: не может понять, почему нельзя стрелять дробью без пороха. Ее сопротивление к технике болезненного происхождения, но эта болезнь на фоне всеобщего технического безумия, этой слепой веры в слепую материю является скорее не болезнью, а здоровьем души.

15 января. Опять пришли лунные ночи и, наконец-то, настоящий рождественский мороз, и такой, что деревья стреляют в лесу.

Лесничий принес газету с речью Рузвельта о том, что немцы должны были победить в 42-м году, если же нет — то можно математически рассчитать, что они погибнут [41].

Наташа [42] привезла дрова, мы ее усадили за чай, погреться. Она выпила чашку, другую, говорила о пустяках, и когда дошли до войны, зная, что муж ее на фронте второй год и у нее двое детей, и мы, сочувствуя ей в этом, утешительно сказали: «Скоро кончится». Она ничего не ответила, но потом вдруг расплакалась в радости и в ответ на наше «кончится» сказала: «Хозяин мой пришел»,— и это значило в ее существе, что война кончилась.

— Кончилась вот для нее,— сказал я после ее ухода.

— Нет, не кончилась,— ответила Н. А. [43],— ей будут завидовать, а кончится, когда обрадуются все.

Мы немного поспорили, потому что я знаю больше народ: в таком несчастии, как это, люди не будут завидовать, напротив, сорадоваться. И тем не менее, все-таки война кончилась только для Наташи...

Я к тому это, что в личном удовлетворении не может быть насыщения, между тем как постоянно чувствуешь так, будто вот «мне бы» — и все, но это не все.

16 января. Прошлую кампанию немцы, наступая на Москву, убедились, что прямая не есть кратчайшее расстояние между Москвой и Берлином. В нынешнюю кампанию, 42-го года, они убедились под Сталинградом, что и кривая не есть истинный путь.

18 января. Морозы настоящие стоят, но мы их вовсе не чувствуем,— с одной стороны, топим хорошо, с другой, стало так, что внимание обращено не на морозы.

Англичанин умеет открываться, не отдаваясь, а русский если откроется, то тем самым и отдается, а после будет страдать.

28 января. Мороз сломило. Верчусь около философии времени, потому что без этой философии невозможно понять глубоко современность. Что думать о времени прошлом! Оно безгранично уемисто, и мертвецам там спорить не о чем, там — мир. И будущее время, эта страна неоткрытых радостей — бесконечно вместима, и там тоже не за что спорить,— там мир. Но время настоящее, короткое, между рождением и смертью — это время тесное, и тут идет борьба за минуту, за мгновение — тут непрерывная война против всех властелинов мгновений. Посмотрите на мир природы, где бьются за мгновение жизни и крокодилы-пожиратели, и бабочки, у которых не существует даже кишечника. Все они бьются по-разному за мгновенье, и даже бабочка, снимая пыльцу с цветка, отнимает ее у другой. И весь этот мир бьющихся между собой властелинов мгновений целиком сосредоточен в душе человека...

Среди этих воюющих властелинов мгновений есть завоеватели великие, и их огромное богатство сложенных мгновений настоящего у людей называется властью.

30 января. Идея дневника. В дневнике можно понять теперь уже общую идею: это, конечно, творчество жизни в глубочайшем смысле с оглядкой на аскетов, разделивших дух, как благо, от плоти — зла. Дневник это не разделяет, а именно утверждает как самую святость жизни, акт соединения духа и материи, воплощения и преображения мира. Творчество это непременно требует двух лиц и называется любовью.

Итак, любовь, как творчество, есть воплощение каждым из любящих в другом своего идеального образа. Любящий под влиянием другого как бы находит себя, и оба эти найденные, новые существа соединяются в единого человека: происходит как бы восстановление разделенного Адама.

1 февраля. Мягко после пороши. Вступили в последнюю треть зимы. Ждем конца войны, как голодный ждет хлеба. Ляля переписывает дневник и делает открытия в разных смыслах нашей жизни. Я ничего не делаю, кроме фотографирования баб за картошку.

5 февраля. Читатель ближний к писателю, тот «ближний», которому он пишет, кого ждет к себе, тратя дни, ночи, всю силу ума и сердца, этот ближний находится от него дальше всех: вот оттого так и трудно вызвать его,

оттого художник седеет, желтеет и морщится в его ожидании: потому что он ближний по духу и самый дальний по расстоянию. И все искусство такое, все оно, как решето, рассчитано на избранных, все оно учит лучших. А война — та учит *всех*. ...«Война учит всех», пришло мне в голову, когда я снимал за картошку двух мальчишек по 15 лет. У одного были на груди стрелковые ордена, и я не знал, как мне с ними быть, потому что в комнате стена мешала отодвинуть аппарат, чтобы могли выйти ордена.

— Что делать,— сказал я,— если снять ордена, то обрежется сверху голова, волосы почти до самого лба, а сохранить голову — срежем ордена.— Мальчик задумался. А я ему пословицу: — Или грудь в орденах, или голова в кустах.

— Режь голову! — ответил мальчик.

6 февраля. Сильный мороз и солнце. Месяц народился. Утром до почты какой-то монтер прислал мальчика с текстом поздравительной телеграммы (5 февраля день рождения, 70 л., награжден орденом Красного Знамени).

13 февраля. Величайшая метель сверху и снизу. Трактор не мог пройти и вывезти мою машину на шоссе. Написал послание в Союз вместо речи на юбилее.

15 февраля. Как и вчера, только не тает. Пробиться Ляле в Москву не удается. Посылаю вторую речь: «Город света» [44].

16 февраля. Ждем трактора или перемены погоды. Есть опасение, что мы застряли здесь до конца апреля: нечего сказать — юбилей!

17 февраля. Вчера после обеда и на ночь моросил дождь. Сегодня утром тоже тепло и тихо. Мы выезжаем в 6 утра с подводой леспромхоза в Переславль.

Видел когда-то и Рублева, и Рафаэля и ничего не понимал, а теперь сижу в глуши, ничего не вижу и все понимаю: пришло это, потому что имел соответствующее переживание, или просто назначенное время жизни пришло. И я такой весь, рассчитанный на долгую жизнь, а другой (Лермонтов) рожден, чтобы вспыхнуть: сразу все! Как бы вам хотелось родиться — на долгую или на короткую жизнь? Хотите сразу сгореть или жить, как я, под хмурыми тучами и с каждым годом чувствовать, что тучи мало-помалу расходятся и вот-вот покажется солнце...

В Переславле. Харьков взят. Завидев знакомого в городе издали, понимаю, что он надувается для поздравления с высокой наградой. Злой хитрец Витюков, заведующий творогом, почти что во фрунт стал, а когда дошел до творога и мыла, сейчас же за трубку, и вот разговор:

— Ко мне пришел писатель, дважды орденоносец Пришвин, просит мыла. Да всего кусочек. Есть?.. Значит, счетов нет. А все-таки есть? — Трубка кладется.— Говорит, есть, но счетов нет.

— Нельзя.

— Выходит, нельзя.

За творогом пошли в Молокосоюз ⟨...⟩ Заведующий спрашивает: почему я не черпаю материалов на фронте. Отвечаю, что там кровь, и я крови видел раньше много, довольно, теперь смотрю на слезы в тылу:

— Вблизи ведь тоже материалы?

— Конечно, материалы.

18 февраля. Подморозило. Намечена поездка Ляли в Москву 22-го. Возвращались на лошади (4 часа!).

20 февраля. Рассказ ленинградца: солдат шел по улице, встретил покойника, обратил внимание на знакомое одеяло. Подошел, узнал свое одеяло, поднял — жена! Рассказчик прибавил:

— А если бы пошел другим переулком, так бы и не знал, что жена умерла.

21 февраля. После вчерашней метели (не каждый год бывает такая метель) и опять на метель метет, свету не видно. Говорят, что и трактор даже не может пройти, и мы от Москвы отрезаны.

28 февраля. Тем-то и силен русский человек, что он не резко очерчен: глядеть прямо — человек как человек, а по краям расплывается так, что и не поймешь, где именно кончается этот и начинается другой человек, и в этом вся сила: один выбыл, соседи сливаются, и опять сила...

Смотрю в себя и через себя одного понимаю все русское: до того я сам русский. Так, если хочу понять, откуда у нас берется столько героев, то сам эту готовность к геройству вижу в себе: как будто сидишь ни у чего и ждешь, что тебя позовут, и как только позвали, то ты делаешься, будто снаряд: вложат тебя в пушку и ты полетишь и с удовольствием, с наслаждением разорвешься, где надо.

Из этого все и происходит, что нет у тебя *ничего*, подлежащего счету, мере, охране. И вот этот нигилизм у себя для единства коллектива самое-самое добро. И это «добро» пересилило даже «добро» немцев: у нас это глубже, проще, правдивей и сильней, их коллективизм деланный, а наш природный.

— За что ты сражаешься? — спрашивает Рузвельт американского солдата.

— За баптистскую церковь в моем переулке,— отвечает солдат.

— За что ты? — спрашивает русского.

Он ясно ответит:

— За родину [45].

7 марта. Деревья молча борются между собою: ни слов, ни крови, ни слез. Но присмотреться — и не только увидишь их ужасную борьбу, но много по ним поймешь и о борьбе в человеческой жизни. Когда я вижу в лесу два тесно растущих дерева, я всегда подхожу посмотреть на их жизнь.

15 марта. Из осажденного ныне города Петра, ныне Ленинграда, сюда на Ботик эвакуировали маленьких детей, подобранных большею частью на трупах своих матерей, умерших от голода. Спасаясь от гибельной дистрофии, несколько женщин-педагогов взялись спасать этих детей по мудрому совету одного ученого: «Спасетесь сами, спасая детей». Это были дети, у которых вместо ягодиц висели мешочки, тело, как сумка с костями, а волосы — сплошные колтуны с кишащими насекомыми.

4 апреля. Материнство — это сила особенная, которую мы, мужчины, по себе непосредственно вовсе не можем узнать и понять. Какая это сила и сколько ее напрасно тратится, можно видеть по такой матери трехсот детей, как Нина Семеновна Соколова и Анастасия Ефимовна Адрианова: их двух хватает на триста детей! И сколько же теряется этой великой силы напрасно в обыкновенной семье и какая это растрата, какая отсталость — семья! Есть женщины, сознающие это, им тесны рамки семьи, они страшатся семьи, как тюрьмы, и вырываются из оков родового начала, стремясь осуществить свою исключительную силу материнства вне рода. Из этой способности расширения души внутрь себя до без конца произошла личность человеческая, как бессмертная сущность [46].

7 апреля. Соне лет десять, Боре одиннадцать. Два года тому назад у них мать умерла, а вскоре за тем и отец. Все крестьянское хозяйство, изба, огород, корова и мелкие домашние животные остались на детей. Поневоле они крепко взялись за дело и теперь живут двое, мальчик и девочка, и справляются [47].

18 апреля. Собираемся в Москву.

3 мая. С утра до вечера подготовка к юбилею. Великолепный вечер [48].

5 мая. Все эти дни вижу косым глазом зеленеющие почки на солнечном просвете.

16 мая. Итак, прошел без 2-х дней месяц в Москве.

Сейфуллина [49] говорила, что публика радовалась на моем выступлении образу чистого детства, которое вставало перед каждым.

А я это получил от матери, и мое поведение спасло эту детскую радость матери. Этот вечер был чудом, и что Семашко [50] пришел, обращение Асеева [51] (Сейфуллина: душа его тут, несмотря ни на что, вдруг открылась). Всем было утешение, что, несмотря на все пережитое, сущность жизни хранится...

[*Усолье.*]

17 мая. Мы вернулись домой.

18 мая. И что было раньше близким — земля, то становится в росте нашем все дальше от нас, а что было так далеко — небо, то все близится и близится.

Ляля меня утешала, когда в Москве пропускали весну. Я так жаловался ей: «Подумай только, ведь это в жизни моей сознательной первая весна проходит напрасно». Она меня так утешала:

— Не напрасно! Вспомни, как люди радовались весне на нашем вечере: ведь это мы им отдали нашу весну. А помнишь, как Ойстрах на скрипке играл, все вокруг себя забывая, и ты же сказал: «Мне кажется, что все наше прекрасное там, в природе, через таких людей сюда собирается, в город, страдающим людям на утешение».

— Это все верно,— ответил я,— но отдать всю нашу весну для одного вечера — ведь это опустошение! — И это неправда: так отдавать, как мы, это значит и получать. Почему непременно надо сидеть у природы недели и месяцы, бывает одно мгновенье, взгляд, и разом все получишь.

Мы уехали, когда в лесах еще белелся последний снег, а когда вернулись, вечером после грозы в лесу (на Ботике) пел соловей. Мы остановились, вслушались в песню, и вдруг все, что было пропущено от снега до соловья, к нам вернулось. Я сказал:

— Такого соловья я никогда не слыхал.

И она:

— Такого я никогда не забуду: это раз навсегда.

9 июня. Самое грубое и необходимое дело в природе есть убийство. Но люди придумали в обход возмездия за убийство и необходимости жертвы организацию: соединяются два человека, один не убивает, а только приказывает убить и тем освобождает себя сначала от физической грубости дела, а при дальнейшем усложнении организации и от

страха возмездия, потому что ведь и не он сам приказал, он только передал чей-то приказ по назначению. И кто убивает — физически грубый человек — палач или раб, он тоже теперь не убийца: он выполнил приказ. Так благодаря организации человек, как *лично* ответственное существо, делается безликим, и так человеком создается вторая природа, в которой, как и в первой, становится можно убивать.

Общая (тотальная) война есть последствие личной безответственности в убийстве. Задача писателя после этой войны довести это по мере сил до более широкого сознания.

Философ такой же человек, как и все, и тоже должен поднять весь моральный груз на себя. Между тем в философии заключается соблазнительная лазейка удрать в иллюзорный мир и свалить с себя необходимую тягость борьбы за действительность. Потому-то вот и говорится: бойся философии. Истинная же, святая мудрость должна быть делом жизни, а не специальностью. Истинный мудрец прежде всего незаметен и прост, а на философа все пальцем показывают, потому что он рассеянный в действительности и спотыкается.

13 июня. Юмор — это отсрочка. Раз цыгана мужики поймали, хотели убить. «Погодите, успеете,— подмигнул он убийцам,— я пока вам поиграю». Начал играть на гармошке и всю ночь проиграл...

16 июня. Получил письмо с фронта от молодого бойца, что в разгромленном немцами местечке он нашел мою книгу и стал читать ее вечером при свете степного пожара. Но огонь уходил от него, потому что сгорала трава, и он, читая книгу, должен был двигаться под пулями, при разрывах артиллерийских снарядов и мин. И так, подвигаясь вперед, за ночь прошел три километра и к рассвету кончил весь том. А теперь пишет просьбу прислать ему продолжение.

Конечно, такой жаждущий живой воды мог бы и с другой книгой идти за пожаром, но какая-то капля живой воды, несомненно, заключается и в моем творчестве. Вот эта капля из моего облака и есть основа моего самоутверждения, то есть что я даже не облако *(1 нрзб.)*, а только на одной капле стою (cogito, ergo sum *). И вот это то самое cogito (мысль) и обрекает на борьбу.

19 июня. Бывало, когда станет от чего-нибудь тяжело, в легкомыслии мечтаешь, как мальчик: а вот уйду от всех,

---

* Я мыслю, следовательно, я существую *(лат.)*.

утоплюсь, или замерзну, или просто уйду, и как легко это! И не будет меня. А теперь представляешь остающихся и видишь смерть не физическую только, а и нравственную: подло так бросить людей. Вот только тем люди и держатся и связываются, а те, кто не связан, живут в смутном чувстве ожидания чего-то лучшего.

12 июля. У человека на свете есть две радости: одна — в молодости выйти из дома, другая — в старости вернуться домой.

[*Москва.*]

5 сентября. Большая Мысль, дробясь, блестит, как электричество в коротком замыкании. Вот почему являются *блестящие* умы. А Мысль действительная приходит в молчании и тишине. Дробясь еще сильнее, Мысль переходит к умам практическим (техника, дипломатия, политика и т. п.). И так, все мельчая и мельчая, Мысль становится хитростью.

8 сентября. Мой современник это не тот, кто устраивается потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу свою положил.

13 сентября. По приезде в Усолье вопьюсь в материалы «Падуна» и начну работать на ходу.

[*Усолье.*]

26 сентября. Воспитательницы теряли в Ленинграде своих детей, дети теряли родителей, каждая расстроенная семья, как разбитое зеркало, своими обломками тянулась к целой семье, и так под ужасным давлением жизни сложилась эта семья в 300 человек. Нигде никогда никому ни в старое, ни в новое время не приходилось встречать такой тип семейственности, как на Ботике. В этой семье, конечно, нет прочности, все на случайности: так все счастье вышло, что зима прошлая вышла сиротская, хвати морозы по 40°, как в позапрошлую зиму, едва ли бы уцелела эта семья в помещениях с очень плохим отоплением. Но в том-то и дело, что детдом на Ботике не быт, а личное творчество детей ⟨...⟩ Никто здесь, на Ботике, ничего не придумывал: тут в ужасной катастрофе человеческой из самой глубины как бы Всего-человека поднималась целительная творческая восстановительная сила ⟨...⟩

Милый друг читатель, если тебя, тоскующего по настоящей семье, достигнут наши слова, возьми палочку и незаметно сторонкой приди на Ботик, попроси там пообедать, поиграй, побеседуй и унеси с собой на посев семена жизни.

29 сентября. Не нужно только думать, как часто думают старые люди, знающие по опыту, с каким трудом и болью скоплялось добро и как, значит, трудно будет его восстановить. Это неправда: когда собиралось добро, труден был путь к неизвестному будущему, а раз оно было, имеется уже образ его, то восстановить бывает не так-то уж и трудно: так сгорают в деревне дома,— каких трудов многолетних стало их поставить, а когда сгорит, дома в один год вырастают и еще даже лучше. Так и гиблые нравы войны: тут вдруг дунет правдой, и как пойдет, и пойдет все расти.

[*Москва.*]

4 октября. Буду работать усердно над «Ботиком», мять свои эскизы и сплавлять в цельную вещь. После того крепко берусь за «Падун» и подчиняю этой работе всю остальную жизнь крепко.

8 октября. Войска перешли через Днепр. Начало конца войны (очень всем уж хочется). Выделываю рассказы о прекрасной маме (это будет книга).

17 октября. «Прекрасная мама» [52] принята с восторгом в «Красную звезду». Радует меня «Мама» по следующим причинам: написать в газеты на читателя всей страны и от себя, по-своему, было тайной мечтой моей — и она осуществлена.

Писатель может быть при всяких условиях, он, как личность, больше условий.

18 октября. На всем юге, от Киева до Крыма происходит последнее все решающее сражение, и все уверены, что немцы скоро будут разбиты...

21 октября. Помнишь, друг мой, дождь? Каждая капля отдельно падала, и капель этих всего было неисчислимые миллионы. Пока эти капли носились облаком и потом падали — это была наша жизнь человеческая в каплях: мы, люди, тоже так носимся в виде капель и падаем. А после все капли сливаются, вода ручьями и реками собирается в океан, и опять, испаряясь, вода океана порождает капли, и капли опять падают, сливаясь. Кажется, нет ничего на свете слабее воды — соломинка разбивает струю. И в то же время нет ничего и сильнее: небольшой ручеек разрезает и рушит гору.

Так точно и наша жизнь человеческая: мы тоже в каплях, каждый по отдельности поднимается от неведомой нам какой-то человеческой стихии, подобно океану (самый океан-то, может быть, и есть отраженный образ нашего человечества). Каждый из нас знает, что каплеобразное

состояние жизни не вечно, что за каплей таится какое-то Целое, и в то же время сам свою каплю не может разрушить и должен отдаваться ее неведомому назначению. Помни, друг, тот дождь, всегда носи впечатление от того дождя, во всякое время, во всякий час, на всяком месте, как истинный образ всей жизни человеческой на земле, считая себя самого каплей, имеющей свое отдельное назначение.

22 октября. Любовь — это история личности. Война — история общества.

Движение в любви зависит и от культурности лиц, то есть от глубины связи их.

24 октября. Сама мысль ведь расположена в молчаливой среде, как корни озими в земле. Слово, как рожь, вырастает: рожь из земли, а слово, наверно, из крови? Мозг человека, вероятно, обладает способностью, как барабан, вертеться и на холостом шкифу и приводить в движение молотилку. Вот когда мозг в работе своей не перекинут на кровь, он выбрасывает пустые слова, и мы тогда призываем к молчанию и говорим: разговор серебро, а молчание золото, и понимаем в этом молчании и землю-матушку, и труд наш вековечный, и неверие к неоправданным словам и неприязнь к ним.

25 октября. Радио передало о взятии Днепропетровска и порадовало: конец войны не за горами, а там и надежда на встречу с настоящими людьми, таящимися в порах жизни.

4 ноября. Вчера прихожу в «Советский писатель», там мне говорят, что книжечка моя о радости «Фацелия» [53] напечатана, та самая «Фацелия», которую именно за радость ее запретили перед войной. «Война на носу,— писали о ней,— а он радуется». Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась. Весь день я ходил радостный, и в моей душе это было концом войны.

На 8-й симфонии Шостаковича. Это музыкальный миф о современной войне, вещь настоящая, без подтяжек. Сам Шостакович, маленький человечек, издали, будто гимназист 6-го класса, капризное дитя современности, вместивший в себя весь ад жизни с мечтой о выходе в рай [54].

5 ноября. Подмена любви верой в знание привела к подмене личного усилия переменой внешних условий существования. Вследствие этого стремление познать себя подменялось техникой, и машина сделалась идолом, противопоставленным личности. Люди, утратив понимание личных отношений, отдались во власть идолов: так произошла подмена культуры, как связи между людьми, цивилизацией, связью вещей. И так вера в знание, поднимаю-

щая личность человека ввысь (самолет), стала орудием смерти личности.

7 ноября. Какой-то молодой капитан рассказывал о войне...

— На войне,— спросили его,— лишаются чувства страха и жалости к мертвым?

— Нет,— ответил капитан,— на войне люди очень привыкают друг к другу, очень скоро сживаются и расставаться бывает и жалко, и страшно.

Там у людей очень много дружбы, и я верю, что это они привезут ее к нам после войны.

8 ноября. Бывало, когда такая первая пороша заставала меня в городе, я отводил себе душу на следах по крышам домов. С высоты своего шестого этажа там и тут возле труб я радостно наблюдал путешествия котов, оставляющих разные цепочки следов. Сегодня следов этих не было и белые крыши оставались пустынными: наверно, люди военного времени бросили кормить котов и они постепенно перевелись в Москве.

И в городе даже становится светлей и радостней на душе от первой пороши. «С обновкой, с обновкой!» — встречаясь, говорили люди. Но коты в это радостное утро так и не вышли на белые крыши.

22 ноября. В душе моей, верю я, таятся слова несгораемые, и, сжигая мысленно все свои книги прошлые, я держусь за веру свою в то, что напишу наконец книгу несгораемых слов. Эта вера, однако, держится вся на какой-то вечно дрожащей струнке и — такое дело художника! — на открытой струне: каждый может махнуть по ней кулаком.

27 ноября. Чувство родины сейчас связалось у всех с концом войны: кончится война, сделаем все последнее дружное усилие для конца и тогда все то хорошее, чего мы ждем, будет родиной.

[*Усолье.*]

2 декабря. Валил снег вчера, валил сегодня весь день, и лес наш совсем завалило, лес стал глухой.

— Какое это счастье,— сказала Л.,— сидеть в тепле одним и смотреть, как падает снег! Тебе это вышла награда за твою мучительную борьбу.

— Мне моя борьба,— ответил я,— была в охоту, а вот тебе да, за твое страдание, правда, это счастье.

И мы стали, глядя на падающий снег, распускать кофточку, она распускала и связывала нити, я наматывал.

Снег падал. Клубок мой рос и рос, время незаметно проходило, как будто время, грызущее сердце, покинуло нас и сматывалось в клубок. Стало темнеть.

— Я как-то не чувствую времени,— сказал я.

— А это же и есть счастье — не чувствовать времени: наше время сматывается в клубок.

Мы зажгли лампу и продолжали наматывать, и время шло, и мы его не чувствовали. Потом стало клонить ко сну. Мы уснули, а клубок вырос до огромных размеров.

И спали мы долго, может быть, мы столетия спали блаженные, а наше злое время отдельно от нас все моталось и моталось в огромный клубок.

И сколько снегу нападало. И весь лес стал глухой.

5 декабря. Снежная метель продолжается третьи сутки. К вечеру прошло сразу шесть машин. Мы быстро уложились и распростились с Усольем. Около 12-ти ночи приехали в совхоз Пушкино. Ночевали у Нины Портновой [55].

Эта умная Нина выросла из беспризорства и так, хлебнув в жизни всего горького, с подозрением относится ко всему «сладкому» в жизни. Из этого чувства, подозрения, быть может, даже и всей жизни в ее обмане, вырастает тот путь общественного долга, которым жили наши старые революционеры.

[*Москва.*]

7 декабря. В Дантовом «Аду» не представлено такое наказание, чтобы личность человека под предлогом пользы ближнему превращалась в какой-нибудь рычаг или шестерню, винт, вечно вертящийся, крючок, вечно перебегающий от петельки к петельке, или фонарик с красной и зеленой щекой: красная щека запрещает, зеленая пропускает. Да, в то время, когда писался «Ад», не мог еще Вергилий сесть за руль автомобиля и перед красной щекой фонарика в ожидании, когда фонарик повернется зеленой щекой, сказать своему пассажиру:

— Этот фонарик с красной и зеленой щекой был когда-то человек, преисполненный добрыми намерениями на пользу ближнего, это была премилая женщина Нина Портнова, выпившая всю долю человеческих страданий на пользу ближнего, но не лишенная зрения в сторону источника Света. Так, не видя Дальнего, она выдержала слепую Голгофу на пользу ближнего и после смерти превратилась в сигнальный фонарик с красной и зеленой щекой ⟨...⟩

Ты, Данте, имел счастье жить и творить на небольшом острове счастливых, ты не замечал, что ад давно уже вышел

из подземных своих недр и распространился на поверхности всей земли. Я это лучше могу показать тебе на войне.

8 декабря. Тегеранская конференция временно заделывает всеми ощущаемую тревогу по поводу прочности союза капиталистов с коммунистами. Тревога эта откладывается на будущее, а на сегодня всем радостно объявление начала конца войны. Сила конференции в том, что открывается больше и больше бессмыслица сопротивления немцев: когда и для немца потеряется весь смысл их войны, то все у них, конечно, и развалится [56].

26 декабря. «Новый мир», приняв серию моих новых рассказов для напечатания, внезапно отверг их без всякого объяснения причин [57].

28 декабря. Сегодня в английских газетах (сообщают в «Известиях») была заметка об опасности фашистского яда после войны и приводятся примеры того, как в самой Англии всюду назревают признаки диктатуры. Одним словом, Германия всем оставит большое наследство.

29 декабря. Не дает покоя заметка в газете о фашистском яде ⟨...⟩ и что не только рая, но и отдыха «после войны» не будет, и что не будет даже и времени такого «после войны» и так все пойдет до конца столетия.

А как подумаешь, то что тут нового, разве я не говорил сто раз, что «после войны» не будет и что если есть, то это есть сейчас: в этом мгновении вечность.

Самое вредное дело — это отравляться своими неудачами: надо разобраться, почему же именно «Рассказы о прекрасной маме» были отвергнуты.

30 декабря. Голова этой женщины была повернута в сторону, и я мог видеть только шею с определенно вздутой от усилия поворота жилой. И вот, не видя лица, только по жилке на шее я узнал эту женщину в ее чем-то самом хорошем, самом трудном. Вспомнилась даже мать моя, и отчего-то защемило на сердце, и мне захотелось выйти куда-то, где много-много незнакомых людей, и сказать им об этом от всего сердца, что вот хорошее такое у всех же и у нас есть, и стоит только каждому вспомнить об этом, как и будет хорошо на земле у нас и на всем свете.

1944.

1 января. Под Новый год прочитал «Лесную капель» и был очень обрадован: эта книга *сердечной мысли,* и в своем роде единственная в этом отношении. Это нужно осознать и утвердиться в этом, но никак нельзя этим ласкать свою душу [58].

Сердечная мысль есть величайшее богатство души, и для нее должна быть создана особая наука, вроде политической экономии, обращенной к духу: наука о том, как нужно создавать, охранять и расходовать сердечную мысль (родственное внимание).

В сущности своей сердечная мысль и есть «добрый ответ на Страшном судилище». И вся наша человеческая культура, как дело связи между людьми во временах, есть собрание «добрых ответов».

2 января. Сила сердечной мысли, вот единственная сила, которой строятся души.

5 января. Поэзия и вообще искусство с гражданской точки зрения есть поток мыслей и чувств от неволи к свободе. И мы видим, действительно, что рабство не мешает являться художникам, рабство, бедность, даже болезни (вспомнить только крепостных актеров, художников!). Искусство погибает от неверия и подмены, когда нас начинают уверять, что из стекла можно сделать бриллианты.

12 января. Надо собраться с силой бороться, писать и опять поднять внутренний свет. Надо начать с пересмотра своего положения как писателя: пусть я совсем даже не писатель. С этого начать. «Позвольте! Вы говорите, г. Тургенев, что в 12-м году вся Россия, как один человек, поднялась на врага. Россия — это да! Но человек, что вы говорите. Да какое дело в то время было до человеческой личности, перед кем вставал вопрос о том, как определяется личность человека во время войны».

14 января. Стремись споры мыслей твоих разрешить в своем сердце, а не вовлекать в их борьбу людей и природу. Те, кто так делает,— это они делают мир, и с миром к людям приходят, и называются у людей мудрецами и миротворцами. Наоборот, те, кто бросает незаконченную мысль свою людям, чтобы они, споря между собой, осуществляли начатую мысль, то эти начинатели, действующие так, чтобы за них другие делали, являются властолюбцами и возбудителями войн на земле. Мудрец — это законченный («образованный») человек, властелин — это всегда недомысленник, если только не согласуется с богом.

18 января. На улице все раскисло: течет. Грипп у меня небольшой. Сижу дома и сочиняю «Победу» [59].

19 января. Продолжается оттепель. Зима в чистоту сиротская, но снежная. Пишу «Победу».

23 января. Ночью текло с крыш. Так небывалыми морозами началась война и кончается сиротской зимой: очень крепко немцы начали и теперь растекаются в грязь.

Разделываю повесть «Победа» изнутри: очень идет хорошо.

Тихонов определился Председателем Союза писателей [60].

26 января. Мертвое тепло сиротской зимы ⟨...⟩ Чтение рассказов о детях в Детгизе. Ответ Тихонова: очень сочувствует.

28 января. Едва ли возможна какая-либо на земле жизнь без греха: невозможна, потому что грех есть бродило сознания. Но это вовсе не значит, что каждый из нас для продвижения по пути сознания должен непременно совершить грех. Напротив, каждый, сознавая ужасный грех человека в прошлом, должен строить свою личную жизнь, обходя всякий грех, по возможности даже и безгрешно. И тем более так должен поступать художник слова и еще во время войны, как всем очевидного греха всего человечества. Именно не из греха и всякого соотношения к греху должен художник являть теперь слово. Плохой пример литераторам дал Достоевский, выводя своего святого Алешу из *рода* Карамазовых. Алеша как святой появляется именно *вопреки роду,* и, возможно, оттого он и не удался Достоевскому, что сам Достоевский был лично принижен грехом и не мог оторваться от зрелища разложения рода.

29 января. «Старик Державин нас заметил», и со всех сторон потянулись ко мне руки журналов, и «Новый мир» берет обратно отвергнутые было «Рассказы о прекрасной маме».

30 января. Начал читать Горбатова «Непокоренные» [61] с большим было удовольствием и сочувствием, но, не дочитав первой страницы, сообразил, что герой ее — Тарас с сыновьями, есть гоголевский Тарас, и, значит, патриотизм его условно-литературный, уводящий в сказку, как у Гоголя, но не подлинный, и даже слово «Россия», как он говорит, это опять не из уст действительного современного мужика, а сочиненного, и что Гоголю на свободе тогда это можно было сочинять, а теперь в тесноте это нельзя, не верится. И несмотря на то, что повесть, наверно, очень хорошо написана, я читать ее не стал.

2 февраля. Если в законе, охраняющем жизнь людей от разложения. появится слабость, тогда народ встает во имя правды и этот народно-стихийный Страшный суд без участия бога любви, во имя одной лишь правды и есть революция.

3 февраля. Вечером читал начало «Победы» Замошкину и Удинцеву. Они так очарованы «Фацелией», что новая манера моя писать в «Победе» их смущает. Уверен, что Замошкин это мое изменение приписывает влиянию Ляли. Но он не понимает, что у нас влияние возможно лишь через любовь, а в любви личность растет.

9 февраля. Сколько перемучится женщина, пока сделается покойной старушкой: как ручей-мученик в море вольется.

15 февраля. «Победа» на полпути.

17 февраля. Каждый день хожу через Каменный мост и вижу Кремль, но помню только, что там башни, дворцы, церкви, стены, а какие это башни, как расположены между собой большие дворцы, церкви, не знаю. Весь Кремль в совокупности входит в меня какой-то священной точкой и ложится на сердце, лаская или тревожа его, отчего поднимается мысль, быть может, совсем о другом. Однако сущность Кремля остается во мне, и если бы я вернул опять свое сознание и направил на Кремль и стал бы его изучать, записывать, зарисовывать, то унес бы с собой представление о Кремле, организованное в частях своих внутренней его сущностью.

18 февраля. Вчера закончилась операция с окруженными немцами на юге.

23 февраля. Сегодня в 7 вечера приедет Щекин под предлогом устройства мне вечера. Так или иначе, но вечер в Москве непременно надо устроить, потому именно непременно, чтобы не считали за покойника.

24 февраля. Повесть «Ключ правды» [62] кончается: остается выписать одну главу действующую и два-три эпилога. Движение вперед по технике писания: углем рисунок от начала до конца и после красками.

27 февраля. Война как испытание всей любви: столько слов наговорили о любви, что теперь уже ничего не понять, но война — это проверка словам.

28 февраля. Выписал («углем») последнюю 19-ю главу повести «Ключ правды».

Навестила нас Н. В. Крандиевская (Толстая) [63].

Помню, редактор «Русских ведомостей», услыхав мой устный рассказ, сказал мне:

— Напишите это нам для «Русских ведомостей».

— Хорошо,— ответил я,— сегодня поеду в деревню и там напишу.

— Да почему же уезжать? Садитесь вот тут и напишите.

А я и представить себе не мог, чтобы взяться и вот *здесь* написать. И так вся моя литературная деятельность проходит где-то там, в углу, в одиночестве, а Толстой А. Н. всегда *здесь*, и у меня так трудно, а у него так легко. Крандиевская вполне ему пара, тоже и она талантливая, легкая, светская.

«Ключ правды» в отделке, полируется.

6 марта. Совсем закончил «Ключ правды» (только мелкие исправления и переписка).

7 марта. В среду буду читать «Ключ правды» (1-е чтение). Знаю, что в деталях все прекрасно написано, а пока вслух людям не прочел, не могу сказать, хороша ли вещь, совсем даже не уверен. Пример: «Иван Осляничек» [63а], детали бесподобны, а в целом вещь никуда не годится.

8 марта. Если я мыслью заполнен, то какой же еще мне нужен мир? Я иду в мире, в нем замечая лишь только, чтобы возможно было идти. Но если я мысль потерял, то обращаю острое внимание к миру, чтобы найти потерянную мысль, и мир тоже мне представляется каким-то огромным вместилищем потерянных мыслей, среди которых находится где-то и та, которую я потерял.

9 марта. Вчера читал в первый раз «Повесть нашего времени». В общем, я сам понял и могу впервые сказать, что это действительно сделана вещь та самая, которую я хотел («со славянской душой»). Название «Ключ правды» надо отбросить. Еще надо вступительный тематический диалог (спор) разработать с целью лучшей вырисовки действующих лиц (не слова бы спорили, а натуры). Еще пересмотреть личность сказителя.

12 марта. Почему это бывает, что мысль какая-нибудь обыкновенная и постоянная, если напишешь ее, становится значительной?

Слава поэта похожа на шест, которым гоняют голубей, чтобы они летали и не рассиживались. Поэт, преданный славе, летает, как голубь, под свист мальчишек.

Нет, мало того, чтобы твоя поэзия привлекла к тебе сочувствие и нашла тебе друзей. Нужно самую поэзию освободить от службы тебе и создать вещь независимую, чтобы все вышло, как воздушный шар: ты его наполнил, и он от тебя улетел.

Наше творчество не противно только в том случае, если сам себя не считаешь гением ⟨...⟩ а, зная, какой это мучительный труд, ставишь себя наравне с теми, кто добросовестно выполняет свой жизненный долг, смотря к чему кто приставлен: один воспитывает детей, другой пишет поэмы.

15 марта. Как хорошо сказал Наполеон, что трагедия с какой-то точки зрения может быть больше истории.

17 марта. Лелеял я идеал летописца Нестора, когда начинал эту повесть нашего времени, и потерял: в наше время не может быть Нестора.

19 марта. У людей, соединенных между собой общим языком, обычаями, культом, историей, ну, вот, скажем, хотя бы людей русских, есть в душе какой-то более или менее подходящий образ примерного своего человека, на которого каждый и глядит как на образец поведения и, глядя на немца, на еврея или китайца, сравнивает: «вот какие мы и какие они». Это «мы» берется из себя, с того образа, а «они» — со стороны. Не думаю, что этот субъективный образец своего родного, понятного человека был бы неизменным. Этот образ, конечно, меняется в ходе русской истории, допетровский образ русского человека, наверно, не такой, какой создался в народе после него, точно так же кустарно-земледельческий образ не совсем такой, как образ советского времени.

Но если существует нация, народ, то в глубине его существует и неколебимый образ, что-то остается и связывает эпохи переживаний, как все равно у дна морского не шевелится вода и в бурю. Вот об этом-то человеке я и говорю в «Мирской чаше» как о читателе десяти русских мудрецов.

23 марта. Весь день мокрая метель. Переписываем «Повесть».

25 марта. Вчера Ляля закончила переписку, и я — исправление повести. Теперь: 1) Сделать домашнюю читку вещи Федину и Асееву — чтобы убедиться в значительности вещи. 2) Если при домашней читке увижу, что есть за что стоять, то пошлю ее Тихонову для читки в Президиуме.

Виделся с Фединым [64]. Чтение «Повести» назначено на вторник 28 марта (Федин, Асеев, Вс. Иванов).

Немцы заняли Аландские острова, Румынию, Болгарию, то есть входы в Европу с севера и юга. Завеса будущего как будто шевельнулась, скоро, наверно, подымется.

Никто не может принесть жертву бóльшую, чем простой солдат на войне, пусть изобретатель «Катюши» чем-то

жертвует, но солдат жертвует своей жизнью, как чем-то единственно-неповторимым ⟨...⟩ жертва является свободным решением личности. Следовательно, нашего сочувствия и удивления заслуживает лишь тот солдат, который идет на войну добровольно, и если бы ему разрешили возвратиться домой, он бы отказался возвращаться.

26 марта. Выступали у пионеров в Сокольниках. Чудесные лица детей.

27 марта. Вечером от 7 ½—10 без передышки читал «Повесть» Асееву и Федину. В тот момент, когда я прочитал последние слова повести (в 10 вечера), грянул салют по случаю взятия Николаева. Установили, и я готов этому поверить, что «Повесть» — лучшая моя вещь, лучше «Жень-шеня».

1 апреля. Друзья мои, да разве о таком «себе» я думаю теперь, как думает каждый, противопоставляя «для себя» другим «для себя» точно таким же в своих претензиях, как при распределении земных благ. В существе своем я питаюсь не этими благами, а как ручей питается небесной водой и знает, что никакие силы, даже все падающие на него скалы, не могут остановить его движение.

2 апреля. С утра снежная буря. Все вытесняется из души чаянием близких решающих событий. И написанная повесть отступает на второй план.

В славянстве всегда теплился огонь неудовлетворяемой родовой силы, и наша *сила* теперь именно *родовая,* сила огня. Наша история похожа на историю торфяных накоплений в лесах: заложенная в зелени растений солнечная сила, огонь, не действует, а киснет в воде и накопляется столетиями зеленая снаружи и черная во внутренней массе. Но стоит высушить торф, и скопленная огненная сила действует, и снова не вода, а огонь определит движение.

Вчера читал «Ромео» Шекспира и понимал, что Шекспир жил в атмосфере вечного философского хаоса, выходом из которого было его поэтическое творчество. Его борьба родовых враждебных сил, законченная трагической любовью, это и есть та философия рода, о которой пишу я сейчас ⟨...⟩ Еще удивительно изображение «простого» человека (кормилица). Какое-то на все времена данное...

11 апреля. Борьба писателя за вещь чем-то вызывает сходство человека в борьбе со смертельной болезнью ⟨...⟩ (ничего не поделаешь! приходится помирать, и в то же время чувствуешь право свое на бессмертие).

12 апреля. Начало освобождения Крыма.

Наконец-то вещь сдана в редакцию, и я могу сказать с облегчением: сделал все, что мог.

18 апреля. Человеку свойственно бежать от креста, как бежит от смерти все живое. И ты, мой друг, тоже, конечно, улепетывай, удирай от смерти, пока есть куда драть, и, отбежав, отдохни и порадуйся, даже попляши и песенку спой. Итак, нечего тебе лезть на рожон, пока души твоей не коснется любовь. Вот этого, правда, надо ждать и надо искать и бороться за это: за любовь. И когда придет любовь настоящая, то с ней и крест придет легкий и радостный.

19 апреля. Во время обеда, около 1 ч. дня передали вызов в Кремль к Калинину. Собрались как на пожар, прибыли ровно в 2.20 и пробыли у Калинина 40 минут [65].

22 апреля. С утра солнечно, к полудню небо заволоклось. Мы выезжаем в Усолье.

26 апреля. Вчера мы приехали после обеда. Приехав, узнал, что из рассказов о детях в «Новом мире» все-таки выбросили два основных рассказа.

Очень возможно, что я нахожусь в положении той бабы, которая вместо двери «входа» попала в дверь «выхода» и решила одна пробиться через встречную толпу.

Что же делать в таком положении?

Вот не забыть из беседы с Калининым.

«Почему это,— говорит он,— русская литература стала такой значительной во всем мире? Не оттого ли, что давление на русского писателя было так велико». (Я понял эти слова в смысле: «Этот стон у нас песней зовется...» [66])

27 апреля. Бывает со мной постоянно, что прямое рассуждение сбивает тайную жизнь моего духа. Тогда мне показывается формула: я думаю, значит, я ошибаюсь. В этом «думаю» человек является в своем роде претендентом на какой-нибудь трон ⟨...⟩ Сверхличное состояние духа, по-видимому, и называется смиренномудрием.

28 апреля. Было холодно, ветрено, и эта задержка весны действовала так, будто уже и сам так измучен жизнью, что не до того, не до весны, не до природы, и что все такое, связанное с охотой, с поэзией, кончилось.

29 апреля. В 10 вечера позвонили мне из Союза писателей: «Умер Новиков-Прибой».

Алексей Силыч Новиков-Прибой был добрый человек для семьи, и по «Цусиме» видно, что эту добродетель поднимал выше, вообще к человеку.

30 апреля. Против окна моего через двор за крышей флигеля главы церкви с облупленным железом. Направо, на главном здании, на крыше торчат две пушки-зенитки, и между ними сейчас, когда я пишу, очень высоко, как ласточки, парят кругами два коршуна. Смотрю на коршунов и вспоминаю Блока в новом для себя освещении:

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить? [67]

5 мая. Я сказал бывшему летчику, ныне заведующему рыболовной станцией «Ока»: «Все истинные отношения людей друг к другу состоят в том, что один человек открывает в другом личность и тем поднимает его и, даже иногда, можно сказать, воскрешает. Так, например, читатель открывает писателя, и в этом вся культура человечества: культура как дело связи». Летчик с большим вниманием слушал меня и даже с большой радостью.

6 мая. Легко родить, как вся природа рождает, но как родить то, чего нет в природе («этот некий плюс»)?

Это усилие, это сверх, ускорение темпа, борьба со временем и проч.— то, чего *нет.*

7 мая. Видите, в чем теперь тревога... Ведь в конце-то концов у каких-то людей в народе в тылу происходит же работа совести, отвечающая победам на фронте, и тут и там в существе должно быть единство, и там, фронт не может работать без тыла, и тут, наш тыл не может держать бодрое настроение духа без видов на лучшее.

9 мая. Ночью в 1 ч. нас разбудил салют: наши овладели Севастополем.

12 мая. Эскалатор работает, как водопад, или, вернее, человекопад. Все задумываются, как бы застывают в движении, которое себе ничего не стоит. Тогда каждое лицо, даже самое грубое, вызывает жалость к бедному человеку, обреченному быть жертвой непонятного ему созидания.

Смотришь на такое лицо, и жалость охватывает, понимаю теперь, почему: человек спешил и весь уходил в спех, а теперь за него машина спешит, и он остается сам с собой и еще не может с этим освоиться, и эта-то детская беспомощность человека и возбуждает жалость к нему.

Все мученье их в том, что они слепо доверяются времени и, как дети, надеются *успеть,* но время их обманывает и вдруг оставляет...

Жалко смотреть на них и хочется сказать каждому: не верьте времени, дети мои, не вверяйте себя ему, не спешите, не думайте, что время есть деньги, время есть смерть, и вы будете тогда только люди, если вступите со временем в смертельную борьбу: я или ты!

На электричке ехал в детском вагоне, вошли слепые, один играл на гармошке, другой пел о том, как на Западном фронте геройской смертью погиб молодой человек и как дома плакала его мать. Все женщины в вагоне плакали, видно было насквозь, как много в стране страданий и горя, так много, что, глядя на плачущих, даешь себе обет как можно осторожней обращаться с людьми на улице, в трамваях: почти каждая женщина — сосуд страданий и горя.

21 мая. Сегодня вся Москва едет в поле с железными лопатами, не могилы копать, а огороды. И блажен, кто молод! Смотришь и радуешься силе жизни, побеждающей скорбь.

23 мая. Из Кремля звонок от Калинина — завтра в час дня на прием.

24 мая. Всю ночь шел теплый окладной дождь, и утро серое...

Ни малейшего волнения не чувствую за судьбу повести: сделал, что мог.

В 1 час дня мы пришли в комнату номер 50 (Кремль, дом Правительства).

27 мая. Все еще чувствую боль от поражения в Кремле (главная-то боль от сомнения, что, может быть, написал-то я не так хорошо и сунулся в печь, как ребенок) [8].

Погода ужасная, холод и буря. Березка перед моим окном едва только оделась, и так нежна еще зелень, что сквозь нее видны все сучки, от больших и до самых тоненьких. И вот буря треплет ее, бросает в стороны, гнет чуть не до самой земли. Как это ужасно ⟨...⟩ сколько надо было жить, мучиться человеку в этом безобразном хаосе, чтобы научиться удерживать в себе постоянную мечту и веру в возможность лучшего.

1 июня. Начало решения писать «Канал Сталина» (Былина).

Может быть, в этот раз наконец возьмусь и осилю?

Тема о едином человеке: всем *хочется* жить по-своему, а надо, как *надо:* всех сколотить в одного.

10 июня. Дождь летний и день пестрый, то солнце, то дождь. Огороды в восторге. Как это странно бывает, что вот

все же знают, осенью будет не почем картошка, и все-таки все сажают ее именно, может быть, потому-то и взялись, что чуют конец войны, навалились всем миром покончить страшное дело.

12 июня. Куст смородины разросся, ветка нижняя отяжелела и склонилась к земле... Тогда на месте соприкосновения живой ткани с землей появились корешки, и так начался новый куст смородины: не от корней произошли в этом новом кусту ветви и листья, а, напротив, корни явились из веток.

Так у нас были юношеские споры о том, что экономика (корни) лежит в существе идейных надстроек и, наоборот, что мысли породили экономику. Из этого спора выходит настоящая война, хотя в жизни так бывает и так, и вообще куст смородины растет себе и растет, как единое существо со своими ветвями и корнями. Однако если вглядеться в жизнь куста смородины, раздумывая о нашей собственной жизни, то как это удивительно похоже, у них и у нас: все споры у них происходят, как и у нас, наверху между ветками и листьями, тут все дерется между собой, и в лесах во время ветра постоянно даже слышать можно удары и стоны, подобные человеческим. Но корни растений всегда молчат в глубине земли, и всегда заняты делом, и никогда не дерутся между собой, как идеи-листья наверху: корни, даже в самых трудных случаях, огибают друг друга, и мочки их действуют только в отношении всасывания необходимых растению минеральных веществ.

Все скажут, что узнавать свою человеческую жизнь по жизни растений есть символизм, но я не хочу и не хочу называть это символизмом, и вот почему. Символизм — это прием в искусстве, подчиненный человеческому разуму. У меня же все происходит не от разума и не для каких-нибудь целей в искусстве. У меня в душе и теле есть действительно общая жизнь со всякими живыми существами, и с растениями, и с животными.

Сажусь за руль машины, набираю скорость, вижу зайца на пути, мчусь за ним, он от меня, и тогда сам чувствую себя в этом движении, как животное.

Я не пользовался ни школами, ни приемами, я соприкасался своей личной жизнью с жизнью всего мира и записывал это сопереживание, как путешественник: видит новое, удивляется и записывает.

Скорее всего и взрослые люди, как дети, не хотят принять жизнь просто удивлением, как чудо, а ищут причину. Взрослые люди, чтобы отвязаться от детей, дают им

какую-нибудь ерунду вместо причин. Точно так же и критики чудеса искусства стремятся *понять* и свои ограниченные придумки: символизм, реализм и т. п.— передают как объяснение чуда.

— Вы натуралист,— сказал Калинин.

— Нет, Михаил Иванович,— ответил я,— скорее всего я реалист.

12 июня. Жара. Узнал о нашем наступлении на Финляндию [69].

13 июня. Разгорайся же сильней огонь в этой печке, а я смотаю все свое барахло в узел и, когда разгорится сильней огонь, все швырну, оденусь в новые одежды и еще поживу. И как хочется! И знаю, что так точно каждому хочется.

16 июня. Странно, что вспомнилось это мне сегодня в цепи размышлений моих о вторжении союзников в Европу. Можно сказать, весь народ не доверял союзникам, все говорили, что 2-го фронта не будет. Факт 6-го июня [70], казалось бы, должен бы убедить в обратном.

Вспомнив по случаю «машинного вторжения» времена Мережковского, увидел себя самого собакой, умными глазами следящей за речью людей. Стыдно и больно! А между тем если переживу наше время, то опять окажется, что тоже собакой ходил. Недаром же я и люблю так собак и так страдал в молодости от собачьей любви.

Ох, Михаил, пересмотри свой душевный багаж, не отстаешь ли ты от времени, как гусь, отстающий от стада. Гусь-то ведь потому отстает, что болеет, устал, и ты, может быть, лишь воображаешь, что впереди, а сам лишь просто отсталый и самоуверенный.

22 июня. Сегодня 22 июня, третья годовщина войны.

— И в голову тогда не приходило, что выдержим три года войны с немцами! — сказал я.

— Кто мог знать! — ответила Ляля.

26 июня. С рассвета окладной дождь. Последнее немецкое изобретение, управляемый по радио самолет, имеет форму сигары, летит прямо, как его запустят, и не может уклоняться при нападении, не может защищаться при скорости меньшей, чем у истребителей. Весь немец сказался и кончился в этом последнем выпаде.

Русские пережили такое отчаяние, о каком и не снилось союзникам, и этим — странно! — именно этим они и сильны.

27 июня. Еще я думал о своей матери, которая в 74 года

не дожила до старости и внезапно умерла ребенком. Я помню, однако, ее мрачные часы и, может быть, дни, когда она глядела не такими, как всегда, глазами, как пыталась заговаривать о страшных вопросах по Толстому, по Евангелию и ничего не могла сказать своего, только видел в глазах ее страх перед этим «чем-то». И, по правде сказать, недалеко я ушел от нее, и страшно мне теперь думать о том, что я-то, может быть, должен дальше идти и болеть.

1 июля. Конец войны кажется по всему смыслу событий очень близким. Всем кажется странным упорство немцев.

4 июля. Немцы провалились в своем порыве по тем же причинам, как и Раскольников в своем преступлении. Причина эта заключается в подстановке частного вместо Целого; человек в своем Ratio есть частное.

12 июля. Техника в руках некультурного человека так же действительна, как и в руках культурного.

Техника аморальна.

Техника завлекательна и затягивает в себя человека, подобно болоту (берешься на досуге что-нибудь починить и «незаметно» проходит большое время).

В технике ты тратишь время не для себя: ты делаешь машину, другой, ничего в ней не понимающий, садится в нее и едет. Связь этих двух людей ненравственная.

Машина — это организованная для полезного действия материя.

13 июля. Чехов — поэт нежных прикосновений к страдающей душе человека, но ему не хватает героических порывов, подобно Горькому. Но ведь кто из нас не пробовал героический путь?

Всем хочется быть героем, попробует и останется ни с чем. Бывало, в юности едешь домой героем: чего-чего о себе не надумаешь и везешь показать домой. А когда приехал, всего-то тебя рассмотрят, и тебе самому станет стыдно за свой надуманный героизм, за свою позу. Среди родных, просто любящих людей ты проверяешь себя и сбрасываешь все лишнее.

Вот и Чехов был у нас таким раздевальщиком «героев», читая Чехова, становилось стыдно позировать. Чехов своим искусством давал нам образцы поведения, он был в числе десяти, двенадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. И это было согласно простому народу, который в наше время верил, что книги не пишутся, а они падают с неба. Вот почему в наше героическое время и выдвигается Чехов как великий писатель. В наше время героических требований к личности Чехов, яркий предста-

витель нашего русского родного дома, каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет.

18 июля. Чеховский вечер в Москве. Москвин один [71], совсем молодой, говорил о Чехове в свете любви. Он тронул меня. Я обнял его, и мы сели, за минуту незнакомые, в одно кресло: я в кресло, он на ручку: и говорили, и говорили, как юноши.

— Так вы говорите, что мне речь моя удалась? — спросил Москвин.

— Единственная речь.

— И так вот вся жизнь, сколько выступал, сколько учился и ничему не научился: каждый раз выступаешь с волнением и с тревогой спрашиваешь: ну, как?

27 июля. И что делать, как ни храбрись, Михаил, но ведь это арифметика: 71 год! ⟨...⟩ сидеть бы тебе спокойно и приводить благоговейно свои мысли в порядок для посмертного действия ⟨...⟩ Чувствую, что для этого нужно лишь решиться на что-то одно и достигать.

28 июля. В сумерках, услыхав наши позывные, казалось, недалеко, пошел на них в туфлях, с непокрытой головой. Чем дальше я шел, тем дальше отходили от меня позывные. Возле железной дороги стоял какой-то пожилой гражданин тоже с непокрытой головой, и мы вместе услыхали с ним, что взяли Седлец.

— К Варшаве подходим!

— Ну, конечно, подходим, а вчера взяли 5 городов: Львов, Нарву, Иван-город, еще... забыл, да что говорить: немцы в упадке, а мы на подъеме. Что тут!

29 июля. Символ — это указательный палец образа в сторону смысла. Искусство художника состоит в том, чтобы образ сам своей рукой указывал, а не художник подставлял бы свой палец. Настоящему художнику незачем об этом заботиться: живой образ непременно родится со своими ногами, чтобы странствовать по свету, и со своими руками, чтобы указывать путь.

3 августа. Берусь за перо и не вижу длинных темных коридоров, стен каменных и железных, через которые должно пройти мое слово и там постучаться в сердце моего читателя.

4 августа. Весь день занимался фотографией и в этом деле хорошо забылся от переживаний тоски по литературной деятельности.

Как-то случилось вдруг после «Повести», что исчезла всякая охота писать для печати.

Сколько *ума* в стихотворениях Лермонтова, того ума, с которым борется каждый поэт и подчиняет его, как служебную машину. Этот ум у поэта, как кость у борца, как сталь у кинжала.

5 августа. Ночью во сне писал «Раздел»: то есть о старом времени в новом освещении — признак того, что во мне происходит писательская внутренняя работа.

7 августа. Дни стояли очень холодные, как в конце сентября. Сегодня теплее, но ветер шумит.

Чувствую, как унизительно мне унывать и непристойно, мне, написавшему такие радостные книги.

8 августа. Истинный художник не может быть аполитичным ⟨...⟩

12 августа. Начинаю сочинять «Падун».

13 августа. Вчера читал «Падун». Если бы мне удалось сделать из этого фабульную вещь, это было бы превосходно.

18 августа. Мне кажется, что только у себя на родине я чувствую тайну жизни, не захватанную разумом («странною любовью, ее не... рассудок мой» [71 а])... При нынешней-то механизации! И вот именно при ней-то я и начал особенно ценить «бесполезное», что где-то само живет и, кажется, только у себя, на родине. Что же это такое?

24 августа. Бог знает, с каких времен у канав этой старинной дороги растут березы. Одна, по которой перебегает легкая тень, была особенно древняя, вся в глубоких темных морщинах, и белого березового на стволе совсем ничего не осталось внизу. Но вверху сила жизни поднимала березу к солнцу, и там у нее в куще было и бело и зелено.

И я думал о себе,— сколько темных морщин у меня на душе и на теле, и в то же время чувствуешь, что нельзя на них останавливаться, перебирать их отдельно, что кто-то в себе повелительно требует выйти из этих морщин.

Вот и сейчас чувствую, что стоит мне усилиться, написать «Былину», и все вопросы жизни, о которых я так много и мучительно думаю, исчезнут, как не были.

Это значит, надо скорее писать. Это значит, что вершина, куща моей древней березы еще зелена и бела.

25 августа. Читал Метерлинка «Жизнь пчел» [72], нашел опору постоянному моему чувству природы, не имеющему разумного оформления: мне часто кажется, что единственное наше превосходство в отношении животных, наш разум, в действительности не есть лучшее качество животных, что, может быть, они и видят мир лучше, и радуются лучше.

26 августа. Хорошо, если машина заменяет только рабочую силу, но время, когда машина заменяла только силу, давно прошло. В машинный век машинные отношения стали заменять прежние человеческие отношения. В этом, конечно, не машина виновата, как не виноват самолет в данном ему назначении швырять бомбы на города.

В то далекое время я и не мечтал о писательстве, но когда безумно влюбился, то в разгар чувства где-то в вагоне на бумажке пытался записать последовательно этапы моей любви: писал и плакал. Для чего, для кого, зачем я записывал? Боже мой! А пять лет тому назад, когда начался роман с Лялей, не то же ли самое, приобщаясь душой к тайнам жизни, не водил ли я то же своей сивой лапой по бумаге?

«...Жалкое существование людей, живущих в забвении своих вечных прав...» (Метерлинк). Да, да,— вот именно это! Все, все кругом не помнят своих вечных прав.

Он сказал: «Наша душа». И я внезапно почувствовал существование единой души всего мира, прикосновение к которой мы чувствуем, как свою *личную* душу.

27 августа. На всех фронтах немцы разваливаются, нависла катастрофа над всем гитлеровским делом.

Чувство свое национальности в существе своем дает по меньшей мере сознание той особенности своего народа, какой нет у других. И это вполне здоровое сознание. Порог национализма начинается с того момента, когда национальная особенность превозносится, как превосходство над всеми, дающее право господства.

Михаил, будь счастлив тем, что твой ландыш простоял за каким-то листиком и вся толпа прошла мимо него. И только под самый конец, только одна женщина за тем листиком открыла тебя, и не сорвала, а сама наклонилась к тебе. (Во время чтения книги Федина «Горький среди нас».)

30 августа. Детский журнал с моим рассказом «Лесной доктор» [73]. Вот как надо писать и «Падун».

Все чувствуем уверенно наступающий конец войны, и после Румынии [74] уж не знаю, как дальше будет, меньше стало тревожного ветра из будущего. И как бы ни было трудно, все-таки ведь долго же не будут выстреливать труд человеческий, чтобы разрушать жизнь.

11 сентября. Истинного реалиста можно узнать, перечитывая его какую-нибудь вещь до тех пор, пока, если он не реалист, а придумщик,— не откроется читателю сюжетная

канва, по которой он расписывал; если же он действительно реалист, то сколько ни читай, никогда не найдешь канвы: или она так искусно выдернута, или художник сам *поверил* в правду своего изображения, забылся от себя совершенно. Вовсе и не надо для реалиста, чтобы в действительности было то, о чем он говорит. Нужно, чтобы он верил в действительность того, о чем он говорит, и обладал способностью уверить в этом читателя. То, что у Гоголя, нет в действительности, но он всех уверил, что это так есть. И вот он реалист.

15 сентября. Позавчера проводил громадный караван журавлей и подумал: «Вот они летят, и я когда-то летел, а теперь я уже не перелетная птица».

6 октября. У каждого писателя есть страшная опасность сорваться с своего корня. Трудность писательства вся в том именно, чтобы (*1 нрзб.*) слово, не отрываясь от места, а как сорвался — писать очень легко, и вот это соблазняет.

9 октября. Сколько ужасно несчастных людей, и все эти горя́, как реки, вливаются во всенародное горе-море, в войну.

18 октября. Толстой путем своих писаний хотел сам для себя уяснить нравственный смысл жизни. Природный художественный талант пришел ему на помощь. И так «Война и мир» стала картиной толстовского нравственного сознания.

19 октября. Начал работать над вариантом «Повести».

21 октября. Мужчина всегда стремится уйти на сторону, на работу, на базар, на войну: он туда от-влекается и оттого всегда отвлечен. И оттого его деятельность жестока к человеку конкретному, к личности. Вот тут-то в утверждении всего личного и начинается власть женщины.

Если ты хочешь увидеть невиданное и сказать о том, чего не было, смотри теперь во время небывалой войны на женщину, как на хранительницу личного начала.

24 октября. Вспомнил, как я несправедливо выступал в «Кащеевой цепи» против учителей елецкой гимназии [75]. Нужно было пройти таким 60-ти годам, чтобы учителя были поняты мною как хорошие учителя.

29 октября. Читал эпилог «Войны и мира» (философия истории) и вспоминал, что после чтения всякой философии остается, между прочим, некоторое смущение: потихоньку от философов спрашиваешь себя: не в том ли цель философии, чтобы простую, ясную мысль, действующую полезно в голове каждого умного человека, вытащить, как пружинку из часов, и показать в бесполезном состоянии.

Это можно видеть по «Войне и миру»: автор в эпилоге взял и вытащил всем напоказ пружинку, приводившую в движение художника, и читатель дивится, как могла такая жалкая пружинка приводить в движение такую чудесную жизнь.

Вот к чему и сказал мудрец: «Бойся философии», то есть бойся думать без участия сердца (любви). И хорошо сказано, что «бойся»,— это значит: думать надо, думай, но *бойся!*

31 октября. Пережив обиду весной с «Повестью», теперь осенью хватился за ум, увидел слепые места, слепые лица, поправил, и обижаться не на кого.

2 ноября. Переживая любовь, человек переживает всю историю культуры человечества, начиная от каменного века и кончая возможностями, заложенными в его личности.

10 ноября. Боже мой, как страшно забвение: был человек, и я его забыл, ведь так близко к этому: убил.

12 ноября. Закончен второй вариант «Повести». Отдам на чтение Вишневскому («Знамя»).

17 ноября. Сегодня выступление у географов.

18 ноября. Вчера выступал во 2-м МГУ [76]. Мне удалось, мне кажется, дать им понятие о личности. А это не мало! Профессор сказал, что этот вечер надолго останется в памяти у слушателей.

Из хаоса вчерашнего вечера моего в университете только теперь начинает показываться мне самому, о чем я говорил. Тема моя была тема о личности. Я им говорил, что пережил революцию много раньше 1917 года, и оттого когда пришла настоящая революция, то я не сомкнулся с ней, как в юности, а совсем напротив: я принял ее как вызов себе самому. «Революция! — говорил я себе,— но кто же ты сам, с чем ты можешь выйти к людям, кто ты?» Революция была мне хлыстом, подгонявшим меня к выявлению личных сил. Я был довольно чувствительным, нервным и горячим конем, и достаточно умным, чтобы не сердиться на хлыст, который висит надо мной... В этом пробеге теперь я, оглядываясь назад, ясно вижу путь личности...

24 ноября. Опять ноябрьская слякоть. Рыбников [77] объявился: вернулся из Люблина (реставрировал спасенную от немцев картину). Рассказал нам событие: Третьяковка вернулась в полной сохранности. Мы еще помним, как ее увозили.

27 ноября. Пусть и стар я годами, но не от старости просыпаюсь я до света: меня будят мысли. Сегодня меня разбудила мысль, как мне кажется, самая основная, самая главная мысль нашего времени — это вопрос о том, как снять с глаз черную повязку у человека, потерявшего близкого: мать — единственного сына, жена мужа, сестра брата. И как и чем заменить эту утрату, чтобы страдающие утешились и радовались жизни?

В «Рассказах о прекрасной маме» я этот вопрос опускал в детское сознание и предоставлял замену утраченного росту, как делают доктора при лечении ран.

1 декабря. Самая правдивая поэзия — самый большой вымысел (Шекспир. «Как вам это понравится»).

10 декабря. Когда перевалит за семьдесят, то кажется, будто смерть людей так и косит, так и косит, и мир мертвых становится больше намного мира живых (так оно и есть в действительности). И вот по мере того, как люди, мои сверстники, отходят, мне кажется, будто они поручают мне сказать о них оставшимся и своим писанием я выполняю их поручение. Мне кажется, я даже и знаю, что именно мне надо сказать, а тревожит одно, сохранятся ли среди живых еще такие, кто может понимать мой язык о мертвых.

14 декабря. Мне кажется, будто и писать-то мне больше нечего, и не нужно это, и я не буду больше писать, потому что больше и читателя моего нет.

Мало кто понимает это состояние души писателя, когда у него отнят читатель. Обыкновенно говорят: «Пиши для будущего, кончится война, все напечатают». Это все равно как актеру в пустом театре говорить: «А ты представляй!» Не понимают, что писатель, когда пишет, то чувствует себя тоже, как и актер, в обществе, что творчество происходит непременно в атмосфере незримого присутствия и неслышимого созвучия.

30 декабря. Какая-то старушка через «Новый мир» прислала мне как любимому писателю трогательное поздравление с весной света. И сколько писем таких я получаю.

31 декабря. Прощай, старый год! Свет уже прибавляется, и опять, не помня зла, встречаю Новый год, и опять жду и себе чего-нибудь хорошего, и всем хорошим людям желаю скорого возвращения близких.

1945.

3 января. Вечером были у Асеева, слушали поэта Мартынова. Поэты столько вкладывают себя в чтение, что, услышав, вовсе не можешь судить: кажется, все хорошо.

А тут еще Маяковский, которому и Асеев и Мартынов так привержены ⟨...⟩ В этой школе Маяковского, несомненно, хорошо, что поэт делает усилие выйти из пошлого круга мелодийных чувств в сторону мужественно действующего слова...

4 января. Разыгралась катастрофическая битва за Будапешт:[78] если и тут немцы будут разбиты, можно надеяться, что это будет началом общей немецкой катастрофы.

8 января. Рузвельт в своей новогодней речи сказал: 1) что капитуляция противника будет только первым шагом в деле восстановления мира, 2) что этот год может быть и должен быть решающим поворотом от войны к миру.

10 января. Узнал, что Фадеев читал в Союзе свой новый роман «Молодая гвардия», и с большим успехом.

17 января. Грохнуло наступление наше в Польше: Кельце, Радоме, под Варшавой.

Взяли Варшаву. Пошли на Берлин, двинулся весь фронт.

18 января. В голове кружится мысль о победах, возвещенных вчера (Варшава, Ченстохова и вообще Польша). Вот теперь подходит конец игре. Немецкий план теперь совсем ясен: ввиду того, что наступающий теряет больше, чем отступающий, они, отступая, били нас и думали, что, пока попадут к себе, выбьют нас и все развалится. Оно правда становится тяжело: трудно представить себе жизнь такую еще на год (а там бог ведает). И вот теперь последний удар и победа, или опять сидеть у границы в тревоге... Как будто наступили решительные дни.

Если немцы провалятся, то будем судить Гитлера за умысел (говорится злоумышленник, но не говорится доброумышленник, умысел содержит в себе зло).

19 января. Крещенье вышло не водой, а огнем, весь вечер час за часом гремели пушки салютов по случаю взятия Кракова, Лодзи, почти всей Польши и начала окружения Восточной Пруссии.

20 января. Небо чистое, мороз небольшой, не крещенский, так вся зима проходит милостиво, и холод только в домах.

21 января. Взят Тильзит и мало ли еще чего! Все это входит в историю, и мне записывать незачем.

25 января. Две недели наступления, и занята вся Польша, почти вся Восточная Пруссия, и в Силезии вышли на Одер.

26 января. С шумом, треском и блеском мы наступаем, но на Западном фронте мрачное молчание, и в такой момент! (8 километров от Познани, 200 км от Берлина.)

28 января [78а]. Вечером был «Октябрь», читал им «Мирскую чашу». Говорили самое лучшее.

29 января. Изо дня в день метели, и так зима выправляется. Только вот под снегом над растениями остается же ледяная корка? А впрочем, то ли мы пережили, то ли еще предстоит пережить. Наша страна теперь не только земледельческая, а и промышленная, а и военная.

Моя повесть «Рассказы о прекрасной маме» и несколько военных рассказов являются, конечно, результатом моего личного душевного усилия соединить разлучаемых смертью людей. Вот это усилие смутно почувствовал Вишневский, когда после чтения сказал Тарасенкову: «Вот это и есть, о чем мы спорили в редакции, вот оно самое. Симонов говорил, что этого ничего не надо, что жизнь новых поколений после гибели на войне старых сама себя выправит. А мы утверждали, что в художественной литературе мы должны показать не «само собой», а наше усилие к этому, мы должны оправдать радость жизни грядущих поколений».

30 января. Вторглись в Померанию.

1 февраля. День хорош, мороз маленький, тихо, свет обнимает каждый дом и все хорошее показывает, а мы от этого радуемся, на плохое сами не глядим.

Показалось начало разгрома Германии.

2 февраля. Помню, как шел я, бросив свой хутор, оврагами, чтобы только не заметили и не убили. И встречается мне лично сочувствующий мне «беднейший из крестьян» (где-то записал, как его звали) и, жалея меня, утешает:

— Не горюй, друг мой, не сердись, а понимай, что хорошо пожил,— пожил и будет: другой и дня такого не проживет, как ты жил годами.

Вот то самое чувство Неминучего тогда охватило меня и в свете этого чувства смешной и жалкой показалась жизнь людей, построенная на каком-то праве на личное благополучие.

Вся масса немецкого простака шла в Россию за кусочком этого земного лучшего при глупейшем сознании, что если ему в руки попадет это лучшее, то от этого всем будет лучше. И они жгли, стреляли, душили славян, воображая, что вся эта казнь имеет целью лучшее для всех в мире людей. Гитлер вовлек немецкого простака в эту человеческую трагедию.

А впрочем, стыд личного счастья есть основная черта русской культуры, и русская литература широко распространила эту идею, тут весь Достоевский и Толстой.

Итак, мысль оправдания земной радости, легшая в основу «Рассказов о прекрасной маме» и «Мирской чаши», и есть та трудная мысль, о которую спотыкаются.

7 февраля. Вчера прорвали фронт под Бреславлем и вышли за Одер. Тотальная война падает на немцев. И «Большая война», провозглашенная Гитлером, скоро поставит их всех на колени (и Гитлер будет, как Раскольников, заумный человек, принужденный стать на колени перед своим народом).

Каждый человек теперь становится нам как прохожий, и совершенно исчезает иллюзия личной вечности, в которой каждый, бывало, приходил в этот мир. «Все умирают»,— знал каждый из нас,— но для себя думал в тайне души, что «я-то, может быть, еще как-нибудь проскочу».

Вот это чувство жизни как вечности в наивном сознании очень похоже на тот дополнительный бледный круг, с которым приходит иногда на небо новорожденный месяц: сам как проволочка тоненький, а мнит себя законченным кругом. И мы знаем, что это мнение у месяца не ложное. Так и это чувство вечности личной жизни у человека тоже означает ее наличие: каждый из нас проходит по жизни со своим дополнительным кругом. Теперь же, когда каждый стал скорым прохожим по жизни, не успевающим дать свой дополнительный круг, над этим полем живо-мертвых людей, как полная луна, все ходит в сиянии круглая вечность сама по себе.

9 февраля. Снег идет. Вчера прочитал в «Правде» о конференции «в районе Черного моря» президента США с двумя премьерами [79]. Чувство такое, будто каждый из нас, живых, дотянулся наконец, достал и пальцами ухватился за конец войны.

10 февраля. Вчера мы вспоминали за столом предсказание Флоренского о наступающем веке амазонок. Говорили о том, какие это будут новые амазонки, и, далеко не заходя, брали женщин из времен обороны Ленинграда. Почему же так уступили мужчины? Да очень просто, потому, что ведь врагом-то был не мускулами или разумом сильнейший враг, а тем, чем силен голод. И женщина, вековечно обреченная на черную домашнюю упорную работу, на рождение и уход за детьми, понятно, оказалась устойчивей в борьбе за

жизнь. Согласно с назначением к рождению детей и заботе о их пропитании и здоровье, у женщин выработалась особая материнская психология...

— Да вот,— сказала Галя,— смотрите сейчас на детей.

За столом были Лева и Леночка, и оба они получили по шоколадной пластине. Лева, на несколько лет старше Леночки, не мог удержаться и мало-помалу съел всю свою шоколадину. Напротив, маленькая берегла свою и не трогала.

— Ты почему же не съешь свою? — спросили ее.

— Как же я ее съем одна: дома же у нас еще Дина, надо с ней поделиться.

После этого я почувствовал жизнь свою, как этого мальчика с шоколадкой, съел свое, был этим доволен и радостью жизни своей делился с людьми, и люди мне были благодарны за радость. А жизнь Ляли я почувствовал, как жизнь этой девочки сегодня вечером: не может насладиться одна и все ждет кого-то, чтобы вместе съесть свою шоколадку.

Да и свою ли только жизнь понимаешь по этому примеру, разве не весь мужчина, как творческий деятель, такой, как этот мальчик, и разве не вся женщина в своей любви такая, как эта девочка.

И разве вся современность не в том теперь состоит, что на первое место выступает девочка?

11 февраля. Не поймешь, я ли сам вхожу во время или время входит в меня, все равно: ничего не зная в политике и дипломатии, чувствуешь себя современным. Мне только надо дождаться своего срока, чтобы схватиться за ручку времени, привеситься к ее поезду и помчаться.

13 февраля. Узнал я о Крымской конференции только утром и, очухавшись от волнения, пошел Ляле рассказал. И мы радовались с ней согласной эгоистической здоровой радостью, как радуются узники, подмечая признаки близкого освобождения.

14 февраля. Есть две основные власти, это власть мысли (логоса) и власть бытия. Степень преобладания той или другой силы определяет характер исторической эпохи. А то, что мы называем культурой — это, вероятно, есть сумма редких моментов согласия власти мысли с властью бытия.

Сейчас еще теплится Мысль возле страдающих, но если новая эпоха принесет освобождение от голода и страха, то человек обратится в скотину. Мы этого, однако, не думаем, потому что «праведников» (то есть личностей) достаточно

в обществе, чтобы в решительный момент сила Мысли удержала Бытие от разрушения.

15 февраля. После объявления в Крыму разгрома Германии во всей силе стал вопрос: за что же умирают немцы, какой смысл их героизма?

24 февраля. Из «Правды» узнал, что умер А. Н. Толстой. Так еще один мой спутник ушел.

6 марта. Чагина позвонила в 11 утра: вчера умер Шишков.

Вымирает гнездо писателей школы Ремизова...

Это было в то время, когда уже прискучил декадентский звон прославления в лице своем сверхчеловека и стало зарождаться движение, теперь можно назвать его своим именем: движение патриотическое. Историки литературы, может быть, сказали что-нибудь об этом движении или собираются сказать, я же могу говорить о нем лишь по себе и тем немногим друзьям, которые были со мной.

8 марта. Похороны Шишкова. Хороший был человек: прямой, честный, добрый и с юмором.

10 марта. Узнал, что Рузвельт с 1914 года живет без ног и его переносят с самолета в автомобиль шесть постоянно с ним следующих людей. И так живет и сейчас управляет миром одна из светлейших голов.

В отношении смерти люди бывают бесстрашны — это те, кому терять нечего и некого. А то есть, кто боится смерти, как животное боли и потерь нажитого. А то есть страх не за себя, а за ближнего. И вот это единственный страх, который непреодолим и является целебным источником жизни.

21 марта. После войны самолетное передвижение добьет чувство пространства и даль перестанет манить человека. Этот процесс сопровождается во мне привыканием к городу и критикой толстовства, наверно, бессознательно определившего мое влечение к природе. Недавно еще в разрушениях города бомбами я понимал возмездие за нарушение жизни природы человеком. Я понимал город как болезнь. Теперь это сектантское чувство прошло у меня, и деревце в городе мне становится выразительней, чем лес в деревне, и цветок на окне сладостней целого луга.

23 марта. Социализм, в смысле соединения людей — это что ни говори, а есть мировая тема нашего времени. Соединение всего разрозненного человека в единое существо стало настоятельной необходимостью, как будто человечество теперь подошло к потоку, через который для дальнейшего движения необходимо перекинуть мост.

26 марта. Теперь, когда немцы обманули, тут уже Америка не купит нас консервами. На каждой улице теперь мальчишки гоняют и гремят консервными банками. Это не банки — это русские косточки гремят. Нет, теперь уж больше не обманешь, не купишь. Русский народ впервые понял себя: не на стороне спасение, а в себе.

30 марта. Серые слезы весны.

Ночью шел дождь. Утро пасмурное, и все небо серое висит и покапывает. Что теперь делается там!

2 апреля. Все напрягают последние усилия, чтобы пережить последние дни войны.

Материнство как сила, создающая мост от настоящего к будущему, осталась единственной движущей силой жизни...

Новое время характерно величием материнства: это победа женщины.

5 апреля. Наступают торжественные дни мировой борьбы за мир (война с Германией кончается). Еще немного, и все повязки упадут с наших глаз.

15 апреля. Слышал по радио образцовое выступление какого-то учителя перед школьниками, учитель начал:

— Ребята, война кончается...

Да, это теперь все чувствуют. Ехал по Москве, и радость была разлита на лицах людей, как апрельский свет на зданиях. Молоденькая девушка-милиционер стояла на посту, улыбаясь, и напевала. Я дал ей сигнал. Она вздрогнула, схватилась и, увидев меня, указала мне своим жезлом путь. Но она это сделала с испугу: ехать еще было невозможно. Я ей улыбнулся, она растерялась.

Да, вот поет девушка на посту, улыбается мыслям своим апрельской улыбкой. И сколько их! И сколько они детей опять народят с одобрения апрельского света и майских цветов. И все страдание будет предано забвению.

Ах, ты сопротивляешься, ты ворчишь? Ну, тогда посмотри на землю, пока она не покрылась новой зеленью: вся она лежит серо-желтая, покрытая гниющими листьями, сломанными старыми былинками, навозом и грязью. И выбирай себе участь: оставаться удобрением или самому расти вверх, поднимаясь к солнцу...

23 апреля. Утро в Усолье. Встреча с деревьями. Часов в 11 утра вышли пешком в Хмельники. Обрадовались Митраше.

24 апреля.

— Все, что я здесь получила,— сказала Ляля,— это...

Раздался голос:

— Война кончилась.

Я бросился на голос.

— Кто говорит, что война кончилась?

— Солдат приходил, говорит, всю ночь по радио передавали: кончилась война.

Радио в школе не оказалось, но пришла почтальонша и опровергла слух о конце войны: слух этот, сказала она, пошел от одной-единственной женщины и наполнил сразу всю округу. Новость верная одна: наши войска вошли в Берлин.

29 апреля. В природе совершенное торжество. Москва готовится к празднику рабочего Мая. Физическое чувство радости, несмотря ни на что.

1 мая. Из всех первомайских дней такого дня не помню и лучше не может быть.

2 мая. Вечером в Москве много стреляли, один раз — я подозревал, что взяли Берлин, но, сосчитав залпы до двадцати, решил, что нет: мало для Берлина.

3 мая. Взяли Берлин.

Умаляюсь перед величием событий, не могу обычными словами умных людей или изысканными словами художников слова... Я умаляюсь.

5 мая. Вчера послал в «Литературную газету» «Берлин взят» [80]. Пишу рассказ для детей на конкурс.

9 мая. День победы и всенародного торжества.

10 мая. Борис Дмитриевич [81] приходил и рассказывал нам, что последние дни он ежедневно писал сыну на фронт, чтобы сын, может быть, в эти свои последние дни каждый день имел связь с отцом. И когда узнал, что кончилась война и сын останется жив, он бросился бежать к людям и разделять с ними свою радость. Екатерина Яковлевна, жена его, однако, заплакала.

— Чего ты? — спросил он.

— Да что Дима (убитый сын) не с нами.

13 мая. Русские цари были заняты завоеваниями, расширением границ русской земли. Им некогда было думать о самом человеке. Русская литература взяла на себя это дело: напоминать о человеке. И через это стала великой литературой.

16 мая. Пишу свой «зверский» рассказ для детей с успехом и крепко надеюсь, что он меня вывезет [82].

Важдаев [83] приставал ко мне:

— Готовьтесь, Михаил Михайлович, вот придет фронт,

все хотят жить, все хотят жениться, готовьтесь, на вас будет спрос.

— Не знаю,— ответил я,— почему на меня будет спрос: там, где я работаю, не женятся и замуж не выходят.

17 мая. Пишу во весь дух книгу для детей.

24 мая. Сюжетный ритм в рассказе, или подсознательное распределение материала.

3 июня. Закончил «Дружные ребята», остается выправить.

5 июня. Вечером читал «Сказку». Понял, что вещь написана настоящая.

[*Пушкино.*]

9 июня. К вечеру приехала Ляля из Москвы. Привезла на поправку сказку мою «Кладовая солнца».

4 июля. Вечером читал по радио отрывок из «Кладовой солнца».

15 июля. Утро солнечное и росисто-прохладное. Хочется удержать этот день своим словом. Хочется в свете этого дня каждый другой день понимать как необходимого для его творчества предшественника, и что, значит, нет и не будет дурных дней.

16 июля. Начал входить в работу над «Падуном».

16 августа. Люди не породистые собаки, чтобы можно их по заказу выращивать; выращивать будут людей, а вырастут породистые собаки. Настоящие люди сами родятся, как родился, к примеру, Шаляпин. И вот это-то и есть самое главное — се человек рожденный, а не выращенный. Революция тем и сильна, что, при всем своем открытом культе интеллекта, молча признает первенство в человеческом мире, чудо рождения небывалого, в этом и есть тайное упование.

17 августа. Что из этого рассказа о Падуне выйдет? Что бы там ни вышло — это будет посильным ответом на вопрос о возможности мира («да умирится же с тобой»).

23 августа. Как хорошо у Р. Роллана сказано, что святые и гении освобождены от необходимости качаться «взад-назад» на роковых волнах человечества [84].

5 сентября. Вчера мы приехали в Москву. Вечером у большого окна моего кабинета над освещенной победоносной Москвой я подумал, что если бы не маленькая случайность, то атомная бомба в руках немцев снесла бы всю Москву. Мало того! Игра в войну и человеческое могущество в будущем может весь земной шар вернуть к состоянию первичной материи.

18 сентября. Общее мнение, что атомная бомба открывает новую историю человечества.

Кто-то сказал, что только благодаря войне, усилившей темп и риск жизни, была изобретена атомная бомба: в мирное время никакое государство не дало бы на опыты миллиардов.

29 сентября. Время у человека есть имя величайшему деспоту жизни, и кто может с ним не считаться — тот есть счастливейший. Это дети, влюбленные и богатые духом празднолюбцы. Все же другие люди спасаются от деспота безусловным послушанием и рассчитывают жизнь свою по часам.

10 октября. Сама планета в опасности — это факт великий, но еще больше тот факт, что каждому через 5—6 часов есть хочется. И если даже планета с одной стороны загорится, то люди на другой стороне будут биться за кусок хлеба, пока можно будет терпеть подходящий жар.

4 ноября. Кто не видал смерть на войне, тот увидит ее непременно в старости, вот, как я теперь вижу. Люди как будто уходят куда-то, и так явно видишь, что там, куда они уходят, настоящая жизнь, а это был какой-то необходимый для всех обман.

7 ноября. Пришло в голову собрать хрестоматию поэзии и прозы в отношении детей по тому принципу, что каждый великий поэт вершиной своего творчества соприкасается с душевным миром детей, что так, наверно, создавался и фольклор: народный поэт не показывал лица своего, вершиной своего творчества соприкасался с вершинами народного духа.

1946—1954

1946.

2 января. Грипп дал мне возможность перечитать Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Вот было же время, когда поэты шли впереди революции, и в свете их творчества политики являются просто *дельцами.* В этой поэме — вся русская революция 1917 года. По этой поэме теперь можно видеть, насколько же подготовлено было *сознание* народа.

Был Константин Сергеевич Родионов [1]. Он высказал хорошую мысль о том, что отношения с людьми есть труд, а не удовольствие только, как думают иные «потребители» таких отношений.

В новогодней статье Тихонов пишет о «темах, ожидающих писателей»: [2] какая-то ярмарка невест — эти темы, и писатель жених, как в старой Москве, приезжает на ярмарку и выбирает. Между тем невесту еще кое-как, имея в виду «род», можно как-нибудь выбрать на ярмарке, но... отношение писателя к теме еще более интимное, чем жениха к невесте. Это никак не родовое или групповое, а только личное отношение. Невеста может и не нравиться, если она богата: стерпится, слюбится. Но тема писателю должна нравиться, и выбрать ее он может только сам.

Лучшее в моих отношениях с Лялей это никогда не изменяющее мне чувство ее высоты, не поддающееся измерению и вычислению.

25 января. «Соборяне» [3] — это одно из величайших явлений русской художественной литературы: это повесть о хороших людях.

2 февраля. Сколько отдельностей в человеческом мире, столько и случаев, и вся жизнь была бы цепью случайностей, если бы не заложенное в нашу природу стремление к закону и правилу.

И вот в этом чередовании законного начала и случайного (личного) и проходит вся история человечества.

20 февраля. Дневник пишется или для себя, чтобы самому разобраться в себе и вроде как бы посоветоваться с самим собой, или пишется с намерением явным или тайным войти в общество и в нем сказать свое слово. В последнем случае именно, когда надо сказать людям о себе, то это можно сделать, лишь если сумеешь от себя отказаться. Впрочем, и не только дневник, но и все человеческое творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найти или возродиться в чем-то другом. Тут и думать-то особенно нечего, стоит только поглядеть на все живое в природе и понять: все живое — зверь, птица, дерево, трава умирает для себя, чтобы воскреснуть в другом. Из этого не выходит, чтобы человек превращался в животное или брал себе с него пример. У человека есть своя человеческая область, где он умирает и возрождается: эта область — его человеческое творчество, или его собственный путь к бессмертию. Если бы это знать на каждом месте и во всякое время, то нечего бы нам было бояться смерти и атомной бомбы. Есть две реальности: одна, что после нас остается, другая — к чему мы стремимся. Умирая, мы оставляем сделанное и недоделанное и остаемся с тем, к чему стремимся. В этом смысле каждый художник много раз в жизни своей умирает и возрождается: произведение его остается, а другая реальность, стремление вновь воплощается.

24 февраля. Мне надо как автору подчинить себя, свое мнение, свое «хочется» творимому единству мнений, называемому у меня в «Канале» именем «Надо». Словом, я сделаю с собой то самое, что сделают с собой все мои герои — строители канала. И вообще «Канал» надо писать так, что мы, находящиеся на свободе, в сравнении с каналоармейцами, только очень относительно свободны, что все мы освещены одним светом этого Надо и что это Надо несет нам ветер истории. Пусть Сутулов с точки зрения личника

человек недалекий, но он верно чувствует человеческое Надо и делает правильно. Напротив, Анна, женщина, таящая в себе, как всякая женщина, младенца, как небывалое существо: она *мнит* о нем, Сутулов понимает каждого рабочего, но внутри себя все эти Хочется сводит к общему Надо. Напротив, Анна извне руководствуется делом партии, а внутри себя втайне от самой себя держится своего Хочется, личного начала. Это будут Митраша и Настя [4].

1 марта. Чехов явно издевается над пейзажами-«дачами», рассыпая их тысячами в своих рассказах большей частью, чтобы показать тоскующую душу человека в такой даче-пейзаже. Вот, например, у него солнце величественно склоняется к западу. Мы приготовились встретить муэдзина, молящегося на минарете. Вместо этого в лучах вечернего солнца по пыльной дороге катится бричка ветеринарного фельдшера. И мы уже вперед знаем, что выйдет из встречи лучей великого солнца с душой маленького человека. Но у того же Чехова, измученного думой о человеке, природа однажды вырвалась из дачи-пейзажа и развернулась великой картиной его «Степь».

8 апреля. Правда и сказка — вот тема всей моей жизни и будет главным планом в «Канале», и это есть моя жизнь.

19 апреля. Природа меня вылечила от душевной болезни, я ведь тут все прошел. И зато нигде так не принимаются радостно мои писания, как в санаториях.

25 апреля. На той стороне уже трактор работает [5]. Смотришь с этого берега, и шевелится в голове: что, может быть, десятки тысяч лет прошло жизни человеческой от начала сохи до начала трактора. Но грачам ходить все равно, что за сохой, что за трактором: те же черви. А люди? Только очень немногие движут жизнь вперед, к этому небольшому числу сколько-то сочувствующих «средних» людей, остальным решительно все равно, соха или трактор, были бы лишь червячки.

5 мая. Прежде, в молодости, бывало, чтобы заснуть, я пользовался счетом до тысячи, считаешь, считаешь, отгоняя тем тревожные мысли, постепенно от этого глупеешь, глупеешь, да и заснешь незаметно.

Теперь же я при бессоннице мысленно перемещаюсь в село Хрущево Елецкого уезда, Орловской губернии, где я родился и вырос. Слышал я, что никаких следов не осталось от дома, где я родился, от великолепного парка и сада, и что даже пруд, в котором я ловил пескарей и карасей золотых и серебряных, теперь спущен и на илистом дне его

колхозники выращивают капусту. Тем удивительней бывает мне ночное путешествие, восстанавливающее с необычайной точностью, четкостью и яркостью то, чего для всех людей уже больше не существует и о чем, кроме меня единственного, никто на земле не может свидетельствовать.

Всматриваясь с закрытыми глазами в то, чего нет в действительности, я догадываюсь о происхождении всей созданной мною картины природы. Всего удивительней в этом путешествии на родину для меня теперь кажется, что дорогие для меня в детстве деревья выступают теперь вполне наравне с дорогими людьми. Больше! Дорогие люди все, даже любимая мать, даже красивая Маша, из которой я создал себе Марью Моревну, выступают в моей памяти с какой-то душевной ношей, обременяющей их не за свои, а [за] чьи-то чужие им грехи.

Но деревья мои, тоже личные, как и люди,— каждое дерево я вижу теперь, как человека, со своими собственными лицами,— все эти деревья выступают без всякого бремени прекрасные и святые. Собаки наши вспоминаются тоже святыми, или скорее ангелами, но среди собак, впрочем, были и подлые. Основной источник благодати, называемой теперь по-ученому геооптимизмом, исходит от деревьев и всего зеленого покрова земли. К сожалению, у меня нет никаких знаний, позволяющих делать исследования в этой области психологии творчества. Я могу говорить лишь о своем личном опыте, опираясь на то, что у меня удачно выходило и было признано в свое время и до сих пор признается. Всей этой своей географией я обязан вот этому чувству благодати, исходящей от родной земли.

Признаюсь, мне было иногда неловко за свой геооптимизм перед человеком, обреченным на страдание, но я оправдывал себя тем, что то ведь тоже страдание, и все-таки в конце концов благодатное чувство природы непременно воскресит.

16 июня. Коммунизм, это тоже аскетизм, как отказ от служения своим желаниям и готовность принести все свое индивидуальное в жертву всему человеку, распределенному в пространстве и времени. Коммунизм есть аскетизм во имя самого человека.

18 июня. Но есть тяга в природу, исходящая из совсем другого источника, чем юношеская вера в лучшее место. Нас манит в природу какая-то гармония всего сущего, которая при нашем приближении, однако, исчезает, если

только мы сами не забываемся в действии (бесполезная пахота Льва Толстого и полезное мичуринское садоводство). А что же это нас манит, откуда гармония? Думаю, что манит нас со-творчество, в котором находятся все живые и неживые существа мироздания. Тем или другим способом мы стремимся примкнуть к нему. Другой вопрос, почему Байрон, Толстой, Лермонтов, Пушкин — все эти наши учителя изображали распад высшего существа (человека) при соприкосновении с гармоническим естественным порядком.

22 июня. Вечером ходил к N. Он удивился тому, что я так чувствую текущее время.

— Вы дивитесь,— сказал я,— что я, понимая время, могу сочинять сказки. Но я не могу их не сочинять: это есть дело жизни.

24 июня. Некий человече ссорился постоянно с женой из-за ее, казалось ему, личных недостатков, а потом через друзей узнал, что все эти недостатки не жены его и что это вовсе не недостатки, а существо женщины (материал для психологического рассказа о женщине).

1 июля. Обида в конце концов неминуема. Она как ранняя вода обтачивает камешки, делает нас кругленькими, чтобы могли мы вместе катиться в море по назначенному пути. Когда Маруся [6] рассказывала о своих геройских подвигах на войне (ходила даже в атаку), я удивился ее бесстрашию и спросил:

— Значит, вы ничего не боитесь?

— Этого ничего,— ответила она,— но одного боюсь.— И глаза ее наполнились слезами.

— Чего вы боитесь одного?

— Обиды, Михаил Михайлович, обиды, одной только обиды боюсь.

Так говорила женщина, попавшая в мужское героическое дело, все это для нее пустяки. Но вот именно с горней высоты этого дела особенно ясно видна та долина женской обиды, откуда поднимаются вверх руки к небу за помощью. С каждым мигом герой, поднимаясь вверх, раскрывает себе новые горизонты, и все дальше и дальше от него в тумане скрывается долина обиды и слез, все дальше, все глубже, и там, на снежной вершине он уже не видит этой долины, а только чувствует ее сердечной своей глубиной и каждую новую горнюю мысль этой глубиной проверяет.

2 июля. Читал сегодня дневники, и мелькнула мысль о том, чтобы выбрать из всех дневников записи и сделать книгу «Михаил Пришвин. Дневник».

Директор санаторной охраны сказал нам, что это закон: лес гибнет в соприкосновении с «человеком». Я же подумал и о поэзии: тоже и поэзия гибнет при соприкосновении с цивилизованным человеком.

4 июля. Большое искусство — это одна из форм аскетизма. Художник — это монах, девственник, часто имеющий облик распутника, это монах «в душе». И вот именно поэтому, как все признают, семейная жизнь художника находится в противоречии с его призванием.

5 июля. Вчера начал очень спокойно и уверенно рыть свой «Канал». Думаю, что вырою.

Писательство — это концентрация силы всей личности в слове.

28 июля. Прокурор Джекстон сказал, заключая Нюрнбергский процесс: «Если мы не сумеем и т. д.,— можно будет с основанием сказать, что XX столетие приведет к гибели цивилизации».

И даже если сказать «планеты», это все будет в области фактов, а не только выдумки.

— Скажите,— сказал я доктору,— во мне есть, живет чувство радости жизни, которое не покидает меня даже вот и в таких положениях, мне кажется, что люди спасутся...

— Конечно, спасутся,— ответил доктор,— я тоже так и сам думаю и тоже про себя радуюсь: непременно спасутся. Эта радость от внутреннего чувства вечности.

30 июля. В детстве сестры приезжали из Италии [7] и рассказывали, как беспечно живут люди у кратера Везувия. Тогда казалось это страшным и непонятным. А сейчас при атомной бомбе весь мир в таком и еще худшем положении. И ничего! Нет даже тех маленьких детей, какими мы были, чтобы ужаснулись нашим рассказам о жизни у нового всеобщего Везувия.

31 июля. Главное мое дело теперь — это писать без всяких уклонов и одумок «Падун» [8] и написать его, «Падун» за все ответит и все оправдает. Ближний — это с кем жить, а Дальний — это с кем умереть...

16 августа. Если бы только доходило до нас все, что говорят о нас люди, как невозможно было бы жить и что-нибудь делать хорошее.

18 августа. Утром ходили на реку умываться. Очень [Ляля] слабая от постоянной нервной траты. А река! Боже мой, как она вечно дрожит и тоже сколько печали и радости.

21 августа. Основное руководящее нашей совестью чувство жизни такое, что все мы живем для целого, всего

человека, и каждый из нас в тишине души своей согласуется с ним (со-весть) и согласует своего ближнего (люби ближнего).

Но только в исключительный момент жизни удается нам понимать свою личную жизнь в согласии со всем этим тайным человеком (например, во время атаки делается и «смерть красна», в пору любви тайный весь человек радуется, обнимает и целует нас).

«Аврал» [9] должен быть изображен как атака, в которой исчезает страх смерти. Мы преодолеваем смерть личную, отдавая душу за други: в этом есть назначение смерти. А Кащей лишен этой смерти и вместе с тем друга. Смерть есть имя конечного в своем поиске связи. Момент творчества есть момент преодоления смерти, личного начала и соединения... Кащей не творит, и его эпитет «бессмертный» равнозначен с эпитетом бес-совестный.

26 августа. Трудность создания «Падуна» заключается в том, что я хочу создать «ведущую вещь», в которой я честно отстаиваю наш коммунизм против индивидуализма. Я отстаиваю матерински-служебную идею в борьбе за творческое единство всего человека на земле. Соблазненный свободой, Зуек уходит в природу и вместо свободы познает необходимость («обиду»), распространенную на всю природу. Свободу он понимает как борьбу с необходимостью всей плененной природы и всего плененного человека. Все звери на плавине потому и присмирели, что чувствовали «страх божий» перед ведущим их человеком. Итак, опыт Зуйка показать как свободу, порождаемую сознанием необходимости.

Дать образ (в Зуйке) цельной личности человека, отвечающего и включающего в себя всю природу и определяющего каждому свое место, благодаря чему и создается то чувство гармонии, которое мы называем «природой».

Сутулов — это Максим Максимыч в форме чекиста, а Пахан [10] — это Печорин.

28 августа. Небо опять серое, ровно матовое, как все эти дни. Под этим небом, сосредоточиваясь, собираешься сам в отношении людей в такое же холодное серо-равнодушное существо и чувствуешь, что есть такие люди, так они живут в расчете, свободном от приязни и неприязни. Да так оно и должно быть: раз небо такое, то и люди, значит, такие есть. В человеке еще бывает такое, чего нет в природе, но в природе никогда не бывает и не может быть такого, чего нет в человеке.

Сегодня мне от работы [11] моей пахнуло верой. «Почему бы,— подумал я,— не писать для себя, как будто я в самом деле открываю новые берега сознания...»

29 августа. (Записываю с опозданием по «Брит. вестнику» [12]). Умер Уэллс. «Уэллс был перстом, указывающим человечеству путь к спасению. Не его вина, что мир не мог стать на эту дорогу».

30 августа. Одни люди, назовем их *деловые,* получают мотивы своих действий непосредственно от жизни, другие, назовем их в плохом и хорошем смысле *мечтатели* или качественные люди, в поступках своих руководствуются мотивами качественно переломленными в их душе.

4 сентября. Самое наиестественное движение у человека, если он видит хулиганствующего мальчишку — выдрать его. Это в природе человека, а педагог начинается там, где человек останавливает в себе это естественное движение и старается обойтись без дранья.

6 сентября. Жизнь есть движение от необходимости к свободе, и потому на земле все живое является и необходимым и свободным.

И все на земле можно рассматривать как движение от свободы к необходимости (рождение — смерть) и наоборот, от необходимости смерти к свободе возрождения. Материя движется в сторону разрушения, дух движется в сторону воссоздания (творчество).

Желание и воля (анализ Хочется и Надо).

7 сентября. Итак, всякое решение, если оно приводит к плену себя самого, есть решение своевольное, не согласованное с волей мира. Свободно только то решение, в котором душа человека не попадает в плен (Надо) и в своем решении радостно и безгранично расширяется. Мы это ярко испытываем, заключая в формы свои поэтические, музыкальные и всякие артистические движения души. Точно так же равное удовлетворение получает всякий работник, совершенствуя до конца свое мастерство, раскрывая до конца свою личность. Все эти люди своими решениями освобождаются, а не попадают в новый горший плен (творческий аскетизм).

14 сентября. Само желание рождается в борьбе со своими собственными другими желаниями, и разум — это их поле борьбы. Но вот какое-нибудь желание победило другие и вышло на свет как желание личности разумного человеческого существа. Другое желание исходит от другой личности и от третьей, и начинается борьба различных

желаний между людьми, и люди разделяются на друзей и врагов.

Если бы воробьи не погибали от врагов, то они наполнили бы весь мир и на земле из всего животного мира остались бы одни воробьи. Так и желания наши личные справедливо обрекаются в пищу чего-то большего, чем только мы. Что же это большее?

Враги наших желаний еще не означают врагов всей нашей личности, входящей творчески в состав всего человека. Враги наших желаний могут быть друзьями всей нашей личности, и вот этих врагов надо уметь понимать и любить. Если бы только мы могли понимать этих наших друзей! Но нет! Мы некоторое время их не можем понять, и эти наши лучшие друзья должны пребывать какие-то сроки как наши враги.

В основе «я — сам» мерит желания от самых примитивных до отдать жизнь свою за други. Но если я, желая скушать пирожок, протягиваю к нему руку, а мне говорят: «Нет! Весь пирожок ты не можешь съесть, как *хочется* тебе, есть еще один желающий, и тебе *надо* отказаться от половины в пользу него». Так возникает первое «надо» в пользу твоего ближнего, и так в нашем человеческом обществе, состоящем из личных желаний, утверждается некое «надо» в пользу ближнего и за счет нашей самости. Вот этим ограничением желаний под предлогом пользы ближнего и занимается государство. Социализм есть охрана этого государственного принципа заботы о ближнем против личного произвола всякого рода властелинов.

Аскетизм есть школа человеческой личности в направлении сокращения своих чувственных желаний в пользу таких, которые материально не ограничены («не о едином хлебе жив человек»).

15 сентября. Остап у Гоголя — образец воина, Андрей — это художник. Остап идет прямо к цели, Андрей между собой и родиной ставит некую Музу и, очарованный ею, погибает для родины. Русская революционная этика требует от Андрея, чтобы он эту Музу привел в отцовский дом и, как бабу деревенскую, заставил работать на общее благо дома [13].

16 сентября. Вчера на ночь я Ляле сказал:

— Личность в русской истории, мне представляется, стоит всегда перед искушением во имя общего блага броситься в некий чан. Помнишь Андрея в «Тарасе» у Гоголя, соблазненного красотой, мы вместе с Гоголем ему сочув-

ствуем, но во имя общего дела, родины, отец убивает его. Помню, как Блок [14] стоял у края чана секты Легкобытова и вождь секты искушал его: «Бросьтесь в наш чан и воскреснете вождем народа». Блок отвечал: «А куда же денется моя личность? Нет! Не могу». Но после не утерпел и в своих «Двенадцати» бросился и не воскрес. А Флобер, высказывающий о личном бессмертии, что претензия на бессмертие есть недостаточное смирение перед вечностью [15],— разве это и у французов не то же искушение чаном, что и у русских?

— Ты забыл,— ответила Ляля,— о Коньке Горбунке: помнишь, он бросился в чан кипящий и остался невредим, а царь бросился по его примеру и сварился. Эта сказка обещает нам бессмертие личности.

Так мы утешаемся сказками.

23 сентября. Поднимает тебя волна, и поднимайся, только помни всегда: это ты не сам, а волна тебя поднимает. Пользуйся высотой и живи, только отделяй ту высоту, на которой ты сам от себя поднимаешься, и ту, на которую тебя поднимают. Горький перед нами стыдился своей высоты.

24 сентября. Книга писем Флобера, рисующих положение поэта во время нашествия немцев,— замечательная: понимаешь всю беспомощность служителя слова и думаешь о теократии, милитаризме, бюрократии, о временах жрецов, воинов и т. д. и ясно видишь, что никакая «кратия» не пристает к художникам. Они вечные слуги, понимающие себя господами. И такое воображаемое состояние в мирное время более или менее поддерживается, а война и революция вдруг обнажают тело жизни и срывают с него разноцветные одежды.

29 сентября. Есть такое дело у человека, и его много, много! Когда его делаешь, то и в голову не придет поглядеть ночью на звезды, а днем на облака; и если кто-нибудь станет с этим вмешиваться, то ему скажешь так же, как сказал Цезарь на войне одному поэту: «Уйди отсюда, дурак!» [16] Так вот человек это делает и, бывает, неделями, месяцами неба не видит и раздражается, если ему напоминают о какой-то жизни небесной. Мало того! даже и хорошо понимающий жизнь небесную, глядя со стороны на этого занятого человека, находит нравственное оправдание его отвращению к религии, поэзии, искусству. Революция, и особенно наша, обратившая себя в государственное дело, ищет философию не личного, но общего дела, поэзию, искусство общего дела, и с ними вместе такого неба, кото-

рое со своими звездами, и солнцем, и месяцем могло бы спуститься на землю и помочь человеку строить справедливую человеческую жизнь. Ученые постоянно работают над этим обращением небесной жизни в законы природы, делающие постепенно человека на земле существом всемогущим. Но эта великая работа ученых останавливается на перекрестке путей, ведущих к добру или злу. Искусство, желанное для революции, должно решить эту задачу и вывести человека из раздумья, идти ему по пути добра или зла. Искусство революции должно быть образом поведения.

3 октября. Меня удивляет, почему читатель остается на стороне Цезаря, когда тот так грубо выгоняет поэта, инженера душ человеческих. Неужели же Шекспир, или Цезарь, тоже писатель, не разделяет высказанного мной предположения о движении всей жизни природы, всего человека к слову (мысли). Не может быть! Ведь он же и меня научил этому и заразил верой своей в назначение всего человека. От Шекспира же отчасти произошла и вся эта удивительная в своем священном понимании гуманистическая русская литература.

Как помнится, у Шекспира не сказано о поэте, что он был с «пыльцой», нет! Очевидно, дело в том, что служитель личного начала в человеке, инженер душ, мешал Цезарю, как таковой, что и вообще есть момент в строительстве всего человека чисто материального характера и настолько материальный, что инженеру душ самое лучшее не входить в палатку Цезаря и не мешать ему стихами. (Что же делать ему?)

А разве в повседневной-то жизни не бывает такого, когда за столом читает поэт стихи, и вдруг хозяйка дома, вспомнив необходимое для общего дела, бросая стихи, уходит за чем-нибудь в кухню. Материнская забота о человеке, о всем человеке, о его общем деле оправдывает поведение хозяйки стола. И в этом смысле Шекспир оправдывает грубый и как будто бессмысленный поступок Цезаря.

Нашу революцию, воспринятую мною еще в младенстве [17], я ведь так и понимал, как материальное и даже материнское дело. И с тех пор, как я стал только чуть-чуть понимать слова Старших, я слышал от них, что со своим личным делом, какое бы оно ни было священное и полезное в общем творчестве природы и человека, нельзя соваться, пока не совершится, не исполнится материнская цель социальной революции. Эти слова Старших всюду распространялись по формуле: сначала социальная революция, а потом личная жизнь. На этой формуле мы выросли.

Но что же делать личности, которую нельзя погасить в материнской заботе о человеке? Так в истории русской интеллигенции возник страшный вопрос: о возможности самого искусства в условиях материнской озабоченности нашей земли. Со стороны государства: что делать? Со стороны художника: как быть?

В ⟨...⟩ десятилетие (1907—1917) вопрос этот решен был отрицательно: творческий индивидуум оторвался от своего материнского пупа, и вот «пошла писать губерния»! Чисто в литературном отношении тогда было создано множество замечательных вещей, но вся литература в целом была похожа на осень, когда, роняя по своему листику, каждое деревце выступает по-своему, и опавшие листья тлеют... Это была осень искусства. С освобождением индивидуума в то самое время, когда идейно был объявлен в Европе крах индивидуализма.

Но эта литература была в резком противоречии со всем русским искусством, таившим в недрах своих возможности искусства, питающего наше общественное поведение.

Вот сейчас, когда я пишу, осень, листопад, умирание. Но отчего же трепещет радостью моя душа? Сквозь этот похоронный [траур] природы я вижу, как после всего очистится бирюзовое небо и на тех же веточках, откуда упали сейчас желтые листья, острые ароматные почки будут прокалывать небо и на тех же деревьях будут петь птицы. Это чувство жизни невыразимо во время листопада, и это именно оно, тайное чувство радости жизни, дает наслаждение.

7 октября. Если вечно думать о чем-нибудь дурном и со страхом и трепетом его ждать, то ни одной минуты нельзя жить спокойно и ничего делать нельзя. Жизнь основана на доверии, которое не всегда оправдывается, значит, на доверии героическом и жертвенном.

9 октября. Десять лет я выращивал сад, удобрял, поливал. Теперь ем свои фрукты...

Но зачем это? Другой не растит сад, а наживает деньги, и когда бывает их довольно, ему привозят на грузовике готовые деревья в огромных кадках, и в один день сад готов.

И вот два живут: один сам вырастил сад, другой купил его.

Третий служит обществу и получает возможность пользоваться садом за свои заслуги, скажем, в области медицины, и тоже рядом с теми живет, и так их три соседа: один посадил сад, другой купил, третий заслужил. Один

чувствует сад по себе самому, другой по деньгам, третий по заслуге.

13 октября. В добро или во зло было творчество, пойдет созданное на жизнь или на смерть, остается неизвестным до последнего звена в творчестве: нравственного синтеза, образующего поведение. До сих пор наука в отношении нравственного синтеза слова своего не сказала. Но искусство... сколько великих примеров! Так почему бы нам сейчас, в самый страшный, небывалый, ответственный до невозможности момент, осторожно не взять это на себя: мы должны в последний момент сказать свое слово, образующее поведение.

29 октября. В конце концов собрание сочинений не больше, чем храм, в котором собираются люди молиться, и автор в нем, как священнослужитель. Так, если говорит Пушкин, то это значит храм Пушкина, так же и Достоевского и Льва Толстого и в особенности сочинения Шекспира — это совершенно как храм.

6 декабря. Читал книгу «Волшебный камень» Асанова [18]. Сказать ему, что волнение от пережитого, позывающее написать, не надо обдумывать до конца, вернее заключать в оболочку логики. Надо, напротив, успеть, пока не замкнулась цепь, вызвать из первичного волнения ряд образов, отвечающих волнению. Если же выставлять образы после того, как удовлетворишь себя логически, то образы эти будут не живые, а кукольные.

11 декабря. Все искусство рождается из нашего Хочется, и все воспитание детей и связанные с ним государственные обязанности определяются женским бременем (Надо). Мораль — это творчество женщины, и если мужчина ее начинает творить — собственное творчество его погибает (Гоголь, Толстой).

19 декабря. Вспомни брата своего, Михаил! Какой был хороший человек и как не пришлась ему жизнь от начала до конца. А что? Не его ли идею теперь (о светлом человеке) я веду и хочу провести ее... Брат должен быть мне благодарен [19].

1947.

1 января. Вечером пришли Яшин Александр Яковлевич [20], поэт с женой, очень симпатичная пара. Пришел К. С. Родионов. Продолжается грипп.

2 января. Возобновились морозы. День просверкал золотой.

3 января. Показался конец работы, но еще не показалась ее значительность [21].

5 января. Последнюю главу «Аврал» перед последней частью откладываю и начинаю последнюю часть «Пленная вода».

С первого дня Нового года не выхожу из дому, грудь заложило, изредка кашляю: чувствую слабость — ни здоров, ни болен.

Наше устремление к «природе» есть стремление к тому, чтобы вырваться из тисков механизации и включить себя в среду, основным принципом которой есть борьба за первенство. Это мечта людей или усталых, или нетерпеливо-гордых (Толстой). Нет! Пример природы нас должен вдохновлять не к побегу из среды человеческой, а к борьбе за единство *по-своему:* каждый из нас, глядясь в природу, как в зеркало, должен узнать сам себя и таким, узнанным, действовать за идею единства в обществе, как живой, а не механизированный человек.

Борьба за такого человека (личность) ничуть не противоречит идеям коммунизма, но практика этой борьбы за личность может враждебно встретиться с практикой борьбы за единство.

Аврал — это единство, Зуек — личность [22].

8 января. Выступаю в Литературном музее с «Царем природы» [23].

Итак, первое в книге — это картина нашей Родины.

Природа. Мой побег в Азию [24] как источник борьбы за первенство. Моя природа — везде как борьба за свое место. Все путешествия, как проверка своих сил, явление личности.

Заключение: ни малейшего признака стремления автора создать занятное чтение — это так легко!

1. Родина. 2. Природа — это зеркало, в котором можно увидеть себя как человека: все борются за существование, а человек за первенство. 3. Дух альпинизма.

9 января [25]. Вчера первый раз после болезни вышел на свой вечер в Лит. музее. Все вышло хорошо, но чувство было такое, что читал среди родственников. Некий старик, желая показать свою образованность, пустил на мой канал Фауста, он говорил: «Пусть в первой части бес ведет Фауста, но она хороша, а во второй части, где Фауст становится к природе в положение преобразователя или приспособителя ее к человеческим делам,— как-то ничего не выходит». Так оно, возможно, сам имея лишь одну цель — показать

свою образованность, уколол меня и тем, что сравнил с Гёте, и тем, что указал на безнадежность моей поэзии в отношении природы. Я не успел ему возразить тем, что Фауст сам ведет канал, а у меня Фауст находится в положении каналоармейца. Там человеческая природа есть мефистофельское наваждение, здесь природа, как место борьбы человека за первенство (за личность) [26].

Очень хорошо беседовал с Лялей о той главе, где вода посмеялась над раскольницей, мечтающей об огненной смерти: [27] она и рада, что осталась жива, и ей мучительно стыдно. Вода кружит ее карбас, повертывает к вороне, и она видит, как ворона сидит до конца и потом пересаживается на крышу... Вот водяная крыса вынырнула к вороне. Так и она тоже сидела, как ворона.

10 января. «Царь природы» — педагогическая поэма. В чем же педагогика? Природа есть место борьбы за существование. Человек же сделал ее местом борьбы за первенство свое. Тут, в природе, человек получил свое первенство, и вот почему его тянет в природу: там он царь. Но человек...

Основная мысль та, что необходимость, или приказ со стороны, человек превращает в свободу, значит, приказывает сам себе то самое, что ему навязывает чужая воля.

12 января. «Катушка» Фауста. Итак, мой Фауст получает в наше время «катушку» (десять лет). Положительный смысл этого в том, что Мефистофель со своими причудами нравственными и философскими, составляющими понятие «свободы», исчезает. Фауст, как и всякий зверь, попадает в ловушку необходимости борьбы за существование. (Помимо того, что должно поэтически само собой «выйти», надо иметь в виду педагогический план повести.)

План: 1) «Катушка» для Фауста есть природо-общественный корректив, изгоняющий из личности действие Мефистофеля и реализующий ее в правде. 2) Борьба за существование в природе есть борьба за первенство каждого, как высшего представителя своего рода: это есть правда природы. Фауст сдает экзамен на первенство человека в борьбе за существование: он царь природы. 3) Но Фауст, проходя школу природы, вышел победителем только потому, что он содержал в себе навыки борьбы за первенство всего человека. 4) И его опыт этот раскрыть в опыте каналоармейцев.

Возражения к нравственной системе: «катушка» Фауста. Если «катушка» есть нравственная система, выгоняющая из человека беса своеволия и возвращающая его на

путь человеческой правды, то почему же плеть рабовладельца или оглобля свекра в родовой семье не могут быть даны тоже как нравственная система? Потому что и плети и оглобли время прошло. Возражение против такой системы воспитания явилось, когда система эта отжила. Фауст не боится ни кнута, ни оглобли, его Мефистофель боится лишь правды. Так что всякой свободе соответствует своя форма принуждения, отживает не самое принуждение, но лишь форма его, которая, в свою очередь, определяет новую форму свободы [28].

15 января. Начинаю понемногу понимать урбанистов: город, как остров спасения для человека, место, где, с одной стороны, личность человека может укрыться от контроля, с другой — где он может создавать нестадный коллектив.

Это чувство мне пришло, во-первых, под влиянием современных условий жизни: полной невозможности жить в природе (в провинции), утрата прежней веры в то, что там, у Лукоморья, есть дуб зеленый: дуб этот срублен. Что-то вроде наступления воды, выживающей на берега мышей: так выжало из провинции всю интеллигенцию. И стало понятно, что связь с природой имел я эстетическую, а не моральную (не корнями держался, а ветками). Ходил за ягодами, грибами, сказками, а не по основному делу.

16 января. Надо помнить, что я вышел из толстовского времени, когда стремились опроститься и уйти в природу. Война, две войны после того показали нам природу под углом зрения «Хочется» и «Надо».

17 января. Написана глава-посредник с идеей воды как силы единства. Создать ритмическое соотношение глав-посредников, соединяющих динамические главы. Написать остается: 1. Аврал. 2. Заключительный.

18 января. М. сказал: «Хороша, велика, необходима техника, но душой я все-таки стою за лошадку». «Почему-то и я,— подумалось мне,— но почему?» И ответил себе так, что лошадка все-таки *сама* бежит, и не всякого даже она и повезет: ведь это правда живой неподменной природы и сохраняется за лошадкой. Природа каждого из нас раздевает, и каждый знает свою природу и во лжи своей тоскует по правде (правда — это природа, и природа есть: я сам). М. едет в автомобиле и мечтает о лошадке, потому что автомобиль — это все для дела, навязанного ему, а лошадка — это он сам. М. забитый — это понятно, стремится к себе, к первоисточнику своей жизни, и потом к родной к лошадке. Но если он царь природы? Если царь все бросит, как не свое? Нет! если царь, то надо царствовать, а не бе-

жать от царства в «природу», а лошадку (природу) чувствовать в себе как любовь, правду, истину.

Канал — это сила воли Царя природы.

19 января. Человек-то, может быть, как раз и есть то, что мы называем чувством природы. Там все делается то самое, что и мы делаем, но чувствуем только мы. Есть очень дельные люди, но бесчувственные, и если он что-нибудь даже и большое делает, мы их дела не укладываем вместе с сокровищами сильного человека.

20 января. Два раза читал «Царя» (в Педагогическом институте и в Литературном музее). В первом случае проф. Покрышкин (геолог), расхвалив мое изображение края, он сказал, что лучшего после проведения канала ожидать нельзя, между тем как оно должно быть, значит, предстоит встреча поэзии с должным, и это никогда не ведет к добру. Точно так же в Лпт. музее некто Г., похвалив первую часть моей работы, высказал злые предчувствия о второй, напомнив, что и у Гёте вторая часть, где Фауст работает на канале, не так удалась, как первая, и это есть результат измены автора своему поэтическому отношению к природе и переходу к идее вмешательства человека в дело природы с целью осуществления социального добра.

Пришлось вспомнить вторую часть «Фауста», и оказалось, что я бессознательно работаю над темой 2-й части «Фауста», где человек воздействует на природу в целях социального добра.

Что привело Фауста на канал? Постепенное приближение к старости, как к необходимости: прошлая свобода оказалась ложью (Мефистофелем), и место лжи заступила правда — добро.

Таким образом, вся разница моего Фауста и того состоит только в разном осуществлении необходимости: так постепенно и добровольно Фауст *сам* подходит к необходимости социальной правды. Здесь социальная правда, как необходимость, обрушивается на индивидуума. Там Фауст жил-развивался до сознания, он нисходил до необходимости. Здесь Фауст взят необходимостью и освобождается сам. Не тут ли и наше отношение к «природе»: одна природа, как идея поэзии, свободы, нисходящей к необходимости, другая идея необходимости (правды), восходящей к свободе. Там движение весенних сил... Там весна, чреватая зимой, здесь зима, чреватая весной. Там весна как данное, здесь зима. Там движение радости до истощения, здесь движение от горя к радости и обогащение. Движение свободного к не-

обходимости (смерти) начинается чувством личного бессмертия. Движение из необходимости к свободе (когда солнце на лето, зима на мороз) начинается наживанием свободы (день прибавляется). Итак, есть два времени года: 1. когда день прибавляется, 2. когда день убавляется; 1. движение жизни от необходимости к свободе, 2. от свободы — к необходимости; 1. Славяне. 2. Закат Европы. 1. Хочется. 2. Надо [29].

21 января.

— Не дают мне быть самим собой.

— Не может быть! для этого есть время у каждого.

22 января. Спасаясь от черта, Гоголь присягнул внешней церкви и утратил свой талант. Гёте бросил Фауста на общее дело, лишил его не только таланта, но даже глаз. Толстой закончил дело художника «толстовством». Все это происходило потому, что каждый не удовлетворен был развитием своей личности и каждый хотел вырваться из себя и там, вне себя, погибал ⟨...⟩ Происходила подмена личности чем-то безликим, все равно, пусть это, как у Гоголя церковь, у Фауста народ, у Толстого общество и т. п.

25 января. С приходом Ляли я впервые почувствовал ту любовь, которой все люди живут и о которой только и написаны все трагедии и драмы, от классической древности до Шекспира и до нас, любовь как двигатель человеческой нравственности, поведения.

Странно, как я мог, ничего не понимая в человеческой жизни, писать и с успехом? Вероятно, поэзия может обходиться без морали, если поэт безотчетно содержит ее в себе.

26 января. Категории человеческой нравственности очень немногочисленны, но они движутся во времени и пространстве, постоянно тем самым изменяя свое выражение, свою форму. Вот почему художнику надо помнить свое время, надо быть *современным.* Вот почему нельзя механически перенести форму эпохи Античности в эпоху «Идеального мужа» Уайльда.

28 января. Сущность свободы Фауста состояла в тайной жажде необходимости. А то если бы Фауст действительно был бы предназначен к свободе, то зачем бы ему искать помощника в Мефистофеле.

1 февраля. Когда месяц большой выходит из-под земли, то если на сучок какой-нибудь, на веточку смотреть, как она движется по месяцу, то наглядно понимаешь — не месяц это, как кажется, а земля летит со своими сучками, веточками, деревьями и со мной самим. Очень люблю этот

опыт и всегда при этом вспоминаю учителя чистописания в елецкой гимназии Постникова Николая Евгеньевича. Он жил в Черной слободе в маленьком деревянном домике, а мы ездили по Черной слободе за город, где мы и жили. Ездили мы после занятий, когда Постников был уже дома и сидел у окна, с большой седой бородой. После, наверно, он уж в гимназию и совсем не ходил: утром ехали, вечером, в праздник, в будни, он все сидел, всегда его огромная борода была у окна.

Я вышел из четвертого класса гимназии и уехал сначала в Сибирь, потом в Ригу, потом за границей был [30] и ездил по всему свету. Но куда бы я ни заезжал, всегда почти каждый год возвращался домой и всегда в Черной слободе видел бороду белую во все окно. И когда я опять и опять видел эту бороду, мне, молодому бегуну, казалось, будто старики целую вечность живут. Признаюсь, я даже со страхом ждал прихода такого времени для себя: придет какое-то «прочее время живота моего», и все остановится.

Но когда старость пришла — «прочее время» ко мне не пришло. И когда я теперь на месяц смотрю, как быстро по его поверхности несется веточка нашей земли, то всегда вспоминаю бороду Николая Евгеньевича: не борода была вечностью, а сам я, молодой как веточка, мчался.

5 февраля. Строили новый Каменный мост, а ходили по старому. Мы видели, проходя по старому мосту, людей, строящих мост, различали их; один стоял по колено в воде, другой по горло, третий... Когда же новый мост построили и люди пошли по нем, то пошли с каким-то собственным личным правом, совсем не думая о тех, кто строил его, понимая новый путь через мост как бы вторую природу, создаваемую человеком. Вот это чувство обладания второй природой и выражается в словах: человек — это звучит гордо. Напротив, память о тех, кто строил мост, кто по колено, кто по горло в воде. Знание этой личности человека, претерпевающего ради общего блага («А по краям все-то косточки русские») [30a].

8 февраля. Высшая нравственность — это жертва своей личностью в пользу коллектива. Высшая безнравственность — это когда коллектив жертвует личностью в пользу себя самого, коллектива (например, смерть Сократа [31], не говоря о Христе).

22 февраля.

— А что вы скажете нам, средним людям?

— Я скажу, что нет средних людей.

2 марта. В этом году я намерен закончить многолетний свой труд, педагогическую поэму на материале строительства Беломорского канала. Эта работа по замыслу должна иметь значение большого разговора с читателем всех возрастов и всякого образования. Продвижение работы у меня сопровождалось опытом создания сказки-были, моей формы [32].

23 марта. Был цветочек чудесный (какой?). Пришла коса на него: это Царь природы косил сено для своей коровы. Этот цветочек в «Медном Всаднике» — Евгений, в «Фаусте» — Филемон и Бавкида. Достоевский — за цветочек, за елку ребенка, за Евгения, за Филемона. В наше время велят закрыть на это глаза: Царь природы косит сено для своей коровы. Библия в отношении к крови (жертва Авраама богу: заря костер зажгла). Да! весь этот страшный вопрос для истории и морали в религии определяется жертвой и разрешается Христом.

Так все было решено в отношении своего времени.

Вопросы вечные решаются для своего времени. Новое время требует нового решения тех же вопросов. Как же в наше время решается вопрос о жертве? [33]

Чувство природы, чувство женщины и чувство бога в разных формах есть одно и то же чувство в своем существе, и все это образует цветень (луг). Но приходит сюда «царь природы» и начинает косить луг для своей коровы — вот тут уже действует что-то другое.

25 марта. Чувствую, как в глубине души совершается работа мысли на тему: личность и общество (цветок на лугу и коса). Вспомнилась формула юности: «я — маленький» 〈...〉 И цветок — он маленький, коса большая. У них такие разные назначения, и вся беда, что маленький выражает претензию на положение или осознание большого. Сталкиваются, как Евгений с Медным Всадником.

Когда в жизни своей мы подходим к необходимости решения трудного вопроса, некоторые (большинство) обращаются к книгам или ищут совета. А немногие только решаются — не решать трудного вопроса, а терпеливо дожить до решения.

3 апреля. Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем этим не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь — так хорошо становится. А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Станешь догадываться о хорошем и поймешь: это весна.

10 апреля. Возвращаюсь и не могу вернуться к своему «Каналу», к этому вопросу о выходе из давки, из этой необходимости давить друг друга к личной свободе и миру. Чувствуешь, что никакими домыслами тут не возьмешь, и *сознание* необходимости требует *поступка* (в данном случае поступком будет создание книги). Хочется и Надо — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь, и выходом всегда был *поступок.*

Побег из школы в Азию кончился неудачей в утверждение «Надо», в марксизме («Женщина будущего») — кончилось тюрьмой [34], в любви (Инна) [35] — последним унижением ⟨...⟩ Итак, всякое влечение у меня в сторону свободы личной кончается неразумным поступком, который непременно приводит меня к необходимости (Надо), и переживание необходимости (гимназии, тюрьмы, брака, нелюбимого дела) приводит к выходу из царства необходимости в царство свободы.

Нет! значит, выход на волю заключается не в самом поступке, который приводит сначала к необходимости и после того к свободе. Не поступок только решает вопрос, а явление (образование) личности. *Умирение* («да умирится же с тобой...») происходит в *рождении* личности, как в физическом рождении человека, мать после мук приходит к радости через явление нового существа.

Медный Всадник (Надо) есть образ безличный, образ человеческой необходимости, через который должен пройти каждый человек и сама стихия. Он прав в своем движении, и не он будет мириться, а с ним будет мириться «стихия» путем рождения личности.

Итак, «да умирится же с тобой и покоренная стихия» означает *рождение личности.* И, значит, Евгений (как тоже и еще сильнее Филемон и Бавкида) является нам как вестник наступающих родовых мук. И окончательное решение этой борьбы Хочется и Надо в пользу Хочется с воскрешением Евгения и Филемона с Бавкидой ⟨...⟩ есть явление света в темной борьбе, выход свободной личности из недр необходимости.

Примирение состоит в том, что личность приносит с собой новое измерение всех ценностей, создаваемых Медным Всадником. Примирение в том, что *то,* прошлое измерение было *необходимо.* Примирение заключается в улыбке личности и, может быть, в осторожно, шепотом и любовно сказанных словах: «Мы говорим на разных языках». И окончательно: «Любите *врагов своих*» [36].

15 апреля. Итак, природа, с одной стороны, есть сама наша жизнь, протекающая в берегах родового общественно-государственного долга («Надо»), и тоже природа в свете нашего сознания, порождаемого личностью (свобода «Хочется»), природа, как зеркало нашего личного сознания.

Вывод: 1. Рост нашего личного сознания открывает нам, какое несметное богатство таится в нашей жизни. 2. Природа в берегах долга — место борьбы человека за свое первенство среди населяющих землю тварей. 3. Природа в свете нашего сознания есть место строительства новой желанной природы, как царства свободы (свидетельство предметов нашего искусства).

22 апреля. Попробуйте записать песнь соловья и посадить ее на иглу граммофона, как это сделал один немец. Получается глупый щебет и ничего от самого соловья, потому что сам соловей не только он один с его песней: соловью помогает весь лес или весь сад... И даже если рукой человека насажен сад или парк, где поет соловей, все равно: человеком не все сделано и человек не может сделать того, о чем поет сам соловей. Его можно дождаться — он прилетит, можно создать место — сад или парк — прилетит, но петь он будет сам, его не заведешь (природа неподражаема).

Серый [37] — потомок древних волков, узнал в звуке сирены голос предков своих, поднял голову вверх и завыл. И как же иначе ему петь? в природе звук — это сигнал общей жизни. И пусть тысячи лет прошли с тех пор, как предки Серого выли, сигнал общего дела, общей жизни стаи сохранился у Серого. Он *туда* отзывался, он это не для себя.

И соловей поет *сам.*

Но почему же я, когда шел на тягу и услыхал, что какой-то дачник где-то там в лесу напевал своим дамам из какой-то оперетки свое тру-ля-ля, я испугался встречи с таким человеком, как испугался Робинзон, увидав след человека в первобытном лесу?

Неужели этот испуг оттого, что человек раздробил свой основной голос, голос всего человека на частные голоса индивидуальных претензий?

Природа неподражаема (нельзя ни соловья, ни ветер записать на пластинку). Творчество в человеке (талант) есть сила природы. Формализм, урбанизм и проч. имеют отношение к природе такое же, [как] рука, расстанавливающая вещи,— к самим вещам.

18 мая. «Надо» есть то самое, что требуется для получения права на личное «Хочется». Так мне постоянно говорят: «Вам это можно, вы заслужили».

19 мая. Личность Евгения в «Медном Всаднике» и все другие бесчисленные подобные случаи возбуждают в нас чувство жалости к личной судьбе людей, приносимых в жертву «большому делу».

22 мая. Вчера начал читать «Царя» — хорошо.

1 июня. Возвращаюсь к «Царю природы» и отныне, с первого июня хоть час да посвящаю этой работе и заношу сюда о ней отчет в две-три строки.

4 июня. Маленького преступника судят за то, что он переступил черту закона, ограждающего право другого человека, имея в виду свой личный интерес. Если же преступник не для себя перешел за черту, а чтобы создать новый лучший закон, отменяющий старый, и победил, то победителя не судят: победитель несет с собой новый закон. Маленький человек старого закона *несправедливо* погибает (Евгений из «Медного Всадника») при этой победе или, широко открыв глаза, прозревает будущее и становится на сторону победителя (апостол Павел) ⟨...⟩

Законы природы — это законы размножения, а законы человека — это законы личности.

Евгений жил, как природа, в естественных законах размножения (у него была невеста). Пришел Медный Всадник, строитель, и его вода затопила невесту Евгения. Жили милые люди Филемон и Бавкида, пришел Фауст строить канал, и невинные люди погибли.

Мой «Царь природы» потому и застрял, что имеет претензию вместить в свое поэтическое содержание: 1) законы природы как законы размножения: песня свободы, заманивающая в необходимость размножения; 2) законы общества с их Надо и Хочется, борьбой личного начала с родовым; 3) законы личности человека — царя природы.

13 июня. Наше с Л. чувство природы есть чувство нерукотворности ее существа...

Первое, что включается в понятие природы — это ее нерукотворность, второе — ее категорический императив («Надо») с неминуемой смертью, третье — возрождение (воля, радость, «Хочется»). Таковы законы природы.

14 июня. Слово, переходящее в дело, сопровождается у человека особым чувством, похожим на свет: *«Верую!»* И как только такой человек произносит это «верую» — тогда кончается его воля, и его «Хочется» превращается в «Надо». Тогда все равно, какая будет среда, природа или

общество — если природа, то по пути к свободе надо вынести борьбу на своих плечах, все это выносил человек до сих пор в природе; если общество, то взять на себя бремя борьбы за достойное поведение в отношении самого человека.

Философский рисунок «Царя природы» — человек в отношении природы, это я сам, то есть мой талант, как некое Данное, как планета в отношении всего человека: тут что ни человек, то царь: их много таких царей, как много на деревьях разных листиков. Так борьбой Зуйка за себя, как царя, обрисуется *Природа.* Параллельно с этим *Общество,* как борьба за единство всего человека, как в дереве борьба каких-то сил за единство движения всего дерева вверх к солнцу (ствол).

Человек в обществе должен расти согласно своей природе, быть самим собой и единственным. как на дереве каждый лист отличается от другого листа. Но в каждом листке есть нечто общее с другими, и эта общность, или общественность, перебегает как-то по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева.

Противоречие: по начальной мысли природа есть родник талантов, по следующей — источник общественности. Выходит, что природа есть все, но чем же отличается от нее человек «царь»? Человек, как царь природы, весь человек — ствол дерева. Человек задан в природе, как держава единая, его движение, его рост, его борьба за единство.

Оправдание государства как ствола и служащих его как сосудов.

Мой путь был, как у нас было теперь до войны, путь жертвы: идеалом было отдать себя для общества. Смущенным я жил в Германии после тюрьмы до Парижа. И тут эту мечту — отдаться — перенес на «Инну». Оказалось, что женщина сама ищет, чтобы кто-нибудь взял ее в «жертву», и так вышло, что две жертвы друг у друга просили своего поглощения: костер просил у Авраама огня, как Авраам просил у бога, и он ему ответил зарей. Так вот теперь это состояние жертвы, просящей огня, стало не удовлетворяющим всех, как будто Авраам, увидев эти сырые поленья, не захотел для них просить у бога огня, не захотел и отвернулся. И каждое сырое полено задумалось, как быть ему теперь, чтобы стать достойным костра для жертвы Авраамовой.

Вот именно это чувство своей личной недостойности костра Авраамова заставило меня взяться за личное дело...

Самое главное, самое необыкновенное в моей жизни было, что я, рядовой, необразованный, претенциозный русский парень, мог выйти из состояния жертвы для общего дела и подготовиться к той заре, которая зажигает костер Авраамовой жертвы.

⟨...⟩ «нет большей любви, как отдать душу свою за други своя». Но мы все сейчас чувствуем, что это не вся мораль, что этого теперь мало.

И вот пришло время — хочу жертвовать собой, но сырые поленья моего костра такие сырые, что явись сам Авраам и помолись — так и то не взошла бы заря, от которой когда-то загорелся жертвенник костра.

Друг мой! просуши сначала свои поленья, а потом и подходи к жертвеннику [38].

20 июня. Природа показывается в своем волшебном виде, когда сам чем-нибудь стиснут — книгу ли читаешь трудную, голова ломается, в машине скрюченный что-нибудь тяжело подлаживаешь или в постели, замученный кошмарным сном,— выглянешь из себя и страшно обрадуешься: какая там в природе волшебная жизнь! Хочется все бросить и бежать туда. И что же? Брось, иди, но только помни: бремя твое с тобой пойдет, и чем лучше, чем волшебней впереди там будет твое «Хочется», тем труднее тебе будет нести свое «Надо» ⟨...⟩

То что *выстаивает* (Сутулов), *выдерживает*, это *средний* необходимый человек. Это естественное «Надо», это «само собой» является в народе в решающий момент войны или строительства; это чувство *всего человека:* это весь человек в совесть приходит, а что «я» — это не важно...

25 июня. Работа по «Царю» все еще сводится к усвоению написанного, собиранию в себе единства всей вещи. Теперь остается написать, имея в виду свободу в письме, легкость в чтении, доступность всем, как в «Кладовой солнца».

28 июня. Чудо происходит из личной веры, и его происхождение должно быть окружено такой же совестливой тайной, как все наши лично-интимные отношения. Но если чудо явилось как факт, то на него, как мухи по запаху, летят все и потребляют, не задумываясь о его происхождении, как будто само собою понятно, что бог до ветру ходит чудесами и надо спешить за ним подобрать.

Таким чудом является вся природа нерукотворная и то, что создает человек: его мосты, города, каналы, книги, картины, музыка. Так на свете творятся чудеса, неустанно мы их порождаем и неустанно их потребляем.

29 июня. Конечно, и маленький Зуек, как только явился намек на победу в борьбе за существование, тоже почувствовал приближение желания кому-то помочь, кого-то спасти. Но вокруг людей не было, и ему оставалось лишь первенство среди зверей. В борьбе за первенство рождается власть, и он чувствовал в себе эту власть.

Один из планов «Царя» — это представление власти в своем происхождении как борьбы человека за первенство. «Имеющий власть» есть представитель борьбы человека за свое первенство.

NB. Указать где-нибудь в «сказке о венике», что не в одиночестве сила прежних пустынников, а в наличии такой крепкой связи между людьми, что можно было и в одиночестве жить, как будто с людьми. И что «слабость» пришла не оттого, что люди вместе сошлись, а что подчинились.

Мы спрашивали бабушку:

— Выходит, что париться великий грех?

— Глупенькие вы,— ответила Мироновна,— париться своим веником нет никакого греха, а из рук нечистого веник — это соблазн. Я же вам сказала, что веник был у отцов искушением: они пошли на него и обрели слабость [39].

9 июля. «Да умирится же с тобой»: природа мирилась и начинала думать, как ей дальше жить, и Мария Мироновна зарыдала.

Надо бы показать примерами, как, когда, при каких условиях борьба за существование, присущая и водяной крысе и мальчику, переходит в борьбу за первенство. (Разве что крысиный разум спасает себя, а Зуек спасает зверей, и он делается царем природы в тот момент, когда занимает первое место на острове, как вождь и спаситель.)

11 июля. Кончаю «Царя», остается немного, и четырнадцать лет труда оправдаются [40], нет — так пропадет, никто не разберет, о чем я писал и чего я хотел. Так вот и сходится жизнь к кончику, будто я рыба и вхожу в узкую мотню. А раньше, бывало, не только людям дивился, но и собакам, кончающим жизнь на гону. Это самая славная смерть на гону, только лучше, конечно, чтобы успеть зайца нагнать и... *(1 нрзб.)*.

13 июля. К «Царю». Солнечный луч в лесу на острове разделял все живое: светолюбивое потянулось к лучу, оставалось в нем, перемещаясь с ним, как двигалось солнце, а тенелюбивое пряталось в тени, одним радостен был свет, другим — тень. Как только луч света согрел корни дерева, выступающие на поверхности земли, на это теплое

место выползли три маленькие ящерицы — последние северные наследники древних гигантов. Когда солнце стало склоняться и солнечное пятно малиновое с тенью коры стало подниматься выше, светолюбивые наследники древних гигантов стали подниматься, чувствуя тепло, вверх; зябкие наследники древнего мира.

NB. Помнить: ночь для всех — победа тьмы. Началась ночная жизнь — зайцы (*нрзб.*), мыши, совы.

Но человек на острове наследник разума всего соединенного человека. Костер... и опять, как солнце... родилась вся жизнь на острове: светолюбивые стали подвигаться, и огонь человека, и огни глаз животных засверкали в пути. И массы ящериц, наследники древних гигантов, утратив солнце из вида, почуяв тепло, стали спускаться к огню человека, и огонь человека им стал как солнце.

15 июля. Читал М. первую часть «Царя» и привел его в восторг неописуемый. Оно и правда здорово написано и с огромным размахом. Вот бы все так удалось! И, конечно, удастся, если буду выжидать и делать не спеша. Но срок поставлен и... выйдет если, и тогда я завершу большой путь: 1905—1947 гг.— сорок два года писал одну вещь! [41]

16 июля. Первый источник социального чувства: жалость к отцам (Зуек этим чувством пробуждает в себе жалость к животным и героизм).

18 июля. Писал последнюю главу «Царя природы» (педагогическая поэма). Но глава расщепилась, и на завтра осталась еще глава заключительная, после которой останется поставить черту и подвести итоги в эпилоге.

Теперь является просвет наконец всей работы. В июле надо постараться записать большой пробел, это где Зуек странствует среди урок. В августе спокойно выработать педагогические и строительные главы, насыщая их конкретными материалами так, чтобы у читателей явилось представление о канале. Вместе с тем будут прорабатываться пером все, написанные на машинке. Сентябрь — переписка окончательная другим лицом и окончательная выправка.

2 августа. Чувствую скопление сил для «Царя» и твердость в решении ко всем прислушиваться и никого не слушать. Мне кажется, что если принципы нашего времени свести в единство, то желанный свет нашего времени — это радость матери в первый момент после освобождения от мук рождения, как будто свет только сейчас и начинается. Это и есть жизнерадостность (жизнерадостный).

В этом свете и должен быть написан мой «Царь»: этот

свет и был царем моего таланта. Я думаю, что вот такого рода жизнерадостность и есть основная черта нашего русского народа: радость рождения. И очень может быть, что эта жизнерадостность внутренняя народа стоит к его страданиям в том же отношении, как радость матери к перенесенным мукам. Вот эту мысль вменить в Марию Мироновну и тем осветить всего «Царя». Ее конец: перемена от чувства смерти к рождению. А ребенок, рождаясь, тоже кричит и смолкает, только встречаясь с грудью матери. Мы знаем, что чувствует рождающая мать, но мы ничего не можем знать, что чувствует рождаемый. Это рождение в недрах природы-матери и предстоит дать в Зуйке. Но к символу корректив — наждачный песок жизни с такой убедительной силой, чтобы никто не мог позволить себе догадаться о лесах постройки — этих символах-планах. Все произведение в оправдание жизнерадости, совершенно совпадающей и в родах, и в творчестве.

6 августа. Читаю своего несчастного «Царя». О, как трудно писать, и бросить нельзя, как-то жутко остаться так и жить без «Царя».

Начал писать «Царя».

8 августа. Закончил и прочитал Ляле рассказ о вечном рубле из «Царя» [42]. Вышло хорошо, а главное, впервые начал показываться Зуек, каким я его знаю в себе, и является полная надежда, что удастся вполне утопить символ в воссоздаваемой жизни (то есть воплотить «будьте как дети» в жизнь).

13 августа. Мой Зуек — ребенок, пришедший в разум «царя природы» 〈...〉 И если надо изображать «Царя», то этот Царь будет тем нашим внутренним ребенком, о котором сказано: «Будьте как дети!»

16 августа. У нас стал бывать пианист Владимир Сергеевич Белов. Вчера пробовал ему рассказывать о философии своей работы, и он очень понял меня в мыслях о «давлении». Я говорил, что в стихии под давлением частицы сливаются, как, например, в стакан воды дождевые капли, падая, нажимая одна на другую, сливаются. Мы не можем сказать, как в слитой воде, ее молекулы все ли одинаковы или, может быть, тоже отличаются между собою. Мы берем такие сложные формы, как дождевые капли, и видим, что они, образуя силу воды, просто сливаются.

А люди, как все мы замечаем, под давлением жизненных обстоятельств не сливаются, а, напротив, каждый, имея со всеми общую цель, начинает борьбу за свое первенство. Мы считаем безоговорочно человека царем природы,

может быть только потому человек нам ближе и доступнее для наблюдения, что человека мы можем понимать «по себе», а природа «в себе» нам недоступна. И, приспособляя богатство природы в пользу себя, еще неизвестно, господствуем ли мы над природой или, напротив, природа заставляет нас подчиняться своим законам. Так вот и атомная сила теперь открыта, может быть, в том же порядке, как ручей подмывает скалу, чтобы она на него же и обрушилась.

NB. На моем веку совершилась огромная перемена в сознании человека: в мое время еще верили просто в науку, что человек овладевает законами природы себе на добро, и такое победное шествие человека как царя природы вперед называлось прогрессом.

В науке есть чары не меньшие, чем в искусстве, отвлекающие личность человека от конкретных условий добродетели (творчества добра), в том смысле, чтобы служить лучшему всех людей, как себе самому. Так мы долго жили в чарах науки, создававшей нам мираж прогресса.

19 августа. Мы, русская интеллигенция, наученная нашими великими учителями, духовную культуру предпочитали материальной и ставили ее на высокую ступень. Этим духовно-сектантским отношением к жизнетворчеству мы отличались от европейцев и американцев ⟨...⟩ Теперь же, когда жизнетворчество будет скоро предоставлено всем, то, конечно, поэтические вещи отступят на далекий план сравнительно с обыкновенными жизненными вещами, вроде того, как случилось это со мной при устройстве своего дома ⟨...⟩

При такой материализации общества писатели новые никогда не могут занять высокого положения наших учителей, если только мир не вступит в какие-то новые условия и не создастся новая культура. Она и создастся, только не скоро. Мы же пойдем пока по пути материализации, и бог благословит этот скромный путь нашего, быть может, и всеславянского жизнетворчества.

21 августа. Спрашивается, от чего должен отказаться человек, если он желает получить власть над людьми. Вероятнее всего он должен отказаться от радости жизни. Вот нет у меня ни малейшего желания властвовать, и зато мне дана радость жизни.

23 августа. Относительно «Царя» вывод такой: я запутался из-за «большой дороги», на которую меня поманила «Кладовая солнца» ⟨...⟩ Я теперь не вернусь к «Царю» до тех пор, пока не вытравлю из себя до конца мысль о «большой дороге».

Есть во мне большое чистое чувство природы, которому надо верить, отдаваться и не загрязнять его мыслями о «большой дороге» ⟨...⟩

Есть в моей природе личной чувство вечности, и я говорю о нем, когда пишу даже о собаках, и вот почему я создаю прочные вещи, и моему «Колобку» уже за сорок лет. А «Кладовую солнца» будут читать как новое и через сто лет.

А на большой дороге вечности нет... Там люди проходят, и хочется выйти на нее только по старой памяти: Пушкин шел, и Грибоедов, и Гоголь, и Тургенев, и Достоевский. Но кажется иногда, что, может быть, и не внешние условия виноваты, а мы сами такие, перевелись большие. Вот и хочется другой раз попробовать. Тут соблазн, который может быть оправдан при условии самому не соблазняться большой дорогой и выбросить о ней из головы всякую мысль. Несколько лет я в раздумье жил между «Надо» и «Хочется», и в последнее время долго жил в оправдание «Надо». В этом направлении я и «Царя» писал: показать «необходимость» природы. Теперь же, наверное, не зря настроение масс переменяется в пользу «Хочется», и к «Надо» я делаюсь более равнодушным.

И вот тоже чувство бессмертия — тоже прирожденное чувство, иначе как бы мы жили беспечно до невозможности и безумно жестоко или отдавали бы иногда совсем даром другому свою короткую жизнь...

24 августа. Так я понимаю, что, наверно, и настоящие великие люди, если к ним близко подойти, такие же мелкие и дробные, как мы, и их величие происходит оттого, что они стоят возле великого и нам на него собою указывают. Если с той мерой к ним подойти — они и велики, а если с нашей, то и они все-таки такие, как мы, и живут мелочами.

И вот, наверное, и мое неведомое «нечто» такого же происхождения: я тоже чувствую то великое рядом с собой и выражаю эту близость чувством радости жизни.

29 августа. Вчера с утра до ночи моросил дождик, и я под этим пахучим дождем ходил за грибами в Чигасово [43]. Все пахло осенью: стволы деревьев, ветви, листья, падающие с берез, какие-то вянущие травы. Набрел на просеку и возле нее искал по холмам. Тут были высокие редкие березы, между березами — низенькие елочки, между елочками там и тут березовые грибы, а изредка и подосиновики. Набрал на жареное. Выхожу на опушку, вижу: стоит не то пень, не то громадный гриб, не то старичок.

Стал приглядываться. И понял, что старичок. Подошел поближе, понял, что живой старичок.

— Чего ты стоишь? — спросил я.

— Дожидаюсь хорошей жизни,— ответил он.

3 сентября. Итак, я, пожалуй что, и выведу необходимость своего поведения: конечно, я никогда с расчетом выйти на большую дорогу не напишу своего «Канала». Я могу написать его только, если совершенно забуду о большой дороге и пойду за своей звездой. Для этого, может быть, надо поступить, как при РАППе: уехал я тогда на Дальний Восток, а приехал — и РАПП отменили. Так надо и теперь, уехать в Армению куда-нибудь.

Маргарита, увидев шкатулку с драгоценностями, конечно, подумала, что Фауст добрый человек и хочет ей добра. Если бы невинность не портилась и не была бы годна только для одного раза, можно бы так и жить Маргарите с верой в такое добро: от такой веры и злые бы добрели. Но невинности хватает только на одного человека, в дальнейшем Маргарита должна обманывать невинность, краситься, пудриться, кокетничать и вообще быть проституткой. Вот почему, жалея невинность, Мефистофель и поет свою серенаду.

4 сентября. Уметь переносить свою старость — это великое геройство. Возвращаюсь к мелькнувшему когда-то порыву сделать старуху героем [44].

А счастье личной благодарности и есть чудесное собачье состояние души: собака видит непосредственно бога ⟨...⟩ Почему, наверное, мы с Л. так и любим собак: мы с ней сами собаки, исполненные жажды благодарности. И вся моя поэзия питается этой благодарностью и доверием.

Ах, так вот отчего я так удивительно в «Кладовой солнца» описал Травку! [45] Это я сам свою благодарность изобразил. Ну так чего же ты, Пришвин, сейчас унываешь: благодари и благодари, что удалось тебе понять себя в этом и написать. Больше, больше благодари! Может быть, тебе в своем «Царе» удастся изобразить благодарность животных своему Царю, и сам Царь явит в этом свою милость, потому что откуда же может у Царя явиться милость, как не через благодарность своих подданных?

7 сентября. В 1909 году высший слой литературы в Петербурге был насыщен бродячими мыслями, ищущими своей материализации. Чего только не высказывалось на религиозно-философских собраниях, о чем только не мечтали люди, одержимые бродящими по свету мыслями.

Создавалось в этом хаосе полупризрачное существование, похожее на сказочные души в непоказный час рождения людей: присыпушей, удавушей, заливушей. Среди них были и замечательные поэты, как Александр Блок, но даже и такие почти гениальные люди держались неукрепленно, как держится прямым синим столбом в тихую погоду выходящий из трубы дым. Как хочется вырваться из такого душного Петербурга и укрепить себя где-то в действительности, где люди живые бьются за свое существование день и ночь и радуются по-детски, если выйдет какое-нибудь облегчение.

И не все ли равно, где найдешь такую утвержденную жизнь: там, где есть эта жизнь, там и есть твоя родная страна, твоя родина.

18 сентября. Истинная поэзия города состоит лишь в обострении и необычайном расширении чувства природы...

19 сентября. Голос борьбы за первенство, за лицо говорит: «Хочу быть самим собой!» Голос борца за организм всего человека говорит: «Слушаться надо!»

Вот и вся тема моего «Царя».

Я могу вернуться к нему, расширив свой кругозор вниманием к происходящей в мире борьбе...

Явления искусства, скорее всего — это явление связи: это сигналы цельного духа.

23 октября. Все больше и больше укрепляюсь в мысли о том, что любить врага — это значит бороться с его злой одержимостью, бороться за плененного злом человека. И вообще любить — это значит бороться за любимого человека. Вот бы взять эту мысль куда-нибудь в «Канал» или разбросать в мелких вещах...

28 октября. Женщины в своих разговорах высказываются о мужчине приблизительно, как великие державы о колониях в том смысле, что колония сама по себе совершенно пассивна и ее забирают как вещь. Так и мужчина в этих высказываниях представляет из себя пассивный предмет борьбы женщин между собой.

2 ноября. Мертвой материей мы называем комплекс не различимых частиц, а живой такую, где одна частица различима от другой. И чем живее материя, тем больше дифференциация, тем сложнее индивидуум, имеющий в человеке завершение в личности. Таким образом, жизнь есть образование личности.

Это одно понимание жизни. Другое — наше, советское, это то, что жизнь есть служение, то есть раскрытие личного

начала в коллективе всего человека, то есть не личность является представителем всего человека, а образ всего человека представляет собой жизненную цель всякой личности.

5 ноября. Сходить в Третьяковку с раздумьем о «царе природы» (пересмотреть Иванова, пейзажи к «Явлению», Левитана, Нестерова и др.). А может быть, «явление» царя и нельзя дать в согласии с природой, и если нельзя, то надо понять характер естественно-человеческого нарушения. Даем же мы в пейзажах характер мира в природе (согласие частей). Почему же нельзя дать характер *нарушения*, связанного с приходом человека в природу?

Оправдание нарушения — вот наша нынешняя тема человека, и взять ее из себя в своем недостатке: труднее всего мне бывает нарушать мир обывателя правдой, и в этом должно быть «явление» ⟨...⟩

Художник уступает природе человека с тем, чтобы сама природа взяла слово и рассказала нам о человеке: такие люди рассказываются природой, у Нестерова — святые и у Левитана [46] — демонические существа и т. д. Вот почему живописцам и трудно согласовывать пейзаж с человеком: пейзаж берет всего человека в себя, и остаются бездушные фигурки. Человек должен быть разделен: одна часть его остается в природе, о ней скажет сама природа, а «явление человека» должно выйти из самого человека ⟨...⟩ об этой стороне человека природа не может рассказать.

11 ноября. Читал о всей кухне истории. Повара показаны прямо в колпаках и передниках так просто, что ясно понимаешь историю: они только повара где-то внизу, а история, пир ее сам по себе, больше их бесконечно... И так, может быть, все, что мы делаем, больше нас, и все мы не знаем, что творим. Мы видим в «поваре» особенную простоту в обращении с человеком, для него человек есть человечина, это все равно, что мясо или дичь.

12 ноября. Кинопьеса «Воспитание чувств» [47] есть замечательное решение вопроса о единстве революционной морали: учительница всегда была носительницей передовых идей в деревне, и это ее необходимое естественное положение без всякой натяжки слилось с большевизмом. Получился очень русский фильм и очень в то же время советский. Сделано то самое, о чем я мечтаю сделать в своем «Канале»: новое время представить, как новорожденное дитя (Зуек), а все старое и древнее, как мать в ее радости после мук рождения.

Только надо теперь, усвоив крепко тайну родов, писать в увлечении ходом простых событий, не думая о «тайных».

16 ноября. Анализировать роман человека с вещью, как она его пленяет и как он в одном случае ее побеждает, в другом является ее рабом. Слава есть одна из форм собственности? Или напротив, сила собственности есть путь к славе? Собственность есть материал в утверждении личности — это низ человека, а слава — это лицо и смысл. Собственность, власть и слава. Но все эти понятия раскрываются только динамически, то есть в борьбе, показываясь то как добро, то как зло.

20 ноября. Мои предки верили, что книга создается не человеческими руками на небе и падает с небес к людям на землю. Я это время еще застал. Россия тех времен еще была неграмотная, и я даже сейчас вижу и могу по имени назвать тех, кто верил и говорил об этом: книга падает с неба. Как хорошенько подумаешь, что и сейчас народы нашего Союза ждут от книг чего-то лучшего и большего, чем можно сделать тут возле себя своими руками.

14 декабря. Вчера читал Л. «Царя». Все развивается стройно, и если иметь в виду будущую картину, блестяще. Только надо с самого выступления Куприяныча сделать его втайне злым соблазнителем [48]. Вообще поправки, доработку сделаю потом, они и виднее будут. А сейчас буду развертывать большую картину непринужденно и в радостном подъеме.

15 декабря. Горячо взялся за «Осудареву дорогу» и хочу ее кончить до весны.

В переломной главе «Бросить всех на скалу» выставить старика Волкова [49] главой подрывников, а в главе «Аврал» выставить его, как себя (в своих достижениях и победах: мое сознаваемое лучшее). Переворот в душе старухи подскажет нам то, чем силен и чем побеждает Волков. В этой главе легонечко повторить всех своих героев.

Все эти люди в аврале не просто сливались друг с другом для общего дела. Два человека сходились не как две капли дождевые на телеграфной проволоке скатываются, сливаются и падают для общей работы воды на земле. Каждый жизнью своей, цепью сложной личных поступков своих, ошибок, блужданий свободно был приведен к общему делу. Но мальчик Зуек, обманутый своим соблазнителем, должен был умереть или выдержать всю борьбу за существование, пока она не подведет его к борьбе за свое

место, за первенство свое в общем деле, потому что свое место у каждого и есть первенство его в творчестве.

Помнить, держать в голове, во все время наступления воды, что вода была колыбелью человечества и всей жизни и человек вынес мысль из нее о единстве... Пусть и старуха-сектантка поймет через воду это единство, и солнечный разум дает крысе и Зуйку одинаково силу догадки, то есть управления жизнью (царь природы).

16 декабря. Аврал. Это была борьба каждого с самим собой и с людьми за единство всего человека.

Сговорился с Санниковым, заместителем Панферова в «Октябре», о печатании в нем «Царя».

Есть еще таинственный не моральный фактор, свое личное Хочется в постоянной борьбе с общественным Надо.

20 декабря. Служение общему делу путем своей цельной личности требует подвига не так в отношении самого служения, как в охране своего внутриатомного ядра от расщепления. Так что эта задача требует одновременно и смирения и борьбы за себя внутреннего с отмежеванием от гордости, охраняющей лишь внешнего человека.

Работа над «Царем» движется, когда внешние обстоятельства поддерживают мою веру, что я могу служить обществу нашему всей своей личностью, без расщепления своего внутреннего ядра. Но как только внешние обстоятельства ставят под угрозу самую возможность борьбы за общее дело (коммунизм), так и работа моя останавливается.

Я должен стать на новое место, найти новую точку зрения и так вернуться к радости... Печаль моя временная, я свою точку найду.

24 декабря. Это устремление куда-то в поисках себя самого, к своим собственным мыслям, как устремляется свежий бледно-зеленый росток *(2 нрзб.)* вверх к солнцу?

— Это стремление к независимости?

— Да, но независимость есть только одно из средств. Я бы сказал, что в основе своей это есть устремление к истине.

— А в чем истина?

— Она в себе самом, но для истины мало, чтобы познать себя: истину нам надо увидеть в вещах, как в зеркале, как я вижу теперь своего человека в зеркале природы. Вот откуда это движение к упрощению жизни: хочется сначала найти свою независимость, ощутить себя самого, а потом

выйти из себя и отразиться в вещах и природе. И это отражение себя нужно людям; они смотрят на это отражение и себя самих узнают, и не всех сразу, а каждый себя отдельно видит, как в зеркале.

Усилить мотивы побега Зуйка в главе «Все на скалу!». Почему бы тоже не провести уход Зуйка в «я» (обиду), как у урок и всех каналоармейцев? Не углубить ли роль Падуна и не связать ли побег с потерей Падуна? Основная же мысль, что устремление в «край непуганых птиц» есть устремленность к себе самому и что на этом пути каждый так проходит свой путь через Надо.

Преобразить и уреализовать Волкова.

Дать образ Канала.

30 декабря. К счастью, талант мой включает способность выходить из себя до такой степени, что после я сам дивлюсь, как я, вот такой, какой я существую, глупый, робкий и неугодливый, мог так красиво, умно и хорошо написать. Так и в природе, в уединении, как в зеркале, я благодаря этой способности вижу не себя, а того большого человека, и, может быть,— «всего человека», идущего все вперед и вперед...

1948.

4 января. Завтра просят выступить среди юных путешественников. Тема: путешествие есть всегда открытие мира.

6 января. Работал «Осудареву дорогу».

7 января. Сегодня опять выступаю среди юных [50]. Буду говорить об охране природы.

В отношении нашей родины у нас одно устремление — что-то открыть в ней для эксплуатации, но прошлый год состоялось решение Совета Министров об охране. Местами наша родина начинает лысеть.

Стремление вдаль, столь очевидно раскрытое Колумбом и воплощенное Сервантесом в поэтическую форму, распадается на двух действующих лиц: у Колумба на его самого, открывшего Америку, и на Америго Веспуччи, освоившего ее, у Сервантеса на Дон Кихота и на Санчо.

Географ Арсеньев [51] принадлежит к первой группе людей: Колумбов — Дон Кихотов, людей — зачинателей, бесконечных в своем движении в новый неведомый мир. И соответственно такой своей природе души он должен был перенести и соответствующие трудности.

Вторые трудности возникли оттого, что он был истинным поэтом в душе и должен был эту поэзию свою распять на прокрустовом ложе географического исследования.

10 января. Времена переживаем слишком серьезные для критики их отдельными людьми: не человек отдельной душой своей будет судить.

14 января. Материализм возник из отчаяния: не надо мне зеркала, давайте самый предмет, мою возлюбленную в ее материально телесном выражении. Если же предмета этого нет, я создам такие условия, чтобы он зарождался в них и вырастал.

29 января. Пока люди спорили о правде и стояли в борьбе за старое слово дониконовских годов [52], правда утекла дальше, и староверы остались на месте (в «Царя»).

16 февраля. Чем больше берешь на себя той общественной силы, которая называется властью, тем больше и берешь на себя ответственности. Это одна из тем, окружающих образ Сутулова.

20 марта. По старинным хорошим вещам видишь, как движешься сам по жизни. Так прочитал сейчас «Домби и сын» и думаю, что Поль является прототипом князя Мышкина. Очень похоже, что Каренин у Толстого тоже вывезен из Англии, равно как непонятная осужденность Анны напоминает осужденность Эдит. Не говорю, что Домби-отец и Каренин складываются, а как-то чувствуется на Каренине дыхание не русского долга.

21 марта. Ляля вчера высказала, что роман мой затянулся на столько лет и поглотил меня, потому что была порочность в его замысле: порочность чувства примирения. Из-за этого будто бы мне явилось препятствие, которое годами приходится мне преодолевать, потому что в сделанных моей фирмой вещах я не могу быть нечестным.

— Не порочность,— ответил я,— какая порочность в том, что я строительство канала пожелал отразить в детской душе, воспринимающей жизнь поэтически. Никакой порочности в этом нет, но, может быть, есть легкомыслие. Есть положения в жизни, когда легкомыслие обязательно и даже играет свою полезную производственную роль. Взять выбор супруга, а между тем от этого выбора зависит судьба нового человека на земле. А у кого нет легкомыслия, тот засмысливается и остается холостым и бесплодным. Кто бы, правда, стал бы детей рождать, если бы понимал, какой несет он ответ, кто бы взялся за перо писателя, если бы вперед знал, чего стоит по-настоящему рожденное слово.

Знаю, что подстилало доброе дело постройки Беломор-

ского канала, но я хотел не о подстилке написать, а о том, как по-доброму отразилось в душе мальчика строительство канала. Гадость подстилает не только канал, но и все на свете, если будем искать гадость — найдем, гораздо труднее найти хорошее. Не порочность в основе моей работы, но здоровье и добро, а долго писалось, потому что трудно было справиться с мерзостью и вытащить из нее живую душу младенца.

Посмотрите на докторов — одни из них ищут в человеке болезнь и этим специально только и занимаются, чтобы ее найти. И, конечно, находят, потому что почти все люди больны чем-нибудь в какой-нибудь степени. Но все люди, за исключением небольшого числа безнадежных, относительно здоровы. И есть доктора, которые ищут в человеке не одну болезнь, а и здоровье и лечат человека тем, что поощряют здоровье, и оно преодолевает болезнь. Начиная писать о канале, я искал здоровье строительства.

23 марта. Думаю, что человек в общественном деятеле измеряется вот именно этим вниманием к ближнему: какой бы я ни был, он и меня не пропустит. Все старцы, конечно, были внимательны к голосу каждого, и никто не мог остаться неуслышанным и незамеченным.

За что, например, хвалят Калинина? За то, что он был внимателен. Вся нравственность общественного деятеля измеряется этим вниманием.

26 марта. На следующей неделе уезжаю, и прочно уезжаю с тем, чтобы вернуться на жизнь в городе к октябрю и с готовой работой «Осударева дорога» (или «Царь природы»). Эта работа будет посвящена тому коммунизму, который мы все носим в своем естестве (стоит только вспомнить случаи, когда так хотелось быть с людьми!).

9 апреля. Два незнакомца сошлись на одном пути и пошли дальше вместе. Один, младший, рассказал старшему немного из своей жизни, и тот его сразу понял. С ним было такое, и он это давно пережил. Но мало того, он еще знал по себе, как потом дальше бывает с человеком, если такое случилось. Старший хочет сказать, хочет предупредить, но тот слушать не хочет и отвечает: «Это с тобой так было, а я другой человек, и со мной будет по-другому». И он прав: всего о другом по себе сказать невозможно [53].

16 апреля. Я сидел дома и весь день разбирался в рукописях «Осударевой дороги». Берусь теперь за самое живое место и полным духом веду мысль до конца и так, чтобы не я бы эти мысли высказывал, а вся натура заговорила своим языком

18 апреля. Определилась морально-сюжетная нить. Зуек соблазнился властью начальника. А ему было показано, каким надо быть, чтобы получить власть над людьми. «Имеющий власть над природой» должен отказаться от личной заинтересованности в ней. И тогда вся природа покорно ложится у его ног. (Настоящий начальник.)

19 апреля. Уверяюсь, что тема Начальника, как тема человеческого мужества, и будет главной темой «Осударевой дороги».

20 апреля. «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси». Эпиграф к «Осударевой дороге». Этот эпиграф не будет опубликован, но пусть будет, как веха в душе [54].

22 апреля. Приступаю к затоплению Осударевой дороги... К вечеру: дорога затоплена.

25 апреля. Приближается конец моей работе.

26 апреля. Но все-таки личность, как фактор движения, как явление социального первенства, необходима. И это тоже ведь не путь ловить личность в сети социальной необходимости и принуждать ее делать не как самому хочется, а как это надо.

Итак, «выхожу один я на дорогу»...

И какой это кремнистый путь, и как больно ступать по кремням босою ногой. Но я слышу, как звезда с звездою говорит, и иду...

В новой вещи своей я хочу дать путь к коммунизму не тот, какой дают его доктринеры, а каким я иду к нему, моя работа коммунистическая по содержанию и моя собственная по форме ⟨...⟩

4 мая. Итак, я хочу сказать, что человек делается царем («имеющим власть над природой») в борьбе со своим одиночеством.

«Одиночество» в «Царе» дано как следствие личного соблазна, как «грех», как переживание «обиды» и выход из общества. Зуек переживает грех любоначалия, грех, то есть одиночество, и должен спастись от греха (остров спасения). Но есть животный путь спасения, борьба за существование, и чисто человеческий (борьба с одиночеством, с природой своей отдельности, за всего человека).

Одиночество противоестественно (старая дева, старый холостяк) и антисоциально («лишние люди»). Природа смотрит на них, как на больных, и убивает. Вот почему природа и обрушивается на Зуйка, как на больного. Но в человеке большом — природа в нем есть власть над природой, власть, облеченная в разум. «Начальник», имеющий

власть над природой, берет власть над «свободой» Зуйка (а «свободу» дать, как дитя личной обиды, как мечтательный эгоизм). «Начальник» — это закон необходимости [55].

14 мая. С «Осударевой дорогой» дела идут так хорошо, что я временами ловлю себя на сладостной мечте своей победы. К счастью, не молод, опытен и гашу легко свою мечту, опрокинув на ее огонь тухлую воду неудач: все это уже и было, и то и другое.

23 июня. Началась вторая половина года. Но я, как муравей, работал первую часть года и тем самым заработал себе право не бояться упадка жизни в природе. Осталась...

Осталась одна только глава, и великий мой труд будет закончен. Радостно уже то, что я заключил мысль свою, и она мне больше не будет заслонять жизнь. Возможно, что эта вещь и не удалась мне. А если удалась, то не верю в то, чтобы удача эта отвечала вложенному труду. Боюсь, что «Осудареву дорогу» назовут «деланной», как наши крестьяне называют гать на болоте деланной дорогой. Вот это меня больше всего и пугает: уж очень медленно все шло. Но, с другой стороны, столько нужно мастерства, чтобы все 40 глав написать как самостоятельные рассказы и все рассказы связать в единство.

«Осударева дорога» — повесть о том, что было и чего не было, или: сказка-быль, или роман, или повесть, или поэма, или быль, или недавняя быль.

24 июня. Закончил труднейшую главу «Аврал».

26 июня. Вся голова заполнена концом моей сказки-были. Кончаю! И мало-помалу сам отступаюсь и не понимаю, как сделано. Из прошлого встает «Семибратский курган»: [56] тоже сколько трудился! а теперь вспомнить стыдно, какой вздор написал под Ремизова.

27 июня. Так надо представить в «Осударевой дороге» семью, рожденную в деле (Сутулов, Уланова и Зуек).

28 июня. Вчера написал последнюю главу «Дороги», и остался эпилог. В этом эпилоге можно дать побольше «прозы» о самом канале. Приходится поэтического коня запрягать в телегу с грузом, и это должно выйти.

Эпилог надо дать как басенный символ...

Что мы противопоставляем детству? Это неизбежность расставанья с самим собой: я делаю не потому, что хочется, а что надо, то есть я расстаюсь с собой. Так у людей бывает.

И вот эта радость тому, что есть возле тебя, и есть сама любовь: любовь как ощущение жизни, и в этой любви со-

держится нерушимое детство, и эта любовь входит в труд, и самый труд делается любовью (творчество). И тут в «любви» (слово не то — особое чувство жизни) Хочется и Надо — одно.

30 июня. Свобода есть выход из необходимости, и в этом все назначение человека...

Моя мечта была усвоить необходимость нашего времени и выйти из нее (последовательно я писал в этом направлении и выходил понемногу). «Осударева дорога» есть окончательное решение этого вопроса в моем опыте...

Думаю, что «Кладовая солнца» является примером возможности выхода из необходимости и для других писателей.

Вот чуть не забыл: свобода и есть то чувство гармонии, с которым мастер выходит на работу. Гармония же — это способность врожденная человека распределять вещи в пространстве и времени.

Два выхода из необходимости, бунт или творчество. Но за бунт люди отвечают... а творчество есть выход личный, это есть «мир», а то (бунт) есть война.

Сегодня утром хорошо написал половину последней главы. И наметил все доделать в июле. А потом, вернувшись с охоты, вновь перечитать.

5 июля. До обеда дождь: то дождь, то солнце. После до вечера солнце с красивыми летними облаками. Подумать — какой вздор эти облака там, на небе. И что мы снизу в них читаем. Вот бы собрать народ на экзамен и спрашивать, кто что видит. И сразу смотреть и образование, и способности, и воображение. Итог, испытание способностей поэтов должно быть в летний день, профессор, например, спрашивает:

— Кто видит Данте в лавровом венке?

6 июля. Написал вторую половину последней главы. И теперь остается только редакционная работа.

7 июля. Сегодня ровно три месяца окончательной работы над «Дорогой».

12 июля. Индустриальная тема литературы, как задача «оправдания» прогресса. Только тогда явится в свет поэтическое произведение об индустрии, когда автор найдет новую душу этих вещей.

4 августа. В № 18 журнала «Америка» прочитал статью Ньютона Арвина [57] о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: «Итак, неонатурализм — очеловеченный и опоэтизированный натурализм, основой

которого будет не документальная точность, а мифичность,— вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего».

А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать. «Осударева дорога» — высшее выражение этого моего направления.

22 августа. Работа подходит к концу. Еще день-два и все будет переписано. И еще несколько дней — поправлено, потом переписка в Москве и к читателю. По себе чувствую, что писал хорошо. Но никак не могу представить себе читателя... Тут загадка. И одно хорошо, что я все сделал, что мог.

26 августа. Сегодня я весь день с утра до вечера поправлял «Дорогу» и на всей работе своей поставил точку.

Такая гора спала с плеч, что прямо и не знаю.

12 сентября. Обращаюсь к «Осударевой дороге». Все хорошо во всех отношениях, но главный герой Зуек, какая идея его существа? Эта идея та, что наше влечение в «природу» есть влечение к личному совершенству и что действительная природа возвращает нас к людям: она есть суровый корректив стремления человека к человеку (общественности).

22 сентября. Простой русский человек по себе понимает другого в том смысле, что все мы такие и все переживаем одно и то же.

Помню, когда я вышел с узелком, покидая навсегда свой отчий дом [58], встретился мне один приятель из мужиков, человек большой совести, и я ему вздумал пожаловаться.

— Не своей волей ухожу,— сказал я,— боюсь, что убьют: не поглядят ведь, что это я, а заодно с помещиками возьмут и кокнут.

— И очень просто, что кокнут,— ответил мой знакомый, помещая свое сочувствие неизвестно куда, то ли ко мне, уважаемому писателю, то ли к тем, кто меня кокнет.

— Слушай, Захар! — сказал я серьезно,— ты меня знаешь, неужели же тебе не жалко глядеть на меня такого в бегах, с узелком?

Захар во все лицо улыбался.

— Слушай, милый,— сказал он, положив руку мне на плечо,— ну, ты же раньше-то хорошо пожил, лучше много, чем наши мужики?

— Ну, положим.

— Вот и положим: пусть поживут теперь другие, а ты походи с узелком, ничего тебе от этого плохого не будет. И очень умно сделал, что все бросил и ушел с узелком. У тебя же есть голова, а у них что?

Так с колыбели я живу в атмосфере этого особенного восточного чувства человека к человеку, и среди этого мужицкого народного моря, как острова каменные и рифы, торчат помещики, купцы, кулаки и разные... «образованные»...

23 сентября. Вчера читал дневник свой 1944 года и с неприятностью вычитал, что в отношении «Осударевой дороги» сейчас переживаю то же самое чувство, как было с «Мирской чашей» [59], и тот же самый стержень чувств — это надежда написать, что надо, и выйти на большую дорогу, а самому остаться самим собой.

Впрочем, это очень хорошо, что осознал свое положение, когда рукопись еще в столе. Еще я узнал, что похвалы друзей ровно ничего не дают: как хвалили тогда!

24 сентября. — Друг мой! В тебе единственном мое спасенье, когда я в несчастье...

И так я люблю тебя.

Когда я бываю счастлив в делах своих, то, радуясь, приношу свою радость тебе и любовь.

А ты ответь, какая любовь дороже тебе: когда я в несчастье или когда я здоров, богат и славен и прихожу к тебе, как победитель?

— Конечно,— ответила она,— выше та любовь, когда ты победитель. А если ты в несчастье хватаешься за меня, чтобы спастись, так это же ты для себя любишь. Так будь же счастлив и приходи ко мне (*1 нрзб.*). Но я сама тебя люблю одинаково, и в горе, и в радости.

1 октября. Я, переиспытав в жизни своей всякие беды, пришел к тому, что людям нельзя жить одним страданием, и что если я буду писать о радости, которая заложена в существе жизни, то все будет у меня хорошо для моего народа и сам я выполню свое назначение и долг. Жизнь есть великое сокровище, и человек хочет им обладать («хочет жить»).

4 октября. Приступаю к переработке «Осударевой дороги».

Если победителя не судят, то, значит, надо побеждать.

6 октября. Мне снилось, будто мать моя в присутствии Ляли спросила меня, что я теперь буду писать.

— О невидимом граде,— ответил я.

— Кто же тебя теперь печатать будет? — спросила Ляля.

— Пройдет время,— ответил я,— и я сам пройду, и тогда будут печатать.

Мать смотрела на меня внимательно и вдумчиво.

18 октября. Ну, а разве весь-то человек в своем рождении не такой же самый, каждый ребенок первым криком своим рвется к господству над всеми в своей претензии на право жизни. И надо смотреть на мать, как она с этим справляется, как сила любви ее перемогает эту грубую претензию, как в самом младенце потом на всю жизнь возникает борьба с самим собой за эту любовь.

Так пусть же, пусть рождаются люди на борьбу эту больше и больше!

26 октября. Сегодня мороз так подсушил, что встречать солнце я вышел в валенках. Трава была белая, но река не дается, даже нет заберегов, и только ямки от ног людей, когда-то ходивших купаться, наполненные дождевой водой, стали от мороза белыми пятнышками.

Солнце всходило за спиной у меня, за крутым лесным берегом, и тень от него большая легла на ту сторону реки на пойму до самого села Козина [60]. От солнца окна в селе загорелись; а тень от берега стала быстро отступать к реке. Пока я стоял, тень подошла к реке и в ней утонула, а река заиграла.

Нет, я не природу описываю... и не себя в природе. Конечно, я вижу себя в прошлом и чувствую в настоящем, но то, что я описываю, относится к будущему, где меня нет. Мне кажется, я теперь в радостном трепете описываю одежду существа, идущего к нам не в страдании, как было и как оно еще есть, а в славе.

4 ноября. Закончил второй раз «Канал» и перенумеровал страницы.

5 ноября. Сколько было вложено труда в эту работу, и нет ни малейшей уверенности в том, что трудился не напрасно. Это происходит оттого, что я захотел выйти на большую дорогу признания и должен был стараться вместить свою душу в рамки, поставленные со стороны.

Есть надежда на то, что мне это удалось, и я, как писатель, крепче установлюсь. Но если не удастся мне, то, конечно, винить некого: не берись за то, чего не понимаешь.

11 ноября. Есть в человеке как бы роковая испуганность жизнью, принижающая, утупляющая веру в себя. Она давила душу и моей матери, жизнерадостной женщины. Вдруг появлялось у нее в глазах что-то темное, и лицо становилось сумрачным. Я понимаю теперь это как страх перед той роковой обреченностью человека. Вот это чувство передалось и мне, и оттого-то любовь моя первая была попыткой безумного скачка за пределы этой как бы родовой необходимости. Этот прыжок доказал мне самому, что

я обречен быть привязанным к колу родовой необходимости. Так я и жил 30 лет, как и мать моя тоже 30 лет работала «на банк» и как живет огромная масса испуганных людей. Встретив Лялю, я опять сделал прыжок и удержался там на какой-то высоте. И вот почему часто прихожу к Ляле с прежней мерой вещей в мире обреченности. И, меряя, узнаю, что все у меня не сходится, и моя женщина выходит из всяких мерок. А в конце концов я нахожу сам себя в мире иных измерений и догадываюсь, что это и есть та самая любовь, о чем я мечтал и чего не досталось мне ни от отца, рано умершего, ни от матери, работавшей как мужчина «на банк», ни от жены, взятой от испуга и неверия в себя, ни от детей, обманутых моей славой, избалованных ею и, значит, тоже по-иному отстраненных от личных возможностей, тоже испуганных.

27 ноября. Ничего не делаю под предлогом отдыха от «Канала». Настолько все идет «не от себя», что успех или неуспех вещи моей приходятся в полное равновесие: успех — постараемся не очень-то принимать на себя, неуспех — сам собой будет записан в счет времени («время такое»!). Тревожит только таящаяся в недрах народной души оценка, от которой никуда не уйдешь, если в чем-нибудь сфальшивил. А как знать...

29 ноября. Ничего не делаю в ожидании решения суда над «Осударевой дорогой». Чем дальше ухожу от работы, тем яснее вижу, что и тема моя (хочется — надо), и художественная разработка — все современно и хорошо, самое же главное: вещь, как свидетельство личного живого участия автора в современной жизни. Опасность грозит единственно со стороны сложности вещи для понимания ее судьями. (Как было с «Лесной капелью».) [61]

5 декабря. Мудрость человека состоит в искусстве пользоваться одной маленькой паузой жизни, на какое-то мгновение надо уметь представить себе, что и без тебя идет та же самая жизнь. После того, заглянув в такую-то жизнь без себя, надо вернуться к себе и, затаив паузу, делать свое обычное дело в обществе...

«Где же ты был?» — спрашивают мудреца. А он чуть-чуть улыбается и ничего не говорит. Он был там, где жизнь течет без его участия, сама по себе.

Да, забыться на одно мгновение и опять встретить жизнь, какой она была без себя.

6 декабря. Если условия «доработки» окажутся тяжелыми, то возьму рукопись и пусть лежит у меня до тех пор, пока есть будет нечего, а тогда перечитаю и спокойно без

огорчения поправлю. Это надо, пожалуй, сделать с «Мирской чашей» [62].

7 декабря. Буду давать читать, выслушивать, поправлять, не торопясь.

8 декабря. Общественная, нравственная проблема сейчас состоит в проявлении творческого радостного аскетизма, то, что само собой разумеется и о чем никто не говорит, когда стремится к желанной цели. В этом устремлении всякое бремя кажется легким.

Я это знаю по творчеству и это хочу сказать в романе («Осударева дорога»), но случайные мысли кое-где становятся поперек основной и должны сбивать читателя.

13 декабря. Вся задача в том, чтобы исправить все самому и не дать другим изуродовать. И я это сделаю.

14 декабря. Н. объявил о «Канале». Необходимо выдернуть всю географ-историческую часть и навертеть все на другое [63]. Это был такой удар по голове, что я заболел.

15 декабря. Забывать — это значит прощать. Когда людям ничего живется, они прощают плохое и верят в хорошее. Но есть люди, которые не прощают и нравственным долгом считают своим не прощать. Этой верой питалась революция: не простить.

Любить жизнь — это значит уметь забывать все плохое («переживать») и удерживать все хорошее. Огромное большинство наших молодых людей этим и живут. Но есть вера и решимость другая: человек просит, чтобы ему жизненную обиду не забыть, понять и не простить.

Наша революция вышла из этой последней решимости, а когда она победит врагов и будет людям жить все легче и легче, эта вера растает в естественной жизненной вере в творчество добра: забывать плохое и сохранять хорошее.

28 декабря. В среду 29-го будет заседание в редакции с разбором моего романа. Январь придется посвятить доработке.

29 декабря. Вчера вечером начал читать «Царя» с новым задором, идет хорошо, не знаю только, куда воров девать.

31 декабря. 6 ч. вечера, прочитал Чехова «Даму с собачкой», обернулся к себе и увидал, что и мой царь природы — настоящая вещь. И еще я увидел, что не только на безрыбье я — писатель, но что и среди рыб я рыба. И еще мне стало видно... Мне стало видно, почему я всегда робел понимать себя настоящим писателем: потому что я очень людей хотел возле себя, а быть настоящим писателем — это

значит непременно быть одиноким. Пусть даже вырастут горы признаний и вершины их засверкают снегами славы — тут-то, может, среди этих снегов ощутимей всего человеку его одиночество. Я же в простоте своей славу понимал просто как счастье и считал себя его недостойным.

Итак, в начале января я уезжаю в Малеевку и там разделываю «Царя», как надо. К февралю все будет закончено. И будет все хорошо. С этой уверенностью я встречу Новый год.

9 вечера. Итак, начну год с того, что отработаю «Царя», а там свету прибавится, и весна подбежит.

1949.

2 января. «Мужики» Чехова. Тоже мужики есть и сейчас, и есть на них писатель, как Чехов, но написать нельзя: не туда идет история. А тогда можно было, потому что время шло к концу империи.

3 января. Боже мой! В каких детских руках держится мое перо,— какие слова я могу сказать в моей новой книге. Вот о чем я должен теперь думать, готовясь к доработке ее.

5 января. Начал вырабатывать по-новому повесть о Зуйке. Перед отъездом в Малеевку необходимо прорепетировать с Лялей все, что мне высказали требовательные читатели.

При чтении моей рукописи все упираются в «грех» Зуйка, им кажется неверным или подозрительным, что такой прекрасный мальчик мог согрешить и уйти от прекрасных трудовых перспектив в лес с бродягами. Синих птиц не должно быть, ни синих птиц, ни грехов. Значит, мне теперь надо крепче мотивировать уход за синей птицей. Как это сделать?

11 января. Сила правды и сила воображения.

Сила воображения пред-ставляет гору далекую, невидимую возле меня: самой горы-то нет возле меня, но образ ее здесь.

Сила правды, однако, разрушает мой образ и говорит: горы нет.

12 февраля. Иду под вечер лесною поляной, опустив глаза. Чувствую, что деревья рядом со мной идут: я и они шаг в шаг.

Заглядываю влево подальше, там деревья по поляне на фоне далекого леса идут назад, а домой мне идти вперед. Вдруг в далеком лесе прорыв и там, у самого горизонта,

большая звезда. Я иду вперед, и звезда идет вместе со мною, и сколько бы я ни шел, куда бы ни зашел, звезда все будет идти. Конечно, эта самая звезда шла, указывая путь волхвам (так они думали), и эта самая звезда теперь равняется по мне, я иду, и она идет, я останавливаюсь, и она останавливается (так думаю я). Все зависит от того, с какой своей внутренней звездой согласует человек звезду астрономическую. Какая же теперь моя внутренняя звезда? Я ее чувствую: это новый человек, идущий впереди своего времени, имеющий власть над природой, он идет все вперед и вперед, и звезда поспешает за ним.

16 февраля. Живописец может видеть предмет только с одной стороны, и оттого он художник прямой, четкий и сидящий. А художник слова устает смотреть только прямо, у него является сомнение в себе и в том, что он видит. «Дай-ка,— скажет,— я загляну с другой стороны». И это сомнение заставляет его встать и пойти. С этого сомнения, с этого желания заглянуть на другую сторону и начинается движение.

20 февраля. Главу «Падун» закончить разговором о новом человеке. Сейчас мы не можем видеть человека нового, как не можем без зеркала видеть себя. Выстроим Новый Свет, и он будет нашим зеркалом: поглядимся в него, и в нем увидим себя новыми.

27 февраля. За время в Малеевке (15 января — 27 февраля — полтора месяца) я второй раз просеял свою работу сквозь частое решето замечаний ⟨...⟩ И вообще эта работа сделана, как пиджак на очень капризного заказчика. Так, наверно, в древности художники делали богов тоже на заказ, и никто не спрашивал с художника его личного отношения к богам, верит он сам или не верит: довольно было того, чтобы он сделал бога.

В общем, я уверен в одном, что честно старался сохраниться в своем мастерстве, чтобы потом люди сразу узнавали работу и говорили: это делал Пришвин. Но было на работе столько заплат, что и совсем уже не могу судить сам. Пусть люди судят.

28 февраля. Отдал работу в переписку, в субботу будет готова. Считаю, что теперь, кончено, и я свободен. Поправок сделано так много, что сказать что-нибудь вперед ничего невозможно.

20 марта. Разговор по телефону выяснил, что роман мой встретил преграду и что меня хотят заставить его переделывать. Это срезало меня до чувства смертной тоски (знакомое редкое и страшное чувство).

2 апреля. Если провалится мой роман — я не много буду страдать, нет! совсем немного. Да и самая жизнь, я ценю, ценю, ценю! но все-таки того страха перед смертью, как бывало в молодости, конечно же нет у меня теперь. Но пусть не напечатают мой роман, я все-таки убежден, что он и хорош очень и, главное, что совесть моя чиста: я сделал все, что мог, и талант свой не зарыл. Самое же главное хорошо, что наконец-то я от него и отделался.

4 апреля. В общем, как художественное произведение это не кристалл, подобный «Жень-шеню» или «Кладовой солнца». И в этом не я виноват, а жизнь не вызрела для ее изображения, как в «Кащеевой цепи» не вызрел художник для дела спасения своего героя. Возможно, что и тут тоже не жизнь виновата, а сам художник не дозрел до изображения необходимости...

13 апреля. Стараюсь удерживаться от мечтаний о напечатании «Нового Света», но, отказавшись мысленно от всяких претензий на личную славу, взвешиваю все, с чем борется автор, за что он стоит, радуюсь этому и чувствую себя сильным и уверенным в том, что мы, такие, победим.

22 апреля. Начинаю подумывать о конце, что, может быть, и будет натуживаться, загадывать, искать встреч и т. п., так, если провалится «Новый Свет», то и покончить с усилиями, а жить совершенно уединенно, занимаясь дневниками и рассказами для детей. Так что время подходит успеть взяться за свой конец, прежде чем он схватит меня ⟨...⟩ Если же «Новый Свет» выйдет и сделает то, что я бы хотел, то можно будет еще что-нибудь написать. А то, может быть, и пробовать не буду, а возьму свой конец, как палочку в руку, и напишу из дневников книгу «Завещание».

9 мая. И вот полоснуло по сердцу,— как ничтожно и гнусно сопротивление во имя всего такого личного, когда поставлен вопрос о добре для всего человека, вдруг захотелось стать на его сторону. И тогда вспомнилась горная высота с ледниками и все нежное зеленое внизу... что же это? или только в свидетельство, что высота побеждает? ...высокое дерево, высокий человек, высокий дух.

11 мая. Ущемленность от «Нового Света» проходит, ее смывает радость нового замысла лесной повести [64]. Сколько лет я был в плену у «Осударевой дороги»!

12 июня. От Федина рукопись и письмо [65]. Вышло в моей жизни это письмо большим событием. Во-первых, нашелся читатель, смотревший на вещь как на художест-

венное произведение, и возбудил даже во мне самом интерес к этой своей способности «житейскую правду обращать в легенду, а природу в философию». Словом, я почувствовал, что существую как художник, что труд мой не пропащий. Сразу выросли крылья и явилась уверенность в заветной мечте своей написать для всех классов, образований и для всех возрастов на одном языке понятную вещь. Этой новой повестью о лесе я и скажу тебе спасибо, единственный оставшийся из старых настоящих писателей, вступившийся за мою вещь.

4 июля. Большинство ученых критиков первой важностью в оценке работы писателя ставят его происхождение от какого-нибудь другого, как в дарвинизме некоторые видят всю важность в происхождении человека от обезьяны. Если же глубже посмотреть, то ставить в первую важность происхождение является от ребяческого преклонения перед законом причинности и даже своего рода религией, обожествлением причины. Так было в языческих религиях, например, с обожествлением солнца в том смысле, что если живительный свет является от солнца, то солнце есть бог.

6 июля. Между прочим, военный Устав [66], организующий дисциплину, обходит молчаньем и в то же время признает необходимость личного поступка, нарушающего в иных крайних случаях дисциплину. Очень возможно, что наша победа над немцами объясняется правильным расположением в душе русского человека того и другого начала. И наоборот, у немцев не вышло дело из-за поглощенности дисциплиной самой личности человека.

8 июля. Анна Алексеевна Капица прислала мне письмо с приглашением. Только сегодня мы решили поехать к ним на Николину Гору и познакомиться с Петром Леонидовичем Капицей [67]. Она брюнетка средних лет, он 55 лет блондин со светящимися голубыми глазами.

Нравственное заключение или вытяжка из этого визита: «Друг мой! ты дерзнул прикоснуться к таким вещам, которые можно обратить одинаково в добро человеку и во зло, поэтому ты должен принадлежать тому, кто контролирует добро или зло. Мы уверены, что контролируем жизнь в пользу добра, и потому брось охоту и личную жизнь и отдайся целиком службе добра».

16 июля. Опять сижу за работой над поправками романа перед чтением Симонова [68]. Целый год прошел над поправками, и теперь весь роман мой даже и не в заплатах, а покрыт целиком лоскутным одеялом.

21 июля. Говорили о братьях Хаксли, что оба они живут в области сенсации, и теперь брат Олдос [69] выпустил сенсационный роман о сущности обезьяны в том смысле, что обезьяна в человеке остается неизменной и на фоне обезьяньем выделяются отдельные люди, выросшие из хромосомы милосердия.

— А я об этом думал,— сказал я,— еще во времена декадентские, и когда падала империя российская, как теперь падает Англия, то явился у нас писатель Андрей Белый,— куда там Хаксли! Он подавлял нас своим индивидуализмом бесконечного углубления.

— Как же вы из этого вышли? — спросил физик [70].

— Вместе с вами, физиками,— ответил я.— У вас раньше думали, что атом есть просто конечно-малая величина материи. А теперь вы нашли, что атом — это целая маленькая вселенная. Так и мы теперь, инженеры душ, поняли, что атом человеческого общества является такой же маленькой вселенной, и на каждое духовное ядро приходится какое-то большое число обезьяньих сущностей, с которыми духовное ядро связано долгом. Атомная энергия — в человеческой душе называется свободой, и революция вполне отвечает освобождению внутриатомной энергии. Но, по-видимому, соотношение свободного ядерного духа и подчиненного ему обезьяньего, называемого у нас порядком, есть высшая идея атомного бытия и предшествует всякому творчеству и, развиваясь в сознании, образует, с одной стороны, наше сердечное чувство гармонии и, с другой, идею пространства и времени.

Вот почему каждому духовно одаренному человеку в обществе надлежит не взрываться индивидуально и обнажаться в сенсации, как Хаксли, а организовать свою ячейку с обезьянами в чувстве гармонии, в идее пространства и времени, как это сделал с собою Шекспир и как я, совершенно простой русский человек и страстный любитель свободы и гармонии русского слова, пытаюсь провести личных своих обезьян, и это дело свое называю поведением человека. В этом смысле я утверждаю, что подсознательное поведение в этом глубоком смысле у каждого настоящего художника и настоящего творца предшествует его творчеству [71].

6 августа. Вчера вечер был после дневного дождя необыкновенно прекрасным, долго и тихо бродил в лесу и первый раз со времени аварии в голове мысли мои оформлялись. Егор Александрович (сосед) помогал вытаскивать мне машину, сказал:

— На молодых людей сейчас нельзя положиться, и знаете отчего? Оттого, что их соблазнила свобода, и они за свободой идут, не понимают, что свобода стоит большого труда, и даже так, что чем свободней человек, тем ему и трудней.

15 августа. Бывший швейцар профессора Веселовского в доме его на Арбате, а теперь старый хозяин своего дома в Териброве, Василий Алексеевич, однажды мне сказал:

— Расхожусь я, Михаил Михайлович, со своими сыновьями во мнении: они о человеке так понимают, что человек заменим, не один, так другой. А я полагаю, что человек не курица: той голову отрубишь, она воскреснет и будет другая курица. Человеку же отрубишь голову — он не воскреснет.

И вот прошло с тех пор больше десяти лет, а я все помню слова старика: человек незаменим [72].

Недавно познакомился с Капицей, был у него и он у меня, и оба раза, и у себя, и у меня он, между прочим, высказался в том смысле, что человек незаменим и что в этом-то и есть его расхождение с современностью.

Так большой незаменимый физик сказал совершенно то же самое, что бывший швейцар профессора Веселовского и чем мучусь я сам все время.

Попробую стать на их точку зрения и так рассуждаю. Сервантес был гениальный писатель, но не это важно: столетием позже, но все равно кто-нибудь из людей, один или сто вместе, дали бы нам образ Дон Кихота. Нас поражает не Сервантес, а что нашлась для Сервантеса среда, в которой его Дон Кихот ожил и едет на своем Росинанте в веках из поколения в поколение. Нас поражает, что Сервантес оказывается не случайным конечным существом, а бессмертным духом всего объединенного человечества.

Так и разделилось все человечество на всей земле в своей «холодной» войне: одни стоят за Сервантеса, за незаменимость личности человека, другие за среду, порождающую эту личность.

29 октября. Закончил читать «Консуэло», старинный роман Жорж Занд. Мне он читался, как современный ⟨...⟩

Вот, оказывается, откуда этот романтизм, вытекающий из 30-х годов прошлого века из общества Жорж Занд и Виардо. Второе — роман пытается раскрыть мою тему: искусство как образ поведения. Третье: возможное величие женщины.

Роман питал наших писателей: узнается происхождение сына Ставрогина из Альберта и многое другое. Проро-

чески сбылся в последней войне бандит барон Тренк. Учитель Порпора — разоблачение подвига искусства для искусства [73].

26 ноября. С удивлением заметил в себе «твердые» убеждения и немного испугался, спрашивая себя самого: что это, старость или склероз? Мне всегда казалось, что убеждения имеют только старики и сумасшедшие, а нормальные люди, если, бывает, и носят какие-то «убеждения», то их очень таят, как уединенное отхожее место 〈...〉 И самое большое, казалось мне, может совестливый человек допустить в отношении другого, это высказывания предположительные: «Конечно, вы это знаете лучше меня, но вот как я об этом думаю...»

И если серьезно говорить, то и правда, как это можно «стоять на своем», если все так быстро проходит и меняется, и как воистину безнравственна логика этих убеждений в отношении ближнего.

27 ноября. Сегодня будет у меня Мравинский [74], мой читатель.

28 ноября. Встал, наполненный довольством тем, что у меня есть такой друг, как Мравинский. Никогда не видели друг друга, а встретились, будто всю жизнь вместе росли, и благодаря только тому, что я пишу и он читает. И сколько же у меня таких друзей, и какое это великое дело, что я пишу.

22 декабря. Вычитываю собственную мысль мою (руководящую) у К. Леонтьева: [75] это мысль о русском отрицании, вызванном Гоголем и Щедриным, о «нигилизме и революции». 1905 год — год 1-й революции и 1-й моей книги: как я боролся с собой, со всеми упреками совести русского мальчика, рожденного в колыбели отрицания, и как все-таки победил себя и написал слова в утверждение жизни. Эти слова и определили последующую жизнь как утверждение.

1950.

8 февраля. Лариса Леонидовна [76] сказала:

— Это вы (то есть писатели, поэты) делаете любовь в том смысле, как об этом твердят, на самом деле люди соединяются надолго в очень сложном чувстве, составные части которого никак не похожи на то, что вы называете любовью.

— Мне кажется,— ответил я,— в этом сложном чувстве резко выделяется чувство незаменимости любимого суще-

ства, мы в этом чувстве отдаемся друг другу «навеки» и продолжаемся в детях или в стихах. Таким образом, любовь есть попытка человека утвердить незаменимое в вечности, в результате чего живут дети и создается для них культурная среда. Если же выключить из понятия любви незаменимость личности, то человеческое воспроизведение станет механическим, атмосфера культурная нарастать не будет, тогда человек забудет себя как человека. Так, возможно, что все эти миры, подчиненные законам тяготения и движения, представляют собой обезличенные комплексы забывших себя лично существ и входят в состав того, что мы называем «природой».

Итак, «незаменимость» есть основание для большого здания любви.

10 февраля. Читаю Стерна и нахожу себя среди родных (Стерн, Ричардсон [77], Руссо, Гёте, Гамсун, Карамзин, Жуковский, Радищев, Гоголь и все наши «реалисты»). Сентиментализм пробился в XVIII веке, как живой ручей под горой лжеклассицизма.

Прочел о Марксе старую книгу, читанную в 1910 году, забытое вернулось сквозь пережитое, и я увидел всего Маркса, каким он вошел в историю и открыл собою новую борьбу.

7 марта. Природа вся персональна (живет, как хочется), а законы ее (надо) — это закон отделения, закон разума павшего великого существа: разума, ограниченного распадом... (Своеволие природы и принуждение разума человека.)

Сейчас обе силы, принуждение человеческого разума и своеволие природы, до того напряжены друг против друга, что начинаешь догадываться о том, что это и было когда-то... Было такое напряжение двух сил в этом боге, что произошел взрыв, и разбитый бог начал собирать свои части и составлять себя: вот эта принудительная сила, этот ковач и есть человеческий разум, а природа сохранила в себе свободу.

10 марта. Моя служебная гипотеза происхождения вселенной из распада единого великого существа, включая в него человека, продолжает очень мне помогать при раздумье. Что же касается эволюции, то есть преображения во времени, то это есть движение всех частей к воссоединению и возрождению.

14 марта. Боже! как страшно вспомнить себя в Париже и потом постепенное свое падение. На Большом суде, одна-

ко, я в оправдание свое могу показать «Жень-шень»: в нем содержится моя победа [78].

16 марта. «Жень-шень» — это поэма о распятом любовнике.

26 марта. У Ксении Некрасовой, у Тани Розановой, у самого Розанова, наверно, и у Хлебникова, и у многих таких души не на месте сидят, как у всяких людей, а сорваны с места и парят в красоте.

31 марта. Начал вырабатывать рассказ «Мать-героиня» [79].

8 апреля. Жестокость нами переживается с детства и кончается у человека милостью (биологический закон). Так что «идеализм» в прошлом не есть идеализация прошлого, а действительно отцы в общем идеалисты, как и дети неминуемо в общем жестоки и, переживая эту жестокость, чувствуют веяние прошлого ароматное, как мы чувствуем, плывя по реке, аромат срубленного леса.

Так что мы, поколения старших, не можем честно сойтись с молодежью из-за их жестокости. Но молодежь неминуемо по биологическому закону идет к нам, и, значит, этика старости состоит в умении ждать (в эту этику ожидания включается, само собою, терпение, смирение, любовь, а может быть, на этом же пути является тоже и особый свет, называемый целомудрием).

19 апреля. Читаю взасос Рёскина: [80] он написал то, о чем я мечтал всю жизнь написать, а вместо того писались мои «сочинения».

7 мая. Искусство обладает особенной силой, если выступает как искусство, невозможно искусство принудить быть моралью. И не думаю, что такое оскопленное искусство может помочь, и нужно ли такое искусство [81].

11 мая. Людей становится больше, и от этого больше забот. Мы стараемся помочь себе техникой, а кажется, будто техника приносит с собою новые заботы.

12 мая. Читал у Стэнли Холла [82], что воображение есть орган сердца и путь разума. Да и все, о чем говорит С. Х., мне кажется, он взял у меня. Мне думается, эта близость с ним у меня от двух начал моей природы: 1) что я очень русский, как и он очень англичанин, 2) что я представляю собою консервированного юношу и об этой юности все время пишу. Разница только в том, что он, как англичанин, ищет морального руководства над всеми народами, а я, скорбно любя свой народ, считаю всех выше нас. А в общем думается: как много высказано в Европе великих мыслей

о воспитании, и какие прекрасные люди воспитались, и как мало этого вошло в массы.

Как писатель получаю в этом чтении толчок: писать языком простым: языком сердца, как говорят между собою о себе люди простые и хорошие, а не языком расчета, как говорят политики и литераторы (газетный язык).

13 мая. Путь художника — это побег от человеческих идей к самой жизни материала, а путь читателя от этого оживленного художником материала к новой идее, интересной и новой, быть может, больше всех самому автору.

18 мая. Ничтожеством самым ничтожнейшим чувствует себя ученый и художник из тех, кого люди называют великими. Они потому чувствуют себя ничтожеством, что видят возможности для человека настоящего величия и, сравнивая идеал с тем, как он сам к нему подползает, чувствует свою малость. А то, что по сравнению с ним другие еще тише ползут, не возвышает его в своих глазах, а еще умаляет.

26 мая. Компромисс — это такой же продукт распада общества, как страх и насилие.

30 мая. Надо бы обрисовать, как приятно бывает пережить какую-нибудь свою страсть или пристрастие и что это, как рождение свободы. Вот так бы состариться счастливо и, пережив самую жизнь, уйти на свободу.

3 июня. Когда сам сидишь неподвижно, повертывая баранку, и в то же время пожираешь пространство, мысль исчезает. И даже на другой день не можешь вернуться к себе. Выход из поглупления один: передать руль шоферу, а самому сесть назад и не смотреть на дорогу. Так мы все в обществе разделяемся и свое внутреннее само-управление, облегчаясь, передаем на сторону. И так все дальше и дальше уходим от себя и отдаемся во власть (бога, царя и т. п.). В результате такого движения образуется авторитет, поглощающий личность, и то, что было личностью, распадается на фанатиков и лишних людей.

13 июля. В далекое время при каком-то царе нас, детей, учили верить в науку и эту веру называли прогрессом и всякое хорошее дело на свете называли прогрессивным. Глухо бормотали где-то против этой веры попы, но до нас этот голос ретроградных людей не доходил: мы верили. Лев Толстой поколебал нашу веру, а вскоре и все мы сами увидели в делах, что научные и технические открытия не всегда непременно повышают уровень нашего нравственного сознания. Так мало-помалу мы дошли и до атомной пустыни, расколовшей человечество на два враждебных

лагеря с мелькающей тревогой о том, что если так дальше идти и влагать свою веру в прогресс, то можно даже и всю планету взорвать.

Нравственная пустыня объяла человечество, и так начало иногда по ночам представляться, что, может быть, и не раз в истории нашей планеты такая страшная пустыня подбиралась к душе человека и что, может быть, когда-то очень давно, в незапамятные времена на земле не было ни животных, ни растений, а жил только человек в полном единстве себя самого и во множестве лиц, как и теперь. И вот тогда, как и теперь, подошла к душе великого единого человека пустыня еще более страшная, чем теперь, и в душе чистого единого человека начался панический страх. Тогда от ужаса кто-то запищал и сразу же обратился в суслика, кто-то залаял и побежал шакалом, кто-то прыгнул и полетел птичкой или зайцем побежал, и кто-то в безумье остановился и остался на месте расти деревом, и так возникла природа в распаде единого человека. Среди всех падших существ, составляющих так называемый мир природы, не было человека, и в то же время он был в каждом живом существе.

Страх был причиной распада, и кто больше боялся, тот стал жертвой, кто меньше — стал хищником, а кто ничего не боялся, тот, понимая человеческое начало в каждом живом существе, стал собирать всех в прежнее единство.

И мы, дети, еще при каком-то царе верили в прогресс и в науку, что наука соберет в единство всего человека и сделает его имеющим полную власть над природой, чтобы не только живое освободить от страха, но воскресить и всю мертвую материю.

Казалось нам все так ясно при вере в прогресс и в науку, но вот почему-то опять, когда кругом всю землю обошла весть о единстве всех лиц и природы, надвинулась страшная пустыня.

15 июля. Любовь создает свой полюс, и качества любимого располагаются, как железные опилки у магнита: одни, милые, поближе, а что похуже, то и подальше. Бывает, по мере движения любви отдаленные качества приближаются, и это значит, проходит любовь. В настоящей любви на всю жизнь отдаленные качества, оставаясь на том же месте, делаются более видимы, и любящий их видит, но мирится, как с чем-то несущественным.

27 июля. Позывает взяться за лесную повесть. К прототипу капитана Оршанко [83] присоединяется Капица академик, тоже такой. Всякое творчество требует честности.

Особенное свойство капитана и академика — они честные, даже и *взахват* честные.

1 августа. Капица сказал, что в поэтическом произведении не допускается ни малейшей доли лжи. Он прав, но надо выяснить, что же есть в поэзии правда и что есть ложь, и в связи с этим, что есть *поведение* автора, о котором так давно я думаю и не прихожу ни к чему.

2 августа. В конце концов, думаю, люди выйдут из нынешней беды, пусть даже и большими жертвами. Но кому удастся увидеть новый свет, то первое, что ему представится, это быстрота движения человечества в деле преодоления пространства и времени. Давно ли и войны и радости мира происходили на пятачке, а теперь весь шар человеческий кругом состоит в войне двух половин и произносит цель войны: мир всего мира. Такой великий прогресс в преодолении пространства и времени!

Второе, что откроется будущему человеку и поразит его совершенно, это, что, очевидно, существует какой-то мир, независимый от пространства и времени, и в нем человек остается таким же неизменным, как и тысячи лет тому назад. У нас сохранились памятники, свидетельствующие о том человеке, и мы видим в них нечто неизменное, и в них поклоняемся вечности независимого духа, заслоненного от нас страшно быстрым движением внутри пространства и времени.

8 августа. Мы на пороге какого-то нового синтеза этического сознания, но каждому из нас больше всего надо бояться подчинения «сверхразуму» (то есть рацио totum) и безответственной мистике.

16 августа. Самое большое сходство у нас с Л., что оба мы с ней странники, и у нас нет опоры на земле.

— Первая твердая точка у меня на земле,— сказала Л.,— теперь могила матери, тут и вся моя собственность.

6 сентября. Психология среднего разночинца была (по незнанию жизни) оптимистическая 〈...〉 вроде того, что: все к лучшему. Каждый революционер (начиная с Руссо) так верит в лучшее (прогресс), что вера его уплотняется в действие, направленное к будущему: надо уничтожить настоящее (веру, семью, государство) и «на обломках самовластья» создать новый, лучший мир. Другая (консервативная) психология удержать настоящее, как «прекрасное мгновение». Итак, два решения: 1) удержать настоящее (неизбежный пессимизм), 2) разрушить настоящее для счастливого будущего (необходимый оптимизм).

20 сентября. Капица говорит, что сделал большое открытие ⟨...⟩ Не знаю и не интересуюсь «открытиями», они теперь везде и находятся в полном отрыве от мира нравственного. Но я завидую семье Капицы, например, что огромную лодку они делали всей семьей и сделали, как не сделать настоящим мастерам: этому чему-то я завидую и, глядя на это, чувствую, что жизнь меня обошла, как и Лялю, и мы тем и зацепились друг за друга, что каждого из нас в этом жизнь обошла. А впрочем, этот божественный лад (семейный), о чем я мечтаю, связан с каким-то «дворянским гнездом», и Капица тут ни при чем. Я с этой тоской по семейной гармонии родился, и эта тоска создала мои книги.

21 сентября. И. Иванова [84] вчера рассказывала о том, как она рассталась с родителями в 1943 году. Она была в Ленинграде, они в Детском Селе. Они рвались к ней, но пропусков не давали. Наконец, объявили в Детском Селе, что немцы подходят, но поездов уже не было, и все, кто мог, пошли пешком. Родители ее в это время были очень слабы и держались друг друга, как попугаи-неразлучники. Варвара Николаевна была совсем седая, белая, у него последние волосики стали белые. Ина полагает, что они пошли и не дошли...

Слова коснулись сердца, и легла на душе тень мысли, и по этой тени являлись догадки о встрече нас всех. А если иначе, то какое злодейство эта наша жизнь...

22 сентября. Свет солнца есть вещество, но тень земных предметов содержит в себе то же вещество, только в более разреженном или разбавленном виде. Мы же знаем, что в тени рождаются и вырастают организмы, как на свету.

28 сентября. Правдотворчество дает бесстрашие себе самому, а со стороны становится страшно за правдолюбца: кажется, вот, вот он погибнет. Правдолюбец в обществе плывет, как корабль, рассекая лоно воды на две волны, правую и левую. На одной стороне друзья героя ⟨...⟩ (на другую сторону) враги его.

30 сентября. В чем у нас расхождение с Лялей: моя зависимость от успеха моего дела ей представляется жалким, унизительным состоянием, сплошным «легкомыслием». А я не вижу ни одного поэта, включая Шекспира и Пушкина, кто мог бы помириться с жизнью вне своего творчества.

31 октября. Из первого же опыта намечается, что играть в политику поэту с нерешенными вопросами в душе опасно. Политика сейчас — это как религия в прежнее время.

2—3 ноября. Пишу очерк: «Заполярный мед».

24 ноября. Нравственное усилие наше направлено теперь к тому, чтобы рабочим нашим днем закрыться от вечности.

10 декабря. Рассветает. Всем сердцем люблю я рассвет, но был убит на рассвете мой друг, и всем сердцем радоваться рассвету не могу. Люблю рассвет, но не радуюсь.

22 декабря. Пишу я о природе, а мои читатели хватаются за мои книги, как многие думают, чтобы забыться на стороне от мучительной действительности. Некоторые люди, мои недруги, говорят, что я обманом живу. Но я замечаю, что когда они в моей природе вдруг узнают нашу же действительность с другой, с хорошей стороны, то они особенно радуются. И это я так понимаю, что они очень ждут от писателя, чтобы он осмыслил и воодушевил их повседневный труд. Не обман они видят, а мысль сердечную своего же собственного дела.

27 декабря. Можно убить свой дух в запойном труде ‹...› Кажется, еще никто не описал этого способа самоубийства, но каждый ученый, не сделавший открытия, есть самоубийца. Надо оставаться в своем труде и в крайнем случае, если в себе нет ничего, растить живых детей.

1951.

14 января. Читаю «Войну и мир»,— не читаю, а пью. Интересно бы знать, как это читает теперь молодежь. Тоже хорошо бы решить ясно, в чем же сила Толстого, и если это не только поэзия, то что же это у него сверх поэзии. Вот этот ответ и есть цель моего нынешнего чтения.

17 января. Основное в морали Толстого, что жизнь до конца испорчена, а природа святая (как у Руссо), и, значит, жизнь надо начинать сначала, с природы ее (ключ Франц[узской] революции).

18 января. В простодушии нашей старой жизни мы извиняли эгоизм старика Болконского его любовью к дочери, и как будто вовсе и не поднимался разговор об отвратительном факте подобной «любви».

19 января. Наташа Ростова в движении своем к Анатолю являет женщину из «Песни песней» [85] — вот тот «естественный» мир, а Анатоль дается таким, за что мы выдаем мир естественный (языческий). Разве это «идеализм», то, чего хочет Наташа (его)? Это материя, но какая!

— А помните, девушки, как вы возмущались концом любви Наташи? Вам казалось, что Наташа должна сделать-

ся доктором, инженером, вагоновожатым. И вот она сделалась, достигла, но Пьер лучше.

25 января. Мне думается, что Толстой в своей «Войне и мире» в лице Кутузова и России хочет нам дать это чувство нашего расположения к своему дикому, заповедному, к тому, что было, и это чувство счастья в былом он называет миром, а то, что хочет сделать Наполеон, его движение к небывалому, он называет войной.

26 января. Если судить самого себя, то всегда будешь судить с пристрастием или больше в сторону вины, или в сторону оправдания. И вот это неизбежное колебание в ту или другую сторону называется совестью.

27 января. Вчера кончил «Войну и мир» и после того увидел свою собственную жизнь.

28 января. Когда тишина зимой в лесу достигает последнего предела, то почему-то начинаешь думать, не я ли оглох и не слышу, а у них там, в тишине, как раз вот сейчас исполняется самая великая симфония: ее-то, наверно, и слышат великие музыканты, и от них мы о ней узнаем.

Раз было и со мной, поздней осенью на обнаженной осине чуть трепетало несколько последних уцелевших круглых листиков красного цвета, я стал на них смотреть, и в полной тишине, мне показалось, я услыхал.

29 января. Солнце, как месяц, не больно смотреть, и снег летит редкий и спокойный, и в лесу, как всегда: снег летит в тишине, а сам думаешь — от меня эта тишина, я не слышу, а по снегу вижу и знаю, не так он летит: кто-то его слушает.

В молодости, когда слух был острее, я дослушивался так до шепотка снежинок между собой.

Увы, мой друг, права невинности ограничены ее прелестью, как только прелесть потеряна — невинность теряет право, и навсегда.

Только быки борются своей силой, а человек борется тем, за что держится: во что верит, тем и бьет.

Когда день заметно начинает прибавляться, то деревья, выступающие на опушку, в едких, пронзительных лучах солнца корою своей открывают человеку себя, как грамотой.

Есть высокие гонкие деревья, и кора у них в нижней части ствола распадается на удлиненные плитки, и по их всеобщей удлиненности читаешь о том, что дерево светолю-

бивое, сосна, всю жизнь свою истратила на движение вверх к солнцу.

А то бывает, кора разобьется на плитки кругленькие или квадратиками, и по множеству их, спокойно устроенных друг возле друга, читаешь жизнь теневыносливого дерева елки, умудренной вниманием к тени, пониманием, что, будь одно солнце и не встречай оно на земле теней,— не было бы на земле и жизни.

В клиническом санатории [86], где весь ты делаешься предметом изучения, а «я» никому не нужно, оно, это «я», начинает скучать, болеть, тосковать. И так мало-помалу доходишь до предела тоски и чувствуешь: еще немного поболеть и больше уже нельзя: нечему будет болеть, и станет хорошо, как будто уехал куда-то или же умер, и нечему стало болеть. В жизни много раз со мной так бывало, и по старому опыту я хорошо знаю приближение к границе. В этот раз переход мой через границу сопровождался чувством стыда: мне стало вдруг стыдно тосковать о чем-то, когда столько людей и средств организовано только на то, чтобы доставить мне счастье.

Ведь я живу, как в самой волшебной сказке, мне стоит только пожелать что-нибудь, и все мне вмиг доставляется. Вдруг я все понял, мне сделалось очень стыдно, и после того явилось блаженное состояние, совершенно исключающее самый страх смерти. Казалось, был найден самый секрет бессмертия в его необычайной простоте.

Я думал о том, сколько в прошлом оставил я и потерял драгоценных способностей, из которых чего стоила одна только игра в горелки, когда мчишься во весь дух за девочкой с единственной целью тронуть ее пальчиком и крикнуть: горим!

Прошли времена, я бежать не могу за девочкой. И в какой бы ужас пришел я тогда, если б кто-нибудь сказал мне:

— Смотри, бегай больше, придет время, и ты не будешь в состоянии бежать за девочкой.

А вот пришло время, 78 лет! и как я рад, как счастлив, что вовсе не надо мне больше бегать за девочками, что каждая женщина мне теперь насквозь видна, и если есть в ней прелесть, я вижу ее как в стекле, нравственно и бескорыстно, и она понимает это, и ценит, и награждает меня ею сама.

Пусть со временем исчезнет и эта охота, но я никогда не забуду запах детских лошадок, какие привозили нам, бывало, от Троицы [87]. Вот, может быть, под конец доставят мне,

глубокому старцу, такую лошадку, и я ей улыбнусь и для вас умру, а сам для себя только начну новую бесконечность, новую вселенную бессмертных существ. (Смерть создается любовью близких, а сам по себе человек бессмертен.)

Дым из трубы поднимается вверх, высокий, прямой и живой, а снег падает, и, сколько бы ни падало снегу, дым все поднимается. Так вот и я себя в жизни чувствую, как дым.

4 февраля. В воздухе пахло самым хорошим, тем самым, чем пахло, когда, бывало, в детстве выходишь на двор запускать змей с трещоткой и длинным мочальным хвостом.

Первобытный человек сказал, спасаясь от ужаса одиночества: «Чур меня!», а я, человек образованный, сказал: «Не может быть!» И, вспомнив, как прыгали в Белеве на дороге конские шарики, успокоил себя тем, что и тут тоже причина. Вроде этого было недавно. На снежной дорожке в лесу лежала ольховая веточка, очень тоненькая, очень легкая. Наверно, эта веточка на морозе стала такая хрупкая, что чуть дунуло на нее, и она сверху слетела на дорожку и улеглась на моем ходу. Разве обратишь внимание на такой пустяк, еще бы шаг, и я бы втер ее валенком в снег. Но только бы ступить, вдруг веточка прыгнула и отлетела в сторону, и спаслась.

«Живая!» — почувствовал я сразу, как маленький, и почему-то даже чуть-чуть испугался, и только-только бы крикнуть «чур меня!» — что-то вспомнилось, собрался, взял себя в руки и сказал вслух:

— Где мой друг? Чур меня! Мама! Где ты, мама?

И что, если сейчас веточка, а потом все так, и я маленький, и мамы нет моей на свете давно...

Не может быть! И стал находить причину.

Верно ли было, как я надумал, или нет, но похоже. Скорее всего эта веточка лежала в неустойчивом равновесии. В морозный день ее почки с содержанием воздуха теплого сжимались, и, вероятно, от сжатия, теплый воздух вдруг вырвался и дернул веточку, как дергает, вырываясь, газ в ракетном самолете. Но скоро ли разберешься, а как страшно бывает в одиночестве неподвижном, вдруг воскресли и те боли, и сказать некому: друг далеко!

7 февраля. Гулял два часа, но ничего не видел и в книжечку себе заносил: смерти нет у людей, ее создает любовь. А выходом является дело: надо скорбь свою захлебнуть делом.

8 февраля. В лесу где-то на тропинке у меня на левой руке расстегнулся часовой браслет, и часы соскользнули. Я не скоро их хватился и должен был возвращаться по этой тропе с напряженным вниманием, направленным на небольшой круг лесной земли перед собою. Мало-помалу мне стало от этого так, будто я сам стою и смотрю, а кусты и деревья идут мне навстречу.

Так стало смеркаться, темнеть, и дошло до того, что с левой стороны между стволами деревьев сверкнула звезда. Едва ли можно было теперь увидеть на земле часы, но тем напряженней я глядел перед собою и тем явственней было мне, что я как будто остаюсь на месте, а кусты и деревья идут. Мало того! Заглядывая иногда косым глазом в стороны, я видел, что близкие ко мне деревья идут быстро, а подальше — потише, и чем дальше, тем все тише, тише, а звезда, где показалась, так там и остается на месте.

Когда вовсе стемнело и надежда найти часы пропала, я стал думать о том, почему же это все-таки так получилось у меня с деревьями и со звездой? Немного подумав о физическом объяснении явления, я перекинулся на душевное, на то, как и по жизни идешь тоже так, как будто идешь и чего-то напряженно ищешь, ищешь, а мимо тебя все проходит: люди, люди, люди, как те деревья, близко — поскорей, дальше — потише, а звезда тоже есть, какая-то своя звезда, но сказать о ней почему-то нельзя.

Вернулся домой к Л. и долго не мог прийти в себя, как будто был на том свете или в обмороке и вдруг очнулся и пришел в себя [88].

12 февраля. Добрые люди хотят, чтобы художники вместе с ними строили будущее. Для этого должны родиться факты нового быта, и эти факты, как цветы, ароматом своим привлекающие пчел, должны привлекать художников. Наверно, в этом возникновении привлекательного и есть сущность возрождения? Во всяком случае, сейчас нам надо этого ждать и сюда обращать свое внимание, очень опасаясь искушения мелочь случайного выставлять за идеал.

13 февраля. Начал выделывать из записей «капель» [89], чтобы из этих штучек потом составить «Дневник писателя» в «Новый мир». И теперь думаю, что в новых записях надо приближаться к *точке зрения* на войну миров, и так, чтобы не нам, а нашим врагам из нашего быта показывался глубокий смысл настоящего человеческого мира.

А сказать яснее, я должен делать то самое, что я делаю, но оно, мне дело, станет понятным людям не как путь личного успокоения в природе, а как настоящий мир, как утверждение в творчестве радости жизни, доступной каждому, мир как венец победителя. Таким образом, я должен представить свое творчество как дело мира и сомкнуть его с нашей политической и военной борьбой за мир.

15 февраля. Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лучшее в общий костер, чтобы он горел для всех, и что мне говорить, если я свой огонек прикрыл ладошками и несу его и берегу его на то время, когда все сгорит, погаснет и надо будет зажечь на земле новый огонь. Как я могу уверить моих ближних в жизненном строю, что не для себя лично я берегу свой огонь, а на то далекое время.

В таежных местах, будь хоть семи пядей во лбу, все чувствуешь себя не свободно, все кажется — не ты хозяин его, а кто-то посильней тебя.

В этом и есть особенность таежного ландшафта, что он давит, тогда как в лесах подмосковных человек всегда возвышается и чувствует себя хозяином, и это веселит.

Даже и в тайге, когда случится увидеть группу берез, чувствуешь себя веселей, присутствие берез показывает, что скорей всего тут уже был человек и после него на порубке выросли эти березы. Веселей становится оттого, что открывается в диком лесу человеку как бы душевный путь к другому человеку...

Бывает, идешь, идешь в хвойном лесу — серые стволы на белом снегу, и вдруг остановит тебя: березы! белые, желтовато-розовые, а снег белый словно растает.

Бывает, наоборот, устанешь в городе от человека, и особенно это бывает ранней весной, когда раскрываются почки. Стоит липа ухоженная, подстриженная, полеченная, чищенная по коре, как щеткой. А почки раскрываются точно так же, как и там, в дикой тайге.

Вспомнишь, как давило в том лесу, как было на душе, будто не ты сам тут хозяин, а какой-то иной хозяин, нечеловек, и этому Нечеловеку ничего не жалко, и ты можешь рубить любое дерево, и тебе ничего за это не будет.

А попробуй-ка сруби вот эту липу на улице Горького. Да ведь почти что убить, за это будут судить, и за дерево человек будет отвечать, почти как если человека убил.

Да и какое же это дерево: липа всегда на улице Горького это близкий друг человека, это радость, это материя, из которой делает человек даже во время войны мир на земле.

И так станет страшно подумать, что и все так в природе: если подальше от человека, то, кажется, все на своей воле стоит, и лес, и вода, и небо, а взять в лесу отдельное дерево — и делай с ним что хочешь. И, наверно, так же беззащитны в воде и капли, до того беззащитны, что даже сливаются, и беззащитны на небе облака, ежеминутно меняющие форму при малейшем дыхании ветра. А если поближе к человеку, то все определяется своим лицом, вот она, липа, поди ее тронь!

19 февраля. Вместо февральских метелей стоят мартовские солнечные дни весны света. Я не знаю, что может быть лучше на свете множества людей, залитых солнцем, протекающих где-нибудь через площадь из одной большой улицы в другую.

21 февраля. Сегодня мой вечер в ЦКУБУ [90].

Люди еще молодые, состоящие в плену главной человеческой страсти, обеспечивающей размножение, представляют себе жизнь без этого, как смерть. Они не подозревают, что как раз-то и начинается свободная и большая жизнь, когда они освободятся от этого пристрастия.

Не так ли будет и после нас, не будем ли мы там чувствовать себя освобожденными от жизни, как от пристрастия, не оттого ли все наши страдания, что мы пристрастны.

Очень удался вечер в ЦКУБУ. Никогда я не был так спокоен, никогда не читал так выразительно. Географ Юрий Константинович Ефремов сделал мне три подарка. Оказалось, что на карте с 1937 года имеется пик Пришвина в районе Кавказского заповедника. Этот пик не включен в цепь главного хребта, но он выше всех близлежащих гор (3000 м). Там же где-то есть озеро Пришвина, и на Курильских островах есть мой мыс [91].

Итак, мне были подарены пик, озеро и мыс. Увы! на пик я взойти не могу, до мыса не доехать и пустынную жизнь у своего озера не осилить. А как хотелось в молодости своего озера, как страстно манила меня даль самая далекая, и там было бы у меня что-то свое. Но, хорошо подумав, я порадовался достижению такого дружеского, почти родственного отношения к себе аудитории и понял ее как осуществление мечты найти вдалеке что-то свое.

Я сказал им, что очень благодарю, что все боялся — мое движение вперед кончится улицей своего имени, а оно венчается пиком.

2 марта. В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное мною весной света, когда

первый воробей запоет по-своему в стенной печурке, желоб высунет из себя ледяной язык, и с него закапает, и поперек тротуара побежит первый маленький ручей.

После великих событий нового времени я заметил, что люди много любовнее стали относиться к весне света, и многие даже впервые поняли великую прелесть этого времени. Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света.

6 марта. Прямо падающий свет теплом своим рубит снег, капель моет, ветер помогает.

Но какая была в старой Москве для стихий это работа! Бывало, все внимание москвича было устремлено вниз,— кто первым ручьем любовался, кто берег ногу, чтобы в ручей или лужу башмаком не попасть. И как долго продолжалось это время хляби, когда Пушкин болел душой.

Теперь в Москве весну делают дворники, и еще далеко до мокрой весны особые машины поднимают собранные кучи снега и ссыпают в ящики грузовиков. После, когда весна света приходит и первый воробей в стенной печурке или на железном крючке, протерев о крючок носик, чирикает, в солнечный день является царственный свет,— ему делать на улицах нечего: улицы чисты!

Нет работы солнечным лучам на земле, и они проникают прямо в душу человека, и он теперь, радуясь, встречает весну гораздо раньше, чем прежний москвич.

И кто даже из великих поэтов прежде особенно как-нибудь восхищался весной света, самым чудесным временем года? А теперь на свободном праздничном свету чистых площадей и улиц каждый простой человек делается поэтом. И в этом свете горят в толпе платочки и кофточки всякие, и глазки являются голубые, карие и черные, тоже хотят спрятаться и не могут.

Бывают в движении воды обвалы берегов, и обнажаются пласты, и можно бывает говорить о переменах земли со знанием дела.

Так было на днях со мной во время поисков материала в своих дневниковых записях для рассказа о грибах 〈...〉

На этом месте складывания своего рассказа о грибах по дневниковым записям я почувствовал, что рассказ можно считать законченным. И тут-то вот вдруг произошел тот обвал на берегу реки, когда обнажаются пласты переживаний земли.

Так мне представился засыпанный и теперь обнажившийся слой литературы дореволюционной эпохи «Шиповника», где мы печатались, «Аполлона» и других изда-

ний [92]. Как угодил бы я этим издательствам, если бы представил рассказ о грибах с ликующим началом радости жизни и с безысходным концом. Тут такой конец был бы современным, потому что смерть в падающем обществе того времени была темой дня...

Но только вовсе не по расчету, не потому, что или напечатают, или откажут, а по самому правдивому глубокому чувству времени я не хотел рассказа с томящим безвыходным чувством, какое, хорошо помню, было в падающем обществе конца первой мировой войны.

8 марта. Единый образ природы, вытекающий из непосредственных человеческих впечатлений, зарождается в городе у людей высокой культуры.

9 марта. До последней крайности надо беречься пользования философскими понятиями и держаться языка, которым мы перешептываемся о всем с близким другом, понимая всегда, что этим языком мы можем сказать больше, чем тысячи лет пробовали сказать что-то философы и не сказали.

В жизни, кроме меня, действует другой человек, и путь к этому другу и есть наш жизненный путь.

11 марта. В Барвихе отлично я научился процедурному житью. Если эти медицинские процедуры самому принять как необходимую систему самоограничения для сохранения в себе чувства радости жизни, то жизнь как творчество будет обеспечена. И пусть день и ночь будут проходить в процедурах и останется для себя, для творчества только 15 минут в день,— этих 15-ти минут и потом, может быть, даже одной минутки будет довольно, чтобы ею все мертвые процедуры освещались, как человеческий путь босыми ногами по камням к другому человеку, такому дорогому другу, какой бывает у каждого из нас в жизни только один.

12 марта. Пасмурно, ветер прежний, с запада. Есть, показываются иногда, редкие синие озерки на небе с надеждой на солнце. Вчера тоже так мало-помалу вышел солнечный день.

Я в центре города в толпе охотился, как в лесу, и время от времени выходил из толпы, становился в сторону против какой-нибудь афиши и записывал. Получалось совсем как в лесу. Только там, когда пьянеешь, хоть бы что! А тут опасно: можно попасть под машину

13 марта. В «Литер[атурной] газете» на редкость хорошая статья Исаковского «Секрет поэзии» [93]. Я бы к ней прибавил, что секрет прозы есть поэзия. И для примера показал бы «Тамань», *как поэзию* [94].

15 марта. «Провинциализм» — это утрата чувства самоопределения во времени, наивную фазу которого Чехов дал в «Трех сестрах».

16 марта. Боже мой! я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в «Двенадцати». Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал, как медленно душа моя опознает современность! [95]

Самое удивительное в писательстве, что когда напишешь, то в этом не узнаешь себя, кажется, из тебя вышло что-то больше, чем ты о себе думал, лучше, что ты вообще, оказывается, хорош, и все теперь будут говорить, не видя, какой ты, смотреть на это, подписанное твоим именем, и будут говорить: как он хорош!

Вроде как бы сам с собой что-то делал и переделал себя: все говорят — ты хорош, и только один голос против, а завтра — два-три. И то ничего,— хорошие заступятся, и только бы говорили, только бы не *молчали.*

Имя писателя растет, когда вещи его растут и поднимают имя над собой. Если же вещи чередой идут, не поднимаясь, то имя остается под-писью, не поднимаясь.

17 марта. Само время в чувстве современности входило в меня, и как лист папоротника на чистой вырубке склоняется к другому соседнему листу и что-то шепчет ему,— это же ветерок на вырубке! а он разве знает, как мы, что это ветер клонит его? — так и меня время склоняло, и я что-то шептал.

Но не совсем же я папоротник! а то почему же сейчас я читаю книгу того времени и чувствую, что пусть время то прошло и пусть оно несло меня, но я держался чего-то, и куда-то приехал в другое время, и теперь, как хозяин, спокойно разбираюсь в прошедшем, и через это понимаю нечто и чувствую себя современником этих новых ребят через полвека гораздо больше, чем когда ветерок того времени качал меня, как папоротник на чистой вырубке.

Где ты, мой друг, за горами, за долами и за синими морями? Или ты был у меня, и это я тебя зову из прошлого, или надеюсь увидеть тебя в будущем? Как бы хотелось мне тебе все свое рассказать, во всем с тобой посоветоваться.

И вот что-то шевельнулось в лесу, там, где между двумя соснами, подальше от меня, виднеется серое основание

ствола какого-то дерева,— на этом сером пробежала темная тень. Как это могло оно, как посмело двинуться, когда все стоит.

Если я найду себя на раскопках за пять тысяч лет до нашей эры,— найду себя в этом чувстве единственного свидетеля, то это значит, что я с вами и мы вместе. И если тоже найду себя, то, как на заводе,— я с вами.

Кроме того, что я единственный и чувствую, что я не одинок. Радость моя в том, что я с вами.

24 марта. Символ — это связь между внутренним миром человека (субъектом) и миром внешним (объектом). История культуры есть история роста этой связи, в начальном периоде бессознательного, в дальнейшем переходящего в творчество с нарастающим сознанием.

26 марта. Чувство дали — когда я бежал из гимназии, это было не чувство дали? Нет, оно было. Я помню эту горечь, что «Азии нет» (то есть дали нет, и некуда бежать). Из одиночества рождается даль.

А чувство одиночества, в том смысле, что я *хуже* других, что такому, как я, нельзя и стыдно войти в «коллектив» (старшие братья, мальчишки). Без этого чувства тоскующей отдельности я себя не помню, *до этого* я о себе сказать ничего не могу.

Так всю мою жизнь определила одна эта нота души: стремление в даль и к другу. Теперь моя задача ввести это чувство дали в коммунизм.

Бывает так, что пишешь о чем-нибудь, представляя себе, что это пишется к другу. И пусть он, этот друг, приходит к вам. Вы, конечно, не пишете: друг здесь,— вы ему все говорите — больше! вы сговорились: вы и друг ваш — одно. И что же? Тут бы и кончиться творчеству, а оно не кончается, напротив, соединенные в одно существо, вы вдвоем, как единый человек, опять одинокий, ищете другого...

Есть люди, у кого много детей было, и они все хотят их рождать еще и еще. Так мы хотим друга, такого большого, чтобы он обнял всю природу, всю жизнь.

Я хотел играть вместе с другими мальчиками, и, когда девочка влезла с улицы в наше окно, я, как все мальчики, защищая нашу позицию, спустил вниз эту девочку; она сильно ушиблась, и я стал через это у взрослых преступником, и никто из товарищей не заступился за меня, не объяснил, что я спустил девочку из окна как представитель всех.

Это, собственно, и было одним из пра-феноменов моей жизни, моего одиночества, моей глубины и устремления к другу. И если тот далекий пра-феномен проектировать в наше время, то чем отличается мое нынешнее *поведение* от того?

1 апреля. Когда-то мальчиком я приезжал в деревню, становился у печки и весь вечер что-нибудь рассказывал матери о всем, что видел сам, а они не видали.

— Соловей прилетел! — говорила о мне, радуясь, мать и спрашивала меня: — Ну, а какие же там деревья растут?

— Там каштаны,— говорил я.

— Цветут?

— Очень хорошо: большие белые елочкой цветы, а сердцевина красная, как кровь.

— И пахнут?

— Аромат на всю улицу.

— Какие же улицы?

— Узенькие, и немцы в окошко утром кланяются друг другу.

— В колпаках?

— В белых колпаках и в халатах...

Так можно говорить целые вечера, и в разговоре таком слышится мне музыка: слово за словом, ответ за вопросом, волна за волной. Чудесная музыка! И везде она звучит, по всей необъятной стране, во всяком уголке для каждого и у каждого, у кого есть друг, как у меня была мать.

Вот откуда, из какого истока берутся наши сказки родные и почему они так долго живут и не проходят: потому что слово это для того и выходит из уст одного, чтобы прилететь к уху другого человека, своего друга.

И эти слова сказывали и сейчас сказывают, а мы, литераторы, стараемся так написать слово, чтобы оно было, как будто оно сказывается.

Так я, слушая сам себя, свою древнюю музыку, я, говорун-соловей, учился делаться литератором. Все было хорошо, музыка устной речи мне слышалась, но лица друга не было, и не было у меня способности вообразить его так, будто я матери своей говорю. Мне нужно было друга искать, и в этом было мое «мастерство», не мастерство, а поведение, и я теперь проповедую и мастерство свое и поведение. Этому я и учился: воображать себе друга, и это ученье было не в мастерстве, а в поведении.

2 апреля. Секрет мой главный раскрывается, и жизнь моя рисуется как поведение, как путь мой в борьбе света и тени (поэзия и действительность). Но такой же точно

путь проходит каждая травинка и каждый лист на дереве: все поля, все луга, и леса, и всякая зелень.

И если в себе самом, в своей душе нести этот путь между светом и тьмою, то каждый внимательный взгляд застает живое существо в момент этой борьбы и раскрывает момент жизни в отношении его к «пра-феномену» сущего в своей собственной душе.

Свет — это пра-феномен солнца. Тень — пра-феномен земли.

Я — встреча света и тени и разрешение их борьбы: я — путешественник на своей дороге между светом и тенью.

6 апреля. Гётева мысль по памяти своими словами: художник к жизни может подходить двумя путями, один путь от общей мысли к частному, и тогда у него получится аллегория; другой путь — от частного явления к общему, и это путь поэзии (по-моему: жизненный путь образа, как он рождается и как живет) [96].

«Кащеева цепь» в том моем возрасте была мне не по силам, так же как не по силам было разрешение борьбы «хочется» и «надо» в «Осударевой дороге». Нужно было с тех пор не пером, а молотом много поработать, чтобы пробить в камне коридор или траншею для продвижения своих героев.

«Хочется» и «надо» (свобода воли и долг, личность и общество) — это предмет размышления всей философии, и эта «тема» забивала каменным обломком мой поэтический путь. В моем личном жизненном опыте я был врагом своих учителей в школе, я же потом и стал на их сторону против себя.

9 апреля. Бывает, весенняя вода прорвет плотину, смоет мостки, и останутся от всех мостков одни только колышки, и они-то бывают мерой того, как глубоко когда-то стояла вода. Так и памятник Пушкину остается мерой, до какой высоты может доходить полнота человеческой жизни.

11 апреля. Самая близкая нашему телу природа — это природа животных, жизнь которых во многом мы можем понимать по себе. Я бы начал книгу о зоологии с домашних животных и от собаки удалялся бы к существам, совершенно по себе не ощутимым. Ботанику я бы начал с садов и парков и тоже дошел бы до неощутимости связи с собой. Неживую природу я бы начал с кристалла какой-нибудь снежинки или алмаза и кончил бы состоянием хаотической бездны.

13 апреля. Поэзия не подчиняется планированию (об этом сказано у Пушкина в сказке о золотой рыбке).

Бывало, в философии мы искали чего-то установленного, какой-то ждали находки вроде начала всех начал, хранящее в себе наше должное поведение. На самом же деле даже и то, что Кант установил, то это он сделал для того, чтобы ты в своем движении преодолел, как преодолевает, разбегаясь, самолет землю и поднимается в воздух.

Весь смысл и все должное философии состоит в том, чтобы побудить каждого мыслить самостоятельно и собственными словами выражать свои мысли.

В моем литературном устремлении с некоторого времени маячит цель глубочайшие мысли свои выражать словами, доступными каждому, и даже ребенку. С помощью улыбки можно бесконечно упростить высказывание мысли.

А «простота» должна быть в том, чтобы ее принимали в себя охотно без понимания, а потом эта мысль, поселившись в душе человека, лежала и в благоприятном случае прорастала бы, и человек бы говорил: ах, так вот оно что! вот он о чем говорил, Пришвин.

Улыбка — это единственное, чего не хватает в Евангелии...

И почему же нет улыбки в античных статуях, и даже Венера живет для себя и никогда не улыбается кому-нибудь?

А мадонна?

Рассказы мои новые, конечно, рассказы старческие, но не в смысле слабости, а что не так они о себе, как о чем-то живущем и после себя и для всех навсегда. Я их понимаю как дорогу к какому-то своему другу. Кажется мне так мое прошлое, будто я к этому другу своему иду, иду, а он все дальше от меня и дальше...

Одно время эта дорога мне представлялась цепью, и на дороге той не верстовые столбы, как теперь я так вижу, а звенья одной цепи. Мне хотелось написать правдивый роман о себе, как «Кащееву цепь», и вместо глав стали бы звенья. Для меня этот роман мог быть только единственным, неповторимым и необратимым, как необратима наша собственная жизнь. Мне очень удавались мои звенья, пока я писал о прошлом, пережитом. Но как только я дошел до настоящего и хотел понять его из прошлого и объяснить, оказалось это невозможным, я запутался и окончил рассуждением, увенчанным бесконечностью.

Лет уже тридцать прошло с тех пор, как я выпустил в свет роман о своей жизни без конца, и слепая бесконечность представилась дорогой к другу своему, какой дорогой оказалось теперь все мое так называемое творчество.

Будет ли так теперь, как и в «Кащеевой цепи», что эта дорога, как и цепь, упрется в непонятное настоящее и рассказ мой собьется, как бывает в клюквенных болотах: общая тропа в конце расходится на множество, и сколько людей, столько и троп. Скорее всего так и будет, но я совершенно ясно вижу, как и где определились мои блуждания определенной дорогой к другу.

15 апреля. Если в упор на часы глядеть и ждать,— как медленно движется время! но если сражение и надо нам за день успеть победить, чтобы ночью враг не успел собраться с силами, как время летит, как хочется полководцу остановить движение солнца...

Так и природа и ее весна; если желанный друг показался и спешит навстречу тебе. Как полетит тогда время, как все зацветет! А если разлука, то какими дождями зальется природа в ответ на твое горе, и если друг твой умрет — какими великими снегами засыплет природа могилу.

Дети как жертвы переустройства женщин с домашнего мира на мужскую деятельность. Дело, заменяющее дом, получает характер суеты, подмены чего-то главного и настоящего.

17 апреля. «Государева дорога» будет как дорога к другу [97]. Зуек — это, конечно, я сам, вся моя жизнь в движении к другу.

Меня выгоняли из школы, потому что я был не способен к ученью и непослушен. А теперь в каждой школе по хрестоматиям учат детей моим словам, меня теперь все знают и многие любят.

Почему это случилось? потому ли, что я боролся за себя, или что меня выгоняли? Было то и другое: я должен был по натуре своей бороться, они должны были меня выгонять.

Им хотелось сделать из меня хорошего мальчика, я хотел найти свой путь к хорошему.

Сестре Лидии хотелось выйти замуж своим путем, мать хотела ее выдать. Старухе тоже хотелось сделать Зуйка *человеком,* а Зуек хотел своим путем прийти к человеку.

Необходим сюжет для изображения разрыва Зуйка с бабушкой. И еще надо обрисовать рост неукротимого характера. Еще нужен сюжет для объяснения, почему Зуек

не смыкается в поведении с делом новостройки: тут при помощи сцепки с общим сюжетом обрисовать дикую застенчивость, староверскую особенную гордость (аристократический демократизм). В силу этого характера образуется особенный путь борьбы Зуйка в природе.

Тоже надо показать, что Зуек *стоит* за бабушку, что он ее в обиду не дает и в то же время ежедневно теряет веру и связь со старым миром.

Передать *смену* старой культуры новой и показать на душе человеческой, как одно переходит в другое и что реальность или утверждение находятся ни там, ни тут, а в движении души, в самом потоке жизни, в его необратимости и становлении.

Деревья качаются — это, значит, на улице ветер. Но я приучил себя, когда сижу в комнате и вижу сквозь стекло дерево, забывать, что это ветер качает их. И так я смотрю в тишине своей комнаты так, будто и там за соснами тишина, а деревья качают ветками своими сами и у них свой разговор между собой.

Кто знает? Может быть, и мы тоже не сами качаемся и бегаем, а кто-то нас запускает? А деревья пусть сами, и тогда о том и другом начинаешь догадываться.

19 апреля. Бывает, неустройство в природе так действует на душу, что русский человек чувствует себя самого как бы виноватым во всем. И правда: все мы не привыкли бороться. Он так, русский человек, и живет и множится, как бы с виною в душе. И вот приходит какой-то час, то ли это, что солнце садится, то ли это горит река в вечерних лучах, то ли, что белые, особенно живо белые, березки полны сока, то ли, может быть, сверху даже откуда-то с поломанной грачами ветки березы прямо и капнуло соком на лицо, но только в этот миг вдруг наплывает в душу радость, как березовый сок, и это приходит как будто не от себя, а оттуда, как радостный шепот самой березовой рощи.

Чувствуешь тогда, что не ты сам, во всем виноватый, в вечной работе, сотворил себе радость, а она помимо тебя сама сделалась нерукотворно там, где десятки лет тому назад вешние воды тронули молодые березы и они выросли, поднялись, как шеи лебедей над родимым оврагом.

Радость приходит оттого, что там, где-то за пределами моей души, что-то само собой делается очень хорошее, и мне достается без моего вековечного труда, без моих заслуг и усилий, и, значит, если я и умру когда-нибудь, то

кто-нибудь за меня на земле будет радоваться жизни у этого оврага с лебедиными шеями.

20 апреля. Не спешу браться за «Государеву дорогу», чтобы дать отстояться руководящим мыслям, созревшим за время разлуки с романом. Первая из этих мыслей есть «Государева дорога» как дорога к другу и в этом направлении преобразования природы.

21 апреля. Чем ярче солнце, тем чернее ложатся тени, и в морозной тени радуются молодые елочки, что лучи солнца не обожгут их привыкшие к морозу лапки. Теневыносливые деревья все радуются теням, но все тоже хотят и солнца, без солнца в одной тени они замерзнут, при солнце без тени засохнут.

Так вот живем тоже и мы так, люди: придет солнце — нам жарко, ляжет сумрак — нам скучно.

Все живое так живет между светом и тенью, все живут и бранятся более на тень, а убери тень — в одном свете на земле вся жизнь кончится.

24 апреля. Известность манит к себе, завлекает, как завлекает страстная любовь. Там и тут надо помнить, что вместе с известностью и любовью возникает долг к семье и к обществу.

Исповедь Руссо есть описание мук, сопровождающих известность.

Брак есть средство спасения себя от страсти в любви, но какое средство есть для спасения от «любоначалия» (известности)?

30 апреля. Почему Шекспир так долго живет среди нас после себя? Многие говорят, будто он провидел наше время. А мне кажется, он не вперед глядел, а просто видел что-то возле себя, был современником душевного потока: подобно тому, как мы являемся современниками идей торжествующего социализма. Не в том ли и весь секрет всех художников, побеждающих время: не вперед они видят, а здесь, возле себя самого, и этого хватает им надолго.

Мне даже кажется так, что во всяком настоящем таланте содержится особое чувство современности. Может быть, даже в состав их таланта включен какой-нибудь особый орган, и посредством него они, художники, ориентируются во времени подобно тому, как перелетные птицы определяются в своих огромных пространствах.

Вот сейчас, по-видимому, на всем земном шаре человек идет против человека войной. Кажется, вот бы писателю взяться за эту тему. Но мы чувствуем, напротив, что в на-

стоящей современности на всем земном шаре, как никогда, человек идет к человеку.

С каждым днем мы ясней и ясней видим, что можно помочь бедному человеку. Пусть на другой половине даже и стремятся к войне — все это, с нашей точки зрения, не современно. Пусть даже сейчас восторжествует не мир, а война. Современным останется путь к миру, и останется в творчестве своем тот Шекспир, который укажет путь к миру...

А может быть, совсем даже и не в Шекспире тут дело, а каждый из нас на своей тропинке, ведущей прямо к другу, и есть желанный Шекспир? И, возможно, я, скромный писатель, тоже перехожу какой-то великий путь, и где-то сзади издалека глядят на меня и тоже за мною идут и тоже, сами того не зная, за собой кого-то ведут?

Чувство современности, как я его понимаю, в повседневной практике указывает на что-то самое главное, возле чего ходит душа. В этом чувстве встречается и определенное нужное слово со всей его музыкой и смыслом. Очень похоже бывает, как если бы душа похожа была на раскрытый цветок, и современное слово, как мушка, садилось бы на край цветка, и он бы захлопывал бы мушку-слово, и оно бы потом соединялось со всем организмом цветка.

Я так представляю себе орган, определяющий писателя в отношении современности.

Будет ли когда-нибудь этот орган открыт и нужно ли его открывать? Современность является после длительного упражнения в душе художника ощутимой, как ощутим воздух бегущему на лыжах, как вода — скоростному гребцу, как лес — охотнику.

Можно ли что-нибудь написать прочное вне современности?

2 мая. Иногда, записывая что-нибудь себе в тетрадку, как будто опомнишься: кажется, я не просто пишу, а что-то делаю, и даже определенно чувствую, что именно делаю: я сверлю.

4 мая. Самое важное для инженера, строителя, например, моста через реку, это чтобы мост был бы прочным. Так и у нас главное, чтобы вещь оставалась и по ней, как по мосту, читатели долго бы устанавливали путь своего сознания.

Так столетие проходит за столетием, а мы все учимся по Шекспиру, и кажется, будто Шекспир остается всегда современным и что сила чувства современности у писателя и есть то самое, что у механиков называется прочностью.

Наверно, это вышло по литературной наивности (я не литератор), что я главные силы свои писателя тратил на писание дневников.

8 мая. Листья на тополе уже такие, что пальцем, даже большим, не прикроешь, и они все в смоле ароматной и на солнце блестят, как металл.

Сегодня у нас по радио играли ноктюрны Шопена, я сидел на диване и, слушая, глядел на тополь через оконное стекло. То был, конечно, ветерок, и листики тополя танцѐвали в воздухе. Но, слушая Шопена, я забыл о ветре, и мне казалось, будто невидимыми пальцами невидимо сам Шопен играет на листиках тополя. А когда радио кончилось, я все глядел на движение листиков и по-прежнему слышал Шопена.

10 мая. Вечером были у Коненкова [98].

11 мая. Вечером были в консерватории на Requiem Моцарта.

16 мая. День был такой прекрасный, что я подумал: «Есть на свете много такого, что получше моих сочинений», и, уложив работу в стол, вышел из дому.

21 мая. А может быть, и нет никакой болезни у меня и, напротив, здоровье со стороны духа: слишком я благополучно жил, так благополучно, как ни у кого! Но такое положение по составу современной внутренней этики невозможно, и наступает кризис.

22 мая. Чем я силен? только тем, что ценное людям слово покупаю сам ценою своей собственной жизни.

Один читатель о моем рассказе «Смертный пробег» [99] сказал: «Лисица не стоит того, сколько вы за ней ходите».

Так и все мои писания...

В писательстве самое трудное это разобраться верно в своих материалах и знать каждый, когда и где его можно взять. Есть материалы, над которыми работать можно во всякое время, скажешь им: «Надо!» — и они слушаются.

Но есть такие материалы, и притом самые лучшие, составляющие в золотом сплаве самое золото,— они воле нашей не подчиняются и в работу идут при условии, если и мастеру и им самим вместе идти хочется.

Что за хитрость — подумаешь! — работать с подчиненными тебе материалами, которые боятся тебя и слушаются. Вот ты поди поработай с равными, и не по приказу, а по желанию и их и себя самого. (Показать, что от этого и зависит и прочность вещей, и их истинная современность, что

является продуктом сотрудничества равных, и раскрыть в этом «поведение».)

23 мая. Холодно, и за весь май черемуха не успела отцвести, и вишни все бутонились и только сейчас стоят в полном цвету. Яблони еще в бутонах, сирень в кисточках. Нынче на заре чуть-чуть не дошло до мороза. Но никогда еще не было здесь столько соловьев.

Вчера вечером слушал соловьев и наслаждался не переживанием детства, а так, как оно сейчас: за черной пилой леса золотая заря, над зарей облака тяжелые, синие, и по синему красные борозды.

Пели соловьи в той стороне, где заря за рекой, и на горе надо мной, и внизу в овражном ольшанике, а я слушал и выбирал, в какой стороне соловьи лучше поют.

Когда же выбрал сторону, стал выбирать среди соловьев, какой лучше поет, и когда нашел лучшего, то стал его спрашивать, как бы мне тоже так научиться петь лучше всех.

И соловей мне ответил:

— Хочется петь — и пой, а этому научиться нельзя.— Помолчав, он прибавил: — Да и не надо: что хорошего будет, если все научатся и запоют.

25 мая. Холодное и блестящее майское утро. Открылась болезнь: нельзя ездить на машине. Кончу работу («Царь грибной» [100]) и поеду лечиться.

Л. принялась за дневники, и у меня появилась надежда, что у нее что-то выйдет.

Определяется чувство конца бесконечного (то есть что конец жизни концом, а жизнь жизнью в бесконечности).

27 мая. Я утверждаюсь в современности не по башенным часам, а в том, как в эту безликую текущую механическую минуту часов складывается моя собственная живая душа. Часы — это счет, дневник — моя личная жизнь в отношении к современности.

После, когда из нас, живых современных людей, никого не будет, историк нашу жизнь разложит и будет нас, мертвых, судить по дням и часам (хронология). Но их мертвые люди не будут современными.

Живой человек отличается от мертвого тем, что он, как живой, непременно единственный и другого такого точно нет и не может быть на земле.

Образ есть слово отличия, есть голос единственного.

1 июня. История моей записи: запишу «птица», [чтобы] вспомнить тень от нее, но тень забывается, и птица ни

на что не нужна. Оказывается, для художника бóльшая реальность тень, чем сама птица.

2 июня. Если заметил в Москве одного голубя, то обернись туда-сюда и увидишь другого, если увидел на крыше кота, смотри и увидишь где-нибудь другого. Так новая Москва, слава богу, наполняется старыми животными.

Стрижи мчатся над Москвой, но это не стрижи грибоедовской Москвы. За это время мы, люди, сами в чем-то приблизились к этим стремящимся птицам, и нам кажется, что современные стрижи какие-то другие, чем грибоедовские. По-моему, это пришло к нам от ракетных самолетов с полетом в 1000 км в час.

И через это безумный полет стрижа с открытым ртом, куда валятся всякие насекомые, гарь, пыль, стал нам что-то обозначать, мы стали в них свое узнавать. Наши новые писатели, устремленные в новостройки, стали очень похожи на стрижей.

Приглашают на конференцию о сказке для детей, чтобы поднять на ней вопрос о создании сказки советской. Огорчительно, что я не попал в число авторов, работающих над сказкой. А мне кажется, что я это действительно кто создал новую сказку («Кладовая солнца», «Лисичкин хлеб» и др.). Может быть, только в этом и есть моя заслуга.

5 июня. Мои именины.

Не бывает в нашей природе лучше, как в день моего личного праздника Михаила, князя Черниговского, по-старому 23 мая, теперь 5 июня.

Около этого дня кончает цвести своими мелкими тревожными цветочками заячья капуста, и когда ее увидишь впервые спокойной, то и сам узнаешь в себе начало спокойствия летнего после бурного цветения весны.

Начинается эта весенняя тревога с тем первым февральским лучом весны света, когда этот луч дает на снегу голубую тень. Сколько всего пробежит, прошумит, пролетит, пока золотые цветы на лугу начинают переделывать свои солнечные лепестки в крылатые семечки одуванчиков.

С этого дня, когда кончает цвести заячья капуста и начинаются одуванчики, с этого дня моих именин начинается то первое спокойствие, из которого осенью образуется то время, когда Пушкин с большой охотой сочинял свои стихи.

Приехал со стройки Волго-Дона N и рассказал о «чудесах», вроде шагающих экскаваторов, но чудеса эти, к моему

огорчению, не тронули мою душу. Мы перешли на разговор о его стихах.

— Мне нравятся ваши стихи,— сказал я,— но мне хочется, чтобы вы не так связаны были внешними материалами и как поэт были бы свободны.

N спросил меня:

— А как вы представляете себе свободу поэта ⟨...⟩

Я же так ответил на вопрос о свободе поэта.

— Вот,— сказал я,— пусть лежит перед нашими глазами целина. Несвободный поэт прежде всего по своему заданию смотрит на эту целину и разбирает, где целина эта поднята и где она не поднята. А свободный поэт обратит внимание на дроф, летающих над целиной, и понимает по дрофам, что целина, где они прошлый год устраивали свои гнезда, поднята, и им надо искать новые места для своих гнездований. Свободный поэт пишет о дрофах, а читатели думают о поднятой целине.

Так у свободного поэта получается изображение огромного пространства степного, в котором птицы ищут себе место гнездования, а люди само собой совершают свое великое человеческое дело преобразования природы. Несвободный поэт глядит прямо на какой-нибудь шагающий по целине экскаватор, и у него получается степь без пространства.

Писать, глядя в упор на предмет, много легче, и даже совсем без таланта и особого труда над управлением своим талантом можно писать, и эту способность писать без таланта называют мастерством. А свобода поэта состоит в великом труде управления своим талантом.

Так я понимаю свободу поэта: у мастера вещи делаются, у поэта рождаются, у мастера только одно мастерство, у поэта талант, мастерство и, главное, поведение, без особого поведения в отношении таланта не может быть свободного поэта.

— Я тоже так понимаю свободу поэта,— ответил N.

6 июня. Наибольшая тайна в творчестве — это самовоскрешение в завершенности формы... Это самовоскрешение происходит в плоскостях, поднимающихся от земли и до неба: на нижней плоскости, на земле — цветы, на небе — облака, от земли и до неба лестница от материи к духу... Не то я хочу сказать, не так...

Воскрешение есть возникновение формы, но форма может быть только призраком, а не существом. Мы ищем существо в форме и называем его содержанием.

Поведение художника относится к содержанию, или

к материи, или к существу. Мастерство относится к форме. Мастерство является делом воскрешения у художника при наличии поведения его, образующего содержание или существо.

10 июня. Хорошо [сознаю] в себе, как богатство, в детстве привитое народниками глубокое чувство любви к русскому мужику. И смотрю на таких, как N, как на опавшие листья с того же самого народного дерева, и смотрю теперь не на опавшие листья, а на самое дерево, и жду на нем новых листьев, и хотя и не вижу, но знаю, что дерево оденется и примет свою форму одетого дерева: листья будут другие, а дерево останется и будет расти в той же форме.

15 июня. Первый мой читатель — это я сам; когда проходит сколько-то времени, и я же делаюсь своим собственным судьей. Не раз случалось, что первый я, написавший в «само-забвении» что-нибудь, ходит удовлетворенный собой до тех пор, пока не является «я-сам» и, прочитав написанное, разрывает рукопись на мелкие клочки и бросает их в корзину.

Так распадается в творчестве один и тот же человек на двух, на писателя и на читателя. Первое я — это мечтатель-писатель, а второе я, или я сам,— это читатель и хозяин.

То же самое происходит потом и в обществе: я остаюсь как я, как писатель, и мало-помалу определяется в обществе «ты», как читатель мой, или, как я его привык называть, «мой друг», в том смысле, что он есть как бы другой «я», живущий от меня отдельно, имеющий право суда над моими делами.

Эти два лица: писатель и читатель, я и мой друг, являются основными агентами творчества.

Третье начало творчества — это сама вещь, все, что остается в результате борьбы и дружбы между основными агентами, на что оба лица, и я — писатель, и ты — мой друг-читатель, смотрят с улыбкой, как на свое прошлое, как отцы и деды смотрят на своих детей, и особенно на внуков.

Из всего творческого процесса наиболее удивительным и, наверное, очень сложным является это разделение себя самого на писателя и на своего читателя, на творца и на его судью.

19 июня. Живыми выходят из Толстого образы потому, что он их по-матерински вынашивает, а не сбрасывает, как при заказах, на скоростном соревновании.

20 июня. Именины Л. Жасмин цветет. В этом запахе помню, как из усадьбы Толмачевых [101] приехали в Хрущево две девочки, Маруся и Надя. На Марусе меня хотели женить, а я сам хотел жениться на хорошенькой Наде, и я плакал, и жасмин пахнет тем, что мне нравилось в Наде и чего в ней никогда не было.

Жасмин теперь пахнет о том, чего не было, и я теперь нюхаю это и радуюсь, что у меня теперь что-то есть свое и что даже самый этот жасмин вырос из нашей любви.

Он вырос как приманка другим сделать что-то свое из того, чего не было.

21 июня. Пишу не спеша и в самообладании свою книгу о творчестве и уверен в том, что для этой-то книги я всю жизнь собирал материалы. Сегодня написал, что толстовское «непротивление» вышло у автора как «обгон» своего великого чувства материнства художника.

Расстаешься на три дня с природой при поездке в Москву, и все встречает тебя, как будто год не видались. Значит, расставаться надо, но также надо и встречаться.

Так и живут люди все: непременно все расстаются, и одни, расставаясь, уверены в том, что встретятся: это счастливые, здоровые, хорошие люди. Другие не верят в то, что встретятся: это несчастные, озлобленные.

26 июня. В каждом живом человеке больше или меньше, и хоть бы только чуть-чуть, есть два душевных течения, одно гонит тебя вон из дома в неведомые дали, к неведомому другу. А то придет время, и второе течение гонит тебя в дом, неудержимо хочется жить, как все живут, и тогда рад бы вести разговор с любым человеком. А если нет человека, то даже с котом станешь разговаривать, с зябликом, с цветком маленьким и хорошеньким, вроде полевой гвоздички, как будто все это вместе наш дом.

Спросишь себя сейчас: в каком я душевном течении, и не сразу ответишь. Если писать автобиографию, хочется сказать, что первая жизнь моя проходила в течении из дому, а вторая — возвращением в дом.

Но если не затевать автобиографии, а посмотреть на свою золотую рыбку, где она, то представляется, что она и там и тут может плавать, как ей самой хочется.

27 июня. «Современный герой,— сказал я,— заключен в машине, ведомой мальчиком. Очень сложен заключенный в машину человек, и очень прост ведущий ее мальчик. Современный герой и должен быть, с одной стороны, очень сложен, с другой — очень прост».

Такого героя еще никто у нас не коснулся, но я подготовляю в своих сочинениях материал со стороны простоты (природы).

30 июня. Разговор был о лжи, что ложь есть свидетельство нелюбовных отношений ⟨...⟩

Ложь не может быть принципом, и человек может спастись и не прибегая ко лжи. У меня и при нелюбви и среди врагов, предполагается — находится друг, и в его присутствии лгать мне бывает стыдно.

Но, конечно, все-таки и я иногда вру.

7 июля. Закончил для «Огонька» рассказ «Дневник писателя» [102]. Вернее, приспособил для «Огонька» из написанного на последнюю тему о «творческом поведении».

Эти ежедневные мысли привели меня в негодное состояние, и Л. уложила меня на три дня в постель на веранде. Ныла грыжа, в глазах даже от газет сверкали молнии, на сердце лежал неминуемый час расставания, и в этом холодном свете равнодушия к жизни показывается наша любовь земная — какая это любовь! и вся любовь, даже и зло жизни, и люди злые на расставании остаются в любви.

Страшно, что никакого интереса не унесешь с собой к тому, что так страстно делал всю жизнь, чего домогался, чем болел. Напротив, хочется даже все сжечь,— таким оно кажется мелким, ненужным.

8 июля. Приходят холода к вечеру с лимонными зорями, находит жара, трусят небольшие дожди, лето как лето. Но с тех пор, как день стал уменьшаться, я ими перестал дорожить и всматриваться в лицо каждого дня, как в лицо самого человека.

Итак, я произнес «поведение» против мастерства и мысль свою подпер именами Толстого и Горького. Но это мое поведение никак не то, что выходит из Толстого и Горького.

Мое «поведение» относится к самому творчеству, направлено к этике художника в отношении самого дела и стоит против того, чего не было у нас в прежнее время.

9 июля. Моя тайная тема, отвечающая мне самому, есть: «не о едином хлебе жив человек».

10 июля. Что меня в свое время не бросило в искусство декадентов? Что-то близкое к Максиму Горькому. А что не увело к Горькому? Что-то близкое во мне к декадентам, отстаивающим искусство для искусства.

Само по себе искусство для искусства — нелепость, как нелепость искусство на пользу.

Искусство есть движение, современное жизни, с постоянным качанием руля то вправо — за людей, им на пользу, то влево — за себя. Само искусство без всякой мысли о непосредственной пользе.

11 июля. Никто не знает секрета художника, когда он, затевая великое дело, в полном уединении во всех подвалах своих откроет сундуки и начнет все выкладывать. Какое богатство! Но это богатство только для себя, как во сне, а хочется проснуться с этим добром среди людей, чтобы все добру этому радовались.

Вот секрет в этом и есть, и у каждого художника свой: так проснуться, чтобы захватить с собой доказательства каких-то невидимых богатств и показать это людям, чтобы они тоже знали,— у них самих в душе хранятся великие богатства.

Но бывает, художник спустится в подвал, а там нет ничего и никакого даже секрета.

Такой бедный человек!

А вы спрашиваете, как художник о себе думает. Да никак, и некогда думать: если подвалы полны, то художник весь отдается делу устройства секрета своего так, чтобы из всего богатства что-нибудь дошло до людей. Если же подвал пуст, что же тут о себе думать: в пустые стаканы наливают вино.

Если курица сидит на яйце, то все существа, заключенные в яйце, начиная с самого эмбриона и кончая последним электроном белка, являются между собой современниками и держатся друг возле друга в скорлупе яйца до тех пор, пока курица не отсидит свое необходимое время.

Так и у нас у всех это есть: мы все между собой современники, и каждый из нас участвует по-своему в зарождении, в вынашивании и, наконец, в явлении на свет чего-то нового.

Есть у художников такое же отчетливое в сознании, как у матерей, время свое, как составная часть большого времени, где все мы современники. Кажется, этот срок вынашивания образа такой же необходимый, как в природе срок у матерей, и его невозможно отсрочить и невозможно сократить без опасности выкидыша.

На башенных часах этого времени нет, но каждый, кто что-либо делал серьезно в искусстве, знает условия современности в творчестве.

12 июля. Вчера пробовал читать «Осудареву дорогу», и эта книга мне показалась картиной моей борьбы и моего

поражения. Решаю прочитать всю книгу с карандашом и отметить все там, где я сам уцелел как художник, и попробовать на основе этого материала сделать *новую* вещь.

Надо помнить, что основная тема нашего дня — это человек, как живая душа, подчиняющий себе машину, это старая моя тема: Вакула-кузнец перекрестил черта и слетал на нем к царице за башмачками для своей невесты.

Современный вариант этой темы тот, что герой не кузнец, а представитель человеческого гения, сознающий себя в отношении «цивилизации» таким же свободным, как кузнец или ребенок («биоцентризм» против «логоцентризма»).

А разве не в моем собственном счастье содержится счастье всех? Вспомнить только свою влюбленность, когда все были так хороши! Не это ли состояние *каждого* (как возможность) является величайшим сокровищем, и не этому ли «счастью» мы все обязаны служить: все служить счастью каждого.

Не это ли возможное счастье каждого в служении своему слову я берег, хранил и посильно сохранил и показал в своем слове.

Значит, на этом скромнейшем пути в моей жизни четко означалось *направление* (*«поведение»*).

13 июля. Гармония, успокоение — есть привычка к состоянию борьбы. Нельзя жизнь понимать, как только день или как ночь, свет или тень: где жизнь, там и свет, где свет, там и тень, и вечная борьба между собой, и переход от света к тьме, и от ночи к рассвету.

15 июля. Хорошо бы переделать «Государеву дорогу», вернее, осуществить замысел самый первоначальный: изобразить рождение коммуниста в мальчике Зуйке на фоне крушения старого мира и борьбы и восхождения нового. Мудрость автора должна сказаться в том, чтобы дать картину возможного коммунизма, в который все мы верим, который должен победить, и отделить его от картины провалов на пути к цели.

Но дело в том, что в моей душе содержится, как возможность, евангелие коммунизма, и оттого все, что ниже его, все, что есть заменитель, как «подходящее», не выйдет из-за моей совести. Я должен писать во весь рост своих возможностей, своих достижений.

Надо сделать так, чтобы эта работа была независимая, спокойная, неспешная и современная, то есть в самый

серьез собирала и выводила современность в ее высшем смысле.

17 июля. N делает ту же ошибку, как Лев Толстой: путем логическим хотят сократить путь своего таланта. Так и Гоголь.

Назови же мне хотя бы одного, кто вместил бы сам себя, и весь живот свой, и все мысленные догадки свои в образ такой же простой и величественный, какой ощущаем мы в себе, когда бываем просты, как дети...

Вот куда ведет моя мысль о *поведении* творческом, а мастерство — это служба.

Стремление художника сделать живое существо вместо себя, живого, и в нем, живом, умереть — и есть стремление к достижению своего бессмертия при жизни.

Это основное чувство художника жизни, в точности отвечающее чувству отца к своему сыну.

Если бы вышло из моих писаний то самое, чего я хочу, то это был бы человек живой, как я сам, и бессмертный.

Теперь мне в мои годы надо очень беречь расход внимания с целью захвата фактов. Всякий новый факт должен входить в меня не сам по себе, а поскольку он поднимает собой смысл старых фактов. Этот новый смысл старого и будет светом для современности.

А может быть, так и всегда бывает и у всех, что новые факты поднимают смысл старого, и в этом свете показывается новое, принимая в себя этот смысл.

Вот тогда и начинается извечный спор поколений: дети новое принимают как свое собственное против старого и этим гордятся безмерно. А отцы узнают свое в руках детей.

18 июля. Начинает складываться возрастная духовность, и я могу проследить медленное ее наступление с детства, когда еще мог рвать пальцами птицам головы. Теперь приближаюсь к пониманию права на жизнь каждого существа и к отвращению к убийству.

Начинаю больше понимать тех, кто выступает против охоты (женщин).

19 июля. Игра — это есть допускаемая ложь: «будто правда». Этой игрой и наполнена основная жизнь ребенка, и это же детское «будто» сохраняется у художника и переходит в большую сознательную игру, называемую искусством.

Напротив, прямой путь без всякого «будто» к правде называется поведением.

Мы родимся на игру, а нас учат поведению.

Пришел к сознанию того, как это трудно, как это опасно и каким это надо быть чистым человеком и большим художником, чтобы написать по себе о поведении художника.

20 июля. Читаю «Фауста» и нахожу много сказанного, о чем сам собираюсь сказать в том расчете, что если я по-своему скажу, то оно выйдет, как новое. Но, конечно, этим одним только *своеобразием* нельзя жить.

Вакула-кузнец (Гоголь), летящий на черте, есть не что иное, как Фауст на Мефистофеле. А в свое время, по молодости, сколько своих провинциальных чувств я посвятил этому кузнецу!

30 июля. Слушаешь сонату Бетховена, как будто смотришь в себя самого. А когда слушаешь Листа, то смотришь на сторону и там узнаешь себя по людям, что у них делается тоже, как и у тебя.

Для меня национальность поэта является источником его поэзии, но сама поэзия, как река, течет в океан. Я доказал это в отношении описания природы: своим личным прикосновением я уродняю всякую, совершенно мне чуждую природу вроде Севера или Дальнего Востока. Чего же больше?

Но на этом правильном пути я остаюсь личностью непослушной, делаю то, к чему я способен, что я люблю.

Немец способен на всевозможное и в этом лучше всех во всем мире. Русский в возможном недалеко ушел, но он, как никто, в невозможном («чудо»).

4 августа. Где-то сияет чудесный день. Сияй, сияй, продлись, продлись, очарованье! [102а]

Физиология общества в этом и состоит, что живот живет о хлебе едином, а душа поет о единстве бессмертной личности.

5 августа. Пишу сначала «Государеву дорогу», и мне это нравится. Я надеюсь так написать, чтобы сказка моя складывалась при свете современности. Стараюсь фонарик свой зажигать современностью, и первый вопрос современности — это что «ты» больше «я», мир больше нации...

7 августа. Вчера после обеда был на короткое время проливной дождь, и после него к вечеру на низах стал подниматься туман.

Мы ехали на машине в Дунино, и в душе моей при виде этого тумана поднимался весь туман всей моей жизни, и я видел себя в нем, как будто весь этот туман — вне души, и только я один в нем, воплощенный в материю, брожу и силюсь, силюсь, и все не могу то ли увидеть что-то сквозь туман, то ли вспомнить что-то в себе...

11 августа. «Осударева дорога» вступила в новую фазу. Я делаю эту «дорогу» из себя, биографически: первые три главы от себя с намеком на то, что Зуек — это я. Тема желанного (хочется) и долга (надо) будет раскрываться психологически в их взаимоотношении.

13 августа. Я сказал молодым почитателям Маяковского:

— Только вы должны понимать, что Маяковский сделался нашим не силой поэтического кривляния и фигурантства, а силой внимания к грядущей народной жизни и смирения. Я знаю это по Блоку и по себе.

16 августа. Мы сживаемся с Дунином и делаем из него мало-помалу родину.

17 августа. Такое задумчивое утро, что кажется, будто и петух кричит тем самым словом, какое держишь в уме.

«Надо» и «хочется» начинают опять пульсировать в моей душе как общественность (долг) и как личность. С этим рождается каждый ребенок, даже первым криком своим заявляя свое «хочется» против необходимости ухода за ним матери.

Не всякая мать верно выполняет то, что ей надо, и не всякое «хочется» есть только вредное своеволие. Тут идет борьба равных, и хороший ребенок старается терпеть, а мать старается так пеленать, чтобы ребенок не кричал. После эта первая борьба ребенка и матери переходит в отношения гражданина к обществу. Отношение ребенка к матери в точности равняется отношению личности к обществу.

18 августа. Тема моя: история души мальчика Зуйка в своем движении от обаяния религии к правде, от разделенности души на «хочется» и «надо» к «самому хочется того, что надо для всех». А надо для блага всех меч, обращенный острием на всякую подмену правды.

24 августа. Второй «день осени первоначальной»[102б]. После раннего утра подул ветерок, деревья шепчутся между собой и что-то оставляют себе и недоговаривают, и в то же время все мы знаем,— это самое главное, о чем все недоговаривают и что замалчивают.

Сохранились ли где-нибудь на земле остатки такого народа, который не догадывается и не хочет догадываться, отчего трепещет круглый лист осинника на своем черенке?

Едва ли есть народ, которому бы важно было только, что листик трепещет, а отчего у него получается, что он трепещет,— это ему было бы не важно знать.

Но ребенок есть, конечно, такой, что понимает шепот деревьев как разговор. Я был таким ребенком и думал, что листик осины трепещет сам, и если бы мне тогда подсказали, что это ветер шевелит, я бы остался при своем, что листик осины трепещется сам.

Вот почему и до сих пор мое любимое место в лесу — просека между большим темным хвойным лесом и молодым лиственным на вырубке. Тут бывает под охраной большого леса на просеке такая тишина, что даже и щека и ладонка ветра не чуют. А там на вырубке деревья молодые — осинки, березки, и до самых папоротников внизу все в движении, все в переговорах, как будто вся вырубка со всеми своими деревьями, кустами, папоротниками, пнями-букетами — и чего только нет, и все шевелятся, как будто сидят за одним столом в непрерывной беседе.

У нас о чем говорят? О войне, о любви, о добывании пищи. И у них тоже главный разговор, конечно, о ветре, о полете по ветру семян, о распределении между собою света и тени, о том, как чувствуют себя под землей корешки.

25 августа. Матовое небо с бледно-голубыми полосами и полянами по кремовому небу. Тишина утром совершенная, и в тишине общее ожидание решения.

— Нет! — сказал художник,— войны не будет.

А там в тишине ему ничего не ответили ни деревья, ни кусты, ни трава.

И мы тоже задумались в этом.

Вся моя особенность, все истоки моего характера и поведения берутся из моего физического романтизма, из некоей силы, которая понимается с общей мужской точки как слабость: тут все, и в книге «Жень-шень» об этом я все сказал.

Фактор количества, размножения есть одна общая сторона пола. Та же творческая сила жизни, тот же пол может быть и фактором качества, поглощающего собой количество. Это хотел сказать в «Крейцеровой сонате» Лев Толстой.

26 августа. Поправляю рассказ «Сыроежка» и завтра шлю в «Новый мир».

31 августа. Русские люди тем хороши, что разные, и оттого все ждешь какого-то очень хорошего.

И он, бывает, показывается...

2 сентября. Чудесные дни «осени первоначальной» продолжаются. Блестит в окне роса, и рождается от нее спокойствие и душевный порядок. Но тут же появляется и вопрос: «А может быть, не роса вызвала порядок, а сам порядок мой собственный привел в движение мое внимание и я увидел (обратил внимание) росу?»

С этой темой я родился на свет.

Для себя человек может и не умирать, но для другого он умирает (все умирают). Так что бессмертие обязательно субъективно, а смерть обязательно объективна.

4 сентября. Странно, почему-то я не стою за «Сыроежку», как-то в ней для меня нет ничего нового, а между тем все в ней правильно, все на своем месте стоит.

7 сентября. Когда хочешь понять что-нибудь, то, конечно, ищешь ему пример в каком-нибудь другом месте или времени. Но бывает, случай приходит небывалый, и сравнивать не с чем. Приходится ждать.

Знания бывают двух родов, одно знание, вернее, есть узнавание того, что уже раньше когда-то и было.

Другое знание открывает нам небывалое, сравнивать его не с чем, и скорей всего человек, привыкая к небывалому, о существе его остается в полном неведении, например, электричество ни на что не похоже.

8 сентября. Неяркий день, пахнет осенью. Сказали нам, что Григорьев умирает [103]. Мы ему написали и пожелали душевного мира. Между тем он поправился и написал кокетливое письмо о том, что мир для человека дело трудное и для него, например, невыполнимое ⟨...⟩

Между прочим, во мне самом временами как бы расцветает чувство мира, и если в нем удастся мне что-нибудь написать, то оно всегда свидетельствует о мире и привлекает ко мне читателей добрых. Сложив все удачное, мне кажется, я могу ощущать свою долю мира, отданного мною на пользу людей.

Не это ли только одно и остается потом от писателя? Но что это Шекспир? Тоже мир душевный или игра?..

Боже мой, ничего я не знаю и всем осеняюсь...

Не был я горбатым никогда, но писательский путь я прошел, как горбатый, и убедил всех в том, что я не горбат. Так мне и выпало на долю истратить жизнь в доказательство того, что я не горбатый.

Разве только одна в этом польза и смысл, что пусть люди знают, как же это хорошо быть не горбатым и что каждый прямой путь дорожит своей прямотой.

Тоже и та польза в доказательство своей прямоты, что понимание своего счастья приближает людей к пониманию ценности жизни и необходимости обороны ее от обмана ⟨...⟩

Чрезвычайно просто это чувство радости жизни и всем доступно. Вероятно, и я вышел в люди (в писатели) благодаря смелости пользования простотой чувства радости жизни. Я скорей всего прост и глуп, как Иван Дурак.

Есть вещи, положенные на вашу долю, лежат, вас дожидаются, пылятся и портятся, а вы по сторонам ищете, хватаетесь и чужое за свое выдаете.

12 сентября. Твардовский прислал отказ моей «Сыроежке»[104].

При неудаче является сладкий соблазн признать невозможность писательства и послать его к черту. Но ведь есть же отдельные борцы-победители в разных областях, пусть их мало, но именно и спрашивается теперь с нас то самое, чего мало...

Лучше всех дела у доктора Филатова: придет к нему человек слепой, а уйдет зрячий. Мы тоже в какой-то мере могли бы давать людям свет. Давайте!

Постоянно после неудачи хочется сбросить с себя некую радость или долг жизни и все свалить на условия в том смысле, что в этих условиях невозможно работать.

Но и на радость жизни и на долг ее — кандидатов бесчисленное множество, они сомкнутся в очереди и тут же забудут тебя.

Вот почему, подумав с досады о том, чтобы свалить вину на «условия», возвращаемся к делу и начинаем работать.

13 сентября. На чем я стоял всегда,— это была глубокая, неисследимая в себе уверенность в чем-то общеобязательном для всего человека, достойном его, хорошем чем-то и очень простом. Условно, временно и как бы лишь «на словах» я готов, бывало, поддаться всякого рода скептицизму, согласиться с кем угодно и на что угодно. Только про себя и совсем расстаться со страхом и тайной я не мог

и оставался там в пребывании, как остается годами, не прорастая, спящая почка.

Есть в свойствах этой спящей почки какая-то общность переживаний, и в этом радость.

15—16 сентября. Кто-то спросил удивленно: «Разве вы еще постреливаете?» Кто-то сказал: «Вы еще пописываете?»

20 сентября. Говорили о дневниках Толстого и нашли в них общее с моими в том смысле, что эти дневники пишутся с целью самопознания и что процесс писания таких дневников есть разговор с самим собой.

Сила и слава таких дневников в том, что они пишутся по необходимости роста сознания и только для этого. Я лично не уничтожаю их только потому, что, кроме самопознания, учусь в них просто писать и написанное часто мне потом годится.

В моих дневниках, как священная обязанность, содержится требование писать хорошо. В этом требовании обращения содержания в форму содержится этика художника: не оставаться с написанным на «после себя», а выходить в люди (что мне, или какое мне дело к тому, что будет после меня? Как это скучно устраиваться с чем-то на после себя).

21 сентября. Еще мы говорили о Лине По, что она была борцом за достойную жизнь человека *здесь, на земле.* Она сделала для этого все, и что может быть больше того, чтобы слепая давала свет людям! [105]

Вы знаете, как человек собирается с силами? Он собирает силу внутри себя, в убеждении, что все зависит от него самого и все для этого в нем есть, нужно только собрать.

И если кажется минутами, что этих сил всех в себе нет и надо взять их на стороне, то почему бы их и не взять, если они сами к тебе просятся.

Бери их, и складывай все к одному, и никогда не говори, и не думай, и не чувствуй в сердце своем, что кто-то мешает тебе и в этом не ты сам, а кто-то другой, кроме тебя, виноват: время там переходное, или сезон, или судьба, или закон.

23 сентября. Так, значит, я написал несколько томов дневников, драгоценных книг на время после моей смерти. Мне, однако, остается большая работа для отделки этих книг. И вот моя рабочая жизнь теперь разделяется на две части: одна часть для печати при моей жизни, другая —

после. Вопрос: какой частью работы я больше дорожу, той большой, которая будет напечатана после меня, или той маленькой, которая еще может быть написана и напечатана при мне.

Какой может быть разговор: конечно, на первом месте мое маленькое живое. И не знаю, может быть, если бы никто не знал, я бы все, что остается на после, очень бы недорого променял на возможность написать и напечатать что-нибудь при себе.

И вот, наверное, это самое преимущество создаваемых ценностей при себе и есть «жизнь для себя», или «я сам», или то состояние духа, когда мне кажется, будто я делаю для себя, а оно на самом деле выходит для всех. Подвиг святых, верней всего, и состоит в том, чтобы переделать всего себя на после себя, стать мертвецом для себя «здесь» и воскреснуть «после себя».

В моем сознании есть борьба за «здесь», «за себя», за землю, за жизнь (при себе) и т. п. как за самое святое. И, напротив, я почти равнодушен к тому, что будет после меня. Я смотрю на все, сделанное мной, как на удобрение для общества...

Итак, 1) жизнь при себе и 2) жизнь после себя не должны между собой разделяться: жизнь после себя должна содержаться в составе жизни *при себе.*

Порочное разделение на жизнь при себе и на жизнь после себя: с чего это началось и как на этом разделении вышел обман, и спекуляция жрецов, и восстание атеистов?

24 сентября. Вчера лил весь день дождь, и на поле я не был. Последний раз было в субботу. Я стоял на середине поля, а вокруг, начиная с концов поля по четырем сторонам, подвигали трактор и подгоняли ко мне перепелок... Я думал о том, что после трактора на вспаханном поле не останется ни одной перепелки ⟨...⟩

Неужели же все запашут, и останется моим перепелкам единственный путь на крыльях в теплые края.

Не от перелета ли птиц взялась у людей мысль о том свете и что мы можем туда улететь? Да, да! в этом нет никакого сомнения, что и «тот свет» входит в состав «жизни при себе» и наша смерть для того только и есть, чтобы нам подсказать, как много-много всего остается, из чего она берет свою горсточку.

Были на свете и Лютер, и Толстой, и Шекспир, и Гёте, и мало ли кто! И все они всю свою жизнь по внутренней

необходимости, как лошади за молотильными водилами, ходили по кругу за своей мыслью — водилом.

Это были великие люди, а я — какой я великий! а тоже за тем же водилом иду и знаю хорошо, что только за то и называют меня большим писателем, что я за тем же большим водилом иду.

Все мои сочинения доказывают, что всякий пустяк, отнесенный к вечности, сам собой о ней свидетельствует, как будто если со всем возможным вниманием его разглядеть, то вечность и туда в него проникает.

25 сентября. Лес берегами, как руками, развел, и вышла река.

26 сентября. Смерти никогда не надо бояться: она во всяких случаях, может быть, и пройдет, а от одного только страха можно умереть.

27 сентября. Дорогой друг! ты будешь жить после меня, и тебе я буду писать и писать свои правдивые слова о том, чего все так ужасно боятся. Я и сейчас уже об этом могу сказать, что боязнь эта свойственна молодости и она значит только, что жить еще хочется.

Мне сейчас еще очень хочется жить, и я еще боюсь своего конца, но характер этой боязни стал какой-то иной. То был страх безотчетный и глубокий, как умирают весной, теперь, осенью, я знаю, что умирать нужно, что без этого не обойдешься, и хотел бы, первое, что-то закончить, к чему-то прийти, и второе, поменьше бы собою огорчить близких людей.

28 сентября. Первый мороз. Всегда об этом первом морозе говорят «сильный».

— Мороз! — говорит один.

И другой отвечает непременно:

— Сильный мороз!

А всего минус один. Солнце врывается в лес белыми снопами. Тени лесные ложатся на луг, и в этой тени мороз сохраняется: тени на лугу от мороза белые, и от кочек, и от всего тени белые. На поле картошку копают. Воздух бодрый, и вкусный, и звонкий.

Раньше, бывало, такой чудный день утром я прячу в себя, сам же сажусь, крепко сажусь и начинаю писать. А теперь я говорю себе:

— Вот еще! буду я терять такой день, немного их таких теперь мне осталось.

Это значит, пришло мое время, лет мне много, силы падают, я падаю и дорожу своим днем для себя: я стал, как сухой лист.

Так мы падаем, и не оттого ли с таким вниманием прислушиваешься и спрашиваешь себя: «Что это? лист потек после мороза и падает, или на солнце мороз обдался росою, и капли по сухим листам стучат?»

30 сентября. На вырубке у каждого пня целый пук разных желтого цвета колосков на длинных высоких соломинах, и колоски сейчас поднялись выше, оттого что семена уже высыпались и разнеслись. Тоже сколько листьев уже не зеленых и тоже довольно долго без дела будут качаться и трепаться.

Смотришь на них и о себе подумаешь: «Пора и мне перейти в «прочее время живота», когда о работе не спрашивают».

Как славно всех нас таких вольноотпущенных солнышко пригрело на вырубке: какой воздух, какая тишина, какая ласка!

— Вот взял бы так сидел и сидел!

— А кто тебе мешает,— отвечаешь сам себе другим, довольным голосом,— сел и сиди себе хоть весь день.— И таким богачом себя понимаешь: у меня столько времени!

5 октября. Животные потому нам часто смешны и еще чаще мы сами из них делаем смешное, что мы тоже животные, ближе стоим к ним, чем растения, и мы можем их понимать по себе.

Растения мы можем понимать по себе в исключительных случаях вроде того, как у Толстого кн. Андрей, влюбленный в Наташу, понял зеленеющий дуб или как Пушкин понял в молодых соснах новое племя и послал в стихах ему свое человеческое «здравствуй!».

6 октября. Друг мой! я один, но я не могу быть один. Как будто не падающие листья шелестят над головой моей, а бежит река живой воды, и необходимо мне дать ее вам. Я хочу сказать, что весь смысл, и радость, и долг мой, и все только в том, чтобы я нашел вас и дал вам пить. Я не могу радоваться один, я ищу вас, я зову вас, я тороплюсь, я боюсь: река жизни вечной сейчас уйдет к себе в море, и мы останемся опять одни, навсегда разлученные.

Я кричу! Но мой крик в золотой пустыне возвращается ко мне обратно, и я, как первобытный дикарь, древнейший человек, делаю из глины первый сосуд и заключаю в него для друга моего пробегающую жизненную силу.

И это все равно: там была вода и глина, теперь у меня дух мой и слово, и я из слова делаю форму.

Конечно, это ветерок дунул, но нам было, будто липа это сама кашлянула и вдруг вся осыпалась.

Из лесов на опушки вышли первые воины в медных доспехах.

8 октября.

Я стою и расту — я растение.

Я стою, и расту, и хожу — я животное.

Я стою, и расту, и хожу, и мыслю — я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо, все небо мое. И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо — мое.

Как было просто и величественно, когда всякое живое существо могло сказать о себе: «я стою и расту». Тогда было у живых существ движение только вверх, к солнцу.

Этот растительный мир существенно изменился, когда началось первое движение в сторону и тем самым начался мир животных. Кто первый начал это движение в сторону? Какой-нибудь червяк? Это знают биологи.

Сумерки сегодня были теплые и тихие. Я сидел у реки, и пока смеркалось, мне казалось, что лишнее мое все понемногу расходилось в сумерки и оставляло меня больше и больше, пока, наконец, я совсем не осмеркся.

Мне было так, будто у меня осталось только детство, что я после всего наконец вернулся в него, но только оно теперь лучше, и экзаменов больше не будет.

15 октября. Какой был вечер вчера! Налево на западе река цвела после заката октябрьским цветом с подзолотою, на востоке река лежала под месяцем в его полнолунии. Было две реки, как две души: в одну сторону — человека под конец жизни в его робкой надежде на будущее, в другую — души там, на том свете, где мы все когда-нибудь будем.

Туда и сюда, на запад и на восток, я поминутно повертывался как будто в поисках точки зрения, откуда можно было бы смотреть и видеть то и другое.

17 октября. Вообразить рай можно по себе, по той минуте полной душевной гармонии, какую многие, если не все люди, знают в себе. Эта минута, мгновение полного счастья, у всех непременно и жизненно сменяется пошлостью и в ней растворяется.

За этим мгновением, вытаращив глаза, раздвигая толчком все на пути, лезет сектант и филантроп-благодетель, его хотел остановить и удержать Фауст.

И, несомненно, рай, как прекрасный сад, возник из него, и каждое музыкально-художественное произведение родилось как попытка удержать это мгновение. Оно вполне реально, это мгновение, и поэты называют приход его вдохновением.

Сокровенная моя жизнь вся собирается в ощущении этого мгновения: я чувствую его и жду бессознательно, не понимая даже, что оно давно уже узнано и устроено, как агрегат поэтической души.

На простой прогулке после утреннего завтрака обыкновенный дачник встречает приход прекрасного мгновения к себе пошлым восклицанием... А художник, как раненый, хватается за кисть и в труде адском топит невыносимость своего счастья, отчего и труд его делается возможным...

20 октября. Какая же это осень была! Таких осеней не могу вспомнить. Не хватало мне только череды легких утренних морозцев с отрытыми небесами. Помню их только два.

В Москве после Дунина в большой квартире чувствовал себя как в тюрьме запертым, и жизнь началась у меня теперь как бы на пятачке.

25 октября. Передают по радио «Заполярный мед». Был Родионов, говорит, что «Мед» становится популярным. Я же про себя думаю: «А мне-то что?», но все-таки слово об успехе мотаю на ус и в то же время чувствую в себе какое-то богатство, независимое от дней своих.

Теперь бывает со мной, что напишу какие-нибудь слова, и ими как бы свобожусь от темного рабства своей жизни и чувствую впереди свободу и, пожалуй даже, «прекрасное мгновение». И только теперь понимаю, как это жизненно было у Гёте, что Фауст умер в попытке остановить прекрасное мгновение.

27 октября. Пришел торжественный день осени, безоблачный, тихий. Я чувствую в таких днях торжество внутреннего глубокого существа, победившего внешние страдания.

1 ноября. Вечером в зале Чайковского слушал Татьяну Николаеву. Симпатичная русская женщина с простенькой прической играла 3-й концерт Бетховена: как она играла и что она играла!

Начинаю чаще и чаще уходить в музыку: вот область, куда можно уходить, уезжать, путешествовать там без огорчений от грубого вмешательства нового в старое: вынь да положь!

Мне кажется, что сейчас степень продвижения нового, назовем его идеал миром во всем мире, измеряется степенью усвоения старого: ведь и тогда настоящие борцы за мир были и оставили нам великие богатства.

Сам себя начинаю в прошлом своем понимать тоже как борца за мир, и чем больше так понимаю себя, тем ближе становится мне современность.

7 ноября. В слове есть скрытая энергия, как в воде скрытая теплота, как в спящей почке дерева содержится возможность при благоприятных условиях сделаться самой деревом...

Сегодня к вечеру я внезапно заболел...

18 ноября. 14 ноября меня увезли в Боткинскую больницу, и тут, когда выносили меня какие-то страшные и подвижные мускулистые люди, вроде лемуров, по лестнице на носилках, я видел в дверях везде щелочки и слышал даже раз: «Пришвин, кажется, умер». Ущемило сердце, но сердце мое знало, что я не умру.

Впрочем, температура и еще какая-то дрянь влекли мое сознание к эгоизму, и сосредоточивался на своих ощущениях, мыслях о себе, но что должна в это время переживать Л., совершенно забыл.

24 ноября. Художник Никольский [106] пробился в больницу и продолжает писать мой портрет. Кругом говорят: «Как похож!» Но он гораздо больше, чем просто похож: это первый портрет, который мне нравится, и кажется, будто это я сам его написал.

Получена путевка в Барвиху на понедельник 26 ноября.

27 ноября. Я думаю, что если и совершенно здорового человека привезут в больницу с диагнозом инфаркта, то пока доктора дойдут в исследованиях до истины, то и здоровый человек чем-нибудь заболеет от мнения, ухода, лекарства, вида умирающих людей, а может быть, даже и помрет.

5 декабря. Сегодня приходила мне знакомая мысль о преобразовании природы, что мы в этом деле непременно должны воздерживаться брать на себя то, что может сделать сама природа, и что это исходит из требования распорядка *неизбежного* сотрудничества живых и мертвых.

9 декабря. У меня дробное мышление, как у примитивных людей: так, я знаю, и мать моя думала, и мои предки — прасолы, гонявшие украинские гурты по боль-

шаку в Москву. В голове как будто ходит кругом стол с разными блюдами: одно блюдо показывается и уплывает, за ним по кругу другое, и так множество — и все кругом и кругом.

От каждой встречи с блюдом в себе что-то остается, и нарастает, и нарастает, пока, наконец, мой предок, да и я сам не схватимся за голову, чувствуя, что вот наконец «мысль пришла» (дорожное мышление среди великих пространств).

Горячо поддерживаю мысль об академическом издании художественных произведений Льва Николаевича Толстого со сверкой авторского текста для устранения накопившихся ошибок и смысловых искажений.

11 декабря. За время моей болезни Ляля нашла в себе чувство жизни в том, что хоть денечек да мой или «довлеет дневи злоба его». Меня это удивило, потому что сам давно уже этим живу и даже поэтому ей и прозвище дал «Денечек».

12 декабря. Думал о том, что одни люди ищут сходства во всем и подобия, другие, напротив, ищут особенностей и случаев. Два совершенно разных миросозерцания. Записал: «На одной и той же парковой дорожке с лавочками одному хочется посидеть на лавочке, другому же — походить по дорожке, и это тоже два разных миросозерцания».

Это бывает не часто, что солнце поднимается, разгорается, а мороз тоже растет: солнечный день с нарастающим морозом.

Воробьи еще спят. Почему в больнице, помню, взгляд на воробьев из окна мягчил душу? На этом чувстве установилась вся моя жизнь и деятельность. Эта целомудренная радость в душе, как заря.

Читаю книгу о Репине. Вычитал, что Репин свое особенное чувство материи объясняет простонародностью своего происхождения. Я это на себя перевел: тоже ведь происхождение от елецких купцов. А по детским и охотничьим рассказам можно судить — какое у меня тоже чувство материи.

Мне вспомнился рассказ капитана О. о том, как он мои охотничьи и детские рассказы читал у себя во флоте своим морякам и они, поняв мою ощутимость материи, сказали:

— Вот настоящий марксист!

13 декабря. Когда внутреннее и душевное состояние определится на бумаге в словесной форме, самому же

автору кажется это воплощение своей обыкновенной мысли или там чего-то в форму каким-то чудом, явлением чего-то сверх себя самого и небывалым.

В этом и есть очарование творчества: кажется, будто ты не один делал, а кто-то тебе помогал.

16 декабря. Чувствую себя сейчас в Барвихе, как счастливый воробей, который утомился вечным добыванием зернышка в лошадином навозе. И вдруг его посадили в клетку и стали доставать ему все, что только пожелает бедная воробьиная душа.

18 декабря. Когда снег тихо опускается, самому хочется быть еще тише, и чем больше он теснится, падая, тем самому хочется быть все тише-тише, пока, наконец, начинаешь слышать, как, теснясь, снежинки шепчутся между собой: «Полегче, полегче!» Когда начинаешь это слышать, то, значит, тише быть не может в лесу.

24 декабря. Начать автобиографию. В своих дневниках, из которых я сделаю автобиографию, я прежде всего устанавливаю, как нечто самое временное, это число. А дальше погода, пейзаж, события пишутся так, будто должен в борьбе за себя отнять у времени все свое личное и передать его моим друзьям на пользу, на помощь вроде посоха на дальнейший путь после меня.

30 декабря. Все так, но мои 80 лет никуда не денешь, всякое роэ ничто перед этим, и самое главное для меня теперь — это про себя тихонько, осторожно, добиваясь полного и разумного спокойствия, собираться — это теперь главное мне дело: собираться тихонько. Но боже сохрани! кому-нибудь (кроме Ляли, конечно, у нас нет тайн) об этом говорить. Напротив, нужно «делать вид» и учиться этому, будто собираюсь не уходить, а жить. Оно, впрочем, так и должно быть: буду же я, хотя и по-другому, жить, и не умирать же я собираюсь, а по-настоящему, как всю свою жизнь хотел и сейчас и всегда жду. Боже мой! дай мне только здоровья, чтобы оно поддержало силы мне, чтобы юношей, а не стариком войти в новую жизнь и там бы все мое лучшее нашло свое место и процвело. Я к этому собираюсь, но людям говорить об этом надо ⟨...⟩ чтобы они верили в единую жизнь здесь и там, а не пугались частным случаем.

Да, но так и есть, моя смерть есть частный случай... какой-то холмик в высоких деревьях, последняя видимость, за которой, уходя, скрывается от всех глаз путник жизни.

Как не понять, что мы все туда идем, к тому холмику

в соснах, и если мы сейчас не там, а только здесь, то ведь только потому, что еще туда не дошли.

Без всякого обмана жизнь наша едина, она есть путь, и каждый любящий у того холмика с теми высокими соснами по-своему свидетельствует об этом.

1952.

1 января. Весь день мокрый, редкий и очень мелкий снег. Я вышел утром из дому и встретил Л. на горке между двумя охранными будками, и мы, кажется, не забыли поздравить друг друга с Новым годом. Стало сильно тянуть из Барвихи, и, говорят, это лучший признак выздоровления.

2 января. Сегодня я ходил в лесу около двух часов и впервые не чувствовал себя неловко на глухих тропинках: все чего-то боялся, и вдруг весь страх исчез. Нормально здоровым я почувствовал себя только сегодня.

4 января. Идиллии нет, но есть понимание, а там, где понимание, нет врагов и войны, и жизнь без вражды в понимании не хуже и во всяком случае прочнее идиллии.

Тема: природа как переживаемая поэзия.

Что, если сказать так: характер, например Дон Кихот, как единственное, неповторимое существо создает автор, в этом случае Сервантес. А тип Дон Кихота делает читатель: от этого единственного характера пошли донкихоты как дети автора и читателя.

Понимание читателем автора совершается через себя: читатель начинает понимать, что автор не шутит, что и он сам задет и чувствует чей-то, какой-то, на себя самого взгляд со стороны. Вот это осознание и как бы ходовая часть себя самого, соединяясь с тем, что находят внутри себя другие, и превращается в тип, отвечающий своему времени...

Критики почему-то в большинстве случаев разбирают творчество авторов не со стороны характеров, а со стороны типов данного времени. (С этой точки зрения критики удивительно несправедливы к повести Ожешко «Хам» [107].)

Если же автор гоняется за типами своего времени,— то что получилось с Боборыкиным [108] и что умаляет Тургенева, как человека зависимого.

Мучился несколько дней, вспоминая своих врагов, но пришла *минута понимания*, и я их всех вдруг простил.

И даже мало того! обещался впредь никогда не сердиться без понимания *той* стороны.

В большинстве случаев «та сторона» тоже хочет блага, но только всем, мы же хотим блага *каждому*, то есть блага личного, которое пропускает «та сторона».

Понимание в моем смысле есть не что иное, как социально действенная «любовь». Тема: *творчество и понимание.*

В замечательной повести Ожешко «Хам» пленяет душа примитивного Павла, подвергаемая ряду чудовищных испытаний со стороны проститутки, на которой он женился.— А чем, думаю, хуже душа моей матери, чем она крепла в испытаниях нужды и своих собственных детей? Не Павел, какой тут Павел! мало ли нас? Удивительна вообще душа человека в своих испытаниях земных: чем она держится, чем сохраняется?

5 января. Как написанное слово удивляет даже и автора чем-то своим, таким, чего и не было в замысле автора, так и человек, берущий власть в свои руки, сам себе удивляется: был нищий — стал принц. А что на охоте делается с людьми: это не люди крадутся, бегут, скачут — это боги!

Так увеличивается каждый из нас в творчестве и так уменьшается, так мельчает, когда у него нет даже и друга: холостяки и старые девы.

Одна из причин, побуждающих сделаться писателем,— это ненаходчивость. Счастливый всегда имеет в запасе острое слово, раз! — и убито. А кандидат в писатели должен еще слово свое поточить дома, но зато как он остро наточит! Слово готово, но девать некуда: враг посмеялся и скрылся. Куда же девать слово? Остается напечатать, да так и пойдет: на бумаге отменно хорошо, а в жизни во всем с опозданием — и писатель, «острого слова борзый писец» готов.

7 января. Вошел в лес (уснувшие потоки тишины). Вскоре в засыпанном снегом лесу по свету стало понятно, что солнце невидимкою борется с серыми, непросветными тучами: как будто чуть-чуть стало просвечивать и веселеть.

Пусть не видно на небе огня, но все-таки чувствуешь: огонь есть за тучами, и знаешь, в какой стороне. Дальше больше, дальше больше, и уже белые деревья стоят осиянные, а сияния солнечного на небе еще нет. Потом явно определилось, где, в каком месте неба происходит борьба света и тени. А дальше на небе тучи как будто испугались этой борьбы и стали разбегаться, открывая синее небо.

И через какое-то время солнце как будто поняло, что не стоит бороться с этими упрямыми тучами, и просто вышло на синее. Вот тогда и зажглось в лесу Рождество, какое видел я Рождество!

Еще раз я вышел к вечеру после пяти, на западе догорала заря, а над головой была еще бледная луна без влияния. Но даже когда и луна уже начинала влиять, заря все еще не совсем догорела.

10 января. В Москве крыши беленькие, а улицы черные. Вчера на роскошном автомобиле вкатил в Москву, как в мо́ре огней, и это было совсем не то, как в Барвихе, и заря и луна померкли от фонарей.

Тут вообще нет ни луны, ни зари, тут нечего закрывать, тут сами огни, и в огне человек.

15 января. NN бездетные супруги, однолюбы с гимназии и до смерти, являются примером любви двух в себя.

Такое простое эгоистическое разрешение вопросов любви никому и ничему не пример, и даже старосветских помещиков из этого материала не сделаешь. Интерес всякой любви в ее *делах*: так у Ромео и Джульетты любовь помирила два враждующих рода.

У меня три работы: 1) «Осударева дорога»; 2) «Заповедная чаща» [109] (вторая часть «Кладовой солнца»); 3) Дневники с точки зрения: а) выбора готового материала вроде «Лесной капели», б) выбора тем для рассказов, в) отбора биографически-творческих материалов, г) очистки от неудачных (мало ли чего бывает!) высказываний.

Рассказывая друзьям о переживаниях в больнице, так я в них определялся: с самого начала и до конца у меня не было ни малейшего сомнения в том, что я выживу.

Но когда я после узнал о грозной опасности и как ее переживали близкие люди, я стал думать, что моя уверенность «не умру», может быть, является чувством бессмертности самой души моей как чего-то главного во мне, не подлежащего смерти. И если бы я для близких умер, то душа моя во всем существе, как она была, так бы и дальше с этим пошла. О, если бы это было так, и почему этому не быть!

16 января. По правде говоря, наша обывательская вера (о, сколько нас, обывателей!) имеет идеалом своим достижение жизни хорошей, то есть покойной, сытой и веселой. В направлении к такой жизни делают усилия, и потом оказывается, при достижении, что эта гармония жизни или

не удалась, или сама по себе неудовлетворительна. Вот тогда-то и начинается разговор о жизни *иной*. И некоторым удается найти такое иное счастье, вроде радости всех скорбящих, в искусстве, в науке, в особого рода повышенной деятельности.

Старость бывает разная, одни старики «впадают в детство», другие постепенно, сознательно и радостно возвращаются к нему.

Это очевидно, что в детях мы любим не просто одно то, что они маленькие. Мы любим в них именно то прекрасное, что было в нас или около нас в нашем детстве. Мы любим в детях то самое, что храним в себе с детства как лучший дар нам от жизни, и эту нашу прелесть стараемся по-разному воплотить: одни, и этих большинство, определяются с этим даром в семье, другие, кому семейное счастье недоступно, достигают его в искусстве. Третьи, не исчерпываясь до конца ни в семье, ни в искусстве, хранят своего младенца в себе до глубокой старости, и это их делает мудрецами.

17 января. Тепло, снега на крышах нет. Начал опять вечную «Осудареву дорогу» прокатывать.

18 января. Новое начало «Осударевой дороги» (лето прошлого года) не удалось из-за неудачного замысла сделать свой личный опыт (лирику) началом эпического произведения: спайка личного и чужого не удалась.

Начал новую переработку «Осударевой дороги» и благодарю всех, кто не дал ее до сих пор напечатать.

19 января. Переписчик Л. Толстого [110] переписал мой дневник за 1941 год. Думаю, что если очистить его от неудач, и так бы сделать лет за десять, и очищенное собрать в один том, то и получится та книга, для которой родился Михаил Пришвин. Тоже так двенадцать лет тому назад явилась женщина, и все прошлое стало, как борьба за любовь. Только написал это и только поставил точку, упал портрет Л. на моем столе. «Ничего! — сказал я себе, поднимая портрет,— я отвергаю в себе с неприязнью потяжку на власть суеверия. Но если бы так и случилось (она раньше меня), то и в этой тяжкой доле я на какие-то ступеньки стал бы выше, чем где теперь стою».

Мелькнуло мне, что это самое чувство, на котором возникает отвергаемое мной суеверие, всегда подпирает и художественные образы: только в суеверии я отвергаю надстройку прошлого, а здесь у себя ее делаю сам (вроде

своего мифа), то есть рождение мифа, а там власть пережитого мертвого мифа. Освобождение Зуйка будет освобождением от мертвого мифа.

21 января. Л. до того трудно и противонравственно что-либо скрывать от меня, что если приходится иногда, то я сразу узнаю у ней по лицу: она тогда бывает, как неопытный палач после казни.

23 января. Мы собираемся в половине февраля в Малеевку [111]. Занимаемся горячо дневниками с целью сделать из них книгу.

29 января. Надо писать дневник так, чтобы личное являлось на фоне великого исторического события, в этом и есть интерес мемуаров.

А события исторические есть всегда... если же нет сейчас видимого, то нужно найти невидимое.

31 января. Бывает, когда снег идет, дворники успевают сгребать его в кучи и машины увозят — хорошо это бывает, и так это надо бороться с заносами. А то бывает такая метель, что и дворники и машины отступятся, и утро придет в Москве чистое, беленькое,— вот тогда забудешься от всяких забот, и тогда бог с ними, с заносами! — пусть заносы, а как на душе хорошо!

3 февраля. Рассказики надо писать, чтобы самому быть подальше от замысла и поближе к ребенку в понимании. Надо, чтобы само собой шутя бы начать, а дальше бы понесло. Так я сейчас написал рассказ старого садовника по сюжету, давно записанному [112]. Этот рассказ — первый плод систематической работы над дневниками.

5 февраля. День моего рождения в 1873 году — семьдесят девять лет!

В Москве продаются везде апельсины, и даже хорошие. Помню время детское, когда казалось, что там, где могут расти апельсины, то и все там, как апельсины, хорошо, и даже самое имя апельсинной страны прекрасное — Италия! А когда я дорос до чтения Гёте и выучил «Знаешь ли край» [113], то просто уверился в том, что жизнь в Италии людей вполне такая чудесная, как апельсины.

К счастью, за всю жизнь не успел побывать в Италии, и теперь, когда появились в Москве апельсины, в моей душе шевельнулась неприкосновенная прекрасная страна, куда я всю жизнь стремился, да и сейчас все еще тянет куда-то.

9 февраля. Читаем и приводим в порядок дневники. Из трех лет, 40-го (первого) года, 41-го (войны) и 42-го (войны), я делаю том дневников «Мы с тобой» [114], имея в виду

раскрыть полное значение «Ты», захватив, конечно, в это «Ты» и читателя.

10 февраля. Вчера буран был до ночи, и когда кончился, мы не знаем. Сегодня смотрю из окна, как рассветает (7 $^1/_2$), и вижу по деревьям тишину (а там видно будет).

Мы живем очень хорошо. Работаю над моими дневниками 1940—41-го годов, читаю внимательно, стараясь понять, к чему ведут записи. Заметил до сих пор темы: 1) Раскрытие существа личности (тема с детства). 2) Творчество как поведение. 3) Любовь как рождение или утверждение личности (тема «Мы с тобой»). 4) Проблема счастья (быть, как все хорошие люди).

Происхождение моей ошибки.

В очерке «Заполярный мед» [115] я назвал имена деятелей. Тогда все хорошие и плохие захотели быть названными, и поэзия меда исчезла или закрылась войной имен. Между тем я мог бы опубликовать «Мед» с вымышленными именами, и войны бы не было.

Я сделал большую ошибку, и вот почему. Я хотел сгустить реальность поэзии до правды, значит, соединить то и другое, утвердить именами правду поэзии, а получилось то же самое, что и у Дон Кихота. Та же самая ошибка содержится и в «натурализме» или в религии Медного Змия, идолопоклонстве [116]. Ошибка эта происходит оттого, что не всякая частность содержит в себе бога, между тем как всякая частность стремится быть названной, то есть сойти за целое, стать богом. Значит, я сделал ошибку в том, что взял на себя не исполнение воли (поэзии), а право суда (дело правды).

А разве поэзия не может быть направлена к правде? Поэзия была мне как хрустальный дворец с тысячью зал, но одна комната запретная: в нее нельзя мне входить, в ней правда живет.

Скоро после восхода небо очистилось, и после бурана открылся самый чудесный день с голубыми тенями на свежем, нетронутом снегу. Мы сидели на лавочке против солнца, облучались. Где-то в лесу пела синица брачным голосом. Мимо нас проходили писатели и поэты. Антокольский [117] прошел, поклонился: «Какой чудесный денек!» Вера Инбер: [118] «Какой!» Молодые незнакомые поэты, молодежь, все кланяются, все повторяют: «Какой!» — и один даже по традиции спросил: «Вы, конечно, с ружьем?»

Поэзия бросает лучи свои во все стороны, и один из них проходит сквозь правду и освещает ее изнутри. Такая правда редкая светит для всех наравне со светилами, а искусство такого художника является личным его поведением.

11 февраля. Проводили вчера золотой день, а сейчас опять февральская метель крутит и мутит.

Читаю дневник первого года нашей встречи, когда я вначале интересничал перед ней художественными письмами, а она все такое совсем с литературой отвергала и говорила, что «чуть-чуть» чего-то не хватает, чтобы эти наши отношения назвать бы любовью, и что в [конце] концов «все такое» сгорит, а любовь не сгорит, и нам *это* надо.

14 февраля. Вы, философы, называете то, чего я добиваюсь, вероятно, *сущностью*, а я это по-своему, в простоте, называю веществом жизни.

Можно всю жизнь докапываться до этого вещества, но понять его можно только, если оно явится в какой-нибудь форме: почка ли это на ветке любимого дерева, или заяц выскочит, или тень колеблемой веточки, играя на сером стволе осины, обратит на себя внимание художника, или все равно что: лев или тигр, дом, колокольня, река, гора, месяц, звезды — все одинаково формы единой сущности, вещества жизни, и каждая форма есть язык вещества жизни.

Всякая сущность, единая сама по себе, не нуждается для себя в языке: она едина, как вещество нашей всей жизни. Но, будучи в рассеянном, разбросанном состоянии во времени и в пространстве, каждая частица одного и того же вещества жизни стремится, преодолевая разделяющее пространство и время, достигнуть другой такой брошенной в мир и в посев частицы вещества и дает знать о себе своей формой. Так через форму, пребывая в ней какое-то время, каждая частица вещества жизни соединяется в единстве со всем веществом, наполняющим вечность.

15 февраля. Мне хочется думать о том, что логика человеческого разума произошла из форм жизненного вещества, стремящегося к единству. Мне кажется, что высшая форма жизненного вещества, человек, потому-то и есть высшая форма, что он делает попытку соединения жизненного вещества в единство, минуя необходимость своего пребывания в форме. Так вот, например, выделяем именем героя именно такого человека, который пренебрегает целостью своей формы, бросает жизнь свою ради единства человеческой сущности ⟨...⟩

Наверно, можно найти много примеров и в животной природе подобного нетерпения жизненного вещества в стремлении своем соединиться с Целым, примеров жертвы собою за целость стада или потомства. Но только человек, как высшая форма, создал разумную систему преодоления бытия особи в целях скорейшего воссоединения жизненного вещества.

На этом пути преодоления естественной формы была создана чисто человеческими руками «идеальная» форма человеческой личности, бессмертием души своей соединенная с вечной сущностью жизненного вещества.

Иногда кажется, будто мне мгновение настоящего, или, как мы называем, «сейчас», не такое приходит, как оно приходило при Руссо, при Гёте, при Толстом: что у них оно было и превратилось в «бывалое», у меня же это самое мгновение проходит через меня при моем деятельном участии как небывалое.

А то встречаешь мгновение, как царь Соломон в старости, и кажется, что оно одинаково приходило ко всем во все времена и нет в нем и нигде и ни в чем ничего небывалого.

Так, значит, есть на свете два наших рассказа, один о бывалом, другой о том, чего еще не было. Моя мечта рассказать людям о том, чего не было, и это, мне кажется, должен быть рассказ не о ком-то и о чем-то (это, может быть, и правда все было!), а о себе самом: меня ведь до меня самого не было.

17 февраля. Помню, мы в Хрущеве стояли все по стенам: мама, Дуничка, Коля брат, сестра, кажется, и брат Сергей, и еще кто-то, и еще и еще... Умер брат Александр, и мы, стоя у стен, ждали о. Афанасия [119]. Когда же священник вошел, то он быстро, на ходу, как-то скороговоркой, и каждому было, как будто ему показалось или плохо расслышал, что будто бы о. Афанасий сказал, повторяя: «Нет утешения, нет утешения». После отпевания мы все говорили друг другу:

— Не показалось тебе, будто о. Афанасий сказал: «Нет утешения»?

— Мне тоже показалось,— отвечал другой.

И потом все вместе сошлись и утвердились прочно, и у каждого осталось на всю жизнь это: «Нет утешения». И что так бывает в жизни, когда [надо] отказаться от утешения чем-нибудь при утрате, как от замены чего-то единственного и неповторимого.

20 февраля. Кончил читать письма Блока к матери, и сердце сжималось жалостью к судьбе этого юного Дон Кихота, великого (да, наверно, великого!) поэта, попавшего деятелем в Чрезвычайную следственную комиссию [120].

Встал вопрос:

— А что, если бы *очнуть* Дон Кихота, и дать ему прийти в себя, и начать...

Итак, друзья, всё, как мы верили в детстве в прогресс, в том смысле, что людям от этого будет все лучше и лучше, остается на месте. Пусть самолеты сейчас делают злое дело, пусть атомная энергия идет в бомбы. Мы знаем, что эта сила может служить и добру, и мы продолжаем бороться со злой силой, уверенные, что победим и обратим все новые открытия на добро.

Картина души Блока в его книгах есть картина упадка личности великого художника слова. Заказ социальный нашего времени состоит в том, чтобы с таким же мастерством дать картину возрождения. Пожалуйте! Кто может? Но помните, что за мастерством великого художника стояло его поведение во время общественного упадка. И, значит, ваша задача состоит не в мастерстве, а также в поведении художника, определяющем мастерство.

Так часто бывает у авторов с критиками. Автор пишет, как единственный, и о том, чего для всех не было, а критик судит его с точки зрения того, что бывает у всех, и в случае, если ему нравится, говорит: «Так бывает!», а когда не нравится, говорит: «Так не бывает!» А по-настоящему автор должен представить бывалое и понятное с точки зрения небывалого; то и другое должны сойтись в единство, как художественное произведение. В творчестве совершается чудо: небывалое является как бывалое, родное, знакомое. Вот где корень «Фацелии» — стремление к любви, как у всех.

21 февраля. Вчера к вечеру опять потеплело и так осталось до утра: тихая и мягкая погода. Вчера прочитал новый рассказ «Художник» [121] редактору «Пионера», и судьба его определилась в «Пионер». Мне кажется, в этом рассказе найдена еще более, чем раньше, простота и спокойствие повествования.

Хорошо бы с такой удачей понырять по дневникам в поисках сюжета, но приковала к себе работа над дневником 40-го года.

23 февраля. Иногда приходит в голову, что романы Л. Толстого не искусство слова, а что-то другое...

24 февраля. Время от времени солнце так мило показывалось и нам говорило: сейчас я уйду, но вы продолжайте быть, как будто я с вами, я только ведь на минутку: уйду и сейчас же приду.

Нападала звездная пороша поверх обыкновенного снега и убрала каждый сучок не как иней, шерстинка рядом с белой шерстинкой, а звездочка на звездочку, сколько ляжет, а что не уложится, падает вниз поверх снега.

27 февраля. Солнце вышло с утра. Наше дерево возле окна убрано инеем, а дальше за ним — березы в кружевах, и за березами сквозь окошечко — весь далекий лес, тоже все такой разубранный. Прилетел поползень, пошнырял по дереву вниз головой и вверх, повертелся, поклевал и был таков. И на другое дерево: раз, два, три хватил — и дальше. А вслед за ним другой прилетел и долго вертелся и находил себе много. А я подумал: «Какие, значит, они разные: один торопится и перелетает с дерева на дерево, схватывая первое, что покажется, а другой степенный, работает, долбит и добивается». И еще я подумал: «А чем мы лучше их?»

3 марта. С утра на воздухе мягко и серо. Привыкаю ходить по комнате. Читаю дневники. Просачивается охота взяться и сразу единым духом написать вторую книгу «Кладовой солнца» (лесная повесть) [122] с целью собрать в единство все насмотренное и записанное в лесу. Начнется с того, что к детям в Усолье [123] дошел слух, что отец их жив, и они отправились искать его.

4 марта. Великий день весны света. Начало образования наста: люди поверх снега пошли, звери, мышки... Какой уж там мороз в нашу сиротскую зиму, но все равно одно окно плотно заделано морозом, другое в цветах, и сквозь цветы солнце весны света.

Вчера позвал к себе Л. А. Малюгина, Юлию Друнину [124], пришел сын Чуковского, Яшин. Я читал им свои маленькие рассказы и праздновал свою старость.

6 марта. Второй день выхожу на воздух, вчера к вечеру опять ослабел, но сегодня опять стал набирать силу. Агнесса Гидаш [125] за ночь прочла из моего нового двухтомника «Фацелию» и пришла в совершенный восторг. Вообще я становлюсь, похоже, на тот описанный мною гриб, уцелевший от взора людского под лаптем, но когда гриб поднял лапоть и открылся, то впечатление от него было, конечно, необычайное.

8 марта. Вечером изъяснялся Гидаш [126]. Говорили о Гоголе и перешли к [Л.] Толстому, и я сказал, что Толстой умер слишком молод и не знал настоящей любви. Это

было ему непонятно, он возражал. А когда я сказал: «Такой любви, как у Ромео и Джульетты»,— он вдруг что-то понял и воскликнул: «Романтизм?» — «А почему бы и не романтизм?» — «Возрождение?» — «А почему бы?» Он задумался и ответил: «Только совсем по-другому, совсем не как было».— «Именно,— ответил я,— конечно, надо делать такое, чего еще не было».

10 марта. Можно так смотреть на мир, что он есть мир бывалого и все, что в нем есть, все было: и Америка была до своего открытия, и атомы вертелись без нашего спроса до открытия атомной энергии, и так было всегда решительно все, что у нас теперь есть. Однако через всю эту массу мира бывалого проходит у нас на земле свой особенный Млечный или Птичий путь к небывалому. Нет такого живого прутика, былинки, жилки на листе, черного пятнышка на красной божьей коровке, чтобы в точности складывался с черным пятнышком другой божьей коровки, или жилки с жилкой, прутика с прутиком и лист с листом.

Движется солнце, и все бывалое, что под солнцем, живет, движется к небывалому, и вся наша жизнь в каждой душе человека складывается и как бывалое, и как движение к небывалому.

Разрабатываю дневник 40-го года и про себя готовлю вставки из нынешних размышлений о пережитом. Например, раскрыть тему о вечной девственности (новая любовь — новая девственность).

Каждому из нас ведь еще бы немного пожить, и весь изменишься так с виду, что другой, свой человек, самый близкий и единственный и неповторимый в духе своем, придет и не узнает в тебе того самого, кого он искал всю жизнь и ждал. Как свеча, горит жизнь, и как же, значит, надо ею дорожить, чтобы друг пришел и узнал.

Из одного сосуда в другой что-то переливается по соединяющей трубочке: один сосуд поднимается — бежит в другой, а тот поднимается — все назад, и так смешивается. И все разговоры наши, когда мы близко сходимся, существуют только для того, чтобы души наши вошли в единство (запевка для дневниковых записей 40-го года).

11 марта. Дон Кихот всегда был и бывает, случалось даже, мужик, погоняя свою худую клячонку, кричит на нее:

— Ну, пошел Дон Кихот!

Дон Кихот всегда и везде был, и его только открыл для всех Сервантес.

12 марта. Основой, определяющей снежную фигурку в лесу, бывает какая-нибудь неровность. Раз на телефонной проволоке уселся колоссальный эмбрион какого-то млекопитающего, а когда я сбил фигуру палкой, то на проволоке оказалась сварка или сшивка, и вот этот пустяк был причиной всей фигурки. Отсюда видно все происхождение искусства как чего-то небывалого и наряду с этим закона всего бывалого, чтобы все было как у вас, так и у нас. Два этих условия и управляют всем миром: закон равенства и закон различия.

13 марта. В санатории люди меняются: одни уходят, другие появляются, и некоторые остаются, немногие остаются с нами. Среди остающихся чудесная пара венгерцев: Гидаш и его Агнесса, тоже понравился нам Малюгин Леонид Антонович, будем помнить Юлию Друнину.

Не есть ли то, что мы называем «природой», просто хранилище, или кладовая нашего собственного человеческого опыта, всего того, что с человеком уже было. Не может ли так быть, что, обращаясь в этом смысле к природе, человек обращается к тому, что с человеком было? Обращаясь к природе, человек советуется с близкими ему людьми и старшими в опыте, и они ему дают два совета: 1) не повторяй того, что мы сами без тебя делаем; 2) не забегай так вперед, чтобы выйти вовсе из наших глаз.

Все на свете было, и Америка жила до своего открытия, и порох лежал в земле как сера, селитра и уголь, и атомы, как планеты, вертелись. Небывалое на свете это только я, как бессмертное мгновение, преобразующее бывалое.

В исканиях небывалого человек находит сам себя как единственный источник небывалого.

В путешествии своем по миру бывалого человек находит себя самого как единственно небывалое. Так был, конечно, в мире Дон Кихот, но Сервантес вдунул в эту глину (*1 нрзб.*) свою бессмертную душу, и Дон Кихот явился среди людей и повторяется как небывалое.

16 марта. Вчера весь день — и солнце село, все было в сиянии, все было, как осанна! И весь день по ярко-белому в звездах и голубому ходили мы по земле, как в небесах.

17 марта. Попробую сейчас взяться за «Осудареву дорогу» и буду в ней держаться прежнего: на первом плане вещь, в которой «имена» исчезают (nomina sunt odiosa) *.

* Не стоит называть имена (*лат.*).

18 марта. С утра до ночи вчера с солнечными перерывами и валил, и тихо летел, и косо падал снег. Сегодня все продолжается, та же самая зима в солнечном свете. Вчера познакомился с художниками: Куприяновым, Крыловым, Соколовым (Кукрыниксы). Очень хорошие, глубоко внимательные к природе люди. Вечером напомнил старое знакомство журналист и писатель на все руки N. Он спросил меня:

— Еще пописываете?

Я ответил:

— Пишу и пописываю, а читатель еще почитывает.

После того этот писатель на дрожжах смирился и, по новой моде, стал показывать фотокарточки своих детей.

Все больше и больше на солнце синеют белые снега, и розовеют белые березы, и желтеют спящие на голубом снегу белые зайцы. Зеленеет кора серой осины, и частые прутики ивы так оживают, что кажется, будто сам в помощь их почкам выпускаешь из себя острые сверточки будущих клейких листочков.

Хорошим людям всем на радость такое человеческое участие в раскрывании почек. Вот за что все говорят, что любят меня.

Одно дело уйти на небо, оставляя за собой проклятую землю, другое дело постараться, уходя, и самую землю за собой поднять к лучшему. (Первое — Мироновна, второе — Уланова.)

19 марта. Грачевник. 5 марта [127].

Солнечные снегопады изо дня в день. Начинают свое образование летние облака. Галки спарились брачно и мило сидят на сучках, носик против хвостика по ветру. На некоторых маленьких елках виснут сосульки, на дорогах возле навоза банкеты мелких птиц.

Начинается время, когда самому не надо изменяться, чтобы замечать события в природе. Там все само каждый день так изменяется, что нельзя не заметить. Только не надо пропускать прекрасное мгновение, когда оно подходит к окну, не надо завешивать окно, как мороз, своим планом. А впрочем, есть планы у человека такие, что не мешают, пусть будут планы, не надо только их завешивать. Надо встречать перелетных птиц с открытым окном...

Однако есть какое-то определенное поведение художника, имеющее целью держать свои окна открытыми навстречу прекрасному мгновению. Пусть оно явится даже в виде

синички, влетающей в форточку,— поведение художника должно подготовить на подоконнике зернышко. Так от воли и внимания художника зависит длительность прекрасного мгновения.

Можно представить себе художника, своим поведением обращающего в вечность текущее мгновение.

Мороз хватил на — 20°! Но какая тишина, какой воздух! Едва видимые снежинки убирают кружевами верхушки высоких берез. Огромная сосулька грозится убить писателя, без разбора, большого и маленького. Воробей над сосулькой звенит и празднует весну.

20 марта. Человек живет и рождает новое, и от него остается навсегда то, небывалое, что он рождает словом, делом, помышлением, поклоном даже или пожатием руки или только улыбкой посылаемой.

Человек неведомый послал улыбку кому-то, и от этой улыбки родилось небывалое.

Маленькие рассказы Мопассана рациональны, сделаны, рукотворны. Например, «Ожерелье»: женщина взяла чужое бриллиантовое ожерелье на бал и там его потеряла. Она взяла взаймы денег, купила такое же ожерелье и отдала, и закабалилась из-за него вместе с мужем на каторжную работу. Когда же постарела и утратила красоту, узнала, что ожерелье было фальшивое. На этот сюжет как по нотам написан рассказ, и вывод из рассказа: так в мире бывает.

А я хотел бы так писать, чтобы вывод читателям был обратный: так еще не бывало.

Чувство современности я понимаю не в смысле чувства времени. Часто бывает, упрямый и расчетливый газетчик какой-нибудь отлично чувствует время, но его отношение ко времени этому несовременное. Напротив, другой мало следит за временем и даже совсем не считается с ним, но он гораздо современней человека, в упор следящего за движением часовой стрелки.

Это оттого бывает, что современность рождается в том месте жизни нашей, где Небывалое. Значит, сам человек, единственный и неповторимый и, конечно, небывалый, встречается с тем, что уже было и с давних пор складывалось в закон.

Современность есть небывалое и беззаконное (человеческая личность) в тот момент, когда оно становится законом.

Небывалое через понимание входит в закон, и это можно

своими глазами видеть каждый день, обращая внимание на жизнь искусства.

В молодости я долго не понимал, как такие удивительные, небывалые существа Пушкин и Лермонтов, такие отрицатели и беззаконники, рабски тяготеют к условностям аристократического круга и в исполнении их трагически погибают.

Теперь я понимаю это как естественное влечение небывалого к воплощению, к признанию, к пониманию. И кажется на первых порах, что это признание легче всего осуществимо в той среде, откуда сам вышел. В случаях Пушкина и Лермонтова это тяготение к бывалому разрешается трагически.

Гармонический переход небывалого в быт можно видеть в судьбе семени, несущемся по весенней воде в мир небывалого, где оно прорастает, закрепляется и растет много лет.

Еще, может быть, и в человеческом возрождении, как оно осуществляется в счастливых условиях.

Любовь как понимание или как путь к единомыслию.

Тут, в любви, все оттенки понимания, начиная от физического касания, подобного тому, как понимает весной на разливе вода землю, и от этого остается пойма. Когда уходит вода и остается илистая земля, некрасивая сначала, и как быстро понятая водой земля, эта пойма, начинает украшаться, расти и цвести!

Так мы видим ежегодно в природе, как в зеркале, наш собственный человеческий путь понимания, единомыслия и возрождения.

22 марта. Вчера солнце, еще много не доходя до горизонта, стало погасать во мгле и расплываться, и так, огромное и тусклое, спустилось. После заката заря, широкая вверх и короткая по горизонту, была слегка розовая, но неяркая.

Вечером я читал рассказы из дневников. Каверин [128] сказал, что ему мои вещицы напоминают сказки Андерсена.

«Чуть-чуть бы чего-то, и была бы сказка, а нам так нужно влияние сказок». Я ответил, что мои вещицы больше сказок: они на глазах читателя превращают действительность в сказку.

Но, конечно, замечание дельное, и, где можно, следует акцентировать сказочный элемент моих рассказов.

24 марта. Заря была бледно-розовая, на ней опять виднелись резко черные формы елей. Я думал об этих

формах, о том, что все елки стремятся к такой «правильной форме», чтобы ветви все снизу и доверху поднимались бы вверх. Среди всех видимых мне елок была только одна красавица, близкая к совершенству. Я смотрел на нее и вспомнил знакомого художника-пейзажиста, бродящего по лесу с тяжелым ящиком красок в поисках совершенной формы. Не раз я спрашивал себя, зачем он так унизительно для себя, человека, бродит с тяжелым ящиком и складным стулом, подчиняясь медленному и случайному движению форм к совершенству. Разве, думал я, не в нем самом совершенная форма, разве нельзя ему в кабинете писать воображаемую совершенную форму в пример лесоводам, умеющим направлять движение живых деревьев к желанной форме. Не раз я спрашивал художника об этом, и он отвечал мне, что в кабинете без натуры форма получится математически совершенная, но не живая, что он не за формой гонится в лесу, таская ящик и стул, что форма, конечно, у него в голове, а ищет он в натуре воплощение своей совершенной, но только математической формы.

— Можно,— сказал он,— и вам для праздника Нового года взять шест и насверлить в нем правильно дырок, вставить в них еловые лапки, но вы не делаете так, а ищете в лесу и с трудом находите подобие той совершенно мохнатой, какую легко можете сделать сами у себя в комнате.

Говорили о восточном происхождении моей «мелкой» по внешности и глубокой по содержанию формы. Еще говорили о моей самобытности, а сам я думал о Розанове, о Шопенгауэре, о Льве Толстом, о народных притчах, об Евангелии и что эту форму, ближе к правде, надо бы назвать притчами. И что это — притча, и чем она отличается от басни и сказки. Об этом надо подумать.

Форма и содержание есть два измерения вещей искусства: форма — измерение внешнего, поверхности, содержание — измерение в глубину.

Есть аскетизм принципиальный, то есть сознательно применяемый людьми для самосовершенствования, и есть источник аскетизма естественный. Каждый организм, старея, вынужден в природе отказываться от того, за что борются между собой молодые. Старея, человек, естественно, делается лучше, потому что он освобождается от слепых страстей и тем самым входит в свой разум. Воспитание детей старшими к тому должно быть направлено, чтоб

молодые уважали опыт старших и считались с их разумом, освобожденным от слепых страстей.

25 марта. Любовь, как дело жизни, не песня, а дело.

У меня остается от жизни с Л. сейчас в Малеевке самое лучшее чувство, и в свете его, в записях 40-го года о возникновении нашего романа, показывается что-то тяжелое и нудное, мы тогда не летели, не плыли, а *делали* свою новую жизнь, и дневники того времени иллюстрируют любовь, как дело жизни, но никак не любовь-песню. Песенки свои мы тогда оба спели по-своему давно и сошлись за делом любви в помощь борьбе за жизнь, как высшее благо, ведущее к бессмертию. Мы не лишены были страстей, но в этих страстях мы не были как слепые щенята, а как умные люди с человеческими глазами. Она в этой любви шла впереди, я шел осторожно за ней, охраняя ее от всяких нападений. Я хотел быть ее простейшим рыцарем, не Дон Кихотом, а совершенно ясно видящим путь, по которому она ведет меня вперед.

26 марта. У нас в Малеевке гостит поэт-таджик из Ашхабада. Вчера он встретил на прогулке девушку, разговорился с ней, и она, узнав, что он писатель, инженер душ, попросила у него совета: за нее сватается хороший человек в сорок лет, богатый, умный, степенный, а она любит молодого в двадцать лет, веселого и беспутного — за кого же ей выходить. Таджик пожелал узнать, не спрашивала ли она совета еще у кого-нибудь.

— Спрашивала,— ответила девушка,— мне отвечали: выходи за старика, а живи с молодым...

— Разве так можно? — ответил таджик.— Какой недобрый человек тебе так посоветовал?

— Есть и такой человек,— сказала девушка и спросила: — А как же бы вы поступили на моем месте?

— На твоем месте,— ответил таджик,— я бы пошел за любимого.

— Значит, ваш совет идти за молодого?

— Нет, я говорю, если бы я был на твоем месте, девушкой, то я пошел бы за любимого.

— На моем,— воскликнула девушка,— вы скажите, как на своем месте?

— На своем я дам совет: иди, конечно, за старого.

27 марта.

— Мне очень понравилась ваша «Фацелия»,— сказал Азаров [129].— И мне кажется, вы сами ее очень любите.

— Да,— ответил я,— лучше пока я ничего не мог написать: это моя песня песней, но дальше мне хотелось бы

прославить любовь не как песню, а как дело человеческой жизни. Я хотел бы поэзию сделать священной и себя, как поэта, понимать священнослужителем.

Прочитал рассказ Мопассана «Бесполезная красота», где творец природы представлен в виде огромного детородного члена, осыпающего мир семенами, и выведено человеческое возмущение этим женщин. В этом смысле и показана бесполезность красоты: она в человеке не хочет поддаваться закону обсеменения. Этот рассказ объясняет всего Мопассана, всего поэта, и всякого настоящего поэта, и всю поэзию, как путь к *лучшему*, как священное дело жизни. Я буду составлять современную Библию (великих спутников, начиная с царя Давида и Соломона). В эту священную книгу какими-то рассказами войдет и Мопассан.

Чувствую всем народным своим существом, что когда-то, где-то в нашей стране родилось или пришло небывалое Слово, и мы теперь перешли от слова к делу жизни, и поэты наши должны дать не поэзию слова, как раньше, а поэзию дела.

28 марта. Я вот что думаю сейчас: думаю о рассказе Мопассана и «Крейцеровой сонате» [130], о людях лунного света [131] и т. п.,— так ведь ясно и без этих высказываний, что людям размножаться во всех смыслах, в материальном и духовном, никак не выгодно, а между тем они не смотрят ни на что и размножаются. Думаю, что и протесты размножению Мопассана, и Толстого, и всех других художников и самое художество исходят от личного горя, что самому не удалось размножиться счастливо, как сам когда-то хотел. И что́ на свете у людей лучше семьи ладной, вмещающей иногда понимание между собой четырех поколений?..

Может ли наш идеал семейного счастья (разве «Война и мир» не есть живописание такого идеала и «мне возмездие» [132] в «Анне Карениной» не выражает ли собой наказание за попранный божественный закон семьи?),— может ли этот наш идеал [быть] заменен каким-нибудь иным коллективом общественным, государственным, рабочим, творческим?

Очень много сейчас встречается любящих пар, но это никого не трогает: это любовь для себя. Значит, мы чем-то встревожены бо́льшим, чем любовь друг к другу в семье. Что же это большее, и сказал ли о нем кто-нибудь? Я бы ответил:

— Это что-то делается, но о нем еще никто не сказал, и мы что-то смутно чувствуем, делая жизнь, и некоторые уже уверены, что некто придет и все назовет, и мы тогда все поймем. Так в литературе ждут все второго появления Пушкина.

Пушкинист Фейнберг, открывший гениальность прозы Пушкина в его «Истории Петра», огорчил меня полным незнанием самого факта существования Выгореции, где Петр встретился со староверами [133] 〈...〉

Кому же мне теперь рассказывать о своей «Осударевой дороге»? Руки отваливаются, но тут же рождается желание упроститься до понимания тех, кто вовсе не знает истории.

Надо не оставлять найденное мною для «Кладовой солнца» пользование в рассказе вставкой как бы новеллой-интермедией. Человеку, конечно, близок тоже человек, а не какой-нибудь торф. Но, затронув интерес к судьбе человека, можно воспользоваться необходимостью передышки и вставить повестушку о торфе, о лесе. Так делает Тургенев, вставляя рассказ о прошлом героя 〈...〉 Между тем у меня описывается мальчик в болоте, и я пользуюсь интересом к судьбе мальчика, чтоб дать понятие о болоте. Так можно, мне думается, открыть в поэзии дверь для знания и соединить одно с другим в понимании.

Этот опыт я хочу сделать во второй части «Кладовой солнца», где будет изображен северный лес. Но нельзя ли воспользоваться этим и в «Осударевой дороге» и дать читателям неведомого им антихриста и светопреставление и т. п.?

Вчера на восходе была такая тишина, что даже и щекой не уловишь, не почувствуешь, тишина была тише своего дыхания. Но с какой-то стороны по-своему что-то чуть дышало на лес, и оттого березки там густо убирались инеем. А здесь, на другой стороне, инея не было. И я понял, что не солнце, как думалось, определяет, где наседать инею и где сучку оставаться голым, а это делает утреннее дыханье, такое слабое, что даже и щекой не улавливаешь.

Советские неглупые писатели, не раз я слышал от них, утверждают, что от всех писателей эпохи символизма остались только Блок и Бунин, что такие поэты, как Сологуб, Брюсов, Вяч. Иванов, больше не существуют.

Мне, видевшему всех в лицо, оглушенному их авторитетом, еще не верится этому целиком, но кажется, оно похоже

на правду: какие-то раздетые мудрецы — голые люди, как и все люди в бане, а одежду их больше никто не носит. Задала же баню мудрецам революция, а между тем немудрые тоже умерли, но с нами остались живущие: Есенин, Клюев... да как подумаешь, вспомнишь, их порядочно, и Горький, и Бунин, и я сам, а друг мой Ремизов? кажется, нет: он тоже в мудрецах остается.

29 марта. Завтра возвращаюсь домой. Буду просить о Полном собрании сочинений в шесть томов, а сам буду собирать одну книжку, которая останется навсегда и будет священной (маленькое желание, но не смейтесь: основание сделано) [134].

Хороши у Мопассана слова: «влюбленная дружба» — это о нас с Л. И еще: «Они не только любили — они *хотели* любить» («Сильна, как смерть») [135]. Это о нас, и мои слова: «Мы не пели о любви, а делали ее».

Азаров прочитал «Падун», отметил образ Марьи Мироновны и «веник», а Уланову и Сутулова забраковал: нехорошие и картинные. Почти верно, и, значит, надо переработать. Скорее всего разом взять роман невозможно, и надо утешаться тем, что Гёте всю жизнь писал «Фауста». А если разом нельзя сделать это, то нельзя ли разом взять «Лесную повесть».

Каждое хорошее произведение вытекает из души так спокойно и просто, что никак не принимаешь эти первые и самые важные строчки за решение долгой и мучительной борьбы. Эти первые строки являются всегда неожиданно.

С какой надутой гордостью Х. сказал:

— Мы принимаем Пушкина.

Почему бы не спросить его:

— А примет ли Пушкин нас таких?

Знаю, он примет, но хорошо бы таким словом нос утереть дураку.

3 апреля. На этих людей смотрю и думаю, что они идут за временем и пройдут вместе со всем, что временно; что люди современные — это те, кто господствуют над временем. Так, например, Шекспир гораздо современнее нам, чем N, до того следящий за временем, что вчера он высказался положительно за пьесы без конфликтов, а сегодня услыхал что-то и пишет за конфликт.

5 апреля. Думаю о подарках, что как трудно подарить кому-нибудь, чтобы на всю жизнь, и ему, кому подарил,

и после него, у кого-нибудь этот подарок хранился и по-своему как-то жил.

Я думаю, что настоящий большой писатель, как наш Лев Толстой, своей «Войной и миром» делает нам всем подарок.

7 апреля. Вспомнить ошибки свои как художника из-за верности правде (натуре).

— Вы думаете, это путь — глядеть в натуру?

— Нет, это не путь: надо глядеть и туда и в себя. В путешествии благодаря трудностям возбуждается в себе борьба с ними, и когда, двигаясь вперед, видишь лучшее, то это потому видишь, что сам к нему подготовился. На месте сидишь и ничего не видишь, но можно и на месте жить в тревоге, и тогда будешь, сидя на месте, открывать новые страны. (Это можно просто рассказать в «Лесной повести».)

Если бы не было у людей своего большого человеческого дела, они бы так и стояли на месте, как дерево. Но раз человек двинулся, то он за делом двинулся...

Стоял бы и стоял, как дерево, но раз уж двинулся, то ведь за делом же двинулся: чего-то надо достигать не на месте, а где-то в других местах, и, может быть, очень дальних.

14 апреля. Обиду нельзя стереть усилием воли, ее можно стереть кулаком или легкомыслием. Всякое усилие порождает Сальери.

15 апреля. Сатира — не поэзия, а только мысль, заостренная злободневно. Лично я не люблю и не понимаю сатиру, как слепой на все такое, но если те, кто видят, признают за хорошее и печатают, то и я, слепой, тоже говорю, как зрячие.

18 апреля. Н. рассказывал, что у них во Владимире один мальчик до того пристрастился к лесу, что совсем одичал, в семье только показывается, из школы его выгнали и всеобщее прозвище у него во Владимире «Пришвин». Вот до чего дошла моя слава!

21 апреля. Я был совершенно чистым мальчиком, когда меня соблазняла горничная Дуняша и не могла соблазнить. К этому чему-то (вроде физической общей тайны, необходимой для разрешения каждому по-своему) я оставался всю жизнь как бы в страхе.

И потом, когда, казалось, физически все разрешилось, тайна, в существе своем, конечно, душевная, так и осталась тайной и разрешалась всей жизнью〈...〉 Загадка любви

оставалась в душе моей как загадка и разрешилась только в шестьдесят семь лет нынешней длительной *любовью*. Я для этого был рожден, в этой любви содержался и мой талант. Вот это самое чувство страха к физическому решению «тайны» и создало древних аскетов〈...〉 На этом пути создалась в мире и Магдалина, сбросившая (как и я, например, сейчас, выясняя вопрос, сбросил все свои опыты «физической» любви) все свое прошлое при встрече с Христом. Тут влюбленность разрешается любовью, и в свете любви весь мопассановский вопрос слепой физики нашей, как зверь, Лев, поджав хвост, ложится под ноги Девы Орлицы [136].

27 апреля. Жара продолжается. Обещают холодный май. Сегодня после обеда переезжаем в Дунино. В «Комсомолку» «Весенние рассказы» [137] приняты, и я этим утешен. Недомогание, то ли от жары, то ли от гриппа, то ли от старости.

Итак, «Весенние рассказы» удались и открывают мне возможность за лето поднести юношеству «Капель» в большом количестве.

28 апреля. Дунино. Первую радость я увидел в деревне: это была первая зелень на завалинке избушки Макриды Егоровны.

Нельзя сказать, чтобы лужайки или дорожки позеленели: и дорожки и лужайки были все еще бурые. На дорожках прошлогодняя листва еще плотно лежит, но от малейшего ветерка по лужайке старые листья бегают, как мыши. Зелень собирается на бровках лужиц, в самой луже виднеется утонувшая прошлогодняя листва, а поверх лужи торчат острые зеленые иголки.

Может быть, весенние пары у птиц являются после борьбы многих самцов за самку? Я часто заставал эту борьбу, когда оставались трое: два самца, как мне казалось, и одна самка. Не раз мне случалось видеть, как двое из трех после целого ряда перипетий решительно улетают, а один остается и долго неподвижно сидит. Не знаю, чем кончалось это одинокое сиденье птицы на еще не одетом дереве. Мне становилось тоскливо, я переходил на сторону улетевших спаренных птиц и уходил домой.

Кукушка в этом году прилетела на неодетый лес, и вечером пробовал начать соловей.

29 апреля. Нынешней весной без дождей прямо на сухом солнце снег пыхнул, вода сбежала, и началась весна

майская с кукушкой и соловьями. И как стала тогда в Москве жаркая погода, так и стоит сейчас. Этой весной испытал невыразимое мое счастье в разгар весны убежать из Москвы. Это было физическое чувство спасения в тот момент, когда вышел из машины в Дунине.

Второй день гулял по лесу и вот вижу: осинка между елками простояла в прошлогодней листве. Молодые цветы ее серыми червяками слились в темную шапку со старой листвой. Я подумал об этом так, что вот как неразумная осинка решила наш основной человеческий вопрос: истлевая, человеку надо войти в новую жизнь не удобрением, не соком земли, как у растений, а личностью. На этом пути люди бьются от начала своего сознания. А неразумная осинка просто развесила свои мертвые листья наряду с живыми сережками.

Так стоял я перед глупой осинкой и сам себе говорил, что не хочу быть ни удобрением, ни соком земли, не хочу уйти в зажиточную жизнь будущего, ни в свою славу, хочу остаться самим собой, расти, подниматься, лететь...

По секрету сказать, глупость необходима в поэзии, как весенние лужи земле, но дело поэта подвести людей к этой луже. Там каждый находит свое отражение и, дивясь, говорит про себя: «А ведь я это за глупость считал!» И, расширяясь душой, радуется, что он такой же, как все, и приближается по себе к пониманию всех, казалось бы раньше недоступно умных людей.

Сижу этой весной в лесу под деревьями, и меня восхищает, что они всё перенесли, и ветры, и бури, и стужу, и снег, и мороз. Столько было всего, а теперь как ни в чем не бывало начинают новую жизнь.

Чем же, покажется, тут восхищаться? А тем, что я сам старый человек, не по книгам, а как живой, сам помню старых русских людей и что они перенесли в старое время. Вот теперь на отдыхе смотрю в лесу на деревья и думаю о всех тех своих: какие хорошие, какую трудную борьбу выдержали и теперь со мной в новой весне живут, как молодые. И я, пока живу, держу их возле себя, они со мной живут. И, может быть, кто-нибудь так и меня перехватит и удержит в жизни своей прекрасной.

1 мая. Конечно, можно и ландыш описывать, но только надо знать, что до конца его все равно не опишешь и не сделаешь того, что он сам с собой сделал. А ведь как хочется художнику добраться до него самого, но это уже нет: ко-

нечно, можно почувствовать запах ландыша даже с картины, даже из-под пера, но как сам он пахнет — это не сделаешь, до самого ландыша не доберется ни кисть, ни перо. Единственно, что можно сделать художнику,— это добраться до другого человека и своим образом ландыша вызвать его собственное чувство ландыша и его понимание. Так все образы природы не есть сама природа, а только средство обмена людей между собой. И, значит, если я о природе пишу, то пишу я о самом человеке в его сокровеннейших переживаниях. И вот именно о сокровеннейших, потому что в природу человек нашептал о себе и скрыл в ней себя еще с тех пор, может быть, как вил себе гнезда на деревьях и в них спал.

Свет движется, летит и несется, а тени ложатся. Свет образует наш человеческий день, а тени складываются к вечеру и соединяются в ночь. Свет — это движение, ночь — это покой.

Мы все движемся к свету, но можем это делать поразному: кто чуть виден впереди, кто чуть виден позади, а между ними, первым и последним, движутся все тоже поразному. Солнце светит для всех одинаково, но мы-то все разные, и оттого и тени наши тоже разные: кто ближе к источнику света, у того своя тень одна, кто отстал, и тень его другая. Так перед светом небесным мы все равны, но на земле, рождающей в защиту жизни тень, мы в тенях земных все разные, и как листик на дереве не складывается с листиком, так мы тоже и люди между собой все разные.

2 мая. Свет и тень нашей души: свет стремится, а тень ложится.

Иногда мне кажется, я потому не ученый, а поэт, что больше понимаю. А другой раз происхождение своей поэзии вижу в недостатке своего разумения: чего-то не хватает во мне для разумного понимания вещей, и я обращаюсь к поэзии.

Белая и желтая бабочки долго кружились друг возле друга и разлетелись: белая полетела искать своих белых, а желтая — желтых.

В старое время, и я это еще хорошо помню, дети у простых людей далеко от отцов своих не уходили и занимались тем же самым ремеслом, как отцы. Зато и получалось так, что возьмется кто-нибудь крепко за свое ремесло, и семья у него крепкая, так это и продолжается распространяться, и одно ремесло наполняет весь край.

Так бывало, как грибы по лесным угодьям: березовики под березами, подосиновики, боровики,— так и люди были, в Кимрах — сапожники, в Талдоме —пастухи, и по всей стране каждая местность отличалась своим ремеслом. Лесники и сплавщики.

3 мая. Что же было вперед: свет или тень? Была ли поначалу тьма, и свет, побеждая ее, начал череду дней на земле? Или, наоборот, был свет, но земля, обороняясь или остывая, создала тень, и в покрове тени началась жизнь в темной утробе и, окрепнув, стала появляться и привыкать к свету?

Эти вопросы каждый народ решал, создавая свои мифы поэтически, а потом и научно. Современный поэт, или, как я хочу понимать, хозяин своего времени, должен не только туда смотреть, в прошлое, а сам своим творчеством сейчас решить вопрос о первенстве света и тени и о месте их в творчестве.

Итак, я беру лес и создаю свою сказку о борьбе света и тени.

7 мая. Сухая весна без перемен. Ночью, проснувшись на короткое время, вспоминал свою жизнь, как я, безумец, медленно путем опыта жизненного «*приходил в себя*» и это сопровождалось радостью (мой оптимизм) и удивлением (мои писания).

Понимаю из этого, почему такие люди, как Розанов, А. Толстой, сторонились меня: они понимали, что я в себе человек и особенный, им не хотелось «возиться» со мной именно потому, что я не просто живу, а меня *несет*. Разные и по уму, и по всему, и во всем, они что-то себе нашли, за что-то ухватились, овладев тем самым, что меня просто несло.

Встретил в лесу молодую женщину с девочкой в красной шапочке. Девочка занималась углубленно травками, а мать хватала верхушки маленьких березок, одетых в поллистика, расцветающей бузины. Она хватала вокруг себя с такой быстротой эти ветки, что напоминала мне смутно какое-то животное и что я это хватание видел где-то и много раз.

Она хватала очень быстро, много, зелень весны темнела под ее рукой, как будто она краску стирала. Я поклонился ей и спросил:

— Для чего вы это делаете?

И в эту минуту мне как будто кто подсказал:

— Вы хватаете, как коза.

Она же, не останавливаясь ни на мгновение и продолжая хватать, ответила:

— Так для козы же я это и делаю.

8 мая. Леденящий северный ветер и очень сильный. Кажется, все должно остановиться и не расти и не цвести на таком холодище. Но оно не останавливается и про себя растет, и зеленеет, и цветет. Так и у нас в душе постоянно бывает при беде и болезни: от холода жизни все останавливается и для себя ничего больше не остается. Но жизнь независимо от тебя продолжается, и когда болезнь или беда пройдет и начнешь в себя приходить, то видишь своими глазами и радуешься всей душой, что, пока ты болел, жизнь и без тебя росла, зеленела, цвела и теперь понимает тебя и принимает к себе. Вот если бы удалось умереть с такой чистой и простой верой, что жизнь после тебя сама собой продолжается и ты сам даже после этой беды к ней как-то примкнешь.

Все хорошее в человеке почему-то наивно, и даже величайший философ наивен в своем стремлении до чего-то просто додуматься〈...〉

Серьезна и ненаивна в человеке только мощь: могу — вот и все.

9 мая. У меня сегодня *жадное* внимание, то и дело я выхожу из себя наружу и там, соединяясь с чем-нибудь близким, несу его обратно к себе внутрь, как свое.

Есть другая, тоже творческая способность освоения — это на то, что не подлежит освоению, не *обращать внимания.*

Мне кажется, выбор предмета освоения определяется схождением луча внутренней жизни с тем, что излучает из себя внешний мир. Точка схождения того и другого луча происходит независимо от разума, и даже напротив, приходится сознательно отказываться от самовольного выбора.

Часто видишь, как мысль, всем известная, если проходит сквозь процесс *освоения,* является опять как новая мысль. Как будто она когда-то была у всех на уме, но затерялась, а я нашел ее, показал, и все узнали ее, знакомую, и обрадовались этой встрече.

11 мая. Последние дни думаю о человеке совершенном, какой идеалом таится в моей душе и какой существует в людях как дух переходящий и оставляющий частицу себя в живом человеке. На это и надо смотреть, и этому надо удивляться, что в самом негодном и поганом человечишке есть знак того духа, и если даже нет, то он говорит о духе

путем его отрицания, и как и⟨...⟩ всякое зло свидетельствует о добре.

21 мая. По телевизору видел формы нового канала Волго-Дон и думал о метро: что вот же сделали хорошо, и все ездят в Москве по метро, но такого поэта, чтобы прославил его, до сих пор не нашлось. Так почему же появится такой поэт на Волго-Доне? Сомневаюсь в этом глубоко, хотя знаю наверно, что ездить будут. Это оттого нет поэтов, что в наше деловитое время нет места для лености, для философского раздумья над всем существующим. Сейчас время действия, но никак не раздумья о сделанном... время человека без воображения, человека, который стоит на месте и держится; место же это само его мчит и не требует воображения.

Кого ни вспомнишь, все нет и нет того на свете, и я сам себе кажусь, как зимующий лист на дубу. Но сказать, что это мне грустно, или что я хотел бы молодым сделаться, или очень бы боялся слететь со своего дерева — нет! Я вполне доволен тем, что есть у меня, и чего бы попросил себе, разве только чтобы поменьше болеть и не беспокоить, не пугать собой Л.

22 мая. Нечто смутно ощущаемое. В том-то и есть борьба нашего времени, что *каждый* из нас в это время остается и должен оставаться один, а в то же время формируется под давлением закон для *всех*: каждый должен быть каждым, а все быть по закону, как все. В этой борьбе каждый перерастает свою нацию и выплывает из нее, из своего ручья, в океан.

Вспомнилось, что два художника, Кустодиев и Коненков, могут быть примером выхода из болота в море: Кустодиев выходит в родном сарафане, Коненков больше национален, чем Кустодиев, но с самого начала у него нет следа сарафана... и в то самое время, когда каждому надо расстаться со своим сарафаном, встают угнетенные национальности. И от этого мы живем надвое: в себе (каждым) преодолевается национальность, как таковая, а вовне она отстаивается.

1 июня. Если я так заострю свою фразу, что люди скажут потом: «Так еще никто не писал!», то это, наверно, будет прекрасная фраза.

Но если я сам преднамеренно, с тем чтобы так люди сказали о мне, заострю во весь свой ум и талант, чтобы именно с намерением сказать лучше всех, то эта претензия, как ложка дегтя, отравит весь мед славной фразы.

Так писали в свое время декаденты, и я, одно время увлекаясь ими, писал, как они, с претензией. Спасся я от них скорее всего не искусством, а поведением: мне отчего-то страстно захотелось быть в чем-то, как все, и писать так же просто, как все говорят. И весь мой некоторый успех состоит в том, что мои читатели в моей писаной фразе узнают свою, сказанную иногда шепотом другу.

2 июня. Люблю, когда молодой лиственный лес оденется и кругом тесно обступит елку. Кажется, будто елка, обнаженная на вечную борьбу с непогодой, нашла наконец-то себе [дом] и живет в нем и манит зайти туда к ней в прохладную тень, посидеть на мощных обнаженных корнях. Тоже люблю елку осенью, когда вокруг нее от всех сказок летнего леса останутся одни голые прутики, и она, могучее вечнозеленое дерево, выходит на борьбу с зимой за будущую жизнь, за ее сказку и правду.

Дайте света, дайте воли каждой елке, и не нарадуешься тогда этому умному дереву.

Мне сейчас хорошо пишется, и я понимаю себя как Григория Отрепьева в келье на послушании у старца Пимена [138]. Мне, как Григорию, самому хочется выкинуть небывалую штуку: так заточить свою фразу, чтобы она была острее всех пик. Но я смотрю на Пимена и понимаю, что не нужно мне оттачивать свою пику, чтобы стать лучше всех и преднамеренно выставляться. Напротив, я напишу, как все говорят между собою 〈...〉

Если бы не было правды на свете, то как бы понять жизнь русского человека: как будто ничего и не было у нас, и вдруг сделалось из ничего так много. Нет, конечно, из ничего ничего бы и не вышло. И мы догадываемся, что была у нас правда и мы не знали о ней. Как слепые, мы переходили голые из войны в войну, из пожара в пожар и не знали, что мы были всегда самые богатые, что мы всегда бились за правду и добились своего: всему свету теперь видно, что мы за правду стоим [139].

3—4 июня. Когда я писал этой весной в «Комсомольской правде» в «Весенних рассказах» о том, что человек должен сделаться не рабом, а хозяином своего времени, я брал эту мысль из себя, из собственной борьбы своей за такой рассказ, чтобы он переживал наше время и жил независимо от нашего времени в иных временах. Но я, когда писал о хозяине времени, не думал, что хозяин време-

ни есть победитель смерти, которая и составляет сущность всего временного⟨...⟩

Так что я думаю, каждый художник во все времена был борцом против временного⟨...⟩

Сейчас совершается у елок опыление, семенные елки сейчас стоят желтоватые от пыли. Наверно, несколько миллионов пылинок «пропадает» на одну, вошедшую в процесс оплодотворения семян в шишке. Сейчас я начинаю думать, что миллион пылинок, не нашедшие употребления, вовсе не пропадают, а живут, объединенные единством стремления к продолжению жизни. Единственная оплодотворяющая пылинка служит не так для оплодотворения, как для объединения всех: каждая из них стремится к одному и тому же. Не только пылинки, не только икра, но и наши слова направлены к чему-то одному, к Слову, побеждающему время. Слово это и создает движение и дает единство направления вне времени и слова.

В мире совершается борьба за единство, и всей совокупности множества — в единстве за жизнь, за ее продолжение, за ее вечность.

6 июня. Прохладно (+8° с утра), но солнечно, и будет очень хорошо. И сад наш хорош, и пишется хорошо «Повесть о правде истинной». А если назвать: «Правда истинная» [140]. Рассказ с центральной идеей сказку обратить в правду.

9 июня. Нет уж, други, с этим я никогда не соглашусь, что первым человеком в раю был Адам. Первым человеком в раю была женщина, и это она насадила и устроила сад. А после в устроенный сад пришел Адам со своей мечтой.

10 июня. Сколько раз из ума в дело должна перейти правда, чтобы умереть и сделаться сказкой? И можно так сказать, что вся наша сказка начинается правдой, и сам, кто ее рассказывает, думает только о правде. Так и Мануйло по-своему говорил только правду.

При легком ветерке на елках тяжелые ветви покачиваются плавно, как будто слышат музыку где-то и согласно ритму отвечают как могут.

Так и Мануйло тихонько раскачивался, чтобы согласовать слова свои с тем, что ему слышалось. Или как маятник [141].

11 июня. Мы приехали с Л. вчера после теплого дождя на одну дорожку в лесу, и, боже мой! какой чудесной она нам показалась.

Сегодня же так хорошо и прохладно, и тучи, и ветер,

и то солнце, то дождь. Уже и сирень млеет, а желтая акация даже и не устала цвести. И мало того! как приглядишься хорошенько, то, притаившись в зелени, висят еще старые стручки, и я, понимая их, вспоминаю, как, бывало, на балу в женской гимназии мы танцевали с девочками, а наши матушки сидят по стенам, как старые стручки на акации, и обсуждают, и выбирают из нас подходящие парочки.

От одного отца я родился; таким, как я теперь сделался за всю свою жизнь,— я многим отцам обязан, и среди них Пушкин. Когда мне удается написать такое, чему я обрадуюсь, я это показываю мысленно Пушкину, и случалось, в мечтах моих Пушкин меня обнимал.

20 июня. У Л. Толстого Наташа Ростова обнажена, лишена всякого покрова — и как это хорошо!

Читаю роман Джеймса Олдриджа и нахожу в нем обнажение войны и современного человека до костей [142]. Яснеет современная задача искусства обнажить человека совершенно, лишить его всяких покровов религиозно-этических и романтических. Помнить, что этой же *правдой* (вот она!) вышел в люди Шекспир.

24 июня. Зорька летняя, таясь, за ночь полнеба обошла и под утро скрылась в тумане.

Пусть на минуту уменьшается день и потом начнет убывать больше и больше, я в этот год так запасся, что мне хватит до встречи новой весны.

25 июня. Пришел ко мне замученный человек и назвался тем «другом», к кому я пишу.

— Я кончаю жизнь,— сказал он мне,— дайте мне для спасения ваше слово: вы его знаете. Если нет — я застрелюсь.

Так приставал человек ко мне пистолетом и потребовал слова.

Я от этого понес околесицу и долго говорил без всякого смысла чужими словами с тайной надеждой, что чужие слова, как бывало, пробудят во мне самом собственный смысл.

Между тем утренний мороз (весна) перешел в дождь, а гость пришел в валенках.

— Ничего,— сказал я,— у меня есть лишние сапоги, я подарю вам.

Сапоги как раз пришлись по ноге. Он чему-то ужасно обрадовался.

— Чему вы обрадовались, сапогам?

— Да, сапогам: я понял, что мне жить хочется!

Тема нашего времени — это найти выход из любви *к каждому* любовью ко всем, и наоборот: как любить всех, чтобы сохранить внимание к каждому.

26 июня. Смотрю сейчас на елку, и мне представляется в ней ее живое существо, идущее из тени к свету. Каждый сук по-своему и со своим лицом несет и отдает свою жизнь на образование ствола, этой математической прямой пути всех к солнцу. И великое солнце любит все ветви, все лапки, все иголочки. Но как будто оно любит всех-то равно, а каждую иголочку больше, и вот отчего ни одна даже иголочка с другою не сложится: все разные, а ствол прямой поднимается к солнцу.

В этом все многомиллионные существа, составляющие дерево, счастливы, и в этом счастье поднимается все дерево, и смысл этого счастья в том, что Солнце любит всех равно, а каждое отдельное, даже иголочку, больше.

Вот бы и нам так устроиться в жизни — чего бы лучше! но мы если любим всех, то забываем о каждом, и если вспомним каждого, то забываем всех [143].

27 июня. Судят о нас по тому, что было у нас в опыте, сравнивают с линейкой в руке, с гирей и с книгой, где определенно рассказано о всем, что было.

Но если перед нами встает новый день, небывалый на свете, как узнать его, если такой на свете нет «пары дней», и такого дня никогда еще не было, и он совсем новый, и совершенно один, и сам по себе.

Я думаю, что к такому небывалому дню можно отнести только свой внутренний, таящийся в нас, как в дереве таится спящая почка, ожидающая в переменах внешних своего пробуждения.

Небывалое, появляясь, пробуждает в нас эту свою небывалую спящую почку, и человек судит о небывалом, не сравнивая с тем, что было, а узнавая его по себе и в то же время себя забывая, каким жил всю жизнь, равняясь по людям.

Так писал Белинский о Пушкине, а нынешние критики пишут о новом исключительно по сравнению только с тем, что уже было.

Обида теряется в устройстве порядка. Не говоря уже о таких порядках высокой поэзии, как музыка, самый обыкновенный порядок возле себя часто поглощает обиду.

Довольно иногда бывает хорошенько прибрать у себя на столе, расставить вещи на свои места, чтобы это действие порядка, поглотив обиду, перевело в порядок радостного

творчества. Кажется тогда, улетаешь на небо, оставляя на земле все свои обиды и несчастья.

30 июня. Нам скамеечка, а птичкам телеграфная проволока: мы на скамейке рядом, а они, наверно, о нас думают, что мы так тесно сидим и дружим между собой. Они сидят и щебечут, и мы раньше тоже, в Замоскворечье, как сядем на лавочку, так уже тем, что сели, то и знакомы и говорим, как знакомые.

Теперь лавочки перенесли в общественные сады, и на этих лавочках мы, незнакомые, сидим и молчим: мы незнакомы.

А птички по-прежнему думают, что раз мы рядом на одной жилплощади, значит, мы хороши между собой. Так и мы раньше думали, и когда на птичек глядим, особенно на ласточек, то всегда кажется, будто и нам было когда-то, что чем теснее, тем веселее.

2 июля. Любовь, как дело личное, начинается пониманием двух и подарком. Но это личное дело, проходя сквозь женщину, превращается в общее: ребенок есть начало общей жизни.

Книга рождается тоже так: от личного к общему, и в поэтических явлениях в деле рождения женщина участвует так же, как и в физическом рождении. Прекрасная Дама или ведьма, положительно или отрицательно, все равно, только едва ли что-либо в духовном мире является без участия женщины.

6 июля. Если я по природе своей ученый, поэт и философ, а занимаюсь чем-нибудь практическим, просто для своего существования, то куда же девается моя наука, поэзия, философия? Думаю, что они входят в состав того простого, что я делаю и чем каждому из нас жизнь дорога. В этом смысле мы все поэты и философы и все сходимся в этом чем-то. Так вот, бывало, один обращается к другому с такими словами:

— Друг, скажи мне по правде.

И друг отвечает:

— По правде говорю тебе.

Вот эта правда понимания друг друга и есть наука простого человека, его философия и его поэзия.

7 июля. Если герой «Жень-шеня» отказался остановить мгновение, как *аскет*, то нельзя ли прославить того, кто это мгновение взял (не как Фауст на свою смерть), а построил бы жизнь свою на этом мгновении (тут бы и дети выросли, а не слова), и народ и мир перелились в идее мира.

12 июля. Вчера смотрел «Маскарад» [144], байронизм в голом виде, заброшенный почему-то в Советскую Русь. Но и то мыслью своей я зацепился за что-то, а именно за смерть, что, конечно, обдуманное, вдохновенное творчество есть система борьбы со смертью, с временем. Но и «демонизм» исходит из начала, преодолевающего смерть. Но теперь этот вызов демонический — «я и мир», уже немного комичен, и сквозь пафос видна поза скучающего барина.

Все время теперь думаю о простоте Ленина, о полном разрушении всяких поз и иллюзий (кстати, иллюзия и поза — нерусские слова, а хорошо).

15 июля. Летнее полное, торжественное утро, день, о котором так сложилось в душе с детства, что такой день человеку нельзя пропустить: надо людям от себя что-то принести и оставить им это, а себя и день свой тем оправдать. Хорошо бы, конечно, чтобы так и каждый день проводить, дней остается так мало... Как бы так вот крепко подумать и жить.

17 июля. Вчера поднимался молодой человек в гору с ведрами, увидел меня, поставил ведра на землю и подошел.

— Здравствуйте, Михаил Михайлович, я читал вашу книгу «Наша страна» [145].

— Ну и что?

— Оказалось, вы в Сибири были.

После того вышла заминка.

— А вы что делаете? — спросил я читателя.

— Я старший инспектор МВД.

— МВД,— сказал я,— это московская... а дальше?

— Что вы! — отвечает.— Какое московская, это на всю страну: Министерство внутренних дел.

Так мы и встретились и разошлись с моим читателем, и вот поди теперь, радуйся, что тебя в каждой деревне знают. Понимаю хорошо это, лучше всех, и все-таки радуюсь почему-то. Скорее всего оттого, что в этом числе читателей содержится некоторое возражение официальному молчанью. И несомненно, что во всем-то большом числе читателей по всей стране есть хоть один ценитель моего труда настоящий. Ведь из этого же числа пришла ко мне и Л. Потому и думаю, *числу* этому надо радоваться, и, вероятно, об этом и думал философ, когда сказал, что количество переходит в качество.

С другой стороны, однако, и нет: есть такие у нас прославленные лауреаты с таким количеством, а качества нет.

Так что скорее надо сказать, что количество охраняет качество, если оно есть: качество, как спящая почка, таится в количестве и прорастает и вырастает из него, как спящая почка на дереве.

20 июля. Приходит время липам цвести, а они и не собираются, нет никаких признаков. И говорят, что так везде. Мне думается, что за всю долгую жизнь мою не было года, когда бы не цвели липы. Говорят, что пошел белый гриб. Рожь от града и ливня полегла.

Нет! узнал, что в других местах везде липы цветут. Дурного признака в этом, однако, не вижу: пусть они не цветут, а может быть, зато я напишу, как мне хочется, и сам процвету.

25 июля. «Лесная капель» была у меня попыткой сказать правду, и я помню хорошо, что эта правда была в том, чтобы сказать пишущим: писательство без участия себя самого бездушно и никому не нужно.

Правда эта и поколола чьи-то глаза, и «Лесная капель» сначала была осуждена. Значит, этот маленький опыт правды оказался в трагическом плане: я, как писатель, был жертвой.

Теперь я уже не дурак: «Лесная повесть» затаит в себе трагедию правды и покажет ее в *географии.* А то разве не так оно бывает в нашей природе: доберись-ка в ней до правды (самого человека). Так и в «Лесной повести» будет все: география, реки, леса, дети, а сам человек затаится.

Но ведь как бывает в жизни, вся эта чуждая человеку география делается живой, человеческой, как только человек в себе доберется до правды истинной. Вот это-то и надо мне сделать: показать всю географию в свете правды истинной.

Почему технического человека К[апицу] тянет к нам? Потому что он не просто техник, а творит свое, и это свое приводит его к Слову.

Человек начинается словом и продолжается делом. А природа начинается делом (как в «Фаусте») и кончается Словом.

Деловое продолжение человека (Слова-личности) есть материализация, размножение, распространение, внедрение в природу, преобразование природы.

В деле, конечно, сохраняется и слово как тайный смысл его, как направление, как *правда.*

Эта «правда», вероятно, и держит нас вместе.

Итак, на вопрос, что вначале, слово или дело, мы

ответим: надо знать время, иное время начинается словом и продолжается делом, а иное время начинается делом и должно кончиться словом.

Наше время началось делом и отметает все старые слова. Это дело должно кончиться словом...

Из всего этого: *правда* есть направление дела, она есть тайный смысл и слово нашего дела, начало всех его начал.

Гуси на перелете *делают* передвижение крыльями: летят. А вождь их направляет подобием слова: «Га-га!» — и это «га-га» и есть правда гусиная.

Правда истинная,— а разве есть еще какая-нибудь правда? А как же! Вот гуси на перелете летят: одни машут крыльями, а другие дают направление: «га-га». Вот это «га-га» у гусей и есть их правда гусиная. А у человека своя правда, единственная правда, истинная: летит вперед и путь нам указывает человеческий.

Ты думаешь, правда складывается и лежит *кладом*, что нашел клад и богат. И перешагнул. Нет. Истинная правда не лежит, а летит.

Славянин у Даля означает словенин и коренится в слове [146].

Искушает изобразить в повести пророчество Белинского: «России суждено сказать новое слово» как путь правды [147].

28 июля. Летнею ночью несколько раз просыпаюсь и не за чем-нибудь, а по привычке следить за ходом ночи, вдохнуть чудесного воздуха в открытом окне. Теперь еще ночи светлые, и темнеет на какой-нибудь час или два. И вот уж дня три было, подхожу к окну, сонный, вижу, светятся два окна, а сообразить не могу, что это ниже всякого жилья и там не могут быть окна. С этим и засыпаю и после не думаю о том, кто там живет, какие там светятся окна. А сегодня ночью как глянул туда, так поймал себя и спросил: «Да какие же это окна, кто там живет?» И вдруг как будто наконец-то опомнился и понял, что это не окна, а сквозь темные кусты и деревья река наша Москва выглядывает.

30 июля. Прет вовсю белый гриб, но из-за писания «Лесной повести» я от грибов первый раз в жизни отказываюсь. Пишется хорошо.

31 июля. Известно, как бывает в поэзии: ты думаешь, а оно выходит и никак не из того, о чем ты думаешь,— само выходит.

Не от думы рождается поэтический образ, но если ты не будешь думать, он не родится.

2 августа. Серый, теплый, очень тихий и задумчивый день. Кажется, все-то есть, и можно просто жить и ни о чем не думать самому: сам день за меня думает.

Читал Паустовского «Мещерский край» — прекрасное, настоящее художественное изображение земли и людей у земли [148]. И навсегда это останется. Но как в зеркале я увидел себя: тоже хорошо и останется.

4 августа. Всю ночь держался туман выше леса, а Большая Медведица чистая вышла, и я смотрел на нее так, будто она помнила всю мою жизнь, и что я сам забыл, могла бы мне подчас и напомнить.

Русские писатели (классики) все были писатели с поведением и до того, что «поведение» иногда обращалось против самого писательства (Гоголь, Глеб Успенский). А. Н. Толстой был счастливый писатель без поведения. Единственное, что в нем было, это какой-то жизнерадостный московского характера патриотизм, в нем он и расплывался.

15 августа. Сюжет должен расти по мере написания, но не быть готовым. Сейчас, приближаясь к финалу, вдруг пришло в голову пророчество Белинского о новом слове для всего мира в России, что это слово будет о мире всего мира.

16 августа. В «Лесной повести» приближаюсь к финишу, который заостряется то ли в чувстве правды русского человека, то ли на мире. Сейчас все ведет меня правильно, а к чему выведет — не знаю.

23 августа. Что такое в устах простолюдина «простой человек» как похвала, и что есть «гордый» как порицание. Это Чацкий — гордый, а Фамусов — простой. Идеализация «простого» — это Максим Максимыч у Лермонтова, Тушин — у Толстого.

Я пользуюсь всяким случаем сказать, что люблю свой сад за то, первое, что он дался мне самому без труда и меня ввели в него, как Адама в сад божий. Второе радует меня, что над садом трудился самый дорогой мне человек. А уже после того я говорю: не все возьмешь просто трудом.

24 августа. Есть завет человеку делать то самое, к чему лежит душа, делать то, что самому хочется. И есть другой завет: подавить в себе то, что самому хочется, и делать только то, что надо.

На эту тему я пробовал написать роман «Осударева дорога», но, приспособляясь ко времени, я не раскрыл свою тему, и она остается мне, я в ней живу.

Последнюю главу повести я не дописал, она есть вывод из всего, и я сделаю этот вывод, когда пройдусь еще раз пером по написанному.

Теперь моя работа, когда тебя «несет», закончена. Много еще придется вложить в нее труда, но это уже не труд в моем смысле, а просто работа. Трудом же я называю такое дело, когда тебя «несет», и великая трудность такого труда состоит только в том, чтобы удержаться в седле.

25 августа. Моя задача была во все советское время приспособиться к новой среде и остаться самим собой. Эта задача требовала подвига, был подвиг, но сделано, все кажется, очень мало: ушло много сил на *освоение* нового.

29 августа. Работа над повестью вышибла из меня прежнее неугомонное чувство охоты. Знаю выводок тетеревей в лесу и нарочно туда не пускаю собаку. Я на поляне пробую искать перепелов. До того въелось в мою душу писательство! Но думаю, что так можно разделаться и с писательством: делать что-нибудь интересное, вроде сада, а писать иногда для себя без всякой оглядки на печать.

30 августа. На прогулке вчера видел красивейший гриб, похожий на минарет. Любовался им и думал: «Гриб красивейший все называют поганым только за то, что его нельзя съесть».

Пасмурный день, но в хвойном лесу хороша лиловая дорожка, осыпанная натуго хвоей. Знакомая поднимается детская радость перед чудесно-неизвестным и с ней знакомый детский вопрос: «А почему?» Да, почему вот сейчас в пасмурный день в хвойном лесу дорожка показывается лиловой?

А еще бывает, на что ни бросишь взгляд, и на том месте вдруг показывается что-нибудь очень знакомое, но в новом значении, и до того бывает это удивительно, что спрашиваешь того, кто показался: «А кто ты такой?»

В этот раз вышел на мои глаза поганый гриб, но такой красивый, что я спросил: «А кто ты такой?»

Смотря по тому, для чего, но Америку по-новому для новых целей каждый может открыть. Надо быть смелым и открывать ее, не обращая внимания на то, что для грабежа она была открыта еще во время Колумба. Мы откроем ее для творчества радости между людьми.

Не в том ли вся жизнь, чтобы явиться между людьми со своей собственной Америкой первым, единственным и неповторимым?

Мы родились с законом в душе своей своего первородства, но по неразвитию, не понимая его существа, тычемся на первое место, сшибая оттуда достойных людей.

Закон первородства надо искать в себе самом. Находить в себе, а через это свое вновь открытое является и вовне себя, вроде открытия Америки.

Так что, пожалуй, не только закон первородства, но и любовь, и доброта, и счастье — все, что родится с нами. И весь вопрос только в том: что за жизнь свою мы сделаем из этого великого богатства каждого из нас?

31 августа. Чаще и чаще встречаюсь по ночам мыслями со своей матерью и чувствую ясно, что понять мне свою мать — это совершенно понять себя.

2 сентября. Начало автобиографии. Мать моя не любила отца, но, конечно, как все, хотела любить и, встречая нового человека, предполагала в нем возможность для своей любви.

Так это в ней осталось до смерти, и с этим самым богатством нищего — возможность в каждом существе найти любовь для себя — родился и я. Утрату невесты я принял на себя: что это я сам виноват. А когда почувствовал в себе талант в обращении со словом, то поклялся себе не сделать прежней ошибки и не упустить это, как упустил я свою невесту.

3 сентября. Вчера мне утром стало отчего-то хорошо, отчего?

То ли оттого, что стал принимать dibasol и это он сделал, то ли, что было необыкновенно прекрасное утро, то ли, что решил не спешить со своей работой и относиться к ней, как к невесте? А это значит самому стать совершенно независимым от нужды, материального существования и славы.

Итак, решено: писать не напрягаясь, а когда переполнится душа, так оно бы само собой сливалось из души на бумагу.

4 сентября. Вчера день весь был очень задумчивый, как, бывает, хмурится очень добрый человек. До того было темно и тихо, что трудно оторвать глаза от реки: тянет и тянет самого в эту тишину и раздумчивость.

11 сентября. Серия жарких сентябрьских дней еще не кончилась, но стало похолоднее (с утра +11°), и на ясном небе сегодня разные кошачьи хвосты.

Новое в моей жизни — что я охоту свою, грибы и все лесные чары принес в жертву писательству «Лесной повести». Сказать, однако, что испытываю чувство жертвенности, нельзя, потому что самому мне писать больше хочется, чем ходить по лесу. Жертва видима только со стороны: прежде ходил свободный человек в лесу, теперь он, согнувшись, сидит за столом.

15 сентября. Всю ночь бушевала буря и хлестал громко дождь. Писать в дневник нечего, потому что все вписываю в повесть. Первый раз в жизни так пишу.

17 сентября. Вечером ходил за реку на овсянище и сразу же нашел выводок перепелов. Собака работала блестяще, ружья не было. Вспомнил былое счастье и пришел с больною спиною. Прошло время моей охоты, но зато очень вошел я в свое писательство и почти не боюсь никакого в себе разрушения, кроме разрушения способности писать.

Видел фильм об охоте, показывали расстрел волков. Самому бы стрелять — ничего, но смотреть, как расстреливают даже волков, очень неприятно. Так и со всей охотой: можно охотиться, но хвалиться тут нечем.

20 сентября. У людей бывает в жизни два вопроса, один чисто детский на «почему?», другой на «кто ты такой?».

На днях иду я по дорожке в хвойном лесу и вижу — в темном лесу дорожка моя вьется лиловая.

— Почему она лиловая? — спросил я сам себя.

(Одни ищут в природе сходства и спрашивают: «Почему?» — для того, чтобы все понять в сходстве, другие ищут, напротив, различия и спрашивают: «Кто ты такой?» Так вот и я.)

И стало мне хорошо на душе, как будто детство мое вернулось.

С чувством той далекой вспыхнувшей радости жизни стал я разбираться в этом своем детском вопросе: почему дорожка мне видится сейчас как лиловая.

Так я разобрал, что дорожка была засыпана еловыми иголочками и сосновыми двоешками. Так много было хвоинок, что дорожка пружинилась, как будто идешь на резиновых подошвах.

Ясно мне стало, что лиловый цвет всей дорожки складывался из цвета этих хвоинок и света верхнего, фильтрованного в лесном пологе.

Так я ответил себе на детский вопрос: «Почему?» И вдруг вижу: гриб стоит поганый и чудесный, очень похожий на самый причудливый минарет, и такой самостоятельный, такой независимый.

— Кто ты такой? — спросил я в удивлении.

По-своему гриб мне что-то ответил, и я понимал его так, что он — гриб единственный в лесу, независимый.

— Так почему ты поганый?

— Только потому поганый,— ответил мне гриб,— что меня съесть нельзя ⟨...⟩

Тут-то вот я и вспомнил себя самого и ответил поганому грибу:

— А я сам такой, тоже поганый, за то, что меня тоже съесть нельзя.

Так вот я и понимаю иногда всю жизнь в двух вопросах: один детский к самой жизни: «Почему так?» Другой вопрос к личному началу в жизни: «Кто ты такой?» — и этот последний вопрос приводит к себе самому, как было у меня с грибом: спросил у гриба, почему он поганый, а вышло к себе самому: это я сам такой поганый из-за того только, что меня людям никак-никак целиком нельзя съесть.

Перейти на ту сторону реки — и знаю, там хорошая охота сейчас. Но я попробовал и два дня после того не работаю. Приходится пожертвовать перепелами. В то же время я, такой-то охотник, с такой-то собакой и не чувствую утраты: до того, значит, люблю я сейчас свое писательство. Вот и надо любить, любить будущую жизнь и так понимать бессмертие души, чтобы не жалко было и со всей жизнью так же легко расстаться, как я расстался в эту осень с охотой на перепелок.

25 сентября. Полагаю в конце концов, что вначале было дело формирования моей личности: дело это — мое поведение. А дальше в моем поведении родилось и вышло на свет, как ребенок у матери, мое слово.

Вот отчего, наверно, и бывает со мной всегда, когда читатель мой объясняет создаваемые мною вещи «талантом», я с этим не соглашаюсь. Я сам свои хорошие вещи отношу не к таланту своему, а к своему поведению.

Мне кажется, талант у человека общий со всей природой, у всех одна доля, по прямой, как дерево, поднимается вверх к солнцу и распространяется вширь по земле. Этот талант, как мотор, дает общее движение жизни, а мое личное поведение на почве общего таланта — мотора, определяет мою вещь как заслугу и меня самого как личность

единственную, неповторимую и необходимую людям в движениях вверх к небесам и вширь по земле.

Еще и такие есть читатели, которые, радуясь моей вещи, объясняют ее появление моим мастерством, поселяя у наивных людей такое мнение, что если будешь умело мастерить со словами, то сделаешься хорошим писателем. До некоторой степени это не совсем бессмысленно в других искусствах, в живописи, в музыке. Но искусству слова мы учимся с первых дней по выходе из материнской утробы, учимся с первых лет школы. В этом и состоит счастье искусства слова и его первое место среди всех искусств, что ему учатся все и ученье это проходит незаметно.

Выделение мастерства, как главного фактора творимого в искусстве слова, вероятнее всего произошло от сальеризма и подражания.

Почему, когда появляется новое значительное произведение, критики прежде всего ищут в прошлом родства автора, им надо узнать, что какое слово пришло со стороны к автору и стало в нем делом, определившим рождение его собственного небывалого слова.

Критики ищут происхождения нового слова...

Слово, как таковое, живет короткий момент, вершающий творческое поведение автора. Произнесенное слово или заключенное в книгу тут же и является делом, образующим творческое поведение нового автора.

Что слово светит во тьме — это и есть дело слова, это есть борьба света со тьмою: кто кого одолеет. И если одолеет свет — в человеческом мире, это есть победа слова, есть его рождение для новой борьбы.

29 сентября. Писателя тянет к непонятному, туда, где скрывается тайна жизни, чтобы эту тайну людям открыть и оттого бы им всем жилось хорошо.

1 октября. Листопад в разгаре. Многим сейчас грустно, а мне сейчас весело: там кончается что-то, и я свою повесть кончаю. Начал я еще на снегу и все лето писал и не знал, что я пишу и выйдет ли что-нибудь у меня. А теперь плод созрел, и я знаю, что у меня выйдет. И хорошо! Мне даже кажется, будто и у них там у всех в лесу все трудились долго, и что теперь у них вышло, и оттого листья падают: отработались! И так это хорошо, так спокойно все, так раздумчиво. Кажется, вот если бы совесть свою сохранить до того чистой, чтобы жизнь после всего отошла от меня самого, как отходят эти листья с деревьев.

3 октября. И хлещет дождем, и крутит, и мутно, хуже некуда. Остается только надежда на себя, что мое утреннее писание будет освещать мое внутреннее солнце.

Вспомнился отличный учитель древних языков Первов, как он однажды осенью в классе, мельком взглянув на мутное окно, сказал: «Мы, люди, должны быть независимы в своих делах от погоды». Тогда это было непонятно, но береглось в себе около 70-ти лет, а теперь я тем и живу, что навстречу непогоде за окном вызываю из себя свое солнце.

6 октября. Утренняя туманная сырость, совершенная тишина, и вспоминается Зинаида Гиппиус. Потому вспоминается, что в свое время, после знакомства с ней, я написал в дневнике точно в такой же осенний день: «Желтые листья в тумане падали, как убитые птицы». Думал о Гиппиус, в то время я тоже хотел писать изысканными фразами, готовить их, запоминать. И сам не знаю, как это бог спас меня от такой беды!

7 октября. Вчера поздним утром явилось солнце, обрадовало нас и до ночи оставалось. В лесу была та *внятная* тишина, когда своей человеческой душой начинаешь понимать нечеловеческую жизнь деревьев, видишь, как они расстаются друг с другом, понимаешь...

10 октября. Почему это когда смотришь в себя и взвешиваешь это свое существо, то представляешься себе таким ничтожеством! а когда пишешь и прочитаешь написанное, то выходит не хуже, чем у великих людей. Откуда же это берется величие, если сам ни на что не похож? Думаю, что от жизни: велика жизнь в своем существе, но мало наше сознание. Жизнь, как воздух, ничего не стоит, но если ты сумеешь обратить на нее внимание людей, то не ее прославляют за ее счастье, а тебя за то, что ты ее сумел показать. Вот, наверно, отчего и кажется тебе это странным, что ты сам себя презираешь, когда же хватаешься за жизнь и прославляешь ее, то люди прославляют тебя.

12 октября. Тусклое утро, мокрые после вчерашнего на земле лежат листья. Вспомнилось, как однажды в лесу я записал о себе и о листьях, что листья идут на удобрение, а как трудно даже подумать о том, что ведь и я тоже пойду на удобрение. Я записал тогда, что нет! в этом пункте мы расходимся с природой, что у меня удобрение плюс то, из чего выходит человек. Вот это *«нечто»*, остающееся за вычетом природы, и не дает нам покоя. Пусть буду я, как яблоня в росте своем, в своем цвете, и до того, как плод созрел и упал, тут мы равны, пусть там яблоко, у меня сейчас «Слово правды». Но когда листья с яблони упадут,

начинается расхождение: там удобрение, здесь какое-то *сверхусилие*, чтобы не остаться самому удобрением. Это усилие было у святого, который, умирая, стал на колена и на пороге своей келии встретил божью матерь, это было у Фауста на виду у лемуров, этим усилием живет сейчас Коненков, убежденный в том, что он не умрет. Этим усилием спасается Грабарь, совершая ежеутренно по Москве двухчасовые прогулки, и я сам тоже сознательно возвращаюсь к детству своему, чтобы младенцем вернуться к матери своей: это ведь тоже усилие!

13 октября. Я так установился сейчас в создании «Лесной повести», что ежедневное тусклое небо по утрам и моросящие дожди ничуть меня не расстраивают: благодаря своему победному усилию я стал независим от всякой погоды.

Художник Алексей Игнатьевич Кириллов[149] живет у меня и пишет портрет. Малый неплохой и не вкусивший смиренности ни от народничества, ни от церкви. Вчера вечером возле дома Рахмановых, состоящего под рабочим общежитием, он сказал:

— Вот бы вам тут кабинет большой с большими окнами, не доступный никому, кроме вас.

— Нет,— ответил я,— было очень недалекое время, когда я боялся разбогатеть: мне казалось, что без оглядки на нужду, без чувства страха за средства существования я не могу и писать. Это очень странно! Я-то, кажется, самый независимый в своих писаниях человек, и теперь боюсь остаться без стимула голода. То же самое с кабинетом: только года два тому назад я собрался купить письменный стол и им вовсе не пользуюсь. Нет у меня до сих пор отдельного независимого кабинета, и боюсь, что если устроюсь, если не будут щекотать мои нервы домашние, то я просто усну в своем независимом кабинете...

19 октября. Можно ли мне гордиться перед молодежью своим литературным мастерством и требовать от них такого мастерства, если по себе знаю, что для такого мастерства надо жертвовать собственной жизнью. Могу ли я, пожилой человек, требовать от молодого, чтобы убавил от своей и так ограниченной временем жизни сколько-то, чтобы вертеть словами, как вертит акробат своими шарами?

Как я буду учить такому мастерству и сушить молодую жизнь, если я не знаю, для чего ему нужно такое мастерство.

И оттого я говорю всем, начинающим работу в искусстве слова: из-за чего именно он хочет дело жизни своей обращать в слово?

И так вопрос о мастерстве я переключаю на вопрос поведения и спрашиваю каждого начинающего литератора, из-за чего он собирается жертвовать своей жизнью, и если он обернет на меня, спросит:

— А из-за чего вы сами жертвовали?

Я отвечу:

— В наше время жертва собой была основой нашего воспитания и поведения.

22 октября. Смотрел «Маскарад» и думал о том, что весь демонизм взялся от той мысли, что не будь зла на свете («конфликт»), не было бы и добра, что, утверждая победу добра на земле, надо и злу отвести в этом творчестве какую-то долю признания. А то разве не знаем мы, восхваляя свет, что будь один свет, без всякой тени, так и нас бы не было. Из этой мысли в защиту тени и вышел демонизм. Но теперь видно стало, что прежняя эта байроновская защита была несостоятельна, что до самого дна адвокат зла чашу свою не допил.

23 октября. Дантов ад, я думаю сейчас, явился поэту, еще не потерявшему страха перед концом жизни: ему страшно — вот и ад; но если до конца доживешь, то не страшно и нечего бояться: спокойно становится и хорошо.

24 октября. Никогда не видал такой серой осени: время как будто навсегда остановилось и не продолжается.

Лес — черные стволы, и между ними не на ветках, а прямо в воздухе, как неподвижные желтые птицы, отдельные листья. Только на рябине осталась единственная веточка с ее рябиновыми сложенными лесенкой лепестками.

Молодой клен весь уцелел, я тронул его, и он весь сразу опал к моим ногам.

Почему это бывает, что когда пишешь новую вещь, то все прежнее не ценишь; все заслуги свои исчезают, и даже о всех похвалах прежних думаешь: это они ошиблись? Так все прошлое меркнет, и остается только маяк впереди: «Вот теперь зато напишу, так напишу, по-настоящему».

Всякого со стороны, кто вникал в работу художника, удивляет, как художник смешно прикован к натуре: маленькая пичужка родится из яйца, какая-то случайная почка на ветке — и все это пишется, как оно есть. Кажется, будто дело не в родинке, не в почке, а в особом чувстве

закона природы: делать не как самому хочется, а как это надо во исполнение закона природы.

С другой стороны, когда вещь готова и вещь вышла настоящая, то вся она, эта настоящая вещь, говорит о том, что художник сделал ее по своей доброй воле, как существо единственное и неповторимое, и как будто, рабски следуя закону природы, пришел к чему-то в ней небывалому.

18 ноября. Иногда философия мне подступает к горлу, и мне кажется, все на свете так и делается, как нам в глубине души хочется: что, например, медицина не есть, как у Льва Толстого, масса обманщиков-докторов, а самая настоящая, единственно возможная сейчас борьба со смертью, что какой-нибудь шагающий экскаватор не есть, как нам кажется, механизированный мертвец или наказанный жизнью покойник, а продолжение живого человека, соединенного в творчестве общего счастья, и т. д. Но это счастье философа я с тех пор, как назвался художником слова, себе запретил: как художник слова, я должен объясняться только образами или словами, соединенными для понимания между собой всех людей. Вот как в науке химии, получая осадок вещества, я должен выпариванием в платиновом тигеле довести его до постоянного веса, так и летучее слово художник должен довести до постоянства в понимании всех образом.

Это постоянное вещество слова, доступное пониманию всех, есть образ. Так что и у художников, тоже как и у всех научных работников, к веществу есть особое, скажем, нравственное отношение, составляющее творческое поведение.

Прошло уже полстолетия, как я работаю в литературе, и меня многие знают, и я получаю признания. Меня иногда очень искушает соблазн пересмотреть весь свой жизненный опыт и открыть в нем способ творчества, более легкий, и доступный, и ясный, чем был у меня...

У правды, как некоего вещества, есть две формы: одна форма правды есть дело, и ему служат люди деловые. Другая форма правды есть слово и другие средства искусства, и этому служат всякого рода художники.

19 ноября. Седьмое утро расцветающего дня. Попытка была, но день не расцвел.

Сегодня от «Смены» пришла ко мне за версткой в черном крепдешиновом платье, с красным платочком на голове девушка и сказала:

— Я редактор отдела.

Я сказал:

— Вам двадцать лет?

Она вздохнула.

— Нет,— сказала она,— мне двадцать восемь, и я уже семь лет замужем.

— Есть дети?

— Нет!

— На что вы рассчитываете?

— Сделаться редактором журнала.

— И вам это нравится, быть редактором?

— Очень нравится, и такое полезное дело: многие пишут плохо, и книги плохие, и редактор нужен.

Такая она была славная, что я и сам тоже подумал о том, как, может быть, хорошо это — стать берегом бегущего слова и направлять течение. И еще подумал, что не место красит человека, а человек.

И не стал больше думать о редакторе, что он непременно, как я всегда думал в положении писателя, что редактор писателю вечный враг.

20 ноября. Реализм — это значит вещественность, и если это относится к слову, то, значит, у реалиста слово не пустое, а наполнено веществом правды. Писатель-реалист — это значит правдивый писатель.

Правда правдой, но нельзя написать сказку тоже и без вымысла, потому что пусть слово и наполнено веществом правды, а все-таки самое-то слово, как сосуд, как форма правды, есть достояние человеческого ума или вымысел.

Почему же, однако, и самому вымыслу нельзя быть правдивым? Так, значит, и будем на этом стоять, что реализм в искусстве слова предполагает сочетание правды, как общего основания человеческих отношений, и вымысла, как личного понимания жизни самим художником слова. Правдивый вымысел—это верное понимание каждым из нас общего дела.

21 ноября. Вечером вчера вышел на улицу без всякого дела и поехал по метро в город. И вдруг мелькнуло мне знакомое чувство счастья своей личной свободы на мгновение: кажется, будто я владею мгновением жизни своей в толпе, как часто у меня бывает в лесу.

«А разве,— подумал я,— и человеческая толпа не загадочна в жизни своей, как и лес». И я вдруг обратил это свое чудное внимание к жизни минуты.

Мы стояли все в очереди у кассы метро. Кто-то там впереди к чему-то сказал своему соседу:

— Это все временно! Не обращай никакого внимания: все это пройдет!

Сосед ответил ему:

— Мы сами все временные.

И тогда мой сосед повторил это мне:

— Мы все временные,— какая глубокая философия!

Я же улыбнулся ему и процитировал из Шекспира «Генрих V»:

— «И все, что временно, со временем проходит».

Сосед и на это сказал:

— Какая глубокая философия!

Правда и вымысел: правду складывали, и не сразу, а с тех пор, как люди начали жить на земле. А вымысел — это не против правды, а тоже правда, только моя, как я сам о ней думаю. Правда — это для всех, а вымысел — это моя борьба за новое, и если мне удастся победить, то мой вымысел когда-нибудь станет правдой для всех.

22 ноября. Правда — это общая совесть людей, а вымысел — это за что я стою, это новое, небывалое.

Среди людей на улице идешь и сосредоточенно думаешь о своем, о себе. И вдруг что-то случится, и увидишь *их*. То же и в лесу: вдруг застанешь жизнь без себя, елки-березки *сами*; и вот это-то «сами» и надо считать высшим моментом творческого созидания.

23 ноября. Скорее всего с охотой у меня было так, что Алпатов делал все наперекор себе, вовсе запутался и начал жить сначала почти в тридцать своих лет. Так он и начал жить с детства: в том своем прежнем детстве ему не было так свободно, так чу́дно, как теперь. Охота и путешествие были ему настоящим переживанием детства, и более реальным, чем то прежнее. Любовь пришла к нему на разрушение всего себя *мнимого* (это хорошо: мнимый человек — живущий чужими мнениями).

Теперь понятно становится, почему я не хотел в Париже взять свою невесту как любовницу (тема «Жень-шеня»): я не того искал в этом; понятно, почему не хотел найти в ней жену: я к этому далеко не был готов; понятно, почему эта «любовь», как тайная моя болезнь, не оставляла меня: это была действительно болезнь (духа?), от которой я лечился *примитивностью* жизни, похожей на детство.

То, о чем спрашивал меня Блок, прочитав «Колобок»: «Вы сливаетесь с природой во время путешествий, скажите, как это возможно человеку и сливаться: ведь это же нельзя?» Ответ на этот вопрос был бы близким к правде,

если бы я жизнь свою взял в одну большую скобку и назвал бы это смирением, и, может быть, священным смирением. Сделаться ребенком и проще всего и труднее. Проще, потому что уж не за что спорить, ничего ни у кого не отнимаешь, ничем никому не вредишь (это начало обращения в детство как нравственное поведение взято и Толстым, и, наверно, не у него одного).

Трудность же состоит в длительном удовлетворении.

24 ноября. Визит к покойнице Лине Михайловне По [149а] и двум ее сестрам... как-то выходит, что статуэтки слепого скульптора более реальны, чем живые сестры. Слов нет, обе сестры такие хорошие, но все-таки, все-таки «родня» выходит менее реальной, чем вещи, созданные радостью перемогания болезни и смерти 〈...〉

Оттого-то нам и кажутся вещи художника реальней наших жизней, что тут-то, в мастерской художника, мы знаем, как достались ему эти вещи.

Она слышать не хотела, когда люди называли ее слепой: она видела то, что ей надо было видеть в себе, и тем жила и дышала, что делала свои видения понятными для всех.

Случалось, она показывала на то место, где была ее вещь, но вещи не было: она ее только видела, но забывала о том, что еще ее не делала.

И еще надо помнить главное, что если я как художник и достигал в творчестве живой сущности, то достигал своей праведной радости с помощью кого-то, кто за это страдал.

Вот и подумаешь, что не есть ли в таком творчестве путь жизнетворчества, что нет ли в моих словах такого живого словечка, что не умрет, а определит форму жизни многих существ живых.

28 ноября. Шахов летом жил на Жиздре, рассказывал, что на озерах везде, как на войне, бомбежка: глушат рыбу. Пробовал в Москве найти защиту и нашел полное равнодушие. Этому уничтожению нет пределов, потому что энтузиасты охоты и рыбной ловли обессилены, «любитель» исчез, и я о себе иногда слышу: «Вот последний любитель идет!»

30 ноября. Евг. Алекс. Мравинский объявился в Москве, позвонил, и вечером мы слушали в консерватории Брамса. Он как дирижер в своих приемах так изменяется, что я в нем себя узнаю: тоже ведь и я в своих писаниях живу и расту непрерывно. Недаром же он так любит читать «Лесную капель»: наверно, у нас с ним есть какой-то общий секрет в творчестве. Скорее всего этот секрет в полной и безраздельной отдаче жизни своей искусству.

2 декабря. Хожу много хуже, чем раньше, и чувствую, что даже и охота ходить, двигаться все больше и больше пропадает. Зато пишу все лучше и лучше и все больше и больше нахожу в этом себе радости, как будто общие силы мои остаются те же, но движение мое переходит в свет.

3 декабря. Надо помнить, что одно значение имеет слово, когда оно говорится между нами или когда оно бывает для всех напечатано.

Писатель может ухитряться и представить слово в печать так, будто оно между нами, но это всегда только прием, своего рода обман или заманивание. На самом деле напечатанное слово совсем не то, что сказанное. Сам автор постоянно обманывается, думает сам, что ничего он не сказал нового, неизвестного, между тем как вдруг после напечатания оказывается, он сказал и новое и неизвестное.

Невольно думаешь: «Вот, кажется, я всех обманул!»

А потом оказывается мое дело и новым и неизвестным только тем и сила моего слова в том и новость его, что старое устное слово я сумел дать напечатанным (известное между нами и дал для всех).

Обмана тут нет: нужно целое большое искусство, чтобы устное слово было бы и в печати таким же сердечным, как и в устной беседе между нами, чтобы личное стало общественным и в обществе пробуждало бы дремлющие в нем личные силы!

Какое великое дело! И самому кажется, будто ничего не делал, а только сказал о том, что всем известно, и это напечатал.

10 декабря. На прогулке сегодня я ощутил то седло волшебное, на котором надлежит сидеть всегда старому и сильному человеку. И что самое удивительное — это что когда сидишь в нем, то кажется, будто от себя самого зависит вести себя в жизни так, будто ты сейчас сидишь в этом волшебном седле, и если сам захочешь и будешь держать твердой рукой повода, то никто никогда не застанет тебя где-нибудь не на этом седле. И если так, если седло у тебя в руках, то нет на свете ничего такого, перед чем бы сошла с лица твоего улыбка спокойствия. И если даже на глазах твоих брат поднял нож над головой своего родного брата, ты, не оставляя улыбки, легким движением руки схватишь нож и зашвырнешь его.

13 декабря. Я из-за того не романист, что не могу написать романа: я это могу, но я все-таки и с романом останусь не романистом, потому что не могу оторваться от правды настолько, чтобы продержаться в воздухе, не чув-

ствуя правды, так долго, чтобы за это время можно было роман написать.

Люди, как река, текут. И чтобы хорошо написать это, надо: ты пишешь в уединении, но чувствуешь текущую реку.

Запереться можно и надо от шума, от помех, но от жизни нельзя запираться, ты должен слышать постоянное течение.

20 декабря. «Огонек», № 50, 1952 г. Чандар. «Свадьба» [150]. Рассказ.

Этот рассказ индуса мне был в «Огоньке», как петуху жемчужное зерно. Из разных стран, из разных времен приходят люди и говорят одно и то же,— так был мне этот рассказ. И отчего легко складывался вывод, что путь мой верный и я на нем не один.

28 декабря. В мое время (декадентское) писатели открыли секрет писания, что надо писать о себе; в наше время, наоборот, пишут не о себе. То и другое неверно: писание о себе приводит к пороку, писание о другом — к добродетели вне искусства, к пропаганде. В искусстве же слова необходимо познать себя и это самое представить как узнанное в другом.

Наши пишут теперь о другом, не зная себя, а в мое время писали о себе, не видя другого. Я тем спасся от декадентства, что стал писать о природе.

29 декабря. Чуть немного поднялся морозик (—8°). Думал о своем манифесте о «счастливой старости», отданном в «Мурзилку» для напечатания 5 февраля 1953 года (восемьдесят лет) [151]. И сейчас немного смущаюсь: можно ли быть счастливым, когда все близкие люди умерли и знаешь, что сам дышишь на ладан, а главное, нечто такое познал, перед чем все искусство — только игра, а деятели его — недоросли, шалуны. Остается только одно, что «помирать собирайся — рожь сей», и если сеешь, то это и есть «счастливая старость». И правильно хотели сделать в «Мурзилке»: вместо «счастливая старость» сказать «любимый труд».

31 декабря. Всякое великое произведение искусства содержит, кроме всего, исповедь художника в том, как он, достигая правды своей картины, преодолел в себе давление жизненной лжи.

1953.

1 января. Морозик, как и в прошлом году, не доходит и до 10°, но зато новое — это валит снег, и за ночь Москва оделась в новые светлые одежды.

2 января. 80 лет жизни бывает раз, и в этот раз можно что-нибудь для себя даже и попросить. Чего бы попросить? У меня все есть, и остаются два желания. Есть у меня два заветных и лучших желания: первое — чтобы вокруг меня само собой так все бы одно с другим складывалось, и оттого захотелось бы самому писать или петь.

Второе желание, чтобы самому вокруг себя своими руками так все ладно сложить, чтобы они все запели, а я бы за ними записывал только или подтягивал.

3 января. «Золотое детство» — это не в прошлом, а это наши сокровенные личные возможности в настоящем.

Вспомните свое детство, и вам не захочется для него терять свое настоящее. Напротив, в детстве устраивалась жизнь вся для будущего...

5 января. Лунная ночь, и мороз от нуля дошел до —10°. Вчера взялся за работу над 14-й главой, а всего 30! Как-то справлюсь?

Если бы такие люди, как Мануйло, могли бы во всякое время обращать свое внимание на всякую мелочь, то как бы жили все хорошо!

6 января. Дошло до —15° с ветром. Работаю над 14-й главой. Вчера были у художника Шегаля (замечательный пейзажист) [152]. Он рассказывал о том, как дорого ему досталось его искусство.

— Оно,— сказал он,— мне слишком дорого досталось, чтобы я теперь стал приспособлять его к чьим-то требованиям.

А я к этому прибавил:

— Может, настоящее искусство тем и держится, что дорого достается своим хозяевам.

10 января. Быть мудрым — это значит прежде всего быть внимательным к душе близкого человека. На вопрос же, кто этот близкий,— ответ такой: в каждом человеке родственное внимание стремится открыть близкого, кого оно откроет, тот и есть близкий.

11 января. Вольных грехов нет у меня, но невольных — я весь в грехах, и к этому еще много таких, что я сам их за грехи не считаю и они совсем даже и не грехи.

И каждый раз, когда что-нибудь хорошо напишу, мне кажется, будто кто-то тронул мне ствол, и все старые грехи, как листья осенью, падают.

12 января. Если в голову придет какая-нибудь своя новая мысль, то кажется, все на свете этим обрадованы, и даже, если тут случится, крикнет петух, то в крике его

слышится не ку-ка-ре-ку, а собственная твоя какая-то мысль на его лад.

14 января. Пишу оттого, что не могу удержать в голове и сложить, соединяя, проходящие отблески жизни какой-то единой, большой. С пером в руке, как с костылем...

Жертва — это ответ невинного за ошибку другого, и потому живи и не ошибайся. Не греши не потому, что тебе будет за это нехорошо, а потому, что за твой грех будет отвечать другой, невинный.

15 января. Полет к небывалому, а кулики сидели и думали одно: «На веках все это было!»

Другие: «Когда же он наконец кончит полет к небывалому, сядет на свою кочку и согласится с нами, что на веках все это было?»

16 января. День нашей встречи с Лялей ⟨...⟩ за нами осталось 13 лет нашего счастья. И теперь вся моя рассеянная жизнь собралась и заключилась в пределе этих лет. Всякое событие, всякое сильное впечатление теперь определяются, как бегущие сюда потоки.

17 января. В память нашей встречи (исполнилось 13 лет) мы ездили на могилу Натальи Аркадьевны. Встретился нам шофер бывший Ваня Пшеничный. Мы спросили: «Мы постарели?» — «Да,— ответил Ваня,— в особенности Валерия Дмитриевна». Поглядел я на нее, и сердце сжалось: остаются от прежнего только глаза и душа в них бессмертная. Так я с этим ходил и по кладбищу и встретил там соответственно в утешение слова на одной могиле: «Letum non omnia finit» *.

Тоже еще понял я, как оживляет всякого попытка что-то сказать хорошее живым. Что скорей всего эта золотоносная жила человеческих слов мне и встретилась, и я этой рудою живу.

Так, гуляя по кладбищу, мы договорились до слов на своих будущих могилах ⟨...⟩ Смеясь, вспомнили и мою жизненную тему: «Помирать собирайся — рожь сей». Но к памятнику это не приходится. На могиле Чертковых написано. У него: «Не в силе бог, а в правде». У нее: «Сила моя в немощи совершается» [153].

В ней для меня все нашлось, и через нее во мне все сошлось.

---

* Смерть не всё кончает *(лат.)*.

В моем деле писателя решает все читатель: читатель — это мой finis. Но и в каждом деле так.

22 января. По себе вижу постоянно, как машинально забывают меня, когда нет уже во мне прямой нужды. Так, бывало, не раз приходит в Дунино редактор, простегнутый насквозь дождем, и выпрашивает рассказ для журнала А когда получил, я для него исчез, и потом уже не он у меня просит, а я прошу редакцию прислать мне давно уже напечатанное.

У редакторов клювы до того завострились, что стали уже загибаться, как у птичьих хищников, и все стучат и стучат по сухому столу, и все голодные.

23 января. Многие меня спрашивают:

— Как вы научились хорошо писать на своем языке?

После раздумья, воспоминаний и всяких колебаний, отвечаю:

— Учился я плохо и никогда этого себе не прощу: я был очень рассеян и ленив и не достаточно стремился побороть этот свой порок.

— Как же,— спрашивают,— при таком недостатке вы все-таки научились и сделались достаточно известным мастером слова?

Отвечаю на это опять после воспоминаний и колебаний:

— Тому, о чем вы спрашиваете, научиться нельзя: тут дело не в выучке, даже не в мастерстве, а скажу: в поведении. Дело было не в том, чтобы научиться, а в том, чтобы встретить свой родной язык, как друга, нужно было искать этой встречи.

Знаю, на это мне скажут учителя всего мира, что им надо учить языку детей и у кого же лучше можно им самим поучиться, как не у писателя. Да и правда! И в то же время чувствую, что мой личный путь и мои достижения находятся никак не в моем мастерстве: я получил свое мастерство, как понимание законов родного языка, от своей матери, няньки, от школы и от всего народа даром, как все. Не в мастерстве моя заслуга, а в поведении, в том, как страстно, как жадно метался я по родной земле в поисках друга, и когда нашел его, то этот друг, оказалось, и был мой родной язык.

Так что теперь я могу сказать прямо и верно: не в ученье было дело, а в такой встрече, не в мастерстве, а в самом своем поведении. Но, конечно, учиться-то нужно всем, и вот, отказываясь теперь дать вам по себе примером мое отношение, зависимое от языка, свое собственное ученическое, я тем самым вовсе не говорю о том, что можно обой-

тись без ученья, без мастерства. Да нет же, нет! Я хочу сказать, что для писателя мастерство — дело маленькое. Писателю надо выйти из зависимого положения, надо сделаться хозяином своего языка.

Я могу привести десятки примеров из опыта когда-то довольно известных и теперь забытых писателей, исчезнувших, утонувших в своем мастерстве.

В том-то и дело, что настоящий писатель, на пути своем преодолевший свою зависимость от мастерства своего в языке, писатель больше не ученик, а хозяин и строитель души человека [154].

24 января. Морозик поднялся до —12°. Никогда Ляля так тяжело не переносила зиму, нервы никуда, и надо удивляться человеку, что при таком-то состоянии она удерживает в себе всю любовь, и до того крепко, что ее невольные нервные порывы поднимают во мне только жалость, и я ее еще больше люблю.

Пришлось бы жить без нее, то мне осталось бы пробовать быть тоже таким и в этом одном находить себе утешение.

Так у нее, а у меня, не сглазить бы, все очень хорошо, и здоровье, и работа идет, дай бог молодым!

25 января. Яркий день весны света, и такой, что нет никакого сомнения: это посланник весны. Такая чистота, свежесть! Особенно где-то в Замоскворечье хорош был вечером после заката уголок в чуть только розовом свете: был уголок белоснежный на розовом, весь в лампочках, и навсегда остался в душе.

26 января. Два дня уже стоят морозы покрепче, до —15°.

Не могу забыть уголок Замоскворечья в свете тончайшем догоревшей январской вечерней зари. Это испытать должны все художники: пейзаж, проходя, умирает в темноте, а художник собирает его у себя на холсте и воскрешает.

27 января. Опять солнечный день при —14°. Зима нас в Москве избаловала вконец. Третий день оправляюсь от статьи, написанной для «Пионерской правды». Чем ближе юбилей, тем спокойней становится на душе, и если так будет дальше, то, кажется, кончится тем, что я усну навсегда под колыбельную песню в полном безмыслии.

Да, но...

29 января. Бывает у каждого раз, когда жизнь развертывается нам, как сцена. И помните: раз в жизни каждый из нас выходит на эту сцену, как актер, творящий самого человека. Скажи в эту пору слово — и оно навсегда входит

в душу человека, покажи любой пример — и он остается примером в маленькой душе нового человека навсегда.

Но только уже в старости, когда все прошло и нового в будущем нечему делаться, вся эта прошлая жизнь обращается в сцену примерного поведения, и начинаешь понимать, откуда что взялось в себе, и утверждаешься на жизнь, как бактерия на желатине.

31 января. Привезли машины для записи моего выступления во вторник 3 февраля. Мальчишка-редактор стремился в мою речь вставить свои слова. Не будь Ляли, я бы его выставил, но Ляля меня сдерживала. Дошло до того, что мои слова «урожай от погоды, а слово от народа» были им вычеркнуты с такой репликой: «урожай не только от погоды».

Благодаря Ляле я выдержал поправку, но за время этой экзекуции лишился совершенно того поэтического наплыва охоты писать, который сейчас меня отличает от многих. Как и все, я почувствовал на себе тяготение слов Маяковского: «Мне наплевать на то, что я поэт».

Вспоминается день, когда вождь секты «Новый Израиль» Павел Михайлович Легкобытов сказал Блоку:[155] «Поймите, Александр Александрович, что мы здесь представляем из себя кипящий чан, в котором все мы со своими штанами и юбками сварились в единое существо. Бросьтесь вы в наш чан, и мы воскресим вас вождем народа». Блок ответил, что так просто располагать собой он не в состоянии, он не может «бросить» себя (у Маяковского — «наплевать»).

От Блока до Маяковского.

И вот случилось, что нашелся такой поэт, что бросил себя и даже наплевал на себя ⟨...⟩ И бросился в чан.

Вот так надо и нам: настоящее «слово правды» требует решения: умереть в горе, как Блок, или броситься в чан, как Маяковский. Где же ты, Михаил? Вот когда подходишь к этому вопросу, тут и лишаешься охоты писать свое «Слово правды», чувствуешь отвращение к себе и своему делу и стоишь как бы у самой границы какого-то важного решения.

Ляля старается отвести мою работу «Слово правды» от зависимости ее от спора между Блоком и Маяковским и поставить ее «по ту сторону», как умел я ставить до сих пор все мое писательство.

1 февраля. Вопрос: не есть ли «правда» тот самый основной принцип (обобщение), который вызывает непре-

менно войну у людей, не есть ли *слово правды* именно *меч*, а не *мир*, как я хочу это вывести.

3 февраля. Самое лучшее на этом вечере [156] было короткое мое выступление. Это в моем литературном хозяйстве, в моей борьбе большая победа. Очень бы интересно было проследить всю совокупность настроений, идей моего творчества, и всего, всего, из чего родилось мое слово. Чудо «слова правды» в том, что оно принимается 〈...〉 Еще замечательно, что по себе я вспомнил свою мать: удача моя в том, что сейчас стал очень похож на свою мать, что ее сила продолжается и раскрывается во мне. Еще хорошо, что сам я пока остаюсь в себе, и ничто от успеха во мне не прыгает. Видимо, я счастливо выполняю загад свой относиться к юбилею с чувством хозяина этого события и обращать его в пользу моему авторскому хозяйству.

4 февраля. Сильная перемена в ней [157] 〈...〉 Прежде я смотрел просто: помру, то и пусть хоронят. Теперь подходит страшный вопрос: а если придется самому хоронить? И мало того, подходит и еще более трудное требование: я должен хотеть, чтобы прежде она умерла и не осталась бы одна без меня, беззащитная. К этому я должен готовиться, а не к тому, что прежде самому уйти от всего. Тут-то вот и являются главные трудности, связанные со смертью: что гораздо трудней оставаться одному, чем уходить.

Так вот, не задумываясь, дожил я до 80-ти лет (завтра «празднуют»), и только теперь серьезно подходит вопрос о друге.

5 февраля. Морозный (—25°) и солнечный день. Мне сегодня минуло 80 лет, и вечером в Союзе праздновали мой юбилей.

Можно сказать уверенно 〈...〉 все были на нем, как единый человек... Я нашел в себе силы просидеть три часа, не поддаться ни малейшему волнению и выступить спокойно перед микрофоном. Мне казалось, будто я уже и пережил подобного рода волнения, но со стороны говорили, что я вел себя, как человек, сознающий свое достоинство.

Утром сначала было немножко грустно, что на стороне теперь как-то больше уже нечего ждать, что Ляля у меня больная, что, любя ее, я должен желать для себя в будущем (подольше бы оно не приходило!) сам ее похоронить. Никого я никогда из своих не хоронил, и неужели мне суждено испить эту чашу! Так я проснулся после юбилея, но потом принялся устраивать свои цветы, перечитывать приветствия, папки, телеграммы. И все плохое забыл.

6 февраля. Приходили друзья и разбирали вчерашний вечер, как разбирают сражение. Первое, что дал разбор сражения, это что я вел себя, как хозяин, преодолевший в себе все, даже малейшие признаки тщеславия, и что все было на вечере, как в семье. Воистину исполнилось предсказание одного моего читателя лет двадцать тому назад: «Ваш голубой полдень еще впереди».

Что может быть чище и человечней того чувства, с каким утром, вставая с постели, человек встречается с любимой собакой или каким-нибудь другим любимым животным?

Частица этого самого чувства была на моем вечере; из этого материала создалась наша встреча. И сейчас, беседуя с Жалькой, я чувствую себя, как на вечере.

И еще о вечере: замечательно, что вечер делался сам, без всяких комитетов и комиссий ⟨...⟩

Вот оттого-то и было хорошо, что не ахти какие организаторы предоставляли вечеру делаться *самому*. Вот это *самое* и сделало вечер живым, и это *самое* и есть самое желанное в наше время. За то меня и чествовали, что я говорил сам от себя, и от этого необходимость нашего дня сама собой обращалась в свободу.

9 февраля. В среду после выступления маленького в Литературном музее река моя должна окончательно войти в свои берега. Юбилей, как разлив.

Вред от юбилея тот, что друзья избалуют, а потом незаметно так это понравится, что образуется особая чувствительность к обидным мелочам, и эти мелочи открывают неверную перспективу.

10 февраля. Болезнь — это форма неволи, все равно как, например, погонят тебя на войну. Я счастливый тем, что в жизни мало болел и поневоле не ходил на войну, и тоже свободно выбрал себе труд и оседлал движущую силу такого труда — тщеславие. Много мне выпало и счастья, много и сам выдержал. И вот изволь теперь дать рецепт такого счастья для всех... Единственное для всех я могу сказать, что *каждый* должен непременно *сам* взяться за это и достигнутое самим обратить в пример для других.

Старик Васильев [158] покинут детьми со старенькой Норкой [159]. Как пример собачьей любви он приводит, что Норка ни одну женщину и ни одного ребенка на улице не пропустит, всех обнюхает в надежде найти его дочь и ее ребенка. Поздравляя меня, он пишет, что прочитал «Кладо-

вую солнца» и плакал над Травкой [160], понимая, что я ее с Норки списал.

Сколько в народе нашем таится неизжитой любви, и вот эту любовь свою узнают в моих книгах, и этим вольным священником или попиком народ держит меня при себе. В этом разгадка успеха моей «природы».

Мне казалось, конечно, что я Лялю «спасал», и счастье наше было в том, что она ждала своего героя, и я ждал, как многие мужчины, в глубине души возможности применить эту свою дремлющую силу. Начиная с Парижа, дремала во мне эта сила. Так я нашел свою Спящую красавицу [161].

11 февраля. Рецензию написать на книгу Ефремова «Курильское ожерелье» [162] и в ней провести мысль о необходимости рассказа правдивого и занимательного (географический рассказ).

Как, наверно, были занимательны географические рассказы очевидцев-путешественников, когда еще земля для них была плоской и не очень большой.

Живы еще и мы, воспитанные в то время, когда полюса не были открыты и можно было всем выдумывать чудеса на полюсах и посвящать даже свою жизнь достижению того или другого полюса.

Уже и по этой перемене наших собственных суждений о полюсах до их открытия и после можно представить себе бесконечную разницу в рассказах о нашей земле, когда она была нам небольшая и плоская и когда она, как теперь, стала облетаемым шаром. На протяжении всего этого времени мы можем видеть, как правда точной науки боролась за себя с вымыслом.

В конце концов от занимательных рассказов о чудесах мира остались только смешные «охотничьи рассказы», в которых рассказчику дозволяется врать.

А вот теперь, когда пришли времена серьезные, врать стало нельзя даже и в охотничьих рассказах, и даже такие журналы исчезли у нас.

Врать стало нигде нельзя, и географический рассказ лишился занимательности и стал интересен только географам.

Мало того! теперь, если географ в рассказах своих станет занимательным, то его товарищи географы сразу же нацелятся, чтобы изловить его во лжи.

Так возник в обществе запрос на географический рассказ и правдивый, и занимательный одновременно, запрос

на синтез правды и вымысла, науки и настоящего искусства, а не одной жалкой «полубеллетристики».

У нас пишется масса географических книг, и редко среди них появляется что-нибудь вроде книги Арсеньева, овладевающей общим вниманием. В этой книге нет уже сухой географической правды, но нет еще и вымысла, отвечающего запросу настоящего искусства, наше внимание к этой книге было привлечено искренней попыткой автора соединить географическую правду науки с правом художника смотреть на правду по-своему, с тем, что называется «вымыслом».

Сциллой и Харибдой автора географического рассказа и очерка стало: Сциллой — не засушить рассказ правдой науки, Харибдой — не уклониться от законного вымысла художника, скажем попросту, как бы самому не соврать.

Еще короче говоря, современный автор, если он ученый, должен держаться на пути своей Харибды — вымысла, если он художник — то Сциллы, знания.

Так мы и будем теперь с этой точки зрения разбирать каждую новую книгу о нашей родине.

12 февраля. Гуляю тихонечко нашей правой стороной по Ордынке. И при таком-то морозе, градусов в 17, и еще сквозь неодетые кроны лип солнечные лучи обнимают, ласкают. Хорошо старому и слабому человеку в таких ласковых лучах, до того хорошо, что прощается и не замечается гул, свистки и грохот непрерывных машин по новой магистрали. Этими лучами весны света жизнь в человека вливается, и особенно хорошо, если сам этот человек ищет этих лучей и понимает их значение. Ведь даже и я сам, мне кажется, впервые почувствовал и узнал на себе действие этих первых лучей весны света.

14 февраля. Человек содержит в себе все существа природы, и каждый, если захочет, может всех их понимать по себе. Но кроме их всех, в человеке есть еще такое, чего у них в природе нет.

17 февраля. Выступление по радио для заграницы.

Вопрос корреспондента: «Над чем вы работаете?»

Я работаю над одной темой, которая родилась от всех прежних моих работ. Это наша русская тема о правде, и книга моя будет называться «Словом правды». Не думайте, однако, что я готовлюсь сам лично сказать это слово: я только писатель и хочу выразить своими словами ту правду, к которой стремится мой родной народ.

Мне хочется закончить книгу «Слово правды» поскорей и заняться своей постоянной работой в природе.

Было время — я ездил, ехать мне теперь не нужно. Природа сама едет ко мне. Вот она уже нашла меня и в Москве. Началась весна света, и в полдень от железных крыш начинается капель и растут февральские сосульки. Каждый год весна приходит по-иному, и я о новой весне уже начинаю делать свои записи. Каждая весна другая, и по-другому записи. Из этих записей вырастают все мои рассказы, новеллы, повести.

23 февраля. Опять стоят морозы в —16—17°. Солнце каждый день, но и ветер. Все меня москвичи поздравляют с весной света.

Славу свою можно сорвать, а можно и насаждать. Так был я один, сказавший «весна света», прошло с тех пор несколько десятков лет, и теперь все, встречаясь со мной, мне же повторяют мои же слова: «Весна света!» [163] Мне теперь эта «слава» тем дорога, что в ней утонули мои личные обиды и мои «враги».

Техника с самого начала каждого берет в свои руки, не брезгуя полными невеждами и дураками. Техника с механизацией — это душа множества и, скажем, *закон* его (множества). А *природа* моя — это личность, это живое изначальное творческое существо. Его-то, это существо, и надо ожидать, вот именно надо *уметь* ожидать. В этом умении ожидания божественной личности, может быть, и таится начало всех наших искусств.

24 февраля. Алексей Петрович Сергеенко говорил Ляле, что я ее идеализирую. Глядя со стороны, может, это и верно отчасти: для всех Ляля, конечно, не то, что для меня 〈...〉 Но для меня Ляля всю жизнь мою обратила в поэму, как же мне ее не идеализировать!

Сколько слышал раз, простой человек говорил о себе: «Если бы мог жизнь описать, какой бы вышел роман!»

Раньше над этим смеялся, а теперь сам тоже так говорю, что «если бы мою жизнь понять и описать, какая бы это была поэма!». И теперь вижу ясно, что все, написанное мною и признанное, были отдельные искорки из пережитого мною, из моей собственной жизненной поэмы. Если же люди эти искры узнают и понимают, значит, и они переживают эту поэму.

Особенно удивила меня в этом юбилейная телеграмма какого-то артиллерийского расчета: «Всем расчетом благодарим вас за «Жень-шень». А между тем не раз я слышал мнение образованных людей о «Жень-шене», что это «труд-

ная философская вещь». Значит, если «расчет» понял, то существует же такое общее переживание одной поэмы.

25 февраля. Все горе человека в том, что самому трудней о себе думать, чем пользоваться прямо тем, о чем думали раньше, и жить их примером.

Вот и не думают, и прямо берут тот пример и делают из него идола, и просто поклоняются ему, не прибавляя от себя ничего!

Не забыть, как весной света в солнечные дни из окна видится городская даль — эти горы издали, кажется, будто Шопен тут свою легкую мазурку сыграл, и это осталось как воспоминание звуков.

2 марта. В полдень в тени было +2°, а уж на солнце и говорить нечего. Каждый балкончик от сосулек стал люстрой, от капель и первых ручьев из желобов все блестит.

Вот когда *первая теплая капля* с железной крыши попала на щеку, то это бывает в городе самым первым началом весны, первее этого нет ничего.

Это прикосновение капли во мне поднимает всего человека, какой в свое время выходит из меня...

10 марта. Вопрос стал о необходимости немедленно составить решение о своих рукописях на случай моей смерти. Начну завтра с юриста.

14 марта. Вчера читал-читал «Слово правды» и перечитал, стало стрелять в голове. Заснул с пирамидоном, проснулся — в голове все постреливает. Придется отложить работу и встречать весну свободным. Поставить дело опять так, чтобы не оно было моим хозяином, а я бы гулял, оно же бы делалось. Жить надо, как яблоня, она живет и растет, а плоды сами собой спеют...

15 марта. Фабрику свою закрыл и перевязал всю повесть веревочкой, не буду гнаться за деньгами, за славой, буду весну встречать с чистой совестью, а то, может быть, другой весны мне и не будет.

Мир идет туда или это естественным путем (восемьдесят лет!) я иду и мне кажется, как на поезде, в окошко, будто мир бежит. Начинаю сборы в Дунино.

16 марта. Особенные люди догадываются о жизни, минуя обычный опыт, но к чему приходит обыкновенный честный человек к концу дней своей жизни на основании своего собственного личного опыта? Он приходит от детского чувства бессмертия к тому, что каждый из нас непременно умрет. Ему открывается новая картина жизни

человеческой: все почти умерли, а те, кто народились, рано или поздно тоже умрут.

Начинаю понимать себя как русского простейшего человека, имеющего способность сказать своим людям, что прекрасна на свете и та малая доля жизни, какая досталась себе. В этом чувстве жизни, свойственном у нас многим, преодолеваются все недобрые состояния праздности, уныния, любоначалия, празднословия, и мало-помалу достигается целомудрие, смиренномудрие, терпение и любовь.

Вот и весь простой путь Пришвина в его «природе».

На этом пути со временем объявятся многие, да и сейчас они на нем, только не видны всем.

17—18 марта. Вторник — среда. (Обмишурился числами.)

Опять у солнца вся Москва в руках.

Вчера явилась мысль собрать письма читателей и по ним представить весь свой труд в его достижениях, как мост, соединяющий между собой того, кому надлежит прийти в этот мир, с тем, кто уходит «за мной, по этой моей кладочке через реку».

19 марта. Так изо дня в день стоит царственная весна света ⟨...⟩ Там на месте все еще нет никакого движения, а сколько весны прошло в Москве от Сретения до Герасима Грачевника! Это целое большое время. Люблю вечером шататься по переулкам Замоскворечья и слушать, как, замерзая, шумит вода под ногами детей, как останавливаются потоки, покрывшись льдом, как, нарастая, вытягиваются сосульки.

В потоке моего нравственного самосознания мало-помалу утвердилось, как один из берегов этого потока, мое одно убеждение. Множество лет я знал: это берег, и мне кажется, сам будучи потоком, бежал возле него, отмывал от него плодоносные части, переносил их на другой берег и там, намывая плодоносную почву, на ней выращивал лес.

Пришло время, и я теперь могу ясно понять и выразить словами то, что раньше смутно понимал в себе как берег плодоносной земли. Мне кажется теперь, что это утверждение состоит в том, что я сам являюсь носителем чего-то еще небывалого, что в чем-то я первый, единственный, и это мое первенство никому ничем не мешает, ни с кем оно и не спорит.

26 марта [164]. 20-го умер С. Т. Григорьев, и Ершов [165] вчера сказал, что меня сознательно не известили, чтобы не беспокоить. Русский был он человек.

Неодетая весна (весна света), так утвержденная моими читателями, началась у меня в детстве от Дунички и Маши, и когда дошло в жизни моей это чувство до страстей, то эта весна любви остановилась во мне.

30 марта. Ляля часто думает, будто я без ее материнских услуг вовсе и жить не могу. На деле же мне ничего от нее не нужно, и жить я могу без нее, как при ней. Ничего мне от нее не нужно, а что действительно нужно, для того нет слов, и никакой человек на свете это дать не может мне. Это нечто есть именно самая желанная всем нам любовь, и всякие дела рядом с этим совершенные пустяки, с любовью женщина может проникнуть во все дела, и чем глубже она в них проникает, в дела, тем сильнее любовь и выше сама женщина. Мужчина же, ценя любовь, тем самым и остается мужем, что предоставляет всего себя ей, уверенный в том, что в его мужское творческое начало женщина не может никогда проникнуть. Но чем она глубже проникает, тем она выше как женщина. И пусть дойдет до того, что она меня, как младенца своего, будет качать на руках, все равно в отношении первоначала моего творчества она будет не-вестой.

2 апреля. «Поведение» у меня скорее всего означает долг быть самим собой, а мастерство — быть как все.

5 апреля. Ездили на кладбище, и трудно сказать, что на свете значительней и прекрасней «неодетой весны» в Москве. Народ шел по чистым улицам не растерянный, не бежал, а собранный, праздничный. А на кладбище каждый покойник подозвал к себе родного человека, и вот собралось великое множество людей, и каждый из них нашел своего человека, лежащего под камнем. Эта великая встреча живых и мертвых была тем особенно замечательна, что люди были все вместе, и каждый из них глядел на своего, и не со стороны, как на улице, а прямо в душу, и не через образ, а прямо каждый глядел из души своей в душу каждого.

13 апреля. Передавали Шаляпина по скверным пластинкам, но я все-таки думал о нем то самое, что думаю всегда. Он мне является чудом, утверждающим мою любовь к родине и веру в себя.

14 апреля. Такой день, что человеку в доме довольно окошка, чтобы глядеть на людей и радоваться.

Смотреть в окно и радоваться тем, что на ярком солнце весенний ветерок играет разноцветным бельем на веревочке.

В Торопце [166] кладбище называется «Восстань».

Простой русский народ за время революции неузнаваемо поумнел и скоро должен хорошо устроиться. Будет много хороших поэтов, но только таких, как Пушкин, не будет; запоют голоса, но такого, как Шаляпин, не будет.

Такой талант, как у Шаляпина, такой *самородок* надо понимать как природу в ее изначальном творчестве. По Шаляпину, как по величайшему образцу, надо постигать нерукотворное творчество, как явление божьей милостью.

15 апреля. На днях умерла Клавдия Ивановна, милая мед. сестра. У нее глаза всегда улыбались [167].

Думаю о чувстве личного первенства как долге перед своей матерью. Она родила на свет нечто новое, и оно во мне должно осуществиться: мой долг быть на своем месте первым.

Еще думаю о первенстве, как о роскоши, которая достается немногим: это «личная жизнь», как говорили нам, осуществится после социальной революции. Так образовался некий долг перед обществом отдать свое первенство, как долг обществу.

18 апреля. В четверг была у нас Мария Михайловна (Коноплянцева-Введенская [168]), и я вспомнил то время, когда жил в Ельце на Бабьем базаре. Какой был я бездельник и пустой человек, откуда же потом все взялось? Ведь буквально из ничего.

19 апреля. Лева принес картинку Хрущево [169], я смотрю на нее, вспоминаю себя, и удивляюсь пустоте своей того времени, и спрашиваю себя: из чего все взялось?

Был Семашко, был Илья Валуйский, Семен Маслов [170], и у всех у них что-то было, но у меня, как сравнишь то время и себя, ничего не было: какое занятие, какое пристрастие — ничего! Как будто мое творчество вышло из ничего!

21 апреля. Лежу и днями смотрю на картинку Хрущево, и все не нагляжусь, и кажется, так много в ней чего-то, и мое духовное питание этой картинкой никогда не кончится. Когда же опомнишься и подумаешь: «Что же такое дорогое представлено в этой картинке?», то ясно видишь: да ничего! грязный пруд, на месте которого теперь, говорят, капуста растет, два кирпичных столба от ворот, тощая акация, даль черноземная в полях и оврагах. И ничего, ничего для постороннего глаза: совершенное ничто, и в нем где-то потерянная и забытая могила русского нигилиста Базарова. Для себя же неисчерпаемое богатство, и каждую минуту все новое: вот сейчас вижу на ограде возле столбика

маленького, тонкого, гибкого, изящного зверька, я никогда не видал такого существа, я не знаю, как он называется, для чего живет, чем в жизни своей занимается, для чего он сейчас появился и откуда взялся. А может быть, мне это кажется только и он не живой? Так одно мгновенье — и он тоже с тем же глядит на меня.

Я, маленький, стою изумленный против него, и он мгновение сидит растерянный против меня. Вот это мгновение остановилось, и я вижу его теперь через 70 лет! и теперь даже знаю, что зверек этот — горностай. И таких мгновений, остановленных в картине моего детства, нет конца. А для других в этой картинке нет ничего, только чудесный цвет земли и неба в первые дни мая.

Так вот и вся жизнь моя: ничтожна до крайности, если я смотрю на нее общим глазом, и бесконечно богатая, если я ее вспоминаю, как жизнь единственного в свете и неповторимого в своем первенстве существа.

27 апреля. Ночью, наверно, был дождик, асфальт блестит, дым тяжело и прямо поднимается. Первый раз у меня в жизни весна сложилась в городе ⟨...⟩

Сейчас после болезни начинается радость выздоровления, я попробую этой силой поднять мою повесть.

4 мая. 10-го переезжаем в санаторий «Поречье» возле Дунина.

Это не деревья, а воздух, или облачко, или зеленый дымок, а то еще больше все в почках, и они тут на глазах раскрываются. Ведь я часами сижу и вижу сам своими глазами: в городе между каменных стен на угреве почки раскрываются и час тому назад сквозь зелень почки были видны.

После болезни, задержавшей меня в городе, я часами сижу в садике на лавочке, и со мной моя собака терпеливо сидит.

Больше я сейчас ничего не могу делать, как только сидеть, ждать. И вот отчего я и вижу, как раскрываются почки. Сегодня мне помешала немного какая-то простая пожилая женщина: стоит и глядит на меня в упор сквозь решетку. Это очень неприятно, когда на тебя почему-то не отрываясь глядят. Какая уж тут весна, какие тут почки!

Я перешел на другую лавочку на другой стороне.

И она перешла и опять глядит на меня. Это даже моя собака заметила и, подняв голову, строго и вдумчиво глядела на женщину. Скоро это и я понял: она не на меня глядит, а на собаку. Я встал и подошел к ней.

По опыту знаю, что откуда неприятно, туда и надо идти, и самое лучшее теперь выйти из садика и спросить женщину, что ей надо. И потом, непременно, так устроится, что я буду опять свободно любоваться, как чудесно распускается деревце в городе.

Так я и сделал, и женщина мне ответила:

— Я не на вас, я на вашу собаку гляжу. Скажите, сколько ей лет?

— Молодая,— ответил я,— всего три года, а порода — трехцветный сеттер.

— Породу я знаю, но тогда нет,— сказала женщина,— моя теперь старая: ей было под конец войны два года. А порода тоже трехцветная.

Я подсчитал и сказал:

— Ей теперь десять лет.

— Да,— грустно ответила она,— опять ошибка. В Москве очень мало собак такой породы, и я каждый раз, когда встречаю, добиваюсь, не моя ли.

Оказалось, собака была у ее сына, трехцветный сеттер. Сын был убит на войне. А к матери пришел какой-то богатый гражданин и предложил за собаку хорошие деньги, очень хорошие, и обещался ей о собаке писать. И соблазнил, она поверила, а он обманул. Ничего не написал, и мать затосковала сильно. Она тосковала о сыне, а перешло на собаку: тоска и упрек, зачем она продала. Каждую похожую собаку она теперь высматривает, не она ли.

Женщина поглядела на мою собаку.

— Ах, как похожа, но только молодая, сколько, вы сказали, теперь моей?

— Десять лет.

— Да,— ответила она,— много, как много, а все забыть не могу.

Женщина поплакала, мы с ней хорошо простились.

И как же оправдался в этот раз мой прием успокоить себя тем, чтобы прямо идти на то, откуда идет неприятность.

Сочувствуя бедной женщине, я опять вернул себе радость наблюдения зеленеющей весны в городе.

Из-за домов и между ними поднимались там и тут чудесные деревья, и зеленые, и такие прозрачные, что сквозь них можно было ясно видеть и как окна рядами стоят, и как люди идут под окнами.

Почки раскрываются, а девочки на это не обращают внимания, прыгают через веревочку, мальчишки же играют в чехарду. Никому нет дела до почек, разве только вот

воробьи: сидят между почками и чему-то внимают, слетят на землю, и опять.

Голуби больше на окнах.

Раскрытая почка держит сейчас между створками каплю росы, а из капли по минутам больше и больше выдвигается зеленая пика будущего листа.

5 мая. Каждый человек живет непременно надвое, и видимо в общем деле, и непременно тоже и невидимо всем, «про себя». Каждый должен, однако, из невидимого состояния обратиться в видимость, и нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Так что невидимое состояние человека, «личность», предназначена реализоваться в видимое, в общее. У писателя — это сам писатель (личность) и его читатели (общество). А творчество и есть реализация личности ⟨...⟩

Жизнь «про себя» (личное) неубываема, можно прямо сказать, бессмертна, но при одном условии, что ее «про себя» движется не для себя, а как исходящее из Целого направлено к возвращению в Целое и реализации в нем.

13 мая. К обеду мы приехали в санаторий «Поречье», и я утонул в празднике природы. Я был не один и, как всегда в таких случаях, не мог ничего подумать «про себя», то есть не мог собраться в единство с природой.

После обеда прилег отдохнуть и, засыпая, спросил:

— Ляля, мне кажется, я слышу кукушку.

— Да,— ответила она,— я слышу и зяблика.

Распускаются липы, в березах девишник.

15 мая. С утра сегодня дождь. Вчера день провел с трудом: кашель, спина и всякая дрянь, и весь от воздуха бездумный. Единственная мысль была о диком несоответствии моего духа с тем, что делается в природе, и кощунственно казалось, что я расстался с миром и ухожу от него без всего, а в нем остается для всех и все мое лучшее, и этот девишник в березах, и липы, начинающие летнюю жизнь, все это я оставляю, а сам ухожу без всякого.

Утешило письмо от женщины под 40 лет, чистое и воодушевленное, как у девочки в 17 лет. Женщины нередко посылают мне такие письма, как будто рожденные ими дети еще не все и им еще остается родить настоящего, единственного и последнего, ни на кого не похожего. Эта девственность про запас сохраняется у чистых женщин до глубокой старости, и я это знаю по своей матери.

Письмо подняло мой дух, и я понял, что много у меня друзей, конечно, только за то, что пишу я о вечном, и даже не пишу, а лечу, и чувствую даже сейчас, что чешутся

у меня на плечах какие-то пятачки, к которым незаметно, секретно приставляются положенные мне крылья.

16 мая. Больше всего мне надо вернуть ту радость жизни, которая, мне казалось, соединяет во мне всегда небо и землю и всегда остается со мной и там, откуда я иду, и встретит меня впереди, куда я иду.

19 мая. Бывает, перед тобой нечто, кажется незначительно, но ты обращаешь его в слово. И тогда это ничтожное что-то делается значительным, и многие восхищаются, как чему-то небывалому. Выходит какое-то творчество из ничего.

Позавчера я три раза ходил в Дунино и ночевал там, но вчера начались перебои в сердце, и меня опять уложили. Потерял надежду взять свое здоровье силой.

Автобиографию, как предисловие, как смысл и вывод «Кащеевой цепи», начал было сочинять. И понял я, что «Кащеева цепь» есть песня мальчика о своей родине.

21 мая. Пришла в голову счастливая мысль: разделить автобиографию Петербургом (город света) [171] и повернуть свое искание к творчеству (как мать знала жизнь русскую, так я ее делаю: творчество изменяет значение слова).

23 мая. Я переезжаю (перехожу) на свою дачу.

Переход из санатория в Дунино совершался праздником, и кажется, никакими словами невозможно обнять и засвидетельствовать усилие всего живого на пути к единству любви.

24 мая. Вишни цветут, и в той поре, когда под ними на темной перекопанной земле еще нет ни одного белого упавшего лепестка.

В белой тесноте цветущего дерева моя душа встречается с чьей-то вечной душой, и сердце радуется тому, что еще нет на земле ни одного упавшего белого лепестка.

Необъятная теснота белых цветов, как собор наших душ: такими мы сойдемся когда-нибудь и такими останемся.

Ночевал сегодня я у себя, и это было счастье, о котором не скажешь никакими словами.

30 мая. Автобиографию писать до писательства, а после писать по датам выхода книг.

Прошла неделя с тех пор, как я в Дунине, и здоровье ко мне вернулось и работоспособность.

Вчера вечером в кресле сидел против вечерней зари и слушал 1-ю симфонию Скрябина, и это останется на всю

жизнь. Это не соловьи объясняли зарю, а человек во всей своей сложности, и человек без всякой «человечины», а сам, как соловей, оставаясь в природе.

6 июня. Часто говорят и упрекают писателей за то, что они природу описывают по человеку: по себе самому описывают и деревья, и собаку в траве, и облака. Мы с этим соглашаемся, что нельзя смешивать в одно природу и человека. Если же во всем разобраться и, не смешивая одно с другим, по себе понимать природу, искать случая, где бы то человеческое начало и то природное сходились в чем-то одном и это общее, скажем, у человека и собаки, за правду считать?

Скажем так, что человеку за столом стало скучно писать и он зевнул. А собаке охотничьей стало скучно в кресле лежать, она увидела, как зевнул человек, и себе тоже зевнула. А человек, заметив, что даже и собака зевнула, снял ружье с крючка, надел его на себя, и тут на воле собака запрыгала, и у человека, глядя на собаку, сердце охотника запрыгало. И дальше так и пошло, и пошло: у собаки движение больше на лапах и по чутью, а у человека движутся мысли. Там чутье, тут мысль, а началось с одного: человек и собака вместе зевнули.

Так разбираясь, и соединяясь, и, где нужно, разделяясь, и по возможности не выпуская из виду природы, когда говоришь о человеке (*3 нрзб.*), когда говоришь о природе, никогда не выпуская из виду общего начала, как было с общим зевком.

Да вот вспомнилось тоже, что большие птицы, глухари, когда спят на деревьях в лесу, то храпят, совершенно как люди.

Очень много есть такого чего-то общего у человека с природой, до того много, что это наблюдать можно всю жизнь и до конца никогда не дойдешь.

7 июня. Вспомнилось: думать надо о всем, а писать хорошо можно только о самом простом, чем вся жизнь наполнена, этого простого надо искать и на это простое все думы променять. Жалеть нечего мысли, они сами собой потом скажутся и запрячутся в образы так, что не всякий до них доберется. Кажется, эти образы складываются, уважая и призывая каждый человеческий ум, как большой, так и маленький: большому так, маленькому иначе. Если образ правдив, он всем понятен, и тем он и правдив, что для всех.

9 июня. На днях я ощутил правду в слове, в этом слове, которым каждый из нас, не думая, делится и обходится

с другим. Итак, все счастье, вся красота и добро на земле зависит от нашего любовного внимания к каждому.

NB. Чего-то не хватает в этом высказывании.

Помню, что когда я, начитавшись тургеневской «Нови» [172], услыхал о существовании социалистов и в наше время, то я был до крайности изумлен: мне так представлялось, что раз что-нибудь описано, то оно уже тем самым и, конечно, прошло и на него надо смотреть, как на прошлое. И когда я узнал, что социалисты и сейчас существуют, то я сказал про себя: «Пусть они и существуют, но это какие-то другие и ничего общего с теми не имеют».

Так потом оно и оказалось в высшей школе: марксисты ничего не имеют общего с теми социалистами, а народники — это уже прошлое, это, что было у Тургенева, и теперь в трущобах жизни доживает свой век.

Я это сразу понял и начал приглядываться к марксистам, чтобы побороться с ними и потом или их отвергнуть, как и тургеневских, или к ним примкнуть самому.

Недолго мне пришлось бороться, и я сейчас ясно вижу, что именно меня срезало.

Меня срезало в проповеди марксизма именно то, что время зла пройдет и нам самим, своими руками можно сделать для всех счастливую жизнь.

Самое же зло этой жизни в глубине души, не отдавая себе отчета, я видел в недоступности для порядочного человека буржуазной любви.

В этом смысле я понимал книгу Бебеля о женщине прошлого, настоящего и будущего: так было, так есть, а мы сделаем время торжества женщин, как алтаря любви.

Никакой поэзии не было в книге «Die Frau und der Sozialismus», но для меня книга пела, как флейта, о женщине будущего.

Никогда, никогда не смел я думать, что в этом захочу я признаться, но теперь, когда я слышу из своей комнаты сдержанный голос жены моей, женщины настоящего, то оказывается, признаваться вовсе не стыдно.

Да, это, конечно, было: в тайне души своей я стал проповедовать марксизм, имея в виду грядущее царство будущей женщины.

Нужны были стихи, нужны были дудочки, нужны были стихи для меня, и я ревел строго по Марксу, закону экономической необходимости, утаивая свою великую тайну: грядущий век царства женщин будущего.

Между тем, несомненно, судя по настоящему, во мне

был где-то в глубине заключен настоящий дар человеческой гармонической речи.

Оглядывая себя того времени, я всегда вспоминаю, как теленок ревет, привязанный у травы на железную цепь. У него такой голос, будто он, страдая, хочет его из себя выбросить и заговорить по-человечески.

Но скорей всего мой тот рев какими-то путями сочувственно достигал простого человека. И скорее всего такой голос был и у моих товарищей, а то почему же рабочие в Риге начали выступление тем, с того, что однажды собрались и разгромили в Риге публичный дом? [173]

12 июня. Прохладное тихое солнечное и росистое утро. Цветет персидская сирень, ирисы раскрываются, выдвигаются, появляются.

На белой розе маленький черный жучок, и от нее чувствуется аромат, но ирис и не пахнет, и не заметно жучков, и форма его не укладывается ни во что привычное. Ирис открывает нам возможность победы над бытием.

Как любовь у животных, и что мы сделали с этой любовью, так и простые полевые цветы, и над чем потрудился, постарался человек! Вся эта наша сложная любовь, как она представлена в романах, так, если вникнуть, записана она тоже в цветах.

Правильно делали в Оптиной [174], что запрещали монахам разводить розы, но ирисы надо бы поощрять: у настоящего аскета-творца розами устилается пройденный путь, а впереди — из-за чего все! — виднеются ирисы.

Марксизм не проходил у меня, но он в моих переживаниях переделывался из субъективного ощущения, влекущего к мало сознаваемому действию всей личности, в объективный факт экономической необходимости. Перед этим непреложным фактом человек, в лучшем случае, мог быть только акушером, облегчающим роды будущего общества. Но рядом с этим встал жесткий и страшный вопрос: «Пусть там живут и акушеры будущего, и разные обыкновенные люди, порядочные, и мерзкие, и всякие, но кто же ты в своей реальности, что ты сам от себя можешь вложить полезное в кладовую нового общества?»

На моем горизонте менялись цари, вырастали государственные думы, революции и войны мешали, как мешают людей, показывались необыкновенные люди, вроде Горького, Шаляпина, Блока. Все на свете задевало меня, но с тех пор, как я ощутил счастье создавать что-то из себя,— ничто не могло отклонить меня в сторону.

Все происходящее совершается в свете и тьме, и я все переживаю, но делаю то, что сам хочу и что надо для всех.

13 июня. Быть русским, любить Россию — это духовное состояние.

Еще раз убедился в том, что мы с Лялей на правде сошлись, и нет в мире более верного свидетельства нашей правды, как то, что мы сошлись.

Значит, немедленно по окончании повести я перехожу на автобиографию, и это значит, что я собираюсь жизнь свою обратить в слово [175].

16 июня. В повести моей «Слово правды» отобралось ядрышко смысла, и мне остается задача связать этот пучок сходящихся нитей. Каждый день что-нибудь сходится и остается. Работа скорее приятная, но хорошо бы ее недели через две кончить. Зацветут липы, и постараюсь кончить.

Об ирисах пришел к заключению, что это аскеты-декаденты лишили себя аромата и засмыслились в претензии на иррациональную форму. Нормальный цветок — это роза и ландыш.

Боже мой! Как не легко жилось, как удалось уцелеть!

И я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту как счастливую.

И сделаю это, потому что касался в творчестве природы и знал, что жизнь есть счастье.

Читая К. Леонтьева теперь об эгалитарном процессе, дивишься легкомыслию пророка [176]. Он ужасался тому, что в деревне все едят одинаковый хлеб городской, что девки не ткут холста на юбки все по-разному, а покупают одинаковую материю в городе и т. п. И это страдание за разные юбки он берет на себя из-за «красоты».

И все это эстетическое и нравственное блуждание досужих людей провалилось в бездну, где человеку только бы уцелеть, только бы выбиться как-нибудь и в чем-нибудь.

Знаю, конечно, что и во мне таится весь я, как личник, но чуть ли не с 1881 года, 8-ми лет от роду, я знал, перед чем я стою и что вывалит из себя когда-нибудь наш вулкан.

Рубиновый глаз от зари еще глядит между черными елками. Река сквозь кусты глазками. Но за рекой луга, и среди них засыпает деревня. А за деревней подальше возле самого леса лег полоской белой и плотной туман, в котором прошла моя молодость. Я знаю, как он пахнет и, главное, как утопают в нем деревья. Бывало, видишь, как тонет, и думаешь почему-то о душе, что душа так скрыва-

ется. Как это объяснить? но так было однажды и осталось навсегда, туман луговой поглотил дерево, и я подумал: это душа. И так осталось навсегда, вот и сейчас плотный туман на лугу, а я с волнением думаю про душу.

17 июня. Может быть, самое главное «общее» у меня с Лялей есть упрямая бесспорная («несмотря ни на что») радость жизни (или сила жизни?), перемогающая пошлость ⟨...⟩ И все творчество в указании: указываю, глядите туда, там вечная радость.

24 июня. Свобода у всех на глазах умирает, и создается новый идеал: правда, новая форма переживания человеком единства всего жизненного творчества и различия божественного в каждом из нас.

Правда в смысле единства всех отстраняет от себя всякий миф, и эта же правда от каждого из нас требует своего личного мифа.

Так говорили о мифотворчестве декаденты, не заботясь о правде, враждебной мифу. Теперь же подходит время, когда закон сходства сам требует во имя правды закона различия. И это будет законное *различие* в смысле: бог любит всех, но каждого больше.

25 июня. Моя новая мысль — ощущение всего хода истории, что сейчас в Америке умирает свобода, а у нас вместо свободы рождается правда.

Музыка обещает нас не оставлять по пути к вечности, когда же мы туда соберемся, то ее не слушаем, да и она сама только проводит нас и вернется.

Только друг настоящий, согласный, несущий на своих руках все, что мы оставляем, может остаться у нас на глазах до последнего укола.

29 июня. Кому-то вчера написал, что сыт теперь не количеством прожитых лет (арифметикой), а качеством остающихся дней жизни: хоть один денечек остается, да он мой, небывало-единственный.

Так, может быть, и вся красота на земле, и все бессмертие вышли из победы качества над количеством.

30 июня. Последний день июня этого года, дай бог, чтобы хоть один еще июнь пережить, и хорошо. Мне все продолжают нравиться слова мои далекому человеку, что в наши годы дело не в счете лет, а в качестве дней, что наши дни именно и есть те самые, когда количество бегущее останавливается в цветущем качестве.

Вот сегодня открытое окно в солнечное утро, на подоконнике сидит, свесив в комнату хвост, собака и думает.

Каждый листик в росе, и каждая росинка светит по-своему: одна просто сидит и глядит, другая сидит и моргает, третья беспрерывно меняет цвет, и бегут, бегут, сверкая, везде паутинки.

Никогда я с таким счастьем не глядел на росу. Раньше я глядел на нее, как собака на подоконнике, а теперь гляжу, как человек, и так хочу кончить дни свои: что взглянул, вдохнул в себя бессмертное качество мира и с этим ушел.

1 июля. На лугах за рекой показались стоги, и сколько они мне говорят! Как зазывают к себе надергать сена, положить в теневой стороне, сесть на него, спиной прислониться к стогу и думать, думать о том, что проходило без слов.

Теперь жизнь моя проходить будет в словах, и я хочу, чтобы слова мои теперь были правдой.

2 июля. Мне кажется, что каждый настоящий творец в своем творчестве всегда чувствует существование всеобщего очага творчества и свое движение вперед понимает как движение сознания к этому очагу всеобщего творчества.

3 июля. Так думалось, глядя на деревья, что в своем молчании они, может быть, и ближе нас к самой Кузнице, где совершается творчество жизни.

5 июля. «Слово правды» вышла повесть чистая, вроде храма, остается написать какую-нибудь страничку, которая будет значить, как крест на здании.

А почему бы и не сказать в заключение простыми словами того самого, о чем в своей басне автор хотел сказать образами? На это можно и так тоже спросить:

— А зачем было нужно трудиться говорить образами и всякими догадками, если можно сказать простыми словами.

На это мне ответили так: если скажешь, как все, то твоим словам не поверят и ответят: «Так *все* говорят».

И тем самым говорят, что общие слова требуют подтверждения личного, что личность художника, все равно как печать на казенной бумаге, есть свидетельство правды.

Вот и несет автор-баснописец свою околесину, пока читатель не догадается, и не вспомнит, и не найдет в себе то же самое, о чем говорил столько времени автор. Вот тогда можно и самому баснописцу повторить все свое сказанное простыми словами.

Так и мы сейчас попробуем в общих словах сказать о том, какой мыслью или моралью питалась наша басня.

Питалась она, мы прямо скажем, ходом великих событий в мире. На берегу Атлантического океана умирала богиня свободы, и кончались века, посвященные этому слову. Мы, воспитанные с малолетства в почитании этого слова свободы, мы вдруг все увидели что-то, обратив внимание на явную неправду поклонников Свободы. Казалось бы, там нужно было выставить немедленно в защиту Свободы что-то новое высшее, но защитники Свободы обратились в быков и стали рогаты... и сам президент великой страны, снаряжая войну, напечатал свою молитву о победе в газетах. Тут-то вот, при подмене свободы, нам казалось — свет великий, огромный и страшный, как бы через полог какого-то огромного леса, закрывавшего от нас солнце, проник в нашу страну.

Вот при этом-то свете, помимо того, как нам хочется и не хочется, и начали складываться и показываться слова и образы нашей правды, к которой мы шли с тех пор, как было сказано первое слово нашей правды. Стало так: на что только ни обратишь свое внимание в прошлом, всегда все начало в одном свете сходится, и до того, что показалась близость ощущения какой-то Большой Кузницы, где куют на будущие века, заступающие века Свободы, на все века наступающей Правды свои особые новые слова.

Вот и опять образ какой-то Кузницы [177].

Простыми же совсем словами хочется сказать, чтобы века Правды сменили века Свободы, действительно освободили пребывающего в рабстве человека.

Отчего же наши книги, когда их пишут, то все разрастаются больше и больше. В то же самое время хороший автор только и думает о том, как бы поскорее высказать то самое, из-за чего началось писание книги. Это происходит оттого, что автору хочется правду сказать, а у правды, оказывается, нет слов, и оттого их нужно долго самому искать и много трудиться. В то же самое время кажется, будто все можно сказать простыми короткими словами. Часто даже и спрашивают читатели:

— А что вы этим хотели сказать?

В большой форме как раз и принимаешь в расчет такой вопрос. И если это басня «Ворона и лисица», то автор спокойно ответит:

— Я хотел сказать, что лесть гнусна, вредна.

8 июля. Сегодня я отдал первый экземпляр «Слова правды», 12 листов, для расстановки поправок на других экземплярах и первый экземпляр передал Ляле для доставки его в «Новый мир» послезавтра в пятницу. Я вдруг

освободился совершенно от работы, и вместе с тем исчез прежний трепетный интерес к судьбе книги, и это значит, что я кончил. Я все сделал, всего себя, какой я есть, вложил в эту повесть, и если выйдет плохо, то это будет значить, что я сам плох. Может ли это быть? Конечно, может. Все может быть плохое, но сделал все, чтоб его не было, и совесть моя совершенно спокойна. Как хорошо!

10 июля. Опять роскошная погода, роскошные дни чудесного лета. За столом у Капицы я сказал маленькую речь о том, что пора бросать арифметику нашей жизни и радоваться какому-то грузину, прожившему 140 лет. Пора бросить детское упование на количество лет и опираться на качество дней наших. Все за столом поняли меня и обрадовались. Сегодня Ляля едет в Москву по делам. Хотел отправить «Слово правды» в «Новый мир», но подвернулся под руку художник и взялся прочесть: он первый, честный и умный читатель, скажет,— и после я пошлю в «Новый мир». Я физически счастлив при освобождении от большого труда. Принимаюсь за автобиографию.

Начал работу над биографией, читаю старые тетрадки.

11 июля. Не выпускать, пока не пишется, из головы Большой Кузницы, где куют поведение всякой твари, и тоже поведение человека, выражаемое в его слове. Миллионы миллиардов лучей-путей вокруг Кузницы, как вокруг солнца, расходятся, и есть в каждом луче близкое место, откуда кругом видны все лучи. И если тебе вышло счастье туда стать, то тебе кажется, будто это ты сам ведешь, сам вперед направляешь свой луч.

Поведение-то и есть, что каждый стал на свой путь [178].

12 июля. В лесу везде просеки со всех сторон света сходятся к одному столбу. И отсюда лес виден далеко-широко-глубоко: на север, на юг, на восток и на запад.

Так в истории русской правды сходятся к Льву Толстому нравственные пути нашего русского общества: далеко видно и глубоко.

Конечно, и в лесу не один столб с узлом просек, и в обществе нашем не один Лев Толстой. Но обширный, очень значительный участок русской общественности просматривается, если своими глазами посмотреть на то самое, на что за жизнь свою поглядел Лев Толстой.

Самая чистая просека от толстовского столба направляется в ту сторону, где определялось собственное детство. Я помню время, когда один крупный чиновник каллиграфически переписывал в красивую бархатную тетрадку

«Крейцерову сонату»[179]. Помню пионеров, толстовцев, пытавшихся всю жизнь свою поместить *.

Это время толстовства, кажется, будто совершенно кончилось, и при воспоминании эта старинка кончается улыбкой. Но тут же вспоминается, что ведь углубленным влечением к Шекспиру я обязан Толстому: это он навязал мне свой бунт на Шекспира, чтобы я потом мог полюбить его так, как теперь[180]. И что-то есть у Толстого, какое-то «самое главное», куда ведет просека моего детства: и такое, что никогда не устареет и к чему потом многие придут.

Это «что-то» присутствует во всех худ[ожественных] работах Толстого, обнимающее, как нимб, все его образы. Огромное большинство читателей относит это обаяние правдивости толстовских образов к силе его художественного таланта. Нам же теперь, давно после смерти Толстого стало понятно, что чувство «русской правды» наполняло Толстого независимо от его художественной одаренности.

Искусство у Толстого является как бы слугой правды, образующей поведение Толстого, искусство является дивным примером возможности осуществления правды в искусстве, и этот маяк еще долго будет светить нам вперед.

16 июля. До чего много красоты в природе среди цветов, насекомых, в полях, на воде, в лесах! Везде до того красиво, что другой раз и подумаешь: «Почему же мы только говорим, красиво пишем, поем, а на себя поглядеть или на свое поведение поэту в зеркало часто даже и страшно».

И в голову приходит ответ: «Это у них в природе оттого хорошо, что не думают они о красоте в упор, отрывая ее для себя от сущности: они все так ведут себя, что красота к ним сама приходит и определяет форму их сущности, их жизни, их поведения».

Вот это самое: у них красота не отдельно от них хранится где-нибудь на стене, в столе, на холсте, а действует в самом их поведении.

Так я всегда думал и о Льве Толстом как писателе: сам лично он движется в правде, а красота к нему приходит сама и определяет форму существа его правды.

Тоже вот помню, было, когда декаденты кончились и молодые люди, смущенные своей бесплодной чехардой, собрались поговорить об искусстве, кто-то старший со стороны сказал:

— Этот индивидуализм пустой надо бросать. Этот — эстетизм.

---

* Запись не окончена.— *Ред.*

Тогда зашумел вопрос: если отбросить философию Ницше, то на кого же смотреть?

Ответ был простой: и этот старший сказал очень авторитетно:

— Пишите, как Лев Толстой [181].

И это было сказано вот именно в том смысле, как я сейчас только что высказался о Толстом: что искать надо, как Толстой, и за это хвататься, за правду, а красота сама собой придет.

Вот с тех пор я и думаю об искусстве как поведении: что есть у всякого настоящего творца свое творческое поведение в жизни — своя правда, а красота приходит сама. И живой пример этому для всего мира был Лев Толстой: он искал слово в правде, а красота в них потом находилась и определялась сама.

17 июля. Помнить, что приход и уход дня в природе отвечает приходу и уходу человека. Новый и старый год давно вовлечены в человеческое действо, но в ежедневное зеркало смены дня и ночи еще мало глядятся.

И что это за победа, если дается усилием, если победитель выходит из борьбы с искалеченной душой. Хороша такая победа, когда сам и не знаешь о ней, когда она сама из тебя самого *вытекает*. Хорошо быть таким, а не сделаться.

Л. читает дневник 27-го года, я рассказываю там интересную историю, и вдруг она обрывается: я не дописал.

— Может быть, вспомнишь?

— Где тут!

— А где же оно, то, что не дописано?

— Где тут понять! Я даже не могу сказать, существует ли оно, как бывшее, или теперь совсем его нет.

И тут я стал дальше думать: «Вот и все мои книги, все, что я отбил из проходящего времени: неужели же это все, что останется от всего меня. Какая это нелепость, какой это вздор!»

И, возмущенный, я вернулся к недописанному рассказу и остановился на том, что и он не пропал оттого, что я его не дописал, что кто-то найдет его где-то и в чем-то и допишет.

23 июля. Ершов с Лялей кончили составлять для «Молодой гвардии» юбилейную книгу, однотомник в 45 листов «Весна света». Из новой повести Ершов посмел взять только 100 страниц. Самую лучшую главу «Васина елочка» не взял, потому что боится, не придется ли оно против Лысенко 〈...〉

И тут я понял себя, как старик Верховенский [182], все ожидавший, что наконец-то за ним придут.

Вероятно, и всякая смена поколений совершается под свист молодежи и последним чаянием стариков-идеалистов, что за ними придут.

Есть, однако, одно хорошее в нашем времени, это что наполнили страну классиками, хорошими книгами и тем самым отчасти подтвердили, что за стариками пришли. Да и меня же самого хорошо издают.

Значит, перед чем же опускать или складывать руки?

24 июля. «Весной света» кончилось это дело — портить свои вещи для удовлетворения школьников.

Надо приниматься за «Кащееву цепь», утопить эту книгу в автобиографии.

27 июля. Столб в лесу, если сесть против него и писать,— через какое-то время начинает мешать. И главное, тут ничего не поймешь, чем он мешает. Пробуешь отвернуться — и через какое-то время вздрогнешь: кажется, кто-то глядит сзади через плечо. Повернешься туда, а это, оказывается, тот же столб глядит тебе через плечо. И дальше все будет так, если ты от этого местного столба не уйдешь. Нет ничего в природе, чего бы не было и в человеке. Нет! неправда, есть в человеке такое, что он уже пережил. Но мало есть такого, что пережилось без отклика и чего бы не знал человек по себе.

31 июля. Вчера был пестрый день, и солнце, и дождь, а то и солнце и дождь вместе (слепой дождь). На днях рожь скосили. Гриб взялся. Явились ко мне пионеры 40 человек, от дождя все укрылись у меня на веранде, и она, к счастью, выдержала и не провалилась.

Пионеры выказали большую общественную воспитанность. Беседа наша была проста и насыщена тем, что Горький в свое время назвал (где он это взял?) «геооптимизмом». Я же понимаю это чувство природы как выход из быта и радость участия в творчестве, в том, что было и до человека, чем создавалась вселенная и что в любом творчестве мы постигаем, как небывалое.

1 августа. Уже в самом твоем *решении* говорить только правду таится *насилие*, потому что слово правды делается всеми человеческими и нечеловеческими правдами и неправдами, а не тобой одним.

2 августа. Нет! так и не унялся от вчерашнего грома дождь, с утра туман, а потом из тумана вышел дождь мелкий и ровный, шумит по липам, идет, идет, ближе, ближе, а я сижу на веранде под крышей, читаю, пишу, пишу, еще

пишу, а он все идет, идет, и я знаю: он никогда не придет к моему столику.

4 августа. Начал внимательно читать «Кащееву цепь» и своими глазами уверился, что это очень ценная вещь и в своем роде единственная. И что самое главное, этот роман не в прошлом, а скорее в будущем, и что новой своей собственной редакцией я могу обратить на него внимание.

Какая вчера была буря в лесу, сколько грома нагремело, сколько молний насверкало, сколько воды пролилось и сколько деревьев нападало.

Утром кому-то надо было дать сигнал:

— Все!

Но так все напугалось, и даже солнце не показалось. Бывает такое раздумчивое утро.

Сегодня день начинается тоже, как и вчера, в раздумье, и каждый листик на дереве после страшной трепки спрашивает: «Да стоит ли жить после такого всего?»

И уже нетрудно такой слабеющий желтеющий лист найти на каждом дереве с этим вопросом «быть или не быть?».

Это еще не осень, но рожь уже в копнах. Есть такой раздумчивый листик с вопросом «быть или не быть?». Но почему я, проживший уже столько лет, все не желтею? И все-то, все-то мне кажется, будто можно всю жизнь прожить и не пожелтеть, как будто есть в человеке живая, непременная часть его, еще небывалая в жизненном опыте.

Что это небывалое?

Сколько ни думай — ни до чего не додумаешься, а оно, это небывалое, так и остается, и мне даже кажется, будто мы так и родимся с таким общим небывалым в душе, и каждый по силам своим в нем определяется на срок: все дети живут, как бессмертные, а ведь сколько их — их больше нас. Что же на самом деле главное в этом споре: бывалое или небывалое? И к ним еще столько присоединяется тех, кто так и остается в душе на пороге перед лицом Небывалого. Все взрослые, старшие смотрят на детей и судят их по бывалому, по тому самому, что для себя прошло и чего дети еще не видывали. Конечно, дети этого не понимают: для них весь мир в небывалом. Взрослые думают об этом удивительном небывалом просто как о жизненном опыте: в свое время дети все узнают и будут как все, и у них будет своя общая осень, и они все пожелтеют, как осенние листья,

А вот и не все!

Мне казалось с тех пор, как я помню себя, что есть какая-то великая страна Небывалого и что я ее должен открыть всем.

Больше! мне казалось всегда, что не я один представляю собой это небывалое «я», а и все тоже «я» и каждый в себе таит его и почему-то не всегда может или хочет открыть.

Вот это самое движение душевное,— открыть людям свое небывалое и тем самым, если удастся, побудить их тоже к открытиям, и было моим первым началом, когда я взялся за перо.

Мне было довольно лет, чтобы сделаться молодым министром, а я, как наездник, попав в седло впервые, как мальчик, поскакал на своем коньке-горбунке в Небывалое.

5 августа. Тридцать лет тому назад, еще в самом начале революции, мне показалось, будто я в состоянии написать роман из своей жизни (изобразить правду моей жизни) как путь к Небывалому, и взялся за это. Теперь, через тридцать лет после написания романа автобиографического «Кащеева цепь», когда Небывалое подступило вплотную с вопросом к каждому дворцу, каждой хижине, конечно, оно и ко мне подступило с вопросом о всем моем человеческом и о «Кащеевой цепи».

Вопрос этот был: устоит ли роман о себе, написанный 30 лет тому назад, перед судом настоящего небывалого?

На этот для многих страшный вопрос я отвечаю без колебаний и страха:

— Сам удивляюсь, но знаю твердо, устоит непременно, особенно, если я прибавлю в романе новое лицо, каким я сделался сам за тридцать последних лет.

Летописец пишет о былом, о том, что былое и небывалое было на земле, и о знамениях на небе. Все это и на земле и на небе ему, как былое — все было, но слова его о всем небывалые.

Так и я пишу только самую правду из своей собственной жизни: все это было и, может быть, бывало у многих, но слова мои, как у летописца, тоже единственные в своем роде и небывалые.

9 августа. О погоде говорят, что погода стоит, как вот сейчас: стоит погода пестрая, то солнце, то дождь. Погода стоит, но дни все равно идут, дни стоять не могут, дни идут, и шаг их, и тиканье, и бой мы слышим и отзываемся сами на него.

11 августа. Раздумье.

Злоба (сужу по себе) переходит в движение, и как муравей тащит бревно, так и она тащит за собою волей-неволей добро. Вот отчего Мефистофель уверен, что это он тащит Фауста в ад, в царство зла, а Фауст издевается над этой глупостью Мефистофеля, предназначенного превращать зло в двигатель добра.

15 августа. Постепенно вхожу с годами в тот самый основной поток, в котором мчится все человечество. Это какой-то общий для всех живущих на земле поток сходства и различия, образующий тип (сходство) и характер (различие).

Тип и характер — это как бы два полюса круговорота человечества: поток материнский мчит нас к типу, отцовский поток — к характеру. В этом движении нам кажется, будто мать на Востоке, а отец на Западе и что сейчас делается на свете то, что скорее всего вступает в свое право материнство человечества, хождение матери человечества по мукам.

Женское движение сейчас можно глазами узнавать по женщинам: одни женщины остаются в старом русле бытового материнства. Другие женщины, даже успешно действующие на мужских местах, остаются женщинами, открывающими себе новый путь главы в материнстве ⟨...⟩

В этом свете моя собственная жизнь кажется странствием в поисках лица своего в потоке, образующем материнские типы.

Вот как раз теперь и явиться тому молодцу, кто вышел к распутью с вопросом, куда ему идти, если во все стороны смерть. Тут вот и кончается путь материнства, тут в оправдание матери-родины должен появиться герой-отец, тут открывается особый путь в *отечество.* Тут у росстани ⟨...⟩ молодец по неведомому пути переходит в отечество. Вот за этим переходом из родины в отечество теперь и надо следить. Родина решает вопрос, от кого и как я родился, но о том, какой на родине у меня образовался характер, кто из меня, рожденного под Ельцом, *вышел* в свет, решает отечество.

Переменная любовь Кармен нравственно защищена и оправдана: Кармен может изменить свою любовь к солдату на любовь к артисту. Но солдат Хозе ищет постоянства в любви, ищет способа, как ему такую свою любовь защитить?

По-моему, надо сделаться артистом и так полюбить свое

искусство, что Кармен сама за ним побежит. Искусство восполняет утрату и направлено к воскрешению. Значит, сделаем вывод: искусство есть хранилище, своего рода кладовая свободной любви ⟨...⟩ Солдату нет выхода, у него одно только спасение взять кнут и выдрать жену. Вот почему решает дело кинжал, в этом случае заменяющий кнут. Там у них кнут и кинжал против женского бунта, а у меня мое искусство и слово, как душевное одеяло, и оттого измены своей Кармен я не боюсь: укроюсь этим волшебным одеялом, и Кармен бросит своего тореадора. Вот и переносится бой с тореадором с ножей на песню. Я лучше спою и тем самым, то есть песней, а не кинжалом свою Кармен удержу [183].

17 августа. Конечно, дело мое было не в поиске грибов, лесной, водяной и болотной дичи. Теперь издали я вижу ясно, что поиски эти были не пера или пуха, а какого-то момента вечности, когда все видимое связывается в единстве служения чему-то высшему. Помню особенно ярко себя в ольховых кустах зимой на берегу Переславского озера. Мне из этих кустов была видна огромная белая скатерть озера и слышался из невидимого пространства яростный гон моего поратого лисогона. Тут была передо мной на ольхе обыкновенная, всем известная шишечка, черная, маленькая. Мне казалось, что эта черная шишечка сейчас указывает мне именно ту самую точку, откуда покажется лисица. И оно так и вышло: лисица показалась и неслась сюда по линии, проходящей через шишечку в мой глаз.

Теперь нет больше на свете моего славного и единственного гонца, и не знаю, какая женщина носит добытый мною лисий мех. Но славная ольховая шишечка, как бессмертное существо, как ключ моего родственного внимания к миру и к способности моей, и, мне кажется, всякого человека, связывать все существа в их общем служении вольном или невольном, остается со мной.

Там была ольховая шишечка, там почему-то указал на то же красный снегирь на белом снегу, там желтоватый беляк на синеватом снегу, там тоже белая, но на синем мертвом розоватая живая березка, и много, много всего такого как готовый ответ на вопрос: «Почему?»

Обломить сухие сучки и самому ничего — и дереву лучше. Вот и все бы так на всем свете жизнь такую создать между нами, чтобы всем хорошо было и каждому лучше.

Конечно, это для человека, немного понимающего методику научной работы, прямо кажется дивным, что в этом

случае ответ на «почему?» дается сразу в готовом виде без помощи колб и пробирок. Но всего удивительней это, что когда найдешь указателя причин, эту шишечку, этого снегиря, желтого беляка, синий снег, розовую березу и заключишь это в слова, то и другой человек тебя понимает, и ты сам другому служишь тем же указателем общей связи, каким были тебе твои немые друзья, та же шишечка, заяц, береза [184].

19 августа. По пути в Москву я думал о двух составах всякого творчества: 1) утверждение себя самого как личности; 2) создание типа. И что создание типа и есть все, что требуется от писателя как общественного деятеля. И еще, что у нас во время революции попытка создания типа делалась без всякого утверждения личности.

Тип — это мост, где встречается личность творческая, несущая в жизнь разнообразие, и общественность, требующая от каждого характера служения единому сущему.

Нельзя сказать «положительный или отрицательный характер», но у каждого читателя на языке есть «положительный и отрицательный тип».

Есть литературные образы, в которых преобладает характер (Дон Кихот, Гамлет) и где преобладает тип (Обломов).

Обломов Гончарова содержит в себе как характер признание родственное и как тип осуждение: положительный, как характер русский, излюбленный, родственный Илье Муромцу, и отрицательный как тип. Обломов бесхарактерный как тип и великий русский характер как личность (встанет когда-нибудь и все переделает по-своему).

20 августа. Из разбора собственной жизни родится вопрос и вообще об искусстве как возможном поведении самого художника.

Искусство как поведение, вот точка зрения, с которой я хотел бы посмотреть на всю свою жизнь.

22 августа. Никакой правды не бывает без выдумки, напротив! выдумка спасает правду, для правды только существует выдумка.

Правда без выдумки, как самолет без горючего. Правда лежит. Когда же нальют горючего, то правда летит, пересекая меридианы и полюсы нашей планеты.

Вот так и жизнь моя собственная, если рассказать все по чистой правде, никому не интересна. Если же к этой чистой правде прилью некое горючее, то каждый поднимет свою голову вверх и поглядит на мой самолет.

Мне кажется, что правду какую-то собирали люди от века веков, но горючее правды живой содержится во мне самом, и что горючее скорее всего и есть я сам, и «по правде сказать», это значит, непременно, от себя самого и от чистого сердца.

23 августа. Начало «осени первоначальной». Тополь сильно потек, в липах желтые пятна, и вот такой день, боже мой, какой это был чудесный день с утра до ночи, и был осенний аромат в воздухе и огромная луна.

24 августа. Друг мой! Есть незначительные фактические неточности в рассказе о переживаниях Алпатова сравнительно с тем, что переживал я сам в жизни. Но я, прочитав переживания Алпатова спустя тридцать лет после того, как я написал «Кащееву цепь», утверждаю несомненный для меня и удивительный факт: правда написанного гораздо фактичней, чем правда сама по себе — правда неодетая.

27 августа. Этика Запада: «не мир, но меч», этика Востока: «не меч, но мир».

Туда, где складывается у людей правда, мне кажется, я спешу, спешу и кричу:

— Погодите, подождите, возьмите меня!

И так всюду, мне кажется, все делают правду, а каждый из нас непременно спешит, каждый нужен для всех, и все нужны для каждого.

28 августа. Смотрел и всматривался в стадо молодых гусей, дивился, что ничем не заняты, а потом: «Как же ничем! они растут и ждут».

И запомнил себе: пусть мои мысли тоже сами растут, и я буду ждать.

29 августа. Дождь почти непрерывный, и сейчас все моросит, грибы лезут, но мы за ними не ходим (почти). Тоже не тянет больше ни на какую охоту: все это проходит. Моя радость жизни определилась в дунинском домике с другом моим и спокойной работой.

Вступление к новой «Кащеевой цепи» написано. Теперь приступаю к тому, чтобы в последнем звене одном, или двух, или трех изложить, как я сделался писателем.

31 августа. Весь день обошелся без дождя, и сиял, и только к вечеру все захмылилось, дождь не пошел, но вспомнилось и осело в душе, что в жизни человеку надо терпеть.

Утро встало пасмурное, но радостно было видеть сухие

листья на кустах. Эти дни чувствую себя угнетенным и переношу настоящую хандру.

Что это? Избаловался или высокое давление?

Не работаю (давление?), но хорошо догадываюсь на прогулках, это записываю, и оно выходит, как работа.

Из чтения Гершензона о Киреевском [185] я нашел самого себя в отношении *цельности* существа, прикосновенного к миру, тоже и мира, бесконечного в пространстве и собранного в себе, как единство, где каждое существо отвечает за вселенную.

Много я написал об этом, и еще напишу, и буду *на этом стоять*. Сколько мыслей чужих и для меня служебных прошло через мою голову, пока я не нашел еще свои собственные. Но, однако, и в этих мыслях сомневаюсь, что это я первый их высказываю, скорей всего и они тоже не во мне родились и мне теперь только служат.

Моя собственная во мне золотая, единственная в своем роде и никем еще не повторенная мысль еще до сих пор не определилась, но родилась. К ней ведут, однако, во множестве образы...

1 сентября. Ляля была в «Новом мире» у Твардовского. «Слово правды», оказалось, требует переработок. «Я бы,— сказал Твардовский,— напечатал бы Пришвина: пусть Пришвин отвечает сам за себя ⟨...⟩

Хотел отказаться от переделки и уйти от всей этой «литературы» ⟨...⟩ и воевать со своего угла, как воинственный Капица, но так подумал. У Капицы высшая физика, которую никто не понимает, у меня же искусство слова, его тоже мало кто понимает, но судить автора позволяют себе все. Мое положение много труднее, и едва ли в мои годы хватит сил выдержать борьбу.

2 сентября. Нашел выход из тупика литературного: вернусь к агрономии, как Фет вернулся в свое хозяйство на двадцать лет [186]. Буду прочищать дорожки, а когда нечего есть будет, стану за коровой ходить. Всем буду заниматься, только останусь на воле.

В отношении повести не буду спорить и постараюсь сделать все, чтобы напечатать.

3 сентября. Вчерашний день прошел без дождя, к вечеру стало холоднеть, и ночью дошло до +5°. Сегодня день разгорится и, я думаю, начнутся хрустальные дни осени первоначальной.

На душе, однако, лежит густой туман, никуда ничего не видно, ни назад, ни вперед, везде Кащеева цепь.

Надо пережить неудачу и собраться на каком-то твердом месте в себе.

4 сентября. С душевным вниманием гляжу на природу, и в ней все располагается от моего родственного внимания так, будто и там, в природе, как у меня в душе, я по-своему думаю, там по-своему и все вместе сходится, и я сам, и природа.

7 сентября. Чувство радости жизни и какого-то безрассудного и естественного бессмертия есть общее чувство радости жизни, наш запас сил, приносимый каждым в мир при рождении.

8 сентября. Москва. Дождь весь день ⟨...⟩ Были в глазном институте ⟨...⟩ Правым глазом плохо вижу, но до Фауста еще не дошел.

13 сентября. Бывает, и так подумаешь о творчестве, что оно движется между тем, что оставили нам после себя люди, и тем, что каждый из нас дает от себя. Так совершается наше творчество между правдой и вымыслом, как совершается ток между тем и другим полюсом.

Еще и так понимаешь, что правда сама по себе неподвижна и лежит в ожидании вымысла, как самолет в ожидании своего горючего.

Так можно легко себе представить, что к великой всей правде мира, созданной покойниками, приходит живой человек со своим вымыслом, и неподвижно-вечное человечество движется, летит.

14 сентября. Все настоящие охотники, независимо от своего происхождения, положения в обществе, образования, обладают особым чувством природы, соединяющим землю и небо...

18 сентября. Есть писатели мира фантастического, которые могут творить из ничего, как математики.

20 сентября. Четвертый день чистый и золотой. Даже у нас в столовой от кофейника к висящему звонку паук за ночь успел провести паутинку. И вот, наконец-то, и липы наши почуяли осень и вдруг все побурели. Тоже вдруг сердечная аритмия оставила меня, и я вышел на балкон. Теперь на очереди стоит вопрос о моем переезде в Барвиху и о переезде Ляли в Москву для устройства квартиры.

Был у меня Андрюша, сказал, что пленум будет 20 октября [187]. ⟨...⟩ Насколько мог, старался внушить Андрюше правду нашей литературы в отношении настоящего. Чувствую, что жизнь обходит меня, и я остаюсь в прошлом «живым» классиком.

23 сентября. Продолжаются безостановочно золотые и теплые дни бабьего лета. Листик за листиком убывают даже и в полной тишине. Даже в далеком лесу, за рекой, и то видно, как изменяется опушка и выступают золотые березки показаться и уступить свое место елкам...

Самое большое в этом, что тишина золотая, и в ней царствуют одни петухи.

25 сентября. Да, есть в осени первоначальной одна прекрасная черта против весны. Весною всем радость жизни даром дается и каждый озабочен лишь тем, чтобы не отстать от других. А осенью каждому существу вменяется необходимость сделать свое собственное усилие. И оттого бывает такая радость, когда утром каждый, усиливаясь больше и больше, поднимает серое небо, как тяжелое одеяло, и солнце находит себя в каждой капельке росы, дождя или того, что сейчас только было туманом...

Деревья опадают, и все, что остается на них, все последние листики яснеют, и нам, конечно, по себе кажется, будто они глядят сверху на опавшие листья и говорят между собой: «Вот они все опали, а с нами еще не известно, что будет: они пали и лежат, а мы, может быть, еще соберемся с духом и улетим».

Вдали каждый день за густыми зеленями разгораются больше и больше золотые леса. Но раньше меня при этом самого тянуло к уткам, вальдшнепам, тетеревам. Теперь тоже золотые леса, и знаю, в них сохранилось все то же. Но зачем же мне теперь тянуться, шагать, тащиться с ружьем, если теперь я могу только подумать, и все ко мне прилетает, садится на письменный стол. Теперь мне только взглянуть на леса из своего окна, и все мое царство возле меня собирается.

26 сентября. Листья в липовой аллее уже хорошо и серьезно шумят под ногою. Слышишь ли?

28 сентября. Под вечер по-черепашьему гулял в своих аллеях и думал о том, что скорей всего так я и буду жить до конца в Дунине, если не потревожат военные события. Тема же для дум во всем мире одна: войной кончится все это напряжение или всемирный организм всего человека рассосет эту величайшую для всех времен напасть?

1 октября. Тепловато для октября, но хорошо, и воздух не сырой, легкий. Вчера медленно прошел деревню. Скорблю о глазе, что все еще не рассасывается, и мало того, в другом есть признаки начала того, что совершилось в первом.

Так и Фауст в свое время ослеп, а еще почетней Фауста у нас есть слепой музыкант Юдин, которому предлагают уверенно с положительным результатом операцию. Он не соглашается из опасенья, что вместе с возвращением зрения прекратится источник его искусства.

2 октября. Приводим дачу в такое состояние, чтобы можно было в любой день и час захотеть и метнуться из Москвы в свой лес и тоже из леса в Москву.

Сказать нельзя, что нам было бы в чем-нибудь плохо, у нас все есть, и больше желать чего-нибудь становится просто скучно. Но что-то плохое и безнадежное, безрадостное совершается во всем мире, и на это непонятное «что-то» отвечает не разум, а чувство.

Листья стекают, одни прямо внизу и ложатся, как удобрительный пласт, другие пережидают на крыше, располагаясь листик возле листика, третьи улетают, табунясь вместе с маленькими перелетными птичками.

Мне кажется о себе, что я тоже какой-то лист, стремящийся избежать общего уплотнения внизу в удобрительную массу, и мало того! смешаться с птицами и улететь без крыльев, прямо по ветру.

3 октября. Слышал доносящийся с высот серого неба крик и курлыканье улетающих журавлей. Но найти их там между облаками, их треугольники, не мог: то ли они летели по заоблакам, то ли и второй глаз начинает мутиться.

После вечерней бури и ливня просияло растерянное утро. Осень нынешняя вышла без осенней красоты. Повидимому, июнь-июльская жара поджарила стебельки, и лист, отяжеленный двухмесячными дождями, вдруг потек и опал. Чувствую, что и сам тоже разваливаюсь, как клееная дверь на дожде ⟨...⟩

Так оно вот и пришло время (еще не совсем!), которое ей [матери] не пришлось переживать, вроде самой поздней осени: жизнь, как дерево от листьев, очищается от всяких маленьких надежд на лучшее в собственной жизни. Вот она осень сейчас синичкой стучится в окно.

4 октября. Пепельное небо, на окне мельчайшие мушки. Осень с осенью складываются: там, за окном, и у меня за душой. Ночью было невыносимо неловко так жить, сложив руки перед низкой тучей беды для всего человечества.

Подумав, так решил, что все-таки войны не будет.

6 октября. Кащеева цепь. Первое мое признание, и с него я начну автобиографию, это что сам по себе я не писа-

тель, не ученый, не мудрец какой-нибудь и не сверхчеловек, а такой же, как и все, человек простой.

Сколько ни думал я об этом простом человеке, и никак не могу согласиться с тем знатным иностранцем, который в простом человеке понимает более низшую форму существования, чем его собственная. Петр Великий, скажем, был императором, но сам по себе, как человек, был очень простым. В этом смысле я не отказываюсь и от своего писательства: я, конечно, писатель, человек знатный, и всего себя на это истратил, и кое-чего достиг, заслужил. Но это писательство не было у меня идолом, а одним из средств понимания жизни. В существе же своем я самый простой человек, страстно ищущий на своем пути друга, чтобы хоть в дороге высказать ему все, что лежит на душе и давит ее. Выскажешь, и вдруг станет много легче, как будто понял, что я не один такой урод на свете живу, что всякий настоящий простой человек меня поймет.

Из-за этого-то, как сейчас понимаю, я и сделался писателем: именно чтобы не все болтать со встречными людьми и в этом отводить душу, а говорить правильно на родном языке и для всех и достигать пониманием таких, кого иначе никогда не найдешь.

Одно признание вызывает другое, и через это понимание существа простого человека очень расширяется.

Вот я о себе сейчас думаю, что могу, и, вероятно, в любом обществе, с помощью всего прочитанного и некоторой славы писателя, представиться одним из очень образованных людей. На самом же деле все это «образование» никак не дорога, не путь, а только объезд или обход трудного пути и к самой душе простого человека не имеет никакого отношения.

Мне теперь отчетливо представляется разница между тем прожитым, юношеским моим пониманием образованного человека профессора и нынешним пониманием образованного как простого. Прежний мой образованный человек мог взяться за любую научную дисциплину, сделаться профессором и, значит, тем самым и образованным. Нынешний образованный должен, кроме профессорского «научного» звания, понимать все и по себе.

Каждый на свете из нас добирается до своего заключенного простого человека своим собственным путем и так «находит себя».

8 октября. Первый зазимок: перед рассветом выпал снег на крыши, а на земле таял и оставался клочками. И дальше, редкий такой снежок сеялся и на земле таял. Весь день

с утра еще в темноте и до темного вечера летел снег, и не оставалось от него ни на земле, ни на крышах даже одного-единственного белого пятнышка. У Ляли продолжается пневмония. Я на все как-то опустил руки. Слушаю «Голос Америки», до того там все грубо и глупо, и сказать нечего. Когда сам ругаешься на своих, то кажется, это ничего, а когда на них же, на своих, американцы пускают русских собак,— тут плохо становится, и хочется защищать то самое, что позволял себе ругать.

10 октября. Творец закона всемирного тяготения, конечно, от «нечего делать» обратил свое внимание на падение яблока. А то если бы он погружен был в дело, то некогда было бы ему заниматься такими пустяками. То же ведь и у каждого художника во всяких его опытах может быть, и сама Сикстинская Мадонна тоже началась у Рафаэля с чего-нибудь и как-нибудь, «от нечего делать». Я давно это заметил у себя самого, что все хорошие вещицы начались у меня в состоянии «от нечего делать» и что каждый настоящий художник это знает, и, получая благодарность от простых людей за свое «дело», чуть-чуть про себя стыдится: не дело тут было, а само вышло от нечего делать.

В особенности я это понимал хорошо так, когда встретился с Шаляпиным и оставался с ним несколько часов глаз на глаз. Служит ли до сих пор кому-нибудь на свете стоявшая тогда между нами бутылка, единственный свидетель того разговора двух русских людей. После Горький пришел, а Шаляпина куда-то вызвали.

— Ну как? — спросил Горький,— вы первый раз, каким он вам показался?

Я ответил, не думая:

— Бога видел!

Горькому это было очень приятно, он повеселел и сказал:

— Погодите, мы его таким вам покажем, какого никто не видел.

И теперь только понимаю, за что я о нем так сказал. Тогда я, почуяв душу гениального человека, именно это и выхватил: он весь существует «от нечего делать».

Но зависти «к богу», как чувствовал Сальери к Моцарту, у меня не было. И сейчас зависти ни к кому нет у меня при встрече: я просто как бы совпадаю в радости с такими людьми. Горе же мое состоит не в зависти, а что сам своим усилием не могу сделать того, что эти люди легко делают «от нечего делать».

Какая может быть зависть к человеку, не имеющему

своего личного поведения среди миллионов тружеников, вкладывающих изо дня в день свой труд на благо будущих поколений. Тоже вот позавидовать Лермонтову, восхитившему своей поэзией всю свою родину, от нечего делать связавшему сердца сотен людей, готовых за него умереть. Когда же от звездной дороги своей поэзии он выходит на дорогу, где люди делом своим защищают, охраняют, берегут жизнь, он смеется над этой жизнью и даже не пробует защитить себя, когда враг спокойно целится в него из пистолета. Чему же тут завидовать. Так вот солнцу ли нам завидовать, если у него все само собой делается. Вот почему сам талант не подлежит оценке: это все от природы, может быть, даже прямо и просто, как у гвоздики. Но человеческое усилие найти свой талант (гвоздичку) — вот это самое и есть первое начало всякого творчества.

На талант свой можно наткнуться случайно, и покажется, будто все взялось из ничего. Но бывает, и больше всего оно так и есть, что главные силы свои с трудом искал всю жизнь, а когда найдешь, то кажется, будто всю жизнь искал в себе клад и нашел, и что это у каждого есть какой-то клад, и что каждый [мог] бы, сделав усилие, найти его и взяться. Так что в своем опыте я ценю только *усилие*, и особенно первое, с чего все началось. Вот это первое усилие художник сделает от себя, от нечего делать, будто бы облагораживаясь тем, что его объясняли талантом.

11 октября. Чем хороша «Война и мир»? Тем, что Толстой вспомнил добрых людей, переживших войну, и показал их любовь к родине.

14 октября. Мороза нет, тепло, туманчик, и все как раз, чтобы по чернотропу на зайцев пустить гончих. Озимь густо-зеленая бьет в глаза. Затруби, труба!

16 октября. Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и страшно проносится жизнь, ты же сам сидишь где-то на пне, лицом обращенный к заре, и ничего не теряешь, все остается с тобой.

Синички во все окна стучатся: «Пустите, пустите!»

17 октября. Сурков прислал телеграмму, призывающую меня на пленум 20 октября [188]. Сочиняю ответ.

Как никогда, хотел бы принять участие в работе Союза, готовился выступить со своим наблюдением новой колхозной жизни. Как старейший агроном, я близко принял, вместе с народом, к сердцу новейшие реформы в области земледелия. И это всеобщее сейчас чувство радости просится перекинуться в нашу область искусства слова. Сущ-

ность новейших мероприятий — это то, что тягостные налоги ложатся теперь на землю и тем самым созидательная возможность того же самого человека на той же земле освобождается.

Так точно, как в земледелии, в искусстве слова есть и своя «земля», и свой «сеятель», и свои необходимые тягости, и своя свобода.

Мне хочется, чтобы и на этой земле искусства, как и на колхозной земле, совершалась бы та же самая реформа: там и тут необходимые налоги собирались с земли и через это творчество человека со всеми его возможностями освобождалось.

23 октября. Мы как будто совсем собрались переезжать в город и обедать собираемся там у себя.

«Весна света» радует меня: собралось в один том большой в 50 листов столько мелочи, что это стал не том, а мешок с золотыми копейками, собранными за всю жизнь. Долго, много и не спеша будут читать эту книгу. Мирюсь на том, что если бы все так оставляли свои «мешки», то было бы всем очень хорошо. Так и Лев Толстой кончил себя самого в Астапове: [189] «сделал все, что мог».

30 октября. Такой день, как вчера, помнить надо! Но с одним глазом пока мне трудно, и казалось, будто я не живу, а несут меня.

Чаще и чаще в голову приходит в отношении своего конца, что это вообще для себя неплохо, кое-что и пойму, а кое-что получу прямо на руки. Но как подумаешь о близком человеке, о друге, посвятившем тебе свою жизнь, тут расставаться жалко, и ничем этот провал не закроешь.

1 ноября. Мороз —6° и свет, Ляля принесла мне путевку на 2 ноября, значит, завтра я перемещаюсь в Барвиху. Читали вместе вчера дневник Л. Н. Толстого перед его уходом. Припомнилась всеобщая защита Софьи Андреевны тех, кто стоял на ее стороне: они говорили, что С. А. чуть ли не своей рукой четыре раза переписала «Войну и мир». Это значит, что те люди смотрели на любовь с точки зрения ее полезности. Пора бы людям разоблачить и любовь и поэзию от их «полезности» и объявить для всех идеалом, что любовь свободна от деторождения, а поэзия от стихов.

8 ноября. Ляля утром приезжает ко мне и уезжает только на ночь. Мы с ней как Дон Кихот в двух экземплярах и на каждом экземпляре написано: уникум. Наше содружество в том, что мой Санчо служит ее господину, а ее Санчо моему. Я очень хорошо могу вспомнить, как хорошо

мой Санчо повлиял на характер ее Дон Кихота и как тоже ее оруженосец изменил моего Дон Кихота. В сущности, мы только тем в свободное время и занимаемся, что ведем между собой диалоги: то я в них Кихот, то она Санчо, а то и наоборот. Редчайшая в мире пара. Оба и дурачками бываем, и оба выправляемся.

9 ноября. Ляля звонила, что приходил к ней Федин и сказал, что «Корабельная чаща» («Слово правды») пойдет в «Новом мире» с малыми редакционными поправками. И что Замошкин «в диком восторге» и вызывается вместе с Лялей сделать поправки [190].

Большой и трудный вышел у меня этот день 〈...〉 Сговорились с Кремлевкой, и уже в 5 часов вечера сейчас я сижу в палате хирургического отделения. Моя задача посоветоваться с большими врачами и вернуться домой на тихую жизнь.

10 ноября. Ляля звонила, что ее пустят ко мне только завтра и что о «Слове правды» пришел блестящий отзыв (наверно, Федин).

Надо решить «Слово правды» или «Корабельная чаща» [191].

11 ноября. Становится совсем непонятным, как мало люди берут из того, что им дано на земле. И как счастлив я, что свою долю в значительной мере взял. Это первое и достоверное — любовь к Ляле, второе — моих читателей ко мне.

15 ноября. Познакомился с Лепешинской, сломавшей себе ногу на балете «Красный мак» [192]. Сначала я не знал, что это старая балерина, и в полумраке принял за девочку, сломавшую жизнь свою на танцах. Еле-еле удержался от слез, потом много ей говорил об искусстве и о природе, как о любви. После того, уже в своей палате, узнал, что это была Лепешинская, и почему-то перестал жалеть.

18 ноября. Долго болтал вчера с О. В. Лепешинской. Впервые понял, что в отношении любви Дон Жуана балерина менее доступна, чем монахиня. И это оттого, что у монахини плоть ее сдерживается, а у балерины преобразуется. Монахиня, отказывая Дон Жуану, поступает по общему закону монастыря, а балерина на своем ослепительно-прекрасном прыжке успевает показать Дон Жуану шиш. «Поздравляю!» — встречает его командор на кладбище, кивает головой и улыбается. Оказывается, командор был первым, законным и единственным наивным и честным мужем балерины и пробовал сам танцевать. Далее следует по-

весть о балерине как о женщине лунного света, исчезающей в свете наступающего дня.

20 ноября. Сегодня меня выпускают на волю. Приедет за мной Ляля, ее начинят указаниями для ухода за мной. И все!

Вполне верно будет пока для меня это обобщение, что сколько ни мучили доктора, я остался жив, и мне кажется, постепенно буду работать. Но надо помнить, что если пока надо мало двигаться, то и болтать тоже надо поменьше.

Вчера нянька-старуха пришла со мной прощаться и как-то само собой зашла речь о том, как лучше устроить себя, когда умрешь,— в землю или сжигаться.

— Вы-то как, Михаил Михайлович?

— Я в землю, конечно, милая бабушка.

— А из чего в землю?

— Как из чего? В земле лежат все мои родные, и отец, и мать, сестры, братья, многие друзья.

Чувствую, старуха моя захлебывается от радости.

— А еще,— говорю,— мне кажется, что с земли можно выбраться и на небо, если же сожгут, то и полетишь в трубу прямо к чертям.

Боже мой! какая радость загорелась у старухи от моих слов! И это была не прежняя радость ⟨...⟩, а чистейший фольклор, или спокойный огонь на месте прошедшей борьбы.

21 ноября. Вчера меня перевезли домой, и, боже мой! какое это было и сейчас все остается счастье. Вот уже воистину качество одного дня превращается в год. Как это назвать, не знаю, вроде какого-то строя или ритма тишины и что я в этом царствую, что я царь, и никакие министры не нужны мне, я царствую в понимании.

23 ноября. Прошло всего три дня с тех пор, как я вернулся домой, уж ясно чувствую, как быстро возвращается здоровье.

1 декабря. Как бы там ни было, но возня возле повести кончилась и остается спокойно ждать мая, когда в одном номере целой книгой намечено ее напечатать под заглавием «Корабельная чаща».

Может быть, ни одна еще синичка осенью при наступлении холодов не постучала носиком в мое окошко безответно: я или впущу ее погреться, или посыплю ей в форточку семечек.

Каждый день к вечеру кто-нибудь приходит. Вчера приехали Капицы.

7 декабря. Приезжала в первый раз Лепешинская, очень милая, сама капелька, а глаза сверкают, издали как льдинки в горах. А в душе, как увидишь, начинается оттепель, и кажется, будто сам знал ее и она была всегда.

Пастернак спустился к нам, читал стихи, совершенный младенец в свои 60 лет [193]. И делается хорошо на душе не оттого, что стихи его, а что сам он такой существует.

10 декабря. День серый от неба и до земли пришел и стал.

— Не спеши, Михаил! — сказал я себе.

А самому дню:

— Погоди! — приказал я,— не трогайся, пока я не отпишусь, теперь утро, ты еще в моих руках!

12 декабря. Пишу потихонечку по утрам от одного часу до двух, стараясь обходиться без того, что обыкновенно дается усилием воли.

18 декабря. После рецензии Федина даже и Твардовский, излагая новогодние планы, напечатал, что в новой повести Пришвин изображает «чистоту и нравственную силу советского народа». Название «Корабельная чаща» пошло теперь гулять по свету, и я не теряю надежды, что вещь станет на свое место и будет долго стоять за меня.

19 декабря. Решено закончить «Кащееву цепь» цепью маленьких притч, намекающих на основы творчества (творческое поведение).

29 декабря. Просидел без выхода даже на балкон и без записей. Зато редакторы привозили показывать сигнальный экземпляр «Весны света» и порадовали меня. Такая книга — событие в моей жизни. Узнал, что во всем издательстве повторяют — «со своим путиком» [194].

30 декабря. Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям «весну света».

Те же боли, и неохота вставать, но сегодня под утро показалось мне на минуту, будто кто-то знакомый близко и добрый постучался и позвал меня...

31 декабря. Внезапно прислали «Весну света» совсем готовую.

1954.

1 января и 2. Сидел на месте и принимал поздравления.

3 января. Вхожу в новый год, рассылаю свою книгу с поздравлениями. Похоже, будто вступил по лестнице

счастья на первую площадку. Площадок на лестнице много, и, пока доберусь, не принялись бы меня подгонять, как счастливого осла, батогами. А мой огонек весны света затопчут. А может быть, один огонек за другим, и в самом деле явится надежда на какой-нибудь выход?

4 января. Мне же самому можно оставить заботы о существовании. (Знаете вы, что значит заботы о средствах? Вы, конечно, знаете и представьте себе, для меня все это прошло!) А сколько всего намечено для писания, вздохну и запишу, пошлю, и мне оттуда деньги пришлют.

5 января. Рождественские деньки проходят выводками зверушек, наполняющих леса, и где-то *там,* а перед глазами только белые крыши. Тоски, однако, от невозможности охотиться не чувствую. Напротив, мне хорошо сейчас в Москве, и если это я болен (слабость), то не чувствую тягости: слаб, значит, не надо работать. Кстати, книга «Весна света» вышла, Собрание — оба первые тома подготовлены, повесть новая определена в «Новый мир». Чего же еще больше: царствуй, лежа на боку [195].

6 января. Самоходом пришла елочка старинного Рождества, зажглась, и люди пришли, способные без вина сидеть и глядеть на огни.

7 января. Не дни, а барашки белые.

В честь выхода «Весны света» состоялся у меня вечер редакторов «Молодой гвардии», был директор и главный художник. Все это в сравнении со мной мальчики, были пионерами, комсомольцами и теперь члены партии. Ведут себя хорошо, как молодежь к вождю.

Книгу мою они представили на премию, и есть некоторая надежда, что дадут премию. Мало, однако, теперь она мне поможет, кроме как деньгами.

9 января. Вернулось к —15°.

Ничего совершенно не делаю, если не считать, что, может быть, так и надо, что я переделываюсь для чего-то, закончив «Корабельную чащу». А то все говорят, что крупных поэтических вещей в моем возрасте не бывало.

Мне надо погодить радоваться своим успехам и замереть на своей жердочке в курнике.

— Замрешь, Михаил?

— Постараюсь, да, замереть и дожидаться, когда запоет петух.

— А если он не запоет?

— Все равно подожду.

10 января. Морозы пополнились до — 20°. Доктор нашел во мне пневмонию и уложил в постель.

11 января. Лежу и ничем не могу возразить.

12 января. Общее ухудшение здоровья, уложили в постель.

15 января. Деньки вчера и сегодня (на солнце —15°) играют чудесно, те самые деньки хорошие, когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым [196].

КОММЕНТАРИИ

СПИСОК
УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГЛМ — Государственный Литературный музей.

Дневники 1905—1954 — Пришвин М. М. Собр. соч в 8-ми томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1986.

Круг жизни — Пришвина В. Д. Круг жизни. М., «Художественная литература», 1980.

ЛН — «Литературное наследство».

Путь к Слову — Пришвина В. Д. Путь к Слову. М., «Молодая гвардия», 1984.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва.

ДНЕВНИКИ

Дневники М. М. Пришвина охватывают полстолетия его жизни и творчества с 1905 по 1954 год. Он сам неоднократно свидетельствовал о том, что «главные силы свои писателя тратил на писание дневников».

Читатели знают книги, созданные Пришвиным в разные годы по материалам дневников: «Календарь природы», «Лесная капель», «Глаза земли».

Валерия Дмитриевна Пришвина, жена, литературный наследник и многолетний исследователь творчества Пришвина, пишет. «Писатель вел ежедневно дневниковые записи самого разнообразного содержания и на самые различные темы, не помышляя о печатании их. Однако эти заметки неизменно ложились в основу всех его произведений. Тем не менее первоначальные дневниковые записи не теряют самостоятельной художественной ценности. Иногда они интересны именно своей незавершенностью, так как в них сохраняется предельная свежесть записи с первого взгляда, в которой как бы приоткрывается само начало начал творческого движения. С другой стороны, эти записи бывают иногда настолько закончены по звуковому сочетанию, по ритмической и смысловой согласованности в их тончайшей словесной вязи, что миниатюры эти можно зачастую назвать стихотворениями в прозе».

Большинство записей, составивших настоящий том, было опубликовано В. Д. Пришвиной в разных изданиях: в Собрании сочинений 1956—

1957 гг., т. 6; в сборниках: «Повесть нашего времени». Ярославское книжное издательство, 1957; «Незабудки». М., «Художественная литература», 1969; «Пришвин и современность». М., «Современник», 1978; «Контекст-74», «Контекст-78». М., «Наука»; в журнале «Простор», 1975, № 1 и др.

Публикация дневников Пришвина продолжалась и после кончины вдовы писателя: в журналах «Север», 1982, № 8, «Литературная учеба», 1981, № 1, 1984, № 3, «Литературное обозрение», 1983, № 2 и т. д.

В настоящем томе впервые сделана попытка хронологически представить дневники Пришвина. При отборе материала (объем дневников настолько велик, что составил бы не одну книгу) составители стремились, по возможности сохраняя цельной форму дневников, выделить наиболее важные темы, волновавшие Пришвина на протяжении всей жизни, материалы, отражающие процесс создания того или иного произведения, записи, сделанные писателем во время поездок по стране, наблюдения и впечатления каждого дня.

Дневники условно разделены составителями на пять периодов, в значительной мере соответствующих историческим вехам времени.

Все тексты сверены с рукописными автографами, хранящимися в *ЦГАЛИ*.

1905—1917

Начало литературной деятельности Пришвина совпало с первой русской революцией 1905 года. Именно с этого времени он начинает публиковать свои корреспонденции в петербургских и московских газетах.

Многие очерки рождались из записей дневника, и дневник этих лет важен как документ времени, в нем нашла отражение жизнь провинциальной России, стоящей на пороге великих перемен. Со страниц его встает «бездна мужицких отношений», внутри которых главным становится вопрос о земле: крестьяне начинают понимать, что земля должна быть общей («кто им позволил землей владеть»), на сходках ругают царя («царь чужедум»), помещики для безопасности уезжают из деревень в город. Пришвин видит и записывает «море фактов, поднятых местной жизнью», факты эти складываются в картину общего революционного движения, цели которого еще не осознаны до конца самими крестьянами.

Дневник фиксирует обострение идейно-философской борьбы и в кругах петербургской интеллигенции, куда Пришвин попадает в это время как начинающий писатель — автор первых книг «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком». Он становится членом петербургского Религиозно-философского общества, в деятельности которого принимали тогда участие многие писатели: А. Блок, Андрей Белый, А. Ремизов и другие. Пришвин объективно передает атмосферу этих собраний, взглядом писателя-реалиста отмечая ложность философских теорий, проповедуемых идеологами этого общества Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и другими. Из дневниковых записей видно, что основные положения ведущих представителей этого общества с самого начала были чужды

Пришвину: «Я не чувствую путей к этим идеям... Мне кажется, у них много надуманности». В дальнейшем, понимая полную оторванность деятелей Религиозно-философского общества от реальных проблем жизни («как это далеко от народа»), Пришвин отходит от него. Но эстетические принципы литераторов этого круга оказывают влияние на Пришвина, как и на многих писателей того времени. Однако влияние это было кратковременным, и некоторые рассказы, написанные в ту пору, Пришвин впоследствии никогда не включал в сборники своих произведений.

В дневнике этих лет нашли отражение путешествие Пришвина по Средней Азии, в результате которого была создана повесть «Черный Араб», история его первой любви — чувства, переживаемого Пришвиным на протяжении многих лет; на страницах дневника возникает одна из главных тем писателя — тема природы как образа гармонии, возможной и в человеческом мире.

В начале первой мировой войны, стремясь увидеть воочию происходящее, писатель едет военным корреспондентом на фронт. Он становится не только свидетелем, но и участником военных событий. Писатель понимает, что для России война «положит грань совсем новой жизни».

Великую Октябрьскую Социалистическую революцию Пришвин встречает в Петрограде уже сорокалетним сложившимся писателем. И дневник 1917 года становится документальной хроникой развития революционных событий от Февраля к Октябрю.

Самые ранние из сохранившихся в архиве дневниковых записей относятся к 1905 году, хотя у Пришвина есть указания на то, что вести дневник он начал около 1902 года.

Дневник 1905—1917 годов представляет собой отдельные листы разного формата и разной сохранности с не всегда точно обозначенными годом и датой. Эти, по словам Пришвина, «клочки» были впервые распределены им по темам при первой домашней обработке архива в 1939 году. Сохраняя тематический отбор материала, сделанный Пришвиным внутри дневника, составители придерживались принятого хронологического принципа.

Начиная с 1914 года записи достаточно точно датированы. Все даты периода 1905—1917 годов даны по старому стилю.

[1] Нарушение хронологии в первых трех записях соответствует автографу.

[2] Государственный деятель царской России крайне правого реакционного направления И. Л. Горемыкин (1839—1917) был председателем совета министров с апреля по июль 1906 г. и с 1914 по 1916 г. Представлял интересы правящей клики во главе с Распутиным.

[3] Государственный деятель царской России, сторонник проведения реформ буржуазного характера в рамках сохранения монархии С. Ю. Витте (1849—1915), с 1892 г. был министром финансов, инициатором денежной реформы 1897 г.

[4] Две первые записи по своему содержанию примыкают к очеркам, которые Пришвин публиковал в это время во многих периодических изданиях (см. наст. изд., т. 1, с. 636) [1].

Эти очерки давали яркую, правдивую картину жизни и настроений русского общества, только что пережившего революцию 1905 г. и стоявшего на пороге новых социальных перемен. См. об этом периоде в кн.: Киселев А. Пришвин-художник. Хабаровское книжное издательство, 1978, с. 20—31.

[5] Речь идет о Варваре Петровне Измалковой, русской студентке, с которой Пришвин познакомился за границей после окончания Лейпцигского университета. Истории отношений с В. П. Измалковой посвящены многие страницы раннего дневника писателя и автобиографический роман «Кащеева цепь». В последующие годы на страницах дневника Пришвин постоянно возвращается к своему юношескому роману, осмысливая его роль в своей творческой судьбе. В дневнике последних лет он пишет: «Женщина протянула руку к арфе, тронула пальцем, и от прикосновения пальца ее к струне родился звук. Так было и со мной: она тронула — и я запел» (Пришвин М. Сказка о правде. М., «Молодая гвардия», 1973, с. 67).

[6] Вернувшись в 1903 г. после окончания Лейпцигского университета в Россию, Пришвин работал агрономом в Клинском уезде Московской губернии, где встретился с Ефросиньей Павловной Смогалевой (1883—1953), ставшей его женой. Как вспоминает младший сын писателя Петр Михайлович, «мать была для отца живым толковым словарем народных пословиц, поговорок, примет, обрядов, сказок» (*ЛН*, т. 70, с. 329).

Сын Ефросиньи Павловны Яков участвовал в гражданской войне в рядах Красной Армии; умер в ноябре 1919 г. от сыпного тифа в Челябинске.

[7] Речь идет об Анне Ивановне Каль, жене теоретика музыки Алексея Федоровича Каля, с которой Пришвин познакомился в 1902 г. во время учебы в Лейпцигском университете. Позже, в Париже, у А. И. Каль произошла встреча Пришвина с ее подругой Варварой Петровной Измалковой.

[8] Вопрос о соотношении сознания и жизни и борьба за их органическое единство был для Пришвина, как и для многих художников XX в., важнейшим в мировоззрении и творчестве. С этим вопросом так или иначе связаны главные темы писателя; в поисках современных образов для их художественного решения складывались стиль и символика его произведений.

[9] В дневниках ранних лет обращает на себя внимание особенность пунктуации — часто встречающиеся многоточия, создающие своеобразную стилистику письма Пришвина этого времени. См. об этом запись в *Дневниках 1905—1917* (1908, 2 ноября).

---

[1] Все последующие ссылки на настоящее издание даются с указанием тома и страницы.

[10] *Надежда Александровна Толмачева* — соседка Пришвиных по имению Хрущево.

[11] Так Пришвин иногда называет свою мать Марию Ивановну Пришвину (1842—1914). См. о ней «У стен града невидимого» (глава «Черный сад»; т. 1, с. 388—395) и в романе «Кащеева цепь» (т. 2).

[12] В 1880 г. после смерти мужа, Михаила Дмитриевича Пришвина, Мария Ивановна Пришвина стала владелицей имения Хрущево, заложенного по двойной закладной, и всю жизнь работала «на банк», выкупая его; она сама вникала во все вопросы хозяйства и буквально «вдохнула» новую жизнь в имение, пришедшее в упадок при отце Пришвина.

[13] Имение Ростовцевых было расположено по соседству с имением Пришвиных. Фамилию Ростовцева носит героиня романа Пришвина «Кащеева цепь».

[14] Имение Стаховичей было расположено неподалеку от имения Пришвиных.

[15] См. коммент. к с. 643 (т. 1, с. 821).

[16] На основании этих и подобных записей дневника 1908—1913 гг. Пришвиным были написаны очерки, впоследствии включенные им в книгу «Заворошка» (т. 1).

[17] Пришвин описывает экзамен в сельской школе в Хрущеве, на котором присутствовали староста из имения Пришвиных и сельский священник.

[18] *Михаил Егорович* — садовник в имении Пришвиных.

[19] *Аяксы* — древнегреческие герои, сражавшиеся за освобождение Трои; имя стало нарицательным, обозначающим верных, неразлучных друзей. В данном случае употреблено в переносном смысле.

[20] Спустя много лет, в 1950 г., эти слова садовника Михаила Егоровича появятся в рассказе Пришвина «Обеденный перерыв» (т. 5, с. 354).

[21] Художественно-эстетическая позиция Пришвина определяется стремлением к идеальной целостности, к единому образу, соединяющему человека и природу. В дальнейшем у писателя рождается образ Всечеловека, который от произведения к произведению получает новые смысловые оттенки, образ, в котором осуществляется это желанное единство. См. «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Кладовая солнца», «Осударева дорога», «Корабельная чаща» (т. 1, 5, 6).

[22] В дневниках Пришвина сохранилось много записей об отношениях Марии Ивановны Пришвиной с хрущевскими мужиками. Она глубоко вникала в жизнь каждого крестьянина и, кроме того, хорошо понимала всю сложность земельных отношений между мужиками и помещиками. Пришвин вспоминает, как она не раз говорила: «Отберут у помещиков землю! Волю дали, а земли... с куриный носок. Ну разве прожить мужику на такой земле!» (*ЦГАЛИ*)

[23] Крестьянин из имения Пришвиных по прозвищу Дедок, перепелиный охотник, с которым Пришвин дружил с детских лет. См. о нем рассказ писателя «Сашок» (т. 1, с. 568) и роман «Кащеева цепь» (т. 2).

[24] Вся эта запись, представляющая собой законченный рассказ, никогда не выделялась Пришвиным из дневника и не печаталась им как самостоятельное художественное произведение.

[25] *Федор Петрович Корсаков* — сосед Пришвиных по имению Хрущево.

[26] В ранних дневниках Пришвина о Ф. П. Корсакове есть запись: «Был старик. Он потихоньку от гувернанток и маменек давал нам заряжать ружья, делал невозможные нелепицы в деле воспитания... И вот теперь все воспитатели забыты, а старика люблю. Значит, все воспитатели неправильно воспитывали, а старик правильно. Вспоминается, как мы с ним дрозда стреляли из заржавленного ружья» (*ЦГАЛИ*).

[27] С октября 1908 г. Пришвин становится членом Религиозно-философского общества, которое было организовано в Петербурге в 1901 г. и просуществовало до 1915 г.

Идеи, проповедуемые теоретиками этого общества,—писателем, критиком и философом Д. С. Мережковским (1866—1941), писательницей З. Н. Гиппиус (1869—1945), публицистом и литературным критиком Д. В. Философовым (1872—1940), носили антидемократический и религиозно-мистический характер, представляли собой умозрительные религиозно-философские теории, по существу очень далекие от реальной жизни России начала века.

Позиция Пришвина отличалась от их бесплодных рассуждений глубоким знанием народной жизни, что и определило в конечном счете отход его от Религиозно-философского общества и его идеологов Мережковского, Гиппиус и Философова, не принявших впоследствии Октябрьскую революцию и ставших эмигрантами.

[28] В те годы Пришвина, глубоко погруженного в изучение народной жизни, заинтересовали народные религиозные движения, сам характер которых, как понимал Пришвин, был связан с назреванием социальных перемен в общественной жизни России. Летом 1908 г. писатель совершает путешествие на Светлое озеро, к легендарному Китежу, чтобы своими глазами увидеть мир раскольников-старообрядцев, хранителей «невидимого града», послушать споры о вере между сектантами. Незадолго перед этим на Светлом озере побывал Мережковский, которого запомнили китежские мужики.

На основе этого путешествия Пришвиным была написана повесть «У стен града невидимого» (т. 1), которую начинающий писатель и принес на суд маститым петербургским литераторам. См. подробнее об этом в кн.: *Путь к Слову*, с. 148—162.

[29] Об этом периоде подробнее см. в кн.: *Путь к Слову*, с. 184—192.

[30] Русский театральный художественный деятель С. П. Дягилев (1872—1929) совместно с А. Н. Бенуа инициатор создания художественного объединения «Мир искусства» и соредактор одноименного журнала.

[31] Профессор богословия Духовной академии А. В. Карташев (1875—1960); после Октябрьской революции эмигрант.

[32] Очевидно, Пришвин имеет в виду очерк В. Г. Короленко (1853—1921) «Светлояр» из серии очерков «В пустынных местах», написанных в 1890 г., после путешествия по глухим, отдаленным местам Ветлуги и Керженца, где Короленко застал, по его словам, пустующие и умирающие скиты и остатки «темной веры в призрачное прошлое».

[33] Пришвин видит глубокую пропасть между наивной верой простых мужиков и отвлеченными теологическими построениями умствующей интеллигенции: «Так понимают ли сектанты Мережковского? Да не есть ли это просто курьез?» А позже, как итог своих сомнений, записывает: «О богоискателях: они все были оторваны от органического целого, вместо кровной связи с целым пользовались символикой и в своих поступках не могли быть реальными» (*ЦГАЛИ*). См. подробнее об этом в т. 1, с. 804, 805.

[34] Имеется в виду Библия.

[35] В дневниках Пришвина сохранилось много записей подобного рода. Вот одна из них: «Мережковский вообще совершенно не способен быть в жизни, он не человек быта, плоти и крови» (*ЦГАЛИ*).

Ту же оценку Мережковского и его единомышленников можно найти у Блока: «Мережковские совершенно закрыты для внешних влияний, ничего нового они не увидят — ни в ком и ни в чем» (Б л о к А. Записные книжки. Л., 1965, с. 297).

[36] Лицо не установлено.

[37] Имеется в виду глава из книги Пришвина «У стен града невидимого» — «Черный сад».

[38] В очерке «Астраль» Пришвин так характеризует богоискательство хлыстов и декадентов: «Наивная народная вера в бога — дедушку с седой бородой и в Христа — адвоката грешников перед строгим Судьей исчезала у простых людей и заменялась верой в божественность своего личного «я» и как это «я» совершенно так же, как у наших декадентов, не достигая высшего «я», равного «мы», где-то на пути своего развития застревало, и каждый такой «сознательный человек» делался маленьким богом, царем своего маленького царства» (т. 2, с. 583).

Во время Великой Отечественной войны Пришвин, вспоминая то далекое время, записывает: «Определяю ошибку богоискателей и сектантов: у одних философия и поэзия подменяли веру, у других была вера, но не было свободы разума (философии и поэзии).

Между тем историческое начало таило в себе сокровенную задачу единства сознания и веры, осуществляемого прямым действием. Все сознавали, что это осуществит революция» (*Путь к Слову*, с. 189).

[39] После этой встречи Пришвин записывает в дневнике: «Вчера мне сказали, будто я стою против духа. Трава зеленая против духа».

Оценивая позицию начинающего писателя в среде петербургских литераторов, В. Д. Пришвина пишет об этом времени: «Избранное литературное общество и привлекает и отталкивает его. Чем же? Он чувствует, что эти люди обессилены разделением жизни на «плоть» и «дух». Они,

оторванные от природы и народной культуры, хотят осуществить в России реформацию, полагая, что это позволит создать новые духовные ценности. [Пришвин] же считает эти ценности издревле хранимыми в народе, выношенными отцами, опытом жизни» (*Путь к Слову*, с. 172).

[40] В дневнике сохранилась запись разговора у Мережковских на эту тему: «За чаем я рассказал им о впечатлении на меня от чтения Евангелия. Мне оно показалось скучной брошюрой. Господи! Как это подхватили 〈...〉

— Нужно научиться понимать красоту в простоте, декаденты все разбиваются о «Капитанскую дочку»,— сказал Мережковский».

Много лет спустя, в 1933 г., Пришвин запишет в дневнике: «Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное» — сходятся) 〈...〉

Моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить,— то и другое для меня теперь археология, моя родина, непревзойденная в простой красоте, в сочетавшейся с нею доброте и мудрости,— моя родина — это повесть Пушкина «Капитанская дочка» (см. *Дневники 1933—1940,* запись 6 сентября 1933 г.).

[41] *Рябов* — один из деятелей хлыстовства, участник религиозно-философских собраний (см. *Дневники 1905—1917,* запись 28 января 1909 г.; очерк «Астраль» — т. 2, с. 589).

[42] *Павел Михайлович Легкобытов* — один из руководителей секты хлыстов «Новый Израиль» (см. т. 2, с. 590; *Дневники 1905—1917,* запись 2 декабря 1909 г.; *Путь к Слову,* с. 184—192).

[43] Русский писатель и поэт Ф. К. Сологуб (наст. фамилия Тетерников; 1863—1927).

[44] *Столпнер Б. Г.* (1871—1967) — философ, марксист. С 1902 г. участвовал в социал-демократическом движении (впервые перевел на русский язык большинство сочинений Гегеля).

[45] *Базаров* (псевдоним Руднева В. А., 1874—1939) — русский философ и экономист, социал-демократ. Во время революции 1905 г. примыкал к большевикам; после 1907 г. отошел от большевизма, пропагандировал богостроительство («Богоискательство» и «богостроительство»; 1909), эмпириокритицизм. Его взгляды подверглись критике в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

[46] Русский экономист, философ, публицист П. Б. Струве (1870—1944) был теоретиком «легального марксизма», белоэмигрант.

[47] Вопрос о народе и интеллигенции, широко обсуждавшийся в Религиозно-философском обществе в то время, очевидно, был связан с докладом А. А. Блока «Россия и интеллигенция», прочитанным на заседании Религиозно-философского общества 13 ноября 1908 г.

Одним из главных оппонентов по этому докладу, выступившим в печати, был журналист Л. Е. Галич (Габрилович; 1878—1953), который в статье «Народ и мы» («Речь», 1908, 7 ноября) отвечал на основные поло-

жения доклада Блока. См. подробнее в статьях А. Блока: «Народ и интеллигенция» (1908) и «Вопросы, вопросы и вопросы» (1908).— Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5. М.— Л., Гослитиздат, 1962, с. 318—344.

[48] См. статьи А. Блока «Памяти Врубеля» (1910) и «Крушение гуманизма» (1919). В них Блок развивает мысль о такой безусловной и неподвластной уничтожению стихии искусства, перед которой «самые произведения художников... отходят на второй план», как «несовершенные создания», «обрывки замыслов гораздо более великих». Он пишет: «...дороже то, что Венера *найдена* в мраморе, нежели то, что *существует* ее статуя» («Памяти Врубеля».— Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5. М.—Л., 1962, с. 422), и позднее: «Сама Венера Милосская есть некий звуковой чертеж, найденный в мраморе, и она обладает бытием независимо от того, что разобьют ее статую или не разобьют» («Крушение гуманизма».— Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6. М.— Л., 1962, с. 109).

[49] Философ-публицист А. А. Мейер (1875—1939) был членом совета Религиозно-философского общества в Петербурге.

[50] Речь идет об очерке Мережковского «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908), в котором дается религиозно-идеалистическая трактовка личности и поэзии Лермонтова.

[51] Французский географ-социолог Реклю Э. (1830—1905), автор многотомного сочинения «Новая всемирная география. Земля и люди» (1876—1894).

[52] *Салон* — выставка картин художников, входивших в объединение «Мир искусства».

[53] Русский советский поэт М. А. Волошин (наст. фамилия Кириенко-Волошин; 1877—1932) в начале своего пути примыкал к символистам, затем участвовал в журнале акмеистов «Аполлон».

[54] В 1909 г. в № 1—3 журнала «Русская мысль» были напечатаны главы из книги Пришвина «У стен града невидимого»; критик и историк литературы, переводчица З. А. Венгерова (1867—1941) была сотрудницей журнала «Русская мысль».

[55] М. А. Волошин жил за границей с 1901 по 1909 г.

[56] В 1900—1901 гг. Волошин совершил поездку в Среднюю Азию, где работал на изысканиях Ташкентско-Оренбургской железной дороги. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры» (цит. по изд.: Волошин М. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1977, с. 10).

Можно предположить, что рассказ Волошина в какой-то мере послужил толчком к путешествию Пришвина по Киргизии осенью 1909 г.

[57] Русский поэт, символист К. Д. Бальмонт (1867—1942), с 1920 г. в эмиграции.

[58] Мифологические образы Диониса (бога экстаза) и Аполлона (бога света) для русской поэзии начала XX в.— времени расцвета симво-

лизма — связаны с размышлениями поэтов о сущности творчества. При этом Дионис для них — начало стихийное, а Аполлон — гармоническое. Поэты-символисты (Вяч. Иванов, Блок, Волошин и т. д.) решали эту проблему в свете популярной в то время в России книги немецкого философа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (СПб., 1906).

Так, конспектируя эту книгу Ницше, Блок выделяет слова: «Аполлон не мог жить без Диониса» (Блок А. Записные книжки. М.—Л., «Художественная литература», 1964, с. 80).

В 1937 г. Пришвин записывает в дневнике: «Совокупление или творчество все равно сопровождается радостью, только совокупление — Дионис, а творчество — Аполлон» (*ЦГАЛИ*).

[59] Очевидно, речь идет о стихотворениях, написанных Волошиным под впечатлением от поездки в Среднюю Азию. В одном из них — «Пустыня» (1901) поэт писал:

Пустыня спит, и мысль
растет...
И тихо во всей
пустыне,
Широкий звездный
небосвод
Да аромат степной
полыни.

[60] Можно предположить, что Пришвин прочитал Волошину часть главы «Море» из книги «За волшебным колобком» (т. 1, с. 191—200).

[61] *«Согласие Дмитрия Ивановича»* — название VI главы книги Пришвина «У стен града невидимого» (т. 1, с. 449).

[62] Позже эта запись получит художественное воплощение в прологе к роману Пришвина «Кащеева цепь».

[63] *Михаил Евстигнеевич* — елецкий купец.

[64] *Дуничка* (сохраняется орфография автографа) — Евдокия Николаевна Игнатова (1852—1936), двоюродная сестра Пришвина, оказавшая большое влияние на формирование личности будущего писателя. В дневнике 1918 г., составляя летопись своей жизни, Пришвин записывает: «Двоюродная сестра Дуничка учит любить человека (с Некрасовым)» (*ЦГАЛИ*). Дочь двоюродного брата Пришвина Т. И. Игнатова-Коншина пишет о ней в своих воспоминаниях: «Евдокия Николаевна начала свою деятельность в снятом ею флигеле в одном из имений Елецкого уезда в 20-ти километрах от пришвинского Хрущева. Купила несколько столов, скамеек и букварей и отправилась по деревне звать детей в школу. Сначала шли неохотно, но постепенно доверие было завоевано, и через два года произошел совсем необыкновенный для тех времен случай: от одной из ближайших деревень (Малая Сапрычка) явилась делегация крестьян с предложением устроить школу на земле, выделенной ими для этого из общины. Е. Н. взяла деньги из своего приданого. Школа была ею выстроена. Вместе с учениками был насажен фруктовый сад, и зеленый уголок среди полей на общинной земле был оазисом, где Е. Н. проучительствова-

ла 40 лет. Когда кончились ее личные средства, она передала школу земству... В своей работе она сначала шла ощупью без всякой помощи со стороны... Но чем она владела еще более, это даром горячего человеческого общения со своими учениками. Редко можно было встретить такого мягкого, такого нежного человека, каким была Е. Н.» *(ЦГАЛИ)*. См. о ней также в романе «Кащеева цепь» и коммент. 58 к *Дневникам 1918—1932*.

[65] *Лидя* (сохраняется орфография автографа) — Лидия Михайловна Пришвина (1866—1918), сестра Пришвина, жила с матерью в Хрущеве (*Путь к Слову*, с. 4—23).

[66] *Спасское-Лутовиново* — имение И. С. Тургенева под г. Орлом.

[67] Елецкий друг Пришвина А. М. Коноплянцев, по свидетельству В. Д. Пришвиной, сыграл в жизни писателя «немалую роль, именно как его читатель, понимающий и верный» (*Путь к Слову*, с. 112—113, 139).

[68] См. об этой легенде рассказ Пришвина «Соленое озеро» (т. 1, с. 631).

[69] Речь идет об Анне Харлампиевне Голиковой. Встреча с ней относится к студенческим годам жизни Пришвина в Риге, когда оба они были членами марксистского кружка. Одно время Голикова была влюблена в Пришвина (см. коммент. 108 к *Дневникам 1905—1917*).

[70] Варвара Петровна Измалкова.

[71] По материалам путешествия в Киргизию Пришвиным были написаны повесть «Черный Араб» (1910), очерк «Адам и Ева» (1909), рассказ «Соленое озеро» (1914) и другие произведения.

[72] Пришвин познакомился с писателем А. М. Ремизовым (1877—1957) в 1907 г. И примерно в это же время вошел в «Обезьянью великую вольную палату» — кружок литераторов, группировавшихся вокруг Ремизова. Обезьянья великая вольная палата (Обезвельволпал) противопоставила «ясно-откровенное и смелое обезьянье царство» «гнусному человеческому лицемерию» («Манифест Обезвельволпала».— «Записки мечтателей», 1919, № 1, с. 144—145). Членство в обществе ограничилось тем, что принятому вручалась грамота, утверждающая за ним определенное звание: Пришвин имел чин «князь обезьяний и полномочный резидент заяшного ведомства». В общество входили многие русские писатели, поэты, художники и ученые: П. Е. Щеголев, А. М. Горький, А. Н. Толстой, В. Я. Шишков, А. А. Блок, А. А. Ахматова, К. С. Петров-Водкин и др. В шутливой форме игры проявлялся серьезный интерес к изучению истоков русской народной жизни и культуры.

[73] См. о нем коммент. к с. 68, т. 2.

[74] Имеется в виду книга Пришвина «За волшебным колобком» (1908).

[75] Гиппиус была больна туберкулезом и по совету врачей спала зимой на балконе, на открытом воздухе.

[76] Советский партийный и государственный деятель В. Д. Бонч-Бруевич (1873—1955), автор трактата по истории религиозно-общественных движений в России начала века. См. *Путь к Слову*, с. 184—192.

[77] См. статью А. Блока «Мережковский» (1909).— Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5. М.— Л., 1962, с. 360—366.

[78] См. роман «Кащеева цепь».

[79] В статье «О назначении поэта» (1921), посвященной 84-й годовщине смерти Пушкина, Блок пишет: «Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса... И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл» (Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6. М.—Л., 1968, с. 167). См. *Дневники 1918—1932,* запись 1 апреля 1926 г.

[80] Имеется в виду юношеский роман Пришвина с В. П. Измалковой.

[81] Запись в дневнике без начала.

[82] Имеется в виду первое Собрание сочинений Пришвина в 3-х томах, которое было издано по предложению А. М. Горького в 1912—1914 гг. в издательстве «Знание».

[83] В 1913 г. в своей статье «О «Я» и «Что-то» З. Н. Гиппиус, писавшая под псевдонимом «Антон Крайний», назвала Пришвина «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца».

[84] Пришвин получил письмо от В. П. Измалковой из Лондона, где она в это время жила.

[85] *Маруха* (местн.) — возлюбленная, разлучница.

[86] В Архангельской области существует поверье, что если в сильный мороз выйти на улицу, насчитать из прохожих двенадцать лысых, то на нос последнего пересядет мороз.

[87] См. рассказ «Слуга времени» (т. 2, с. 558—563).

[88] *Стоснуться* — стосковаться.

[89] По библейскому преданию, Иов — страдающий праведник, испытываемый сатаной.

[90] Лицо не установлено.

[91] С 24 сентября по 18 октября Пришвин совершает первую поездку на фронт в Галицию — территорию нынешних Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областей и части юго-восточной Польши.

[92] Записанный Пришвиным разговор с матерью во сне о Достоевском не случайно появился в дневнике — любовь к литературе всегда глубоко связывала его с матерью. «Такого глубокого и страстного интереса к литературе я положительно ни у кого не встречала в кругу елецких помещиков»,— пишет о М. И. Пришвиной в своих воспоминаниях Т. И. Игнатова-Коншина *(ЦГАЛИ).*

[93] В первые месяцы после кончины матери Пришвина не покидает чувство связи с ней, как с единственным, самым близким человеком. И в дневнике он пишет ей, уже покойной, письмо: «...Иногда вспоминаю тебя в лесу, мне кажется, при шуме ветра, что это все вы, покойники, живете своей общей жизнью. Ты умерла, с ними там, в этом лесу, в этом ветре, в этой воде — как это странно, как это мучительно, как утомительно нести крест человека. До сих пор я еще не мирюсь со смертью и все думаю, что мне удастся ее пережить: я знаю, что это обман жизни, но что, если уметь сохранить в себе этот обман до конца, сделать, чтобы обман был

больше правды? Вдумываюсь, что ты мне посоветуешь, и мне припоминается, как я тебе (в маленькой комнате возле умывальника) сказал раз горячо, что все это (дело устройства внешней жизни) пустяки, нужно эти пустяки перейти, стремиться к большому широкому простору творчества общей жизни... что-то в этом роде я говорил, и ты вдруг меня, забывая весь свой кропотливый труд по добыванию средств к жизни, горячо поддержала. Да, ты ненавидела будни жизни, душа твоя при поездках куда-нибудь преображалась, расширялась. В этой радостной широте души я нахожу себе надежду поддержать себя до конца.

Недавно в связи со снами и домашними сценами вспоминал, как ты чуть не женила меня на учительнице и как я, вопреки твоему желанию, пошел своим путем, диким... Ты не могла понять, что твой выбор был серединой между моими двумя крайностями и для этого надо было быть серединой ⟨...⟩ Я не раскаиваюсь, но часто тоскую, эта тоска гонит меня в литературу, в мечту, за мечту получаются деньги, на которые умелый человек мог бы устроить приличную жизнь. Получается что-то нелепое: тоска по среднему состоянию и коренное к нему презрение. Впрочем, твой завет бороться с претензиями я постоянно держу в уме.

Еще я хотел бы тебе сказать о себе, что очень мне трудно жить без опоры. Знаешь, я как-то робею перед другими писателями ⟨...⟩ Но, раздумывая о написанном ими, я вижу, что я ошибаюсь: и они тоже опираются на иллюзию (вдохновение), и они тоже испытывают это состояние без опоры ⟨...⟩ Это чувство опоры есть чувство слабости ⟨...⟩ Поддерживает в конце концов какой-нибудь случайный душевный разговор с близким, а разговор дается личной кротостью: так сила является будто в слабости» (*ЦГАЛИ*).

[94] С 15 февраля по 15 марта Пришвин совершает вторую поездку на фронт корреспондентом от «Русских ведомостей».

[95] Возможно, речь идет о художнике К. С. Петрове-Водкине (1878—1939), с которым Пришвин познакомился в те годы.

[96] Пришвин попадает на передовые позиции в отряд, которому было поручено спасти корпус, заблудившийся в лесах, занятых неприятелем.

[97] Территория на юго-западе Польши вблизи Гродно. Место, где в феврале — марте 1915 г. происходили военные действия первой мировой войны. См. очерк «Августовские леса» в цикле «Слепая Голгофа» (т. 2, с. 602).

[98] Имеется в виду Варвара Петровна Измалкова.

[99] Персонаж из повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики».

[100] Образ из повести Н. В. Гоголя «Нос».

[101] Имеется в виду революция 1905 г.

[102] Церковный проповедник, иеромонах, старец Оптиной Пустыни в Козельском уезде Калужской губернии Амвросий (А. М. Гренков; 1812—1891).

[103] Министр торговли и промышленности. Пришвин в это время служил секретарем товарища министра.

[104] Реакционный государственный деятель царской России, член партии октябристов А. Д. Протопопов (1866—1918). Будучи связан с придворной кликой Распутина, стал в 1916 г. министром внутренних дел. В сентябре 1916 — феврале 1917 г. пытался вооруженным путем подавить Февральскую революцию.

[105] Депутат Первой Государственной думы Д. И. Шаховской (1861—1939), с 1905 г.— член партии кадетов, в 1917 г.— министр Временного правительства.

[106] 2 марта 1917 г. было объявлено об образовании Временного правительства. Период существования Временного правительства одновременно с Петроградским Советом рабочих и крестьянских депутатов был назван В. И. Лениным периодом двоевластия.

[107] Фаворит Николая II и императрицы Александры Федоровны Г. Е. Распутин (Новых; 1872—1916), авантюрист, пользовавшийся в последние годы царского режима неограниченным влиянием на Николая II.

[108] В 1897 г. Пришвин был студентом Рижского политехникума. За участие в работе марксистского студенческого кружка, руководителем которого был В. Д. Ульрих, Пришвин был арестован и помещен в одиночную камеру Митавской тюрьмы. Ему инкриминировалось распространение нелегальной литературы и перевод книги немецкого социалиста Августа Бебеля «Женщина и социализм».

[109] Один из основателей партии эсеров, ее теоретик В. М. Чернов (1873—1952), был министром земледелия Временного правительства и председателем Учредительного собрания; впоследствии эмигрант.

[110] *Апис* — священный бык у древних египтян; культ его связан с культом Осириса — бога Солнца.

[111] 14 сентября в Петрограде открылось Всероссийское демократическое совещание. К этому времени А. Ф. Керенский (с 8 июля 1917 г.) был главой Временного правительства.

[112] *Хабар бар?* — по-киргизски «есть новости?». См. повесть «Черный Араб» (т. 1, с. 501—532).

1918—1932

Этот период охватывает пятнадцать послереволюционных лет — время гражданской войны, голода, разрухи и в этих условиях — становления молодой Советской республики, зарождения новых форм общественной жизни, нового искусства, науки, литературы.

В первые годы после революции Пришвин живет в самой глубине России; он не только наблюдает приход нового в деревню, но непосредственно участвует в общей трудной жизни. В дневнике 1919 г. он записывает: «...А нам, писателям, нужно опять к народу, надо опять подслушивать его стоны, собирать кровь, и слезы, и новые думы, взращенные страданием, нужно понять все прошлое в новом свете...» Пришвин работает учителем в Алексинской школе под Дорогобужем, одновременно принимает участие в деятельности музея усадебного быта в бывшем имении куп-

цов Барышниковых, трудится на сельскохозяйственной опытной станции в Батищеве (основанной замечательным ученым-агрохимиком А. Н. Энгельгардтом). Все увиденное и пережитое в эти годы осталось на страницах дневника, из которого родилась повесть «Мирская чаша» (1922)

Литературное движение 20-х годов представляло собой явление пестрое и разнородное. Множество литературных групп выступало в то время со своими установочными декларациями, часто противоречивыми. Писатели, начавшие свой творческий путь еще до революции: А. М. Горький, С. Н. Сергеев-Ценский, М. М. Пришвин, В. В. Вересаев, А. Н. Толстой и другие, не входившие в ведущую литературную группу — Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), были названы «попутчиками», а произведения их «дворянско-буржуазными». Поэтому молодежи, по словам Н. К. Крупской, «готовой умереть за Советскую власть»[1], этих оценок было достаточно, чтобы не только не читать произведения этих писателей, но и отвергать их.

Выражением протеста против программы теоретиков РАПП, которые, исходя из упрощенного рационализма, абсолютизировали классовые функции искусства, стали статьи ответственного редактора журнала «Красная новь» А. К. Воронского, возглавившего литературную группу «Перевал». В них Воронский высказал широкий взгляд на демократический, народный характер старой русской литературы. Критик писал: «Эта литература мало говорила о рабочем и его психике, но она немало ратовала за такие навыки, которые непременными элементами войдут в психологию нового человека. Поэтому до сих пор она — не гранитный монумент, не осколок, то есть не нечто мертвое, что, как память о прошлом, нужно охранять, а нечто живое и действенное, необходимое нам в борьбе и в победах. И не венками из лавров, и не листвою винограда увенчаны былой современностью головы дворян Пушкина, Гоголя, Лермонтова, разночинцев Успенского и Короленко, а с терновыми венками шли они по пути скорби и мук, именуемом русской литературой» [2]. Многие дневниковые записи этих лет связаны с литературной борьбой того времени, когда художнику, по словам Пришвина, приходилось буквально завоевывать свое право на творчество жизни.

Пришвин ищет новые темы, близкие его душе и соответствующие современности. В творчестве писателя этого периода значительное место занимает так называемый «производственный очерк» — наиболее актуальный жанр молодой советской литературы. В дневнике читатель найдет записи, предшествовавшие созданию цикла очерков «Башмаки» (1925) — о кустарном ремесле башмачников и внедрении в эту область фабричного производства.

Продолжая основную тему своего творчества — тему природы, Пришвин создает в эти годы «Родники Берендея» (1926) — книгу, после

---

[1] «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1979, с. 624.

[2] Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., «Художественная литература», 1982, с. 297—298.

прочтения которой Горький назвал писателя «таким проницательным знатоком природы и чистейшим поэтом», какого в нашей литературе не было [1]. Из дневниковых записей той поры рождалось немало поэтических зарисовок для этой книги и для будущих охотничьих и детских рассказов Пришвина.

В дневнике отражено начало работы над автобиографическим романом «Кащеева цепь» — одним из центральных произведений Пришвина. Через трудный путь духовных исканий главного героя романа — Алпатова Пришвин исследует историю роста творческой личности на широком фоне социальной жизни России конца XIX— начала XX в. Мы найдем в дневнике и «заготовки» к повести о творчестве «Журавлиная родина» (1929).

В начале 30-х годов по редакционным заданиям писатель предпринимает поездки сначала на Урал, а затем на Дальний Восток. В дневнике сохранились путевые заметки и материалы для будущих книг «Золотой Рог» и лирико-философской повести «Жень-шень», получившей всеобщее признание в нашей стране и за рубежом.

[1] С 14 февраля 1918 г. в нашей стране был введен Грегорианский календарь. Далее в дневнике Пришвина все даты даются по новому стилю.

[2] 18 февраля после срыва переговоров в Брест-Литовске германские войска начали наступление на Советскую Россию. На заседании ЦК партии большевиков было принято решение сообщить германскому правительству о согласии Советского правительства немедленно подписать мир.

[3] В связи с наступлением германских войск создавалась непосредственная угроза существованию Советской России. 21 февраля было опубликовано обращение Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности». 22 февраля германское командование вручило советскому командованию ультиматум, предусматривающий заключение мирного договора с Советской Россией на исключительно тяжелых условиях.

[4] Германский дипломат Вильгельм Мирбах (1871—1918) — с апреля 1918 г. посол в Москве. Был убит левым эсером М Я. Блюмкиным 6 июля 1918 г., что послужило сигналом к лево-эсеровскому мятежу.

[5] Имеется в виду издательство «Всемирная литература», основанное А. М. Горьким в Петрограде в сентябре 1918 г.

[6] Очевидно, речь идет о картине художника К. С. Петрова-Водкина «Яблоко и вишня» (1917).

[7] *Игнатов Илья Николаевич* — двоюродный брат Пришвина со стороны матери, врач по образованию; за распространение нелегальной литературы на заводах Москвы отбыл заключение и ссылку. Впоследствии оставил медицину и многие годы был сотрудником и совладельцем газеты «Русские ведомости». В этой газете начиная с 1905 г. публиковал свои корреспонденции Пришвин.

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29. М., Гослитиздат, 1955, с. 476.

[8] *Иванов В. И.* (1866—1949) — русский поэт, представитель и теоретик символизма. С 1924 г. жил в Италии.

[9] Речь идет о неопубликованной повести Пришвина «Цвет и крест» (1918), составленной из дневниковых записей и газетных статей периода 1917—1918 гг., объединенных рукописными вставками. На заглавном листе рукой Пришвина помечено: «В издательство «Северные дни». Существовало несколько вариантов названия повести «Цвет и крест»: «Голодные рассказы», «Подзаборная молитва (Записки безрукого офицера)».

[10] Речь идет о Николае Михайловиче Пришвине (1869—1919), брате писателя. С братьями и сестрой, несмотря на внешнюю разобщенность, Пришвина связывали глубокие отношения. В. Д. Пришвина пишет об этом: «Судьбы братьев, сестры и отца Михаила Михайловича свидетельствуют о характерах ярких и необычных. Натуры сложные, мятущиеся, ищущие, они не могли смириться с обыденностью, жили с устремленностью к высокому идеалу, но не смогли воплотить его в своей жизни. Михаил Михайлович понял внутренний смысл жизни каждого из них, может быть, потому, что их поиск был для него самого существенным и важным... Именно ему было суждено воплотить и оправдать тот страстный поиск небывалого, который так ярко проявился и остался неосуществленным в жизни его братьев, сестры и отца». Подробнее о семье Пришвиных см. в кн.: *Путь к Слову*, с. 16—23.

[11] Видимо, запись связана с тем, что на VIII съезде РКП(б), проходившем 18—23 марта 1919 г., Ленин выступил против предложения Бухарина об исключении из программы партии пунктов о капитализме, мелком товарном производстве и середняке и заявил о необходимости прочного союза с середняком.

[12] Этот эпизод описан Пришвиным в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (т. 2, с. 87—88).

[13] Река в Ельце.

[14] Лицо не установлено.

[15] Ручей, впадавший в р. Сосну.

[16] См. коммент. 65 к *Дневникам 1905—1917* и коммент. 10 к *Дневникам 1918—1932.*

[17] Рассказ Пришвина «Чертова Ступа» опубликован в газете «Речь» 30 октября 1916 г. В собрания сочинений включался автором под названием «Косыч» (цикл «Слепая Голгофа»). Кроме того, Чертова Ступа — центральное действующее лицо пьесы Пришвина «Базар» (1916—1920). В авторской ремарке к ней Пришвин пишет: «В Кремле города, бывшего когда-то сторожевым окраины Московского государства, ныне в каменных и как бы приплюснутых, без всякой архитектуры, домах, похожих на сундуки царства Ивана Калиты, живут богатые купцы, окруженные цепью полуголодных, озлобленных мещанских слобод. В этих слободах рождается дух зависти и злобы, столь сильный, что носитель ее, мещанка, прозванная Чертова Ступа, может существовать не как рядовая мещанка, ворчащая на недостатки сего дня, а как одержимая, как дух, пророчеству-

ющий хотя бы только на завтрашний день. У нее маленькое, в кулачок, лицо с одним далеко выдающимся зубом, голос сиплый, простуженный; отхаркивается; в правой руке — всегда «цигарка»; во время речи, с приподнятой рукой, двумя пальцами и цигаркой, заключенной, как в двуперстии, она смутно (как обезьяна) напоминает боярыню Морозову в картине Сурикова» (см.: П р и ш в и н М. М. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. Гослитиздат, 1939, с. 295).

В 1922 г. Пришвин пишет: «Задумал я было составить книгу под общим заглавием «Чертова Ступа» — первой поместить бы сцену (пьесу), потом бы показал бы все пережитое (многое написано в отрывах)...» Замысел этот осуществлен не был.

18 *Александр Михайлович Пришвин* (1868—1911) — брат Пришвина (см. коммент. 10 к *Дневникам 1918—1932*).

19 Лицо не установлено.

20 *Сергей Михайлович Пришвин* (1875—1917) — брат Пришвина (см. коммент. 10 к *Дневникам 1918—1932*).

21 Выражение из Евангелия.

22 Образом Скифии, бескрайной, теряющейся в поземке, заканчивается повесть «Мирская чаша», над которой Пришвин в это время работает.

23 См. коммент. 67 к *Дневникам 1905—1917*.

24 Деревня Рябинки под Ельцом.

25 *Лев Михайлович Пришвин-Алпатов* (1906—1957) — сын Пришвина.

26 Имеется в виду стихотворение Ф. Сологуба «Неурожай» (1894), написанное в форме молитвы Стрибогу (в древнеславянской мифологии бог ветров):

Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет,—
Стрибог, помогай!

Ходит дикий, злобный, хлеб и мнет и душит,
Обошел весь край
И повсюду землю гневным взором сушит,—
Стрибог, помогай!

Губит наших деток неподвижным взором
Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
Стрибог, помогай!

27 Имеется в виду рассказ И. А. Бунина (1870—1953) «Илья-пророк» (1913), основанный на библейском сказании. Илья-пророк является герою рассказа, погорельцу Семену Новикову, судить его за сопротивление судьбе.

28 Пришвин неточно цитирует строки из стихотворения З. Н. Гиппиус «Молитва».

29 30 июня 1920 г. во Дворце искусств А. В. Луначарский читал свою пьесу «Народ» (см. об этом объявление в «Известиях», 1920, 23 июня).

Пьеса «Народ» представляет собой 1-ю часть драматической трилогии Луначарского «Фома Кампанелла» (поставлена в конце 1920 г.); 2-я часть — «Герцог»; 3-я часть — «Солнце» не окончена.

[30] Поэт, прозаик и критик Г. И. Чулков (1879—1939).

[31] Русский, советский поэт С. М. Городецкий (1884—1967), один из организаторов «Цеха поэтов».

[32] Возможно, речь идет о диспуте, состоявшемся 24 июня 1920 г. в театре Зон, на тему «Права индивидуализма», на котором докладчиком был Гросман-Рощин, а оппонентами А. Луначарский, В. Иванов, Г. Шпет, Ю. Балтрушайтис («Известия», 1920, 24 июня).

[33] В июне 1920 г. Пришвин с семьей уезжает из Ельца на родину жены. В автобиографическом рассказе «Школьная Робинзонада» он пишет: «У меня была семья на руках, мало приспособленная к городской борьбе за хлеб... главное же — я не мог рассчитывать, что в скором времени явится спрос на художественную литературу, больше я ничего не умел... Моя жена вышла из самых недр народа, и мы решили с ней перебраться в ее родную деревню и там заняться по всей правде крестьянством и детей приучать к этому труду... Я очень ошибся в своем расчете, ничего не вышло из этой затеи, и я могу сравнить свое положение разве только с Робинзоном... я сходил в Дорогобужский наробраз и, в пять минут сделавшись шкрабом, отправился с семьей пешком на место своего назначения. Место моего назначения бывшее имение Барышниковых Алексино» (сб. «Встречи с прошлым». М., «Советская Россия», 1976, с. 192—203). Жизнь писателя в Алексине нашла отражение в повести «Мирская чаша» (т. 2).

[34] Школа, в которой работал Пришвин, располагалась в помещении бывшего барского особняка; по свидетельству Пришвина, это был прекрасный дворец, «каменное здание в стиле александровского ампира», который находился «в ведении комиссии по охране памятников искусства и старины и назывался музеем усадебного быта». Будучи учителем, Пришвин одновременно работал в музее (сб. «Встречи с прошлым». М., «Советская Россия», 1976, с. 195).

[35] Лицо не установлено.

[36] *Спиридон-солнцеворот* — по народным приметам в день святого Спиридона 12 декабря ст. ст. «солнце на лето, зима на мороз». «После солнцеворота, хоть на воробьиный скок, да прибудет дня» (см.: Даль В. Пословицы русского народа. М., Гослитиздат, 1957, с. 899).

[37] *Проскомидия* — часть литургии в церковной службе, как бы символизирующая связь усопших и живых.

[38] Имеется в виду книга Н. М. Карамзина (1766—1826) «Письма русского путешественника» (1798).

[39] В. П. Измалкова.

[40] В 1910 г. за книгу «В краю непуганых птиц» Пришвин был избран действительным членом Российского императорского географического общества и награжден серебряной медалью.

[41] Опытная агрохимическая станция, на которой недолгое время Пришвин работал агрономом, была первой научной станцией в России, созданной еще в конце XIX в. известным ученым-агрохимиком и общественным деятелем А. Н. Энгельгардтом (1832—1893) в его имении Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии, где ученый работал с 1871 г. до конца жизни.

[42] Имеется в виду книга Пришвина «Картофель в полевой и огородной культуре» (СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1908), изданию которой предшествовала служба Пришвина на опытной сельскохозяйственной станции «Заполье» под Лугой и сотрудничество в журнале «Опытная агрономия». Видимо, уже в этой книге, посвященной агрономии, проявились призвание и талант будущего писателя. Книга о картофеле получила высокую оценку известного ученого, селекционера А. Г. Лорха, о котором в дневнике Пришвина 1934 г. сохранилась запись: «Агроном-картофельник приходил за советом ко мне, как к автору лучшей книги по картофелю, написанной 30 лет назад: почему радио, аэроплан за это время выдумали, но книг мало по картофелю, так и осталась единственной» (*ЦГАЛИ*).

[43] Имеется в виду библейская легенда, по которой бог решил наказать город Содом за грехи его жителей, наслав на него серный, а потом огненный дождь. Из всех жителей Содома спасся только праведник Лот с семьей. При исходе из Содома им было запрещено оглядываться; жена Лота нарушила запрет и за это была обращена в соляной столб.

[44] Блок умер 7 августа 1921 г.

[45] Выражение из Евангелия.

[46] 7 февраля Пришвин получил письмо от литературоведа Р. В. Иванова-Разумника (1878—1946), в котором тот звал его в Петроград. В этот же день в дневнике появляется ответ Пришвина на письмо, неизвестно, посланный ли адресату: «...Не знаю уж теперь, когда мне удастся выбраться. Ехать вообще риск — по нашей дороге свирепствует тиф. Но я бы ни на что не посмотрел, если бы имел в виду большее, чем издание «Чертовой Ступы» (ведь когда-нибудь все равно издадут) и драгоценное свидание с Вами и Питером. Что же это большее? Это очень трудно объяснить после пятилетнего перерыва в наших беседах, но я попробую. Видите что: земля наша лежит без связи ⟨...⟩ всякая попытка связать что-нибудь, соединить, кажется мне, человеку, стоящему на пороге старости, наивной. Отчего у меня и перо выпадает из рук, отчего и ваши Вольфилы и прочее — вся ваша петербургская эмигрантская жизнь кажется дымом. Вообще вас всех, ученых, образованных и истинных людей в Петербурге я считаю людьми заграничными ⟨...⟩ Получишь от Вас письмо, обрадуешься — еду, еду, еду! Потом раздумаешь о вашей двойственной природе — нет!

С переездом в Иваники создалось так, что у меня нет ни одной книги (кроме Ключевского и детских учебников), нет ни одной газеты (даже «Известий», даже сельскохозяйственной), нет ни одного человека, мало-мальски меня понимающего ⟨...⟩ — можете себе представить, как я радуюсь письму. А еще если бы книжки прислали». На следующий день

Пришвин продолжает письмо: «Второй присест. Метель занесла пути, так что даже нельзя за $1^1/_2$ версты дойти снести письмо ⟨...⟩ Во всей огромной стране, кроме Вашего Петербургского омшаника, снежное кладбище, в больницах нет лекарств и дров, и школы не учат, фабрики не работают ⟨...⟩ Третий присест. Вся интеллигенция собралась в два лагеря — за границей и в Питере, одно эмигрантское, другое академическое, и спор идет между этими двумя обществами, вся остальная страна живет про себя. Попасть туда, наговориться, начитаться — как хорошо! И если при этом не забыть себя со своей пустыней, то может быть и очень даже полезно. Непременно надо попасть ⟨...⟩ почему непременно? А если заняться этой агрономией и остаться как Энгельгардт?» (*ЦГАЛИ*)

[47] Имеется в виду автобиографический роман «Кащеева цепь», над которым Пришвин работал в это время.

[48] Речь идет о Николае Михайловиче Пришвине — любимом брате писателя. Пришвин пишет о нем в дневнике: «Николай Михайлович (брат) был человек очень хороший, но, как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою мучился, что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие — в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования. После, в самые тяжелые минуты своей жизни он недоуменно спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то светлый человек?» (см. коммент. 10 к *Дневникам 1918—1932*).

[49] А. Блок и впоследствии проявлял интерес к творчеству Пришвина. Так, в рецензии на книгу «У стен града невидимого» (1909) он писал: «М. Пришвин прекрасно владеет русским языком, и многие чисто народные слова, совершенно забытые нашей «показной» по преимуществу городской литературой, для него живы. Мало того, он умеет показать, что богатый словарь, которым он пользуется, и вообще жизнеспособен, что богатства русского языка еще далеко не исчерпаны» (Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5. М.— Л., 1962, с. 651).

[50] Эта проблема действительно стала центральной в творчестве Пришвина. Свою задачу писатель видит в том, чтобы найти пути примирения личной свободы простого человека (Евгения) — «хочется» с необходимостью общественного служения — «надо». Позднее, работая над романом «Осударева дорога», посвященным этой теме, Пришвин пишет в дневнике: «Свобода есть выход из необходимости, и в этом все назначение человека ⟨...⟩ Моя мечта была усвоить необходимость нашего времени и выйти из нее ⟨...⟩ Два выхода из необходимости: бунт или творчество ⟨...⟩ творчество есть выход личный, это есть «мир», а то (бунт) есть война» (*ЦГАЛИ*).

[50а] Пришвин метафорически употребляет выражение из евангельской легенды.

[51] Драматическая трилогия Ф. Шиллера (1759—1805) «Валленштейн» (ее первая часть «Лагерь Валленштейна» (1798), вторая часть — «Пикколомини» (1799) и третья — «Смерть Валленштейна» (1799),—

посвящена важнейшему событию из эпохи Тридцатилетней войны (1618—1648) — попытке имперского главнокомандующего А. Валленштейна, вступив в союз со Швецией, отколоться от императора, дать стране мир и самому стать правителем империи. В первой части трилогии «Лагерь Валленштейна» выведена пестрая и разношерстная армия, в которой Валленштейн видел свою главную опору и которая в конечном счете определила его трагическую катастрофу.

В драме немецкого писателя Г. Гауптмана (1862—1946) «Ткачи» (1892, русский перевод — 1902) нашло отражение историческое событие — восстание силезских ткачей 1844 г. Драма показывает в качестве коллективного героя рабочую массу — восставших ткачей.

[52] Пришвин с семьей переселяется под Москву в Талдомский район (деревни Дубровка, Костино).

[53] О русском советском поэте О. Э. Мандельштаме (1891—1938), одном из представителей акмеизма, см. в рассказе Пришвина «Сопка Маира» («Литературная учеба», 1980, № 1, с. 124—129).

[54] Звено из романа Пришвина «Кащеева цепь» (т. 2, с. 9—53).

[55] Позже известный советский критик А. К. Воронский (1884—1943) выразил ту же мысль в статье «Десятилетие Октября и советская литература» (1927): «Октябрьская революция была неизмеримо талантливее литературы, ее отражавшей. Говорится это отнюдь ей не в обиду, так как наша литература — неплохая литература, но вначале было дело... Закон жизни был прост и неумолим. Нужно было сначала делать революцию, а не воплощать ее в художественных образах. Но и, кроме того, художественное слово, особенно проза, возможны лишь при наличии маломальски сложившегося, отстоявшегося быта, ибо в слове закрепляется, запечатлевается больше бытие, чем становление, и становление — в той мере, в какой оно уже стало бытием» (Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., «Художественная литература», 1982, с. 436). Пришвин был в числе первых русских писателей, отразивших в своем творчестве события послереволюционных лет,— рассказ «Голубое знамя» (1918), повесть «Мирская чаша» (1922) (т. 2).

[56] Можно предположить, что это были стихи из заключительного монолога Фауста (ч. II):

До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!..

(Перевод Н А Холодковского)

[57] Очевидно, имеются в виду строки из стихотворения Блока: «Полюби эту вечность болот: никогда не иссякнет их мощь...» (цикл «Пузыри земли»; 1905).

[58] *«Голубые бобры»* — название первого звена романа «Кащеева цепь», заканчивающегося разговором Курымушки с Марьей Моревной. Прототипом сказочного образа Марьи Моревны, ставшего одним из цен-

тральных в творчестве Пришвина, была его двоюродная сестра Маша, с которой Пришвина с детства связывало внутреннее родство. Она, в отличие от многих окружающих его взрослых, видела в Курымушке его глубину и умела отвечать на возникающие в его душе вопросы (т. 2, с. 9—53). В дневнике Пришвин часто сопоставляет Машу и Дунечку, оказавших на него такое большое влияние: «Дуничка была застенчивая, она всегда жила и пряталась за стеной. Маша, напротив, жила свободно в обществе. Маша была в искусстве. Дуничка в морали 〈...〉 Дуничка пряталась, как бы виноватая тем, что не жила для себя и боялась жизни. Маша была правая, свободная, неземная... Прекрасная Маша умерла и стала для меня Марьей Моревной» (см. *Путь к Слову*, с. 34—38 и коммент. 64 к *Дневникам 1905—1917*).

[59] Замысел повести не был осуществлен.

[60] Выражение из Евангелия.

[61] Будучи студентом Лейпцигского университета, Пришвин посещал в 1901—1902 гг. лекции немецкого социолога и экономиста Карла Бюхера (1847—1930), книга которого «Работа и ритм» (1896) произвела на будущего писателя сильное впечатление главной мыслью о ритмической связи работы и музыки. Через много лет, в 1945 г., Пришвин вспоминал: «Бюхера мы спрашивали, как и при каких условиях ему удалось обратить внимание на связь песни с работой. На этот вопрос Бюхер охотно отвечал, что он шел, как обычно, по улице в университет, обдумывая свою лекцию, и наблюдал. Словом, Бюхер сделал свое открытие посредством того, что я называю первым взглядом на вещь, который и определяет творчество (*ЦГАЛИ*).

[62] Книга публицистических статей английского писателя, классика научно-фантастической литературы Г.-Д Уэллса (1866—1946) «Спасение цивилизации» (русский перевод — 1923) посвящена проблеме, стоящей перед человечеством: изгнать навсегда войну между народами: «Катастрофа великой войны обнаружила такое накопление разрушительных сил в нашем внешне процветающем обществе, которое немногие из нас могли себе даже представить; и обнаружила вместе с тем полнейшую неспособность обрашаться с этими силами и сдерживать их» (Уэллс Г. Спасение цивилизации. Пг., «Мысль», 1923, с. 7).

[63] Талдомский башмачник.

[64] *Егорий* — 23 апреля по ст. ст.— день первого выгона скота.

[65] Пришвин, пройдя в молодости школу научного мышления, в своем творчестве непрестанно искал сочетания научного и художественного методов познания мира. Он писал: «Наука и искусство (поэзия) вытекают из одного родника и только потом уже расходятся по разным берегам или поступают на разную службу: наука кормит людей, поэзия сватает.

Я чувствую себя упавшим семечком с дерева в этот поток, где наука и поэзия еще не расходятся на два рукава».

Видя в науке опасность подмены единого, живого метода познания, открывающего мир в целостности и полноте, схемой, причинностью,

штампом, Пришвин пишет: «При этом совершенно пренебрегается то, что каждый из нас субъект восприятия, живое существо, и, как живое, непременно встречает каждое явление в первый раз, и эта его субъективная встреча окрашивает мир в единственные неповторимые краски, и так создается не причинность, качественность мира, порождающая не штамп, а личность» (*ЦГАЛИ*) (см. *Круг жизни*, с. 55—90).

[66] На заре советского киноискусства Пришвин размышляет о кино как новом виде искусства, связанном с развитием техники. Впоследствии в дневнике появляются записи, свидетельствующие о глубоком впечатлении, которое произвели на писателя многие советские фильмы.

[67] Пришвин имеет в виду роман Гамсуна «Соки земли» (1917), удостоенный Нобелевской премии в 1920 г. (русский перевод — 1922), который произвел на писателя сильное впечатление.

Главный герой романа «Соки земли» Исаак поселяется в пустынной местности и занимается простым крестьянским трудом. Все в этом благословенном мире питается соками праматери-земли. Эта жизнь изначально гармонична, и изменяющий земле лишается ее силы. «Вы смотрите каждый день на какую-нибудь синюю скалу, это — не выдуманные вещи, это древние скалы, они стоят, глубоко зарытые в прошлое; но для всех они — товарищи. Вы живете вместе с землей и небом и составляете с ними одно, составляете одно с этой ширью и неподвижностью. Вам не нужен меч в руку, вы проходите жизнь с пустыми руками и обнаженной головой среди великой ласки. Смотри, вот природа, она твоя и всех твоих. Человек и природа не палят друг в друга из пушек, они воздают друг другу должное, не конкурируют, не состязаются ни в чем, они следуют друг за другом... вы рождаетесь и производите, вы необходимы на земле».

Тема неистребимости и непреложности жизненных начал в человеке, его единство с землей и пустота буржуазной культуры получают дальнейшее развитие в последующих романах писателя «Женщины у колодца» (1920; русский перевод — 1923) и «Санатория Торахус» — вольное название романа «Последняя глава» (1923; русский перевод — 1924), однако здесь раскрытие этой темы не достигает такой художественной силы, как в «Соках земли».

В 1937 г. Пришвин снова пишет в дневнике об этом романе Гамсуна: «Соки земли» Гамсуна — настолько действительно соки, что я вдруг понял только теперь смысл и значение слова «земля» — почему это мать, сила и т. п. В этом и жадность труда, и вкус, как «укус». Тут и мать моя, и моя поэзия, и счастье» (*ЦГАЛИ*).

Несмотря на глубокое различие идейных позиций, некоторые исследователи сравнивали Пришвина с норвежским писателем, и сам он в 1924 г. писал о своем «натурном каком-то, чуть ли не антропологическом сродстве с Кнутом Гамсуном» (*ЦГАЛИ*). См. также коммент. к с. 307 (т. 7, с. 476—477).

[68] Возможность всеобщего человеческого братства заключается, в понимании Пришвина, не в отказе от родины («гражданин мира»), а в чув-

стве родины, соединенном с ответственностью каждого народа за общее дело мира на земле. Этой теме посвящен его рассказ «Город света», написанный во время Великой Отечественной войны (т. 5, с. 284—288).

[69] *Мартовская Авдотья* (или Авдотья-Плющиха) — так в народе называют день 1 марта, когда «плющит» или «гнетет» снег.

[70] *Акулина — задери хвосты* (или Акулины-Гречушницы) — так в народе называют день 13 июня, когда сеют гречу и появляются овода, кусающие и беспокоящие скот, который от оводов бесится, бегает, задрав хвосты, «зикует». Это время называют в народе «коровьим зиком». Позднее, в июле, появляются другие овода, которые беспокоят лошадей, и это время называют «конским зиком», а конец июля и начало августа — «поповым зиком», в это время попы ходили по деревням за «новью» выбирали рожь на посев.

[71] «Кащеева цепь».

[72] В апреле Пришвин с семьей переселяется в г. Переславль-Залесский.

[73] Пришвин был одним из инициаторов организации биостанции юных натуралистов в Переславле-Залесском.

[74] Жена Пришвина Ефросинья Павловна. См. о ней коммент. 6 к *Дневникам 1905—1917*.

[75] Пришвин живет на Ботике Петра I, в то время пустовавшем.

[76] С семьей Кардовских — художницей О. Л. Делла-Вос-Кардовской (1877—1952) и графиком и живописцем Д. Н. Кардовским (1866—1943) Пришвин познакомился в то время.

[77] Советский критик и писатель А. К. Воронский (1884—1943) был ответственным редактором созданного при непосредственном участии В. И. Ленина первого советского литературно-художественного и научно-публицистического журнала «Красная новь» (1921—1927). В течение 1923—1926 гг. Пришвин опубликовал в «Красной нови» начало романа «Кащеева цепь» (1923, № 3—5), «Родники Берендея» (1925, № 8), «Рассказы» (1926, № 8), был основным корреспондентом раздела «От земли и городов», где печатались его очерки.

[78] Очерки Пришвина «Башмаки» (1925) посвящены изучению ремесленного труда талдомских башмачников и переходу от кустарного к массовому фабричному производству обуви. Пришвин писал, что в работе им «была найдена особая форма», при помощи которой «сумма очерков» составила «цельное художественное произведение» (см.: Пришвин М. М. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М., Гослитиздат, 1939, с. 77).

[79] «У стен града невидимого» (т. 1, с. 387).

[80] Детское домашнее прозвище Миши Пришвина.

[81] *Н. С. Ашукин* (1890—1972) — литератор и библиограф, был автором историко-литературного исследования «Живой Пушкин» (1934). Вероятно, запись связана со следующими строками: «Последние годы его жизни были мучительно тяжелыми. Причины его тревог и огорчений были разнообразны... Ко всему и литературные дела Пушкина не

были блестящи. Читатели к нему охладели. Издаваемый им «Современник» шел плохо Критика бранила его новые произведения... Круг смыкался все теснее» (А ш у к и н Н. Живой Пушкин. Московское товарищество писателей, 1934, с. 97.)

[82] См. запись 24 декабря 1909 г. и коммент. 79 к ней.

[83] Очевидно, имеется в виду книга американского астронома и математика, профессора Йельского университета Э.-У. Брауна (1866—1938).

[84] *Петр Михайлович* (р. 1909) — младший сын Пришвина.

[85] Имеется в виду уход из дома Л. Н. Толстого и его смерть на станции Астапово 7 ноября 1910 г.

[86] Плещеево озеро в Переславле Залесском. Запись сделана на следующий день после покупки дома (23 мая) в Сергиевом Посаде (с 1930 г.— Загорск), куда Пришвин вместе с семьей собирался переезжать в это время.

[87] Очевидно, Пришвин имеет в виду следующее место из воспоминаний А. Фета о поездке в Италию: «Стоит мне заподозрить, что меня преднамеренно наводят на красоту, перед которою я, по собственному побуждению, пал бы во прах, как уже сердце мое болезненно сжимается и наполняется все сильнейшею горечью по мере приближения красоты...»

В ответ на предложение непременно посетить живописные места в Тиволи Фет поспешил устроиться в гостинице под предлогом того, что он устал, замерз и голоден: «Через четверть часа в камине запылали громадные оливковые пни, и в комнате стало скорее жарко, чем холодно. При этом исполнено было мое требование, вероятно, немало изумившее прислугу, а именно: окна, выходящие на каскад, были тщательно завешены суконными одеялами, так что мы обедали при свечах» (Ф е т А. Воспоминания. М., изд-во «Правда», 1983, с. 305—306).

[88] Персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба» (1841).

[89] Имеется в виду кружок литераторов, живших в г. Сергиев Посад; рассказ «Охота за счастьем» впервые полностью был напечатан в «Новом мире» (1928, № 11) с подзаголовком «Рассказ из своей жизни» (т. 3, с. 11).

[90] См. коммент. 108 к *Дневникам 1905—1917*.

[91] Библиотека, которую Пришвин начал собирать, живя в Загорске, частично была перевезена в конце 30-х годов в московскую квартиру писателя, где она постоянно пополнялась. В послевоенные годы Пришвин жил большую часть года в деревне Дунино под Москвой. Туда же была перевезена и библиотека, которую Пришвин «очистил» от всего лишнего и оставил «вечных спутников», то есть книги, которые он постоянно читал и перечитывал, часто сопровождая чтение размышлениями в дневнике. «Вечные спутники» — это Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Шекспир, Сервантес и др. В настоящее время библиотека хранится в мемориальном музее М. М. Пришвина (филиал *ГЛМ*).

[92] См. об этом в кн.: *Путь к Слову*, с. 180—183.

[93] В письме от 22 сентября 1926 г. Горький писал Пришвину: «Когда-нибудь некий философствующий критик будет писать о Вашем «панте-

изме» или «панпсихизме» или «гилозоизме» и замажет человеческое лицо Ваше патокой похвал или горчицей поучений. А для меня вот вы теперь, в этот день утверждаете совершенно справедливый, крепко Вами обоснованный геооптимизм, тот самый, который — рано или поздно — человечество должно будет принять как свою религию» (*ЛН*, т 70, с. 334).

[94] Первоначально так назывался второй том романа «Кащеева цепь». См. об этом в т. 2, с. 638—649.

[95] Строка из стихотворения советской писательницы М К. Шкапской (1891—1952), опубликованного в ее поэтическом сборнике «Кровь-руда» (1922).

[96] Поэт-символист Пестовский В. А. (1886—1940).

[97] См. коммент. 31 к *Дневникам 1905—1917*.

[98] *Бунин И. А.* (1870—1953) — родился в Воронеже, но детство и юность провел в имении своего отца Бутырки, находившемся, как и Елец, в Орловской губернии.

[99] Книга Пришвина «Родники Берендея» вышла в 1926 г. в Госиздате.

[100] Так в шутку Пришвин называл своего щенка Ромку. См. «Натаска Ромки» (т. 7).

[101] До рассказа «Любовь Ярика», опубликованного в журнале «Красная нива» (1926, № 25), Пришвиным были написаны охотничьи рассказы «Болото» и «Ярик» (1924), «Верный» и «Кэт» (1925) и др.

[102] В журнале «Новый мир» о «Родниках Берендея» Пришвина были опубликованы статьи Н. П. Смирнова (1926, № 1, с. 181) и В. А. Дынник (1926, № 11, с. 152—155); рецензия литературоведа и критика Н. М. Замошкина на книгу очерков Пришвина «Башмаки» (1925) была напечатана в журнале «Печать и революция» (1926, № 2, с. 217—218).

[103] Пришвин послал Горькому свою книгу «Родники Берендея» с дарственной надписью: «Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. Михаил Пришвин. 8/IX, 26 г. Сергиев» (*ЛН*, т. 70, с. 332). В ответном письме от 22 сентября 1926 г. Горький писал: «Я думаю, что такого природолюба, такого проницательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как вы, М. М., в нашей литературе — не было. Догадывался я об этом еще во времена «Черного араба», «Колобка», «Края непуганых птиц», окончательно убедился, читая совершенно изумительные «Родники» (Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29. М., Гослитиздат, 1955, с. 476).

[104] *Руднев А. Б.*— охотник, знакомый Пришвина. *Розанов М. Г.* (псевдоним — Н. Огнев; 1888—1938) — русский советский писатель, автор известной повести «Дневник Кости Рябцева» (1926—1928).

[105] *Конь блед* — образ из Апокалипсиса («и се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть»), часто используемый поэтами-символистами в своих произведениях; см., например, у Брюсова «Конь блед» (1904).

[106] Пришвин заключил договор с Госиздатом на Собрание сочинений в 7-ми томах, выпуск которого был закончен в 1930 г.

[107] Речь идет о поэме Блока «Двенадцать».

[108] В письме к Горькому от 2 февраля 1927 г Пришвин писал: «Мы особенно сошлись в этот раз с О. Д. Форш. Мне весьма по душе эта женщина в своей великой борьбе с нуждой сумевшая все победить и детей воспитала прекрасно, и сохранила, пронесла в чистоте свою любовь к искусству слова. По-моему, она в Питере самый интересный человек ⟨...⟩ Трое суток мы беседовали с Форш безотрывно...» (*ЛН*, т. 70, с. 340).

[109] Речь идет об ответе Пришвина (2 февраля 1927 г.) на письмо Горького (25 января 1927 г.) по поводу статьи Горького «О М. М. Пришвине», опубликованной в № 12 «Красной нови» за 1926 г. Пришвин писал Горькому: «Ни одна статья о себе не доставила мне такой радости, как Ваша, честное слово, я первый раз в жизни почувствовал, что я что-то в самом деле написал» (*ЛН*, т. 70, с 340).

[110] *Пантелеев Л.* (наст. имя Алексей Иванович Еремеев; р. 1908) — русский, советский писатель, книга «Республика Шкид» (1927) написана совместно с Г. Г. Белых (1906—1938).

[111] В письме, упоминаемом Пришвиным (точная дата не установлена), Горький писал о романе «Жизнь Клима Самгина», над которым работал в то время. «Роман мой я еще не кончил и не знаю, когда кончу, но уже почти уверен, что это будет книга тяжелая и неудачная. Женщин писать я не умею, и они будут у меня, наверное, похожи на портрет римского папы, написанный католиком-китайцем (такой портрет был на Миссионерской выставке в Ватикане в anno santo) — папа-то косоглазенький и желтый вышел. Да. И вообще — парнишка я — бойкий, а таланта у меня — мало. Факт». В этом же письме Горький жаловался на здоровье: «Глаза болят, астма душит» (*ЛН*, т. 70, с. 345).

[112] Речь идет о Татьяне Васильевне Розановой (1895—1975), дочери В. В. Розанова, с которой Пришвин познакомился в это время.

[113] Имеется в виду драма Гёте «Ифигения в Тавриде» (1779), в основу которой положен древнегреческий миф.

[114] *Рязановский И. А.* (1869—?) — археолог, архивист, собиратель документов по истории России (см. коммент. к с. 136, т. 7, с. 470).

[115] Рассказ А. М. Ремизова «Неуемный бубен» был написан в 1909 г.

[116] *Полонский В. П.* (псевдоним Гусина В. Н.; 1886—1932) — литературный критик и публицист. Редактировал журналы «Красная нива», «Печать и революция», «Новый мир» (1925—1931).

[117] Неточные слова из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silencium» («Молчание»): «Мысль изреченная есть ложь».

[118] С 1924 по 1931 г. Горький жил в Италии, в Сорренто.

[119] Книги «Детство» и «Мои университеты» хранятся в библиотеке Пришвина, на последней — дарственная надпись: «Собрату М. М. Пришвину 15/I—26, Napoli, М. Горький».

Получив книгу Горького «Отшельник», Пришвин писал ему 31 января 1926 г.: «Читали «Отшельника» вслух. Это был праздник с радостными слезами» (*ЛН*, т. 70, с. 328).

[120] Главы из романа «Кащеева цепь»; глава «Любовь. Весна света» впоследствии получила название «Государственный преступник».

[121] Рассказ «Луговка» впоследствии вошел в цикл «Рассказы егеря» (т. 3, с. 390).

[122] Впервые рассказ «Нерль» был напечатан в журнале «Новый мир», 1927, № 6. Рассказ был очень высоко оценен М. Горьким, который в письме к Пришвину 18 июня 1927 г. писал: «Нерль — вещь совершенно изумительная! Это сделано как гравюра, и притом такая, что сам Дюрер, вероятно, позавидовал бы Вам. Ни одного лишнего штриха, чудесная стройность, насыщенность и — ощутимость» (*ЛН*, т. 70, с. 348).

[123] Журналист и писатель С. Т. Григорьев (1875—1953) широкую известность приобрел в 20-е годы своими рассказами и повестями для детей «С мешком за смертью», «Красный бакен», «Мальчий бунт» и т. д.

[124] Роман О. Д. Форш (1873—1961) «Современники» (1926) о жизни Н. В. Гоголя и А. А. Иванова построен на соединении реально-исторического материала с вымышленной фабулой. Рядом с Гоголем и Ивановым действуют вымышленные герои-«миражи» Багрецов и Пашка-химик, которые, по замыслу автора, своеобразно углубляют драму двух художников, раскрывая уровень «среднего» потребителя их творчества, являются выразителями стихии нетворческого, паразитического отношения к жизни.

Прочитав роман, Пришвин писал Форш: «Милая Ольга Дмитриевна! Ваш роман купил сам за два рубля в сильно потрепанном виде, хотя и в магазине. Я очень рад его успеху, это заслуженный успех и редкий, потому что поэзия мемуаров обыкновенно публике недоступна».

К письму была приложена запись, сделанная писателем в дневнике под впечатлением прочитанного: «В этом прекрасном романе не хватает яркой фигуры победителя своего миража, хотя бы в перспективе трагического просвета» («Русская литература», 1973, № 2, с. 186—187).

[125] См. об этом *Дневники 1905—1917*, запись 1912 г. (без даты).

[126] Запись связана с будущей работой Пришвина над повестью «Журавлиная родина (Повесть о неудавшемся романе)».

[127] *Горский А. К.*— знакомый Пришвина, философ.

[128] Имеется в виду книга А. Я. Панаевой (Головачевой; 1820—1893) «Воспоминания (1824—1870)». Очевидно, Пришвин читал издание под редакцией и с примечаниями Корнея Чуковского (Л., «Academia», 1927).

[129] Замысел третьей книги «Кащеевой цепи» Пришвиным не был осуществлен.

[130] *Алпатов* — главный герой романа «Кащеева цепь».

[131] В статье «Искусство видеть мир» (1928) А. К. Воронский пишет: «Оно (искусство) никогда не жило в добром союзе с религией и, когда подпадало под ее влияние, в сущности, переставало быть искусством, делалось жалкой приживалкой,— но даже и в таком своем качестве оно всегда оставалось под подозрением у религии. Не случайно Л. Н. Толстой, в полосу своего аскетизма, осудил искусство. По-своему он был прав. Не

случайно также в Гоголе религиозный человек убил художника. Самые сокрушительные удары религии нанесла не только наука, но и искусство» (Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., «Художественная литература», 1982, с. 416).

Полемизируя с Воронским, Пришвин развивает мысль об особом поведении художника, как непременном условии творчества, свободного от самой возможности влияния «чёрта». Эта мысль в конце жизни получила свое окончательное оформление в творческом кредо писателя: «Искусство как образ поведения». Пришвин записывает в дневнике: «...Поведение в моем смысле не есть школьное поведение, измеряемое отметками. Мое поведение измеряется прочностью создаваемых вещей» *(ЦГАЛИ)*.

[132] *Платон Каратаев* — персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир»; *Гусек* — персонаж романа «Кащеева цепь» (см. коммент. 23 к *Дневникам 1905—1917*).

[133] Пришвин имеет в виду роман Ч. Диккенса (1812—1870) «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837); отношения между героями в этом романе резко контрастируют с окружающим миром социальной несправедливости, как бы образуя внутри этого мира нечто вроде странствующей идиллии. Комические персонажи этой идиллии становятся носителями оптимистической веры в лучшее начало в человеке.

[134] Пришвин метафорически использует эпизод из библейского сказания о единоборстве Давида, избранника бога, с филистимлянином Голиафом, которого Давид побеждает.

[135] Рассказ «Еж» впервые был опубликован под названием «Ежик» в 1924 г. в журнале «Искорка»; входит в цикл «Рассказы егеря» (т. 3, с. 388—389).

[136] Рассказ «Смертный пробег» впервые был опубликован в 1925 г. в журнале «Огонек»; входит в книгу «Календарь природы» (цикл «Зима»; т. 3, с. 333—337).

[136a] Имеется в виду книга советского исследователя Дальнего Востока, этнографа и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872—1930) «По Уссурийскому краю» (1921). См. коммент. к с. 65 (т. 3, с. 529), а также главу «Дерсу Узала» из книги Пришвина «Золотой Рог» (т. 4, с. 434—439).

[137] В автографе на полях приписка: «Юношу, с полным запасом сил, готового каждого встречного принять за родственника, поражает, с какой цепкостью пожилые люди держатся за образы пережитого, ему непонятны эти рассказы о судьбе какой-нибудь двоюродной тетки или свояченицы, с которой они встречались десятки лет назад и потом разошлись. Непонятны юноше вообще пределы родственного внимания к миру. Способность художника видеть мир означает бесконечное расширение обычной способности всех людей к родственному вниманию» *(ЦГАЛИ)*.

[138] Имеется в виду книга «Журавлиная родина (Повесть о неудавшемся романе)», которую Пришвин закончил в 1929 г. (т. 3, с. 30). Во время работы над «Журавлиной родиной» Пришвин пишет в дневнике:

«Пришла в голову счастливая мысль, что «Журавлиная родина» будет лишь звеном всей книги о творчестве; это Алпатов на Журавлиной родине. А после того, естественно, он попадает в Петербург и можно будет взять эпоху богоискательств» *(ЦГАЛИ)*.

[139] Цикл рассказов 1924—1927 гг. (т. 3, с. 387—416)

[140] В письме Пришвину от 29 ноября 1928 г. К. И. Чуковский писал: «Меня уже давно восхищает та великая простота Вашего стиля, которая дается мастерам лишь после тридцатилетней работы. Вы пишете, как писали в XVIII в. на старости лет: Свифт, Дефо и др., как будто на меди гравируете, каждую фразу хоть в раму» *(ЦГАЛИ)*.

[141] Пришвин подарил своей двоюродной сестре Евдокии Николаевне Игнатовой издание книги «Кащеева цепь» со следующей надписью: «Милой Дуничке от Курымушки. М. Пришвин, 1/1-29, Сергиев. Я писал обе книги «Кащеевой цепи» шесть лет и не устал, потому что в первые дни моего сознания моя великая учительница Дуничка внушила мне долг и любовь к природе и людям» (*Путь к Слову*, с 8).

[142] Очевидно, Пришвин имеет в виду повесть В. Я. Шишкова (1873—1945) «Странники» (1931) о судьбах детей-беспризорников.

[143] Пришвин имеет в виду пьесу А. Н. Толстого (1882/83—1945) «На дыбе» (1929), посвященную эпохе Петра I.

[144] Имеется в виду книга «Журавлиная родина (Повесть о неудавшемся романе)», которую Пришвин закончил в 1929 г.

[145] Имеется в виду книга советского писателя, литературоведа и критика В. Б. Шкловского (1893—1984) «Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир» (1928).

[146] Формальная школа в литературоведении сложилась в России в 1910—1920 гг. Одним из выразителей формального метода стало Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ). Основные положения общества были изложены в брошюре В. Б. Шкловского «Воскрешение слова» (1914). Он, как и другие представители этой группы, рассматривал художественное произведение прежде всего как конструкцию, устанавливая закономерности сюжетного развития, сумму приемов, с помощью которых оно строится, обращая все внимание на анализ формы. Ему принадлежит так называемая теория «остранения», по которой слово в художественном произведении вырывается из привычных, штампованных сочетаний, обнажается его внутренняя форма, оно обретает свой первоначальный образно-конкретный смысл. Отсюда литература рассматривается как средство обновления жизни «остраненным» словом. См. главу «Обнажение приема» в повести Пришвина «Журавлиная родина» (т. 3, с. 84).

[147] Очерк «Медведи» был опубликован в журнале «Огонек» (1929, № 12), позже вошел в книгу Пришвина «Календарь природы» (цикл «Зима») (т. 3, с. 360).

[148] Имеется в виду книга известного советского философа и филолога А. Ф. Лосева (р. 1893) «Античный космос и современная наука» (1927).

[149] Речь идет о будущем путешествии Пришвина на Север, в те места,

которые он считал своей писательской родиной («В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком»); идея написать о мальчике, заблудившемся в северных лесах, появилась у писателя еще в самом начале творческого пути. Путешествие 1933 г. дало Пришвину новый материал, который был им использован в работе над романом «Осударева дорога».

[150] Речь идет о книге выдающегося советского естествоиспытателя и мыслителя В. И. Вернадского (1863—1945) «Биосфера» (1926).

Вернадский был основоположником современного учения о биосфере. Согласно учению Вернадского, живое вещество (совокупность живых организмов в биосфере), трансформируя солнечное излучение, вовлекает неорганическую материю в непрерывный круговорот. Биосфера под влиянием научных достижений и человеческого труда постепенно переходит в новое состояние — ноосферу — сферу разума. См.: Вернадский В. И. Биосфера. т. I—II. Л., Научное химико-техническое изд-во, 1926.

[151] В дневнике 1918 г. Пришвин отмечает одно из событий гимназических лет: «1885 — Второй класс. Влияние Закса, директора. Счет годов с весны» *(ЦГАЛИ)*.

[152] Речь идет о колоколах Троице-Сергиевой лавры в г. Загорске.

[153] Замысел книги не был осуществлен.

[154] В книге «Мнимости в геометрии» (1922) русский религиозный философ, ученый, инженер П. А. Флоренский (1882—1943) писал: «На этом поразительном юбилейном подарке Средневековью. . дело, однако, не кончается... Вопрос идет о реабилитации Птолемее-Дантовой системы мира...» (Флоренский П. Мнимости в геометрии. М., изд-во «Поморье», 1922, с. 48).

[155] *Птолемей Клавдий* — греческий математик, астроном, оптик первой половины II в. Его главный труд — «Сочинение или математическая система» — высшее достижение древнегреческой математической астрономии. Геоцентрическая система Птолемея сохраняла свое значение и в средние века, вплоть до появления гелиоцентрической системы Коперника.

[156] Прибор, употребляемый при фотосъемке.

[157] Известный советский график и живописец В. А. Фаворский (1886—1964). В 1933 г. иллюстрировал книгу Пришвина «Жень-шень. Корень жизни», а в 1939 г.— IV том Собрания сочинений Пришвина — «Берендеева чаща».

[158] Речь идет о книге советского писателя и критика Е. Г. Лундберга (1887—1965) «Записки писателя» (т. 1—2, 1930). Лундберг с 1920 по 1924 г. жил в Берлине, где организовал левонародническое издательство «Скифы», берлинский отдел Госиздата и Гостехиздата. В «Записках писателя» рассказал о крахе народнических иллюзий, владевших им до Октябрьской революции, показал разложение берлинской послереволюционной эмиграции.

[159] Сборник под таким названием был издан в 1932 г.

[160] Книга Аксакова С. Т. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852).

[161] Собака Пришвина.

[162] Имеется в виду Плещеево озеро в Переславле-Залесском.

«Родники Берендея», напечатанные в журнале «Красная новь» (1925, № 8), имели подзаголовок: «Из записок фенолога с биостанции «Ботик». Позднее «Родники Берендея» вошли в книгу «Календарь природы» (цикл «Весна»; т. 3, с. 162—256).

[163] *«Перевал»* — литературная группа, основанная в 1924 г. А. Воронским при журнале «Красная новь» как противопоставление литературной группе «На посту». Главное в творческой платформе «Перевала» заключалось в отстаивании «подлинного искусства», «истинного художества», и на первом этапе (с 1924 по 1927 г.) группа боролась против схематизма в литературе, против грубого и бестактного отношения критики к писателям. В «Красной нови» (1927, № 2) была опубликована декларация «Перевала», подписанная более чем шестьюдесятью писателями, в числе которых были Пришвин, Катаев, Багрицкий, Н. Огнев, Караваева, Малышкин и др. Декларация была направлена против «бескрылого бытовизма» в литературе и ратовала за сохранение «преемственной связи с художественным мастерством русской и мировой классической литературы».

[164] Автор статьи «О художественном лице «Перевала» Арк. Глаголев писал: «Несмотря на внешне кажущееся тематическое отличие «Жестоких рассказов» Барсукова, например, от вещей Зарудина или Пришвина, они психоидеологически глубоко родственны. И Зарудин и Пришвин тесно связывают «охотничье» и «детское»... И вот этот весьма специфический «биологизм», особая «биологическая» направленность... совершенно свободная от всякой «примеси» художественного социологизма, является одним из существенных идеологических пороков художественной позиции «перевальцев» («Новый мир», 1930, № 5, с. 158, 160, 161).

[165] *Воробьиная ночь* — народное выражение, имеющее два значения: 1) самая короткая в году ночь; 2) летняя грозовая ночь с непрерывным блеском молний и раскатами грома.

[166] Из стихотворения Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» (1863).

[167] К этой записи на полях рукописи приписка: «Точно таким же образом входили в жизнь и влияли наши классики — Пушкин, Толстой, даже Тургенев. Словом, занималась такая позиция творчества, с которой было видно, что черт и всякое зло, сами не зная того, принимали участие в творчестве» *(ЦГАЛИ)*.

[168] Известный советский лингвист Александр Александрович Реформатский (1900—1978); его жена Надежда Васильевна Реформатская (1901—1985), литературовед, критик и библиограф. Дружеские отношения с семьей Реформатских продолжались у Пришвина до конца жизни.

[169] См. коммент. 136а к *Дневникам 1918—1932.*

[170] *Анимизм* — вера в духов и души, якобы управляющие людьми, животными и явлениями окружающего мира.

[171] Речь идет об очерке Пришвина «Зooферма» (1930), вошедшем впоследствии в издание: Пришвин М. М. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М., Гослитиздат, 1939, с. 328.

[172] См. коммент. 116 к *Дневникам 1918—1932.*

[173] Действительно, в это время появились в периодической печати статьи, обвиняющие Пришвина как члена литературной группы «Перевал»: в журнале «На литературном посту» (1930, № 8, с. 49—61) была опубликована статья М. Григорьева «Бегство в Берендеево царство» о творчестве Пришвина; в журнале «Красная новь» (1930, № 9—10, с. 219—232) статья А. Ефремина «Михаил Пришвин»; в «Литературной газете» (1930, № 57, 4 декабря) статья М. Григорьева «Пришвин, алпатовщина и «Перевал», продолжающая его же журнальную статью.

Писателю инкриминировалось бегство от классовой борьбы, «оправдание старины» как «один из способов борьбы против нашей советской культуры», «преображение действительности в волшебную сказку».

[174] Герой романа Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» (1907); имя Передонова стало нарицательным для обозначения человеческого невежества, пошлости и мещанства.

[175] *Галатея* — в греческой мифологии статуя прекрасной девушки, изваянная Пигмалионом. Для литераторов группы «Перевал» образ Галатеи стал идеалом гармонического слияния искусства и жизни в стремлении художника создать совершенный образ.

[176] Пришвин имеет в виду группу литераторов, входивших в начале 20-х годов в Московскую ассоциацию пролетарских писателей, объединенных вокруг журнала «На посту»; «напостовцев» отличало нигилистическое отношение к культурному наследию прошлого.

[177] Теоретик «Перевала» литературный критик Д. А. Горбов (1894—1967) в статье «Поиски Галатеи» (1929) развил некоторые идеи книги А. Воронского «Искусство видеть мир» (1928). о творческом акте как процессе «снятия покровов», о «непосредственных впечатлениях» как основе художественного творчества, в статье был выдвинут принцип «искренности» и интуитивизма — «моцартианства» творчества. В октябре 1928 г. Пришвин записывает в дневнике: «Доклад Горбова о несравненной Галатее; смысл его тот, что художник сквозь камень видит Галатею и строит действительность немедленно, согласно прозреваемому идеалу» *(ЦГАЛИ).*

[178] Своим критикам Пришвин отвечал в статье «Нижнее чутье», напечатанной в «Литературной газете» 9 января 1931 года: «...Все эти статьи исходят из неверного факта и потому неверны во всем остальном. Неверный факт — это связь моя с «Перевалом»... Больше же всего обидно, что во всех статьях мне инкриминируется разъединенность с общественной жизнью... Всех дальше от меня самого ушел, вероятно, тоже из-за «Перевала», тов. Григорьев... даже назвал меня эпигоном символистов, хотя во всей литературе мало найдется равных мне эмпириков и реалистов... Люди в футляре уже не чуют простой язык, как не чуют живую

жизнь, и потому, когда приходит к ним сама жизнь, они домысливаются, читают живым языком написанные строчки, ищут символы между строчками ..» В статье Пришвин официально заявляет о своем выходе из «Перевала».

[179] 23 сентября 1861 г. в письме к Н Н. Страхову поэт и критик А. А. Григорьев (1822—1864) писал «Знаешь, когда я всего лучше себя чувствую? В дороге. Право, если б я был богат, я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках божиих, а не в руках человеческих» (Григорьев Ап. Воспоминания и письма. Пг., 1917, с 282).

[180] *«Устюжская барышня»* — Мария Федоровна Дубровская. История отношений с ней рассказана Ап. Григорьевым в его письмах к Н. Н. Страхову 1861—1862 гг., а также в поэме «Вверх по Волге» (1862).

[181] О Пришвине-фотографе см. в кн.: *Круг жизни*, с. 218—238.

[182] В поисках индустриальной темы Пришвин по командировке журнала «Наши достижения» отправляется на Урал, где идет строительство машиностроительного завода.

[183] *Каманин Ф. Г.* (1897—1979) — русский советский писатель. Основной круг его творческих интересов связан с жизнью послереволюционной деревни. Автор романов «Ивановская мельница» (1927), «Свадьба моей жены» (1929); повесть «Волчий лог» (1931) и роман «Опора» (1936) посвящены коллективизации.

[184] Имеется в виду строительство Уралмашзавода.

[185] Место под Загорском, получившее название от находившегося здесь ранее Вифанского скита.

[186] С 10—12 июля по 8 ноября Пришвин совершает путешествие на Дальний Восток. В результате этой поездки им были написаны книга очерков «Золотой Рог» и поэма «Жень-шень» (т. 4).

[187] В январе 1925 г. на Всесоюзной конференции пролетарских писателей оформилась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) как ведущий отряд существовавшей с 1920 г. Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. РАПП стала массовой организацией, включавшей рабкоров и литкружковцев. Теоретическим и критическим органом РАПП был журнал «На литературном посту». В своих выступлениях РАПП осуждала нигилистическое отношение к культурному наследию, выдвинула лозунг «учебы у классиков». Однако выступления «рапповцев» против других литературных группировок («напостовцы», «Перевал» и др.) сопровождались наклеиванием политических ярлыков, в их критике проявились вульгарный социологизм, догматизм, мешавшие верной оценке творчества М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого и др. В статье «О возвеличенных и начинающих» Горький критиковал грубые приемы рапповской полемики, групповщину.

Ошибочным был так называемый «призыв ударников в литературу» (1930) и лозунги: «ударник — центральная фигура литературного движения», «союзник или враг» (1931), отталкивавшие писателей-попутчиков.

В 1931 г. с критикой РАПП выступила газета «Правда». На основании Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г , в котором отмечалась нецелесообразность существования особых пролетарских литературных организаций в новых условиях, РАПП была ликвидирована.

Очевидно, дискуссия, с материалами которой знакомился Пришвин, проходила в сентябре — ноябре 1931 г. Ее открыла статья Сергея Медведева «Старые и новые лозунги», напечатанная в «Комсомольской правде» 4 сентября 1931 г. Медведеву отвечал Л. Авербах статьей «Из РАППовского дневника» в «Литературной газете» 12 октября 1931 г. Разбору дискуссии, обсуждению ее хода была посвящена редакционная статья «Литературной газеты» 17 ноября 1931 г. «За большевистскую прямоту в дискуссии», и, наконец, завершала дискуссию статья 24 ноября 1931 г., напечатанная в «Правде», «За перестройку работы РАПП» Л. Мехлиса. См. подробнее об этом времени в кн.· Шешуков С. Неистовые ревнители (Из истории литературной борьбы 20-х годов). М , «Художественная литература», 1984, с. 292—301.

[188] Воспоминания А. Белого о Блоке были напечатаны в журнале «Записки мечтателей» (1922, № 6). Этот номер был посвящен годовщине со дня смерти Блока.

[189] Судя по дневнику, можно предположить, что очерки Пришвина о Дальнем Востоке, впоследствии вошедшие в книгу «Золотой Рог» (см. главу «Даурия» из книги «Золотой Рог» и коммент. к с. 432, т. 4), первоначально носили названия «Даурия» и «Даурская земля». Очерки были посланы в «Новый мир» и, по словам Пришвина, были не поняты в редакции и возвращены автору. Пришвин пишет: «...два из них были совершенно исчерканы, и мне было предложено из двух сделать один. Моя «Даурия» лежит 6 месяцев ..» Это послужило поводом к тому, что писатель «бросил сюжет» и решил представить «весь материал» как «поиски корня жизни» *(ЦГАЛИ)*. Наконец, в «Новом мире» (1932, № 11) был напечатан очерк Пришвина под названием «Новая Даурия. Путешествие».

[190] См. коммент. 123 к *Дневникам 1918—1932.*

[191] Слова критика Ю. И. Айхенвальда (1872—1928) из его книги «Валерий Брюсов»: «.. но если Брюсову с его тяжелой поэзией не чуждо некоторое величие, то это именно — величие преодоленной бездарности» (М., 1910, с. 32).

[192] В «Новом мире» (1932, № 3) был опубликован рассказ С. Н Сергеева-Ценского (наст. фамилия Сергеев; 1875—1958) «Устный счет»; здесь же в разделе «Литература и искусство» напечатана статья А. Ефремина «С. Сергеев-Ценский» с подзаголовком «К 30-летию литературной деятельности», в которой творчество писателя подверглось резкой критике. Автор статьи писал: «Сергеев-Ценский чаще всего уходит от современных тем. Но через индифферентную видимость сквозит достаточно явственно лицо буржуазного эпигона... Ценский не позволяет себе ни малейшей крупицы критики современного буржуазного мира... Надо понять,

что уход от советской действительности составляет один из замаскированных путей неприятия действительности, бегства от нее и ее попрания».

193 См. коммент. 110 к *Дневникам 1905—1917*.

194 *«Записки мелкотравчатого»* (1857) — одно из самых значительных произведений русского писателя Е. Э. Дриянского об охоте (прибл. 20-е годы XIX в.— 1872).

195 *Зворыкин Н. А.* (1873—1937) — писатель, автор монографий, очерков и рассказов об охоте и о животных.

196 Имеется в виду повесть Дриянского «Амазонка» (1860).

197 Имеется в виду «Жень-шень. Корень жизни».

198 Пришвин имеет в виду те страницы дневника Софьи Андреевны Толстой, где часто прорывались жалобы ее на непосильную тяжесть жизни, поскольку ей приходилось быть хозяйкой дома, матерью, воспитательницей детей, переписчицей произведений Л. Толстого. Очевидно, Пришвин читал ее дневники по изданию: Толстая С. А. Дневники. 1860—1891. М , 1928.

1933—1940

В начале 30-х годов была опубликована повесть Пришвина «Жень-шень», ставшая важным этапом в его творческой биографии, принесшая ему славу как писателю после трудных лет литературной борьбы. Поэтому не случайно на страницах дневника вновь и вновь Пришвин возвращается к этой своей повести, осмысливая ее общественное признание, утверждаясь в верности избранного им пути в современной литературе.

В эти годы писатель много ездит по стране. Его поездки вызваны потребностью увидеть своими глазами преобразования края, рождающие новые отношения человека и природы.

Так, Пришвин отправляется в места, которые считал своей писательской родиной,— «край непуганых птиц» — Хибины, Соловецкие острова, Беломорстрой; затем в северные леса — на Пинегу; совершает длительное путешествие на Кавказ; путевой дневник этих поездок позволяет увидеть истоки будущих произведений писателя, таких как «Осударева дорога», «Корабельная чаща», «Кавказские рассказы» и др., проследить развитие своеобразного, присущего Пришвину жанра очерка, естественно перерастающего в художественную прозу.

В конце 30-х годов Пришвин переезжает из Загорска в Москву. Жизнь в городе как бы подсказывает ему возможность освоения новой темы: ценности городской культуры. Из дневника этих лет видно, как писатель начинает разрабатывать эту тему, продолжающуюся в его дневниковых записях и в последующие годы: «Верно ли, что древняя девственная природа, попадая под власть человека, непременно попадает в руки злой силы? Творчество мира продолжается и в наших парках, в культуре городских растений, сказывается переменой характера борьбы за существование, борьбой за лицо...»

Последние записи этого периода проникнуты предчувствием надвигающейся войны, тревогой писателя за судьбу страны, за будущее.

[1] *Тальников Л. Д.* (1882—1961) — критик.

[2] В раздумьях о творческом поведении Пришвин постоянно возвращается к мысли о том, что проблемы духовной жизни общества, которые отражает в своем творчестве каждый большой художник, обладают наибольшей достоверностью, если они выражены в художественной форме, а не в форме готовых нравственных утверждений. Об этом пишет В. Г. Белинский в статье «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя»: «...горе человеку, которого сама природа создала художником, горе ему, если, недовольный своею дорогою, он ринется в чуждый ему путь! На этом новом пути ожидает его неминуемое падение, после которого не всегда бывает возможно возвращение на прежнюю дорогу...» (Белинский В. Г. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1982, с. 238—239). См. также *Дневники 1918—1932:* записи 24—25 октября 1927 г., 28 июля 1928 г., 10 января 1929 г.

[3] 5 февраля 1933 г. Пришвину исполнилось шестьдесят лет.

[4] С первым наркомом здравоохранения Н. А. Семашко (1874—1949) Пришвина связывали долгие годы дружбы. Семашко был земляком Пришвина, они вместе учились в Елецкой гимназии. Уже в те годы Семашко участвует в первых нелегальных марксистских кружках и оказывает на формирование личности будущего писателя большое влияние. Не случайно Семашко послужил прототипом образа Ефима Несговорова в автобиографическом романе Пришвина «Кащеева цепь». См. о нем запись от 26 января 1941 г. в *Дневниках 1941—1945.*

[5] В 1938 г. Пришвин пишет рассказ «Весна света», в котором действие происходит на московских бульварах и главные герои рассказа — дети, начинающие «в Москве весну».

[6] Имеется в виду постановка режиссером В. Э. Мейерхольдом (1874—1940) пьесы Ю. А. Германа (1910—1967) «Вступление» (1933).

[7] *Чемоданов* — читатель Пришвина, посещавший его в Загорске.

[8] Речь идет о В. Ф. Бокове (р. 1914), ныне известном советском поэте; в те годы Боков учился в Загорском педагогическом техникуме и как начинающий литератор познакомился с Пришвиным и подружился с ним. См. воспоминания Бокова о Пришвине («Литературная Россия», 1982, 1 октября).

[9] Вместе с Боковым посещал Пришвина Константин Барыкин, тоже студент и начинающий литератор; в будущем стал геологом (погиб на фронте во время Великой Отечественной войны).

[10] Под таким названием в 1933 г. в Гослитиздате вышла книга Пришвина «Избранные произведения».

[11] Впервые поэма Пришвина «Жень-шень» под заголовком «Корень жизни» была напечатана в журнале «Красная новь» (№ 3, 1933).

[12] Пришвин вспоминает свидание с В. П. Измалковой. См. запись 1905 г. (без даты) в *Дневниках 1905—1917.*

[13] *14 марта* — именины Евдокии Николаевны. По народным приметам в день Евдокии — первая встреча весны, пролетье.

[14] В 1934 г. была издана книга Пришвина «Золотой Рог», разделенная автором на четыре части. Третья часть ее носила название «Олень-цветок». Но по тону и стилю записи можно предположить, что в данном случае Пришвин имеет в виду поэму «Корень жизни» («Жень-шень»).

[15] В 1933 г. Пришвин совершает поездку на Север: Беломорский канал, Хибины, Соловки.

[16] *Селение Надвоицы, Надвоицкий водопад* — места первого путешествия Пришвина в Выговский край в 1906 г., в результате которого появилась его первая книга «В краю непуганых птиц (Очерки Выговского края)». В ней Пришвин называет Выговский край своей писательской родиной.

[17] Пришвин имеет в виду первое издание книги «В краю непуганых птиц» (СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1907), которое было иллюстрировано рисунками, сделанными, как значится на титульном листе книги, по снимкам автора и П. П. Ползунова. Об истории этих фотографий пишет В. Д. Пришвина в статье «Пришвин-фотограф»: «В Олонецком крае он (Пришвин.— *Ред.*) набредает на деревню Паданы, попадает в дом местного сельского учителя П. П. Ползунова, такого же, как он, страстного охотника, рыболова. И тут оказывается, что у учителя впервые в жизни недавно появился новенький фотоаппарат... Было время летних каникул. Два мечтателя легко поняли друг друга и вместе отправились в путь за сказками, прихватив с собою новую «игрушку», фотоаппарат... Видимо, фотографии в книге Пришвина мы должны считать общими...» (*Круг жизни*, с. 223).

[18] См. коммент. 157 к *Дневникам 1918—1932.*

[19] *«Конец века — Начало века»* — название одного из многочисленных фрагментов задуманной, но неосуществленной части автобиографического романа «Кащеева цепь»; в разные годы название менялось.

[20] Запись следует понимать как разговор некоего вымышленного героя («я») с главным героем автобиографического романа «Кащеева цепь» (в рукописи вместо фамилии Алпатов первоначально стояла фамилия Ремизов, исправленная затем рукой Пришвина).

[21] Возможно, имеется в виду мысль Гёте, выраженная в книге «Из моей жизни. Поэзия и правда»: «Сколько бы человек ни бросался то в одну, то в другую сторону, что бы ни предпринимал, все равно он вернется на путь, предназначенный ему природой» (Гете И.-В. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 3. М., 1976, с. 108).

[22] Драматург В. М. Киршон (1902—1938) был одним из руководителей РАПП (1925—1932).

[23] Очевидно, Пришвин читал повесть Н. В. Гоголя «Портрет» в редакции «Арабесок» (1835). См. об этом: *Круг жизни*, с. 60—61.

[24] Пришвин осваивает в это время недавно купленную машину (называл ее «Машка»). Речь идет о поездке на зооферму в Пушкино, под Москвой. См. об этом главу «Соболь» из книги Пришвина «Золотой Рог» (т. 4, с. 453—455).

[25] Речь идет о рассказе Ф. Сологуба «Тела и душа» (Сологуб Ф. Собр. соч., т. 7. СПб., «Сирин», 1913), в котором инженер Георгий Алексеевич Радугин рассказывает о том, как подростком он получил таинственный дар от лесного человечка: «...Ты сам ничего не делай, ни уроков сам трудных не учи... А есть такие ненужные людишки, которыми можно овладеть. Они на вид как будто и настоящие люди, и все у них на своем месте, и они все как все делают, а по-настоящему-то их и нет вовсе. Так, видимость только одна, а человека нет. Ни души у него, ни воли, ничего нет.

Сам для себя он не нужен, а всю работу человеческую он может сделать почти как настоящий человек. Только надо его наставить, завести, как машину, а уж он пойдет и сделает все, что тебе надо. .»

[26] Одна из частей трилогии А. Белого «Начало века» (М.— Л , 1933).

[27] *Савинков Б. В.* (1879—1925) — эсер, руководитель множества террористических актов, антисоветских заговоров и контрреволюционных мятежей; белоэмигрант. Арестован в 1924 г. при переходе советской границы. Осужден.

[28] См. коммент. 109 к *Дневникам 1905—1917.*

[29] Имеется в виду статья К. Локса «Михаил Пришвин» («Литературная газета», 1934, 24 февраля). В дневнике сохранился черновик неотправленного письма в «Литературную газету», где Пришвин писал: «Уважаемый товарищ редактор, в № 22 помещена статья Л. «Михаил Пришвин», не содержащая никаких новых мыслей о моем творчестве, а имеющая замыслы умалить «идею» автора до охотничьего домика с умными собаками. Эта статья является отрыжкой рапповской травли моего творчества, прекращенной статьями Горького.

Вследствие всего сказанного прошу Вас наметить о моем творчестве статью все равно для меня «за» или «против», дающую мне импульс к творчеству... а не сознательно умаляющую значение моих творений и по своей бессодержательности и совершенной беспринципности не позволяющую мне взяться за ответ» *(ЦГАЛИ).*

[30] Кинорежиссером А. А. Литвиновым (1899—1977) был снят фильм «Хижина старого Лувена» (1935) по мотивам повести Пришвина «Жень-шень» и его сценарию. Записи о сценарии будущего фильма появляются в дневнике в течение всего года.

[31] Имеется в виду книга В. В. Вересаева (1867—1945) «Пушкин в жизни» (1926—1927).

[32] Речь идет о фильме «Петербургская ночь», снятом кинорежиссером Г. Л. Рошалем (1899—1983) в 1934 г. по мотивам произведений Достоевского.

[33] Фильм «Гроза» по пьесе А. Н. Островского был снят кинорежиссером В. М. Петровым (1896—1966).

[34] См. коммент. 67 к *Дневникам 1905—1917.*

[35] О влиянии творчества Ф. М. Достоевского на формирование личности Пришвина можно судить по многочисленным записям в днevни-

ках писателя. Героями первого рассказа Пришвина «Домик в тумане» (ненапечатанного и пропавшего) были бедные люди петербургской окраины, «униженные и оскорбленные», судьбы которых напоминают героев Достоевского (см. *Дневники 1918—1932,* запись 5 декабря 1919 г.).

[36] Рассказ товарища Пришвина по охоте Е. Е. Воруланнова по содержанию относится ко времени первой мировой войны.

[37] Пришвин был делегатом Первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934).

[38] Один из вариантов начала неосуществленной книги, посвященной внедрению техники в жизнь России (сам Пришвин в эти годы увлеченно занимался освоением автомобиля) Впоследствии этой теме были посвящены «шоферские» рассказы писателя (см. журнал «30 дней», 1936, № 4, с. 3—8; № 12, с. 36—37).

[39] В рукописи к записи сделана сноска рукой В. Д. Пришвиной: «Михаил Михайлович однажды вместе со мной перепечатывал эти страницы и удивленно сказал. «Это было «настроение», это не Гамсун живет у меня, а Гоголь» *(ЦГАЛИ).*

[40] В газете «Известия» (1932, 21 апреля) были напечатаны отрывки из доклада на поэтическом совещании РАПП поэта В. Луговского «Мой путь к пролетарской литературе». 23 апреля в Постановлении ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» РАПП был ликвидирован.

[41] *Замошкин Н. И.* (1896—1960) — литературовед и критик, еще в 20-е годы писавший о творчестве Пришвина.

[42] Русский советский поэт П. С. Парфенов (1894—1937), автор песни «По долинам и по взгорьям» (1920).

[43] *Бетал Калмыков* (1893—1940) — советский государственный партийный деятель, один из руководителей борьбы за установление Советской власти на Северном Кавказе. В 1930—1938 гг. первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б).

[44] 9 мая Пришвин вместе с сыном Петром отправляется в путешествие на Север — в Архангельскую область к границам Коми АССР. Материалы путешествия вошли в книгу очерков «Берендеева чаща», впервые опубликованную в журнале «Наши достижения» (1935, № 12), а также легли в основу последней работы писателя — повести-сказки «Корабельная чаща», напечатанной посмертно.

[45] Фонтанами.

[46] *Пыж* (залом) — многорядное беспорядочное скопление на реке бревен, вызванное препятствием в русле.

[47] *Боны* — здесь: плавучее заграждение из бревен, устанавливаемое в русле реки при сплаве леса; *моль* (молевой сплав) — лес, сплавляемый не связанными между собой бревнами, россыпью, приводится в движение силой течения реки.

[48] *Запонь* — плавучая преграда из бревен поперек реки, служащая для задержания леса при сплаве.

[49] См повесть «Берендеева чаща» (т. 4, с. 581) и коммент. к с. 584 того же тома.

[50] *Польник* — местное название тетерева-косача.

[51] *Слуды* — берега реки.

[52] *Стружки́* — небольшие лодки, обычно выдалбливаются из бревна.

[53] *Осека* — засека, осеченное, огороженное место в лесу и сама эта городьба из срубленных и заломанных на высоких пнях деревьев.

[54] *Сокольники и Лосиноостровская* — лесные массивы Москвы и Подмосковья.

[55] Норвежский путешественник, океанограф, исследователь Арктики Фритьоф Нансен (1861—1930) в 1893—1896 гг. руководил экспедицией к Северному полюсу на специально построенном для этой цели корабле «Фрам» («Вперед»). Корпус этого судна напоминал скорлупу ореха и не боялся сжатия льдами. Выйдя из Норвегии летом 1893 г., «Фрам» в сентябре вмерз в лед и начал дрейф к северо-западу от Новосибирских островов. Ледяной дрейф продолжался два года, во время которого экипаж «Фрама» собрал ценные научные сведения о природе Арктики.

В воспоминаниях ученого-зоолога К. Н. Давыдова, друга Пришвина, есть такой эпизод: «Как-то в Петербург приехал знаменитый полярный путешественник Фритьоф Нансен, имя которого гремело по всему свету. Пошли с Пришвиным на доклад. Как только Нансен появился на эстраде, весь зал замер и встал. Пришвин долго в каком-то экстазе смотрел на эту «железную» фигуру, а потом вдруг неожиданно вышел из зала, не дожидаясь начала доклада. Все были поражены.

— Фигура Нансена,— объяснил он мне позднее,— меня совершенно подавила. Взгляд этого человека, одно воспоминание о нем может довести человека до галлюцинаций. И, знаешь, глядя на него, я испугался: а вдруг он станет сейчас говорить какие-нибудь банальности. Ведь это разрушило бы в моей душе образ «сверхчеловека» (сб. «Пришвин и современность». М., 1978, с. 141).

[56] *Рады* — болото с редкими корявыми елками (темная рада), болото с небольшими соснами (светлая рада); *сурадья* — открытые места в лесу, поросшие мохом.

[57] *Зябель* — «зяблый, мерзлый хлеб; морозобитная нива» (Д а л ь В И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. СПб.— М., 1912, с 1743).

[58] Журавлиной родиной Пришвин называл большой заболоченный край на реке Дубне. См. повесть «Журавлиная родина» и очерки «Башмаки» (т. 3, с. 55—60, с. 451—459).

[59] В статье «Переславские кручи» Пришвин писал:

«Помню, какой-то иностранец, молодой человек в плаще, появился на берегу Плещеева озера в Переславле-Залесском. За день он пешком обошел озеро кругом и уехал. Мне говорили, что его поразила река Векса, вытекающая из Плещеева озера: таких капризно-диких рек будто бы в Европе уж больше не увидишь. Благодаря этому иностранцу я с осо-

бенным вниманием смотрел на эту речку и вместе с другими любителями красивых памятников природы защищал от рубки столетние сосны на кручах этой реки. Эти кручи были с давних пор любимейшим местом отдыха трудящихся в Переславле, эти сосны — единственно возможные деревья на крутом песчаном берегу — защищали реку. Их по закону нельзя рубить, и отстаивать эти кручи было легко.

Теперь эти кручи срубили: остались пни и голый песок. Первая мысль моя была, что серьезнейшее дело, необходимое и неотложное, при котором некогда думать о красотах природы и отдыха трудящихся, было причиной этого поступка. В этом смысле я и высказался директору леспромхоза и просил его сказать мне, что заставило изуродовать реку и лишить трудящихся отдыха в летнее время.

Директор оказался человеком новым и не мог сказать мне ничего точного, хотя необходимости рубить сосны не видел. Лесорубы обвиняли общественные организации: если бы РИК постановил не рубить, то и не тронули бы полезные деревья...

И еще я узнал о гибели кручи из других вернейших источников. Оказывается, дальше, в полукилометре от них, торфяное болото и берег с кручами должны были отойти Александровскому тресту, эксплуатирующему торф. И вот, чтобы не дать эти деревья тресту, лесные заготовщики скоренько, под шумок, их смахнули.

Так обидно! Не знаю уж, каким только изданием выходит моя книжка «Родники Берендея», посвященная этому краю, написанная под соснами на этих кручах. Знаю наверно, что знатные люди нашей страны (назову Веру Николаевну Фигнер), прочитав мою книгу, ездили смотреть и озеро, и реку Вексу, и кручи.

Вблизи Вексы проходит тракт, по сторонам которого узкой полоской оставлены вековые сосны, как защитные. Их уж никак нельзя рубить, после них дорога испортится: останется чистый песок По закону нельзя, а вот сосны эти подрумянили. Это значит, подготовили для усиков: сделают в коре усики, и побежит смола, а через два-три года от этого деревья засохнут, и их тогда можно по закону взять, как сухие. Искал я виновников и не мог найти,— люди переменились. Нет виновников преступления, а начатое дело автоматически движется, и будет смола бежать до тех пор, пока не засохнут столетние сосны, если только не появится здесь живой человек, который прекратит эти безобразия» («Известия», 1935, 10 мая). См. об этом также главу «Переславская круча» в «Повести нашего времени» (т. 5, с. 152).

[60] Пришвин вспоминает о В. П. Измалковой.

[61] Этот эпизод нашел поэтическое воплощение в поэме «Фацелия», которая стала первой частью книги «Лесная капель» (т. 5, с. 6—42).

[62] Речь идет о книге очерков по материалам недавнего путешествия на Север, над которой Пришвин работает в это время («Берендеева чаща»).

[63] Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860).

[64] Имеется в виду I том под названием «Север» Собрания сочинений Пришвина в 4-х томах (М., Гослитиздат, 1935—1939).

[65] Роман К. Гамсуна.

[66] Рассказ «Гаечки» (1926) вошел в цикл «Рассказы егеря» (т. 3, с. 395).

[67] Книга Пришвина «Зверь-бурундук» с иллюстрациями Е. Чарушина (М., Детиздат, 1935).

[68] В начале записи Пришвин вновь вспоминает свою юношескую любовь к В. П. Измалковой

Цитируя строку из стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» (1829) (у Пушкина: «Он имел одно виденье непостижное уму»), Пришвин, видимо, не случайно вспоминает имя Блока, выразившего свой поэтический идеал в словах: «Со мной всю жизнь — один Завет, Завет служенья Непостижной» («Religio», 1902).

[69] Книга очерков «Берендеева чаща».

[70] См. коммент. 67 к *Дневникам 1905—1917.*

[71] *Алексей Денисов* — охотник из деревни Чирково под Загорском.

[72] См. коммент. 23 к *Дневникам 1905—1917.*

[73] *Лувен* — персонаж повести Пришвина «Жень-шень».

[74] Можно предположить, что Пришвин имел в виду слова А. И. Герцена из его книги «С того берега» (1855): «Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтоб сделать возможным Гёте...» (Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 6. М., 1955, с. 56).

[75] В это время, как видно по дневнику, Пришвин много размышляет о месте детской литературы в общем литературном процессе. На страницах дневника сохранился вариант, видимо, неотправленного письма к Горькому от 15 июня:

«Дорогой Алексей Максимович,

Прошлый год на Всесоюзном съезде писателей Маршак в своем докладе (это напечатано) сказал, что Пришвин, талантливый писатель для взрослых, не является в своих вещах для детей писателем интересным и понятным. С тех пор я все дожидался выхода своей книжки («Зверь Бурундук»), чтобы послать ее на Ваше рассмотрение с тем, чтобы мне приобресть авторитетного союзника в борьбе за русский язык, которую жизнь мне навязывает «воленс, ноленс». В этом письме мне хочется Вам раскрыть, почему же это меня, писателя, ныне столь признаваемого почти всеми, так больно задевает мнение Маршака.

Мне приходится начать издалека, от Пушкина, нашего национального писателя, и Гоголя, не могу сказать точно, что именно национального, но гениального. Давайте условно разделим всех наших писателей: национальных и гениев. Из национальных писателей я могу назвать Пушкина, Толстого, Лескова, Горького, себя. Из «гениев» Гоголя, Достоевского, Белого. Первая группа беременна своей национальностью, живот у нее раздут гражданственностью, и для всей этой группы характерно тяготение к фольклорному самовыражению и рассказу для детей (это ничего не

значит, что некоторые, может быть, ничего не написали для детей). Вторая группа чистых «гениев» тяготеет лично к себе и пожирает фольклор не для воспроизводства (через беременность), а в целях холостого (хотя и гениального) творчества. И как немыслимо себе вообразить, чтобы А. Белый написал бы рассказ для детей, так и Пришвин должен будет отказаться и возвратить отцу талантов свой билет, если только в его творчестве не найдется десятка народно-детских рассказов. Стрелы Маршака, возглавляющего детскую литературу, попадают в самое мое сердце...» *(ЦГАЛИ).*

[76] Имеется в виду следующее место из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»: «Хаджи-Мурат ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием. Полторацкий никак не ожидал видеть таким этого страшного горца. Он ожидал мрачного, сухого, чуждого человека, а перед ним был самый простой человек, улыбающийся такой доброй улыбкой, что он казался давно знакомым приятелем. Только одно было в нем особенное: это были его широко расставленные глаза, которые внимательно, проницательно и спокойно смотрели в глаза другим людям».

[77] См. главу «Денис» в книге «Лесная капель» (т. 5, с. 107).

[78] См. коммент. 43 к *Дневникам 1933—1940.*

[79] *Бюль-Люль* — известный в Кабардино-Балкарии охотник. Цикл «Кавказские рассказы» (1937) первоначально назывался «Рассказы Люля».

[80] 14 марта 1936 г. Пришвин с сыном Петром по командировке от «Известий» отправился в двухмесячное путешествие по Кабардино-Балкарской автономной области. Отвечая на вопросы корреспондента газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», писатель сказал: «Цель моей поездки естественно вытекает из цикла работ в области художественного краеведения». Позднее по материалам этой поездки Пришвин написал рассказы, составившие цикл «Кавказские рассказы» (т. 4, с. 364).

[81] Пришвин имеет в виду «Книгу о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентийского», в которой Леонардо да Винчи пишет: «...живопись превосходит все человеческие творения по тонкости размышлений, к ней относящихся. Глаз, называемый оком души, это — главный путь, которым общее чувство может в наибольшем богатстве и великолепии рассматривать бесконечные творения природы, а ухо является вторым, и оно облагораживается рассказом о тех вещах, которые видел глаз. Если вы, историографы или поэты, или иные математики, не видели глазами вещей, то плохо можете сообщить о них в письменах» («Эстетика Ренессанса», т. II. М., «Искусство», 1981, с. 362).

[82] *Каймак* — густые топленые сливки.

[83] Лицо не установлено.

[84] *Коста Хетагуров* (Константин Леванович; 1859—1906) — осетинский поэт, общественный деятель, основоположник осетинской литературы.

[85] Имеется в виду строфа из стихотворения Коста Хетагурова «Кто ты»:

Как часто охотник
На смерть обречен,
Но редко бывает
В земле погребен.

Перевод А Ахматовой

[86] В декабре 1936 г. на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов была принята Вторая Конституция СССР.

[87] В это время Пришвин хлопочет о получении квартиры в Москве.

[88] Имеется в виду книга Пришвина «Жень-шень (Корень жизни)», которая вышла в 1936 г. в Лондоне (перевод Дж. Уолтона и Ф. Гиббонса, предисловие проф. Ю. Гексли).

[89] См. коммент. 64 к *Дневникам 1905—1917.*

[90] Рассказ написан Пришвиным не был.

[91] Пришвин неточно использует слова из книги Ф. Ницше «Так говорит Заратустра» (русский перевод В. Изразцова; 1913): «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку,— так говорил Заратустра».

[92] См. коммент. 149 к *Дневникам 1918—1932.*

[93] 27 сентября фашистские мятежники во главе с Франко взяли Толедо.

Литвинов М М. (1876—1951) — в то время был наркомом иностранных дел.

[94] Повесть «Счастливая гора» не была написана Пришвиным.

[95] Главы из романа «Улисс» (1922) ирландского писателя Джеймса Джойса (1882—1941) печатались в журнале «Интернациональная литература» (1935, № 1—3, 9—12; 1936, № 1—4); к этому времени в русском переводе были известны книги американского писателя Э.-М. Хемингуэя (1899—1961) «В наше время», романы «Фиеста» и «Прощай, оружие!»; американский писатель Дос Пассос (1896—1970) — в 20-е годы представитель «потерянного поколения», автор социальной эпопеи-трилогии «США»: «42-я параллель» (1930), «1919» (1932), «Большие деньги» (1936).

[96] Речь идет о письме Л. Н. Толстого известному русскому путешественнику, ученому и общественному деятелю Н. Н. Миклухо-Маклаю (1846—1888) от 25 сентября 1886 г., в котором Толстой писал: «...Не знаю какой вклад в науку, ту, которой Вы служите, составят Ваши коллекции и открытия, но Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу,— в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та томах, т. 63. М.— Л., Гослитиздат, 1934, с. 379).

[97] Имеется в виду книга дневников Н. Н. Миклухо-Маклая «На берегу Маклая» (впервые была издана в 1923 г.) о его путешествии к берегам Новой Гвинеи и жизни среди племен острова.

[98] Интерес Пришвина к английскому писателю Р. Джефферису (1848—1887) был связан с выходом в Лондоне в 1936 г. повести Пришвина «Жень-шень» на английском языке, в предисловии к которой известный английский ученый Дж. Гексли, анализируя творчество Пришвина, сравнивал его с Джефферисом.

Пришвин читал книгу Джеффериса «The Story of my Heart» (1883) в немецком переводе: Richard Yefferies. Die Yeschichte meines Herzens. Yena, 1906.

Книга хранится в библиотеке Пришвина *(ГЛМ)*. На ее страницах остались многочисленные пометы писателя и записи на полях. Вот некоторые из них:

«Итак «усиление» души = моему «методу» исследования жизни» (с. 13).

«А это часто бывает, что чувствуешь, насколько больше таится в душе, чем понимаешь. Но редко кто в этом видит наше неизмеримое богатство» (с. 13).

«Чудом я называю природное явление в тот момент, когда оно достигает внимания и душевного понимания человеком, таким образом, вся так называемая «естественная история» есть история чудес» (с. 38).

«Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее, любим и не спрашиваем о взаимности» (с. 62).

[99] Прототип одного из персонажей романа «Осударева дорога». См. о нем в кн: *Круг жизни*, с. 162.

[100] Персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1831).

[101] Имеется в виду повесть канадского писателя, индейца Вэша Куоннезина «Серая Сова».

[102] Пришвин осмысливает проблему «цивилизация — культура», используя образы Гёте и Гоголя. Фаусту противопоставляется Вакула-кузнец, который не отдается черту (цивилизации), а использует его для достижения своей «Маргариты» (культура), заставляя его, таким образом, служить добру. Гоголевский образ символизирует для Пришвина возможность положительного разрешения проблемы.

[103] Возможно, соседка Пришвиных по Загорску.

[104] *Мария Владимировна Фаворская* — жена художника Фаворского.

[105] В библиотеке Пришвина хранится издание «Фауста» И.-В. Гёте на немецком языке *(ГЛМ)*.

[106] Пришвин имеет в виду статью В. В. Маяковского «Как делать стихи?» (1926). В библиотеке Пришвина хранится экземпляр книги: Маяковский В. Избранное. М., 1926, с пометами писателя на страницах этой статьи *(ГЛМ)*.

[107] Имеется в виду объявленный РАПП «Призыв ударников в литературу» (1931), который привлек тысячи рабочих в литературные кружки (см. коммент. 187 к *Дневникам 1918—1932*).

[108] Собака Пришвина.

[109] В. П. Измалкова

[110] О творческой замкнутости, изолированности Б. Л. Пастернака от общественной жизни говорилось в докладе В. Киршона на Пленуме Союза писателей, проходившем 27—28 февраля 1937 г.

[111] Цикл очерков о деревне «Власть земли» был написан Г И. Успенским (1843—1902) в 1882 г. В них писатель, изображая патриархальные отношения в деревне, стремился выявить закономерности деревенской жизни, быта, крестьянского миросозерцания, зависимость крестьянина от условий земледельческого труда — «власти земли» в широком смысле слова, показал крушение крестьянской общины (см. коммент 67 к *Дневникам 1918—1932*).

[112] Ср. у Н. В Гоголя в «Старосветских помещиках»: «Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос.. я помню, что в детстве я часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечик в это время переставал кричать; ни души в саду».

[113] Речь идет о книге русского писателя, критика, публициста и философа В. В. Розанова (1856—1919) «Опавшие листья» (1913—1915).

[114] См. т. 3, с. 418—425; т. 4, с. 391—393.

[115] Имеется в виду антифашистская повесть Г. Уэллса «Игрок в крокет» (1937), в которой в своеобразной фантастической форме изображено трагическое противоречие между горькой реальностью жизни и утопическими иллюзиями благополучных людей.

[116] Речь идет о письме М. Д. Менделеевой (Кузьминой; 1886—1952), дочери Д И. Менделеева, Пришвину от 3 июля 1937 г., в котором она писала: « Я всегда помногу раз перечитываю Ваши произведения — так много для меня в них родственного; до сих пор не «надоедала» Вам своими восторгами, но теперь «Золотой Рог», еще раз перечитанный,— совершенно не позволяет мне молчать .. Конечно, все живое — родственники («цепь жизни») — я и растения сюда причисляю. Вы-то понимаете, как и почему. И вот то, что так необыкновенно блещет в Ваших рассказах — понимание этого общего я так объясняю: бесполезно искать отгадки в павловской рефлексологии, которая так много дала . Конечно, речь, отвлеченное мышление (абстракция) — громадный кладут промежуток между человеком и животными — но разве нервная деятельность только в этом и состоит? Разве это не только небольшая надстройка в человеческом мозгу? А все остальное — инстинкты, например,— разве человек подобно всем животным не доверху ими полон?.. Но этого мало — главный мост я вижу в той области, которую можно назвать эмоциями — чувствами Они, пожалуй, больше всего занимают места в жизни . Любовь, радость, горе, привязанность, месть, благодарность и то особое чувство, которому я не умею дать иного названия как радость жизни,— мировое чувство приобщения ко всему на Земле? Вот уж Вам-то нечего это объяснять — у Вас-то это и можно познать. Цветок, пение птиц, танцы

журавля, месть волка и т. д., и т. д. Чувства везде — одни. И знаете, Вы очень добрый человек, слишком добрый, Вы всем все прощаете; я же человеку ничего не могу простить... Преступление было — приручать зверей; преступление забавляться охотой на них. Все мы — звенья одной цепи жизни (я сама до сих пор охочусь...), но и это меня мучит...» *(ЦГАЛИ).*

[117] Первоначальное название романа; в ходе работы сменилось несколько названий: «Быль», «Былина», «Аврал», «Падун», «Царь природы» и, наконец, «Осударева дорога».

[118] Имеется в виду повесть Пришвина «Серая Сова» (1938).

[119] Речь идет о квартире в Москве, куда Пришвин переезжает из Загорска, осуществляя свое решение расстаться с семьей. Мечтая об уединенной жизни в Москве, он понимает такую свою жизнь и как новый этап творчества. Недаром в ноябре этого же года он записывает: «...хочу создать Китеж в Москве» (Пришвина В. Наш Дом. М., «Молодая гвардия», 1980, с. 36).

[120] Трагедия Софокла «Антигона» (V в. до н. э.).

[121] Народная артистка СССР О. Л. Книппер-Чехова (1868—1959) читала рассказ Чехова «Шуточка» (1886).

[122] Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). У Пушкина: «Да умирится же с тобой // И побежденная стихия».

[123] *Жерлица* — становая закидная удочка.

[124] Герой одноименной оперы немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883) «Лоэнгрин» (1850). Пришвин сближает героя романа «Осударева дорога» Зуйка с образом таинственного рыцаря Лоэнгрина, наделенного сверхъестественной силой, который спасает дочь герцога Брабантского Эльзу от ложного обвинения.

[125] Запись связана с размышлениями Пришвина о роли личности в истории. Эти размышления вызваны разработкой главной темы романа «Осударева дорога» — личность и общество, над которым писатель в это время работает.

[126] Эти слова Евгения из поэмы Пушкина «Медный всадник» Пришвин намечал поставить эпиграфом к роману-сказке «Осударева дорога». Подробнее об этом см. в коммент. к т. 6, с. 422.

[127] Можно предположить, что Пришвин имеет в виду слова Гамлета из монолога «...Быть или не быть?..».

Страна безвестная, откуда путник
Не возвращался к нам, смущает волю,
И мы скорей снесем земное горе,
Чем убежим к безвестности за гробом.

(Перевод А. Кронеберга)

[128] *«Чем люди живы»* — название рассказа Л. Н. Толстого, написанного в 1881 г.

[129] Пришвин имеет в виду речь, прочитанную Тургеневым 7 июня 1880 г. на публичном заседании Общества любителей российской сло-

весности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве, в которой писатель сказал: «...какой же великий поэт читается теми, кого мы называем простым народом? Немецкий простой народ не читает Гёте, французский — Мольера, даже английский не читает Шекспира... Это вершина, к которой надо приблизиться. И все-таки Гёте, Мольер и Шекспир — народные поэты в истинном значении слова, то есть национальные» (Тургенев И. С. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. М., «Художественная литература», 1979, с. 279).

[130] См. т. 7, коммент. к с. 442.

[131] См. коммент. 67 к *Дневникам 1905—1917*.

[132] *Антиной* (?—130) — юноша из Клавдианополя в Вифании, отличавшийся необычайной красотой, любимец римского императора Адриана. Изображение Антиноя часто встречается среди памятников античной пластики. После смерти Антиноя, утонувшего в Ниле, Адриан приказал построить в честь его в Египте город Антинополь. Антиною воздвигались храмы. Его именем было названо также одно из созвездий.

[133] Имеется в виду рассказ «Изобретатель», впервые напечатанный под названием «Рассказ о диком утенке» («Детская литература», 1938, № 4). Позднее вошел в цикл «Лисичкин хлеб» (т. 4, с. 372—375).

[134] Повесть «Серая Сова».

[135] Лицо не установлено.

[136] В своих размышлениях над поставленными в романе «Осударева дорога» проблемами — личность и общество, свобода и необходимость (в пришвинской терминологии — «хочется» и «надо») писатель касается пушкинских образов, отражающих два типа поведения человека перед необходимостью подчинения высшей власти: в «Медном всаднике» — это бунт простого человека (Евгения), в стихотворении «Анчар» — полная покорность раба.

[137] Конкретным примером подтверждает Пришвин свою мысль: поэту дано видеть высшую правду истории; его «иллюзии и сны» о свободе реальнее «правоты» царя — об этом свидетельствует сама история в лице будущих поколений, принимающих сторону поэта.

[138] Книга В. В. Розанова «Уединенное» была написана в 1912 г.

[139] О смерти Ф. И. Шаляпина сообщалось 14 апреля 1938 г. в «Известиях», «Рабочей Москве», «Горьковской коммуне» и других изданиях.

[140] Запись вызвана тревожными раздумьями писателя в связи с предвоенной обстановкой в Европе. Буржуазному индивидуализму западной культуры с его идеей самоутверждения человека, доходящей до стремления к господству над вселенной, Пришвин в своем творчестве противопоставляет представление о мире как изначальном единстве природы и человека. Выразителем этого единства является для писателя простак (Серая Сова) — цельный человек с его первым, наивным и абсолютно верным движением.

[141] Впоследствии эти главы вошли в книгу Пришвина «Неодетая весна» (т. 4).

[142] Вероятно, Пришвин дал для прочтения недавно законченную повесть «Серая Сова» писательнице О В Перовской (1902—1961), с которой его связывали дружеские отношения В 1939 г. он пишет рецензию на ее книгу «Необыкновенные рассказы про обыкновенных животных» (см.: «Детская литература», 1939, № 4, с. 48—49).

[143] Имеется в виду кн · Никольский Ю. А. Тургенев и Достоевский (История одной вражды) София, Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.

[144] Запись связана с приведенным в книге Ю. А. Никольского «Тургенев и Достоевский (История одной вражды)» письмом Ф. М. Достоевского к поэту А. Н. Майкову (28/16 августа 1867 г.), где Достоевский рассказывает о своем свидании в Бадене с И. С. Тургеневым, закончившемся ссорой. Причиной ссоры послужила негативная оценка Достоевским романа Тургенева «Дым». Достоевский обвинил Тургенева в ненависти к России и германофильстве.

В декабре 1867 г. в письме к редактору «Русского архива» П. И. Бартеневу Тургенев, считая, что Достоевский исказил его образ мыслей, писал: «. .судить о нас станут не по односторонним изветам, а по результатам целой жизни и деятельности» (Достоевский Ф. М. Письма, т. II. М.— Л., Госиздат, 1930, с. 387).

[145] *Ксюша* — родственница жены Пришвина Ефросиньи Павловны.

[146] Повесть И. С. Тургенева «Клара Милич» (1882) — о любви Якова Аратова к актрисе Кларе Милич, после самоубийства которой чувство овладевает Аратовым с такой силой, что после двух «свиданий» с нею во сне он умирает.

[147] Запись относится к роману «Осударева дорога», созданию которого сопутствовали постоянные размышления писателя в дневнике. Пришвин стремится преодолеть соблазн «умозаключений» и разрешить поставленные проблемы языком художественного образа

[148] Пришвин осмысливает творчество русских писателей с точки зрения важнейшей для искусства проблемы — соединения Правды и Красоты В понимании Пришвина искусство не может отвечать на все вопросы — это дело самой жизни. Истинный путь художника, по Пришвину, служить искусству как главному делу, избегая соблазна учительства. Недостижимым идеалом в этом отношении для себя считал писатель Пушкина: «Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное») сходятся».

[149] Продолжая разрабатывать проблематику будущего романа «Осударева дорога», Пришвин сопоставляет образы двух произведений Пушкина: поэмы «Медный всадник» и трагедии «Борис Годунов» (1825).

По свидетельству сына поэта П. А. Вяземского «Медный всадник» заключал в себе большой монолог безумного Евгения перед памятником Петру I, в котором слишком энергически звучала ненависть «к европейской цивилизации». На самом деле мнение это ошибочно, так как в рукописях «Медного всадника» нет следов подобного монолога (см.: Пуш-

кин А. С Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 2. М.— Л., «Academia», 1936, с. 602).

[150] 7 мая 1915 г. во время первой мировой войны английский трансатлантический пассажирский лайнер «Лузитания», следовавший рейсом из США в Англию, был потоплен германской подводной лодкой недалеко от берегов Ирландии. Из 1959 человек пассажиров и команды погибло 1198 человек.

[151] Имеется в виду глава из будущей книги «Неодетая весна».

[152] Эта и последующие записи связаны с обострением международной обстановки осенью 1939 г.

[153] См. коммент. 41 к *Дневникам 1933—1940.*

[154] 8 октября 1939 г. в газете было напечатано краткое сообщение о речи Гитлера в рейхстаге, содержавшей неприкрытый призыв к изменению существующих в Европе границ в пользу фашистской Германии.

[155] *Чемберлен Н.* (1869—1940) — политический и государственный деятель Великобритании, один из лидеров консервативной партии. В 1937—1940 гг.— премьер-министр. Сторонник политики «умиротворения» фашистских держав. После начала второй мировой войны искал пути для соглашения с фашистской Германией в ущерб СССР. С мая 1940 г. в отставке.

[156] В этот день газета «Красная звезда» писала: «Лондонские корреспонденты газет ⟨...⟩ уверяют, что, по полученным ими в британских кругах сведениям, Германия отправила в последнее время Финляндии зенитные орудия и большое количество оружия».

[157] *Арча* — местное (среднеазиатское) название можжевельника туркестанского, содержащего эфирные масла.

[158] Позднее, при переработке дневника 1940 г., Пришвин расширяет эту запись «Собрались кое-кто из немногих друзей, приехала Павловна из Загорска, сыновья. Каждый год Лева приносит маленькую кумирню, вывезенную им из Бухары, и жжет в ней арчу — кусочек душистого дерева. Пока щепочка сгорает, каждый из нас должен загадать про себя «новогодние» желанья. Мгновенно пронеслось во мне через все годы одно-единственное желание прихода друга, которого отчасти я получил в своем читателе. Страстная жажда такого друга сопровождалась по временам приступами такой отчаянной тоски, что я выходил на улицу совсем как пьяный и в этом состоянии меня тянуло нечаянно попасть под трамвай и в лесу во время приступа спешил с охоты домой, чтобы отстранить от себя искушение близости ружья. Нередко, как магическое слово, заговор против охватывающей меня не своей воли, я вслух произносил неведомому другу: «Приди!» — и обыкновенно на время мне становилось легче, и я некоторый срок мог пользоваться сознательной волей, чтобы отстранить от себя искушение» *(ЦГАЛИ).*

[159] Государственный Литературный музей предложил Пришвину передать в фонд музея его архив. Для подготовки материалов архива Пришвин ищет литературного секретаря.

[160] Валерия Дмитриевна Лебедева была рекомендована Пришвину в качестве литературного секретаря (впоследствии стала женой писателя).

[161] В это время Пришвин перечитывает произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка в связи с предстоящим выступлением в комиссии по изучению творчества Мамина-Сибиряка в Государственном Литературном музее.

[162] Роман «Черты из жизни Пепко» (1894) автобиографичен. В повествовании о Василии Ивановиче Попове Мамин-Сибиряк воспроизводит свою студенческую жизнь в Петербурге.

[163] Героиня автобиографического романа «Кащеева цепь» Инна Ростовцева, прототипом которой послужила В. П. Измалкова.

[164] Пришвин вспоминает рассказ Л. Толстого «Чем люди живы» (1881).

[165] *Ляля* — Валерия Дмитриевна Пришвина.

[166] Имеется в виду работа над книгой «Лесная капель» (т. 5).

[167] Имеется в виду поэма «Фацелия», ставшая впоследствии первой частью книги «Лесная капель».

[168] Одно из рабочих названий романа-сказки «Осударева дорога»

[169] То же.

[170] То же.

[171] Персонажи романа-сказки «Осударева дорога».

[172] Дом творчества писателей под Москвой.

[173] Имеется в виду рассказ «Дедушкин валенок». Входит в цикл «Дедушкин валенок» (т. 4, с. 413).

[174] В доме творчества.

1941—1945

В годы войны Пришвин, отказавшись от эвакуации в глубокий тыл, живет в деревне Усолье, под Переславлем-Залесским, в двадцати километрах от шоссейной магистрали Москва—Ярославль.

Здесь, в Усолье, в самые трудные первые месяцы войны писатель, которому в это время около семидесяти лет, мучится постоянным сознанием своей отъединенности от общей жизни народа, его тяготит возраст, он стыдится своего бездействия, пишет: «Тянет на войну!» Часто, мучимый неясными слухами, по бездорожью на своей старенькой «эмке» с неимоверными трудностями он добирается до Москвы, чтобы ближе и достовернее знать о происходящем на фронтах.

Писатель убежден, что война ненадолго, что скоро, очень скоро враг будет сломлен. И дневниковые записи первых месяцев войны окрашены спокойной уверенностью в близкой победе. Об этом говорят даже отметки писателя в дневнике, на какой день войны сделана та или иная запись, но вскоре эти отметки исчезают.

Война не только ставит границу между прежней жизнью и настоящей, она рождает в душе писателя острое чувство ответственности за свое слово. Пришвин пишет: «Совершается на наших глазах злодейство... Тот

злодей, кто молчал и берег свою жизнь, и, может быть, больше всех злодей ты сам, не отдавший жизнь за необходимое огненное слово».

Провожая вместе с жителями Усолья уходящих на фронт, видя страдания людей, опаленных войной, Пришвин становится летописцем жизни народной в тылу: «Я пишу не о крови, а о слезах»,— записывает он в дневнике.

И это действительно так. Писатель создает во время войны такие произведения, как «Рассказы о ленинградских детях», они родились из личного живого общения с детьми, которых вывезли из блокадного Ленинграда и поселили неподалеку от Усолья в детском доме на Ботике, «Повесть нашего времени» — о женских судьбах во время войны (многие образы, мысли и картины перенесены в повесть целиком со страниц реального дневника текущего дня), военные рассказы «Голубая стрекоза», «Город света», «Как заяц сапоги съел».

В эти военные годы в дневнике копились наблюдения и размышления писателя, вошедшие в его послевоенные произведения — сказку-быль «Кладовая солнца» и повесть-сказку «Корабельная чаща».

С новой силой встает со страниц военного дневника одна из центральных философских тем его творчества, звучавшая и в прежние годы,— тема Евгения из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник», тема взаимоотношений личности и общества, ценности отдельного человека и нравственного долга каждого перед всеми живущими.

По-новому Пришвин осмысливает и окружающий его мир природы, ставшей свидетельницей величайшего зла, совершающегося в человеческом мире. Через свою боль человек глубже постигает ее душу, сливается с природой в единой скорби и в то же время преображается духом для будущей созидательной жизни. «В сердце людей во время войны складывается будущий мир,— пишет Пришвин.— И назначение писателя во время войны именно такое, чтоб творить будущий мир».

Так в эти трудные годы в единстве с народом, с родной природой укреплялся творческий дух писателя, росла вера его в грядущую победу.

[1] Имеется в виду задуманная книга о творчестве, замысел которой не был осуществлен; при позднейшей переработке романа «Кащеева цепь» Пришвин включил материалы к книге в «Звено одиннадцатое» (т. 2, с. 447).

[2] Рассказ «О чем шепчутся раки» был написан в начале января 1941 г., вошел в цикл «Дедушкин валенок» (т. 4, с. 413 и коммент. к рассказу).

[3] См. коммент. 4 к *Дневникам 1933—1940.*

[4] Ошибка; книга вышла в 1907 г.

[5] Дом творчества писателей под Москвой.

[6] В первые дни войны этот рассказ был опубликован в сборнике «Вперед, за нашу победу» (Госиздат, 1941, № 1) под названием «Моему другу на фронт» (т. 5, с. 264).

[7] Запись сделана Пришвиным после получения им известия из Гослитиздата о том, что однотомник его избранных сочинений не будет включен в план издательства из-за «несовременности». Многие записи дневника этого времени свидетельствуют о глубоких переживаниях писателя в связи с этим. Так, в одной из записей он с горечью констатировал: «Таким образом, передо мной закрывается возможность даже косвенным путем доказать свою современность...» *(ЦГАЛИ)*.

[8] Деревня под Старой Рузой, где Пришвины жили в предвоенное лето.

[9] 10 мая 1941 г. Рудольф Гесс (заместитель Гитлера по партии) накануне вероломного нападения Германии на СССР тайно вылетел в Англию с целью добиться соглашения, чтобы обезопасить свой тыл при ведении агрессивной войны против Советского Союза.

[10] Лицо не установлено; сценарий фильма написан не был.

[11] *Рыбников А. А.* (1887—1949) — график, живописец, реставратор, книжный иллюстратор; старейший сотрудник Третьяковской галереи. Во время Великой Отечественной войны руководил эвакуацией собрания Третьяковской галереи.

[12] Старое название Рижского вокзала.

[13] Московский знакомый Пришвиных, несколько раз приезжал в Усолье.

[14] Война в понимании Пришвина связывается с безликим механизмом западной цивилизации, идеологией фашизма, в которой воплотились ее главные пороки. В этом свете личность (Евгений) становится для Пришвина символом жизни и возмездия.

[15] Советский военачальник, генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза М. М. Громов (1899—1985) совершил совместно с А. Б. Юмашевым и С. А. Данилиным беспосадочный перелет Москва — Северный Полюс — США. В годы Великой Отечественной войны был Командующим Воздушной Армией.

[16] Река в Ярославской области.

[17] См. коммент. 76 к *Дневникам 1918—1932*.

[18] Имеется в виду история публикации книги лирико-философских миниатюр «Лесная капель». Книга была написана Пришвиным в самом начале 1940 г., и осенью того же года начала печататься в журнале «Новый мир» первая ее часть — поэма «Фацелия». Неожиданно публикация была приостановлена в связи с появившейся в этом же журнале статьей, в которой Пришвина упрекали в аполитичности, в «несвоевременном обращении к цветочкам и листикам». Отстаивая свою работу, Пришвин писал редактору «Нового мира» В. П. Ставскому: «Борьба за «Лесную капель» для меня есть такая же борьба за Родину, как... борьба за ту же Родину на фронте... Я очень боюсь, что литераторы умышленно не хотят понимать, что за моими цветочками и зверушками очень прозрачно виден человек нашей Родины».

В самый разгар войны, в ноябре 1943 г. «Лесная капель» вышла

отдельным изданием в издательстве «Советский писатель», сразу же получив высокую оценку читателей и критики. Известно, что узники фашистских лагерей смерти передавали друг другу переписанные от руки миниатюры «Лесной капели» Подробнее об этом см. в кн.: *Круг жизни*, с. 132—134; т. 5, с. 448—449.

[19] *Александр Николаевич Раттай* (1875—1959) — отчим В. Д. Пришвиной, врач.

[20] См. рассказ Пришвина «Мои тетрадки» (т. 5, с. 257).

[21] *Нода И. К.*— директор леспромхоза под Переславлем-Залесским. На его городской квартире часто в это время останавливался Пришвин.

[22] Егерь Завидовского охотничьего хозяйства (под Калинином) Зуев Кирсан Николаевич.

[23] Охотовед центрального совета Военно-охотничьего общества А. В. Катынский (1903—1970).

[24] Представление о мире как едином целом — один из главных элементов художественного мышления Пришвина. Подобно тому как на срезе дерева видна «история» его жизни, так, в понимании Пришвина, история человечества закреплена в ее вечных образах: «все пережитое смотрится в наше время». «Соединить времена», то есть наполнить вечные образы истории новым смыслом, рожденным современностью,— такую задачу, по мысли Пришвина, должен ставить перед собой писатель.

[25] Местное название торфопредприятия и поселка на противоположном от Усолья берегу реки Вёксы.

[26] *Павел Назаров* — хозяин дома, в котором жили Пришвины в Усолье.

[27] Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (1895—1970) во время Великой Отечественной войны с июля 1941 г. по июль 1942 г. был командующим войсками Западного и Юго-Западного направлений.

[28] Рассказ «Смертный пробег» впервые был опубликован в журнале «Огонек» (1925, № 6). Впоследствии включен Пришвиным в «Календарь природы» («Зима»).

[29] Пришвин имеет в виду космологическую символику иконографии богоматери Неопалимая Купина.

[30] Эта запись сделана Пришвиным в связи с получением письма Н. М. Замошкина от 16 февраля 1942 г. (см. коммент. 41 к *Дневникам 1933—1940):*

«Дорогой Михаил Михайлович, получил от Вас два очень интересных письма. Повеяло что-то хорошее, старым, добрым повеяло, хоть в письмах нет и покоя. Я задержался на том месте, где Вы пишете о третьей книге «Кащеевой цепи», о любви Алпатова. Да, это Ваш жизненный опыт. Он поздно дался, раскрылся с новой стороны. Всякому открытию, обогащающему в наше время душу человека, нельзя не радоваться. Люди не изживают друг друга... А на полях сражений? Вот и Ценский пишет мне из стольного града Куйбышева, что после войны все литераторы всего земного шара заговорят о человеке.

Если это так будет, то будут говорить о любви. А надо будет говорить о жестокости мира.. или это другая сторона той же темы?

А может быть, это одно и то же? Мой жизненный опыт последних месяцев обогатил меня только в отношении безмерного увеличения страдания.

Благая жизнь, если только навсегда решено поступать так, как поступал Гёте в дни наполеоновского нашествия на его родину. Но для этого надо быть «министром веймарским», что невозможно. Да и охват всего другой, иной масштаб теперь. Уж коли у Вас было тревожно, то где еще покой? Нет его и не может быть» *(ЦГАЛИ)*.

[31] См. предыдущую запись (25 февраля) и коммент. к ней.

[32] Имеется в виду очерк М. А. Шолохова «На юге», вышедший отдельной брошюрой в 1942 г., о безнравственности фашизма, об алчности и грабежах немецких солдат. Один из героев очерка утверждает, что единственная идея, которой руководствуются фашисты,— идея грабежа. Другой возражает ему, что само слово «фашизм» не достойно находиться рядом со словом «идея». «Слово это им недоступное, и рядом с немцами его ставить нельзя, а то оно вымажется около этих сукиных сынов.. »

[32а] *22 марта* — праздник сорока мучеников или Сóроки; день весеннего равноденствия (день с ночью меряется).

[32б] *Сестры Барютины* (Зинаида, Евгения, Екатерина, Людмила) — близкие друзья семьи Пришвиных.

[33] В эти дни В. Д. Пришвину положили в больницу с дифтеритом.

[34] Имеется в виду дневник 1940 г., из которого М. М. и В. Д. Пришвины задумали создать книгу «Мы с тобой».

[35] См. т. 5, с. 275—280.

[36] С Алексеем Силычем Новиковым-Прибоем (1877—1944) Пришвина связывали долгие годы дружбы. См. о нем главу «Собаки-путешественники» в повести «Неодетая весна» (т. 4, с. 252—256).

[36а] *Наталья Аркадьевна Раттай* (1875—1959) — мать В. Д. Пришвиной.

[37] Имеется в виду герой романа-сказки «Осударева дорога», одно из первоначальных названий которого был «Падун».

[38] Имеются в виду созданные Пришвиным впоследствии «Рассказы о ленинградских детях» (т. 5, с. 126—146).

[39] Возможно, имеется в виду зверовод Иван Антонович Зависский, которому посвящен очерк «Полярный роман» из книги Пришвина «Золотой Рог» (т. 4, с. 568—580).

[40] *Дмитрий Павлович Коршунов* — колхозник из деревни Хмельники, с которым дружил Пришвин.

[41] Имеется в виду речь Рузвельта на совещании глав правительств США и Англии, проходившем с 14 по 23 января 1943 г. в г. Касабланке (Северная Африка), где обсуждался вопрос о путях вторжения союзников в Европу. Слова Рузвельта о том, что гибель немцев можно математически рассчитать, связаны со Сталинградской битвой.

[42] Лицо не установлено.

[43] См. коммент. 3Са к *Дневникам 1941—1945*.

[44] См. рассказ «Город света» (т. 5, с. 284—288).

[45] В дневнике от 15 марта сохранились размышления Пришвина в виде его письма Рузвельту:

«Глубокоуважаемый господин Рузвельт! И в те глухие русские леса, где я теперь живу и жил постоянно много лет, приходят газеты, и я узнал из них о Вашей борьбе за свободу совести, слова, свободу от нужды и страха. Я читал, как Вы летали над океаном и, спустившись в Африке, спрашивали отдельных солдат о личных мотивах их борьбы, и ответы солдат вполне совпадали с мотивами борьбы за свободу человека, высказанную Вами как президентом.

Я читал в газетах Ваши вопросы солдатам: «за что они борются», и, как русский, удивлялся ответам американских солдат: один борется за баптистскую церковь в его переулке, другой за семью свою, третий за положение в литературе и т. д. Спросите внутреннего человека, живущего в русском солдате, за что он борется, и я не знаю, найдется ли хоть один солдат в Красной Армии, кто так конкретно определился бы лично в этой борьбе .

И если отдельный человек не посмеет ответить на вопрос, за что он воюет, то все вместе делом своим, жизнью своей они отвечают, что они борются за Правду. И вот почему у нас нет личных интересов, как в ответах американских солдат» *(ЦГАЛИ)*.

[46] См. «Рассказы о ленинградских детях» (т. 5, с. 126—146).

[47] Соня и Боря стали прототипами героев сказки-были Пришвина «Кладовая солнца» — Насти и Митраши (т. 5, с. 216—252).

[48] Юбилейный вечер в Союзе писателей по поводу 70-летия Пришвина и награждения его орденом Трудового Красного Знамени состоялся 14 мая. Подробнее см.: Пришвина В. Д. Жизнь, как слово.— «Москва», 1975, № 12, с. 175—179.

[49] *Сейфуллина Л. Н.* (1889—1954) — русская советская писательница, автор многих повестей и рассказов, в которых изображается революционная борьба народных масс за социальную справедливость.

[50] См. коммент. 4 к *Дневникам 1933—1940*.

[51] Речь идет о поэте Н. Н. Асееве (1889—1963), который познакомился с М. М. Пришвиным на его юбилейном вечере. В своих воспоминаниях В. Д. Пришвина («Москва», 1975, № 12, с. 179) пишет: «По окончании вечера Асеев (я его видела впервые) подошел к нам и обрадованно сказал· «Где же вы были? Почему я вас до сих пор не знал?»

Через несколько дней Асеев пришел к нам в номер, принес в подарок свою книгу «Маяковский начинается». На ней в качестве дарственной надписи были стихи, посвященные Пришвину. Они, по словам Асеева, написаны им тотчас по возвращении с вечера.

В них есть такие строки:

...Он, в глину дыхание вдунувший,
Ноги не преткнувший о камень,
Идет непогнувшимся юношей
Меж травами и облаками .»

Книга: Асеев. Ник. Маяковский начинается М, «Советский писатель», 1940, с дарственной надписью автора хранится в библиотеке Пришвина *(ГЛМ).*

52 *«Прекрасная мама»* — одно из первоначальных названий «Рассказов о ленинградских детях», из которых первые четыре: «Ботик», «Родина» («Дети»), «Папа-генерал», «Бабушка и внучка» — были напечатаны в октябре 1943 г. в газете «Красная звезда».

53 Пришвин имеет в виду книгу «Лесная капель», которая вышла в ноябре 1943 г. Первая часть книги носит название «Фацелия». Об истории ее издания см.: *Круг жизни,* с. 132—134.

54 4 ноября 1943 г. состоялось первое исполнение Восьмой симфонии Д. Д. Шостаковича (1906—1975) в Большом зале Московской консерватории. Дирижировал Е. А. Мравинский.

55 Знакомая Пришвиных.

56 С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция глав правительств трех союзных держав во второй мировой войне: США, Англии и СССР. В результате конференции была принята декларация о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве; решение об открытии в течение мая 1944 г. второго фронта в Европе.

57 В дневнике сохранился черновик письма, адресованного, очевидно, редакции журнала «Новый мир»: «...В 1941 г. редакция «Нов. мира», начав печатание моей вещи «Лесная капель», резко оборвала печатание, мотивируя это моим уклоном в тему о природе, минуя гражданскую современность. Однако в процессе войны родная природа стала весьма актуальной темой, и «Лесная капель» была напечатана в срочном порядке...

Серия рассказов, предложенная «Новому миру» («Рассказы о прекрасной маме».— *Ред.*), имеет внешне вид чрезвычайно простых очерковых миниатюр, лишь тематически связанных между собою. Если всмотреться в вещь, то каждая миниатюра является одной из необходимых граней, создающих цельное впечатление у бойца на фронте о любовном отношении к детям, оставленным им в глубоком тылу.

Я поселился вблизи детдома возле Переславля-Залесского и с перерывом наблюдал работу детдома около года. Имея в виду цель написать рассказы на современную тему, доходчивые для всех, я, естественно, робел перед задачей, и прежде чем предоставить для самого широкого распространения, я решил проверить их посредством чтения в собрании, по радио и печатанием частями в газете и в Информбюро. Все это я теперь сделал, везде получил большое одобрение, но особенно сильно было впечатление на читателей газеты «Красная звезда», где частично печатались рассказы этой серии.

Самый важный отклик на мой рассказ о сироте Марии Терезе (дочь испанской комсомолки, умершей в Ленинграде), печатавшийся в «Красной звезде», был получен в детдом № 96, откуда я черпал свои наблюдения. Женщина, два года живущая в боевой обстановке, имеющая не одну награду за боевые заслуги, написала страстное письмо, прочтя мой рассказ, что она просит оставить Терезу ей в дочери.

Приведенные выше факты поселили во мне уверенность, что мне удалось создать рассказы, могущие удовлетворить современные требования» *(ЦГАЛИ)*.

[58] На полях дневника запись. «Еще заметка: очень остерегаться радости, возникающей в ответ на восторг читателей, нет ничего обманчивей этого» *(ЦГАЛИ)*.

[59] Имеется в виду «Повесть нашего времени».

[60] 24 января в связи с назначением Н. С. Тихонова председателем Союза писателей СССР Пришвин обращается к нему с письмом, черновик которого сохранился в дневнике: «Дорогой Николай Семенович, рад бы Вас приветствовать в положении председателя Союза писателей, если бы не знал, что для Вас, поэта и гражданина, это положение есть подвиг.

Извините меня, одного из старейших писателей, что я позволю себе предварить Ваш подвиг дружеским советом. В настоящее время мы, писатели, чрезвычайно обязаны особенным вниманием правительства к творчеству вообще. Но никогда мы не страдали так отсутствием дружбы между нами и совершенным невниманием к творчеству друг друга ⟨...⟩ Но мы не можем требовать от правительства внимания к нашей личности. Это должен сделать сам писатель, и это дело самое важное условие творчества. Вспомните Ал. Макс. Горького и его переписку с нами: находил же он время для нее! Вот и Вам тоже так надо: отвоюйте себе время для этого на первых шагах». Письмо заканчивалось просьбой рассмотреть вопрос о напечатании «Рассказов о прекрасной маме» *(ЦГАЛИ)*.

[61] Повесть русского советского писателя Горбатова Б. Л. (1908—1954) «Непокоренные» (1944) правдиво отразила несгибаемую силу духа советских людей, оказавшихся в оккупированных районах Повесть печаталась в «Правде» и имела широкий общественный резонанс. Отзыв Пришвина субъективен.

[62] Одно из названий «Повести нашего времени».

[63] Речь идет о жене А. Н. Толстого (до 1938 г.) Крандиевской-Толстой Н. В. (1888—1963), авторе нескольких поэтических сборников: «Стихотворения» (1913—1919), «От лукавого» (1922) и др. Ее поэзию отличает четкая форма классического стиха, философские раздумья в ней сочетаются с бытовыми зарисовками; творчество Крандиевской ценили М. Горький и И. А. Бунин.

[63a] Имеется в виду рассказ «Иван-Осляничек (Из сказаний у Семибратского кургана)» (1912), который писатель впоследствии не включал в сборники своих произведений См. сб . «Заветы», 1912, № 2, отд 1, с. 5—30; 1912, № 3, отд 1, с. 5—29.

[64] Пришвин познакомился с К. А. Фединым (1892—1977) в Петербурге еще в начале своей литературной деятельности. Дружеские отношения между ними возобновились в последние годы жизни Пришвина. Живя вместе в писательском доме в Лаврушинском переулке, они часто встречались, Федин был первым читателем произведений Пришвина этих лет.

[65] Встрече Председателя Президиума Верховного Совета М. И. Калинина (1875—1946) с Пришвиным предшествовало письмо писателя к нему, черновик которого сохранился в дневниках:

«Дорогой Михаил Иванович, я написал эту «Повесть нашего времени» в надежде соединить в ней требования к себе как к художнику слова, как к советскому гражданину и природному русскому человеку. Я сделал это как мог, всеми своими силами, но я не уверен в двух вещах: 1) те официальные литераторы, кому я дал теперь эту повесть на суд, поймут ли, что эта повесть не выдумана, а написана от чистого сердца, 2) возможно ли выступить перед публикой с такой повестью в наше ответственное время. Я хочу сказать, что если эта вещь ко времени, то автор имеет нравственный долг бороться за ее напечатание, если нет — он должен взять на себя терпение подождать. Сам я, как автор, сейчас не могу еще судить о себе, и в поле моего зрения нет человека, кому бы я мог довериться в этом суде, кроме Вас. Очень прошу Вас взять на себя этот труд: прочитать и сказать. Как скажете — так и сделаю».

В дневнике сохранились многочисленные записи Пришвина об этой встрече и разговоре с Калининым. Вот одна из них: « — Передаю вам свою новую вещь, вы будете ее первым читателем, и, может быть, она вам понравится, и вы сделаете меня писателем.

— Я вас писателем? Вы настоящий русский писатель, я за вами давно слежу.

— То, что давно, то прошло: каждая написанная вещь есть могила писателя, он возрождается в замысле новой вещи...» *(ЦГАЛИ)*. Эта встреча нашла свое художественное выражение в повести-сказке «Корабельная чаща».

[66] Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858).

[67] Из стихотворения Блока «Коршун» (1915).

[68] После встречи с М. И. Калининым Пришвин записывает в дневнике: «Взял мою повесть и стал мне говорить.

— Вашу книгу,— сказал он,— не следует печатать и не по цензурным условиям. Скорее всего это наброски автора для большой книги, сам он понимает, а другой может не понять» *(ЦГАЛИ)*.

[69] 10 июня войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом перешли в наступление против финских войск на Карельском перешейке.

[70] 6 июня англо-американские войска начали высаживаться в Северной Франции. Это было открытие Второго фронта.

[71] Советский актер, народный артист СССР И. М. Москвин (1874—1946) с 1898 по 1946 г. играл на сцене МХАТа.

[71a] Из стихотворения Лермонтова «Родина» (1841).

[72] Речь идет о поэтическом трактате бельгийского писателя-символиста Мориса Метерлинка (1862—1949) «Жизнь пчел».

В библиотеке Пришвина хранится книга, которую читал писатель; два следующих текста отчеркнуты его рукой· «Человек разделяет нравственный миропорядок от миропорядка интеллектуального и в области первого допускает изменения лишь в сторону более великого и более прекрасного... Ставить нравственную оценку своего поведения выше оценки логической — дело всегда разумное и благодетельное, так как человеческий опыт заставляет нас с каждым днем убеждаться все более и более, что самые гениальные мысли еще долго будут находиться ниже уровня той таинственной истины, которой мы алчем».

«Пчелы не ведают того, кто съест собранный ими мед Равным образом и мы не ведаем, кто воспользуется плодами рассеваемой нами по всей вселенной духовной силы» (Метерлинк М. Сочинения в 3-х томах, т. III, СПб., изд. М. В. Пирожкова, 1901, с 438, 494 *(ГЛМ)*.

[73] Рассказ «Лесной доктор» был напечатан в журнале «Дружные ребята» (№ 7, 1944); впоследствии вошел в цикл «Дедушкин валенок».

[74] 24 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов совместно с кораблями Черноморского флота и Дунайской флотилии освободили Кишинев. После этого стали продвигаться в глубь Румынии и 31 августа вступили в Бухарест.

[75] В автобиографическом романе «Кащеева цепь» учителя изображены с точки зрения главного героя, гимназиста Курымушки (Алпатова), как виновники его неудачи. В поздние свои годы Пришвин приходит к пониманию обеих сторон, он пишет: «Я должен был по натуре своей бороться, они должны были меня выгонять. Им хотелось сделать из меня хорошего мальчика, я хотел найти свой путь к хорошему» (*Путь к Слову*, с. 48).

[76] Имеется в виду Московский педагогический институт (ныне им. В. И. Ленина), который был создан в 1930 г. в числе других институтов в результате реорганизации Второго Московского университета (2-го МГУ).

[77] См. коммент. 11 *к Дневникам 1941—1945*.

[78] Освобождение Венгрии началось в конце сентября 1944 г. соединенными силами 2-го, 3-го, 4-го Украинских фронтов вместе с кораблями Дунайской флотилии. К 26 декабря 1944 г. наши войска завершили окружение крупной группировки войск противника в Будапеште. Окончательная ликвидация этого окружения была осуществлена в конце февраля.

[78a] Одно из рабочих названий «Повести нашего времени».

[79] Крымская (Ялтинская) конференция (4—11 февраля 1945 г.) глав правительств трех союзных во второй мировой войне держав: И В. Сталина (СССР), Ф.-Д. Рузвельта (США) и У. Черчилля (Великобритания).

На конференции были согласованы планы окончательного разгрома военных сил фашистской Германии и обсужден весь комплекс основных проблем послевоенного мирного урегулирования.

[80] В библиографии изданий Пришвина статья не значится.

[81] *Удинцев Б. Д.*— племянник Д. Н Мамина-Сибиряка, друг семьи Пришвиных.

[82] Здесь и далее речь идет о сказке-были «Кладовая солнца».

[83] Речь идет о литераторе Викторе Важдаеве (наст. фамилия Рубинштейн В. М.; 1908—1978).

[84] Запись связана с чтением Пришвиным романа «Очарованная душа» Р. Роллана.

1946—1954

Последние годы жизни Пришвина связаны с подмосковной деревней Дунино. Здесь в мае 1946 года он покупает дом и живет в нем большую часть года. Дунинские годы были очень плодотворными в творчестве писателя.

Победа в Великой Отечественной войне по-новому осветила многие его темы. Некоторые из них нашли разрешение в художественных произведениях военных лет («Повесть нашего времени»), другие углубились и получили новое освещение в последние годы.

Теперь Пришвин «начинает новый круг жизни»: «С таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку...» Писатель видит свою главную задачу в том, чтобы показать смысл настоящего человеческого мира: «Мир как венец победителя... Я должен представить свое творчество как дело мира».

В это время Пришвин начинает работать над дневниками с целью создания из них книги «Глаза земли», в которую вошли материалы 1946—1950 годов. Поэтому дневник этого периода представлен в основном записями, вводящими читателя в историю создания романа «Осударева дорога», над которым Пришвин интенсивно работает в это время Мысль о публикации этих записей появилась у самого писателя еще в 1937 году, поскольку «леса романа», как называл их Пришвин, остались в дневнике, не вмещаясь в рамки произведения.

«Осударева дорога» — одно из центральных произведений Пришвина. Записи, относящиеся к роману, появляются уже в первых тетрадях дневника в 1905 году, и с этих пор дневник становится постоянным местом, куда писатель «отводил» свои мысли к будущему роману.

В 1906 году, во время первого путешествия своего на Север, он застал там незарастающий след «осударевой дороги», по которой когда-то по воле Петра I волоком тащили суда из Белого моря в Балтийское Северная природа, жизнь и быт староверов, их история поразили писателя. Фигура русского царя, в которой олицетворялась сама власть (Медный Всадник), стала для Пришвина предметом раздумий. Он называет Петра «великим

истязателем России» (1918), признавая огромное значение его деятельности, но в то же время требуя для себя оправдания этой деятельности с одной-единственной точки зрения: с точки зрения современного Петру простого человека (Евгения).

Свою задачу Пришвин видит в том, чтобы найти пути примирения личного «хочется» человека с необходимостью общественного служения — «надо» Это было очень рано осознано Пришвиным в реальном личном переживании· «Хочется и Надо — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь». Недаром Пришвин называет «Осудареву дорогу» романом автобиографическим и о его главном герое мальчике Зуйке пишет: « этот мальчик живет у меня в уме, и скорее всего это я сам».

По дневнику видно, какими глубокими являются литературные связи «Осударевой дороги» с поэмой Пушкина «Медный всадник» и трагедией Гёте «Фауст». Пришвин не раз обращается к ним, стремясь разрешить проблему личности и общества, поставленную Пушкиным и Гёте, в свете сознания современного человека.

В поисках материалов для задуманного романа он снова в 1933 году приезжает в те же места. Теперь на месте прежней «осударевой дороги» идет строительство Беломоро-Балтийского канала, и образ «осударевой дороги» Петра в сознании художника получает новое историческое продолжение.

В дневнике разрабатывается одна из центральных тем будущего романа — рождение личности. Пришвин пишет об этом: «Дневник будет иметь особенную ценность при анализе «я», враждебного миру, разрушительно-мефистофельского, и «я», творческого, неоскорбленного». Пришвин становится на сторону созидательной, творческой личности, противопоставляя подлинную внутреннюю свободу человека побегу из жизни в природу, своеволию.

Дневники 1951—1954 годов свидетельствуют о том, что последние годы Пришвина наполнены тревогой за человека, за торжество правды на всей земле. Работая в эти годы над романом «Осударева дорога», повестью «Корабельная чаща», перерабатывая автобиографический роман «Кащеева цепь», Пришвин постоянно раздумывает в дневнике о творчестве, о долге и о слове писателя.

Дневник как документ внутренней жизни писателя показывает, что все мысли свои, все духовные поиски и достижения он стремился превратить в реальность, в дело жизни. И из этого стремления к «неразделенной жизни» рождается его последняя тема: «Искусство как образ поведения». Он хотел написать об этом книгу, начал ее (написанное составило одиннадцатое звено романа «Кащеева цепь»), но закончить не успел. В дневнике остается запись: «. .Я знаю, что мой камушек в основе этой светооткрывающей книги непременно будет лежать».

Весь дневник Пришвина — это его обращение к читателю-другу, который поймет, подхватит и продолжит его дело.

[1] Речь идет о друге семьи Пришвиных, ученом-пчеловоде. См. о нем в рассказе «Заполярный мед» (т. 5, с. 380—404).

[2] 1 января 1946 г. в «Литературной газете» была помещена статья Н. Тихонова «Темы, ждущие писателей». В ней говорится: «Огромная тема, ждущая писателя,— о человеке, вернувшемся с Великой Отечественной войны. Человек-победитель, участвовавший в самой грандиозной битве за счастье человечества, возвращается к мирному труду, к новой созидательной работе .. Он по-другому воспринимает многое. Его политическое сознание расширилось. И в то же время его ждет отныне обыкновенная жизнь, не похожая на походную и боевую.

Такого человека изображать совсем не так легко. . Если Шекспир изображал с такой силой человеческие страсти и трагедии, избрав своих героев из среды императоров, королей, дворян, цариц, королев, купцов, министров, то теперь надо с шекспировской силой изобразить этих подлинных героев нашего века, превосходящих героев древности и своими делами, и своими характерами... Их надо брать во всей сложности жизни, во всей трагической сущности пережитого, во всем многообразии их характера».

[3] Имеется в виду рассказ Н. С. Лескова «Соборяне» (1872), который открывает цикл его рассказов о праведниках.

[4] В 1946 г. Пришвин продолжает интенсивно работать над романом «Осударева дорога» («Канал»). В дневнике постоянно появляются записи — «леса» к роману, в которых дальнейшую разработку получают идейный замысел произведения, образы его героев: Сутулова, Анны (в будущем она получит имя Мария Уланова). Отмечая связь этих образов с героями сказки-были «Кладовая солнца», Митрашей и Настей, Пришвин подчеркивает для себя необходимость выразить в них существо отношения к миру мужчины, с его устремленностью к творчеству будущего, и женщины, с ее вниманием к живому настоящему. См.: *Круг жизни*, с. 45—49.

[5] Имеется в виду колхозное поле на берегу Москвы-реки, противоположном деревне Дунино.

[6] Лицо не установлено.

[7] Имеются в виду двоюродные сестры Пришвина, дочери В. И. Игнатова — Маша и ее сестра, бывшая замужем за итальянцем (о ней лишь вскользь упоминает в дневнике писатель). О Маше подробнее см. коммент. 58 к *Дневникам 1918—1932.*

[8] Роман «Осударева дорога».

[9] Роман «Осударева дорога».

[10] В будущем этот персонаж романа «Осударева дорога» получит имя Рудольф.

[11] Речь идет о работе над романом «Осударева дорога».

[12] Вероятно, Пришвин читал еженедельник «Британский союзник», который выходил на русском языке с 1942 по 1950 г.

[13] Герои повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (у Гоголя — Андрий).

[14] В многолетних размышлениях писателя о долге художника перед

обществом, его призвании служить общему делу средствами своего искусства Пришвин не раз вспоминал этот эпизод встречи А. Блока (в 1908—1909 гг.) с деятелями петербургской секты хлыстов, свидетелем которой он был. См. коммент. 42 к *Дневникам 1905—1917*.

[15] Вероятно, Пришвин имеет в виду следующие строки из письма Г. Флобера к Жорж Санд от 2 июля 1870 г.: «В вопросе о бессмертии мы отделываемся словами, ибо вопрос этот сводится к тому, чтобы знать — продолжает ли жить наше «я». Утверждение, кажется мне, проистекает из нашего чрезмерного самомнения, гордости, из протеста против нашей слабости перед вечным законом. Быть может, смерть скрывает не больше тайн, чем жизнь».

Книга, которую читал Пришвин, хранится в его библиотеке: Флобер Г. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 8. М., «Художественная литература», 1938, с. 268 *(ГЛМ)*.

[16] См. рассказ «Большая дорога» (т. 5, с. 280—284 и коммент. к рассказу).

[17] Пришвин связывал рождение своего гражданского сознания с событиями 1881 г., когда народовольцами был убит царь Александр I.

[18] Книга писателя Н. А. Асанова (1906—1974) «Волшебный камень» (1946) была подарена Пришвину автором с дарственной надписью: «Уважаемому Михаилу Михайловичу от молодого не летами, а уменьем автора. 25.XI.46» *(ГЛМ)*.

[19] См. коммент. 48 к *Дневникам 1918—1932*.

[20] С семьей поэта А. Я. Яшина (1913—1968) Пришвин был дружен в последние годы жизни. В библиотеке писателя хранится книга поэта «Земля богатырей» с дарственной надписью: «Кудеснику Михаилу Михайловичу Пришвину, учителю поэтов. Александр Яшин. 10/IX — 45 г. *(ГЛМ)*.

Яшин посвятил Пришвину несколько рассказов и стихотворений. См.: Яшин А. Избранные произведения в 2-х томах. М., «Художественная литература», 1972, т. 1, с. 141; т. 2, с. 129—152.

[21] Имеется в виду роман «Осударева дорога».

[22] Запись относится к роману «Осударева дорога». В образе Зуйка раскрывается сложность рождения личности, способной не по принуждению, а свободно и осознанно участвовать в борьбе за общее дело, за единство. На этом пути человека (Зуйка) подстерегает опасность своеволия, и коррективом его движения к общему делу является суровая правда жизни природы, в которой нет места своеволию.

[23] «Осударева дорога».

[24] Побег «в Азию», совершенный в 1884 г. с друзьями-гимназистами, Пришвин часто вспоминает как одно из событий, сыгравших важную роль в формировании его личности.

[25] Все последующие записи, относящиеся к проблематике романа «Осударева дорога», необходимо рассматривать в единстве с художественным воплощением замысла в самом романе. Ни одно произведение

Пришвина не было так глубоко и органично связано с дневником, и сам писатель намеревался подготовить «Книгу о книге», раскрывающую «лабораторию создания «Были». В. Д. Пришвина писала: «Дневник настолько серьезен и многосторонен, что трудно сказать, каким в будущем определится соотношение этих документов жизни — романа и дневника. Во всяком случае, они будут рассматриваться как единое явление искусства, как двустороннее отражение жизни». См. об этом подробнее в кн : *Круг жизни*, с. 140—174

[26] См записи 12 и 20 января 1947 г и коммент. 28 к *Дневникам 1946—1954.*

[27] Имеется в виду глава романа «Осударева дорога» «Сказка о золотых карасях», рассказывающая о затоплении Карельского острова, когда гроб, в котором Марья Мироновна дожидалась конца света, стал простой лодкой и она не суровой раскольницей, а «мирской няней» поплыла к людям (см т 6, с. 173—179)

[28] В трагедии Гёте «Фауст» Пришвин находит идеи, созвучные тем, которые он стремится выразить в романе «Осударева дорога». Главный герой Гёте для Пришвина становится символом человека, который «подходит к необходимости социальной правды», будучи лично свободным. Но свобода Фауста, полученная от Мефистофеля, по Пришвину, не настоящая свобода. «Современный Фауст», по мысли Пришвина, в новых исторических условиях проходит противоположный путь: от необходимости — к свободе, и его социальное действие (участие в строительстве канала) наполняется совершенно новым нравственным содержанием. Оно заключается в рождении подлинной свободы личности, сознательно участвующей в необходимом общественном деле См. о том же запись 20 января 1947 г.

[29] См коммент 28 к *Дневникам 1946—1954* и записи 9 и 12 января 1947 г.

[30] После исключения из Елецкой гимназии в 1888 г. Пришвин уезжает к своему дяде И. И. Игнатову в Тюмень, где продолжает учебу в реальном училище. В 1893 г. он поступает в Рижский политехникум на химико-агрономическое отделение. За участие в марксистских кружках Пришвин был арестован, отбыл тюремное заключение в Митавской тюрьме и был выслан в Елец с запрещением продолжать обучение. В 1900 г. он добивается разрешения выехать за границу для получения высшего образования в Германии. За годы учебы он объездил Германию, побывал в Париже. См. роман «Кащеева цепь» (т. 2, с. 104—146).

[30a] Неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864). У Некрасова· «А по бокам-то все косточки русские. »

[31] *Сократ* (470/463—399 гг. до н. э) — древнегреческий философ, один из родоначальников философской диалектики Провозглашал принцип свободы чистой мысли, внутренней жизни индивидов Был осужден на смерть (принял яд цикуты), как гласило государственное обвинение, за введение новых божеств и за развращение молодежи в новом духе.

[32] Впоследствии Пришвин определил жанр «Осударевой дороги» как роман-сказку. После появления в 1945 г. сказки-были «Кладовая солнца», которая, по словам писателя, открыла ему «выход от маленьких вещей к большому сказочному роману», в дневнике постоянно появляются раздумья о существе сказки. В. Д. Пришвина так пишет о понимании сказки писателем: «Сказка... по Пришвину в том, что она достижима и ее, как лично сотворенную, невозможно у человека отнять... Она — предвосхищение очень далекого прекрасного будущего, к которому идет, по нашей надежде и вере, развитие культуры» (*Круг жизни*, с. 172, 173).

[33] Имеется в виду рассказ Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (Дневник писателя за 1876 г.). Рассматривая проблематику романа «Осударева дорога» в свете образов Пушкина и Достоевского, Гёте и библейской легенды, Пришвин видит в соотношении личного и общего один из «вечных» вопросов человеческой истории, а свою задачу в том, «чтобы из прошлого войти в современность и как бы сомкнуть времена». Внутри библейской легенды писатель находит символ старой морали и сознания и противопоставляет ей новое сознание, которое требует рождения личности в каждом и изменяет характер «жертвы», то есть участия в общем деле. См. о том же запись 14 июня 1947 г.

[34] См. коммент. 108 к *Дневникам 1905—1917*.

[35] См. коммент. 5 к *Дневникам 1905—1917*.

[36] Тема двух извечно противоположных начал — «хочется» и «надо» органично связана в творчестве Пришвина с идеей возмездия. Размышляя о путях примирения этих борющихся начал, писатель приходит к пониманию того, что единственной творческой силой созидания является сила любви. Он пишет: «...смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания жизни, а не возмездия». Этой теме посвящены «Повесть нашего времени» и роман «Осударева дорога». См. об этом также в кн.: *Круг жизни*, с. 91—139.

[37] Вероятно, собака Пришвина.

[38] См. коммент. 36 к *Дневникам 1946—1954*.

[39] Имеется в виду глава романа «Осударева дорога» «Сказанье о венике», в которой старуха-староверка рассказывает детям «сказку-быль о заколдованном венике», соблазнившем пустынников-староверов на легкую жизнь (см. т. 6, с. 17—23).

[40] В 1933 г во время поездки Пришвина на Беломорстрой окончательно определились место действия и основные герои романа «Осударева дорога». Спустя год после поездки Пришвин записывает: «Едва ли хватит у меня сил взяться за этот материал, но я его чувствую, и совокупность заключенных этических проблем в материале «Войны и мира», столь поразивших весь мир, в сравнении с тем, что заключено в создании канала, мне кажется не так уж значительной» *(ЦГАЛИ)*.

[41] Первой вехой на пути к замыслу романа Пришвин считает 1905 г., когда, собираясь в свое путешествие по Северу, он предлагает редактору детского журнала «Родник» будущую повесть о мальчике, заблудившемся

в лесу. Этот сюжет впоследствии и лег в основу романа «Осударева дорога».

[42] Имеется в виду глава «Сказка о вечном рубле» (т. 6, с 82—96).

[43] Деревня в лесу, неподалеку от Дунина.

[44] Имеется в виду персонаж романа «Осударева дорога» Марья Мироновна.

[45] Собака Травка, персонаж сказки-были «Кладовая солнца».

[46] Ошибка; очевидно, имеется в виду художник Врубель.

[47] Имеется в виду фильм «Сельская учительница».

[48] Персонаж романа «Осударева дорога», лесной бродяга, который соблазняет Зуйка свободной жизнью в природе, где живут не работая, где люди — цари (см. т 6, с. 95—96)

[49] Герой романа «Осударева дорога», бывший купец-миллионер, всю жизнь служивший идее «вечного рубля», владеющего миром, а затем, после нравственного переворота, освободившийся от своей страсти. Прототипом его явился талдомский купец Волков, автобиографические записи которого попали к Пришвину в 1922 г. (т. 6, с. 64—66).

[50] Имеется в виду выступление Пришвина на Втором Всесоюзном слете юных путешественников, который проходил 7—8 января

[51] См. коммент. 136а к *Дневникам 1918—1932*

[52] См коммент. к с 23, т. 6, с. 427.

[53] Запись связана с разработкой образа Рудольфа в его отношении к главному герою романа Зуйку.

[54] См. коммент. к роману «Осударева дорога» (т. 6, с. 422).

[55] Проблема «хочется — надо» переносится Пришвиным в план личного поведения отдельного человека (Зуйка). Ее разрешение связывается с рождением своего внутреннего «начальника», с преодолением своеволия как ложно понятой свободы. См. также коммент. 22 к *Дневникам 1946—1954.*

[56] См. коммент.[63а] к *Дневникам 1941—1945.*

[57] Имеется в виду статья историка американской литературы Ньютона Арвина «Новейшие американские писатели», опубликованная в журнале «Америка» (1947, № 18, с. 2—4).

[58] В начале октября 1918 г. Пришвин навсегда покинул Хрущево.

[59] Первоначальное название «Повести нашего времени», написанной зимой 1943/44 г. Опубликована в 1957 г., после кончины писателя.

[60] Деревня на противоположном Дунину берегу Москвы-реки.

[61] Об истории публикации «Лесной капели» см. в кн.: *Круг жизни,* с. 132—134.

[62] Имеется в виду «Повесть нашего времени».

[63] Редакция журнала «Октябрь» требовала переработки романа. Зимой 1949 г. Пришвин по предложению редакции переносит действие романа «Осударева дорога» на гражданское строительство (роман получает название «Новый свет»). Позднее, летом 1949 г., писатель вновь

перерабатывает его по указаниям рецензентов, но, не удовлетворенный новыми вариантами, решает отложить публикование. Он пишет: «Свидетельством моего художества останется непереработанный экземпляр», и позже: «Переживал тяжелое крушение моих многолетних трудов» *(ЦГАЛИ).*

[64] Имеется в виду будущая повесть «Корабельная чаща».

[65] В письме, о котором идет речь, К. А. Федин писал о романе «Осударева дорога»:

«Дорогой Михаил Михайлович, прочитал Ваш роман-сказку с великим удовольствием читателя, наслаждающегося искусством, с каким житейская правда превращается у него на глазах в легенду, а природа в философию, и с восторгом писателя, любующегося мастерством другого писателя-виртуоза. Редко в жизни встретишь рукопись, в которой ни за что не хотелось бы поменять местами хоть какие-нибудь два словечка! А у Вас ни одного не подвинул бы ни на линеечку. Но это мое желание. А необходимость потребует, вероятно, маленьких изменений и, возможно, некоторых дополнений.

Потому что только в нечеловеческой природе, как у сигов, желания совпадают с необходимостью, да еще в сказках у Сутуловых. Мы же, конечно, настоящие бабушки Мироновны, наши трубы вода давно обступила, и если мы хотим жить — надо нам плыть: у бабушки так ведь и было с ее веслом.

Об этом надо подробно потолковать, и я рад предстоящей встрече... Спасибо за наслаждение, доставленное Вашим словом. 10 июня. К. Федин» *(ЦГАЛИ).*

[66] Работая над романом «Осударева дорога», Пришвин в числе других материалов читал Воинский Устав.

[67] Запись относится к началу знакомства Пришвиных с семьей известного ученого, физика, академика П. Л. Капицы (1894—1984), дружеские отношения с которой продолжались до конца жизни писателя. В дневниках Пришвина сохранилось много свидетельств глубокого и тесного общения с ученым. К 100-летнему юбилею Пришвина Капица написал воспоминания об этой дружбе, отрывок из которых мы приводим:

«Наши встречи и беседы с Михаилом Михайловичем, приведенные в его дневнике, отражают образ Пришвина как писателя и как мыслителя и философа. Известно, чтобы быть большим писателем, надо быть наблюдательным человеком, уметь выбирать наиболее характерное и существенное, найти интересную фабулу и хорошим языком ее ярко изобразить. Даже если в произведении люди живые и фабула интересная, все это еще не делает писателя достаточно большим, чтобы его произведения могли его пережить. Для того чтобы остаться большим писателем на долгие времена, нужно быть еще и философом с самостоятельным творческим мышлением. Время показывает, что этого достигает очень небольшое число писателей и художников... Все, о чем писал Михаил Михайлович,

всегда заключало в себе вопрос об этическом взаимоотношении человека как с окружающей его природой, так и с окружающим человека обществом» (см.: Пришвина В. Д. Наш Дом. М, «Молодая гвардия», 1980, с. 115—121).

[68] Писатель К. М. Симонов в 1946—1950 гг. был главным редактором журнала «Новый мир».

[69] Английский романист Олдос Хаксли (1894—1963), автор так называемых интеллектуальных романов (русскому читателю наиболее известен его роман «Контрапункт» — 1928, русский перевод — 1936), опубликовал в 1949 г. утопический роман «Обезьяна и сущность», в котором действие происходит в XXII в. Автор рисует картину вырождения людей на Земле после атомной войны. В 1950—1951 гг. роман подвергся резкой критике в советской печати.

[70] Физиком иногда в дневнике Пришвин называет П. Л. Капицу.

[71] Индивидуалистическому обнажению «обезьяньей сущности» своего «я» в искусстве Пришвин противопоставляет предшествующее творчеству личное поведение художника, в котором она преодолевается. В конце жизни писатель находит для этой мысли выражение: искусство, как поведение. См. об этом подробнее: роман «Кащеева цепь» (т. 2, с 447—454).

[72] См. рассказ: «Василий Алексеевич» — «Литературная Россия», 1963, 11 января, с. 19.

[73] Роман Жорж Санд (1804—1876) «Консуэло» (1842—1843), Пришвин воспринимает как роман о единстве искусства и жизни, о призвании артиста: «Восхищаюсь редкостной темой («святая певица»)» Полина Виардо — один из прототипов образа Консуэло; книга, которую читал Пришвин, хранится в его библиотеке Жорж Санд. Консуэло. Роман в двух томах, т. 1, 2. М., Гослитиздат, 1947 *(ГЛМ).*

[74] См. коммент. к с. 155 (т. 7, с. 471).

Ставрогин — персонаж романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

[75] *Леонтьев К. Н.* (1831—1891) — русский писатель и критик, представитель позднего русского славянофильства.

[76] С дудинскими дачниками, семьей музыкантов А. Ф. и Л. Л. Мутли, Пришвины познакомились и подружились в эти годы.

[77] *Стерн Лоренс* (1713—1768) — английский романист, автор популярных романов «Тристрам Шенди» (1760—1767) и «Сентиментальное путешествие» (1768), переведенных на многие европейские языки; *Ричардсон Самюэль* (1689—1761) — английский писатель, его широко известные романы «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса» (1747—1748), «История сэра Грандисона» (1754), как и романы Стерна, способствовали развитию литературного течения, получившего название сентиментализм. Представители этого течения, зародившегося в Англии и охватившего в XVIII — начале XIX в. Западную Европу и Россию, возводили в основной критерий ценности человека чувство, преобладающее над рассудочностью. Сентиментализм способ-

ствовал более глубокому раскрытию внутреннего мира человека, на первое место в судьбе героев выдвигался психологический анализ; сентиментализм породил и новое отношение к природе, изображение которой связывалось с личными переживаниями человека.

[78] Пришвин понимает свою первую любовь как попытку соединить идеал с реальностью обыденной жизни, а падение, по-видимому, видит в том, что строит дальнейшую жизнь, как бы утратив мечту о возможности воплощения идеала. Повесть «Жень-шень» является для него самого свидетельством того, что мечта об осуществлении гармонии всегда оставалась главным в его внутренней жизни. Пришвин называет повесть «скрытой автобиографией».

[79] Впоследствии рассказ получил название «Обеденный перерыв» (т. 5, с. 354—359).

[80] *Рёскин Джон* (1819—1900) — английский писатель, историк, искусствовед, публицист. Произведение Рёскина, которое читал Пришвин, не установлено.

[81] См. коммент. 2 к *Дневникам 1933—1940.*

[82] *Гренвилл Стенли Холл* (1846—1924) — американский психолог. Наиболее известны его работы по детской психологии, Пришвин читал его книгу «Эволюция и воспитание чувства природы у детей» (СПб., 1914). Он выписывает из книги такие слова: «Лучшие художники те, которые с наибольшей полнотой сохраняют до зрелого и даже до преклонного возраста чувства и мысли своей юности, ее весну». Книгу Холла Пришвин называет замечательной, записывает: «Сколько мыслей было высказано в мире о том, что ведет меня к творчеству. Все мои усилия похожи на тени проходящих выше меня мыслей» *(ЦГАЛИ).*

[83] С П. С. Оршанко и его семьей Пришвины познакомились и подружились в эти годы. См. об этом: Пришвина В. Д. Наш Дом. М., «Молодая гвардия», 1980, с. 100—101.

[83а] Запись вызвана обострением международной обстановки в связи с войной в Корее.

[84] Лицо не установлено.

[85] См. коммент. к с. 149 (т. 5, с. 456).

[86] С 9 января Пришвин находится на лечении в подмосковном санатории Барвиха.

[87] См. коммент. к с. 456 (т. 7, с. 478).

[88] 11 февраля в дневнике Пришвин вновь возвращается к этой мысли: «В записи «Звезда» заключение такое, что я нахожу в своей душе соответствие со звездой: это спокойствие, простота и ясность», а 13 февраля он записывает: «В рассказе «Звезда» надо сделать упор, что часы не мои, и я должен идти, и все идет, потому что я иду, а я иду, потому что часы не мои» *(ЦГАЛИ).*

[89] После первой дневниковой книги «Лесная капель» Пришвина не оставляют замыслы о создании новой книги такого рода. На полях дневника появляется пометка: «к», означающая «капель». О том, что писатель

понимает под своей «капелью», видно из записи дневника: «Эта капля — это проходящее мгновение действительности, всегда оно правда, но не всегда верной бывает заключающая ее форма сердце не ошибается, но мысль должна успеть оформиться, пока еще сердце не успеет остыть. Чуть опоздал — и потом не можешь понять, хорошо написано или плохо.

Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневник Но только в последние годы эти записи приобрели форму настолько отчетливую, что я рискую с ней выступить...

Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы, романа или поэмы, но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник, быть может, лучше, чем всякая другая моя форма

Знаю, что не всякого читателя заинтересует моя «капель», и в особенности мало она даст тому, кто в словесном искусстве ищет обмана, забвенья от деятельной жизни; но что делать — всем не угодишь,— я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает, что сам не в силах схватить их» *(ЦГАЛИ)*.

[90] Имеется в виду выступление Пришвина 21 февраля в Центральной комиссии по улучшению быта ученых.

[91] Именем Пришвина географы назвали пик и озеро ледникового происхождения в районе Кавказского заповедника недалеко от Красной Поляны. Мыс имени Пришвина находится на Курильских островах возле острова Итуруп.

В библиотеке писателя хранятся книги географа Ю. К Ефремова «Тропами горного Черноморья» (в ней рассказана история присвоения имени Пришвина безымянному пику) и «Курильское ожерелье» с дарственной надписью автора: «Дорогому и глубокоуважаемому Михаилу Михайловичу Пришвину в день восьмидесятилетия, в качестве путеводителя для поездки к мысу Пришвина от недостойного ученика и автора. 5.2.1953. Юрий Ефремов» *(ГЛМ)*. См.: Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. М., Гос. изд-во географической литературы, 1963, с. 333—334, с. 367—368.

[92] *«Шиповник»* — русское литературно-художественное издательство (1906—1918; Пб.—Пг.) главным образом модернистского направления, выпускало альманахи одноименного названия. *«Аполлон»* — литературно-художественный журнал (1909—1917; Пб.), был связан с символизмом, позднее с акмеизмом.

[93] 10 марта 1951 г. в «Литературной газете» была помещена статья М. Исаковского «О «секрете» поэзии». В ней, отвечая на просьбу своих корреспондентов: «Раскройте нам секрет поэзии. Расскажите, что нужно для того, чтобы писать хорошие стихи»,— Исаковский пишет: «Всеобщего, универсального на все случаи жизни «секрета» поэзии не существует и существовать не может...

Обладать поэтическим «секретом» — это прежде всего значит быть

самостоятельным в творчестве, то есть говорить так, как свойственно только тебе, о том, о чем можешь сказать только ты поэт все время должен двигаться вперед, находить все новые и новые способы отображения действительности, обогащать поэзию все новыми и новыми поэтическими находками, открывать все новые и новые «секреты» поэзии».

[94] Имеется в виду повесть М Ю. Лермонтова «Тамань» (1839) — «Герой нашего времени» О повести «Тамань» пишет в 1888 г Я. П. Полонскому А. П. Чехов: «...Лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка» .. прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой» (А П. Чехов. Полн. собр соч и писем в 30-ти томах. Письма в 12-ти томах, т. 2. М., «Наука», 1975, с. 177)

[95] Пришвин прошел сложный путь понимания поэмы Блока «Двенадцать». Так, например, 9 ноября 1922 г. он писал. «Наконец я понял теперь, почему в «Двенадцати» впереди идет Христос — это он, только Блок имел право так сказать, это он сам, Блок, принимал на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать его вперед 〈 〉 Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок, в вихре чувств закруженный, взлетевший до бога». См. об этом также в повести «Журавлиная родина» (т. 3, с. 47).

[96] Пришвин имеет в виду следующий афоризм Гёте. «Далеко не одно и то же, подыскивает ли поэт для выражения всеобщего нечто частное или же в частном прозревает всеобщее. *Первый путь* приводит к аллегории, в которой частное имеет значение только примера, только образца всеобщего, *последний* же и составляет подлинную природу поэзии; поэзия называет частное, не думая о всеобщем и на него не указуя. Но кто живо воспримет изображенное ею частное, приобретет вместе с ним и всеобщее, вовсе этого не сознавая или осознав это только позднее» (Гете И.-В. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10. М., «Художественная литература», 1980, с. 425).

[97] В 1951 г. Пришвин снова возвращается к роману «Осударева дорога», пишет новое введение, набрасывает план коренной его переработки, взяв за основу первую редакцию. Эта работа продолжалась до августа 1952 г. и стала последним обращением писателя к своему труду. После кончины писателя В. Д. Пришвина согласно воле автора опубликовала роман в первой редакции.

[98] Летом 1948 г скульптор С. Т. Коненков (1874—1971) навестил Пришвина в его дунинском доме, с тех пор началась их дружба, оборвавшаяся с кончиной писателя На могиле Пришвина Коненковым был сделан надгробный памятник «Птица Сирин».

В своей книге «Мой век» Коненков оставил строки памяти о первой встрече с Пришвиным в Дунине См.: Коненков С. Т Мой век. М, Изд-во политической литературы, 1971, с. 324—325. См. также воспоминания В. Д. Пришвиной в сб.: «С. Т. Коненков Встречи. Воспоминания современников о скульпторе». М., «Советский художник», 1980, с. 108—110.

[99] Имеется в виду один из лучших охотничьих рассказов писателя, написанный в 1925 г.

[100] Имеется в виду рассказ «Сыроежка».

[101] Соседи Пришвиных по имению Хрущево.

[102] В библиографии Пришвина рассказа под таким названием нет.

[102а] Неточная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (между 1852 и началом 1854 г.). У Тютчева:

Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье...

[102б] Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» (1857).

[103] См. коммент. 123 к *Дневникам 1918—1932.*

[104] См. коммент. к рассказу (т. 5, с. 474—475).

[105] См. коммент. к с. 148 (т. 7, с. 471).

[106] С художником В. М. Никольским Пришвины познакомились и подружились в эти годы. Никольский написал несколько портретов Пришвина.

[107] Имеется в виду повесть польской писательницы Э. Ожешко (1842—1910) «Хам» (1887).

[108] Речь идет о писателе П. Д. Боборыкине (1836—1921), который в своих многочисленных романах пытался отразить новейшие общественные события и течения общественной мысли, но запечатлевал их без глубокого анализа, без обобщения.

[109] Одно из рабочих названий повести-сказки «Корабельная чаща».

[110] Имеется в виду А. П. Сергеенко.

[111] Дом творчества писателей под Москвой.

[112] Имеется в виду рассказ «Наш сад», впервые опубликован в журнале «Огонек», 1952, № 20 (см. т. 5, с. 404—410).

[113] Очевидно, Пришвин имеет в виду стихотворение И.-В. Гёте «Песня Миньоны» (1784); его начальные строфы:

Ты знаешь ли край,
Где лимонные рощи цветут,
Где в темных листах померанец, как золото, рдеет,
Где сладостный ветер под небом лазоревым веет,
Где скромная мирта и лавр горделивый растут...

(Перевод Л. Мея)

[114] См. коммент. 34 к *Дневникам 1941—1945.*

[115] См. коммент. к рассказу «Заполярный мед» (т. 5, с. 476—477).

[116] По библейской легенде, изображение Медного Змия служило для защиты от ядовитых змей, насланных на евреев за малодушие и ропот в пустыне после исхода из Египта. При взгляде на это изображение укус

их был не страшен. Со временем изображения Медного Змия приобрели двоякое значение: с одной стороны, разрушение, уничтожение, гибель, а с другой — возрождение, плодородие.

[117] *Антокольский П. Г.* (1896—1978) — русский советский поэт.

[118] *Инбер В. М* (1890—1972) — русская советская поэтесса.

[119] См. коммент 17 к *Дневникам 1905—1917*.

[120] После Февральской революции 1917 г. Блок работает в редакторской коллегии при Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров и других должностных лиц; комиссия была учреждена Временным правительством в марте 1917 г. 23 марта Блок пишет матери: «Приглашают меня, не хочу ли я быть одним из редакторов (это значит, сидеть в Зимнем Дворце и быть в курсе всех дел). Подумаю» (см.: Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах, т 8. М.—Л , Гослитиздат, 1963, с. 481, 620).

[121] Один из вариантов рассказа «Наш сад» (т. 5, с 404—410).

[122] Имеется в виду повесть «Корабельная чаща», в которой развивается сюжетная линия «Кладовой солнца» и действуют те же герои Митраша и Настя.

[123] См. коммент к повести «Корабельная чаща» (т. 6, с. 431—433).

[124] *Малюгин Л. А.* (1909—1968) — русский советский драматург, автор пьес о жизни советской молодежи, сценической повести «Насмешливое мое счастье» (1965), посвященной последним годам жизни А. П. Чехова и др.

Друнина Ю. В. (р. 1924) — русская советская поэтесса, участница Великой Отечественной войны. Тема войны, советского патриотизма проходит через все ее творчество.

[125] *Гидаш Антал* (1899—1980) — венгерский писатель, автор стихов, романов, писал на русском и венгерском языках, занимался переводами русской, украинской поэзии на венгерский язык. Был секретарем Международного объединения революционных писателей, членом редколлегии «Вестника иностранной литературы».

[126] *Кун Агнесса* (жена А Гидаша) (р. 1915) — венгерский литератор, переводчица венгерской литературы на русский язык. С 1921 г. жила в Москве. Вместе с А. Гидашем и советскими поэтами осуществила большую работу по переводу на русский язык классиков венгерской литературы.

[127] *Герасим Грачевник* — день 4 марта по старому стилю, по народному календарю в этот день прилетают грачи.

[128] *Каверин В. А.* (р. 1902) — русский советский писатель, автор романа для юношества «Два капитана» (1938—1944), трилогии «Открытая книга» (1949—1956), «Косой дождь» (1962) и др.

[129] *Азаров В. Б.* (р. 1913) — русский советский поэт.

[130] Взгляд Пришвина на вопрос о соотношении духа и плоти в человеческой жизни, о возвышенной и земной любви, о браке коренным образом отличается от взгляда Ги де Мопассана, писавшего об «отвратительном

законе воспроизведения рода» (рассказ «Бесполезная радость»), и Л. Н. Толстого, который в «Крейцеровой сонате» и особенно в послесловии к ней осудил брак и семью, а плотскую любовь назвал «унизительным для человека животным состоянием». Творчество жизни, в понимании Пришвина, состоит в соединении духа и материи во всех областях человеческой жизни: «Думал о любви, что она, конечно, одна и если распадается на чувственную и платоническую, то это как распадается самая жизнь человека на духовную и физическую: и это есть, в сущности, смерть». Через это соединение духа и материи, в понимании Пришвина, и происходит воплощение и преображение мира.

[131] Понятие «люди лунного света» восходит к книге В. В. Розанова с тем же названием («Люди лунного света». СПб., 1911), в которой автор отрицает греховность пола и деторождения, защищая семью и брак от людей «лунного», созерцательного, монашеского типа, которые будто бы осуждают плотскую любовь и размножение из-за отсутствия активного природного влечения к противоположному полу.

Спиритуализм «людей лунного света», согласно Розанову, высвобождает большой духовный потенциал, и они играют важную роль в развитии культуры человечества (см. запись 14 октября 1926 г.).

[132] Имеется в виду эпиграф к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» — «Мне отмщение, и Аз воздам».

[133] *Фейнберг И. Л.* (1905—1979) — русский советский литературовед. Главные работы посвящены творчеству А. С. Пушкина. В исследовании об «Истории Петра I» с научной достоверностью раскрыл творческую историю, художественные и исторические концепции этого незавершенного произведения Пушкина.

Действие романа «Осударева дорога» происходит в местах Выговского края, связанных с именем Петра I и жизнью староверов.

[134] Речь идет о повести-сказке «Корабельная чаща», над которой Пришвин начинает работать.

[135] Пришвин приводит слова автора из первой части романа Ги де Мопассана «Сильна как смерть» (1889) о любви художника Оливье Бертена и госпожи Анны де Гильруа.

[136] Пришвин соединяет широко распространенный в средневековой европейской литературе образ Орла (духовность), побеждающего Льва (чувственность), с образом Девы (девственницы), которой всегда покоряется Лев.

[137] «Весенние рассказы» были опубликованы в газете «Комсомольская правда», 1952, 30 апреля. Впоследствии вошли в книгу «Глаза земли».

[138] Герои трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825).

[139] Эту тему писатель разрабатывает в повести-сказке «Корабельная чаща».

[140] Пришвин ищет название для повести-сказки «Корабельная чаща», отвечающее ее главной идее.

[141] Охотник-полесник Мануйло, один из главных героев повести-сказки «Корабельная чаща».

[142] Очевидно, речь идет о романе английского писателя и публициста Джеймса Олдриджа (р 1918) «Дело чести» (1943).

[143] Запись связана с разработкой темы «лѐс и человек» в повести-сказке «Корабельная чаща», над которой писатель в это время работает.

[144] Очевидно, речь идет о кинофильме режиссера С. Герасимова «Маскарад» (1941) по одноименной драме М. Ю. Лермонтова.

[145] Имеется в виду сборник «Моя страна» (М., Гос. изд-во географической литературы, 1948).

[146] Запись связана с чтением словаря В. И. Даля, который хранится в библиотеке Пришвина. В толковании слова «славянофил»: «Славенство, славянщина, словенщина, славенский мир, быт, народ, язык, обычаи» — сохранилась помета, сделанная рукою Пришвина (см. «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля» в 4-х томах, т. 4. СПб.— М., Изд. товарищества М. О. Вольф, 1914, с. 240) *(ГЛМ).*

[147] Речь идет о повести К. Г. Паустовского «Мещерская сторона» (1939).

[148] Имеются в виду строки из статьи В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. X. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 21).

[149] Художник А. И. Кириллов (р. 1925) писал портрет М. М. Пришвина для юбилейного сборника «Весна света», который готовился в то время к печати в издательстве «Молодая гвардия». Впоследствии этот портрет был репродуцирован на юбилейной марке в 1973 г. к 100-летию со дня рождения писателя (см.: М. Пришвин. Весна света. Фронтиспис художника А. Кириллова М., «Молодая гвардия», 1953).

[150] *Чандар Кришан* (1913—1977) — индийский писатель, генеральный секретарь Ассоциации прогрессивных писателей Индии, автор многочисленных книг, написанных в духе критического реализма, посвященных жизни крестьян, городской бедноте, судьбам творческой интеллигенции в капиталистическом мире, движению за мир.

[151] Обращаясь к юным читателям, Пришвин писал: «5 февраля 1953 года мне исполняется 80 лет от роду, и это значит, что человек я очень пожилой, или, как попросту все говорят, я старик. .

Но, дорогие мои товарищи и читатели, я вас уверяю, что сам себя стариком я нисколько не чувствую и даже не люблю, когда назовут стариком.

Некоторые думают, будто раз ты молод, то, значит, и хорош, а раз ты стар, то и плох. Но почему же это я сам хорошо помню, что когда я был маленьким, то больше всего мне хотелось быть постарше — поскорей подрасти

По-моему, и вы тоже хотите все так: поскорее пройти школу, кончить

вуз, с тайным желанием делать после окончания то самое, чего самому так хочется.

Постоянным, упорным трудом в своей жизни я достиг теперь того, чего мне хотелось с детства,— я делаю любимое дело и не считаю того, сколько на это пошло моих лет.

Если вы меня знаете и любите, то я желаю, чтобы вас еще больше любили и еще больше знали. И когда вы достигнете полного расцвета своих сил и будете делать именно то самое, что вам с детства хотелось, то вспомните тоже и нас и что в этой счастливой вашей жизни мы тоже вам помогли» («Мурзилка», 1953, № 2, с. 7).

[152] *Шегаль Г. М.* (1889—1956) — советский художник-пейзажист. В музее Пришвина хранится пейзаж Шегаля с дарственной надписью художника: «Дорогому Михаилу Михайловичу на юбилейном вечере. 5 февр. 1953 г. «Вечер в Дунине». Шегаль» *(ГЛМ).*

[153] *Чертков В. Г.* (1854—1936) — издатель, публицист, убежденный сторонник толстовства, друг и единомышленник Л. Н. Толстого, в советское время — главный редактор 90-томного Полного собрания сочинений Толстого; его жена — А. К. Черткова (1859—1927).

[154] Эти размышления писателя связаны с работой над статьей о языке, которую Пришвин готовит для газеты «Пионерская правда».

[155] См. коммент. 42 к *Дневникам 1905—1917.*

[156] Речь идет о юбилейном вечере, посвященном 80-летию Пришвина, записанном для радио.

[157] В это время В. Д. Пришвина уже знает о неизлечимой болезни Пришвина, о которой он сам не догадывается.

[158] Лицо не установлено.

[159] Собака Пришвина.

[160] Собака, персонаж сказки-были «Кладовая солнца».

[161] Имеется в виду парижский роман с В П Измалковой.

[162] См. коммент. 91 к *Дневникам 1946—1954.*

Пришвин не случайно обратил внимание на книгу Ю. К. Ефремова. Он сам постоянно искал в своем творчестве путей соединения науки и искусства: «Я чувствую себя упавшим семечком с дерева в этот поток, где наука и поэзия еще не расходятся...» И в начале 50-х годов, по свидетельству В. Д. Пришвиной, он намеревался сделать книгу, подобную «Серой Сове», по географии или геологии: «Взять, например, «Популярную геологию» Обручева и написать по-своему»,— пишет он. Только неожиданно резкая критическая статья Л. Зимана, опубликованная в «Литературной газете» (1950, № 86), направленная против канадского писателя, индейца Серой Совы, и Пришвина, как его пропагандиста, привела к тому, что этот творческий замысел не был осуществлен (см. об этом. П р и ш в и н а В. Д Наш Дом. М , 1980, с. 267—270).

[163] В 1926 г. вышла книга «Родники Берендея», как назвал ее Пришвин, «записки под диктовку весны». В первой ее части «Весна света» он писал: «У нас, фенологов, наблюдающих смену явлений природы изо дня

в день, весна начинается прибавкою света, когда в народе говорят, что будто бы медведь переваливается в берлоге с боку на бок, тогда солнце повертывается на лето, и хотя зима на мороз — все-таки цыган тулуп продает. . Январь, февраль, начало марта — это все весна света».

С этих пор пришвинская «весна света» через его читателей вошла в жизнь.

[164] 26 марта Пришвин начинает новую тетрадку дневника и на первой странице записывает· «Прежде чем остановиться на этой тетрадке, нужно испробовать, не будут ли на ее бумаге расплываться чернила всех моих ручек — эта ручка первая говорит не расплывается Вторая ручка пробует что-то сказать, и вот слышу ее неуверенный голос. кажется, пока не расплывается Третья ручка самая капризная, не так пишет, как скребет и везет, и тоже не ругается

Пожалуй, буду в эту тетрадку писать» *(ЦГАЛИ)*

[165] Редактор издательства «Молодая гвардия» Г. А. Ершов был редактором юбилейного сборника «Весна света» — последнего, который вышел при жизни писателя

[166] *Торóпец* — город в Калининской области, известен с 1074 г

[167] Медицинской сестре К. И. Ладыженской посвящен рассказ «Золотая рука», написанный после ее неожиданной смерти. Впервые опубликован в журнале «Огонек», 1954, № 46.

[168] *Коноплянцева-Введенская М. М* и ее брат *Коноплянцев А. М.*— елецкие друзья Пришвина, дружеские отношения с которыми сохранялись всю жизнь

[169] Имеется в виду картина «Вид с веранды хрущевского дома» работы М Г. Игнатовой (1913) Хранится в музее Пришвина *(ГЛМ).*

[170] *Илья Валуйский* — сын елецкого городского головы, участник студенческих революционных выступлений. О Семашко и Маслове пишет в своих воспоминаниях М. М. Коноплянцева-Введенская.

«Компания у нас в Ельце была большая и дружная. Сдружились мы еще до того, как пришел к нам Михаил Михайлович. В первые годы, как я помню нашу компанию, нам было лет по 16—17. Я была самой младшей. Ставили мы уже вопрос о коммунальной жизни. Каждому в коммуне отводилось место. Брат мой, помню, должен был стать сапожником...

Говорили о том, кто кем станет в будущем. Все выбирали такую профессию, чтобы не денег много зарабатывать, а быть поближе к народу. Личную жизнь вели аскетическую — это было наше твердое решение... А я очень любила цветы... помню еще, как-то лечу по улице весной с букетом сирени. Навстречу Маслов, лохматый, суровый, посмотрел на меня и сказал с презрением· «Эс-те-ти-ка. »

В Ельце однажды разгромили нашу компанию. Инспектор как-то сумел подсмотреть и донес в гимназию. Устроили педагогический совет, трех исключили из гимназии, в том числе Семашко и Маслова.. Маслов был очень интересным человеком, сыном крестьянина из местечка Ливны недалеко от Ельца...

Семашко вскоре был принят в гимназию. На выпускных экзаменах все делалось для того, чтоб не давать ему медали, так, закон божий заставили его отвечать на греческом языке, и он ответил. Сочинение блестящее написал, и за поведение ему пять поставили, но медали все-таки не дали.

Семашко был необычайно живой, остроумный человек... Уже после окончания гимназии он опять приехал в Елец, так как был выслан за участие в студенческих беспорядках... Матери наши были дружны, так как и Николай Александрович, и брат мой часто сидели вместе в Бутырках. Встретятся, бывало, обе матери, моя мама и говорит Марье Валентиновне: «Ну, как Николашка, сидит?» — «Сидит!» — «Мой Сашка тоже».

Семашко был один из главных в нашей компании. В эту компанию вошел и Михаил Михайлович, примерно в 1898 году, когда снова вернулся в Елец» *(ЦГАЛИ).*

[171] Годы жизни, связанные с Петербургом (1905—1917), были началом литературной деятельности писателя. Пришвин считал Петербург городом, в котором зародилось его чувство природы. См. об этом рассказ «Город света» (т. 5, с. 284—288).

[172] Роман И. С. Тургенева «Новь» (1876) посвящен революционно-народническому движению 70-х годов. Драма этого движения показана на широком фоне жизни почти всех слоев русского общества пореформенной России.

[173] Пришвин, будучи студентом Рижского политехникума, принимал участие в работе марксистских кружков и занимался пропагандой марксизма среди рижских рабочих. Подробнее об этом периоде см. *Путь к Слову,* с. 53—72.

[174] Имеется в виду мужской монастырь Оптина Пустынь (Введенское) в двух километрах от г. Козельска. Основан в XIV в. Монастырь посещали Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Упразднен после Октябрьской революции.

[175] В этот же день в записной книжке писателя появляется такая запись: «Автобиография — это есть жизнь, обращенная в слово: так и надо смотреть: то жизнь некоего Михаила, а то вот что от жизни этой остается для всех» *(ГЛМ).*

[176] Возможно, запись связана с чтением труда К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» (1875).

[177] 8 июля в записной книжке Пришвин записывает: «Синяя стрекоза села на липовый лист, и надо бы спросить в Большой Кузнице, чтобы это маленькое событие понять во всем смысле и оно бы сделалось по крайней мере не меньше того, что я существую и скоро сделаю новую книгу» *(ГЛМ).*

[178] В последний год жизни понимание природы у Пришвина наполняется новым смыслом. В конце года, 20 декабря, в письме к Е. А. Мравинскому он пишет об этом так:

«Мне кажется по Вашему письму, что мы по-разному понимаем «природу». Я лично подхожу к ней готовым человеком, тем самым сыном

человеческим, откровения которого с мукой и стенанием «ждет вся тварь» («природа»). Конечно, и у меня есть, как и у Вас, желанное чувство покоя. Но я этому влечению ставлю предел, делаю особое (скажем, «творческое») усилие, и вывожу из бездны хаоса все разные существа, и у каких-то ворот спрашиваю у каждого отдельно пропуск После того образуется из них моя симфония радости жизни» *(ЦГАЛИ)*.

[179] В библиотеке Пришвина хранится переписанная от руки повесть Л Н. Толстого «Крейцерова соната» *(ГЛМ)*.

[180] В очерке «О Шекспире и о драме» (1900) Л. Н. Толстой высказывает свое мнение о произведениях Шекспира, «совершенно противоположное тому, которое установилось о нем о всем европейском мире»; суть этого мнения в том, что «ничтожные и безнравственные произведения Шекспира... имеющие целью только развлечение и забаву зрителей, никак не могут быть учителями жизни» (см: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 20-ти томах. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова. Изд. товарищества И. Д. Сытина, 1913, с. 167—222).

[181] Имеется в виду Д. С. Мережковский.

[182] Герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871—1872).

[183] Пришвин имеет в виду героев и драму их отношений из новеллы французского писателя Проспера Мериме (1803—1870) «Кармен» (1845), на сюжет которой была написана широко известная одноименная опера Бизе.

Книга, которую читал Пришвин, хранится в его библиотеке: Проспер Мериме. Новеллы. М.—Л., Гослитиздат, 1947 *(ГЛМ)*.

[184] Запись связана с историей создания рассказа «Смертный пробег». См. «Календарь природы», цикл «Зима» (т. 3, с. 333).

[185] *Гершензон М. О.* (1869—1925) — историк русской общественной мысли. Пришвин имеет в виду работу Гершензона «Учение о личности (И. С. Киреевский)» в его книге: «Исторические записки». М., 1910.

Киреевский И. В. (1806—1856) — русский философ-идеалист, один из основоположников славянофильства.

[186] Пришвин имеет в виду тот период жизни А. А. Фета, когда он отошел от литературной деятельности, купил землю и, как писал в 1861 г. Тургенев, «сделался агрономом-хозяином до отчаянности».

[187] *Пришвин Андрей Сергеевич* (1907—1978) — журналист, писатель, племянник Пришвина. Имеется в виду пленум Союза писателей.

[188] Поэт А. А. Сурков (1899—1983) в 1953—1959 гг. был первым секретарем Правления Союза писателей СССР.

[189] Станция, где умер Л. Н. Толстой.

[190] 10 ноября Н. И. Замошкин написал Пришвину письмо — отзыв на повесть «Слово правды», в котором, в частности, писал:

«Дорогой Михаил Михайлович!

Произведение Ваше «Слово правды» потрясло меня прежде всего своей чистотой — содержания и формы. Будто я омылся в источнике кристальной чистоты самой Матушки-Правды... Неподражаем юмор,

вкрапленный то здесь, то там в поэтический поток речи... Настоящая старость, видимо, всегда молода, это я вижу по Вас...

Мне сейчас хочется сказать Вам, что .. самое совершенное — образ Мануйлы, со своим путиком

Читая «Слово правды», я вспомнил и «Колобок», и «В краю непуганых птиц», и другие вещи Ваши, и я чувствовал цикличность, кругообразность всего Вашего единственного по своему характеру, своеобразию творческого пути» *(ЦГАЛИ)*.

[191] Об истории создания повести-сказки «Корабельная чаща» см. подробнее в т. 6, с. 429.

[192] *Лепешинская О. В.* (р. 1916) — артистка балета, народная артистка СССР, исполнительница партий Золушки, Авроры, партии Китри в «Дон Кихоте», Тао Хоа в балете «Красный мак»

[193] Поэт Б Пастернак жил с Пришвиным в одном доме в Лаврушинском переулке.

[194] Имеются в виду слова героя повести-сказки «Корабельная чаща» охотника Мануйлы в эпизоде «хождения» Мануйлы в Москву к М. И. Калинину с жалобой на колхоз «Бедняк»: «Они не хотят меня принять со своим путиком, а я не хочу быть единоличником».

Путики — участки для охоты, на которые промысловые охотники делили между собой леса (см. т. 6, с. 259—260).

[195] Строка из сказки А. С. Пушкина «Золотой петушок».

[196] Последняя запись в тетради дневника сделана В. Д. Пришвиной: «16 января около половины второго ночи Михаил Михайлович скончался от рака желудка, в припадке сердечной недостаточности. Ему было очень плохо около двух часов, не более. Днем начались сильные боли. И он спрашивал меня с тревогой: «Как же мы теперь будем жить?» Я старалась, как могла, его успокоить. К вечеру боли прошли и он принимал в кабинете, сидя за столом, гостей А. А. и П. Л. Капиц, пил с ними свое легкое вино, говорил, что покупает новую машину «вездеход» вместо городской и ему бесполезной «Победы» и скоро сам приедет на ней в гости на Николину гору. Слушал свою новую пластинку с записью его голоса. Проводив гостей, сказал, что очень утомился, лег в постель. Просил меня почитать ему стихи. Я прочла Фета одно из наших любимых: «Уноси мое сердце в звенящую даль». Оживился. В постели очень бодро беседовал с пришедшим Н. С. Родионовым. Около 12-ти часов ночи начался сердечный припадок. Тогда он стал задыхаться: то сядет, то ляжет, я его поддерживала руками и говорила: «Потерпи». А он ответил очень энергично, даже сердито: «Это о другом, а с таким — мы должны справляться сами».

Под действием пантапона успокоился, отвернулся к стене, подложил ладонь под щеку, как бы устроившись уютно, чтоб заснуть. Врач сказал, что пульс как будто наладился. Все немного успокоились и молча стояли вокруг В эти минуты незаметно для нас Михаил Михайлович тихо скончался» *(ЦГАЛИ)*.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. М. ПРИШВИНА, ВКЛЮЧЕННЫХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, Т. I—VII *

* Том обозначается римской цифрой, страница — арабской.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ

Пришвин М. М.

П77 Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 8. Дневники, 1905—1954 /Сост., подгот. текста и коммент. Т. Бедняковой, Я. Гришиной, Л. Рязановой; Худож. Ф. Домогацкий.— М.: Худож. лит., 1986, 759 с., ил.

В том вошли дневники М М Пришвина, охватывающие полвека жизни и творчества писателя, с 1905 по 1954 год

П $\frac{4702010200-158}{028(01)-86}$ подписное

ББК 84Р7
Р2

Михаил Михайлович
Пришвин

Собрание сочинений
Том 8

Редактор Л Платонова
Художественный редактор Г Масляненко
Технический редактор О. Ярославцева
Корректор Д Эткина

ИБ № 3670

Сдано в набор 22 02.85 Подписано к печати 26 08 85 А-11178 Формат 84×108[1]/32 Бумага тип № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая» Печать высокая. Усл. печ. л 39,9 Усл. кр-отт 39,9. Уч-изд л 44,31. Тираж 150 000 экз. Изд № II-2004. Заказ № 1831 Цена 3 р 80 к

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А М Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

